

Брэм СТОКЕР

ГОСТЬ ДРАКУЛЫ ДРАКУЛА

Иллюстрации Альфреда Эберлинга
Приложение — роман Барона Олшеври
«Вампиры. Из семейной хроники
графов Дракула-Карди»

БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Брэм Стокер
1847–1912

Брэм Стокер

ДРАКУЛА

Перевод Н. Сандровой и Р. Грищенко

Иллюстрации А. Р. Эберлинга

ВАМПИРЫ

ИЗ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ
ГРАФОВ
ДРАКУЛА-КАРДИ

Роман Барона Олшеври

творческое объединение
Алькор

*Совместный проект издательства СЗКЭО
и переплётной компании
ООО «Творческое объединение „Алькор“»*

Санкт-Петербург
СЗКЭО

ББК 84.4
УДК 821.111
С81

*Текст в современной орфографии печатается по изданиям:
Дракула. Роман. Перевод с английского Н. Сандровой. Издание М. Г. Корнфельда.
С.-Петербург, 1913. Библиотека «Синего Журнала».*

*Вампиры. Из семейной хроники графов Дракула-Карди
Фантастический роман Барона Олшеври. Типография В. М. Саблина Москва 1912*

Первые 100 пронумерованных экземпляров от общего
тиража данного издания переплетены мастерами
ручного переплета ООО «Творческое объединение „Алькор“».

Классический европейский переплет выполнен
из натуральной кожи особой выделки растительного дубления.

Инкрустация кожаной вставкой с полноцветной печатью.

Тиснение блинтовое, золотой и цветной фольгой.

6 бинтов на корешке ручной обработки.

Использовано шелковое ляссе, золоченый каптал из натуральной кожи,
форзац и нахзац выполнены из дизайнерской бумаги Malmergo
с тиснением орнамента золотой фольгой. Обработка блока с трех
сторон методом механического торшонирувания
с нанесением золотой матовой полиграфической фольги горячим способом.

Оформление обложки пронумерованных экземпляров
разработано в ООО «Творческое объединение „Алькор“»

С81 **Стокер Брэм.** Дракула. Гость Дракулы.: — Санкт-Петербург. СЗКЭО,
2022, — 496 с.: ил.

Помимо культового романа Брэма Стокера «Дракула» в переводе Н. Сандровой и Р. Грищенко, сборник включает рассказ «Гость Дракулы» в переводе Р. Грищенко, а также роман «Вампиры. Из семейной хроники графов Дракула-Карди», который является предысторией графа Дракулы, описанной Стокером. Этот роман был написан в 1912 г. по заказу издательства В. М. Саблина неизвестным русским автором, взявшим себе псевдоним Барон Олшеври. Книгу украшают черно-белые иллюстрации живописца Альфреда Рудольфовича Эберлинга.

ISBN 978-5-9603-0721-5 (7БЦ)
ISBN 978-5-9603-0722-2 (Кожаный переплет)

© СЗКЭО, 2022

ГОСТЬ ДРАКУЛЫ

Перевод с английского
Р. Грищенко

«Гость Дракулы» («Dracula's Guest») — фрагмент самого знаменитого романа Брэма Стокера «Дракула» (1897). Лесли С. Клингер, авторитетный исследователь творчества писателя, в результате анализа рукописей установил, что изначально роман должен был начинаться именно с этого фрагмента. При жизни автора он так и не был опубликован. Флоренс Бэлкам Стокер, его вдова, включила данный текст в одноименный том малой прозы Б. Стокера, опубликованный ею в 1914 году, и сопровождала публикацию следующим предварением: «Буквально за несколько месяцев до прискорбной кончины моего супруга — позволю себе молвить, что смерть уже тогда осенила его своей грозной тенью — он задумал опубликовать три сборника рассказов, и настоящий том является первым из них. К рассказам, которые были включены в оригинальный состав сборника, я добавила ранее не публиковавшийся эпизод из „Дракулы“. Он был убран из окончательного текста романа ввиду и без того чрезмерного объема книги, однако наверняка привлечет внимание великого множества читателей, полагающих роман моего супруга высшим его литературным достижением. Остальные рассказы в сборнике уже публиковались ранее на страницах периодических изданий Англии и Америки. Проживи мой дорогой супруг хотя бы немного дольше, он, вероятнее всего, счел бы для себя необходимым переработать эти произведения, поскольку создавались они преимущественно в раннюю и крайне напряженную пору его творческой жизни. Но раз уж судьбе было угодно удостоить честию их издания именно меня, то я посчитала наиболее подходящим и справедливым явить их свету в том виде, в каком некогда они были завершены самим автором»¹.

¹ Все примечания к рассказу «Гость Дракулы» выполнены Р. Грищенковым.

Когда мы отправлялись в поездку, над Мюнхеном вовсю сияло солнце, а воздух был напоен тем безотчетным восторгом, что всегда знаменует наступление долгожданного лета. Непосредственно в момент нашего отбытия герр Дельбрук, метрдотель *Quatre Saisons*¹ (гостиницы, где я обитал), с непокрытой головой сошел вниз и приблизился к коляске, чтобы учтиво пожелать нам доброго пути; затем он обратился к кучеру, который все еще придерживал дверцу экипажа за рукоять.

— Запомни: тебе надлежит вернуться обратно еще до наступления ночи. Пусть небеса и выглядят безмятежными, но с севера уже задул студеный ветер, а это явное предвестие того, что в любой миг может разразиться страшная буря. Однако, сдается мне, ты уж наверняка постарайся и не запоздаешь... — тут он многозначительно улыбнулся и присовокупил: — ...ибо тебе то прекрасно известно, какая нынче ночь на дворе.

Йоханн утвердительно отвечивал энергичным: «Ja, mein Herr!»², и, приподняв шляпу, погнал лошадей во всю прыть.

Дождавшись, когда экипаж выехал за пределы города, я дал кучеру знак остановиться и поинтересовался у него:

— И что же это за особенная ночь такая сегодня, а?

Боязливо перекрестившись, кучер лаконично изрек:

— *Walpurgisnacht*³.

Затем он вытащил громоздкие, старинного образца часы, на деле оказавшиеся серебряным немецким хронометром величиной едва ли не с целую репу, и, сдвинув кустистые брови и чуть заметно передернув плечами от не-

¹ «Четыре времени года» (*фр.*).

² Да, мой господин! (*нем.*)

³ Вальпургиева ночь (*нем.*). Согласно старинным преданиям, в Вальпургиеву ночь (с 30 апреля на 1 мая) обыкновенно отмечается разгул нечистой силы. В малолюдных местах ведьмы, оборотни и души усопших устраивают сборища, и тогда во всей округе творятся ужасные злодеяния.

терпения, вперился в циферблат. Мне не составило труда уразуметь, что таким образом он почтительно доводил до моего сведения, насколько неприятна ему столь досадная задержка, и поэтому я, вновь откинувшись на подушки экипажа, простым взмахом руки велел Йоханну следовать дальше. Тот стремительно тронул коляску с места, словно бы пытаясь наверстать упущенное время. Лошади резво неслись, но иногда почему-то вскидывали головы и с подозрением вбирали воздух ноздрями. В такие моменты я и сам невольно оглядывался по сторонам, ощущая безотчетную тревогу.

Мрачного вида дорога вывела нас на высокое плато, нещадно продуваемое ветрами. И тут я неожиданно приметил неподалеку еще одну дорогу, уходившую вниз и терявшуюся в маленькой извилистой долине; она почти заросла травой, поскольку ею, видимо, пользовались крайне редко. Дорога эта выглядела настолько заманчивой, что, даже рискуя еще более уязвить чувства кучера, я вновь велел Йоханну сделать остановку, а когда он, повиновавшись, резко натянул поводья, я сообщил ему о твердом намерении съехать с головного тракта. Мне было отчаянно интересно исследовать неезженую и всеми позабытую дорогу. Йоханн, неистово крестясь, принялся отговаривать меня от таковой затеи, приводя всевозможные малопонятные резоны и тем самым еще более возбуждая мое любопытство. Я обрушил на кучера целый град всяческих вопросов; он отвечал весьма уклончиво и с нарастающим недовольством поглядывал на часы. Под конец мне это надоело, и я резко прервал его:

— Ладно, Йоханн, дорога уже избрана, и теперь я если и поеду, то только по ней. Если тебе мой выбор не по сердцу, ты вправе расстаться со мной, но, прежде чем покинешь, открой мне истинную причину своего неприятия, — вот и все, о чем я прошу.

Вместо ответа Йоханн с изумительной быстротой — по сути молниеносно — спрыгнул на землю. Он умоляюще простер ко мне руки, заклиная не ехать новым путем и объясняя, почему это недопустимо. К счастью, немецкие фразы перемежались у него с английскими, позволяя по крайней мере уяснить хотя бы суть сказанного. У меня невольно сложилось впечатление, что Йоханн близок к тому, чтобы пролить свет на некую тайну, сама мысль о которой явно приводила моего возницу в немыслимый ужас. Увы, всякий раз, как заветные слова уже готовы были сорваться с его губ, смятенный кучер тотчас обрывал себя; творя крестное знамение, он лишь продолжал иступленно твердить:

— Walpurgisnacht!

Я тут же затеял ожесточенный спор, но, так как я не владел в должной мере языком Йоханна, переспорить его мне оказалось не под силу. Тон в нашей беседе, безусловно, задавал он, ибо, начиная изъясняться на своем ломаном и малопонятном английском и впадая в безумное возбуждение, Йоханн тотчас переходил на родной немецкий; при этом кучер неизменно сверялся с часами.

Внезапно наши кони преисполнились тревоги и стали напряженно принюхиваться. Йоханн побледнел как мертвец и, в страхе оглянувшись вокруг,

подскочил к упряжке и решительно взял коней под уздцы, отведя их примерно на пять метров назад. Последовав за ним, я, естественно, не мог не поинтересоваться, чего ради он так поступил. Перед тем как ответить, Йоханн истово перекрестился и зачем-то кивнул на наше недавнее место стоянки, одновременно увлекая экипаж к загадочной дороге. Достигнув перепутья, он указал на ветхий покосившийся крест и молвил сначала по-немецки, а потом и по-английски:

— Тут вот его и схоронили — того, что наложил на себя руки.

Мне живо вспомнился старинный обычай хоронить самоубийц на перекрестках дорог, и я воскликнул:

— Ага, понятно! Стало быть, усопший предпочел свести счеты с жизнью... Презанятная история!

Ситуация вроде бы слегка прояснилась, но тем не менее я, хоть убей, не мог понять, отчего это вдруг кони пришли в такое неистовство.

Мы с Йоханном еще продолжали беседовать, когда воздух огласил странный звук — то ли визг, то ли лай. Он доносился откуда-то издалека, но кони, услышав его, перепугались пуще прежнего, и Йоханну стоило немалых трудов их успокоить. Мертвенно-бледный, он произнес сдавленным голосом:

— Вроде как смахивает на волчий вой — да только в округе-то нашей ныне не сыскать ни единого волка...

— Ни единого волка? — удивленно переспросил я. — И когда это волки осмеливались подбираться так близко к городу?!

— Да давненько... давненько уже их не видать... — задумчиво отвечал Йоханн. — Еще весной здесь повсюду сновали; ну, конечно, они и после шастали, летом. Хотя оставались недолго — до первого снега.

Йоханн продолжал гладить коней, пытаясь их утихомирить. Между тем на небо набежали мрачные тучи и солнце скрылось. Нас обдало порывом студеного ветра. Впрочем, его скорее следовало счесть предупреждением, нежели прямой угрозой, поскольку солнце незамедлительно вышло из-за туч и засияло столь же ярко, как и ранее. Йоханн воздел руку, заслоняя глаза от солнечных лучей. Внимательно изучив горизонт, кучер сообщил:

— Снежная буря не за горами.

Он традиционно удостоил беглым взглядом часы и мигом забрался обратно на козлы. Крепко вцепившись в поводья — ибо кони до сих пор продолжали бить землю копытами и нервно встряхивали головами, — Йоханн словно бы демонстрировал, что теперь самая пора продолжить затеянное нами путешествие.

Но тут, по обыкновению, проявился мой упрямый нрав, вследствие чего я намеренно замешкался, отнюдь не спеша садиться в коляску.

— Расскажи-ка мне лучше, Йоханн, про тот край, куда ведет эта дорога, — попросил я кучера, разглядывая видневшуюся внизу долину.

Йоханн перекрестился и забормотал слова молитвы, после чего хмуро пробурчал:

- В том краю обитает нечисть.
- Какая еще нечисть?! Где? — изумился я.
- В деревне.
- Значит, в долине есть деревня?
- Нет... Нет... Там вообще уже несколько сотен лет никто не селится.

После этих слов мое любопытство поистине достигло апогея, и я, не утерпев, вскричал:

- Но ты ведь только что упомянул про деревню!
- Когда-то была и деревня.
- Где же она сейчас?

Йоханн бросился излагать какую-то бесконечную историю, столь изощренно смешивая немецкий язык с английским, что в итоге я так и не разобрался, о чем он толкует. С грехом пополам мне удалось понять, что давным-давно, сотни лет назад, какие-то люди в деревне скончались и их похоронили. Через некоторое время из-под земли стали раздаваться непонятные звуки; по вскрытии могил все недавно похороненные мужчины и женщины оказались на месте, только у мертвецов были цветущие, полные жизни лица, да при этом еще и с губами, алевшими от крови. Оставшиеся в живых селяне, стремясь уберечь свои жизни (а тем более души! — при этих словах кучер в страхе осенил себя крестным знамением), незамедлительно подались в другие места, где живые — это и впрямь живые, ну а мертвые действительно мертвые, а не что-то... этакое. Последнее слово кучер едва осмелился произнести вслух, настолько он был напуган.

Продолжая рассказывать, Йоханн все более заходил от возбуждения. Казалось, что собственное воображение вконец овладело им, породив жуткие образы, которые заставили кучера испытать настоящий пароксизм ужаса: пот катился градом по его побелевшему лицу, а самого Йоханна сотрясала безумная дрожь. Он беспрестанно оглядывался, словно опасаясь, что прямо сейчас на этой открытой солнечным лучам равнине перед его взором внезапно предстанет чудовищное порождение сил зла. Почти сходя с ума от обуревающего душу отчаяния, Йоханн пронзительно выкрикнул: «Walpurgisnacht!!!», лихорадочными жестами призывая меня скорее вернуться в экипаж. Но в моих жилах немедленно разыгралась кровь истинного англичанина, и, шагнув назад, я заявил кучеру:

— Ты празднуешь труса, Йоханн, — слышишь? И к тому же первостатейного труса! Поезжай-ка ты лучше домой, а я вернусь самостоятельно. Хорошая прогулка будет мне только во благо.

Дверца экипажа по-прежнему оставалась открытой. Я подошел и взял с сиденья свою любимую дубовую трость, с которой обыкновенно не расставался в воскресных поездках. Захлопнув дверцу и указав курс на Мюнхен, я велел кучеру:

— Правь к дому, Йоханн! А что касается твоей так называемой Walpurgisnacht, то нам, англичанам, от нее вообще ни тепло ни холодно!

Кони теперь волновались пуще прежнего, и Йоханн, несмотря на его изрядные старания, уже едва их сдерживал, но продолжал отчаянно заклинять меня не поступать столь опрометчиво. Я даже посочувствовал бедняге, видя, как близко к сердцу принимает он происходящее, но, увы, все же не смог удержаться от смеха: очевидный комизм ситуации доконал бы кого угодно. В довершение всего английский язык Йоханна бесследно улетучился, а сам кучер, пребывая в немыслимом смятении, лопотал уже исключительно на своем родном немецком, напрочь запамятовав, что единственный способ добиться, чтобы я хоть отчасти уразумел сказанное им, — это говорить со мною на понятном мне наречии. Мое терпение истощилось. Я категорически приказал кучеру: «Домой!» — и, миновав перекресток, энергично зашагал по дороге, которая спускалась в долину.

С горькой обреченностью махнув рукой, Йоханн развернул экипаж и покатил по направлению к Мюнхену. Лишь тогда я остановился и, опершись на трость, провожал его взглядом. Поначалу дорога была пуста, и Йоханн неспешно правил экипажем, но вскоре на гребне холма возник силуэт высокого худого человека, двигавшегося навстречу коляске. Находясь уже на значительном расстоянии, лица его я рассмотреть не мог. Стоило ему лишь поравняться с конями, как те моментально пришли в неистовство: они заржали от ужаса и, встав на дыбы, принялись дико брыкаться. Совладать с ними у Йоханна не вышло, и, предоставленные собственной воле, кони ринулись в бешеный галоп. Я наблюдал за несущимся стремглав экипажем, пока он не скрылся из виду, а затем искал глазами незнакомца; оказалось, однако, что того уже и след простыл.

С легким сердцем я стал спускаться в долину по дороге, против которой был столь решительно настроен Йоханн. Даже наималейшего основания, могущего свидетельствовать в пользу опасений суеверного кучера, я так и не обнаружил. Заявляю без утайки, что на протяжении нескольких часов я шел, не думая ни о времени, ни о покрытом мною расстоянии и уж точно не повстречав ни единой души, ни признаков человеческого жилья. Относительно местности, увы, напрашивался неутешительный вывод: тут царило само запустение... Поначалу я даже не сознавал этого. И лишь дойдя до убогого редколесья, открывшегося за очередным поворотом, мне удалось подсознательно ощутить на себе всю силу воздействия безрадостного зияющего пространства, через которое пролегал мой путь.

Чувствуя необходимость отдохнуть, я сел на придорожный бугорок и решил между делом обозреть окрестности. Меня, не скрою, поразило, что за время моего не слишком долгого путешествия температура воздуха чересчур существенно понизилась. И почти сразу же мой слух уловил необычные звуковые явления, походившие на чьи-то вздохи и слышные буквально отовсюду; нечто сродни глухому рыку вторило им, разносясь под небесами. Воздев голову, я увидел в вышине огромные беспросветные тучи, неудержимо летящие с севера на юг. Вне всяких сомнений, там зарождалась грядущая буря. До некоторой степе-

ни продрогнув и объяснив это тем, что слишком долго пребывал в сидячем положении после активной пешей прогулки, я счел насущным возобновить свое путешествие.

Теперь мне выпало следовать по местности, признаться, куда более живописной. Неожиданных, режущих глаз объектов в поле зрения не возникало, и на всем лежала печать чарующей красоты. Завороженный ею, я тотчас позабыл о необходимости поспешать и спохватился, лишь когда сгущавшиеся сумерки принудили меня всерьез задуматься о том, как же я отыщу путь домой. Дивное сияние дня кануло в небытие. Воздух сделался холодным и неприятным, и я отметил, что облака, еще совсем недавно безмятежно скользившие по небу, обрели четкие очертания и неудержимо проносятся над головой. Их стремительное движение сопровождалось необъяснимыми шумами и шорохами, долетавшими откуда-то издали, и сквозь них то и дело пробивался все тот же загадочный вой, принятый Йоханном за волчий. Я немного помедлил, взвешивая все за и против, но, вспомнив, как пообещал кучеру, что непременно отыщу покинутую деревню, без дальнейших проволочек отправился в путь и вскоре набрел на обширное открытое пространство, окруженное холмами. Отлогие склоны холмов покрывала густая поросль деревьев, распространявшаяся вплоть до самого подножия. На пологих участках и в ложбинах, просматривающихся то здесь, то там, эти деревья собирались в рощицы, которых было просто не счесть. Разглядывая причудливые изгибы дороги, я установил, что возле одной из таких рощиц, отличавшейся особенной густотой, она делает поворот и в дальнейшем совсем исчезает из виду.

Поглощенный наблюдениями за дорогой, я был застигнут врасплох свирепым порывом ветра, мгновенно прохватившим меня чуть ли не до костей, а тут еще с неба повалил снег. Со вздохом воскресив в памяти изрядное расстояние, преодоленное мною и слагающееся из многих миль пути, протянувшегося по этому мрачному краю, я из последних сил устремился вперед, под спасительную сень густого леса в надежде обрести там укрытие от непогоды. Небо становилось все темнее и темнее, а падавший снег — все быстрее и гуще; он одним махом укрыл землю блистающим во тьме белым ковром, дальний конец которого сгинул в туманной дымке. Дорога пока еще просматривалась, но на равнине, в отличие от лесной просеки, ее неровные очертания почти нельзя было различить. Должно быть, я отклонился от нее в сторону, поскольку чуть погода перестал ощущать под ногами твердую поверхность, глубоко утопая во мху и траве, что таились под снегом. Ветер ощутимо усилился, причем сила его неуклонно и пугающе возрастала. Мне не оставалось ничего другого, кроме как спастись бегством. Но, даже несмотря на совершаемую пробежку, я продолжал нестерпимо страдать от ветра, словно насквозь пронзавшего меня своими ледяными пиками. Снег теперь валил еще гуще, заводя вокруг неудержимые вихри, и я уже едва мог держать глаза открытыми. Временами покров небес ослепительно раскалывали молнии, и в сиянии огненных вспышек впереди представал

огромный массив деревьев, по большей части тисовых, но с частыми вкраплениями кипарисов; их ветви были сплошь залеплены снегом.

В итоге я нашел прибежище под деревьями, где, по сравнению с равниной, оказалось на удивление тихо и спокойно, если, конечно, забыть про ревущий в вышине ветер. Снаружи, за границей леса, черная буря сливалась с ночной тьмой. Постепенно ярость снежного бурана сходила на нет, но он еще напоминал о себе дикими завываниями ветра. И казалось, что в подобные мгновения странный волчий вой звучал практически со всех сторон, уподобляясь многократному эху.

Иногда черное скопище пролетающих мимо облаков пронизывал одинокий лунный луч, смутно озаря пространство и уведомляя меня о моем местоположении. Я находился у самой кромки той почти непролазной чащи из тисов, росших попеременно с кипарисами. Дождавшись прекращения снегопада, я осторожно выбрался из лесного укрытия и внимательно изучил окрестности. До того, как разразилась буря, я наткнулся на участки, где прежде стояли дома, о чем свидетельствовали ныне, к сожалению, одни лишь старинные фундаменты. Видимо, это и была покинутая жителями деревня, о которой толковал кучер. В голове возникла мысль, что если хорошенько поискать, то там вполне может найтись какой-нибудь еще относительно пригодный дом, пусть даже наполовину обратившийся в руины, и в его стенах я хотя бы на краткий срок обрету для себя надежный приют. Я вознамерился обойти рощу кругом, и тут выяснилось, что ее огибает не слишком высокая каменная стена. Проследовав вдоль нее, я довольно быстро достиг входного проема, которым сразу открывалась аллея, образованная стволами кипарисов и выводившая прямоиком к некоему монолитному строению в форме квадрата. Однако в тот миг, когда я его увидел, на луну набежали облака, вынуждая передвигаться далее практически в полной темноте. Опять подул ветер, ставший еще холоднее. Сотрясаемый дрожью, я медленно ступал по тропе. Меня гнала вперед надежда на спасительный кров, и я, словно незрячий, упорно брел наощупь.

Вдруг наступила жуткая обволакивающая тишина, и я замер на месте как вкопанный. Буря окончательно улеглась; и, вероятно, из сокровенной солидарности с тишиной, воцарившейся в природе, мое сердце тоже умерило свой бег и встало. Но это продлилось не свыше мгновения. Лунному лучу опять выпал случай прорваться сквозь непроницаемые облака, и благодаря этому я убедился, что проник на кладбище, а столь возжеленное мною квадратное здание — это массивная гробница, сотворенная из мрамора, схожего по цвету со снегом, в обилии покрывающим как землю, так и ее самое. Лунное сияние пробудило к жизни недавнюю бурю, возобновившуюся с яростной силой, и ей вторил протяжный низкий вой, казалось исторгаемый глотками великого множества собак или волков. Это потрясло меня, и я преисполнился ужаса. Нестерпимый холод поработал мое тело и уже почти добрался до сердца. Покуда поток лунного света ниспадал на мраморную гробницу, последовало новое

подтверждение того, что снежный буран действительно набирает обороты, со свирепой радостью возвращаясь на круги своя. Словно движимый неведомыми колдовскими чарами, я отважился приблизиться к гробнице, сгорая от любопытства и надеясь установить, что она вообще собой представляет и почему ей достался такой безрадостный жребий — одиноко возвышаться посреди заброшенного кладбища. Обходя фантасмагорический склеп, я поравнялся с дверью, выполненной в дорическом стиле¹, над которой была выгравирована надпись на немецком языке:

ГРАФИНЯ ДОЛЛИНГЕН,
РОДОМ ИЗ ГРАЦА, ЧТО В ШТИРИИ.
ОНА ИСКАЛА СМЕРТЬ И ОБРЕЛА ЕЕ
1801

Из крыши гробницы, возведенной из огромных мраморных блоков, торчал внушительный гвоздь или железный кол. Когда же я обогнул гробницу, то различил на задней стене высеченную огромными русскими буквами надпись:

МЕРТВЫЕ ЕЗДЯТ БЫСТРО²

За всем этим проступало нечто настолько жуткое и непостижимое, что я ощутил мучительное головокружение, пребывая чуть ли не на грани обморока, и, пожалуй, впервые пожалел, что в должный час не внял доброму совету Йоханна. Тут, сродни грому в ясном небе, меня потрясла кошмарная мысль, явившаяся следствием нынешних почти таинственных обстоятельств и повергнувшая меня в состояние глубокого шока. Да ведь настала Walpurgisnacht, проклятая Вальпургиева ночь!

Согласно верованиям миллионов людей, в Вальпургиеву ночь миром правит дьявол; вмиг отверзаются могилы, из них поднимаются мертвецы и бродят потом среди живых. Все порождения зла, обитающие на земле, в воде и в воздухе, учиняют свой чудовищный шабаш. Не зря Йоханн так страшился этого места! Ведь именно здесь и находилась упомянутая им деревня, полностью обезлюдившая еще несколько сотен лет тому назад, а на местном кладбище —

¹ Особый архитектурный стиль, характерными особенностями которого являются суровая простота и массивность. Получил свое название от области Дорида в Древней Греции.

² Строка из легендарной баллады «Ленора» (1773), принадлежащей перу немецкого поэта романтико-мистического толка Г. А. Бюргера (1747–1794), явившегося родоначальником балладного жанра в немецкой литературе. Герой поэмы — юноша Вильгельм, сложивший голову в сражении и возвращающийся с того света к своей возлюбленной по имени Ленора, чтобы увезти ее с собой. В России баллада известна в классическом переводе Жуковского.

вопреки священному обычаю — погребен самоубийца. И именно сюда привела меня ныне злокозненная судьба... Оказавшись предоставленным самому себе и будучи почти погребенным под снежным саваном, я, содрогаясь от лютого холода, постепенно утрачиваю мужество, а за воротами кладбища уже изготавилась к атаке безжалостная вьюга. Чтобы устоять перед приступом панического ужаса, мне пришлось воспользоваться презиравной массой собственных познаний из области религии и философии, а заодно властно призвать на помощь все свое мужество.

И вот настал безудержный разгул стихии! Поистине то был подлинный торнадо! Под моими ногами содрогалась земля, словно по ней бешено мчались тысячи лошадей; на сей раз с ледяных крыльев бурана низвергались уже не хлопья снега, а градины невероятной величины, способные сокрушить все живое, — их будто метали знаменитые баlearские пращники¹. Первыми жертвами убийственного обстрела явились листья и ветки деревьев, устлавшие собою землю, после чего рассчитывать на спасение уже не имело смысла, ибо голые стволы кипарисов защищали от града не лучше, чем колосья пшеницы. Поэтому, метнувшись было к ближайшему дереву, я живо передумал и из последних сил рванулся к единственному месту, сулившему реальное спасение, — глубокому дорическому портику мраморной гробницы. Только там, до предела вжавшись телом в массивную бронзовую дверь, я действительно мог надеяться, что уберегусь от градин: если они и задевали меня, то лишь отскакивая рикошетом от земли или от мраморных стен.

Под моим весом дверь гробницы чуть сдвинулась и начала приотворяться внутрь. Рискуя сгнуться в жестоком буране, я горячо возблагодарил Всевышнего даже за пыльный склеп, пожалованный мне в качестве прибежища! Я уже собирался проследовать в гробницу, но был остановлен вспышкой гигантской раздвоившейся молнии, которая на миг осветила всю небесную ширь. Однако и этого краткого мига оказалось более чем достаточно, ибо я из чисто человеческого любопытства как раз устремил тогда свой взор во мрачное чрево склепа, успев заметить... женщину удивительной красоты с пленительным румянцем на щеках и огненно-алыми губами. Она, уподобляясь спящей, мирно покоилась в гробу!

Оглушительно прогремел гром, и мне почудилось, что меня вздымает некая сверхъестественная сила, сродни могучей длани великана, и, обрекая на погибель, швыряет прямо в центр бурана. Безмерно страдая от невероятного шока, — в равной степени морального, как и телесного, — я еще и близко не успел прийти в себя, а на мою бедную голову уже обрушилась нескончаемая ла-

¹ Согласно древнегреческому историку Диодору Сицилийскому (90–30 гг. до н. э.), это прозвище в античном мире применялось к наемным пехотинцам, с несравненной ловкостью управлявшимся с пращей, а потому охотно принимаемым на службу армиями Карфагена и Древнего Рима. Нанимали же пращников на Баlearских островах, где они обитали с незапамятных времен. Отсюда возникло и само прозвище.

вина тяжелых и смертоносных градин. В то же время родилось непередаваемое ощущение чьего-то присутствия рядом. Я опять взглянул в разверстую дверь гробницы. И тут очередная молния, ослепительно прорезав небо, угодила в железный штырь, венчавший крышу гробницы. Огненная волна, сокрушая мрамор, пронеслась по стене и вонзилась в землю. И тогда я увидел, что усопшая красавица более не лежит в своем гробу; она восстала из него, объята пламенем, неодолимо пожиравшим ее. Испытывая мучительную агонию, женщина испустила протяжный вопль, исполненный страдания и горя, но его заглушила безудержная канонада грома...

Последнее, что явилось моему слуху, — невыносимая какофония из этих леденящих душу звуков, а затем я вновь был подхвачен гигантской дланью, увлекшей мое безвольное тело прочь от гробницы, и принял на себя безжалостные удары градин. Воздух же вокруг сотрясаясь от волчьего воя. Последнее, что явилось моему угасающему взору перед тем, как меня окончательно утянуло в пучину беспамятства, — белая и бесформенная движущаяся масса, похоже, то были выбравшиеся из могил призраки мертвецов; и они несметной толпой теней в погребальных саванах подбирались ко мне сквозь белесую мглу низвергающегося с небес града...

...Постепенно, далеко не сразу, ко мне стало возвращаться сознание, а затем навалилась чудовищная усталость. Некоторое время я решительно ничего не помнил; все чувства ожили позднее. Почему-то совсем не повиновались ноги, онемев, но при этом заставляя меня корчиться от адской боли. Затылок и область вдоль позвоночника сковало ледяным холодом. Уши, подобно ногам, тоже омертвели, доставляя нечеловеческие муки. Только в груди разливалось блаженное тепло, несравненно более приятное, нежели прочие мои ощущения. А вообще это был какой-то кошмар, причем сугубо физического свойства — если допустимо употребить подобное выражение, — поскольку грудь у меня сдавило от тяжести возложенного на нее неведомого груза, отчего дышать становилось все труднее.

Период полуметаргии порядком затянулся, но когда я все-таки стал потихоньку приходить в себя, то от слабости, должно быть, очень быстро опять ненадолго уснул или впал в бессознательное состояние. А потом, после пробуждения, разом накатила дурнота и страшно затошнило, напомнив первую стадию морской болезни, и одновременно я испытал яростное желание освободиться — что-то явно мешало мне.

И тут ни с того ни с сего я почувствовал, что меня объяла сказочная тишина: звуки окружающего мира пропали, а сам он то ли погрузился в сон, то ли вообще умер. Покой нарушало лишь спокойное и размеренное дыхание могучего зверя, находившегося совсем рядом. А когда теплый и шершавый язык скользнул по моему горлу, любые сомнения окончательно отпали. От осознания мною жуткой правды сердце обратилось в лед и кровь ударила в голову: на мне, несомненно, возлежал здоровенный зверь, и вдобавок

он вылизывал мою шею, если только не готовился испробовать ее на вкус! Я не смел пошевелиться: инстинкт самосохранения властно призывал сохранять неподвижность. Однако зверь все равно почуял, что я очнулся, и тотчас вскинул голову. Незаметно наблюдая из-под опущенных ресниц, я узрел перед собой два огромных сверкающих звериных глаза — это был исполинский волк! Разинув багровую пасть, монстр обнажил острые белые клыки; они зловеще блеснули, и меня обожгло зловонным волчьим дыханием.

Я опять провалился в забытие. Даже не представляю, сколько минуло времени. В сознание я пришел от протяжного глуховатого рыка, непрестанно сменяющегося истошным повизгиванием. И так продолжалось снова и снова, покуда из спасительной дали не донеслись человеческие голоса. Я отчетливо услышал:

— Агу его!!! Агу-у-у!!!

Голосов было много, и они звучали в унисон. С невероятной осторожностью приподняв голову, я стрельнул взглядом в том направлении, откуда исходили крики, но тщетно: кладбищенские надгробия катастрофически препятствовали обзору. Матерый волк, не унимаясь, по-прежнему рычал и визжал. Между тем кипарисовая роща осветилась красноватыми всполохами, и мне померещилось, что они следуют за нарастающими звуками голосов. И чем ближе звучали человеческие голоса, тем чаще и истошнее взвизгивал зверь. Я лежал, умирая от страха, и не смел даже шелохнуться, а не то что позвать на помощь. Зарево красных огней быстро приближалось, уже почти достигнув белой пелены снега, простиравшейся во тьме вокруг меня. И вот из-за деревьев рысью выметнулась целая кавалькада всадников. Они неслись вскачь, и у каждого в руке было зажато по огненному факелу. Волк поднялся с моей груди и резво припустил к кладбищу. Я отчетливо видел, как один из наездников (судя по их фуражкам и длинным плащам военного образца, это был отряд кавалеристов) припал на ходу к карабину, чтобы лучше прицелиться, но его товарищ, поравнявшийся с ним, изловчился и ударил стрелка по руке, державшей карабин. Прогредел выстрел, и я услышал, как пуля просвистела почти что у меня над головой. Видимо, первый кавалерист принял мое распростертое тело за волчью плоть и поспешил выстрелить. Другой кавалерист, заметив улетающего волка, выпустил несколько пуль ему вслед. Продолжая нестись вперед, кавалеристы разделились: часть всадников поскакала ко мне, а оставшиеся бросились в погоню за зверем, который уже благополучно скрылся, растворившись на фоне оснеженных кипарисовых стволов.

Когда мои спасители приблизились, я попытался приподняться, но, будучи совершенно без сил, не сильно преуспел в этом. Хорошо еще, что я мог более или менее слышать и видеть все, что происходило. Двое или трое кавалеристов, спешившись, опустились на колени возле меня. Один из них попробовал приподнять мою голову, возложив другую руку на сердце.

— Отличные новости, друзья! — весело крикнул он своим товарищам. — Сердечко-то у него еще бьется!

Мне в глотку осторожно влили чуточку бренди, и эта живительная субстанция оказалась настолько действенной, что глаза наконец-то согласились мне повиноваться и я сумел их полностью открыть. Мне было хорошо видно, как в роще среди кипарисов лихорадочно мельтешат огни и тени; до моего слуха явственно долетали озадаченные и испуганные восклицания преследователей, сбившихся в кучу. Немного погодя с кладбища беспорядочной толпой примчались и остальные, освещая себе путь факелами. И выглядели они как одержимые дьяволом! Позабывшиеся обо мне кавалеристы с нетерпением выжидали, куда отряд вновь не соберется воедино, дабы задать вернувшимся главный вопрос:

— Ну, отвечайте, вы обнаружили его?

Ответ прозвучал незамедлительно:

— Нет! Какое там... а сейчас — в седло, и не мешкая! Нам всем нужно скорее уносить отсюда ноги! О том, чтобы застрять в подобном месте, да еще нынешней ночью, и речи быть не может!

— Да что, черт возьми, вообще стряслось? — зазвучали встревоженные голоса, причем каждый на свой лад. — Что вы там увидели?

Ответы отнюдь не побаловали однообразием. Да и уяснить из них хоть что-нибудь было крайне сложно. Все выглядело так, будто отвечавшие намеренно наводили тень на плетень, повинуюсь некоему внутреннему побуждению, а на самом деле высказаться определенно им мешал страх, поработивший их души.

Один из военных, помявшись, с трудом вымолвил:

— Это же... это ведь... Клянусь, это было... оно!

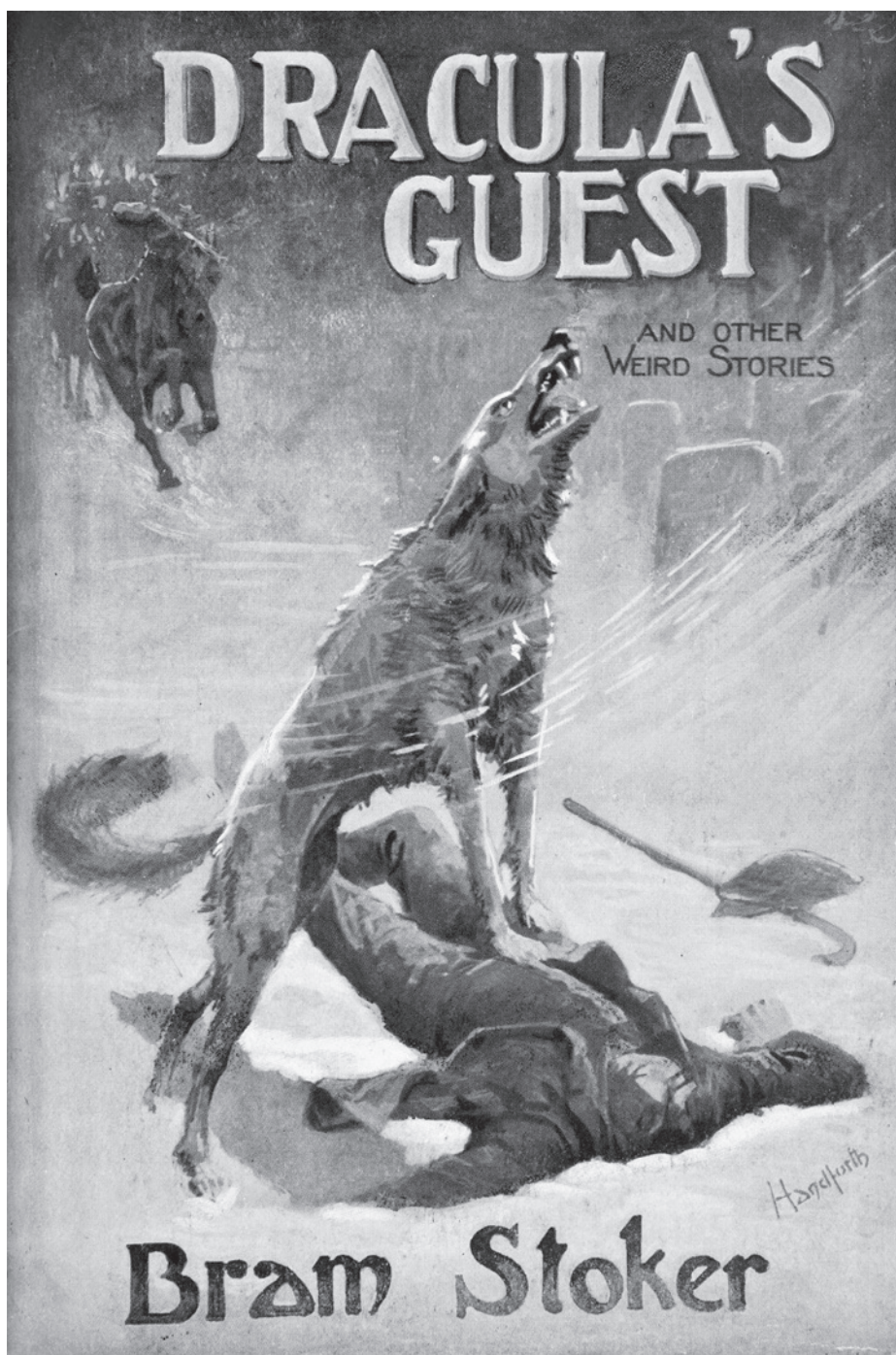
— ...Как бы волк, но и не волк вовсе!.. — дрожащим голосом добавил другой.

— Чтобы охотиться на такого зверя, следует запастись особыми пулями: серебряными и непременно освященными, — веско заметил третий кавалерист; ему присутствие духа изменило в меньшей степени.

— А вот и поделом нам, коли рискнули высунуть нос из казармы в такую ночь! Мы наверняка еще крепко пожалеем, что сдачу польстились на чертову тысячу марок, хотя и отработали ее сполна... — с досадой проговорил четвертый.

— Эй, а вы видели расколотую мраморную стену? — спросил пятый после напряженной и томительной паузы. — На ней чья-то кровь! И уж молния тут точно ни при чем... Да, а как дела у этого малого? — кивнул он на меня. — Вы только гляньте на его горло! Однако сдается мне, парни, что волк и не думал его пожирать... Зверь согревал беднягу теплом своего тела, дабы тот не околел от холода!

Один из офицеров, видимо сведущий в медицине, внимательно осмотрел мое горло и объявил:

*Обложка первого издания сборника,
в который вошел рассказ «Гость Дракулы», 1914 г.*

— Он в порядке. Следов от укуса на коже не обнаружено. Если честно, я теряюсь в догадках... Ведь если бы не сводящий с ума волчий вой, на который мы поскакали, этот бедолага был бы обречен. Его уже никто не смог бы найти...

— А что все-таки стало с волком? — поинтересовался военный с нашивками младшего офицера на рукаве. Именно он поддерживал мне голову и слушал, бьется ли сердце. У меня сложилось впечатление, что в отличие от других младший офицер — единственный, кто не запаниковал, ибо его крепкие руки ни разу не дрогнули, когда он возился со мною, пытаясь оказать первую помощь.

— Небось, в логове своем схоронился... — смутно откликнулся незнакомый мне кавалерист из отряда. По его лицу удлинненной формы была разлита нездоровая бледность, а сам он чуть ли не трясся от нескрываемого ужаса, постоянно озираясь по сторонам. — Тут, на кладбище, полным-полно пустых могил, куда запросто может поместиться даже такой огромный волк... Не стоит зевать, ребята! Нужно срочно покинуть это место: оно не иначе как проклято! Давайте собирайтесь, и побыстрее...

Младший офицер, ранее проявивший ко мне участие, бережно привел меня в сидячее положение. Потом он отдал короткое распоряжение; несколько человек с готовностью бросились вперед, и благодаря их недюжинным усилиям я спустя миг уже сидел в седле. Младший офицер тоже вскочил на коня и, ловко восседая за моей спиной, обхватил меня руками, чтобы я не упал на скаку. И почти сразу прозвучал его приказ трогаться. Кавалерийский отряд в военном порядке выступил в путь. Мы поспешно удалялись прочь, и никто из нас не обернулся, чтобы удостоить прощальным взглядом кипарисовую рошу...

Все еще не чувствуя собственного языка, я был вынужден пребывать в безмолвии. Незаметно для себя я задремал. Помню, что, вновь открыв глаза, я уже занимал стоячее положение, каковое надежно обеспечивали солдаты — по одному слева и справа. Вовсю светало; далеко на севере узкая красная полоска солнечного света, отражаясь, походила на кровавый след посреди снежной пустыни. Неподалеку офицер инструктировал подчиненных, чтобы те держали язык за зубами и не вздумали никому говорить об увиденном, а если будут вопросы — отвечать, что они якобы случайно наткнулись на англичанина, которого охраняла здоровенная собака.

— Собака? — бесцеремонно оборвал офицера тот самый кавалерист, кому, бесспорно, было страшнее, нежели прочим. — Ну, знаете, я еще в своем уме, и если уж повстречаю волка, то с собакой его нипочем не спутаю!

Молодой офицер холодно поправил ослушника:

— Я сказал: собака.

— Хороша собака! — с наглой насмешкой отвечивал тот.

Все наводило на мысль, что отвага недавнего паникера росла по мере восхождения солнца. Ткнув в меня пальцем, он сказал:

— Поглядите-ка на его горло! И, по-вашему, это работа собаки, командир?

Машинально дотронувшись до своего горла, я не смог сдержать отчаянного крика, настолько болезненным оказалось прикосновение. Все оглянулись на мой крик и приблизились вплотную, чтобы получше рассмотреть, а несколько кавалеристов для этого даже выпрыгнули из седел.

Но тут вновь прозвучал рассудительный голос молодого офицера:

— Говорю же вам, это была собака. А вздумаете утверждать обратное, только выставите себя на потеху.

Потом меня снова усадили на коня, но теперь уже доверили сидеть позади одного из кавалеристов. В скором времени мы достигли предместья Мюнхена. В городе нам весьма кстати повстречался свободный экипаж. Младший офицер любезно помог мне перебраться и, примостившись рядом со мною на подушках коляски, сопровождал до знакомого и привычного обиталища — гостиницы *Quatre Saisons*; его подчиненный безотлучно следовал за нами, ведя на поводу офицерского коня. Что касается кавалерийского отряда, то он направился напрямиком в казарму.

При нашем появлении герр Дельбрук с фантастической быстротой скатился с лестницы, ринувшись нас встречать; метрдотель, вне всякого сомнения, неотлучно дежурил подле окна, следя за дорогой и страшно беспокоясь, что я столь долго отсутствую. Достопочтенный герр Дельбрук заключил меня в пылкие объятия, после чего с величайшей предупредительностью повел в дом. Младший офицер, торжественно отсалютовав на прощание, изготовился отправиться восвояси, но я угадал тайное его намерение и настоял, чтобы он непременно остался. У себя в номере за бокалом прекрасного вина я от всей души поблагодарил нежданного спасителя, не упустив случая упомянуть и остальных героических кавалеристов. Офицер чистосердечно признался, что испытывает истинную радость от успешного финала, которым завершился спасательный рейд, и что немалая заслуга в этом принадлежит герру Дельбруку, предпринявшему необходимые шаги для организации поисков, а также особенным образом воодушевившего военных. Последние загадочные слова заставили метрдотеля смущенно улыбнуться, а офицер, сочтя свой долг исполненным и сославшись на неотложные дела, предпочел удалиться.

— Дорогой герр Дельбрук, — спросил я в недоумении, — как же вам удалось добиться, чтобы к поискам были привлечены военные?

Тот пожал плечами, словно бы намеренно принижая значимость им содеянного, и ответил:

— Мне повезло однажды служить в этом полку, и достаточно было лишь обратиться к полковнику с просьбой о создании поисковой партии из добровольцев, как просьбу мою немедленно удовлетворили.

— Но позвольте, а откуда вы сами узнали, что я, возможно, заблудился? — продолжал я недоумевать.

— От кучера. Он вернулся один; экипаж был серьезно поврежден. Кучер сослался на то, что кони понесли, и коляска перевернулась.

— Неужели это достаточно веский повод для привлечения военных? — не унимался я.

— О нет, что вы, — отвечал герр Дельбрук. — Еще до возвращения кучера мною была получена экстренная телеграмма. Ее отправил тот знатный вельможа, чьим гостем вы имеете честь являться. — Метрдотель извлек из кармана телеграмму и протянул мне. В ней значилось следующее:

«Пункт отправления: Бистрица.

Прошу Вас проявить заботу о моем госте. Сохранение жизни этого человека исключительно важно для меня. Если с ним произойдет нечто непредвиденное или же он внезапно исчезнет, не жалейте никаких средств и усилий, чтобы его спасти и обеспечить ему безопасность. Он истинный англичанин, а потому склонен к безрассудным действиям. Непроглядные ночи вкупе с дикими волками и снегопадами представляют особенную опасность в наших краях. При малейшем подозрении, что с моим гостем неладно, действуйте, не теряя ни секунды. Ваши усилия будут более чем щедро возмещены.

Имя отправителя: Дракула».

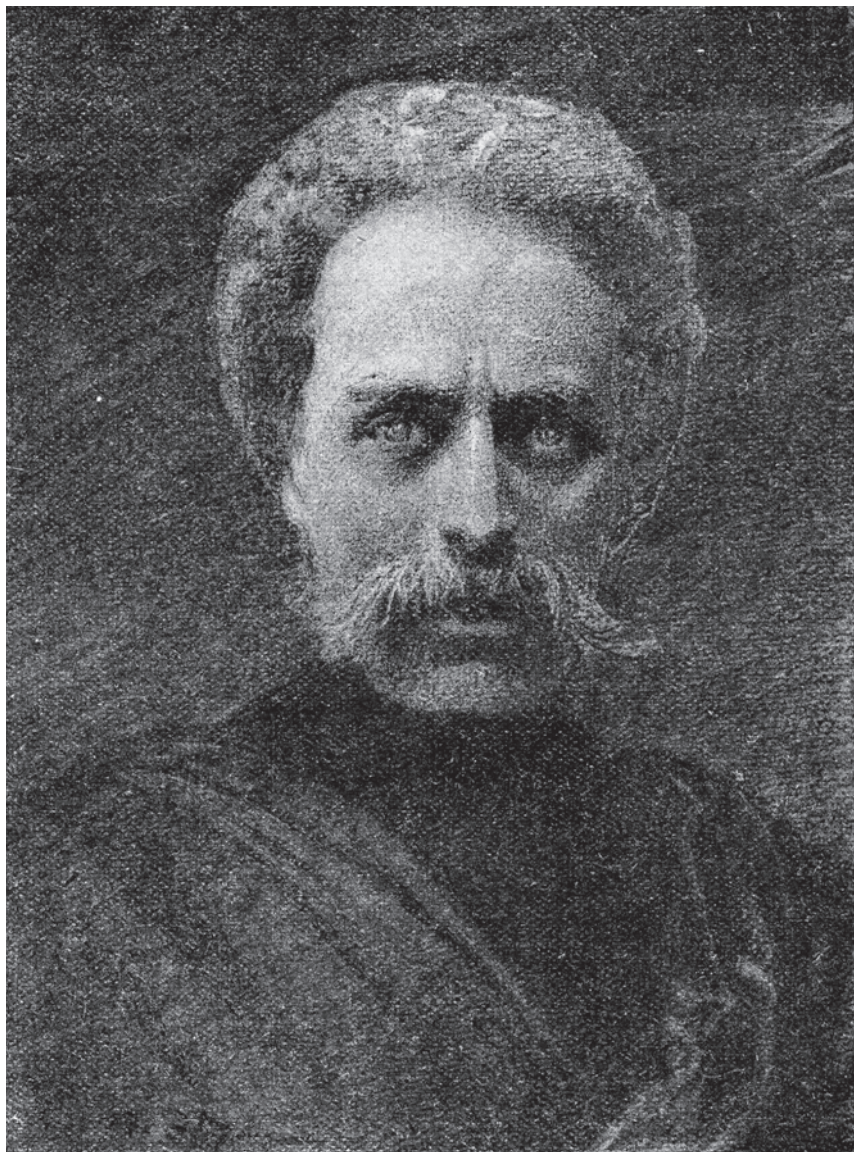
Еще не выпустив телеграммы из рук, я внезапно почувствовал, как комната приходит в движение и начинает вращаться вокруг меня! Не находясь в двух шагах метрдотель, от внимания которого не укрылось, что я вот-вот потеряю сознание, и не успей он вовремя подхватить меня, полагаю, я бы просто рухнул на пол как подкошенный.

Странное и поразительное происшествие таило в себе загадку, не поддающуюся никакому объяснению. В душе моей все более крепла убежденность, что я нахожусь в эпицентре противостояния двух могущественных сил, и от одной лишь мысли об этом меня словно парализовало. Мне явно было ниспослано таинственное и волшебное покровительство! Да и как иначе, если не по чьей-то чудесной воле, могла вдруг прийти телеграмма из далекой чужой страны, при чем именно в тот момент, когда я уже погружался в вечный сон среди снегов, готовясь угодить в волчью пасть?!

ДРАКУЛА

Роман

Перевод с английского
Н. Сандровой и Р. Грищенко

Граф Дракула

Часть первая

ГЛАВА I

ДНЕВНИК ДЖОНАТАНА ХАРКЕРА (Записано стенографически)

3 мая.

Выехал из Мюнхена 1 мая в 8 часов 35 минут вечера и прибыл в Вену рано утром на следующий день; должен был приехать в 6 часов 46 минут, но поезд опоздал на час. Будапешт, кажется, удивительно красивый город; по крайней мере такое впечатление произвело на меня то, что я мельком видел из окна вагона, и небольшая прогулка по улицам. Я боялся забраться слишком далеко от вокзала, так как вследствие опоздания наш поезд должен был вскоре отправиться дальше. У меня было такое чувство, точно мы покинули запад и оказались на востоке, а самый западный из великолепных мостов, перекинутых через Дунай, достигающий здесь громадной ширины и глубины, напомнил мне о том, что мы находимся недалеко от Турции. Выехали мы своевременно и приехали в Клаузенбург после полуночи. Здесь я остановился на ночь в гостинице «Руаяль». Мне подали к обеду, или, вернее, к ужину, цыпленка, приготовленного каким-то оригинальным способом с красным перцем, — прекрасное оригинальное блюдо, но сильно возбуждающее жажду.

(Примечание: надо взять рецепт для Мины.)

Я пришел к заключению, что, как ни скудны мои познания в немецком языке, все же они оказали мне большую услугу. Я, право, не знаю, как бы

я обошелся без них. Во время моего последнего пребывания в Лондоне я воспользовался свободным временем, чтобы посетить Британский музей, где я рылся в книгах и атласах в книжном отделе Трансильвании; мне казалось, что впоследствии при моем сношении с магнатами этой страны всякая мелочь может оказаться полезной. Я выискал, что интересовавшая меня область лежит на крайнем востоке страны, как раз на границах трех областей: Трансильвании, Молдавии и Буковины, посреди Карпатских гор; я убедился, что это одна из самых диких и малоизвестных частей Европы и никакие географические карты и другие источники не могли мне помочь определить местоположение замка Дракулы, так как до сих пор нет подробной географической карты этой области. Но все же мне удалось узнать, что почтовый город Бистрица — упомянутый графом Дракулой — существует на самом деле. Здесь я внесу кое-какие примечания, дабы впоследствии, когда я буду рассказывать Мине о своем путешествии и пребывании в этой области, восстановить в своей памяти все виденное мною. Трансильвания населена четырьмя различными народностями: саксонцами — на севере, валахами — на юге, венгерцами — на западе и секлерами — на востоке и северо-востоке. Я нахожусь среди последних. Они утверждают, что происходят от Аттилы и гуннов. Возможно, что так оно и есть, так как в XI веке, когда венгерцы завоевали страну, она была сплошь заселена гуннами.

Я где-то вычитал, что в недрах Карпатских гор зародились все суеверные предания и легенды всего мира, как будто в них находится центр водоворота фантазии; если это так на самом деле, то мое пребывание здесь обещает быть очень интересными.

(Примечание: надо спросить об этом у графа.)

Я плохо спал, хотя кровать моя и была довольно удобна; мне снились какие-то страшные сны. Какая-то собака всю ночь завывала под моим окном, что, может быть, и повлияло на эти сны, а может быть, «паприка» всему виной, так как хотя я выпил весь графин воды, но все же не мог утолить жажды. Под утро я заснул, по-видимому крепко, так как чтобы добудиться меня, пришлось неистово стучать в дверь с полчаса. К завтраку мне подали опять «паприку», затем особую похлебку из кукурузной муки, так называемой мамалыги, и яйцеобразные питательные плоды — демьянку, — начиненные мелко нарубленным мясом, — превосходное блюдо; называется оно имплетата.

(Примечание: необходимо раздобыть рецепт этого тоже.)

Мне пришлось поторопиться с завтраком, так как поезд отходил за несколько минут до 8 часов; вернее, он должен был отойти в это время, так как, когда я, примчавшись на станцию в 7 ч. 30 м., сел в вагон, то выяснилось, что ранее половины девятого поезд и не подумал трогаться с места. Мне кажется, что чем дальше к востоку, тем менее точны поезда. Что же делается в таком случае в Китае? Воображаю...

В продолжение всего следующего дня мы любовались мелькавшими перед нами картинами, полными разнообразной красоты. Перед нами проносились то маленькие города или замки на вершинах крутых холмов, похожие на те, которые встречаются на гравюрах в старинных книгах Св. Писания; то бурные потоки и реки, окаймленные белыми каменными берегами. На каждой станции толпилась масса людей в разнообразнейших нарядах. Некоторые из них напомнили мне крестьян родной страны, другие походили на тех, которых я видел, проезжая Францию и Германию; большинство было одето в короткие куртки, круглые шляпы и домашней работы брюки; но некоторые наряды были очень живописны. Женщины казались красивыми, но только издали, вблизи же у всех оказывались неуклюжие фигуры. Одеты они были в платья с белыми пышными рукавами или во что-то в этом роде, и большинство было перепоясано широкими кушаками с болтающимися сзади лентами, что напоминало балетные туники. Самое странное впечатление произвели на меня словаки, одетые в широкие штаны грязно-белого цвета, белые холщовые рубахи и чудовищно большие тяжелые кожаные пояса, приблизительно в фут шириною, густо усаженные гвоздями. Их обувь состояла из высоких сапог, причем брюки были засунуты в голенища. Они очень живописны, но нельзя сказать, чтобы очень располагали в свою пользу. На сцене им, пожалуй, сейчас же предложили бы изобразить старинную банду восточных бандитов. Однако, как мне говорили, они совершенно безвредны и скорее сами нуждаются в защите.

К вечеру мы добрались, наконец, до Бистрицы, оказавшейся очень интересным старинным уголком.

Граф Дракула в своих письмах рекомендовал мне гостиницу «Золотая корона», которая оказалась, к моему большому восторгу, выдержанной в старинном стиле; моим самым пламенным желанием было видеть все то, что могло бы дать мне верное представление о стране. По-видимому, меня здесь ожидали, так как в дверях меня встретила веселая на вид пожилая женщина, одетая в обычный национальный крестьянский костюм: в белую юбку с двойным длинным передником из цветной шерстяной материи. Когда я подошел, она поклонилась и спросила: «Господин англичанин?» «Да, — ответил я, — Джонатан Харкер». Она улыбнулась и что-то сказала человеку в жилете, стоявшему за ней тоже в дверях; он вышел и сейчас же вернулся с письмом в руках, которое передал мне. Вот оно:

«Мой друг, приветствую вас в Карпатах! С нетерпением ожидаю вас. Спите спокойно эту ночь. Завтра в 3 часа дилижанс отправится в Буковину; одно место оставлено для вас. В ущелье Борго вас будет ожидать коляска, которая и доставит вас в замок.

Я надеюсь, что вы благополучно приехали из Лондона и что вам доставит удовольствие ваше пребывание в нашей великолепной стране.

Ваш друг, *Дракула*».

4 мая.

Хозяин гостиницы, должно быть, получил письмо от графа с поручением оставить для меня место в дилижансе; но на мои расспросы он долгое время ничего не отвечал и делал вид, что не понимает моего немецкого языка. Это не могло быть правдой, так как раньше он в совершенстве понимал его; по крайней мере раньше на мои вопросы он отвечал именно так, как будто он прекрасно меня понимает. Он и его жена глядели друг на друга и на меня с каким-то страхом. Наконец, он пробормотал, что деньги были посланы в письме и что он больше ничего не знает. Когда я его спросил, знает ли он графа Дракулу и не может ли он что-нибудь рассказать о замке, то он и его жена перекрестились и, сказав, что они ровно ничего не знают, просто-напросто отказались от дальнейших разговоров. Вскоре мне пришлось двинуться в путь, и мне так и не удалось никого расспросить; все это было очень таинственно и совсем не действовало на меня ободряюще. Перед самым отъездом ко мне вошла жена хозяина — старая леди — и сказала истерическим тоном: «Вам непременно нужно ехать, о молодой господин? Вам это необходимо?» Она была в таком возбужденном состоянии, что, по-видимому, забыла и тот маленький запас немецких слов, который знала, и примешивала к немецкой речи другой язык, которого я совершенно не знал. Я был в состоянии следить за смыслом ее речи только благодаря тому, что задавал ей много вопросов. Когда я сказал, что должен сейчас же ехать, что меня призывает туда важное дело, она меня опять спросила: «Знаете ли вы, что за день сегодня?» Я ответил, что сегодня 4 мая; она покачала головой и сказала опять: «О да. Я это знаю, я это знаю. Но знаете ли вы, что за день сегодня?» Видя, что я понятия не имею, в чем дело, она продолжала: «Сегодня канун Святого Георгия. Разве вы не знаете, что сегодня ночью, лишь только пробьет полночь, нечистая сила будет властвовать на земле? А имеете ли вы представление о том, куда вы едете и что вас там ожидает?» Она сильно сокрушалась, и, как я ни старался ее утешить, все было безуспешно. В заключение она упала передо мной на колени и начала меня умолять не ехать туда или по крайней мере переждать день или два. Все это было в достаточной мере смешно, да к тому же я себя чувствовал неважно; тем не менее меня призывали важные дела, и я не мог допустить, чтобы на мой отъезд влияли какие-то бредни. Поэтому я ее поднял с колен и как можно строже сказал, что благодарю за предостережение, но что обязанность призывает меня и я должен ехать. Тогда она встала и, вытерев глаза, сняла со своей шеи крест и предложила мне надеть его. Я не знал, как поступить, так как, будучи членом англиканской церкви, с детства привык смотреть на такие вещи как на своего рода идолопоклонство, но я боялся, чтобы мой отказ не показался оскорбительным старой леди, которая была так благожелательно настроена ко мне, так что колебался, не зная, на что решиться. Я думаю, что она заметила мою нерешительность по выражению моего лица, так как она просто надела мне крест на шею, сказав: «Во имя вашей матери». Вношу это в дневник

в ожидании кареты, которая, конечно, запоздала; а крест так и остался у меня на шее. Не знаю, страхи ли старой леди, или те многочисленные рассказы о привидениях, которые господствуют в этой местности, или сам крест тому виной — не знаю, но я не чувствую себя так свободно, как всегда. Если этой книге суждено увидеть Мину раньше меня, то пусть она передаст ей мой последний привет. Вот и карета едет.

5 мая. В замке.

Серое утро сменилось ярким солнцем, высоко стоящим над далеким горизонтом, который кажется зубчатым. Я не знаю, деревья или холмы придают ему такую форму, — все так далеко, что большие и маленькие предметы сливаются. Не хочется спать, а так как меня не позовут, пока я сам не проснусь, то я буду писать, пока не засну. Здесь происходит масса странных явлений, которые нужно отметить, но, чтобы читатель не вообразил, что я опять слишком хорошо пообедал и поэтому галлюцинирую из-за тяжести в желудке, я подробно опишу свой обед. Мне подали блюдо, которое здесь называется разбойничьим жарким: куски мяса и сала с луком, приправленные паприкой, — все это жарится прямо на углях, так же как в Лондоне кошачье мясо. Вино подали «Золотой медок», странно щиплющее язык, но в общем не неприятное на вкус; я выпил всего только пару бокалов этого напитка и больше ничего. Когда я сел в карету, то кучер еще не занял своего места, и я видел, как он беседовал с хозяйкой. Они, наверное, говорили обо мне, так как то и дело поглядывали в мою сторону; несколько соседей, сидевших на скамьях около дверей, подошли к ним, прислушиваясь к беседе и тоже посмотрели на меня, причем большинство с чувством сострадания. Я мог расслышать массу слов, которые они часто повторяли, — странные разнообразные слова, должно быть на разных наречиях, так как в толпе были люди различных национальностей; я незаметно вытащил из сумки свой многоязычный словарь и начал отыскивать слова. Нельзя сказать, чтобы найденные слова звучали особенно ободряюще для меня; вот значение большинства из них: «*Ordog*» — Дьявол, «*pokol*» — ад, «*stregoica*» — ведьма, «*vrolok*» и «*vlkoslak*» — значение обоих слов одно и то же, но одно по-словацки, а другое по-сербски обозначает что-то среднее между оборотнем и вампиром.

(Примечание: я должен подробно узнать у графа об этих суевериях.)

Когда мы двинулись в путь, то вся толпа высыпала к дверям гостиницы и все осенили себя крестным знаменiem, причем два пальца были направлены в мою сторону. С большими трудностями я добился от одного из моих спутников объяснения, что все это значит; сначала он не хотел мне отвечать, но, узнав, что я англичанин, объяснил мне, что это служит как бы талисманом и защитой от дурного глаза. Это было мне не особенно приятно, так как я ехал в незнакомое место, чтобы встретиться с незнакомым человеком; но, говоря правду, каждый из них был до того искренен, до того чистосердечно огорчен и выказывал мне столько симпатии, что я невольно был тронут. Покрыв

широким холстом сиденье, наш кучер ударил своим длинным бичом по четырем маленьким лошадам, которые дружно подхватили омнибус, и — мы тронулись в путь.

Вскоре я совершенно позабыл о страхе перед привидениями, так как невольно залюбовался красотой природы. Перед нами расстилалась зеленая, покрытая лесами и дубравами местность; то здесь, то там вздымались крупные холмы, увенчанные группами деревьев или же фермами, белые остроконечные края крыш которых были видны с дороги. Везде по дороге встречались в изобилии всевозможные фруктовые деревья в цвету — груши, яблоны, сливы, вишни, и, проезжая мимо, я ясно видел, как трава под фруктовыми деревьями была сплошь усеяна опавшими лепестками.

Посреди этих зеленых холмов пробегала дорога, то изгибаясь и кружась, то свободно и широко вновь появляясь у опушки сосновых лесов. Дорога была неровная, но тем не менее мы неслись по ней с невероятной, прямо феерической быстротой. Я тогда не понимал причины этой быстроты; по-видимому, кучеру был отдан приказ не терять времени и поспеть в определенный час в ущелье Борго. За зелеными волнистыми холмами возвышались цепи Карпатских гор, покрытые могучими лесами. Они возвышались по обе стороны ущелья Борго, ярко озаренные заходящим солнцем, отливая всеми цветами радуги: темно-голубым и пурпурным цветом сияли вершины, зеленым и коричневым — трава на скалах; а бесконечно тянувшаяся перспектива зубчатых скал и заостренных утесов предстала перед нашими взорами покрытая величественными снежными вершинами ослепительно белого цвета. Мы продолжали наше бесконечное путешествие, а солнце за нашей спиной спускалось все ниже и ниже, и вечерние тени начали расстилаться вокруг нас.

Местами холмы были до того круты, что, несмотря на все старания кучера, лошади могли двигаться только шагом. Я хотел, как это принято у нас дома, сойти и помочь лошадям, но кучер и слышать не хотел об этом. «Нет, нет, — говорил он. — Вы не должны здесь ходить, тут бродят слишком свирепые собаки и затем, — добавил он, по-видимому, шутки ради, так как обернулся к остальным пассажирам, рассчитывая на ободряющую улыбку, — вам и так достаточно придется ждать, пока удастся уснуть». Он только раз остановился, и то только для того, чтобы зажечь фонари.

Когда стало темнеть, пассажиры как будто заволновались и один за другим обращались к кучеру с просьбой ехать быстрее. Ударом своего длинного бича и дикими криками кучер заставил своих лошадей положительно лететь. Затем сквозь темноту я увидел над нами какой-то серый свет — как будто трещина в холмах. Волнение среди пассажиров все увеличивалось; наша шаткая коляска подскакивала на своих больших кожаных рессорах и раскачивалась во все стороны, как лодка на бурном море. Мне пришлось крепко держаться. Затем дорога выровнялась, и мы словно летели по ней. Потом горы как будто приблизились к нам совершенно вплотную, и мы наконец въехали в ущелье Борго. Все пассажиры один за другим наделили меня подарками; они давали

их мне с такой настойчивостью, что я положительно был лишен возможности отказаться от них; каждый при этом искренно верил, что эти подарки избавят меня от дурного глаза, каждый из них меня еще благословлял и крестил, точно так же как на дворе гостиницы в Бистрице. Затем, когда мы помчались дальше, кучер наклонился вперед, а пассажиры, нагнувшись с двух сторон коляски, нетерпеливо вперили взоры в окружающую мглу. Ясно было, что впереди случилось или ожидалось что-то необыкновенное, хотя, сколько я ни расспрашивал пассажиров, никто мне не дал ни малейшего объяснения. Это состояние всеобщего волнения продолжалось еще некоторое время, пока наконец мы не увидели перед собою выезда из ущелья. Было темно, надвигающиеся тучи и душный воздух предвещали грозу. Казалось, что горная цепь разделяла две атмосферы и что теперь мы попали именно в грозовую. Я внимательно всматривался в дорогу в ожидании экипажа, который повезет меня к графу. Каждую минуту я ожидал увидеть свет фонарей во мраке, но всюду было темно. Единственным светом были лучи наших собственных фонарей, среди которых пар наших загнанных лошадей подымался облаком. Теперь мы ясно могли видеть расстилающуюся перед нами белую песчаную дорогу, но на всем ее протяжении даже и намека не было на какой-нибудь экипаж. Пассажиры вновь спокойно уселись с явным выражением радости, точно в насмешку над моим разочарованием. Я задумался над тем, что предпринять, когда кучер, посмотрев на часы, сказал что-то другим, чего я, к сожалению, не мог понять, так как это было сказано очень тихо. Он, кажется, сказал: «Часом раньше времени». Затем он повернулся ко мне и сказал на отвратительном немецком языке, еще хуже моего: «Нет никакой кареты. По-видимому, господина не ожидают. Лучше пусть он поедет сейчас с нами в Буковину, а завтра возвратится обратно или же на следующий день — даже лучше на следующий день». Пока он говорил, лошади начали ржать, фыркать и дико рыть землю, так что кучеру пришлось их сдерживать, напрягая всю свою силу.

Вдруг среди хора визгов и воплей пассажиров, осенявших себя крестным знаменем, позади нас показалась запряженная четверкой лошадей коляска, которая догнала нас и остановилась возле нашего дилижанса. Когда лучи наших фонарей упали на коляску, я увидел, что лошади были великолепные породистые животные черного цвета. На козлах сидел человек с длинной черной бородой, в широкой черной шляпе, которая как бы скрывала его лицо от нас. Я мог разглядеть лишь блеск очень больших глаз, казавшихся красными при свете фонарей, когда он повернулся к нам.

Он обратился к кучеру:

— Ты что-то рано сегодня приехал, друг мой.

Возница, заикаясь, ответил:

— Господин англичанин очень торопился.

На что незнакомец возразил:

— Потому-то ты, вероятно, и посоветовал ему поехать в Буковину! Ты меня не обманешь, друг мой; я слишком многое знаю, да и лошади у меня

быстрые. При этом он улыбнулся, и луч фонаря осветил его холодный, жестокий рот, ярко-красные губы и острые зубы, белые, как слонобая кость. Один из моих спутников шепотом прочел строфу из «Леноры» Бюргера:

«Мертвые ездят быстро».

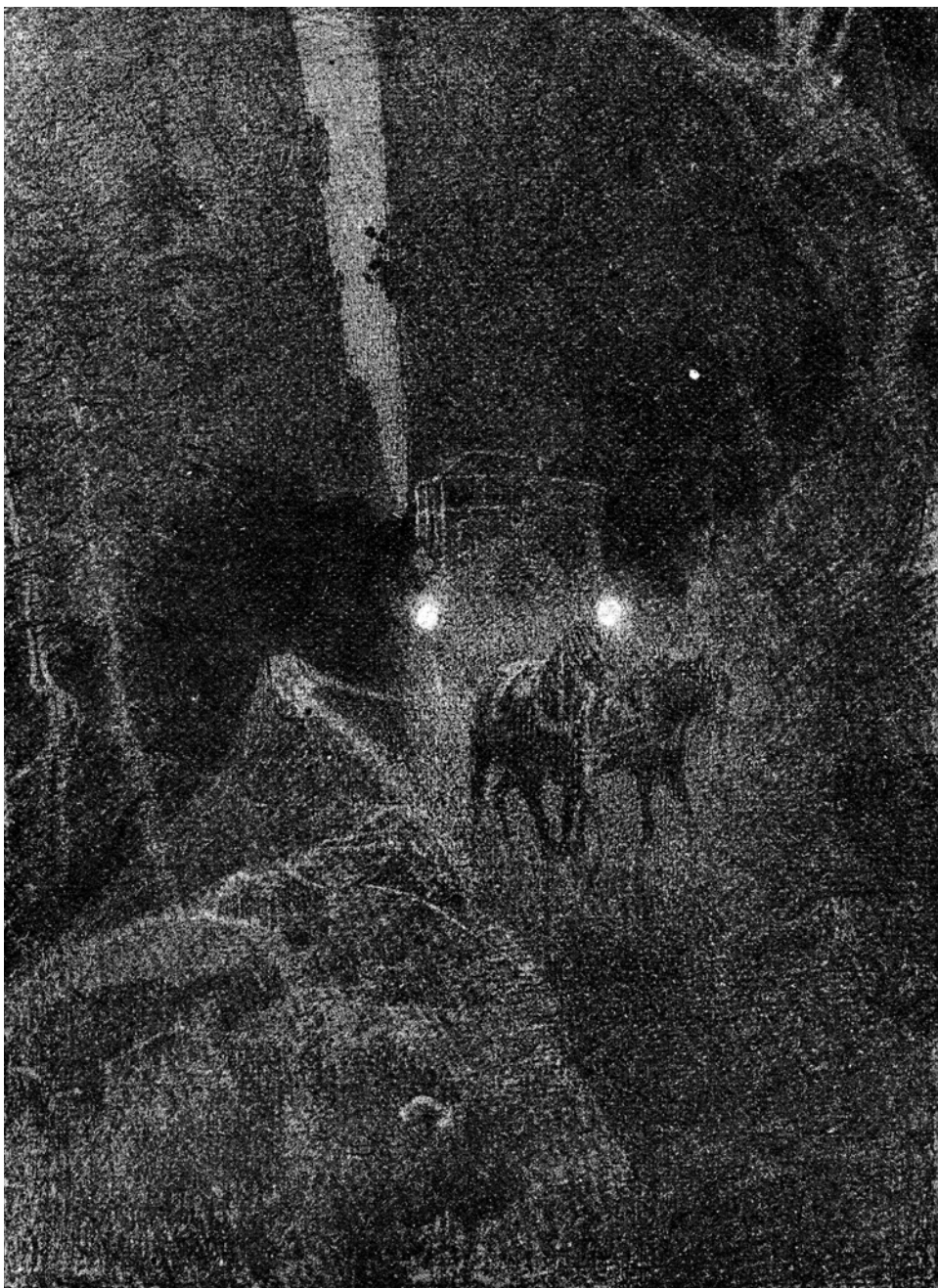
Незнакомец, очевидно, расслышал эти слова, так как посмотрел на говорившего с торжествующей улыбкой. Пассажир отвернулся, осеня себя крестным знамением.

— Подай мне багаж господина, — сказал незнакомец, и с необычайной быстротой мои вещи были вынуты из дилижанса и положены в коляску. Затем я вышел из дилижанса, и так как коляска была закрыта со всех сторон, то кучер помог мне взобраться в нее, подхватив меня под руку положительно как бы стальной рукою, — по-видимому, сила у него была необычайная. Молча дернул он вожжами, лошади повернули, и мы понеслись во мрак ущелья. Когда я оглянулся, то заметил при свете фонарей испарение лошадей дилижанса, а оглянувшись вторично, я увидел, как мои прежние спутники перекрестились, затем кучер щелкнул бичом, окликнул своих лошадей, и они помчались своей дорогой в Буковину. Как только они канули во мрак, меня охватило чувство одиночества и странный озноб; но на мои плечи сейчас же был накинута плащ, колени были укрыты толстым шерстяным одеялом, и кучер обратился ко мне на прекрасном немецком языке:

— Ночь холодна, сударь, а господин мой, граф, просил окружить вас наилучшим вниманием. Под сиденьем приготовлена для вас фляжка сливянки — нашей национальной водки; если захотите, то легко ее достанете.

Я не коснулся ее, но приятно было сознавать, что она под рукой. Я чувствовал себя немного странно, но не ощущал никакого страха, и не сомневался, что если бы имел возможность выбирать, то, без сомнения, предпочел бы остановку этому ночному путешествию по неведомым дорогам. Коляска повернула на какую-то извилистую жесткую дорогу, тянувшуюся довольно долго, потом мы круто повернули и попали опять на прямую дорогу. Мне казалось, что мы попросту кружимся на одном и том же месте; желая проверить свое впечатление, я отметил в уме определенную точку и убедился, что это так. Мне очень хотелось спросить кучера, что это значит, но я положительно боялся так поступить, так как в моем положении протест ни к чему не привел бы, раз это делалось умышленно. Несколько времени спустя мне захотелось узнать, который теперь час, я чиркнул серной спичкой и при свете ее взглянул на часы: была полночь без нескольких минут; это неприятно подействовало на меня. Я ждал чего-то с болезненной нерешительностью.

Вдруг где-то вдаль, на ферме, залаяла собака — длинный, тягучий жалобный вой, как бы от страха. Ей ответила другая собака, затем третья, четвертая — наконец эти звуки превратились в дикое бешеное завывание, исходившее, казалось, из каждой точки окрестности. При первых звуках воя волнение

*Единственным светом были лучи наших собственных фонарей, среди
которых пар наших загнанных лошадей подымался облаком.*

лошадей достигло чрезвычайных размеров, и кончилось тем, что они начали становиться на дыбы, но кучер ласково заговорил с ними, и они успокоились, хотя и продолжали дрожать, трясаясь от какого-то непонятного мне испуга. Потом далеко за горами, по обе стороны от нас, снова раздался еще более громкий и пронзительный вой — на этот раз уже вой волков, который повлиял одинаково как на меня, так и на лошадей, так как я стремился выпрыгнуть из коляски и ударить, между тем как лошади опять взвились на дыбы и сейчас же бросились бешено вперед, так что кучеру пришлось употребить всю свою громадную силу, чтобы сдержать их. Через несколько минут, однако, мое ухо привыкло к вою и лошади настолько успокоились, что кучер имел возможность сойти и стать перед ними. Он их ласкал, успокаивал и шептал им что-то на ухо, то есть употреблял все приемы, которые, как я слышал, пускаются в ход укротителями лошадей, причем успех был необычайный, и лошади под его ласками опять стали смирными, хотя и продолжали дрожать. Кучер снова уселся на козлы и, взяв вожжи, тронулся в путь крупной рысью. Наконец, оставив за собой ущелье, он внезапно свернул на узкую темную дорогу, которая резко сворачивала направо.

Вскоре мы были окружены деревьями, которые местами образовывали свод, так что мы проезжали как бы сквозь туннель; а потом опять с двух сторон открылись перед нами мрачные утесы. Хотя мы были под их защитой, но все же слышали завывание ветра, который со стоном и свистом проносился по утесам, ломая ветви деревьев. Становилось все холоднее и холоднее, и наконец пошел сильный снег, который вскоре покрыл и нас, и все окружающее белой пеленой. Резкий ветер доносил до нас лай собак, который, однако, становился все слабее по мере нашего удаления. Зато вой волков раздавался все ближе и ближе, и казалось, что мы были окружены ими со всех сторон. Мне стало невероятно страшно, и лошади разделяли мой испуг, но кучер не высказывал ни малейшей тревоги. Он продолжал свой путь, поворачивая голову то налево, то направо, что меня очень удивило, так как я ничего не мог различить во мраке.

Вдруг налево показался слабый мерцающий огонек. Кучер моментально заметил его; он сейчас же сдержал лошадей и, спрыгнув на землю, исчез во мраке. Я не знал, что делать, тем более что вой волков почему-то ослабевал, но пока я недоумевал, кучер неожиданно вернулся и, ни слова не говоря, уселся на место, и наше путешествие продолжалось. Мне кажется, что дальнейшие события я видел во сне, так как этот инцидент беспрерывно повторялся, и теперь, оглядываясь мысленно назад, я думаю, что это похоже больше на ужасный ночной кошмар, чем на действительность. Как-то раз огонек показался так близко от дороги, что, несмотря на полный мрак, окружавший нас, я мог совершенно ясно различить все движения кучера. Он быстро направился к месту появления голубого огонька и стал делать движения, точно горстями собирал огонь и укладывал его на камни, образуя этим как бы преграду; странно было только то, что вокруг этого пламени не было никакого освеще-

ния, — по-видимому, огонек был очень слабый. При этом произошел странный оптический обман: когда кучер стоял между мною и огоньком, он не заслонял собою этого пламени, и я продолжал видеть это мрачное мерцание как бы сквозь тело кучера. Это явление поразило меня, но так как это продолжалось лишь одно мгновение, то я решил, что это обман зрения, утомленного напряжением глаз в абсолютной тьме. Потом на время мерцание синего пламени прекратилось, и мы поспешно двигались вперед сквозь мрак под удручающий аккомпанемент воя волков, которые нас окружали со всех сторон. Наконец, при последнем появлении мерцающего огонька кучер отошел очень далеко, и в его отсутствие лошади начали дрожать сильнее прежнего, все время фыркая и трясаясь от страха. Я никак не мог понять причины этого, так как вой волков совсем прекратился; но в тот же момент я при свете луны, показавшейся сквозь темные облака, увидел вокруг нас кольцо волков с белыми зубами, с высунутыми красными языками, длинными мускулистыми ногами, покрытыми грубой шерстью. Они были во сто раз страшнее теперь, в охватившем их ужасном молчании, даже страшнее, чем тогда, когда выли. Что касается меня, то я от страха не мог двинуть ни рукой, ни ногой и потерял голос. Всю силу такого страха человек может понять, только очутившись лицом к лицу с таким ужасом.

Вдруг волки снова пронзительно завывали, как будто лунный свет производил на них какое-то особенное действие. Лошади подскакивали и брыкались, но живое кольцо ужаса окружало их со всех сторон и поневоле заставляло их оставаться в центре его. Я окликнул кучера; мне казалось, что единственным спасением для нас было бы прорваться сквозь кольцо с его помощью. Я кричал и стучал, надеясь этим шумом напугать волков и дать ему таким образом возможность добраться до нас.

Откуда он вдруг появился — я не знаю, но я услышал его голос, который прозвучал повелительным приказом, и, посмотрев перед собою, я увидел его на дороге. Он протянул свои длинные руки, как бы отстраняя неосоздаваемое препятствие, и волки начали медленно отступать, но тут большое облако заволокло лик луны, и мы опять очутились во мраке.

Когда луна выглянула снова, я увидел кучера, взбравшегося на сиденье, а волков и след простыл. Все это было так странно и необычайно, что я почувствовал безумный страх и боялся говорить и двигаться. Время тянулось бесконечно. Дальнейшее путешествие мы продолжали уже почти в совершенной тьме, так как пронесившиеся облака совсем скрывали луну. Мы продолжали подниматься в гору, только изредка периодически спускались, но потом опять все время поднимались. Я не помню, сколько времени это продолжалось...

Вдруг я почувствовал, что мы остановились. Мы были на дворе обширного, развалившегося замка, высокие окна которого были темны и мрачны, а обломанные зубчатые стены при свете луны вытянулись в зигзагообразную линию.

ГЛАВА II

Я, должно быть, задремал, иначе наверное заметил бы приближение к такому замечательному месту. Во мраке двор казался обширным, но, может быть, он, как и некоторые темные дорожки, которые вели от него к большим круглым аркам, казался бóльшим, чем был на самом деле. Я до сих пор еще не видел его при дневном свете. Когда коляска остановилась, кучер соскочил с козел и протянул мне руку, чтобы помочь сойти. Тут я опять невольно обратил внимание на его необыкновенную силу. Его рука казалась положительно стальными клещами, которыми при желании он мог раздавить мою. Затем он положил мои пожитки возле меня на выложенную массивными камнями площадку, на которую выходила громадная старая дверь, обитая большими железными гвоздями. Даже при тусклом освещении я заметил, что камни площадки были стерты от времени и непогоды. Пока я стоял, кучер опять взобрался на козлы, тронул вожжами — лошади дернули и скрылись вместе с экипажем под одним из темных сводов. Я остался среди двора в полном одиночестве и не знал, что предпринять. У дверей не видно было даже намека на звонок или молоток; не было также и надежды на то, чтобы мой голос мог проникнуть сквозь мрачные стены и темные оконные отверстия. Мне стало казаться, что я жду здесь бесконечно долго, и меня начали одолевать сомнения и страх. Куда я попал? К каким людям? В какую ужасную историю я впутался? Было ли это обыкновенным, простым приключением в жизни помощника адвоката, посланного для разъяснений по поводу приобретенного иностранцем в Лондоне недвижимого имущества? Помощник адвоката... Мне это звание ужасно нравится; да, я и позабыл, ведь перед самым отъездом из Лондона я узнал, что мои экзамены прошли успешно; так что, в сущности говоря, я теперь не помощник, а адвокат... Я начал протирать глаза и щипать себя, чтобы убедиться, что не сплю. Все это продолжало казаться мне каким-то ужасным ночным кошмаром, и я надеялся, что вдруг проснусь у себя дома совершенно разбитым, как это бывало иногда при напряженной мозговой

Я остался один среди двора в полном одиночестве и не знал, что предпринять. У дверей не видно было даже намека на звонок или молоток...

работе после сна. Но, к сожалению, мое тело ясно чувствовало щипки и мои глаза не обманывали меня. Я действительно не спал, а находился в Карпатах. Мне оставалось только запастись терпением и ожидать наступления утра. Как раз когда я пришел к этому заключению, я услышал приближающиеся тяжелые шаги за большой дверью и увидел сквозь щель мерцание света. Потом раздались звуки гремящих цепей, шум отодвигаемых массивных засовов, и большая дверь медленно распахнулась. В дверях стоял высокий старик с начисто выбритым подбородком и длинными седыми усами; одет он был с головы до ног в черное, без примеси другого цвета во всем костюме. В руке он держал старинную серебряную лампу, в которой пламя свободно горело без какого бы то ни было стекла или трубы и бросало длинные трепещущие тени, колеблясь от сквозного ветра. Старик приветствовал меня изысканным жестом правой руки и сказал мне на прекрасном английском языке, но с иностранным акцентом:

— Добро пожаловать в мой дом! Войдите в него свободно и по доброй воле.

Он не сделал ни одного движения, чтобы пойти мне навстречу, и стоял неподвижно, как статуя, будто жест приветствия превратил его в камень; но не успел я переступить порог, как он сделал движение вперед и, протянув мне руку, сжал мою с такой силой, что заставил меня содрогнуться, — его рука была холодна как лед и напоминала скорее руку мертвеца, нежели живого человека. Он снова сказал:

— Добро пожаловать в мой дом! Входите смело, идите без страха и оставьте нам здесь что-нибудь из принесенного вами счастья.

Сила его руки была настолько похожа на ту, которую я заметил у кучера, лица которого я так и не видел, что меня одолело сомнение, не одно ли и то же лицо кучер и господин, с которым я в данный момент разговариваю; чтобы рассеять сомнение, я спросил:

— Граф Дракула?

Он ответил:

— Я — Дракула. Приветствую вас, мистер Харкер, в моем доме. Войдите; ночь холодна, а вы нуждаетесь в пище и отдыхе.

Говоря это, он повесил лампу на крючок в стене и, ступив вперед, взял мой багаж; он проделал это так быстро, что я не успел его предупредить. Я тщетно попытался протестовать.

— Нет, сударь, вы мой гость. Теперь поздно, и поэтому на моих людей рассчитывать нечего. Позвольте мне самому позаботиться о вас.

Он настоял на своем; понес мои пожитки по коридору и поднялся по большой винтовой лестнице, откуда мы попали в другой большой коридор, где наши шаги гулко раздавались благодаря каменному полу. В конце коридора он толкнул тяжелую дверь, и я с наслаждением вошел в ярко освещенную комнату, где стоял стол, накрытый к ужину, а в большом камине весело потрескивали дрова.

Граф закрыл за нами дверь и, пройдя через комнату, открыл другую дверь, которая вела в маленькую восьмиугольную комнату, освещенную одной лампой

и, по-видимому, совершенно лишенную окон. Миновав ее, он снова открыл дверь в следующую комнату, куда и пригласил меня войти. Я очень обрадовался, войдя в нее: комната оказалась большой спальней, прекрасно освещенной, в которой тепло поддерживалось топившимся камином. Граф, положив собственноручно принесенные им мои вещи, произнес, прикрывая дверь перед уходом:

— Вы после дороги захотите, конечно, освежиться и переодеться. Надеюсь, что вы найдете здесь все необходимое. Когда вы будете готовы, пройдите в ту комнату, где вы найдете приготовленный для вас ужин.

Освещение и теплота, а также изысканное обращение графа совершенно рассеяли все мои сомнения и страхи. Придя благодаря всему этому в свое нормальное состояние, я ощутил положительно невероятный голод, поэтому, переодевшись наскоро, я поспешил в первую комнату. Ужин был уже подан. Мой хозяин, который стоял у камина, грациозным жестом пригласил меня к столу.

— Надеюсь, вы меня извините, если я вам не составляю компанию; но я уже обедал и никогда не ужинаю.

Я вручил ему запечатанное письмо, переданное мне мистером Хокинсом. Граф распечатал его, прочел, затем с очаровательной улыбкой передал его мне. Одно место в нем мне в особенности польстило:

«Я очень сожалею, что приступ подагры, которой я давно подвержен, лишает меня возможности предпринять какое бы то ни было путешествие; и я счастлив, что могу послать своего заместителя, которому я вполне доверяю. Это энергичный и талантливый молодой человек. Во все время своего пребывания у вас он будет к вашим услугам и весь в вашем распоряжении».

Граф подошел к столу, сам снял крышку с блюда — и я накинусь на прекрасно зажаренного цыпленка. Это плюс сыр и салат, да еще бутылка старого токайского вина, которого я выпил бокала два-три, составили мой ужин. Пока я ел, граф расспрашивал меня о моем путешествии, и я рассказал ему по порядку все пережитое мною. Затем я придвинул свой стул к огню и закурил сигару, предложенную мне графом, который тут же извинился, что не курит. Теперь мне представился удобный случай рассмотреть его, и я нашел, что его наружность заслуживает внимания.

У него было энергичное, оригинальное лицо, тонкий нос и какие-то особенные, странной формы ноздри, надменный высокий лоб и волосы, скудно и в то же время густыми клоками росшие около висков, очень густые, почти сходявшиеся на лбу брови. Рот, насколько я мог разглядеть под тяжелыми усами, был решительный, даже жестокий на вид, с необыкновенно острыми белыми зубами, выступавшими между губами, яркая окраска которых поражала своей жизненностью у человека его лет.

В общем впечатлении сильнее всего поражала необыкновенная бледность лица.

До сих пор мне удалось издали заметить только тыльную сторону его рук, когда он держал их на коленях; при свете горящего камина они производили

впечатление белых и тонких; но, увидев их теперь вблизи, ладонями кверху, я заметил, что они были грубы, мясисты, с короткими толстыми пальцами. Особенно странно было то, что в центре ладони росли волосы. Ногти были длинные и тонкие, с заостренными концами. Когда граф наклонился ко мне и его рука дотронулась до меня, я не мог удержаться от содрогания. Возможно, что его дыхание было тлетворным, потому что мною овладело какое-то ужасное чувство тошноты, которого я никак не мог скрыть. Граф, очевидно, заметил это, так как сейчас же отодвинулся и с какой-то угрюмой улыбкой опять сел на свое прежнее место у камина. Мы оба молчали некоторое время, и когда я посмотрел в окно, то увидел первый проблеск наступающего рассвета.

Какая-то странная тишина царила всюду; но, прислушавшись, я услышал где-то вдалеке как будто вой волков. Глаза графа засверкали, и он сказал:

— Прислушайтесь к ним, к детям ночи! Что за музыку они заводят!

Заметив странное, должно быть, для него выражение моего лица, он прибавил:

— Ах, сударь, вы, городские жители, не можете понять чувство охотника! Но вы, наверное, устали? Ваша кровать совершенно готова, и завтра вы можете спать сколько хотите. Я буду в отсутствии до полудня; спите же спокойно — и приятных сновидений!

С изысканным поклоном он сам открыл дверь в мою восьмиугольную комнату, и я вошел в мою спальню...

7 мая.

Опять раннее утро. Вчера я спал до вечера и сам проснулся. Одевшись, я прошел в комнату, где накануне ужинал, и нашел там холодный завтрак и кофе, который подогревался, стоя на огне в камине. На столе лежала карточка с надписью:

«Я должен ненадолго отлучиться. Не ждите меня. Д.»

Радуюсь свободному времени, я уселся за еду. Позавтракав, я стал искать звонок, чтобы дать знать прислуге, что я окончил трапезу; но звонка нигде не оказалось. В замке, как видно, странные недостатки, особенно если принять во внимание чрезмерное богатство, окружающее меня. Столовая сервировка вся из золота, да такой великолепной выделки, что стоит, наверное, громадных денег. Занавеси, обивка стульев и кушетки — все это поразительной выделки и стоило, без сомнения, баснословных денег даже тогда, когда это приобреталось, так как этим вещам много сот лет, хотя все в великолепном порядке. Я видел нечто подобное в Гемпстонском дворце, но там все было порвано, потерто и изъедено молью. Но странно, что ни в одной комнате нет зеркала. Нет даже туалетного зеркала на моем столике, и мне пришлось вынуть мое маленькое зеркало для бритья из несессера, чтобы побриться и причесаться. Кроме того, я не видал ни одного слуги и не слышал ни одного звука вблизи замка, за исключением волчьего воя. Покончив с едой, я начал искать что-нибудь для чтения, так как без разрешения графа не хотел пойти

осматривать замок. В столовой я ровно ничего не нашел — полное отсутствие книг, газет, даже всяких письменных принадлежностей; тогда я открыл другую дверь в этой комнате и вошел в библиотеку. В библиотеке я нашел, к моей великой радости, большое количество английских книг — целые полки были полны ими и переплетенными за целые годы журналами и газетами. Стол посредине комнаты был завален английскими журналами, газетами, но все это были старые номера. Книги были самые разнообразнейшие: по истории, географии, политике, политической экономии, ботанике, геологии, законоведению — все относящееся к Англии и английской жизни, обычаям и нравам. Пока я рассматривал книги, дверь открылась и вошел граф. Он радушно меня приветствовал, выразив надежду, что я хорошо проспал эту ночь. Затем продолжал:

— Я очень рад, что вы сюда попали, так как убежден, что здесь вы найдете много интересного для вас материала. Эти друзья, — и он положил руку на некоторые книги, — были мне преданны вот уже несколько лет, когда я еще и не думал попасть в Лондон; книги эти доставили мне много приятных часов. Благодаря им я ознакомился с вашей великой Англией; а знать ее — значит любить ее. Я жажду попасть на переполненные народом улицы вашего могучего Лондона, проникнуть в самый круговорот гуши и суеты человечества, участвовать в этой жизни и ее переменах, ее смерти, словом, во всем том, что делает эту страну тем, что она есть. Но, увы, пока я знаком с вашим языком только по книгам. Я надеюсь, мой друг, что благодаря вам я научусь и изъясняться по-английски как следует.

— Помилуйте, граф, ведь вы же великолепно владеете английским языком!

— Благодарю вас, друг мой, за ваше слишком лестное обо мне мнение, но все же я боюсь, что в знании языка нахожусь еще только на полпути. Правда, я знаю грамматику и слова, но я еще не знаю, как их произносить и когда какое употреблять.

— Уверяю вас, что вы прекрасно говорите.

— Все это не то... Я знаю, что, живи и разговаривай я в вашем Лондоне, всякий тотчас же узнает во мне иностранца. Этого мне мало. Здесь я знатен; я — магнат; весь народ меня знает, и я — господин. Но иностранец на чужбине — ничто; люди его не знают, а не знать человека — значит не заботиться о нем. В таком случае я предпочитаю ничем не выделяться из толпы, чтобы люди, при виде меня или слыша мою английскую речь, не останавливались бы и не указывали на меня пальцами. Я привык быть господином и хочу им остаться навсегда или же по крайней мере устроиться так, чтобы никто уже не мог быть господином надо мною. Вы приехали сюда не только для того, чтобы разъяснить мне все относительно моего нового владения в Лондоне; я надеюсь, что вы пробудете со мною независимо от этого еще некоторое время для того, чтобы благодаря вашим беседам я привык и изучил разговорный язык. Поэтому я настаиваю и прошу вас, чтобы вы исправляли мои ошибки в произношении наистрожайшим образом.

Я, конечно, сказал, что прошу его не стесняться из-за меня, а затем спросил его, не разрешит ли он мне пользоваться библиотекой по своему усмотрению.

Он ответил:

— О да... Вообще — вы можете ходить по замку и заходить, куда вздумаете, за исключением тех комнат, двери которых заперты; впрочем, вы туда, наверное, сами не захотите пробраться. Есть уважительные причины для того, чтобы все было так, как есть, и если бы вы глядели моими глазами и обладали моим знанием, то, без сомнения, лучше поняли бы все.

Я сказал, что я в этом и не сомневаюсь, и он продолжал дальше:

— Мы в Трансильвании, а Трансильвания — это не Англия, наши дороги — не ваши дороги, и тут вы встретите много странностей. Ну хотя бы из вашего короткого опыта во время поездки сюда вы уже знаете кое-что из тех странных вещей, которые здесь могут произойти.

Это послужило началом длинного разговора; я задал ему несколько вопросов по поводу необычайных происшествий, участником которых я был или которые обратили на себя мое внимание. Иногда он уклонялся от вопроса или же наводил беседу на другие темы, делая вид, что не понимает меня, но в общем он на все отвечал совершенно откровенно и подробно. Немного погодя, когда я стал смелее, я спросил его о некоторых странностях, происшедших прошлой ночью, так, например, почему кучер подходил к тем местам, где мы видели синие огни. Правда ли, что они указывают на места, где зарыто и спрятано золото? Он мне тогда объяснил, что простонародье верит, будто в определенную ночь в году — как раз в прошлую ночь — нечистая сила неограниченно господствует на земле и в эту-то ночь и появляются синие огоньки на тех местах, где зарыты клады.

Затем мы перешли на другие темы.

— Давайте поговорим о Лондоне и о доме, который вы для меня приобрели, — сказал он.

Извинившись за свою оплошность, я пошел в свою комнату, чтобы взять бумаги, относящиеся к этой покупке. В то время как я вынимал их из чемодана и приводил в порядок, я услышал в соседней комнате стук посуды и серебра, и когда я возвращался в библиотеку, то, проходя через столовую, увидел, что стол был прибран, а комната ярко освещена лампами, — уже стемнело. Лампы были зажжены и в библиотеке. Когда я вошел, граф очистил стол от книг и бумаг, и мы с ним углубились в чтение всевозможных документов, планов и бумаг. Он интересовался положительно всем и задавал мне миллиард вопросов относительно местоположения дома и его окрестностей. Очевидно, он раньше изучил все, что касалось его дома, так как в конце концов выяснилось, что он обо всем знал гораздо больше меня. Когда я ему это заметил, он ответил:

— Да, друг мой, но разве это мне не необходимо? Когда я туда отправлюсь, то буду ведь там совершенно одинок и моего друга Джонатана Харкера не будет около меня, чтобы поправлять меня и помогать мне. Он будет в Эксетере, на расстоянии многих миль от меня, углубленный, вероятно, в изучение законов с другим моим другом, Питером Хокинсом. Не так ли?

Мы снова углубились в дело покупки недвижимого имущества в Пурфлите. Когда я ему изложил сущность дела, дал ему подписать все нужные бумаги и написал для него письмо мистеру Хокинсу, он стал расспрашивать меня, каким образом мне удалось приобрести такой подходящий участок земли. На это я ему прочел все свои заметки, которые тогда вел. Вот они:

«В Пурфлите, проходя по окольной дороге, я случайно набрел как раз на такой участок, какой, как мне казалось, и нужен был нашему клиенту. Участок был окружен высокой стеной старинной архитектуры, построенной из массивного камня и не ремонтированный уже много-много лет.

Поместье называется Карфакс, должно быть, исковерканное старое *Guatres faces* — «четыре фасада», так как дом четырехсторонний. В общем там около 20 акров земли, окруженных вышеупомянутой каменной стеной. Там много деревьев, придающих этому поместью местами мрачный вид, затем имеется еще глубокий темный пруд, или, вернее, маленькое озеро, питающееся, вероятно, подземными ключами, так как вода в нем необыкновенно прозрачна, а кроме того, оно служит началом довольно порядочной речки. Дом очень обширный и старинный, с немногими высоко расположенными окнами, загороженными тяжелыми решетками. Он скорее всего походит на часть тюрьмы и примыкает к какой-то старой часовне или церкви. Я не мог осмотреть ее, так как ключа от двери, ведущей из дома в часовню, не оказалось. Но я снял своим кодаком несколько видов с различных сторон его. Часть дома была пристроена впоследствии, но довольно странным образом, так что вычислить точно, какую площадь занимает дом, невозможно; она, должно быть, очень велика. В непосредственной близости от замка домов совсем мало; один из них, самый крупный, был выстроен относительно недавно. Это частная психиатрическая лечебница. Правда, из окон поместья увидеть лечебницу невозможно».

Когда я кончил, граф сказал:

— Я рад, что дом старинный и обширный; я сам из старинной семьи, и необходимость жить в новом доме убила бы меня. Дом не может сразу стать жилым; в сущности, как мало дано дней, чтобы составить столетие... Меня радует также и то, что я найду там старинную часовню. Мы, магнаты Трансильвании, не хотим допустить, чтобы наши кости покоились среди простых смертных. Я не ищу ни веселья, ни радости, ни изобилия солнечных лучей и искрящихся вод, столь любимых молодыми и веселыми людьми. Я уже немолод; а мое сердце, измученное годами печали, не приспособлено больше к радости; к тому же стены моего замка разрушены; здесь много тени, ветер свободно доносит свои холодные дуновения сквозь разрушенные стены и раскрытые окна. Я люблю мир и тишину и хотел бы быть наедине со своими мыслями, поскольку это возможно.

Иногда его слова как будто шли вразрез с его общим видом, а может быть, это происходило от особого свойства его лица — придавать его улыбка лукавый и сатирический оттенок. Немного времени спустя он извинился и покинул меня, попросив собрать все мои бумаги.

В его отсутствие я стал подробно знакомиться с библиотекой. Я наткнулся на атлас, открытый, конечно, на карте Англии; видно было, что им много пользовались. Разглядывая внимательно карту, я заметил, что определенные пункты на ней были обведены кружками, и, присмотревшись, увидел, что один из них находился около Лондона с восточной стороны, как раз там, где находилось вновь приобретенное им поместье; остальные два были Эксетер и Уайтби на Йоркширском побережье.

Через полчаса граф вернулся.

— Ах! — сказал он. — Все еще за книгами! Вам не следует так много работать. Пойдемте, ваш ужин готов и подан.

Он взял меня под руку, и мы вышли в столовую, где меня действительно ожидал великолепный ужин. Граф опять извинился, что уже пообедал вне дома. Но, так же как и накануне, он уселся у камина и болтал, пока я ел. После ужина я закурил сигару, как и в прошлую ночь, и граф просидел со мной, болтая и задавая мне вопросы, затрагивающие различные темы; так проходили часы за часами. Хотя я и чувствовал, что становится очень поздно, но ничего не сказал, так как решил, что должен быть к услугам хозяина и исполнять его малейшие желания. Спать же мне не хотелось, так как вчерашний продолжительный сон подкрепил меня; но это тем не менее не помешало мне вдруг почувствовать то ощущение озноба, которое всегда овладевает людьми на рассвете или во время прилива. Говорят, что люди ближе всего к смерти и умирают обычно на рассвете или же во время прилива. Вдруг мы услышали крик петуха, прорезавший со сверхъестественной пронзительностью чистый утренний воздух. Граф Дракула моментально вскочил и сказал:

— Как, уже опять утро! Как это непростительно с моей стороны, что я заставляю вас так долго бодрствовать!.. Не говорите со мной о вашей стране — меня так интересует все, что касается моей новой родины — дорогой Англии, что я забываю о времени, а в вашей занимательной беседе оно проходит слишком быстро!

И, изысканно поклонившись, он оставил меня.

Я прошел к себе в комнату и записал все, что произошло за этот день.

8 мая.

Когда я начал записывать в эту тетрадь свои заметки, то боялся, что пишу слишком подробно, но теперь я счастлив, что записал все мельчайшие подробности с самого начала, так как здесь происходит много необычного, — это тревожит меня; я думаю только о том, как бы выйти здоровым и невредимым отсюда, и начинаю жалеть о том, что приехал сюда; возможно, что это ночные бодрствования так отзываются на мне, но если бы это было все! Если бы здесь было с кем поговорить, мне было бы легче, но, к сожалению, не с кем. Только с графом, а он... Я начинаю думать, что я здесь единственная живая душа. Позвольте мне быть прозаиком, поскольку этого требуют факты; это поможет мне разобраться во всем, сохранить свой здравый смысл и уклониться от все

более и более овладевающей мною власти фантазии... Иначе я погиб!.. Дайте мне рассказать все, как оно есть...

Я проспал всего несколько часов и, чувствуя, что больше не засну, встал. Поставив свое зеркало для бритья на окно, я начал бриться. Вдруг я почувствовал руку на своем плече и услышал голос графа. «С добрым утром», — сказал он мне. Я остановился, так как меня изумило, что я не видел его в зеркале, хотя мне была видна в зеркале вся комната. Остановившись внезапно, я слегка порезался, но сразу не обратил на это внимания. Ответив на приветствие графа, я опять повернулся к зеркалу, чтобы посмотреть, как это я мог так ошибиться. На этот раз не могло быть никакого сомнения, так как граф стоял почти вплотную за мной и я мог видеть его через плечо. Но все-таки его отражения в зеркале не было!.. Это потрясло меня и довершило все странности; снова меня охватило то чувство неловкости, которое охватывает меня каждый раз, когда граф находится вблизи; только теперь я заметил свой порез. Я положил в сторону бритву и повернулся при этом вполборота к графу в поисках пластыря. Когда граф увидел мое лицо, его глаза сверкнули каким-то демоническим бешенством, и он внезапно схватил меня за горло. Я подался назад, а его рука коснулась шнурка, на котором висел крест. Это сразу вызвало в нем перемену, причем его бешенство прошло с такой быстротой, что я с трудом поверил, будто оно когда-либо было.

— Смотрите, будьте осторожны, — сказал он, — будьте осторожны, когда бреетесь. В этой стране это гораздо опаснее, чем вы думаете.

Затем, схватив зеркало, он продолжал:

— Вот эта злополучная вещь и натворила все! Это не что иное, как глупая игрушка человеческого тщеславия. Долой ее!

Он открыл тяжелое окно одним взмахом своей ужасной руки и вышвырнул зеркало, которое разбилось на тысячу кусков, упав на камни, которыми был выложен двор. Затем, не говоря ни слова, удалился. Это ужасно неприятно, так как я положительно не знаю, как я теперь буду бриться, разве перед металлической коробкой от часов или перед крышкой моего бритвенного прибора, которая, к счастью, сделана из полированного металла.

Когда я вошел в столовую, то завтрак уже был на столе, но графа я нигде не мог найти. Так я и позавтракал в одиночестве. Как странно, что я до сих пор не видел графа ни за едой, ни за питьем. Он, вероятно, совершенно необыкновенный человек.

После завтрака я сделал маленькое обозрение замка, которое меня сильно взволновало: двери, двери, всюду двери, и все заперто и загорожено... Нигде нет никакой возможности выбираться из замка, разве только через окна! Замок этот — настоящая тюрьма, а я — пленник!..

ГЛАВА III

Когда я убедился, что нахожусь в плену, меня охватило бешенство. Я начал стремительно спускаться и подниматься по лестницам, пробуя каждую дверь, высовываясь в каждое окно, какое только мне попадалось на пути; но немного погодя сознание полной беспомощности заглушило все остальные чувства. Когда некоторое время спустя я припоминал свое тогдашнее состояние, то оно казалось мне близким к сумасшествию, так как я вел себя, как крыса в мышеловке. Когда же я пришел к выводу, что положение мое безнадежно, то стал хладнокровно обдумывать, как лучше всего выйти из создавшегося положения. Я и теперь еще думаю об этом и до сих пор не пришел еще ни к какому заключению. Мне ясно только то, что нет никакого смысла сообщать графу о моих мыслях. Он ведь отлично знает, что я пленник; а так как он сам это устроил и, без сомнения, имеет на то свои причины, то только меня обманет, если я откровенно поведаю ему свои мысли. Мне кажется, что прежде всего я должен зорко следить за всем. Я сознаю, что или я сам поддаюсь, как младенец, влиянию мною же созданного чувства страха, или же нахожусь в отчаянно затруднительном положении; если со мною приключилось последнее, то я нуждаюсь и буду нуждаться в том, чтобы сохранить всю ясность мыслей. Едва я успел прийти к такому заключению, как услышал, что большая входная дверь внизу захлопнулась; я понял, что граф вернулся. Так как он не прошел в библиотеку, то я на цыпочках направился в свою комнату и застал там графа, приготовлявшего мне постель. Это было странно, но только подтвердило мое предположение, что в этом доме совсем нет прислуги. Когда же позже я заметил сквозь щель в дверях столовой графа, накрывающего на стол, то окончательно убедился в правдивости своих предположений: раз он сам исполняет обязанности челяди, то это уже явное доказательство того, что больше некому их исполнять. Этот вывод меня испугал, так как если тут в замке нет больше никого, то, значит, граф сам был кучером той кареты, что привезла меня сюда. Это ужасная мысль: ведь если это так, то что же обозначает его способность

усмирять волков одним движением руки, как он это делал в ночь моего приезда в замок? Почему все люди в Бистрице и в дилижансе так за меня боялись? Чем руководились они, когда наделяли меня крестом, чесноком, шиповником и рябиной? Да благословит Господь ту добрую, милую старушку, которая повесила мне крест на шею, так как каждый раз, когда я до него дотрагиваюсь, я чувствую отраду и новую силу. Как странно, что именно то, к чему я привык относиться враждебно и на что я привык смотреть как на идолопоклонство, в дни одиночества и тревоги является моей единственной помощью и утешением. Но мне нельзя позволять себе отвлекаться в сторону: я должен узнать все, что касается графа Дракулы, так как только это может облегчить мне разгадку всего. Сегодня же вечером я постараюсь заставить его рассказать о себе, если только мне удастся навести разговор на эту тему. Но мне придется быть при этом очень осторожным, чтобы не возбудить его подозрений.

Полночь.

У меня был длинный разговор с графом. Я задал ему несколько вопросов, касающихся истории Трансильвании, и он живо и горячо заговорил на эту тему. Он с таким оживлением говорил о событиях, народах, в особенности о битвах, как будто сам всюду присутствовал. Он это объясняет тем, что для магната честь его родины, дома и имени — его личная честь, что их победы — его слава, их судьба — его участь. Я очень хотел бы дословно записать все его слова, до того они были полны интереса. Из разговора с ним я узнал историю его рода, привожу ее здесь дословно:

— Мы — секлеры, имеем право гордиться этим, так как в наших жилах течет кровь многих храбрых племен, которые дрались, как и вы, за главенство в мире. Здесь в водовороте битв и сражений выделилось племя угров, наследовавшее от исландцев воинственный дух, которым их наделили Тор и Один, и берсеркеры их прославились на морских берегах Европы и Азии, даже Африки такую свирепостью, что народы думали, будто явились оборотни. Да к тому же когда они добрались сюда, то нашли здесь гуннов, бешеная страсть которых к войнам опустошала страну, подобно жаркому пламени, так что те, на кого они нападали, решили, что в их жилах течет кровь старых ведьм, которые, прогнанные из Скифии, сочетались браком с дьяволами пустыни. Глупцы! Глупцы! Какая ведьма или дьявол могли сравниться с великим Аттилой! Разве удивительно, что мы — племя победителей? Что мы надменны? Что, когда мадьяры, ломбардцы, авары, болгары или турки посылали на наши границы тысячи своих войск, мы их оттеснили? Разве странно, что Арпад, передвигаясь со своими легионами чрез родину мадьяров, застал нас на границе и что Гонфоглалас был здесь разбит? И когда поток мадьяров двинулся на Восток, то притязания секлеров, как родственного племени, были признаны победителями-мадьярами; и уже целые столетия, как нам было поручено охранять границы с Турцией; а бесконечные заботы об охране границ — нелегкая задача, ибо, как турки говорят: «Вода спит, но враг никогда не смежает

очей». Кто охотнее нас бросался в кровавый бой с превосходящим нас силами врагом или собирался под знамена короля? Впоследствии, когда пришлось искупать великий позор моего народа — позор Косова, — когда знамена валахов и мадьяр исчезли за полумесяцем, кто же, как не один из моих предков, переправился через Дунай и разбил турок на их же земле? То был действительно Дракула! Какое было горе, когда его недостойный родной брат продал туркам свой народ в рабство, заклеив его вечным позором! А разве не Дракулой был тот, другой, который неоднократно отправлял свои силы через большую реку в Турцию и которого не остановили никакие неудачи? Он продолжал отправлять все новые и новые полки на кровавое поле битвы и каждый раз возвращался один; в конце концов он пришел к убеждению, что может одержать окончательную победу только в одиночестве. Тогда его обвинили в том, что он думает только о себе. Но что такое крестьяне без предводителя, без руководящего ума и сердца?.. А когда после битвы при Мохаче мы свергли мадьярское иго, то вожаками оказались опять-таки мы, Дракулы, так как наш свободный дух не переносит никаких стеснений! Ах, молодой человек, что касается благородной крови мозга и мечей, то секлеры и Дракулы могут похвалиться древностью своего рода перед всеми королями мира! Дни войн прошли... Кровь теперь, в эти дни бесчестного мира, является слишком драгоценной; и слава великих племен теперь уже не более как древняя сказка!..

При этих словах как раз наступил рассвет, и мы разошлись спать.

(Примечание: этот дневник страшно напоминает начало «Арабских ночей» и призрак отца Гамлета, — как и там, здесь все прерывается при крике петуха.)

12 мая.

Вчера вечером, когда граф пришел из своей комнаты, он задал мне ряд юридических вопросов по поводу своих дел. Наводя справки, он задавал мне вопросы, как бы руководствуясь известной системой, и я попробую тоже передать их по порядку; эти сведения, может быть, когда-нибудь и пригодятся мне. Прежде всего он спросил меня, можно ли в Англии иметь двух стряпчих. Я ему на это возразил, что можно иметь их хоть дюжину, но неумно иметь больше одного для одного дела, так как все равно двумя делами одновременно не приходится заниматься, а смена юристов всегда невыгодна для клиента. Он, по-видимому, меня понял и спросил, будет ли практически трудноосуществимо, чтобы один поверенный сопровождал его, ну, скажем, в качестве банкира, а другой следил бы в это время за погрузкой кораблей в совершенно другой местности. Я попросил его объяснить более определенно, чтобы я мог уяснить себе, в чем дело, дабы не ввести его в заблуждение, и он прибавил:

— Представьте себе, например, такой случай: ваш друг мистер Питер Хокинс, живущий около вашей великолепной церкви в Эксетере, вдали от Лондона, купил при вашем посредничестве, милый друг, для меня местечко

в Лондоне. Прекрасно! Теперь позвольте говорить с вами откровенно, дабы вам не показалось странным, что, вместо того чтобы поручить покупку имущества человеку, живущему в самом Лондоне, я обратился к человеку, живущему далеко от города. Я стремился к тому, чтобы ни чьи местные интересы не помешали моим личным. А так как живущий в Лондоне всегда может иметь в виду как свои интересы, так и интересы своих друзей, то я и постарался отыскать агента, который посвятил бы все свои труды исключительно мне. Теперь допустим, что мне, человеку деловому, необходимо отправить товар, скажем, в Ньюкасл, или Дарем, или Гарвич, или Дувр, так разве не легче мне будет обратиться по этому поводу к кому-нибудь на месте?

Я согласился с ним, но объяснил, что мы, стряпчие, имеем всюду своих агентов и всякое поручение будет исполнено местными агентами по инструкции любого стряпчего.

— Но, — возразил он, — я ведь свободно мог бы сам управлять всеми делами? Не так ли?

— Конечно. Это принято среди деловых людей, которые не хотят, чтобы их имена были известны кому бы то ни было.

— Прекрасно! — сказал он и перешел затем к форме и изложению поручительства и ко всем могущим при этом возникнуть затруднениям, желая таким образом заранее охранить себя от всяких случайностей.

Я объяснил как мог точнее все, что знал, и он в конце концов оставил меня под впечатлением, что сам мог бы быть великолепным юристом, так как не было ни одного пункта, которого бы он не предвидел. Когда он вполне удовлетворился всеми сведениями и выслушал объяснения по всем интересующим его пунктам, он встал и сказал:

— Писали ли вы после вашего первого письма мистеру Питеру Хокинсу или кому-нибудь другому?

С чувством горечи я ответил, что до сих еще не имел никакой возможности отослать письма кому бы то ни было.

— Ну так напишите сейчас же, мой дорогой друг, — сказал он, положив свою тяжелую руку мне на плечо, — и скажите, что вы пробудете со мной еще около месяца, считая с сегодняшнего дня, если это доставит вам удовольствие.

— Разве вы хотите меня задержать еще на столь продолжительное время?

— Я бы очень этого желал. Нет, я не принимаю отказа! Когда ваш патрон, или хозяин, как вы там хотите, сообщил мне, что пришлет ко мне своего заместителя, то мы условились при этом, что только мои интересы будут принимать во внимание. Я не определял времени. Не так ли?

Что же мне оставалось делать, как не поклониться в знак согласия. Ведь все это было не в моих интересах, а в интересах мистера Хокинса, и я должен был думать прежде всего о патроне, а не о себе, да, кроме того, в глазах графа Дракулы и во всем его поведении было нечто такое, что сразу напомнило мне о моем положении пленника. Граф увидел свою победу в моем утвердитель-

ном поклоне и свою власть надо мной в тревоге, отразившейся на моем лице, и сейчас же воспользовался этим, конечно, присущим ему хотя и вежливым, но не допускающим возражений способом.

— Но прошу вас, мой добрый, дорогой друг, в ваших письмах не касаться ничего другого, кроме дел. Без сомнения, вашим друзьям доставит удовольствие узнать, что вы здоровы и что вы надеетесь скоро вернуться домой. Не так ли?

При этом он протянул мне три листа бумаги и три конверта. Глядя на бумагу и на него и обратив внимание на его спокойную улыбку, открывшую его острые клыкообразные зубы, я сразу понял так же отчетливо, как если бы он мне об этом заявил, что я должен быть очень осторожным в своих письмах, так как, по-видимому, он способен был прочесть их. Поэтому я решил написать при нем только официальные письма, а потом уже тайком написать все подробно мистеру Хокинсу, а также и Мине, которой, к слову сказать, я могу писать стенографически, что поставит в затруднение графа, если он только увидит это. Написав два письма, я спокойно уселся и начал читать книгу, пока граф делал несколько заметок, справляясь в книгах, лежащих на столе. Затем он забрал оба письма, положил их вместе со своими около письменного прибора и вышел из комнаты. Я немедленно воспользовался его уходом, чтобы рассмотреть письма, которые лежали на столе адресам вниз. Я не испытывал при этом никаких угрызений совести, так как находил, что при данных условиях ради своего же спасения я должен был пользоваться всеми средствами. Одно из писем было адресовано «Самуил Ф. Билингтон и Ко», № 7, Кресценд, Уайтби; другое — господину Лейтнеру, Варна; третье — «Кутц и Ко», Лондон; четвертое — господам Клопштоку и Бильрейту, банкирам в Будапеште. Второе и четвертое были не запечатаны. Только я собрался прочесть их, как заметил движение дверной ручки. Я еле успел разложить письма на столе в прежнем порядке, усесться в кресло и вновь приняться за книгу, как граф показался, держа в руке еще одно письмо. Он забрал со стола письма и, запечатав их, повернулся ко мне и сказал:

— Я надеюсь, вы меня простите за то, что я отлучусь на весь вечер, так как мне предстоит много частных дел.

В дверях он еще раз повернулся и сказал после минутной паузы:

— Позвольте посоветовать вам, мой милый друг, вернее, предупредить вас наисерьезнейшим образом, что если вы покинете эти известные вам комнаты, то вам никак не удастся заснуть во всем замке. Замок старинный, хранит в своих стенах много воспоминаний, и плохо приходится тому, кем сны овладевают безрассудно. Итак, вы предупреждены! Как только вы почувствуете, что вас одолевает сон, спешите к себе в спальню или в одну из этих комнат, и тогда ваш покой будет гарантирован. Но если вы будете неосторожны в этом отношении... — Он закончил свою речь, сказанную зловещим тоном, движением рук показывая, что умывает их.

Я отлично понял его; но усомнился в возможности существования более ужасного сна, чем та неестественная, полная ужаса, мрака и таинственности действительность, которая окружала меня.

Позже.

Теперь, когда я заново эти последние строки, о сомнениях уже не может быть и речи. Я не побоюсь спать во всем замке, лишь бы его не было. Я положил распятие у изголовья моей кровати и думаю, что таким образом мой покой обойдется без снов. Здесь крест навсегда и останется...

Когда граф ушел, я удалился в свою комнату. Немного погодя, не слыша ни звука, я вышел и пошел по каменной лестнице туда, откуда можно наблюдать за местностью с южной стороны. Тут я мог наслаждаться свободой, глядя на обширные, хотя и недоступные для меня пространства; все же сравнительно с черным мраком, царящим во дворе, тут был свет. Озираясь кругом, я лишний раз убедился, что действительно нахожусь в тюрьме; я жаждал хоть подышать свежим воздухом. Я любовался великолепным видом, озаренным мягким лунным светом, пока не стало светло как днем. Нежный свет смягчал очертания далеких холмов, а тени в долинах и узких проходах покрылись бархатным мраком. Скромная красота природы ободрила меня; с каждым дыханием я как будто вбирал мир и покой. Когда я высунулся в окно, то заметил, что что-то зашевелилось у окна, налево от меня, именно там, где, по моим предположениям, находилось окно комнаты графа. Высокое и большое окно, у которого я стоял, было заключено в каменную амбразуру, которая, несмотря на то что была источена временем, была цела. Я спрятался за амбразуру и осторожно выглянул.

И вот я заметил, как из окна высунулась голова графа. Лица его я не разглядел, но сразу узнал его по затылку и движениям плеч и рук. Я никак не мог ошибиться, так как много раз внимательно присматривался к его рукам. Вначале я очень заинтересовался этим явлением, да и вообще, много ли нужно, чтобы заинтересовать человека, чувствующего себя пленником! Но мое любопытство перешло в ужас и страх, когда я увидел, что он начал ползти вдоль стены над ужасной пропастью лицом вниз, причем его одежда развевалась вокруг него, как большие крылья. Я глазам своим не верил! Вначале мне показалось, что это отражение лунного света или игра капризно брошенной тени, но, продолжая смотреть, я отказался от своих сомнений, так как ясно увидел, как пальцы и ногти цеплялись за углы камней, штукатурка которых выветрилась от непогоды; пользуясь каждым выступом и малейшей неровностью, граф, как ящерица, полз с невероятной быстротой вниз по стене.

Что это за человек или что это за существо, так напоминающее человека? Я чувствую, что весь ужас этой местности сковывает меня; я боюсь, ужасно боюсь, и нет мне спасения! Я охвачен таким страхом, что не смею даже думать о...

15 мая.

Я опять видел графа, ползущего, как ящерица. Он опустился на добрых 400 футов наискось влево. Затем он исчез в какой-то дыре или окне. Когда голова его исчезла из виду, я высунулся в окно, стараясь проследить его дальше, но безуспешно, так как расстояние было слишком велико. Я знал теперь, что он удалился из замка, и поэтому решил воспользоваться удобным случаем, чтобы

осмотреть все то, чего не успел осмотреть раньше. Я вернулся к себе в комнату и, взяв лампу, пошел пробовать все двери. Все они оказались запертыми, как я и ожидал, причем замки были совершенно новы; тогда спустился по каменной лестнице в зал. Я убедился, что болты довольно легко отодвинуть и что нетрудно снять и большие цепи с крючка; но дверь оказалась запертой, а ключ был унесен. Ключ, должно быть, в комнате у графа; придется дожидаться случая, когда дверь его комнаты будет открыта, чтобы иметь возможность забраться туда и уйти незаметно. Я продолжал осматривать различные лестницы и проходы и пробовал все двери. Одна или две маленькие комнатки близ зала оказались незапертыми, только там ничего не нашлось интересного, кроме старинной мебели, покрытой пылью и изъеденной молью. В конце концов на самой верхушке одной лестницы я все-таки нашел какую-то дверь, которая хотя и была заперта, но при первом же легком толчке подалась. При более сильном толчке я почувствовал, что она действительно не заперта. Тут мне представился случай, который вряд ли вторично подвернется; поэтому я напряг все свои силы, и мне удалось настолько отодвинуть дверь, что я смог войти в комнату. По расположению окон я понял, что анфилада комнат расположена на южной стороне замка, а окна этой конечной комнаты выходят на запад и юг. С той и с другой стороны была большая пропасть. Замок был построен на краю большого утеса, так что с трех сторон он был совершенно недоступен. На западе видна была большая долина, а за ней вдали возвышались большие зубчатые утесы, расположенные один за другим; крутые утесы были покрыты горными цветами и терновником, корни которого цеплялись за трещины и расселины камня. Эта часть замка была, по-видимому, когда-то обитаема, так как обстановка была уютнее, чем в остальных частях. Занавесей на окнах не было, и желтый свет луны, проникавший сквозь окна, скрадывал толстый слой пыли, лежавший повсюду и прикрывавший изъязы, вызванные временем. Моя лампа мало помогала мне при блестящем лунном свете, но я был счастлив, что она была со мною, потому что ужасное одиночество заставляло холодеть мое сердце и расстраивало нервы. Во всяком случае, мне здесь было лучше, чем в тех комнатах, которые я возненавидел благодаря присутствию в них графа; я постарался успокоить свои нервы, и постепенно нежное спокойствие охватило меня...

И вот я умиротворенно восседаю за дубовым столиком. Как знать, вполне вероятно, что в стародавние времена к нему подчас присаживалась некая прелестная дама, дабы, мучительно раздумывая чуть ли не над каждым словом и очаровательно краснея, сочинить любовное послание, пестревшее от орфографических ошибок. А теперь ее сменил я и скрупулезно стенографирую все детали событий, происшедших с того момента, когда я открывал свой дневник в последний раз. Ну а на дворе у нас уже в разгаре девятнадцатый век — век науки и прогресса!.. Тем не менее, если только, конечно, я не обманываюсь в собственных ощущениях, минувшие столетия сохранили над нами особую магическую власть, перед которой поистине бессилён любой прогресс.

Замок был построен на краю большого утеса.

16 мая. Утро.

Да хранит Господь мой рассудок, так как я в этом очень нуждаюсь! Безопасность и уверенность в безопасности — дело прошлого! Пока я здесь живу, у меня только одно стремление — как бы не сойти с ума, если только это уже не произошло. Если рассудок еще при мне, то это действительно сумасшествие думать, будто из всех мерзостей, какими я окружен в этом ненавистном мне месте, менее всего мне страшен граф и будто только с его стороны я еще могу надеяться на помощь до тех пор, пока он еще во мне нуждается! Великий Боже! Сохрани мое хладнокровие, так как иначе сумасшествие действительно неизбежно!.. Таинственное предостережение графа теперь волнует меня; когда я об этом думаю, то еще больше пугаюсь, так как чувствую, что в будущем буду находиться под страхом его власти надо мною. Я буду бояться даже усомниться в каждом его слове...

Находясь сегодня ночью в этой комнатке наверху, я чувствовал, что сон начал меня одолевать. Я вспомнил предостережение графа, но страстное желание послушаться его овладело мною. Сон одолевал меня все сильнее и вместе с ним — желание борьбы. Мягкий лунный свет озарял пространство, а водворившийся покой как-то освежал меня. Я решил в эту ночь не возвращаться больше в свои мрачные комнаты, а проспать здесь. Я вытащил какую-то кушетку из угла и поставил ее так, что мог лежа свободно наслаждаться видом на запад и на юг, и, не обращая внимания на густую, покрывающую здесь все пыль, я собрался заснуть.

Мне кажется, вероятнее всего, что я и заснул; я надеюсь, что так и было, но все-таки ужасно боюсь, как бы все, что затем последовало, не происходило наяву, так как то, что произошло, было так реально, так явственно, что теперь, сидя здесь при ярком солнечном свете, я никак не могу представить себе, чтобы то был сон...

Я был не один... Комната была та же, нисколько не изменившаяся с тех пор, как я в нее вошел. Я мог различить благодаря лунному свету свои собственные следы, которые разрушили сеть накопившейся на полу паутины. В лунном свете против меня находились три молодые женщины; судя по одеждам и манерам, то были леди. Я думаю, что видел их сквозь сон, так как, несмотря на то что свет луны находился позади них, от них не было никакой тени на полу. Они подошли ко мне вплотную и, посмотрев на меня, начали затем шептаться между собой. Две из них были брюнетками, с тонкими орлиными носами, как у графа, с большими, темными, пронизательными глазами, казавшимися совершенно красными при бледно-желтоватом свете луны. Третья леди была белокура — самая светлая блондинка, какая только может существовать, с вьющимися, густыми, золотистыми волосам и с глазами цвета бледного сапфира. Мне казалось, что я знаю это лицо, что я во сне его когда-то видел, но никак не мог вспомнить, где и когда именно. У всех трех были великолепные белые зубы, казавшиеся жемчугом среди рубиново-красных сладострастных губ. В них было нечто такое, что сразу заставило меня почувствовать какую-то неловкость. В душе моей пробудилось какое-то мерзкое желание, чтобы они меня поцеловали своими красными чувственными губами.

Они пошептались между собой и потом все три рассмеялись каким-то удивительно серебристым музыкальным смехом. Блондинка кокетливо кивнула головкой, а обе другие подзадоривали ее. Одна из них сказала:

— Начинай! Ты первая, а мы последуем твоему примеру. Твое право начать.

Другая прибавила:

— Он молод и здоров; тут хватит поцелуев на всех нас.

Я спокойно лежал и, прищурившись, глядел на них, изнемогая от предвкушения наслаждения. Светлая дева подошла ко мне и наклонилась надо мною так близко, что я почувствовал ее дыхание. Оно было какое-то сладкое, точно мед, а с другой стороны, действовало на нервы так же своеобразно, как и ее голос, но в этой сладости чувствовалась какая-то горечь, какая-то отвратительная горечь, присущая запаху крови.

Я боялся открыть глаза, но прекрасно все видел, приоткрыв немного веки. Блондинка встала на колени и наклонилась надо мною. Она наклонялась все ближе и ближе, облизывая при этом свои губы, как животное; при свете луны я заметил, что ее ярко-красные губы и кончик языка, которым она облизывала белые острые зубы, обильно покрыты слюной. Ее голова опускалась все ниже, и губы ее, как мне показалось, прошли мимо моего рта и подбородка и остановились над самым горлом. Я ощутил какое-то щекотание на коже

*Блондинка стала на колени и наклонилась надо мною.
Она наклонялась все ближе и ближе...*

горла и прикосновение двух острых зубов. Я закрыл глаза в томном восторге и ждал, и ждал, трепеща всем существом.

Но в то же мгновение меня с быстротою молнии охватило другое ощущение. Я почувствовал присутствие графа; он был в бешенстве. Я невольно открыл глаза и увидел, как граф своей мощной рукой схватил женщину за ее тонкую шею и изо всей силы швырнул в сторону, причем синие глаза ее сверкнули бешенством, белые зубы скрежетали от злости, а бледные щеки вспыхнули от гнева. Но что было с графом! Никогда не мог вообразить себе, чтобы даже демоны могли быть охвачены такой свирепостью, бешенством и яростью! Его глаза положительно метали молнии. Красный оттенок их сделался еще ярче, как будто пламя адского огня пылало в них. Лицо его было мертвенно-бледно, и все черты этого лица застыли, как бы окаменев; а густые брови его, и без того сходявшиеся к носу, теперь напоминали тяжелую прямую полосу добела раскаленного металла. Свирепо отбросив женщину от себя, он сделал движение и к двум другими, как бы желая и их отбросить назад. Движение это было похоже на то, которым он укрощал волков; затем своим громким, твердым голосом, как бы пронизывающим воздух в комнате, несмотря на то что он говорил почти шепотом, он сказал:

— Как вы смеете его трогать? Как вы смеете поднять глаза на него, раз я вам это запретил? Назад, говорю вам! Ступайте все прочь! Этот человек принадлежит мне! Посмейте только коснуться его, и вы будете иметь дело со мною!

Светлая дева грубо-коккетливым движением повернулась к нему и сказала, смеясь:

— Ты сам никогда никого не любил и никогда никого не полюбишь.

Обе другие женщины подтвердили это, и раздался такой радостный и в то же время грубый и бездушный смех, что я чуть не лишился чувств, услышав его; казалось, будто бесы справляли свой шабаш. Граф повернулся ко мне и, пристально глядя мне в лицо, нежно прошептал:

— Нет, я тоже могу любить; вы сами могли в этом убедиться в прошлом. Я обещаю вам, что, как только покончу с ним, позволю вам целовать его сколько захотите. А теперь уходите. Я должен его разбудить, так как предстоит еще одно дело.

— А разве мы сегодня ночью ничего не получим? — со сдержанным смехом спросила одна из дев, указав на мешок, который он бросил на пол и который двигался, как будто в нем находилось что-то живое. Он утвердительно кивнул головой. Одна из женщин моментально бросилась и открыла мешок. Если только мои уши не обманули меня, то оттуда раздались вздохи и вопли полузадушенного ребенка. Женщины кружились вокруг этого мешка, в то время как я был весь охвачен ужасом; но, когда я вгляделся пристально, то оказалось, что они уже исчезли, а вместе с ними исчез и ужасный мешок. Другой двери в комнате не было, а мимо меня они не проходили. Казалось, что они просто испарились в лучах лунного света и исчезли в окне, так как я видел, как их слабый облик постепенно изглаживался в окне.

Затем ужас меня охватил с такой силой, что я упал в обморок.

ГЛАВА IV

Проснулся я в собственной постели. Если только ночное приключение не приснилось мне, то это граф перенес меня сюда. Целый ряд мелких признаков говорил за это. Мое платье было сложено не так, как я это обыкновенно делаю. Мои часы стояли, а я их всегда завожу на ночь, и много еще таких мелких подробностей. Но, конечно, все это не может служить доказательством; может быть, эти явления подтверждают только то, что мой рассудок по той или другой причине не совсем в порядке. Я должен найти другие доказательства. Чему я, однако, несказанно рад, так это тому, что мои карманы остались нетронутыми, так как граф, очевидно, очень спешил, если только это он перенес меня сюда и раздел. Я уверен, что мой дневник был бы для него загадкой, которую он не смог бы разгадать. Он, наверное, взял бы его себе и, может быть, уничтожил. Теперь моя комната, которая всегда казалась мне отвратительной, является как бы моим святилищем, так как нет ничего страшнее тех ужасных женщин, которые ожидали и будут ждать случая высосать мою кровь.

18 мая.

Я опять пошел в ту комнату, так как должен же я наконец узнать всю правду. Когда я подошел к двери на верхней площадке лестницы, то нашел ее запертой. Ее закрыли с такою силой, что часть ее оказалась расщепленной. Я увидел, что болт не был задвинут и дверь закрыта изнутри. Я боюсь, что все это — не сон... Я должен разгадать эту загадку...

19 мая.

Я, без сомнения, напал на след. Прошлой ночью граф наисладчайшим тоном попросил меня написать три письма: в первом сообщить, что мое дело здесь уже близится к концу и что через несколько дней я выеду домой; во втором — что я выезжаю на следующий день даты письма, а в третьем — что я уже покинул замок и приехал в Бистрицу. Мне страшно хотелось запротестовать,

но я понял, что в моем положении открыто ссориться с графом — безумие, так как я нахожусь в его власти; а отказаться написать эти письма значило бы возбудить его подозрение и навлечь на себя его гнев. Он понял бы, что я слишком многое узнал и что я не должен оставаться в живых, так как я ему опасен; единственным моим исходом было искать и ждать случая. Может быть, и подвернется случай бежать. В его глазах я снова заметил нечто похожее на тот гнев, с которым он отшвырнул от себя белокурую женщину. Он объяснил мне, что почта ходит отсюда редко и не внушает доверия, поэтому мне следует заранее известить моих друзей о своем приезде; кроме того, он убеждал меня, что, если бы мне пришлось продлить свое пребывание в замке, он всегда вовремя может задержать мое последнее письмо в Бистрице на необходимое время. Все это было сказано таким тоном, что противоречить ему значило бы вызвать у него новое подозрение, поэтому я сделал вид, что совершенно согласен с ним, и только спросил его, какие числа поставить в письмах. Он на минуту задумался, потом сказал:

— Первое пометьте 12 июня, второе и третье — 29 июня.

Теперь я знаю, сколько дней я еще проживу. Да поможет мне Бог!

28 мая.

Есть возможность сбежать или по крайней мере послать домой весточку: банда цыган пришла к замку и расположилась во дворе.

Я напишу домой несколько писем и постараюсь добиться, чтобы цыгане отправили их на почту. Я уже завязал с ними знакомство через окошко. Они сняли при этом шляпы и делали мне какие-то знаки, так же малопонятные, как и их язык...

Я написал письма. Мне написал стенографически, а мистера Хокинса просто попросил списаться с нею. Ей я сообщил о своем положении, умалчивая, однако, об ужасах, в которых я сам еще не вполне разобрался. Если бы я выложил ей всю душу, то она испугалась бы до смерти. Если письма каким-нибудь образом все-таки дойдут до графа, то он все же не будет знать моей тайны, или, вернее, насколько я проник в его тайны...

Я отдал письма; я бросил их сквозь решетку моего окна вместе с золотой монетой и как мог знаками показал им, что нужно бросить их в почтовый ящик. Взявший их прижал их к сердцу и затем вложил в свою шляпу. Больше я ничего не мог сделать. Я пробрался в библиотеку и начал читать. Так как граф не приходил, то я и писал здесь...

Граф пришел. Он уселся против меня и сказал своим вкрадчивым голосом, открывая два письма:

— Цыган передал мне эти письма, хотя я и не знаю, откуда они взялись. Мне теперь придется быть осторожным. Посмотрим! — Он, по-видимому, их рассмотрел. — Одно из них от вас к моему другу Питеру Хокинсу; другое, — здесь, открыв письмо, он увидел странные знаки, причем его лицо омрачилось и глаза сверкнули бешенством, — другое — гадкий поступок, — злоупотреб-

ление дружбой и гостеприимством. Оно не подписано. Прекрасно! Так что оно не может нам повредить.

И он хладнокровно взял письмо и конверт и держал их над лампой, пока они не превратились в пепел. Затем он продолжал:

— Письмо, адресованное к Хокинсу, я, конечно, отправлю, раз оно от вас. Ваши письма для меня святы. Вы, друг мой, простите меня, конечно, что, не зная этого, я их распечатал. Не запечатаете ли вы их опять?

Он протянул мне письмо и с изысканным поклоном передал мне чистый конверт. Мне оставалось только надписать адрес и молча вручить ему письмо. Когда он вышел из комнаты, то я услышал, как ключ мягко повернулся в замке. Подождав минуту, я подошел к двери — она оказалась запертой на ключ.

Час или два спустя граф спокойно вошел в комнату; он разбудил меня своим приходом, так как я заснул тут же, на диване. Он был очень любезен и изыскан в своем обращении и, видя, что я спал, сказал:

— Вы устали, друг мой? Ложитесь в постель. Там удобнее всего отдохнуть. Я лишен удовольствия беседовать с вами сегодня ночью, так как я очень занят; но вы будете спать, я в этом уверен!

Я прошел к себе в комнату и, странно признаться, великолепно проспал. И отчаяние имеет свои хорошие стороны...

31 мая.

Когда я сегодня утром проснулся, то решил запастись бумагой и конвертами из своего чемодана и хранить их у себя в кармане, дабы иметь возможность записывать то, что нужно в случае необходимости, немедленно, но меня ожидал новый сюрприз: из чемодана исчезла вся бумага и конверты, вместе со всеми записками, расписанием железных дорог, подробными описаниями моих путешествий; исчезло и письмо с аккредитивом — словом, все, что могло бы мне пригодиться, будь я на воле. Я пошел искать их в моем портмоне и в шкафу, где висели те вещи, в которых я приехал.

Мой дорожный костюм исчез; мой сюртук и одеяло также. Я нигде не мог найти и следа их. Должно быть — новая злодейская затея.

17 июня.

Сегодня утром, сидя на краю постели и разбираясь в событиях, я вдруг услышал на дворе щелканье хлыста и стук копыт лошадей по каменной дороге. Я бросился к окну и увидел два больших фургона, запряженных каждый 8 лошадьми; у каждой пары стоял словак, в белой шляпе, кушаке, обитом громадными гвоздями, грязных штанах и высоких сапогах. В руках у них были длинные палки. Я бросился к двери, чтобы скорее спуститься вниз и пробраться к ним через входную дверь, которая, по моему мнению, была не заперта. Опять поражение: моя дверь оказалась запертой снаружи, тогда я бросился к окну и окликнул их. Они тупо взглянули наверх и показали на меня; тут как раз к ним подошел их предводитель; увидев, что они показывают на меня, — он сказал им что-то,

над чем они рассмеялись. После этого никакие мои усилия, ни жалобный крики, ни отчаянные мольбы не могли заставить их взглянуть на мое окно. Они окончательно отвернулись от меня. Фургоны были нагружены большими ящиками с толстыми ручками; они, без сомнения, были пустыми, судя по легкости, с которой их несли словаки. Ящики выгрузили и сложили в кучу в углу на дворе, затем цыгане дали словакам денег, плюнув на них на счастье, и словаки вслед за тем лениво направились к своим лошадям и уехали.

24 июня. На рассвете.

Прошлой ночью граф рано покинул меня и заперся на ключ у себя в комнате. Как только я убедился в этом, я опять помчался по винтовой лестнице наверх посмотреть в окно, выходящее на юг. Я думал, что подстерегу здесь графа, так как кажется, что что-то готовится. Цыгане помещаются где-то в замке и заняты какой-то работой. Я это знаю, так как порой слышу шум езды и глухой шум не то мотыги, не то заступа; что бы они ни делали, это во всяком случае, должно быть, конец какого-нибудь жестокого злодеяния.

Я стоял у окна почти полчаса, когда заметил, как что-то выползло из окна комнаты графа. Я подался назад и осторожно наблюдал. Наконец увидел всего человека. Совершенно новым ударом для меня было то, что я увидел на нем мой дорожный костюм; через плечо у него висел тот самый ужасный мешок, который, как я помнил, те женщины забрали с собой. Тут уже больше не было сомнения, что это он похитил мои вещи и сам нарядился в мое платье; — вот, значит, его новая злая затея. Он хочет, чтобы другие приняли его за меня; чтобы, таким образом, в городе и деревнях знали, что я сам относил свои письма на почту, и чтобы всякое злодеяние, которое он совершит в моем костюме, было приписано всеми местными жителями мне.

Я думал, что дождусь возвращения графа, и поэтому долго и упорно сидел у окна. Затем я начал замечать в лучах лунного света какие-то маленькие мелькающие пятна, крошечные, как микроскопические пылинки; они кружились и вертелись как-то неясно и очень своеобразно. Я жадно наблюдал за ними, и они навевали на меня какое-то спокойствие. Я уселся поудобнее в амбразуре окна и мог, таким образом, свободнее наблюдать за воздушным движением.

Что-то заставило меня вздрогнуть — какой-то громкий, жалобный вой собак, раздавшийся со стороны долины, скрытой от моих взоров. Все громче и громче раздавался он, а витающие атомы пылинок, казалось, принимали новые образы, меняясь вместе со звуками и танцуя в лунном свете. Я боролся и зывал к моему рассудку; вся моя душа полусознательно боролась вместе со всеми моими чувствами и порывалась ответить на зов. Я находился как будто под гипнозом. И все быстрее кружились пылинки, а лунный свет как будто ускорял их движение, когда они проносились мимо меня, исчезая в густом мраке. Они все больше и больше сгущались, пока не приняли форму мутных призраков. Тогда я вскочил, опомнился, взял себя в руки и с криком убе-

жал. В призрачных фигурах, явственно выступавших при лунном свете, я узнал очертания тех трех женщин, в жертву которым я был обречен. Я убежал в свою комнату, где не было лунного света и где ярко горела лампа; мне казалось, что здесь я в безопасности. Через несколько часов я услышал в комнате графа какой-то шум, точно резкий вопль, внезапно подавленный, затем наступило молчание, такое глубокое и ужасное, что я невольно содрогнулся. С бьющимся сердцем я старался открыть дверь; но я снова был заперт в своей тюрьме и ничего не мог поделать.

Тут я вдруг услышал на дворе раздирающий крик женщины. Я подскочил к окну и посмотрел сквозь решетку на двор. Там действительно стояла женщина с распущенными волосами, прислонившись к углу калитки. Увидев мое лицо в окне, она бросилась вперед и угрожающим голосом крикнула:

— Изверг, отдай моего ребенка!

Она упала на колени и, простирая руки, продолжала выкрикивать те самые слова, которые ранили мое сердце. Она рвала на себе волосы, била себя в грудь и приходила все в большее и большее отчаяние. Наконец, продолжая неистовствовать, она кинулась вперед, и когда я уже больше не мог ее видеть, то слышал, как она колотила кулаками во входную дверь.

Затем откуда-то, высоко надо мною, должно быть с башни, послышался голос графа; он говорил что-то своим повелительным, строгим, металлическим голосом. В ответ ему раздался со всех сторон, даже издалека, вой волков. Не прошло и нескольких минут, как целая стая их ворвалась сквозь широкий вход во двор, точно вырвавшаяся на свободу свора диких зверей.

Крик женщины прекратился, а вой волков как-то внезапно затих. Вслед за тем волки, облизываясь, удалились поодиночке.

Я не мог ее не пожалеть, так как догадывался об участи ее ребенка, а для нее самой смерть была лучше его участи.

Что мне делать? Что я могу сделать? Как я могу убежать из этого рабства ночи, мрака и страха?

25 июня. Утром.

Ночью меня всегда как-то тревожат и терзают страхи и угрожают какие-нибудь опасности или ужасы. Я до сих пор ни разу не видел графа при дневном свете. Неужели он спит, когда другие бодрствуют, и бодрствует, когда другие спят? Если бы я только мог попасть в его комнату! Но нет никакой возможности! Дверь всегда заперта, я никак не могу пробраться туда.

Нет, попасть туда можно! Лишь бы хватило храбрости! Раз он попадает, почему же другому не попытаться? Я собственными глазами видел, как он полз по стене, почему бы и мне не последовать его примеру и не пробраться к нему через окно? Шансов у меня мало, но и положение мое отчаянное! Я рискну! В худшем случае может быть только смерть. Да поможет мне Бог в моем предприятии! Прощай, Мина, если я промахнусь, прощайте, верный мой друг, мой второй отец; прощайте все, и последний привет еще Мине!

Тот же день. Позже.

Я рискнул и благодаря Создателю вернулся опять в свою комнату. Совершенно бодрый, со свежими силами, я подошел к окну, выходящему на юг и на узкий каменный карниз, окружающий с этой стороны строения. Стена построена из больших грубо отесанных камней, и известка между ними выветрилась от времени. Я снял сапоги и начал спускаться по ужасному пути. Я прекрасно знал направление, а также и расстояние от окна графа, считался с этим насколько мог и решил воспользоваться всеми полезными случайностями. Я не чувствовал головокружения, — должно быть, я был очень взволнован, — и время показалось мне невероятно короткими, так как я вскоре очутился на окне комнаты графа. Тем не менее я был страшно взволнован, когда наклонился и спустил ноги с окна в комнату. Я оглянулся — нет ли графа — и с удивлением и радостью увидел, что в комнате никого не было. Обстановка была как будто в том же стиле, как и та, что в южных комнатах, и так же покрыта пылью. Я стал искать ключ; в замке его не было, я его не нашел нигде. Единственное, что я нашел, — это была целая куча золота в углу: золото всевозможного рода — романские, британские, австрийские, греческие и турецкие монеты, покрытые целым слоем пыли и, должно быть, долго лежавшие в земле. Я не заметил среди них ни одной, которой было бы менее трехсот лет. Там были еще цепи, украшения и несколько драгоценностей, но все старое и в пятнах. В одном углу комнаты находилась дверь. Я попробовал ее открыть, так как, не найдя ключа от комнаты или входной двери, что было главной целью моих поисков, я должен был продолжать свои исследования для того, чтобы все мои труды не пропали даром. Она была открыта и вела круто вниз сквозь каменный проход по винтовой лестнице. Я спустился, внимательно наблюдая за тем, куда я иду, так как лестница была темная, освещенная лишь редкими отверстиями в толстой каменной стене. На дне я натолкнулся на темный проход туннеля, откуда несся тошнотворный, убийственный запах — запах свежей, только что разрытой земли; по мере моего приближения запах становился удушливее и тяжелее. Наконец я толчком распахнул какую-то тяжелую полуоткрытую дверь и очутился в старой развалившейся часовне, служившей, как видно, склепом. Крыша ее была сломана, и какие-то ступени вели в трех местах в углубления; земля была здесь недавно разрыта и насыпана в большие деревянные ящики, очевидно те же самые, что привезли словаки. Я начал искать еще какой-нибудь выход, но нигде ничего не оказалось. Тогда я обыскал каждый вершок пола, чтобы не пропустить какой-нибудь случайности. Я даже спустился в углубления, куда с трудом проникал тусклый свет; спустился я туда с чувством страха. Я обыскал два углубления, но ничего там не нашел, кроме обломков старых гробов и кучи пыли. В третьем же я все-таки сделал открытие.

Там в одном из больших ящиков, которых было всего 50 штук, на куче свежей земли лежал граф! Он или был мертв, или же спал — я не мог определить, — так как глаза его были открыты и точно окаменели, но без стекловидного оттенка смерти, щеки были жизненны, несмотря на бледность, а губы красны,

как всегда. Но лежал он неподвижно, без пульса, без дыхания, без биения сердца. Я наклонился к нему, стараясь найти какой-нибудь признак жизни, но тщетно. Он, должно быть, недавно здесь лежит, так как земля была еще свежа. Около ящика лежала крышка от него с просверленными в ней дырами. Я подумал, что ключи, вероятно, находятся у него, но когда я начал их искать, то взор мой случайно встретился с мертвыми глазами графа, и в этих глазах я прочел такую ненависть, что в ужасе попятился назад и поспешно ушел обратно, выбрался через окно из комнаты графа и, взобравшись по замковой стене, вернулся к себе. Я бросился, задыхаясь, в постель и постарался собраться с мыслями...

29 июня.

Сегодня срок моего последнего письма.

Граф пришел ко мне и сказал:

— Завтра, мой друг, вы должны выехать. Вы возвратитесь в свою великолепную Англию, а я вернусь к делу, которое, может быть, приведет к такому концу, какого мы вовсе не ожидаем. Ваше письмо уже отослано; завтра меня здесь не будет, но все будет приготовлено к вашему отъезду. Утром придут сюда цыгане и несколько словаков. Когда они уйдут, за вами приедет моя коляска, которая повезет вас в проход Борго, где вы пересядете в дилижанс, идущий из Буковины в Бистрицу, но я надеюсь, что увижу вас еще раз в замке Дракулы.

Я решил проверить в его искренность и спросил его прямо:

— Почему я не могу выехать сегодня вечером?

— Потому что, дорогой мой, мой кучер и лошади отправлены по делу.

— Но я с удовольствием пойду пешком, я сейчас же готов уйти.

Он улыбнулся так мягко, так нежно и в то же время такую демонической улыбкой, что мои подозрения воскресли с новой силой. Он спросил:

— А ваш багаж?

— Я могу прислать за ним. Он мне не нужен сейчас.

Граф встал и сказал с такую поразительную изысканностью, что я глазам и ушам не поверил, до того это было искренне:

— У вас, англичан, есть одна пословица, которая близка моему сердцу, так как ею руководствуемся и мы, магнаты: «Добро пожаловать, приходящий гость, и спеши — уходящий. Пойдемте со мною, дорогой мой друг, я и часу не хочу оставлять вас против вашего желания. Идемте же!»

Необыкновенно любезно, держа в руке лампу, граф спустился со мною по лестнице, освещая мне дорогу. Но вдруг он остановился и вытянул руку:

— Слушайте!

Раздался вой волков, точно вызванный движением его руки. После минутной паузы мы пошли дальше и достигли двери; он отодвинул болты и снял цепи, после чего начал открывать дверь.

К моему величайшему изумлению, оказалось, что дверь не была заперта на ключ. Я подозрительно оглядел ее: нигде не было видно даже следа от замка.

Когда дверь стала постепенно открываться, то вой волков снаружи стал раздаваться все громче и настойчивее. Тогда я понял, что против графа открыто не пойдешь. С такими противниками, как эти, да еще когда они под командою графа, я ничего не мог сделать. Но дверь продолжала медленно раскрываться; граф стоял в дверях один. У меня на мгновение промелькнула мысль, что вот, вероятно, моя участь: бросит он меня волкам — и я сам же помог ему сделать это. В этом плане было достаточного дьявольского замысла. Не видя другого исхода, я крикнул:

— Закройте дверь; я лучше дождусь утра!

Одним взмахом своей могучей руки граф захлопнул дверь, и большие болты с шумом вошли на свои места.

Когда я уже был у себя в комнате и собирался лечь, мне послышался шепот у моих дверей. Я тихо подошел к ней и прислушался. Я услышал голос графа:

— Назад, назад, на свои места! Ваше время еще не настало. Подождите! Имейте терпение! Завтра ночью! Завтрашняя ночь ваша!

Вслед за этим раздался тихий, нежный хохот; я с бешенством раскрыв дверь и увидел этих трех ужасных женщин, облизывающих свои губы. Как только я показался, они разразились диким смехом и убежали.

Я вернулся в свою комнату и бросился на колени. Неужели же мой конец так близок? Завтра! Завтра! Создатель, помоги мне и тем, кому я дорог!

30 июня. Утром.

Быть может, это мои последние строки в дневнике. Я спал до рассвета; проснувшись, я опять бросился на колени, так как решил, что если меня ожидает смерть, то она найдет меня приготовленным к ней.

Помолившись, я открыл дверь и побежал в переднюю. Я ясно помнил, что дверь была не заперта, — значит, мне предстояла возможность бежать. Дрожаящими от волнения руками я снял цепь и отодвинул болты, но дверь не поддавалась! Отчаяние овладело мною...

Дикое желание раздобыть ключи овладело мною, и я решил снова вскарабкаться по стене и пробраться в комнату графа. Пусть он убьет меня, смерть теперь казалась мне лучшим исходом из всех бед. Не задумываясь, я ринулся вверх по лестнице к восточному окну и пополз вниз по стене, как и раньше, в комнату графа. Я отправился через дверь в углу вниз по винтовой лестнице и по темному проходу в старую часовню. Я знал теперь, где найду страшилище.

Большой ящик все стоял на том же месте, у самой темной стены, но на этот раз крышка лежала на нем, не приделанная еще, но с приготовленными гвоздями, так что оставалось только вколотить их. Мне нужно было его проклятое тело из-за ключа, так что я снял крышку и поставил ее к стене. Предо мною лежал граф, но наполовину помолодевший, так как седые волосы его и усы потемнели. Щеки казались полнее, а под белой кожей просвечивал румянец; губы его были ярче обыкновенного, так как на них еще сохранились свежие

капли крови, капавшие с углов рта и стекавшие по подбородку на шею. Дрожь пробежала по моему телу, когда я наклонился к нему, чтобы дотронуться до него; но я должен был найти ключи, иначе я должен погибнуть. Быть может, следующей ночью мое тело послужит материалом для пиршества трех ужасных колдуний. Я обыскал все тело, но не нашел никаких ключей. Тогда я остановился и посмотрел на графа. На его окровавленном лице блуждала ироническая улыбка, которая, казалось, сведет меня с ума. У меня не было под рукой никакого смертоносного оружия, я схватил лопату, которой рабочие наполняли ящики землей, и, высоко взмахнув ею, ударил острием вниз прямо в презренное лицо. Но тут голова повернулась в мою сторону, и глаза взглянули на меня, напомнив мне взгляд василиска. Взгляд этот, казалось, парализовал меня, лопата повернулась у меня в руке и соскользнула с лица, оставив лишь глубокий шрам на лбу. Лопата выпала у меня из рук и, когда я со злостью отшвырнул ее, задела краем железа о крышку, которая упала, закрыв от моих взоров ужасное существо. Последнее, что я видел, — было вздутое, запятнанное кровью, полное злорадства лицо, которое явилось, казалось бы из самой преисподней.

Я ломал себе голову, что же мне делать дальше, но мой мозг, казалось, пылал и отказывался служить, так что я ожидал дальнейшего с чувством отчаяния. Стоя в ожидании, я услышал приближающуюся веселую песню цыган и одновременно с этим шум колес и щелканье кнута. То приближались цыгане и словаки, о которых говорил граф. Взглянув в последний раз на ящик, содержавший мерзкое тело, я убежал оттуда и поднялся в комнату графа, решив выбежать из нее, как только откроется дверь. С напряженным вниманием я прислушивался, с нетерпением ожидая момента, когда распахнется дверь, но услышал только, как внизу заскрипел ключ в замке и там же открылась тяжелая дверь; это был какой-то новый вход, или, может быть, у кого-то был свой ключ от какой-нибудь закрытой двери. Затем послышались шаги в проходе. Я повернулся и хотел снова сбегать вниз, к склепам, предполагая, что новый вход находится именно там; но в это мгновение сильный ветер, неизвестно откуда ворвавшийся, захлопнул дверь, ведущую к винтовой лестнице, с такой силой, что поднял всю пыль в комнате. Когда я подбежал к ней, чтобы открыть ее, то все мои усилия ни к чему не привели. Я снова был пленником, и петля судьбы затягивалась вокруг моей шеи все теснее и теснее.

В то время как я записываю эти строки, в проходе слышен шум топчущихся ног и треск тяжестей, бросаемых на пол, должно быть, ящиков, нагруженных землею. Вот раздался звук молотка — это забивают ящики гвоздями. Вот я слышу в передней тяжелые шаги.

Вот закрылась дверь, зазвенели цепи, заскрипел ключ в замке; я слышу, как вынули ключ, затем открылась и закрылась еще какая-то дверь; послышался скрип болтов и замка.

Чу! По двору и по каменистой дороге раздается шум тяжелых колес, щелканье кнутов и хор удаляющихся цыган.

Я теперь один в замке, наедине с этими противными женщинами. Впрочем, это не женщины. Вот Мина — женщина, а между ней и теми нет ничего общего — это дьяволы преисподней!

Я не останусь с ними наедине; я постараюсь сползти по стене замка дальше, чем до сих пор. Я возьму с собою немного золота — на всякий случай; может быть, мне потом понадобится — ведь может случиться, что мне и удастся найти дорогу, как выбраться из этого ужасного места.

А там — домой! Скорей выбраться отсюда и попасть на ближайший поезд! Уйти из этого проклятого места, из этой проклятой страны, где живет дьявол и его дети!

Да, наконец, и Божья милость сильнее, чем это чудовище. А пропасть высока и глубока! Прощайте все! Мина!

*Чу! По двору и по каменистой дороге раздается шум тяжелых колес,
щелканье кнутов и хор удаляющихся цыган.*

ГЛАВА V

ПИСЬМА ЛЮСИ И МИНЫ

I

ПИСЬМО МИСС МИНЫ МЕРРЕЙ К МИСС ЛЮСИ ВЕСТЕНРА

«9 мая.

Дорогая моя Люси!

Прости мне мое продолжительное молчание, но я не писала потому, что была завалена работой. Жизнь учительницы очень утомительна. Я соскучилась по тебе и по морю, на берегу которого мы так свободно можем болтать и строить наши воздушные замки. Я усиленно занимаюсь стенографией, так как хочу впоследствии помогать Джонатану в его работах. Мы с ним иногда переписываемся стенографически, и весь дневник о своей поездке за границу он ведет тоже стенографически. Только что получила несколько торопливых строчек от Джонатана из Трансильвании. Он, слава богу, здоров и вернется приблизительно через неделю. Я жажду узнать от него все новости. Это, должно быть, очень интересно — видеть чужие страны. Не думаю, чтобы нам — я хочу сказать, Джонатану и мне — удалось когда-нибудь вместе увидеть их. Вот часы бьют 10. До свидания!

Любящая тебя, *Мина*.

Р. S. Пиши мне обо всех новостях. Ты мне уже давно ничего не сообщала. Ходят какие-то слухи о тебе и особенно о каком-то высоком красивом человеке с кудрявыми волосами?!»

II ПИСЬМО ЛЮСИ ВЕСТЕНРА К МИНЕ МЕРРЕЙ

«17, Четам-стрит. Среда.

Дорогая моя Мина!

Ты очень несправедливо обвиняешь меня, называя неаккуратной корреспонденткой: я дважды писала тебе, с тех пор как мы расстались, а твое последнее письмо было только вторым. Кроме того, мне нечего тебе сообщать. Право, ничего нет такого, что могло бы тебя заинтересовать. Теперь город оживился, мы посещаем картинные галереи, совершаем бесконечные прогулки по парку и катаемся верхом. Что же касается высокого кудрявого человека, то это, я думаю, тот самый, который был со мною последний раз на охоте. Повидимому, кому-то уже захотелось посплетничать! Этот молодой человек — некто мистер Холмвуд. Он часто бывает у нас, мама и он очень любят беседовать друг с другом; между ними много общего, и поэтому они находят массу тем для разговоров... Кстати, недавно мы встретились с одним господином, который был бы для тебя очень подходящей партией, если бы, конечно, ты не была уже невестой Джонатана. Он на редкость умен, по профессии — доктор. Как странно, что ему всего 29 лет, а между тем под его личным надзором находится уже громадная больница для сумасшедших. Нам его представил мистер Холмвуд; он теперь часто бывает у нас. Мне кажется, что это чрезвычайно решительный человек с необыкновенным самообладанием. Он производит впечатление человека абсолютно непоколебимого; воображаю, какое влияние он оказывает на своих пациентов. Доктор нашел, что я представляю интересный для него психологический тип; при всей своей скромности я думаю, что он прав... Мина! Мы с детства поверяли друг другу все наши секреты; мы вместе спали, вместе ели, вместе плакали и смеялись; и теперь раз уж я заговорила, то хочу открыть тебе свою тайну. Мина! Неужели ты не догадываешься? Я люблю Артура! Я краснею, когда пишу это, хотя надеюсь, что и он меня любит; но он мне этого еще не говорил. Но, Мина, я-то люблю его! Я люблю его! Ну вот, теперь мне стало легче. Как хотелось бы быть теперь с тобою, дорогая моя! Сидеть полураздетыми у камина, как мы, бывало, сидели; вот когда бы я подробно рассказала тебе, что я переживаю. Я не понимаю, как у меня хватило силы написать об этом, даже тебе! Я боюсь перечитывать письмо, так как мне страшно хочется, чтобы ты все узнала. Отвечай мне сейчас же и скажи мне все, что ты об этом думаешь! Спокойной ночи, Мина! Помолись за меня в твоих молитвах; помолись, Мина, за мое счастье.

Люси.

P. S. Мне, конечно, не нужно говорить тебе, что это тайна. Еще раз, спокойной ночи.

А.»

III

ПИСЬМО ЛЮСИ ВЕСТЕНРА К МИНЕ МЕРРЕЙ

«24 мая.

Дорогая моя Мина!

Благодарю, благодарю, бесконечно благодарю за неожиданное письмо! Так было приятно, что я посвятила тебя в свои переживания и что ты так сердечно отнеслась ко мне. Дорогая моя, а ведь правду говорит старая поговорка: „не было ни гроша, да вдруг алтын!“ 6 сентября мне минет 20 лет, и до сегодняшнего дня никто не делал мне предложения, а сегодня — сразу три. Подумай только! Три предложения в один день. Не ужасно ли это! Из них два предложения меня прямо огорчили, нет, правда, мне положительно жаль этих двух бедняг. Мина! Дорогая! Я так счастлива! Я расскажу тебе о трех предложениях, но ты должна держать это в секрете, дорогая моя, от всех, кроме Джонатана. Ему ты, конечно, скажешь, так как если бы я была на твоём месте, то наверное все говорила бы Артуру. Итак, дорогая моя, слушай: первый пришел как раз перед завтраком. Я уже говорила тебе о нем, — это д-р Джон Сьюворт, главный врач сумасшедшего дома. Он казался очень хладнокровным, но я все-таки заметила, что он нервничал. Он повторил мне, как я ему сделала дорога, несмотря на короткий срок нашего знакомства; говорил, что я была бы для него нравственной поддержкой и радостью его жизни. Затем он говорил мне о том, как он будет несчастлив, если я не отвечу на его чувство; но когда он увидел мои слезы, то сейчас же прервал разговор на эту тему, назвав себя животным и сказав, что ни в коем случае не желает меня больше тревожить. Прервав свои излияния, он спросил меня, не смогу ли я его полюбить в будущем; в ответ на это я отрицательно покачала головой; руки его задрожали; после некоторого колебания он спросил меня, не люблю ли я кого-нибудь другого. Я решила, что мой долг сказать ему правду. Услышав мой ответ, он встал и, взяв обе мои руки в свои, сказал мне очень торжественным и серьезным тоном, что он надеется, что я буду счастлива; кроме того, просил меня запомнить, что если бы мне понадобился друг, то он при всяких обстоятельствах будет к моим услугам. О дорогая Мина, я не могу удержаться от слез, и ты должна простить мне, что это письмо испорчено пятнами. Конечно, очень приятно выслушивать предложения, все это очень мило, но ужасно горько видеть несчастного человека, который только что сказал тебе прямо и честно, что он тебя любит, — и уходит от тебя с разбитым сердцем. Дорогая моя, я должна прервать письмо, так как чувствую себя отвратительно, даже несмотря на то что бесконечно счастлива.

Вечером.

Только что ушел Артур, и теперь я чувствую себя спокойнее, чем тогда, когда утром прервала это письмо; так что могу продолжать рассказывать тебе дальнейшее. Итак, дорогая моя, номер второй пришел после завтрака. Это американец из Техаса, очень славный малый, причем он до того молодо и све-

Люси Вестенра

жо выглядит, что просто не верится его рассказам о путешествиях по стольким странам и о пережитых им приключениях. Мистер Квинси П. Моррис застал меня одну. Прежде всего я должна предупредить тебя, что мистер Моррис не всегда говорит на жаргонном американском наречии, то есть он слишком хорошо воспитан и образован, чтобы так разговаривать с чужими или при посторонних; но когда мы одни, в своем интимном кругу, то, думая меня этим развлечь, он всегда страшно забавно болтает на своем потешном жаргоне и употребляет удивительно курьезные выражения; я думаю, что он просто-напросто их выдумывает и сует во все свои речи; впрочем, это выходит у него очень удачно. Итак, слушай дальше: мистер Моррис уселся около меня, жизнерадостный и веселый, как всегда, но заметно было, что и он был очень нервно настроен. Он взял мою руку и нежно заговорил: „Мисс Люси, я отлично знаю, что недостойн завязывать шнурки на ваших башмаках, но я убежден, что если вы будете ждать, пока найдете достойного вас мужа, то вам придется пойти и присоединиться к семерым евангельским невестам со светильниками. Не хотите ли вы поковылять с моей стороны, пройти со мною долгий мирской путь и вместе со мною потянуть житейскую лямку?“

При этом он был так юмористически радостно настроен, что мне было гораздо легче отказать ему, чем д-ру Сьюворду; я ответила ему так ясно, как только сумела, что относительно ковыляния ничего не знаю, ничего не понимаю, вовсе не сокрушена и никаких лямок тянуть не желаю. Тогда он сказал, что ему все кажется очень ясным. Затем, дорогая моя, не успела я и слова сказать, как он разразился целым потоком любовных признаний, выложив к моим ногам душу и сердце. На этот раз у него был такой серьезный вид, что я никогда больше не буду думать, будто беспечные мужчины всегда шутивы, — нет, иногда они бывают и серьезны. Мне кажется, что он заметил что-то такое в моем выражении лица, что его задело за живое, так как он на минуту замолчал, а потом заговорил еще с большим жаром, с таким жаром, что за это одно я могла бы его полюбить, если бы мое сердце было свободно: „Люси, вы девушка с чистым сердцем, я это знаю. Я бы не был здесь и не говорил бы с вами о том, о чем говорю сейчас, если бы не знал, что вы прямая, смелая и правдивая до глубины души девушка. Поэтому прошу вас сказать мне прямо, как честный человек сказал бы своему другу: есть ли у вас кто-нибудь на сердце, кого вы любите? Если таковой есть, то даю вам слово никогда больше не касаться этого вопроса и остаться, если вы позволите, только вашим искренним другом“.

„Да, я люблю другого, хотя он до сих пор еще не признавался мне в любви...“

Я была права, что сказала ему все откровенно, так как после моего признания он как будто преобразился и, протянув свои руки, взял ими обе мои — кажется, я сама потянула ему их — и очень сердечно произнес: „Спасибо, мужественная девушка. Лучше опоздать сделать предложение вам, чем вовремя выиграть сердце всякой другой девушки. Не плачьте, дорогая! Не стоит из-за меня волноваться, я тверд и не пропаду и стойко перенесу свою неудачу. Но если тот малый, не подозревающий о своем счастье, нескоро догадается о нем, то он будет иметь

Мина Мюррей

дело со мною. Маленькая деточка, ваша искренность и честность сделали меня вашим другом; имейте в виду, что это встречается реже, чем возлюбленный; во всяком случае, друг менее эгоистичен. Дорогая! Мне придется совершить довольно длинное, тоскливое путешествие, пока я не отправлюсь к праотцам, поэтому очень прошу вас подарить мне один поцелуй — это озарит мою мрачную жизнь; вы имеете право осчастливить меня им, конечно, если только захотите, дорогая, так как ведь тот прекрасный малый — он должен быть прекрасным, иначе вы бы его не любили, — еще не делал вам предложения“. Этим он меня окончательно победил, Мина; ведь это было мужественно, и нежно, и благородно для соперника — не правда ли? И притом он был так опечален; я нагнулась к нему и поцеловала его. Он поднялся, держа мои руки в своих, и, когда он посмотрел мне прямо в лицо, я ужасно покраснела; затем он сказал: „Маленькая деточка, вот я держу ваши ручки, вы меня поцеловали; если после всего этого мы с вами не стали закадычными друзьями, то больше случая для этого не будет. Благодарю вас за вашу нежность и честность по отношению ко мне и... До свидания“. Он выпустил мои руки, взял свою шляпу и, ни разу не оглянувшись, прямо прошел в двери, без слез, без колебаний и без волнений; а я вот плачу, как беби... Дорогая моя, я так взволнована, что не в состоянии писать о своем счастье сейчас же после того, что сообщила тебе; я не хочу говорить о номере третьем, пока не будет полного счастья.

Вечно любящая тебя, *Люси*.

P. S. О номере третьем мне, верно, не нужно и сообщать тебе? Все произошло так беспорядочно; мне показалось, что все произошло в одно мгновение; по-моему, не успел он войти в комнату, как обе руки схватили меня, и он покрыл меня поцелуями. Я очень, очень счастлива и положительно не знаю, чем я заслужила это счастье.

До свидания».

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА (Записано фонографически.)

25 апреля.

Полное отсутствие аппетита. Не могу есть, не могу отдыхать, так что вместо всего — дневник. После вчерашнего отказа чувствую какую-то пустоту; кажется, ничто на свете не может меня интересовать; в моем нынешнем состоянии единственное облегчение — работа, поэтому я и отправился к своим больным. Особенно долго провозился я с одним пациентом, который меня глубоко интересует: у него очень странные идеи. Он до того не похож на обыкновенного сумасшедшего, что я твердо решил изучить его подробнее; сегодня мне удалось подойти ближе, чем когда-либо, к сущности его тайны. Я положительно забросал его вопросами, расспрашивал самым подробным обра-

зом обо всем с целью разузнать обо всех причинах его галлюцинаций; конечно, это было жестоко с моей стороны. Теперь я это вижу. Я как будто старался поймать центральную точку его ненормальности — вещь, которой я у других пациентов избегаю. Вот его *curriculum vitae*¹:

Р. М. Ренфилд, 59 лет. Сангвинического темперамента; большая физическая сила; болезненно возбуждающийся; периодически подвергается припадкам черной меланхолии. Я думаю, что сангвинический темперамент доведет пациента до полного умственного помешательства; возможно, что он опасен; даже очень вероятно, что это опасный, хотя и бескорыстный человек. Мой взгляд на это следующий: если «я» — точка помешательства, то центростремительная сила уравнивается центробежной; если долг или дело и т. п. — точка помешательства, то последняя сила преобладает и может уравновеситься лишь каким-нибудь случаем или целой серией случаев.

ПИСЬМО КВИНСИ МОРРИСА К УВАЖАЕМОМУ АРТУРУ ХОЛМБУДУ

«25 мая.

Дорогой мой Арч!

Мы рассказывали друг другу истории при бивуачном огне в прериях, перевязывали друг другу раны после попытки высадиться на Маркизах и пили за наше общее здоровье на берегах Титикаки. Теперь у нас найдется еще больше материала для рассказов, найдутся другие раны, которые нужно залечить, и есть за чье здоровье выпить. Не хотите ли вы прийти завтра вечером ко мне? Приглашаю вас, потому что наверное знаю, что вы завтра будете свободны, ибо мне известно, что одна леди приглашена на завтра к обеду. К нам присоединится только одно лицо — наш старый товарищ Джон Сьюворт. Он тоже придет, и мы оба будем пить за здоровье счастливейшего из смертных, который любим благороднейшим и достойнейшим сердцем. Мы обещаем вам сердечный прием и любовь и будем пить только за ваше здоровье, в чем клянусь вашей правой рукой. Кроме того, мы готовы дать вам клятву, что доставим вас лично домой, если окажется, что вы выпили слишком много за некую известную вам пару глаз. Итак, ждем вас.

Вечно и неизменно ваш, *Квинси П. Моррис*».

ТЕЛЕГРАММА АРТУРА ХОЛМБУДА К КВИНСИ П. МОРРИСУ

«26 мая.

Рассчитывайте на меня во всяком случае. У меня есть новость, которая заставит вас развесить уши.

Арч».

¹ Жизненный путь (*лат.*).

ГЛАВА VI

ДНЕВНИК МИНЫ МЕРРЕЙ

24 июля. Уайтби.

Люси встретила меня на вокзале, оттуда мы поехали прямо к ним домой, в Кресченд. Прелестная живописная местность. Маленькая речка Эск протекает здесь по глубокой долине, расширяющейся вблизи гавани. Долина утопает в зелени, что придает необычайную красоту местности, причем берег реки так крут, что когда стоишь наверху, то долины совсем не видно. Дома в старом городе покрыты красными крышами и нагромождены один на другом, как на видах Нюрнберга. В самом конце, над городом, виднеются руины аббатства Уайтби, которое разорили датчане. Между руинами и городом виднеется приходская церковь, окруженная кладбищенской оградой, внутри которой много могил и памятников, я нахожу, что это самое красивое место во всем Уайтби, так как оно находится как раз над городом, и отсюда прекрасный вид на гавань и бухту; здесь также находится и мыс Кетленес, который выдается далеко в море. Мыс так круто спускается в гавань, что часть берега сползла далеко за дорогу. В ограде расположены скамьи; здесь гуляет масса народу и просиживает целыми днями, любуясь живописным видом и наслаждаясь прекрасным воздухом. Я сама буду очень часто приходить сюда и работать. Вот и сейчас я сижу здесь, держа свою тетрадь на коленях и прислушиваясь к разговору трех стариков, сидящих около меня. Они, кажется, по целым дням ничего не делают, сидят здесь и болтают.

Гавань расположена прямо подо мною, причем отдаленная сторона представляет собою гранитную стену, далеко выступающую в море, загибающуюся к концу, где находится маяк. Выступ этот с двух сторон окружен тяжелою водяною стеною. С внутренней стороны стена эта, изгибаясь, врывается в сушу и оканчивается у второго маяка. Между этими обоими молами находится узкий проход в гавань, которая гораздо шире прохода.

С наружной стороны гавани тянется почти на всем ее протяжении большой утес длиной около полумили, острый край которого далеко выступает из-за Южного маяка. У самого утеса находится бакен с колоколом, заунывные звуки которого разносятся в дурную погоду ветром.

Сюда направляется довольно забавный старик! Он, вероятно, страшно стар, так как все его лицо испещрено морщинами, как кора дерева. Он сказал мне, что ему около ста лет и что он был матросом в рыболовном флоте в Гренландии во времена битвы при Ватерлоо.

Я решила, что от него можно будет узнать много интересного, поэтому я спросила его, не захочет ли он мне рассказать что-нибудь о ловле китов в старые годы. Только он уселся, чтобы начать рассказ, как часы пробили шесть, и он немедленно поднялся, чтобы уйти, сказав:

— Мне теперь нужно пойти домой, мисс. Моя внучка не любит ждать, когда у нее чай уже готов, а ведь мне немало нужно времени, чтобы карабкаться по всем ступеням, а их ведь много; и я люблю, мисс, поесть вовремя.

Он заковылял прочь, и я видела, что он поспешно, насколько ему позволяли силы, начал спускаться по ступенькам.

Я тоже пойду сейчас домой. Люси с матерью пошли делать визиты, а так как это все чисто деловые визиты, то я с ними не пошла. Теперь-то они, я думаю, дома.

1 августа¹.

Час тому назад я вновь пришла с Люси на кладбище. Надо признаться, у нас состоялась преинтересная беседа с уже знакомым нам стариком и двумя

¹ Перевод этого эпизода Н. Сандровой сильно сокращен:

«1 августа.

Сегодня мы с Люси сидели опять на нашей любимой скамейке на кладбище. Вскоре к нам присоединился и старик. Он оказался большим скептиком и рассказал нам, что под могильными плитами кладбища вряд ли похоронены те лица, имена которых высечены на плитах, так как моряки гибнут по большей части на море. Люси очень расстроилась при мысли об этом пустом кладбище. Мы скоро ушли домой.

Позже.

Я вернулась сюда одна, так как мне очень грустно. Нет никаких писем. Надеюсь, что ничего не случилось с Джонатаном. Только что пробило 9. Я вижу, как город освещен рядами огоньков вдоль улиц, а иногда огоньки мелькают в одиночку. Огоньки бегут прямо вдоль реки Эск и по изгибу долины. По мою левую сторону вид как бы скрыт от меня черной линией — крышей соседнего с аббатством дома. Позади меня, на полях, слышно блеск овец и ягнят, а внизу, на мощеной дороге, раздается топот копыт осла. Оркестр на молу играет какой-то жестокий вальс, а немного дальше, на берегу, Армия спасения устроила митинг на одной из отдаленных улиц. Обе группы друг друга не слышат, я же вижу обе. Не имею понятия, где Джонатан может быть, и думает ли он обо мне. Как я бы хотела, чтобы он был здесь!»

Далее (с. 77–82) текст и примечания приводятся в переводе Р. Грищенкова.

его такими же пожилыми приятелями. Они явно почитают его как Великого оракула, и неспроста, поскольку я подозреваю, что в свое время это был властный человек, привыкший повелевать людьми. Для него не существует авторитетов, и он норовит окоротить всякого, чье мнение расходится с его собственным. В том случае, если ему не удастся переспорить собеседника, он бесцеремонно осыпает последнего отборной бранью, с удовлетворением воспринимая смятенное молчание бедняги в качестве признания своей правоты.

Люси очень мило выглядела в белоснежном батистовом платье. Пребывание здесь явно идет ей на пользу — у нее даже цвет лица поправился, и теперь он просто чудесный. Я обратила внимание, что престарелые ловеласы немедленно клюнули на нее и не упускают случая, чтобы подсесть к ней, стоит лишь нам показаться на церковном дворе и занять нашу любимую скамейку. Люси изначально была необыкновенно обходительна с пылкими старичками и уже одним этим смогла навсегда завоевать их сердца. Даже наш brave морской волк и тот потеплел, не посмея ей ни в чем перечить. Однако это отнюдь не помешало ему обрушиться на меня, причем с удвоенной силой. Едва я попробовала увлечь его в беседу о местных старинных легендах, как он с места в карьер принялся браниться на чем свет стоит. Думаю, будет полезно изложить здесь выслушанную мною гневную отповедь, не упустив ни одного слова.

— Все это бредни недоумков, целиком и полностью!!! — взревел старик в ответ на мой вопрос. — Смехотворные предостережения о нетопырях, проникающих к спящим, о каких-то призраках и незваных гостях с того света — подобной чепухой можно только малых детей да впечатлительных дамочек страшить! Нет бы делом серьезным занялись, какое там: им, дурням стоеurosовым, только бы мыльные пузыри пускать! А уж касаясь чертовых примет и знамений, — так они сплошь выдуманы больными на голову балбесами и бродячими шарлатанами вроде тех, что ошииваются на железной дороге, норовя околпачить порядочных людей и опоганить им душу, а заодно и побудить их к совершению разных дрянных дел! От одной мысли об этих прохвостах я буквально свирепею! Мало того что паршивцы отравили поганым враньем газеты и книги, — и как только еще бумага терпит?! — так они еще и бесстыдно распространяют его прямо с церковных амвонов; а поглядите, какие мерзости на могилах гравировать наловчились! Вон вокруг сколько памятников стоит, — в небеса глядят, словно их распирает от гордости, — а им впору на землю пасть под тяжким бременем высеченного на них вранья! Вы надписи-то почитайте, мисс, не поленитесь: «Здесь покоится тело такого-то...», «Да святится память твоя...» — на всех надгробиях значится одно и то же, а ведь в половине могил, если не больше, вообще пусто!!! Думаю, память эта на поверку обойдется не дороже понюшки табака! А уж о святости я и подавно промолчу. Чего ни коснись — сплошное вранье, и ничего другого, кроме вранья, вы здесь не отыщете! О мой бог! О мой бог! Что же тут будет твориться в день Страшного суда?! Мне и представить страшно... Должно быть, мертвяки в саванах восстанут из могил и бросятся к собственным надгробиям.

ям, дабы уволочь их с собою на суд и доказать, какими распрекрасными они были при жизни! У большинства из них от долгого пребывания на дне морском грабли наверняка окажутся слабыми и скользкими; ухватить-то они ухватят памяtnички свои, спору нет, а вот удержать и не сподобятся...

По самодовольной физиономии старика и тому, как он то и дело оглядывался на закадычных приятелей, словно ища их горячего одобрения, я заключила, что он явно «работает на публику». Решив подзадорить ворчуна, я с показным изумлением спросила:

— О дорогой мистер Сволс, да неужели вы это серьезно?! Не может быть, чтобы со всеми могилами на кладбище дело обстояло нечисто!

— Да чтоб меня черти взяли!!! Пожалуй, жалкая горстка нетронутых среди них и осталась, — чего уж точно не скажешь о прочих, из которых родня выкапывала погребенных, дабы придать им благообразный вид, а еще и сбечь их подольше, — тут, видите ли, многие верят, будто бы благодаря дурацкому балзамированию тела мертвяков сохраняются не хуже, чем в море... Хотя все это тоже чушь и вранье, одна мерзкая показуха... А теперь слушайте внимательно... Вы, мисс, у нас тут человек приезжий, верно? И вот зачем-то угораздило вас заявиться к кладбищенской кирхе...

Я не слишком хорошо понимала его речь, ибо он нередко вставлял в нее непривычные для меня слова, но на сей раз я поспешила кивнуть, посчитав, что он, скорее всего, подразумевает местную церковь.

А моряк продолжал:

— Да неужто вы всерьез поверили, что под каждой плитой здесь и впрямь лежит по мертвяку, — и вроде как лежат они себе вольготно, наслаждаясь покоем, да еще при полном параде?!

Я снова с готовностью кивнула.

— Да, мисс... только вот тут-то и начинается все вранье! Там целая тьма могил, пустых, как пересохшая глотка старины Дэна вечером в пятницу, — тут он ткнул в бок одного из приятелей, и оба зашлись хриплым хохотом. О мой бог! И вы еще, небось, верите, что на этом кладбище могло быть иначе?! Гробницу видите? Вон ту, самую дальнюю... Прочтите-ка вслух надпись, выбитую на ней!

Приблизившись к могиле, я прочитала:

— «Эдвард Спенслаф, старший матрос, убиенный пиратами у берегов Сан-Андрэ¹ в апреле 1854 года, будучи 30 лет от роду...»

Я вернулась к мистеру Сволсу, и он тотчас продолжил исполненный негодования монолог:

— Но вот что не дает мне покоя: а кому ж это там втемяшилось в башку, что его непременно нужно припереть к нам на кладбище, а?! Этого самого убиенного у берегов Андрэ? Вы, мисс, конечно, верите, что под плитой лежит его никудышное тело?! Как бы не так! Я готов сходу перечислить вам дюжи-

¹ Коралловый остров в Карибском море.

ну имен разных типов, чьим костям положено гнить именно здесь, а они вместо этого разлагаются на морском дне у Гренландии! — При последних словах он свирепо рубанул своей дланью воздух, показав таким образом на север. — А может, и нет: ведь течением-то их могло отнести вообще черт знает куда!.. Тут еще найдется немало любопытных надгробий, причем в паре шагов от нас. У вас молодые глазки, мисс, а потому вам не составит труда прочесть те бессовестные враки, что значатся хотя бы на ближайшем из них. Видите — вон те маленькие буквы? Означенный там Брэйтвэйт Лоури, — я, кстати, знал его папашу, и неплохо, — так вот, он пошел на дно, пребывая на борту «Резвушки»¹, и приключилось это в Гренландских водах где-то так в 1820 году... Ну а рядом еще один, Эндрю Вудхаус, — там же и утоп в 1777-м, а за ним и Джон Пакстон — но тот уже годом позднее у мыса Фарвеля...² Да, а здесь у нас, глядите, лежит старина Джон Роллинс — со мною еще его дед ходил по морям да океанам; внучок-то, получается, сгинул в 1850-м и ныне кормит рыб где-то в Финском заливе... А теперь подумайте хорошенько, мисс: да неужто все они, едва заслышав Трубный глас, рванут из пучины морской сюда, в Уитби?! Что-то, мисс, я сильно сомневаюсь на сей счет. Но если уж они действительно ломанутся к нам, то уверяю вас, что, столкнувшись этак нос к носу, изрядно намнут друг дружке бока; да, драка выйдет что надо — не хуже Ледового побоища в добрые старые времена! Помню, мы рубились в пух и прах с утра и аж до глубокой ночи, а наши жуткие раны штопало северное сияние!

Последняя фраза, видимо, относилась к числу излюбленных местных шуток, поскольку старый моряк тотчас разразился оглушительным смехом, и к нему разом присоединились его товарищи.

— Уверяю вас, — осмелилась я смиренно возразить, — но вы не совсем правы, ибо исходите из того, что всем усопшим, или, точнее, их нетленным душам, надлежит иметь при себе в день Страшного суда собственные могильные плиты. Вы считаете это непременно условием?

— А какой иначе с них, с плит-то могильных, вообще тогда толк?! Ну-ка, ответьте мне, мисс...

— Дабы убогатворить родственников усопших, я полагаю...

— Убогатворить родственников усопших, вы полагаете?! — возопил он с глумливым презрением. — И о каком, черт побери, благе можно говорить, если им-то самим распрекрасно известно, что на плитах не начертано

¹ Мистер Сволс упоминает реальное кораблекрушение, имевшее место у северо-восточного берега Гренландии, когда по весне затонуло подряд два судна-китобоя; одним из них, более крупным, и была «Резвушка». Двойное кораблекрушение унесло жизни 65 человек. Однако трагедия произошла не в 1820-м, как утверждает старый морской волк, а в марте 1826 г. Печальная утрата побудила преподобного Уильяма Скорсби сочинить особую поминальную брошюру (она помимо прочего содержала полный текст его возвышенный проповеди, посвященной памяти погибших моряков), изданную в тот же год, осенью.

² Мыс на юге Гренландии, достигающий в высоту 800 м.

ничего, кроме наглого вранья?! Коли вы не верите мне, мисс, тогда спросите здесь у любого, и они вам подтвердят: все надписи на могилах — сущее вранье!!! — Разошедшийся не на шутку старик ткнул пальцем в плиту, покоившуюся на земле почти у наших ног. — А вот вам и добавка! Впору лишь потешаться, читая подобный вздор...

Мне со своего места не удалось разобрать надпись, но Люси, сидевшая поближе, наклонилась вперед и прочла вслух:

«Священной памяти Джорджа Кэнона, каковой опочил в надежде на чудесное воскрешение 29 июля 1873 года, упав со скал Кетленесса¹. Это надгробие установлено его скорбящей матерью в память о своем дорогом и возлюбленном сыне. Она была почтенной вдовой, а он приходился ей единственным сыном». Знаете, мистер Сволс, — задумчиво проговорила Люси, — лично я не нахожу в этих словах ничего смешного. — Тон ее был серьезен и даже отчасти суров.

— Ах, так вы не находите в этих словах ничего смешного?! Ха-ха-ха!!! Так это потому, мисс, что вам невдомек: так называемая «скорбящая мать» на деле обладала нравом дикой кошки, и она люто ненавидела родного сына по причине того, что бедняга был калек; впрочем, он платил ей той же монетой, предпочтя в итоге свести счеты с жизнью, лишь бы мамаша не наложила свои жадные лапы на его страховку. Взял да и разнес себе череп из старинного мушкета, которым обычно ворон на поле распугивали. Да только в тот раз их напугать почему-то не вышло, и на труп горемыки слетелись стаи черного воронья и слепней. «Упав со скал», ага, как же!!! А относительно надежд «на чудесное воскрешение», я вам скажу без утайки: мне частенько приходилось слышать, как он твердил мамаше, будто бы твердо надеется попасть в ад, поскольку она, с ее-то набожностью, без сомнения, отправится в рай, а оказаться вместе с ней у него нет ни малейшего желания!!! Ну что, леди, вы чувствуете теперь, каким поганым враньем смердит эта плита?! — вопрошая, старик яростно лупил по надгробию палкой. — Ангел Гавриил наверняка лопнет от смеха, когда чудак Джорди восстанет из праха и, задыхаясь от натуги и волоча на горбу свою паршивую плиту, примется умолять, чтобы ее приняли в виде доказательства его благопристойной кончины!

Я ошеломленно молчала, не находя слов для возражения, однако Люси порывисто встала со скамейки и находчиво сменила нить беседы:

— Господи, мистер Сволс, и зачем вы нам о таких страстях поведали?! Ведь эта скамейка — она у меня самая любимая; а другие мне и вовсе не милы, и я бы ни при каких обстоятельствах не вздумала пересаживаться. Теперь же выясняется, что мною была избрана для отдохновения... могила самоубийцы!!!

— О моя милая, вам-то это никак не повредит! А насчет Джорди тоже можете не беспокоиться: он будет просто в восторге, что к нему чуть ли не на колени примостилась такая нарядная и пригожая барышня. И ему

¹ Скалистый мыс к северу от Уайтби.

приятно, и вам не в ущерб. Возьмите меня: я тут уж несколько десятков лет шатаюсь, и все как с гуся вода! Ну а вы и подавно не берите в вашу прелестную головку, что под этой плитой якобы кто-то лежит, — к тому же там, может статься, и нет никого! А вот если мы с вами дождемся Судного дня, то, пожалуй, можете начинать бояться! Тогда мертвяки поволокут свои могильные плиты, а вся земля уподобится жнивью, и везде будет хоть шаром покати... Однако пробили часы, слышите? Это значит, что мне следует убираться восвояси. Мое почтение обеим леди!

И с этим пожеланием старик энергично заковылял прочь.

Мы с Люси еще какое-то время оставались сидеть на скамейке. Перед нами открывался столь дивный вид, что мы невольно взяли с ней за руки. Люси вновь поведала мне об Артуре и о приближающейся дате их бракосочетания. У меня сразу защемило сердце, ибо от своего дорогого Джонатана я уже свыше месяца не получала вестей.

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА

5 июня.

Ненормальность Ренфилда становится все интереснее. Некоторые черты характера у него особенно сильно развиты: эгоизм, скрытность и упрямство.

Хотел бы я понять основу последнего. У него как будто есть свой собственный определенный план, но какой — не знаю еще. Его подкупающее качество — это любовь к животным, хотя, в сущности, она у него так странно выражается, что иногда мне кажется, будто он просто ненормально жесток с ними. Его ласки очень странного характера. Теперь, например, его конек — ловля мух. У него их сейчас такая масса, что мне пришлось сделать ему выговор. К моему изумлению, он не разразился бурей, как я этого ожидал, а посмотрел на это дело просто и серьезно. Немного подумав, он сказал: «Дайте мне 3 дня срока — я их тогда уберу». Я согласился.

18 июня.

Теперь у него страсть перешла к паукам; у него в коробке несколько очень крупных пауков. Он кормит их мухами, и число последних заметно уменьшилось, несмотря на то что он употребляет массу времени для приманки мух со двора.

1 июля.

Я сказал ему сегодня, что он должен расстаться и с пауками. Так как это его очень огорчило, то я предложил ему уничтожить хотя бы часть их. Он радостно согласился с этим, и я дал ему на это опять тот же срок. Теперь, когда я к нему прихожу, он возбуждает во мне отвращение, так как недавно я видел, как к нему, жужжа, влетела страшная, жирная муха, наевшаяся, вероятно, ка-

кой-нибудь падали, — он поймал ее и рассматривал, держа в пальцах, и, раньше чем я мог опомниться, взял ее в рот и съел. Я начал его бранить за это, но он преспокойно возразил мне, что это очень вкусно и здорово и что это придает ему жизни. Это и навело меня на мысль, или, вернее, это дало мне толчок следить за тем, каким образом он избавляется от своих пауков. У него, очевидно, большая задача в уме, так как он всегда держит при себе маленькую записную книжечку, куда он то и дело вносит разные заметки. Целые страницы испещрены в ней множеством формул, состоящих по большей части из однозначных чисел, которые складываются, затем суммы их снова складываются, как будто он подводит какой-то итог.

8 июля.

Мое основное предположение о какой-то системе в его сумасшествии подтверждается. Скоро, по-видимому, получится целая, стройная мысль. Я на несколько дней покинул своего пациента, так что теперь я снова могу отметить все перемены, которые за это время произошли. Все осталось как было, кроме разве того, что он отделался от некоторых своих причуд, но зато пристрастился к новым. Он как-то умудрился поймать воробья и отчасти уже приучил его к себе. Его способы приручения просты, так как пауков стало уже меньше. Оставшиеся, однако, хорошо выкормлены, так как он все еще добывает мух, заманивая их к себе.

19 июля.

Мы прогрессируем. У моего «приятеля» теперь целая колония воробьев, а от пауков и мух почти что следов не осталось. Когда я вошел в комнату, он подбежал ко мне и сказал, что у него ко мне большая просьба — «очень, очень большая просьба», при этом он ласкался ко мне, как собака. Я спросил его, в чем дело. Тогда он с каким-то упоением промолвил: «Котенка, маленького, хорошенького, гладкого, живого, с которым можно играть, и учить его, и кормить, и кормить — и кормить». Не могу сказать, чтобы я не был подготовлен к этой просьбе, так как я уже заметил, до чего быстро его причуды прогрессировали в размере, но я не верил, чтобы целое семейство прирученных воробьев могло быть уничтожено таким же путем, как мухи и пауки, так что я обещал ему поискать котенка и спросил его, не хочет ли он лучше кошку, чем котенка. Он выдал себя:

— О да, конечно, мне хотелось бы кошку, но я просил только котенка, боясь, что вы откажете мне в кошке.

Я кивнул головою, сказав, что сейчас, пожалуй, не будет возможности достать кошку, но что я поищу. Тут его лицо омрачилось и в глазах появилось опасное выражение — выражение внезапно вспыхнувшего гнева, коим взгляд, выражавший жажду убийства. Этот человек — просто человекоубийственный маньяк.

20 июля.

Посетил Ренфилда очень рано, до того еще, как служитель сделал обход. Застал его вставшим и напевающим какую-то песню. Он сыпал сбереженные им крошки сахара на окошко и вновь принялся за ловлю мух, причем делал это весело и добродушно. Я оглянулся в поисках его птиц и, не найдя их нигде, спросил, где они. Он ответил, не оборачиваясь, что они все улетели. В комнате было несколько птичьих перьев, а на подушке его виднелась капля крови. Я ничего не сказал ему и, уходя, поручил служителю донести мне, если в течение дня с Ренфилдом произойдет что-нибудь странное.

11 часов дня.

Служитель только что приходил ко мне сообщить, что Ренфилд был очень болен и что его рвало перьями. «По-моему, доктор, — сказал он, — он, съев своих птиц — просто брал их и глотал живьем».

11 часов вечера.

Я дал Ренфилду сильную дозу наркотического и забрал у него его записную книжку, чтобы рассмотреть ее. Мысль, которая меня последнее время занимала, теперь оправдалась. Мой смертоносный пациент — маньяк особого типа. Мне придется придумать новую классификацию и назвать его зоофагус (жизнь пожирающий маньяк); он жаждет истребить как можно больше жизни, и он решил выполнить это в восходящем порядке. Он дал несколько мух на съедение одному пауку, несколько пауков одной птице и потом захотел кошку, чтобы та съела птиц. Что было бы его последней ступенью? Стоило бы, пожалуй, продолжать опыт. Это можно было бы, если бы нашлось достаточно оснований для этого. Люди смеются над вивисекцией, а вот, посмотрите, каких результатов она достигла. Почему же не подогнать науку и не довести ее до самого трудного в жизни: до знания мозга. Зная тайну хотя бы одной из этих отраслей, зная источник фантазии хотя бы одного сумасшедшего, я привел бы всю эту отрасль знания к такой точке, что сравнительно с нею «Физиология» Бердена Сандерсона или же «О мозге» Феррье — казались бы ничтожеством. Лишь было бы достаточно оснований. Но не следует часто предаваться этим мыслям, иначе искушение будет слишком сильно; хорошее побуждение может победить во мне здравый смысл, так как возможно, что и я тоже человек с особенно устроенным мозгом.

Как хорошо этот человек рассуждал! Ненормальный всегда исходит от своей собственной цели. Хотел бы я знать, во сколько он ценит человеческую жизнь?

ДНЕВНИК МИНЫ МЕРРЕЙ

26 июля.

Я очень беспокоюсь, и единственное, что на меня благотворно действует, это возможность высказаться в своем дневнике; в нем я как будто из-

ливаю сама себе свою душу и одновременно слушаю сама себя. Я получила наконец весточку от Джонатана. Письмо заключается в одной строчке, и в ней сообщается, что Джонатан только что выехал домой. Это не похоже на Джонатана. Я не понимаю этой краткости, и он меня беспокоит. Да тут еще Люси, несмотря на совершенно здоровый вид, снова принялась за свою прежнюю привычку ходить во сне. Мы с ее матерью обсудили этот вопрос и решили, что отныне я на ночь буду закрывать дверь нашей спальни на ключ. Мистрис Вестенра вообразила, что лунатики всегда ходят по крышам домов и по краям утесов, а затем внезапно пробуждаются и с раздирающим душу криком, который эхом разносится по всей окрестности, падают вниз. Она боится за дочь и говорит, что это у нее наследственная привычка от отца. Осенью свадьба Люси, и она уже теперь мечтает о том, как она все устроит у себя в доме. Я очень сочувствую ей, так как у меня те же мечты, но только нам с Джонатаном предстоит вступить в новую жизнь на очень скромных началах, и мне придется с трудом сводить концы с концами. Мистер Холмвуд, вернее, высокочтимый сэр Артур Холмвуд, — единственный сын лорда Холмвуда — придет сюда, как только сможет покинуть город. Задерживает его лишь болезнь отца. Милая Люси, наверное, считает дни до его приезда. Ей хочется свести его на нашу скамейку на кладбищенской скале, чтобы показать ему, до чего живописен Уайтби. Я убеждена, что из-за этого ожидания она так и волнуется. Она, наверное, совершенно поправится, как только он придет.

27 июля.

Никаких известий о Джонатане. Очень беспокоюсь о нем, хотя, собственно, не знаю почему; хорошо было бы, если бы он написал хоть одну строчку. Люси страдает лунатизмом больше, чем когда-либо, и я каждую ночь просыпаюсь от ее хождения по комнате. К счастью, так жарко, что она не может простудиться, но все-таки мое беспокойство и вынужденная бессонница дают себя знать. Я стала нервной и плохо сплю. Слава богу, что хоть в остальном она совершенно здорова.

3 августа.

Еще неделя прошла, и все еще никаких известий от Джонатана, и даже мистер Хокинс ничего не знает. Но я надеюсь, что он не болен, иначе он наверное написал бы. Я перечитываю его последнее письмо, но оно меня не удовлетворяет. Оно как-то не похоже на Джонатана, хотя почерк, несомненно, его. В этом не может быть никакого сомнения. Люси не особенно много разгуливала по ночам последнюю неделю, но с ней происходит что-то очень странное, чего я даже не понимаю: она как будто следит за мною, даже во сне; пробует двери и, когда находит их запертыми, ищет по всей комнате ключи.

6 августа.

Снова прошло 3 дня без всяких известий. Это молчание становится положительно невыносимым. Если бы я только знала, куда писать или куда поехать, я бы чувствовала себя гораздо лучше; но никто ничего не слышал о Джонатане после его последнего письма. Я должна только молить Бога о терпении. Люси еще более возбуждена, чем раньше, но в общем здорова. Вчера ночью погода стала очень бурной, и рыбаки говорят, что ожидается шторм. Сегодня пасмурно, и небо заволокло большими тучами, высоко стоящими над Кетленесом. Все предметы серы, исключая зеленую траву, напоминающую изумруд. Море, окутанное надвигающимся туманом, перекидывается с ревом через отмели и прибрежные камни. Тучи висят, как исполинские скалы, и в природе слышится голос приближающегося рока. На морском берегу виднеются тут и там черные движущиеся в тумане фигуры. Рыбачьи лодки спешат домой; влетая в гавань, они то появляются, то снова исчезают в бешеном прибое волн. Вот идет старик Сволс. Он направляется прямо ко мне, и по тому, как он мне кланяется, я вижу, что он хочет со мною поговорить...

Меня тронула перемена, происшедшая в старике. Сев возле меня, он очень ласково заговорил со мною:

— Мне хочется вам кое-что сказать, мисс.

Я видела, что ему как-то не по себе, поэтому я взяла его старческую, морщинистую руку и ласково попросила его высказаться; оставив свою руку в моей, он сказал:

— Я боюсь, дорогая моя, что я оскорбил вас всеми теми ужасами, которые наговорил, рассказывая вам о мертвецах и тому подобном на прошлой неделе. Но у меня этого вовсе не было на уме, вот это-то я и пришел вам сказать, пока еще не умер. Но я, мисс, не боюсь смерти, нисколько не боюсь. Мой конец, должно быть, уж близок, ибо я стар и 100 лет — это для всякого человека слишком долгое ожидание; а мой конец уже так близок, что старуха уже точит свою косу. В один прекрасный день Ангел Смерти затрубит в свою трубу надо мной. Не нужно грустить и плакать, моя дорогая, — перебил он свою речь, заметив, что я плачу. — Если он придет ко мне сегодня ночью, то я не откажусь ответить на его зов, ибо, в общем, жизнь — не что иное, как ожидание чего-то большего, чем наша здешняя суета, и смерть — это единственное, на что мы действительно надеемся; но я все же доволен, дорогая моя, что она ко мне приближается, и при этом так быстро. Она может настигнуть меня вот сейчас, пока мы здесь сидим и любимся. Смотрите, смотрите, — закричал он внезапно, — возможно, что этот ветер с моря уже несет судьбу, и гибель, и отчаянное горе, и сердечную печаль. Смертью запахло! Я чувствую ее приближение! Дай бог мне с покорностью ответить на ее зов!

Он благоговейно простер свои руки вдаль и снял шапку. Его губы шевелились — будто шептали молитву. После нескольких минут молчания он встал, пожал мне руку и благословил меня, затем попрощался и, прихрамывая, пошел домой. Это меня тронуло и потрясло. Я обрадовалась, когда увидела под-

ходившего ко мне берегового сторожа с подозрительной трубкой под мышкой. Он, как всегда, остановился поговорить со мною и при этом все время не сводил глаз с какого-то странного корабля.

— Я не могу разобраться, какой это корабль; по-видимому — русский. Смотрите, как его страшно бросает во все стороны! Он совершенно не знает, что ему делать: он, кажется, видит приближение шторма, но никак не может решить — пойти ли на север и держаться открытого моря или же войти сюда. Вот опять, посмотрите! Он совершенно не умеет управляться, кажется, что даже не знает, как употреблять руль; при каждом порыве ветра меняет свое направление. Завтра в это время мы что-нибудь узнаем о нем! Мы еще услышим о нем завтра!

ГЛАВА VII

ВЫРЕЗКА ИЗ THE DAILY TELEGRAPH ОТ 8 АВГУСТА (приложенная к дневнику Мины Меррей)

Уайтби. От собственного корреспондента.

На днях здесь неожиданно разразился ужасный шторм со странными и единственными в своем роде последствиями. Погода была немного знойная, явление весьма обыкновенное в августе месяце. В субботу вечером была чудеснейшая погода; все окрестные леса и островки были переполнены гуляющими. Пароход «Эмма и Скэрбаро» делал многочисленные рейсы взад и вперед вдоль побережья; на нем было тоже необыкновенное количество пассажиров, спешивших в Уайтби и обратно. Весь день до самого вечера продержалась хорошая погода; вечером поднялся легкий ветерок, обозначаемый на барометрическом языке «№ 2: легкий бриз». Береговой сторож, находившийся на своем посту, и старый рыбак, наблюдавший более полу столетия с Восточного утеса за переменами погоды, важным тоном заявили, что это предзнаменование внезапного шторма. Приближающийся закат солнца был так чудесен и так величествен в этой массе великолепно окрашенных туч, что целая толпа собралась на дороге к утесу, на кладбище, чтобы любоваться красотой природы. Пока солнце еще не совсем зашло за черною массою Кетленеса, гордо вздымающегося над морскими волнами, путь его к закату был отмечен мириадами облаков, окрашенных лучами заходящего солнца в самые разнообразные цвета. Многие капитаны решили тогда оставить в гавани, пока шторм не минует, свои «cobble» или «mules»¹, как они называют свои пароходишки. Вечером ветер окончательно стих, а к полуночи всюду царил гробовая тишина, знойная жара и та непреодолимая напряженность, которая при приближении грозы так странно действует на всякого чувствительного человека. На море

¹ «Угольки», «тягачи» (англ.).

виднелось очень мало судов: береговой пароход, обыкновенно придерживавшийся берега, который вышел в открытое море, несколько рыбацких лодок да еще иностранная шхуна, шедшая с распущенными парусами по направлению к западу. Безумная отвага или полное невежество ее моряков послужили благодарной темой для пересудов; были сделаны попытки подать ей сигнал спустить паруса ввиду приближающейся опасности. Ее видели до самого наступления ночи с праздно развевающимися парусами, нежно колышущейся на вольной поверхности моря.

Незадолго до десяти часов штиль стал положительно угнетающим, и тишина была настолько велика, что ясно слышно было блеяние овец в поле и лай собак в городе, а толпа на плотине с ее веселыми песнями являлась как бы диссонансом в великой гармонии тишины в природе. Немного после полуночи раздался какой-то странный звук со стороны моря.

Затем без всяких предупреждений разразилась буря. С быстротою, казавшейся сначала невероятной, а затем уже невозможной, весь вид природы как-то вдруг преобразился. Волны вздымались с возрастающей яростью, причем каждая из них превышала свою предшественницу, пока наконец, в какие-нибудь несколько минут море, бывшее только что гладким как зеркало, не уподобилось ревущему и все поглощающему чудовищу. Волны, украшенные белыми гребнями, бешено бились о песчаные берега и взбегали по крутым скалам; иные перекидывались через мола и своей пеной омывали фонари с маяков, находившихся на конце каждого мола гавани Уайтби. Ветер ревел как гром и дул с такой силой, что даже сильному человеку с трудом удавалось держаться на ногах и то только в том случае, если ему удавалось уцепиться за железные стойки. Пришлось очистить всю пристань от толпы зрителей, иначе ужасы ночи были бы еще значительнее. Вдобавок ко всем затруднениям и опасностям этой минуты с моря на берег ринулся туман — белые мокрые тучи, двигавшиеся, как приведения, такие сырые, мокрые и холодные, что достаточно было совершенно скудной фантазии, чтобы вообразить, будто это духи погибших на море обнимают своих живых братьев своими цепкими руками смерти, и многие содрогались, когда эта пелена морского тумана настигала их. Временами туман разбивался, и на некотором расстоянии виднелось море в ослепительном сверкании молний, непрерывно следовавших одна за другой и сопровождавшихся такими внезапными ударами грома, что все небо, казалось, дрожало от порывов шторма. Некоторые из этих явлений были бесконечно величественны, а море — поразительно интересно; тут и там бешено неслась, с лохмотьями вместо паруса, рыбацья лодка в поисках приюта. На вершине Восточного утеса был уже приготовлен новый прожектор для опытов, но его все как-то не удавалось применить. Теперь офицеры, которым он был поручен, привели его в действие и в просветах вторгающегося тумана освещали его лучами поверхность моря. Труды их были не напрасны. Какую-то полузатопленную рыбацью лодку несло к гавани, и только благодаря спасительному свету прожектора ей удалось избежать несчастья разбиться о мол. Каждый

раз, как какая-нибудь лодка оказывалась в безопасности в гавани, среди толпы, стоявшей на берегу, раздавалось ликование. Радостные крики прорезывали на мгновение вой бури и уносились затем вместе с ее новым порывом. Вскоре прожектор открыл вдали корабль с распушенными парусами, очевидно ту самую шхуну, которая была замечена немного раньше, вечером. За это время ветер повернул к востоку, и дрожь охватила зрителей на утесе, когда они поняли ту ужасную опасность, в которой шхуна теперь оказалась. Между шхунной и портом находился тот большой плоский риф, из-за которого пострадало так много пароходов; и при ветре, дувшем с невероятной силой, шхуне не было никакой возможности достигнуть входа в гавань. Был уже час высшей точки прилива, волны были так высоки, что чайки неслись с ними на одной высоте, а шхуна неслась на всех парусах с невероятной быстротой. Затем снова разостался туман, гуще и плотнее, чем раньше. Лучи прожектора были теперь направлены через Восточный мол на вход в гавань, на то место, где ожидалось крушение. Толпа ждала, затаив дыхание. Ветер внезапно повернул к северо-востоку, и остаток морского тумана рассеялся в порыве ветра. И тогда — *mirabile dictu*¹ — между молами появилась странная шхуна и, перекатываясь с волны на волну, с головокружительной быстротой, на всех парусах, вошла в безопасную гавань. Прожектор ярко осветил ее, и тогда содрогание охватило всех увидевших ее, так как оказалось, что к рулю был привязан чей-то труп, голова которого болталась из стороны в сторону при каждом движении корабля. На палубе никого больше не было видно. Ужас овладел всеми, когда оказалось, что корабль как будто чудом попал в гавань, спасенный как будто управлением руки мертвеца. Все это произошло гораздо скорее, чем возможно написать эти строки. Шхуна, не останавливаясь, пронеслась по гавани и врезалась в большую массу песка и гравия, омытую многими приливами и штормами, — в юго-восточном углу плотины, находящейся под Восточным утесом, известной здесь под названием Тэт-Гиль-Пир.

Конечно, когда корабль въехал на песчаную кучу, это вызвало большое сотрясение. Все брусья, веревки и препятствия были уничтожены, и некоторые верхние снасти с треском полетели вниз. Но страннее всего было то, что, как только шхуна коснулась берега, на палубу выскочила громадная собака и, пробежав по палубе, соскочила на берег. Направившись прямо к крутому утесу, на котором возвышается кладбище, собака исчезла в густом мраке.

Как-то случилось, что в это время никого не было на Тэт-Гиль-Пире, так как все те, дома которых находились по соседству, или спали уже, или же находились на утесах. Таким образом, береговой сторож, находившийся на восточной стороне гавани и тотчас же спустившийся и прибежавший к малой плотине, был первым взобравшимся на борт. Человек, управляющий прожектором, осветил вход в гавань и, ничего не заметив там, направил свет снова на море. Береговой сторож подбежал к концу шхуны и, подойдя к рулевому

¹ Странно сказать, удивительно (*лат.*).

колесу, наклонился, чтобы присмотреться. Но сразу попятился назад, как будто внезапно чем-то потрясенный. Это обстоятельство вызвало всеобщее любопытство, и целая масса народа устремилась туда. От Западного утеса до Тэт-Гилль-Пира порядочный кусок, но ваш корреспондент довольно хороший бегун и поэтому прибежал намного раньше своих спутников. Тем не менее когда я появился, то там уже стояла целая толпа, собравшись на плотине, так как сторож и полиция не разрешали ей взойти на борт. Благодаря любезности главного лодочника мне, как вашему корреспонденту, и еще маленькой группе людей, уже видевшей мертвого моряка, привязанного к колесу, было разрешено взойти на палубу.

Нет ничего удивительного в том, что береговой сторож был поражен или даже испуган, так как редко приходится видеть такие сцены. Человек был привязан за руки к спице колеса, причем руки его были связаны одна над другой. Между рукой и деревом находился крест, а четки, к которым этот крест был приделан, были обмотаны вокруг кисти руки и колеса, и все это вместе было связано веревкой. Возможно, что этот бедняга раньше находился в сидячем положении, но хлопавшие и бьющиеся паруса, очевидно, разбили рулевое колесо, и тогда его начало кидать из стороны в сторону, так что веревки, которыми он был привязан, врезались в мясо до самых костей. Были сделаны точные записи о положении вещей, и доктор сэр Дж. М. Кэффин, прибывший сейчас же вслед за мной, после краткого осмотра заявил, что этот человек уже по крайней мере два дня как умер. В его кармане была пустая, плотно закупоренная бутылка со свертком бумаги внутри, оказавшейся дополнением к корабельному журналу. Береговой сторож говорил, что он, должно быть, сам связал себе руки, затянув узлы зубами. Затем покойный штурман был почти снят с того места, где он стоял на своей благородной вахте до самой смерти, и теперь, внесенный в список мертвых, ожидает следствия.

Внезапно налетевший шторм уже проходит, его свирепость спадает; тучи рассеиваются, и небо начинает уже пунцоветь над йоркширскими полями. Я вышлю вам к следующему номеру дальнейшие подробности о покинутом пароходе, нашедшем таким чудесным образом в бурю путь к пристани.

Уайтби. 9 августа.

Обстоятельства, открывшиеся после вчерашнего странного прибытия шхуны в шторм, еще ужаснее, нежели сам факт. Это оказалась русская шхуна из Варны под названием «Дмитрий». Она почти целиком наполнена грузом серебристого песка, кроме того, совершенно незначительным грузом, состоящим из порядочного количества больших деревянных ящиков, наполненных черноземом. Груз этот предназначалсястряпчему м-ру С. Ф. Биллингтону-Крессину в Уайтби, приехавшему сегодня утром на борт и официально принявшему в свое распоряжение, предназначенное ему имущество. Русский консул принял, по обязанности, в свое владение пароход и заплатил все портовые расходы. Здесь много говорят о собаке, выскочившей на сушу, как только

корабль пристал, которой нигде не могли найти; казалось, будто она совершенно исчезла из города. Возможно, что ее напугали и она сбежала в болото, где теперь еще прячется со страха.

Сегодня рано утром нашли большую собаку, принадлежащую торговцу углем, вблизи от Тэт-Гилль-Пира мертвой, как раз на дороге против двора ее хозяина. Она с кем-то подралась, и, по-видимому, — с ярыми противниками, так как горло ее было разорвано, а брюхо распорото как будто громадными когтями.

Позже.

Благодаря любезности инспектора министерства торговли, мне было разрешено просмотреть корабельный журнал «Дмитрия», доведенный в полном порядке до последних трех дней, но в нем не оказалось ничего особенно интересного, кроме факта пропажи людей. Гораздо больший интерес представляла собою бумага, найденная в бутылке, доставленная сегодня для исследования; и сопоставление этих двух документов открыло мне, что не мне суждено разгадать эту тайну. Так как не было причин скрывать, то мне и разрешили воспользоваться ими, так что я посылаю вам копии.

По всему кажется, будто капитан был охвачен какою-то навязчивой идеей перед выходом в море и что эта идея последовательно развивалась в нем в продолжение всего путешествия. Я пишу под диктовку секретаря русского консула, который был так любезен, что перевел записки журнала для меня.

«КОРАБЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ „ДМИТРИЯ“»

Варна — Уайтби.

Записано 18 июля.

Происходят такие странные вещи, что я отныне буду аккуратно записывать их, пока не прибудем на место.

6 июня.

Мы кончили принимать груз — серебряный песок и ящики с землей. В полдень подняли паруса. Восточный ветер прохладен, экипаж — пять матросов, два помощника, повар и я.

11 июля.

Туман. Вошли в Босфор. Приняты на борт турецкие таможенные офицеры. Бакшиш. Все в порядке. Вышли в 4 часа дня.

13 июля.

Прошли мыс Матапан. Экипаж чем-то недоволен. Казался напуганным, но не пожелал говорить, в чем дело.

14 июля.

Случилось что-то неладное с экипажем. Люди все сильные молодцы, плававшие со мною раньше. Помощник никак не мог добиться, что случилось; ему сказали только, что что-то произошло, и перекрестились.

16 июля.

Матрос донес, что утром пропал матрос из экипажа — Петровский. На это никак не рассчитывали. Восемь вахт сменилось вчера с левой стороны корабля; был сменен Абрамовым, но не пошел в кочегарку. Люди подавлены более, чем когда-либо. Помощник обращается с ними неприветливо, ожидают неприятностей.

17 июля.

Вчера один матрос, Олгарен, вошел ко мне в каюту и с испуганным лицом сказал мне, что, по его мнению, на корабле находится какой-то посторонний человек. Он сказал, что в то время, когда он стоял на вахте, он на время укрылся за рубку, так как была страшная непогода и лил сильный дождь; вдруг он увидел, как высокий, тонкий человек, совершенно не похожий на кого бы то ни было из экипажа, вышел на палубу, прошел по ней и затем исчез куда-то. Он осторожно пошел за ним следом, но когда дошел до самого борта, то никого не нашел, а люки все были закрыты. Панически суеверный страх овладел им, и я боюсь, что паника распространится. Чтобы устранить ее, велю завтра хорошенько обыскать пароход от носа до кормы.

Немного позже, днем, я собрал весь экипаж и сказал им, что так как они думают, будто на шхуне находится посторонний человек, то мы сделаем обыск от носа до кормы. Первый помощник рассердился, сказал, что это безумие и что поддерживать такие сумасшедшие идеи — значит деморализовать людей; сказал, что возьмется освободить их от всех тревог одним рычагом, но я приказал ему взяться за руль, остальные принялись за основательный обыск; все шли рядом, с фонарями в руках; мы не пропустили ни одного уголка. Так как в трюме стояли одни только деревянные ящики, то и не оказалось никаких подозрительных углов, где бы человек мог спрятаться. Люди после обыска сразу успокоились и снова мирно принялись за работу. Первый помощник хмурился, но ничего не сказал.

22 июля.

На протяжении трех дней на море бушует ужасный шторм. Каждая пара рук на счету, поскольку все до одного матросы усердно возятся с парусами. Работы через край, и поэтому бояться уже просто некогда. Первый помощник опять повеселел, и в команде тоже воцарился мир: люди теперь ладят между собой, как и прежде. Улучив момент, я нарочно созвал матросов и поблагодарил их за превосходную и слаженную работу в часы жестокого ненастья. Оставили за кормой Гибралтар и далее через пролив вышли в океан. Пока что дела обстоят благоприятно.

24 июля.

Какой-то злой рок как будто преследует шхуну. И без того уже стало одним человеком меньше, нужно войти в Бискайский залив, предвидится ужасная погода, а тут вчера еще один человек исчез. Как и первый — пропал во время вахты, и больше его не видели. Люди снова в паническом страхе. Сделал всеобщий опрос, желательно ли удвоить вахту, так как они боятся оставаться одни. Помощник рассвирепел.

Боюсь, что снова будет тревога: или он, или остальные совершат какую-нибудь жестокость.

28 июля.

Четыре дня в аду; кружимся все время в каком-то водовороте; а буря не стихает. Ни у кого нет времени поспать. Люди выбились из сил. Затрудняюсь, кого поставить на вахту, никто не способен выдержать. Второй помощник взялся за руль и за вахту и дал людям возможность насладиться получасовым сном. Ветер стихает, волны еще люты, но меньше, чем раньше, так как чувствую, что шхуна держится крепче.

29 июля.

Новая трагедия: ночью на вахте был всего один матрос, так как экипаж был слишком утомлен, чтобы ее удваивать. Когда утренняя вахта пришла на смену, то никого не нашла, кроме рулевого. Снова тщательный обыск, но никого не нашли. Теперь я уже и без второго помощника, и среди экипажа снова паника; помощник и я решили держать всегда при себе заряженные пистолеты в ожидании объяснения этой тайны.

30 июля.

Рады, что приближаемся к Англии. Погода чудесная, паруса все распушены. От усталости обессилен. Крепко спал, был разбужен помощником, сообщившим мне, что оба матроса на вахте и рулевой исчезли. На шхуне осталось два матроса, помощник да я.

1 августа.

Два дня тумана — и ни одного паруса в виду. Надеялся, что в Английском канале смогу подать сигнал о помощи или же зайти куда-нибудь. Мы, кажется, находимся во власти какого-то ужасного рока. Помощник теперь сильнее деморализован, чем остальные. Люди в страхе, работают тупо, терпеливо и покорно. Они русские, он — румын.

2 августа.

Проснулся после пятиминутного сна от крика, раздавшегося точно у моих дверей. Бросился на палубу и подбежал к помощнику. Говорит, что также слышал крик и побежал на помощь, но никого не оказалось на вахте. Еще один пропал. Господи, помоги нам!

3 августа.

В полночь я пошел к рулевому колесу, заметив там человека, но, подойдя к колесу, никого там не нашел. Ветер был сильный, и так как мы шли по ветру, то зевать было нечего. Я не посмел оставить руль и потому лишь окликнул помощника. Через несколько минут он выбежал на палубу в нижнем белье; он выглядел дико и истощенно, я очень опасаясь за его рассудок. Он подошел ко мне и глухо шепнул мне в самое ухо, как будто боясь, чтобы ветер его не услышал: „Оно здесь; я теперь это знаю. Я видел это вчера ночью на вахте, оно — в образе высокого, стройного и призрачно-бледного человека. Оно было на корме и выглядывало снизу. Я пополз к нему и ударил его ножом, но нож прошел сквозь него, как сквозь воздух. Но оно здесь, я его найду. Оно может быть в одном из этих ящиков. Я открою их поочередно, один за другим и посмотрю. А вы управляйте шхуной“. И с угрожающим видом он направился вниз. Поднялся резкий ветер, так что я не мог отойти от руля. Я видел, как он снова поднялся на палубу с ящиком для инструментов и фонарем и как спускался в передний люк, — он окончательно сошел с ума, и незачем пробовать его остановить. Он не может испортить этих ящиков; они записаны в накладной „землею“, и передвигать их — самая безопасная вещь, какую только можно сделать.

Прошло немало времени. Я только что стал было надеяться, что помощник вернется в более спокойном состоянии, так как я слышал, как он что-то колотил в трюме, — а работа ему полезна, — как вдруг из люка раздался страшный крик, от которого вся кровь ударила мне в голову, и на палубу вылетел взбесившийся безумец с блуждающими глазами и с лицом, искаженным от страха. „Спасите меня, спасите меня! — кричал он; затем его ужас перешел в отчаяние, и он сказал решительным тоном: — Лучше и вы бы пришли, капитан, пока не поздно. Он там! Теперь я знаю, в чем секрет. Море спасет меня! Да поможет мне Бог!“ И раньше, чем я успел сказать ему хоть слово или двинуться, чтобы его схватить, он бросился в море. Мне кажется, что теперь и я знаю, в чем секрет: это он, этот сумасшедший, уничтожал людей одного за другим, а теперь он сам последовал за ними. Да поможет мне Бог! Как я отвечу за весь этот ужас, когда приду в порт? Когда приду в порт?.. Будет ли это когда-нибудь?..

4 августа.

Все в тумане, сквозь который восходящее солнце не может проникнуть. Я узнаю восход солнца только инстинктом, как всякий моряк. Я не осмелился сойти вниз — не рискнул оставить руль; так и оставался здесь всю ночь — и во мраке ночи увидал его!.. Да простит мне Бог! Помощник был прав, бросившись за борт. Лучше умереть, как подобает мужчине, бросившись в синее море. Но я — капитан и не имею права покинуть свой корабль. Но я поражу этого врага или чудовище, так как привяжу свои руки к рулевому колесу. Когда силы начнут меня покидать, то вместе с руками я привяжу то, чего он — или

оно — не посмеет коснуться, и тем спасу свою душу и свою честь. Я становлюсь все слабее, а ночь приближается. Если он снова посмотрит мне в глаза, у меня может не хватить сил действовать... Если мы погибнем, то, может быть, кто-нибудь найдет эту бутылку и поймет... если же нет... прекрасно, пусть тогда весь мир знает, что я был верен долгу. Да помогут Бог, и Святая Евгения, и все святые, бедной, невинной душе, старавшейся исполнить свой долг...»

Конечно, решение суда осталось открытым. Ничего определенного не выяснено, и неизвестно, какой человек совершил эти убийства. Здесь почти весь народ считает капитана прямо героем, и ему устроят торжественные похороны. Все уже устроено и решено, что его тело повезут в целом поезде лодок, сначала вверх по реке, затем назад к Тэт-Гилль-Пир и, наконец, вверх по лестнице аббатства; его похоронят на утесе, на кладбище.

Так и не нашлось никаких следов громадной собаки; это вызывает массу неудовольствий, так как, судя по мнению всех жителей, это большое упущение со стороны властей.

ДНЕВНИК МИНЫ МЕРРЕЙ

8 августа.

Люси была очень беспокойна, и эту ночь я также не могла уснуть. Шторм был ужасный, и при каждом завывании ветра в трубе я содрогалась. Иногда были такие резкие удары, что, казалось, будто где-то вдали стреляют из пушек. Довольно странно: Люси не просыпалась, но она дважды вставала и начинала одеваться, к счастью, я всякий раз вовремя просыпалась и укладывала ее обратно в постель.

Мы обе встали рано утром и отправились в гавань. Там было очень мало народу, и, несмотря на то что солнце было ясно, а воздух чист и свеж, большие суровые волны, казавшиеся черными в сравнении с белой как снег пеной, покрывавшей их гребни, протискивались сквозь узкий проход в гавань, напоминая человека, протискивающегося сквозь толпу. Я была счастлива при мысли, что Джонатан вчера был не на море, а на суше. Но на суше ли он? Может быть, он на море? Где он и каково ему? Я продолжаю страшно беспокоиться за него. Если бы я только знала, что предпринять, я бы все сделала!

10 августа.

Похороны бедного капитана были очень трогательны. Кажется, все лодки порта присутствовали, а капитаны несли гроб всю дорогу от Тэт-Гилль-Пира до самого кладбища. Мы вместе с Люси рано отправились к нашему старому месту, в то время как процессия лодок поднималась вверх по реке. От нас было великолепно видно, так что мы видели почти всю процессию. Бедного капитана опустили в могилу очень близко от нас. Бедная Люси казалась

очень взволнованной. Она все время была беспокойна, и мне кажется, что это сон прошлой ночи на ней так отзывается. Но она ни за что не хочет сознаться, что является причиной ее беспокойства... В том, что м-р Сволс был найден сегодня утром на нашей скамье мертвым со сломанной шеей, кроется что-то странное. Он, должно быть, как доктор говорил, в испуге упал со скамьи навзничь; на лице его замерло выражение страха и ужаса, так что люди говорили, что при виде его дрожь пробегает по телу. Бедный, славный старичок! Может быть, он увидел смерть перед собой! Люси так чувствительна, что всякая вещь отражается на ней гораздо сильнее, чем на других. Она только что страшно взволновалась из-за сущего пустяка, на который я совершенно не обратила внимания, хотя и сама очень люблю собак: пришел какой-то господин, который и раньше часто приходил сюда за лодкой, в сопровождении своей собаки. Они оба очень спокойные существа: мне никогда не приходилось видеть этого человека сердитым, а собаку слышать лающей. Во время панихиды собака ни за что не хотела подойти к своему хозяину, стоявшему вместе с нами на скамье, а стояла в нескольких ярдах от нас и выла. Хозяин ее говорил с нею сначала ласково, затем резко и, наконец, сердито; но она все не подходила и не переставала рычать. Она была в каком-то бешенстве; глаза ее дико сверкали, шерсть стояла дыбом. Наконец хозяин ее разозлился, соскочил вниз и ударил собаку ногою, затем, схватив ее за шиворот, потащил и швырнул на надгробную плиту, на которой стояла наша скамейка. Но едва бедное животное коснулось камня, как тотчас же притихло и начало дрожать. Оно и не пыталось сойти, а как-то присело, дрожа и ежась, и находилось в таком ужасном состоянии, что я всячески старалась успокоить его, но безуспешно. Все эти сцены так взволновали Люси, что я решила заставить ее совершить перед сном длинную прогулку, чтобы она крепче заснула.

ГЛАВА VIII

ДНЕВНИК МИНЫ МЕРРЕЙ

Тот же день.

Одиннадцать часов вечера — ну и устала же я! Если бы я твердо не решила вести ежедневно дневник, то сегодня ночью я не раскрыла бы его. Мы совершили чудесную продолжительную прогулку. Люси страшно устала, и мы решили как можно раньше лечь спать. Как раз пришел молодой викарий, и мистрис Вестенра пригласила его остаться на ужин, так что нам с Люси пришлось безумно бороться со сном: я знаю, что для меня эта борьба была ужасна, — я чувствую себя положительно героиней... Люси заснула и дышит спокойно, у нее щеки горят сильнее обыкновенного, она очень красива. Если мистер Холмвуд влюбился в нее в гостиную, то воображаю, что бы он сказал, если бы увидел ее теперь. Я сегодня очень счастлива — Люси, кажется, уже лучше. Я убеждена, что она поправляется и что тревожные сны уже прекратились. Я была бы вполне счастлива, если бы только знала, что с Джонатаном... Да благословит и хранит его Бог!

11 августа. 3 часа утра.

Снова за дневником. Не могу спать, лучше уж буду писать. Я слишком взволнована, чтобы заснуть. С нами приключилось что-то невероятное, какое-то кошмарное событие. Ночью не успела я закрыть свой дневник, как тотчас же уснула... Вдруг я сразу проснулась и села на кровати. Ужасное чувство страха охватило меня — я почувствовала какую-то пустоту вокруг себя. В комнате было темно, так что я не могла видеть постели Люси; я крадучись пробралась к ней и начала ее ощупывать, постель оказалась пуста. Я зажгла спичку и увидела, что Люси нет в комнате. Дверь закрыта, но не заперта, хотя я заперла ее. Я побоялась разбудить ее мать, так как последнее время она чувствовала себя как-то хуже, чем обыкновенно, так что оделась и решила сама пойти разы-

скивать Люси. Собираясь выйти из комнаты, я догадалась посмотреть, в чем она вышла, чтобы иметь представление о ее намерениях. Если в платье — значит, ее надо искать дома, если же в костюме — значит, вне дома. Платье и костюм оказались на своих местах. «Слава богу, — подумала я, — она не могла далеко уйти, так как она в одной ночной рубашке». Я спустилась по лестнице и посмотрела в гостиной — ее нет. Тогда я начала искать ее по всем остальным комнатам, с постепенно возрастающим чувством страха в сердце; таким образом я дошла до входной двери в передней, она оказалась открытой, но не настеж, а слегка приотворенной. Обыкновенно прислуга на ночь тщательно запирает эту дверь, так что я начала бояться, что Люси вышла на улицу в чем была. Но раздумывать было некогда, тем более что охвативший меня страх совершенно лишил меня способности разбираться во всех подробностях. Я закуталась в большую тяжелую шаль и выбежала на двор. Часы пробили час, когда я пробежала по Крещенду; не было видно ни единой души. Я побежала вдоль Северной террасы, но белую фигуру, которую я искала, не нашла. С края Западного утеса над молом я посмотрела через гавань на Восточный утес, колеблясь между надеждой и страхом увидеть Люси на нашем любимом месте. Круглая луна ярко освещала всю местность, а окружающие ее облака превратили всю сцену в море света и теней. Одно время я ничего не могла увидеть, так как церковь Святой Марии и вся ближайшая к ней местность были в тени. Затем, когда облако освободило луну, я прежде всего увидела руины аббатства; а когда узкая полоса света двинулась дальше, то она осветила церковь и кладбище. Мое предположение оправдалось: луна осветила белую как снег фигуру, сидевшую на нашей любимой скамейке. Но тут новое облако погрузило все снова во мрак, и я больше ничего не успела разглядеть; мне только показалось, что позади скамейки, на которой сидела белая фигура, стояла какая-то черная тень и наклонялась над нею. Был ли это человек или животное — я не могла определить, но я не стала ждать, пока снова прояснится, а бросилась бежать по ступеням к молу и пролетела мимо рыбного ряда прямо к мосту — единственному пути, который вел к Восточному утесу. Город казался вымершим, так как на улицах никого не было. Я была очень рада этому, так как во все не хотела, чтобы оказались свидетели ужасного состояния бедной Люси. Время и расстояние казались мне бесконечными, колени мои дрожали, и я задыхалась, взбираясь по бесконечным ступенькам к аббатству. Я, должно быть, очень быстро шла, так как у меня сейчас такое чувство, будто мои ноги налиты свинцом, а суставы онемели. Когда я дошла почти доверху, то уже могла различить скамейку и белую фигуру, несмотря на то что было темно. Оказывается — я не ошиблась, — какая-то длинная черная тень стояла нагнувшись над отклонившейся белой фигурой. Я крикнула в испуге: «Люси! Люси!», тень подняла голову, и со своего места я ясно различила бледное лицо с красными сверкающими глазами. Люси не отвечала, и я побежала к воротам кладбища. Когда я вошла, то церковь пришлась между мной и скамейкой, так что на мгновение я потеряла Люси из виду. Когда я вышла из-за церкви, луна, ос-

вободившись от облака, так ярко светила, что я ясно увидела Люси с откинутой на спинку скамьи головой. Она была теперь совершенно одна. Около нее не было даже признака живого существа.

Когда я к ней наклонилась, то увидела, что она еще спала. Рот у нее был полуоткрыт, но дышала она не так ровно, как всегда, а как-то тяжело, как будто стараясь захватить побольше воздуха. Когда я подошла к ней, она бессознательно подняла руку и разорвала воротник своей ночной рубашки, который вплотную закрывал ей шею, при этом она вздрогнула, как будто почувствовала холод. Я закутала ее в свою теплую шаль и плотно стянула края у шеи, так как боялась, чтобы она не простудилась, разгуливая ночью в одной рубашке, налегке. Я боялась разбудить ее сразу, и, желая сохранить свободу рук, чтобы помочь ей, я у шеи закрепила ей шаль английской булавкой. Но в своей поспешности я, должно быть, неосторожно оцарапала или задела ее булавкой, так как, после того как она начала спокойнее дышать, она все время хваталась рукой за горло и стонала. Закутав ее хорошенько, я принялась осторожно будить ее. Вначале она не отзывалась; потом сон ее стал тревожнее, и временами она стонала и вздыхала. Наконец, так как время быстро проходило, да еще по многим другим причинам, мне захотелось скорее пробраться с ней домой, я принялась энергичнее будить ее, так что она открыла глаза и проснулась. Она несколько не удивилась, когда увидела меня, так как, по всей вероятности, не сразу сообразила, где находится. Когда я ей сказала, чтобы она сейчас же шла со мной домой, она моментально встала и послушно, как дитя, последовала за мной.

Нам посчастливилось, и мы дошли до дому, никого не встретив. У меня все время сердце так сильно билось, что мне казалось, будто я теряю сознание. Я безумно перепугалась за Люси, не только за ее здоровье, которое могло пострадать после этого ночного случая, но также и за ее репутацию, если эта история разгласится. Добравшись наконец домой, мы прежде всего отогрели ноги и вместе помолились Богу в благодарность за спасение, затем я уложила Люси в постель. Перед тем как заснуть, она просила и заклинала меня никому, даже матери, не говорить ни слова о ее приключении. Сначала я колебалась дать ей это обещание, но, вспомнив о состоянии здоровья ее матери и зная, как сильно такая вещь может напугать ее, я решила, что умнее будет умолчать об этом. Надеюсь, что я правильно рассудила. Я заперла дверь на ключ и привязала ключ к своей руке, так что теперь, надеюсь, меня больше не будут беспокоить.

Тот же день. В полдень.

Все идет хорошо. Люси спала, пока я ее не разбудила. Меня очень огорчает, что моя неловкость с английской булавкой ранила ее. Я, должно быть, очень сильно ее ранила, так как кожа у нее на шее оказалась проколотой. Вероятно, я захватила своей булавкой немного кожи и, застегивая, проколола ее насквозь, так как на горле два маленьких отверстия, точно от укола иглой; кроме того, на ночной рубашке виднелась капля крови. Когда я, напуганная этим, из-

...луна осветила белую, как снег, фигуру, сидевшую на нашей любимой скамейке.

винялась перед нею, она рассмеялась и приласкала меня, сказав, что даже и не чувствует ничего. К счастью, ранки эти не могут оставить шрама, так как они очень незначительны.

В тот же день. Ночью.

Денек выдался на редкость замечательный! Воздух был чист и свеж, и, хотя ярко светило солнышко, нам совсем не было жарко, поскольку дул приятный бриз. Мы приняли решение остановиться на ланч в Малгрейв-Вудз. Мистрис Вестенра добралась туда в экипаже, а мы с Люси предпочли прогуляться пешком по тропинке, проложенной между скал, и присоединились к ней уже у входа в заведение. Признаюсь, мне все-таки было немножко грустно — да и как бы я могла чувствовать себя счастливой, пребывая в разлуке с милым Джонатаном?! Увы, мне остается лишь набираться терпения. Вечером мы вышли пройтись и заглянули в местное казино, где с удобной террасы внимали звукам прекрасной музыки Шпора и Маккензи¹. Спать мы легли довольно рано. Люси выглядела безмятежной; она почти сразу заснула. Собираюсь хорошенько запереть дверь, а ключ лучше спрячу, как и минувшей ночью, впрочем, я всем сердцем уповаю на то, что сегодня никаких огорчительных происшествий не произойдет.

12 августа.

Мои предположения о спокойной ночи не оправдались, так как я ночью была дважды разбужена тем, что Люси старалась уйти. Даже во сне она казалась возмущенной тем, что дверь оказалась запертой, и очень недовольная легла обратно в постель. Я проснулась на рассвете и услышала чириканье птичек под окном. Люси тоже проснулась, и мне было приятно, что она чувствовала себя лучше, чем в предыдущее утро. К ней опять вернулась вся ее прежняя, беззаботная веселость, она подошла ко мне и, прижавшись ко мне, рассказала мне все об Артуре. Я же поведала ей все свои опасения относительно Джонатана, и она старалась меня успокоить.

13 августа.

Снова спокойный день, и снова сон с ключом на руке. Ночью я опять проснулась и застала Люси сидящей на постели, уставившейся взором в окно, но в глубоком сне. Я сошла с постели и, раздвинув штору, выглянула в окно. Луна ярко светила; под мягкими лучами луны небо и море, как будто слившиеся в одну глубокую, тихую тайну, были полны положительно невыразимой кра-

¹ *Людвиг (Луи) Шпор* (1784–1859) — немецкий скрипач и композитор. Его скрипичные концерты пользовались немалой популярностью. *Сэр Александр Кэмбелл Маккензи* (1847–1935) — британский композитор и дирижер, также автор книг о Дж. Верди и Фр. Листе. Принято считать, что британская музыка XIX столетия обязана своим возрождением именно ему и написанным им сочинениям. — *Примеч. Р. Гриценкова.*

сотою. Перед окном, беспрестанно кружась, носилась большая летучая мышь; озаренная лунным светом, она то появлялась, то снова исчезала; порой она очень быстро подлетала к окну, но затем, должно быть испугавшись меня, полетела через гавань к аббатству. Когда я отошла от окна, Люси уже спокойно лежала и спала. Больше она ни разу не поднималась за всю ночь.

14 августа.

Сидела на Восточном утесе и писала целый день. Люси, кажется, так же влюбилась в это местечко, как и я. Ее трудно отозвать отсюда домой к завтраку, или к чаю, или к обеду. Сегодня днем она сделала очень странное замечание: мы возвращались домой к обеду, и когда были наверху лестницы, то остановились здесь, чтобы, как всегда, полюбоваться видом. Красные лучи заходящего солнца озаряли Восточный утес и старое аббатство; казалось, будто все окружающее купалось в великолепном розовом свете. Мы молча стояли и любовались, как вдруг Люси прошептала как бы про себя: «Опять его красные глаза, они совсем такие». Это странное выражение, сорвавшееся ни с того ни с сего с ее уст, положительно испугало меня. Я осторожно оглянулась, чтобы хорошенько посмотреть на Люси, так, чтобы она не заметила этого, и увидела, что она была в полусонном состоянии с очень странным, непонятным мне выражением на лице; я ничего не сказала, но проследила за направлением ее взгляда. Она смотрела на нашу любимую скамейку, на которой одиноко сидела какая-то темная фигура. Я сама немного испугалась, так как мне показалось, что у незнакомца были большие глаза, которые пылали, как факелы; но, когда я посмотрела вторично, иллюзия пропала. Это просто красный свет солнца отражался в окнах церкви Святой Марии. Я обратила внимание Люси на это явление, она вздрогнула и пришла в себя, но все-таки была печальна; возможно, что она вспомнила приключение той ужасной ночи. Мы никогда не вспоминаем об этом, так что и теперь я ничего не сказала, и мы пошли домой обедать. У Люси заболела голова, и она рано пошла спать. Я же прошлась немного по утесам и была полна сладкой грусти, так как все думала о Джонатане. Когда я возвращалась домой, то луна так ярко светила, что, за исключением передней части начинающегося около нас квартала Кресценда, можно было все ясно видеть. Я взглянула на наше окно и увидела высунувшуюся из него голову Люси. Я подумала, что она, вероятно, смотрит на меня, тогда я вынула носовой платок и начала махать ей. Она не обратила на это никакого внимания и совсем не двигалась. Тут по углу дома как раз пополз свет луны и упал на окно, тогда я ясно увидела, что Люси сидит на подоконнике с откинутой назад головой и закрытыми глазами, а около нее сидело что-то вроде большой птицы. Боясь, как бы она не простудилась, я быстро побежала вверх по лестнице, но, когда я вошла в спальню, Люси была уже в кровати и крепко спала, тяжело дыша. Она держала руку у горла, как будто охраняя его от холода. Я не будила ее, но только закутала ее потеплее и позаботилась о том, чтобы двери и окно были хорошенько заперты.

Люси выглядела прекрасно, но немного бледнее обыкновенного, и под глазами у нее была какая-то странная тень, которая мне вовсе не понравилась.

15 августа.

Встала позже обыкновенного. Люси была утомлена и продолжала спать до того времени, как нас позвали к столу. За завтраком нас ожидал приятный сюрприз. Отцу Артура стало лучше, и он торопит свадьбу. Люси полна безмятежного счастья, а мать ее в то же время и рада, и огорчена. Немного позже в тот же день она разъяснила мне причину этого. Она очень опечалена, что приходится расстаться с Люси, но она довольна, что у Люси скоро будет кому за ней присмотреть. Бедная, милая леди! Она поведала мне, что у нее порок сердца. Она не говорила об этом Люси и просила меня держать это в секрете; доктор сказал ей, что ей осталось жить самое большее несколько месяцев, так как ее сердце ослабело.

17 августа.

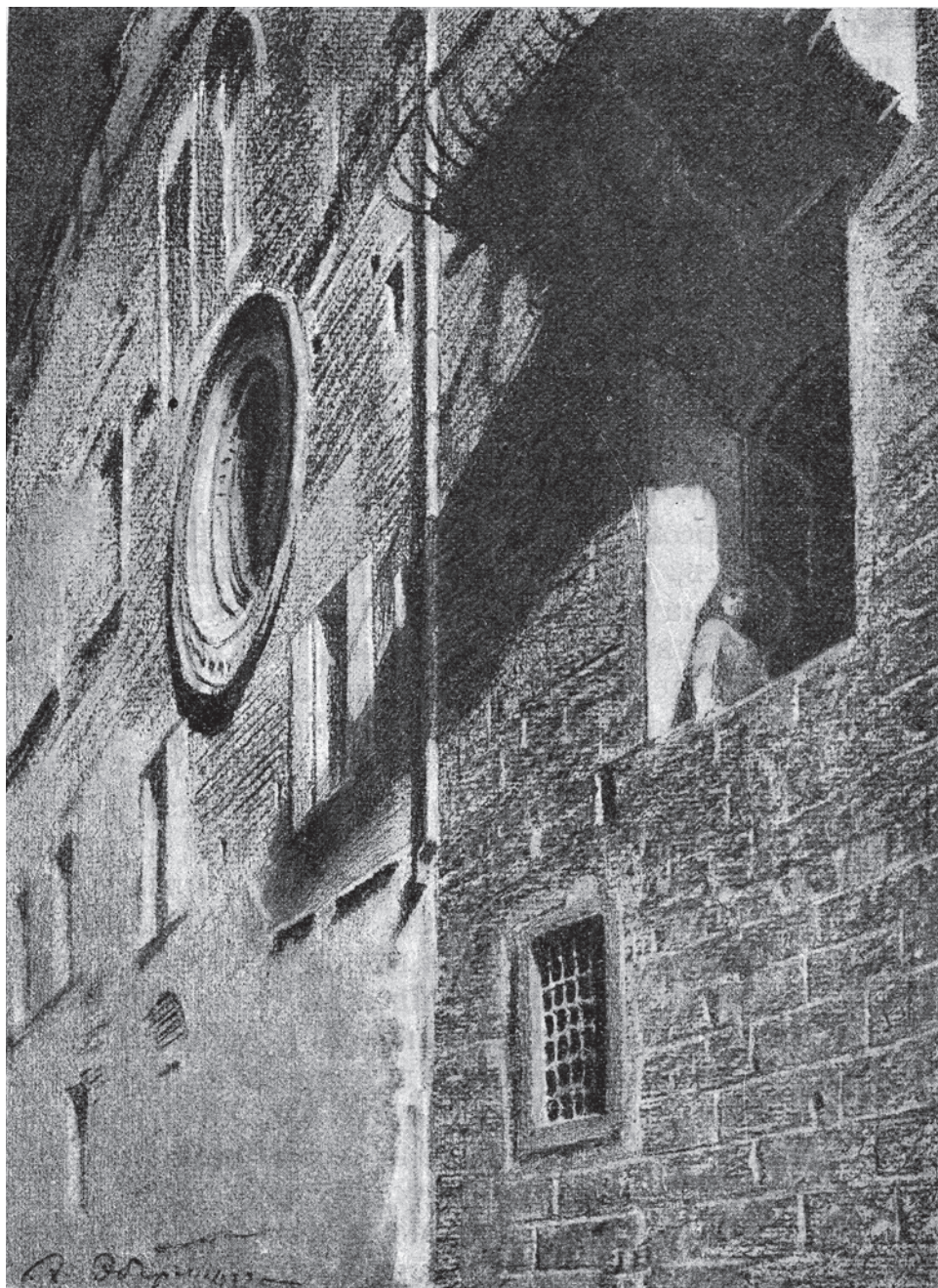
Не вела дневника целых два дня. У меня не хватало духу вести его. Какая-то черная тень как будто обволакивает наше счастье. Никаких известий о Джонатане. Люси становится все слабее и слабее, а дни ее матери — сочтены. Люси прекрасно спит и наслаждается чудным воздухом; но, несмотря на это, румянец у нее на щеках все бледнее, и она с каждым днем становится все слабее и более вялой. Я слышу, как она по ночам дышит все тяжелее. Ключ от дверей у меня каждую ночь на руке, но она встает и ходит по комнате или сидит у открытого окна. Прошлой ночью, когда я проснулась, я снова застала ее у открытого окна, и когда я хотела ее разбудить, то не могла; она была в обмороке. Когда мне наконец удалось привести ее в сознание, то она была невероятно слаба и тихо плакала, стараясь отдышаться, — когда я ее спросила, как это она очутилась у окна, то она покачала головой и отвернулась от меня. Надеюсь, что ее болезнь не вызвана этим несчастным уколом булавки. Пока она спала, я осмотрела ее шею. Оказалось, что маленькие ранки еще не зажили, они все еще открыты и как будто расширились, а края их приобрели бледную окраску. Они напоминают маленькие белые кружки с красными центрами; если они не заживут через несколько дней, я настойчиво буду требовать, чтоб доктор их осмотрел.

«САМУИЛ Ф. БИЛЛИНГТОН И СЫН»,
СТРЯПЧИЕ, УАЙТБИ, —
«КАРТЕР ПАТЕРСОН И К°», ЛОНДОН

«17 августа.

Многоуважаемые господа!

При сем прилагаю накладную на товар, отправленный по Великой Северной железной дороге. Он должен быть доставлен в Карфакс, близ Пурфлита,

*Я взглянула на наше окно и увидела
высунувшуюся из него голову Люси.*

немедленно по получении на станции Кингс-Кросс. Дом в настоящее время необитаем, ключи прилагаю при сем; они все занумерованы.

Прошу сложить ящики, количеством 50, составляющие эту кладь, в разрушенной части дома, помеченной буквой «А» на плане, который при сем прилагается. Вашему агенту нетрудно будет найти это место, так как это старая часовня этого дома. Товар отправят сегодня, в 9 ч. 30 м. в., и он должен быть в Кингс-Кросс завтра в 4 ч. 30 м. д. Так как наш клиент желал бы получить кладь как можно скорее, то вам придется к назначенному времени приготовить повозки, чтобы тотчас же доставить ящики по назначению. Чтобы избежать возможных задержек из-за платежей в вашем отделении, прилагаю при сем чек на десять фунтов, в получении которого прошу выдать квитанцию. Если расходов будет меньше, то можете вернуть остаток, если больше, то мы вам немедленно вышлем чек на израсходованный излишек. Когда вы окончите дело, то оставьте ключи в доме, где владелец сам их возьмет. От входной двери у него есть свой ключ. Прошу вас не быть в претензии на нас за то, что мы нарушаем правила вежливости, настойчиво прося вас поторопиться с доставкой.

Преданные вам „Самуил Ф. Биллингтон и сын“».

«КАРТЕР ПАТЕРСОН И К°»,
ЛОНДОН, — «БИЛЛИНГТОН И СЫН», УАЙТБИ

«24 августа.

Многоуважаемые господа!

10 фунтов мы получили, просим прислать чек еще на 1 фунт семнадцать шиллингов и девять пенсов, которые с вас следуют, как это видно из прилагаемого счета. Товар доставлен согласно инструкциям, а связка ключей оставлена, как было указано, в передней.

С почтением за „Картер Патерсон и Ко“ (подпись неразборчива)».

ДНЕВНИК МИНЫ МЕРРЕЙ

18 августа.

Сегодня я счастлива и снова пишу, сидя на нашей скамейке на кладбище. Люси опять гораздо лучше. Прошлую ночь она спала великолепно и ни разу меня не потревожила. Румянец постепенно возвращается к ней, хотя она все еще очень бледна и плохо выглядит. Если бы она была малокровной, ее состояние было бы понятно, но ведь этого нет. Она оживлена, весела и мила. Вся болезненность пропала, и она только что вспоминала о том, как я застала ее спящей на этом самом месте.

Я воспользовалась ее разговорчивостью и спросила, проделывала ли она все это во сне или же сознательно. Тут она посмотрела на меня с нежной, ясной

улыбкой, как-то притихла и углубилась в воспоминания той ночи: «Я как будто не совсем спала; мне даже казалось, что все это было наяву. Мне почему-то вдруг захотелось прийти сюда, но почему, я не знаю; я чего-то боялась, но чего, я тоже не знаю. Я помню сквозь сон, что шла по улицам и перешла мост. Когда я подымалась по лестнице, то услышала вой столько собак, что казалось, будто весь город был полон собак, которые были все сразу. Затем мне смутно помнится что-то длинное, черное, с красными глазами, как раз такими, как тот заход солнца, затем что-то нежное и горькое вдруг охватило меня; потом мне казалось, будто я погружаюсь в глубокую зеленую воду, и я слышала какое-то пение, как это бывает с утопающими, как мне рассказывали; затем все закружилось предо мной, и моя душа как будто покинула мое тело и витала где-то в воздухе. Мне еще помнится, что мне показалось, будто Восточный маяк очутился как-раз подо мной; затем, меня охватило какое-то мучительное чувство и как будто раздалось землетрясение, после чего я вышла из оцепенения и увидела тебя перед собою. Я видела, как ты меня будила раньше, чем почувствовала тебя».

При этом она рассмеялась. Мне это показалось неестественным, и я внимательно взглянула на нее. Ее смех мне совсем не понравился, я решила, что лучше с ней об этом не говорить, и перешла на другую тему. Люси снова стала прежней. По дороге домой свежий ветерок подбодрил ее, и ее щеки порозовели. Ее мать очень обрадовалась, когда увидела ее, и мы все провели прелестный вечер.

19 августа.

Радость! Радость! Радость! Хотя и не всё радость. Наконец известие о Джонатане. Бедняжка был болен; вот почему он и не писал. Я не боюсь уже об этом думать или говорить теперь, когда я все знаю. М-р Хокинс переслал мне письмо и сам приписал пару трогательных строк. Мне придется сегодня же утром поехать к Джонатану, помочь, если нужно будет, ухаживать за ним и привезти его домой. М-р Хокинс пишет, что было бы вовсе не плохо, если бы мы вскоре поженились. Я плакала над письмом этой славной сестры милосердия. План моего путешествия уже разработан, и багаж уложен. Я беру только одну смену платья; Люси привезет мне все остальное в Лондон и оставит у себя, пока я не пришло за ним, так как, может случиться, что... но больше мне не следует писать, расскажу все Джонатану, моему мужу. Письмо, которое он видел и трогал, должно утешить меня, пока мы с ним не встретимся.

ПИСЬМО СЕСТРЫ АГАТЫ,
БОЛЬНИЦА СВЯТОГО ИОСИФА И СВЯТОЙ МАРИИ,
К МИСС ВИЛЬГЕЛЬМИНЕ МЕРРЕЙ

«Будапешт. 12 августа.

Милостивая государыня! Пишу по желанию м-ра Джонатана Харкера, который еще недостаточно окреп, чтобы самому писать, хотя ему уже гораздо

лучше, благодаря Богу и святому Иосифу и Святой Марии. Он пролежал у нас около 6 недель в сильнейшей горячке. Он просит меня успокоить свою невесту и передать ей, кроме того, что с этой же почтой он посылает письмо м-ру Питеру Хокинсу, которому просит передать свое глубокое почтение, что он очень огорчен своей задержкой и что дело его закончено. Он пробудет еще пару недель в нашем санатории, расположенном в горах, а затем отправится домой. Кроме того, он просит меня сообщить вам, что у него не хватает денег, чтобы расплатиться, а он желал бы уплатить здесь, ибо найдутся другие, более нуждающиеся.

Примите уверение в полном моем уважении и да благословит вас Бог.

Ваша, сестра Агата.

P. S. Так как мой пациент заснул, то я вновь открываю это письмо, чтобы сообщить вам еще кое-что. Он мне все рассказал про вас и о том, что вы скоро будете его женой. Да благословит вас обоих Создатель. У него был, по-видимому, какой-то потрясающий удар — так говорит наш доктор, — и в своей горячке он все бредит всевозможными ужасами: волками, ядом и кровью, призраками и демонами, и я боюсь даже сказать, чем еще, но будьте с ним осторожны и следите за тем, чтобы его ничто не тревожило; следы такой болезни, как его, — не скоро исчезнут. Мы уже давно написали бы, да ничего не знали о его друзьях, а из его разговоров мы ничего не могли понять. Он приехал поездом из Клаузенбурга, и начальник станции рассказывал служащему, что на станции он кричал, чтобы ему дали билет домой. Видя по всему, что он англичанин, ему выдали билет до конечной станции этой железной дороги. Будьте спокойны за него, так как за ним заботливый уход. Своей лаской и благовоспитанностью он победил все наши сердца. Теперь ему, действительно, гораздо лучше, и я не сомневаюсь, что через несколько недель он совершенно оправится, но ради его же спасения будьте с ним очень осторожны. Я буду молиться за ваше долгое счастье Господу Богу, и святому Иосифу, и святой Марии».

ДНЕВНИК МИСТЕРА СЬЮВОРДА

19 августа.

Вчера вечером в Ренфилде произошла странная и неожиданная перемена. Около 8 часов он стал возбужденным и начал рыскать повсюду, как собака на охоте. Служащий был этим поражен и, зная, как я им интересуюсь, постарался, чтобы Ренфилд разговорился. Обыкновенно Ренфилд относится с уважением к служителю, порой даже с раболепством; но сегодня, по словам служителя, он держался с ним надменно. Ни за что не захотел снизойти до разговора с ним. Вот все, что тот добился от него: «Я не желаю с вами говорить; вы теперь для меня не существуете; теперь господин у меня под рукою».

Служитель думает, что Ренфилада охватил вдруг приступ религиозной мании. В 9 часов вечера я сам посетил его. В его чрезмерной самоуверенности разница между мной и служителем показалась ему ничтожной. Это похоже на религиозную манию и скоро он, вероятно, возомнит себя Богом.

В продолжение получаса или даже больше Ренфилад все более и более возбуждался. Я не подал даже виду, что слежу за ним, но все-таки очень внимательно наблюдал за ним: в его глазах внезапно появилось то хитрое выражение, которое мы замечаем обыкновенно у сумасшедшего, когда он занят какой-нибудь определенной мыслью. Затем он сразу успокоился и уселся на краю своей кровати, уставившись в пространство блестящими глазами. Я решил узнать, представлялся ли он апатичным, или он на самом деле таков, и завел с ним разговор на ту тему, по отношению к которой он всегда был отзывчив. Сначала он ничего мне не отвечал, потом сказал брезгливо:

— Да ну их всех! Я нисколько не интересуюсь ими.

— Что? — сказал я. — Не хотите ли вы этим сказать, что не интересуетесь пауками? (Теперь пауки его слабость, и его записная книжка полна рисунками, изображающими пауков.)

На это он двусмысленно ответил:

— Шаферицы радуют взоры тех, кто ожидает невесту, но с появлением невесты они перестают существовать для присутствующих.

Он не хотел объяснить значения своих слов и все время, что я у него пробыл, молча просидел на своей постели.

Я вернулся к себе и лег спать.

Проснулся я, когда пробило два часа и пришел дежурный, посланный из палаты с сообщением, что Ренфилад сбежал. Я наскоро оделся и тотчас же спустился вниз; мой пациент — слишком опасный человек, чтобы оставить его на свободе. Его идеи могут слишком плохо отразиться на посторонних. Служитель ждал меня. Он сказал мне, что всего 10 минут тому назад он видел Ренфилада в дверной глазок спящим. Затем его внимание было привлечено звоном разбитого стекла. Когда он бросился к нему в комнату, то увидел в окне одни только пятки, и тотчас же послал за мною. Больной в одной только ночной рубашке и, наверное, не успел убежать далеко. Дежурный решил, что лучше посмотреть и проследить, куда он пойдет, а то можно, выйдя из дому через двери, потерять его из виду. Дежурный был слишком толст, чтобы пролезть в окно, а так как я худощав, то с его помощью легко пролез ногами вперед и спрыгнул на землю, так как окно было не очень высоко. Служитель сказал мне, что пациент повернул по прямой дороге налево, так что я побежал как только мог скорее вслед за ним. Миновав деревья, я увидел белую фигуру, карабкающуюся по высокой стене, которая отделяет наше владение от соседей. Я сейчас же вернулся и приказал дежурному немедленно позвать четырех служителей на тот случай, если больной в буйном состоянии, и последовать за ним в Карфакс. Сам же я достал лестницу и перелез через стену вслед за беглецом. Я как раз увидел Ренфилада исчезающим за углом дома и погнался за ним.

Он уже был далеко, и я увидел, как он прижался к обитой железом дубовой двери церкви. Он разговаривал с кем-то, а я боялся подойти туда, чтобы его не напугать, иначе он мог бы убежать. Гнаться за пчелиным роем — ничто в сравнении с погоней за полуголым сумасшедшим, когда на него найдет стремление убежать. Вскоре я, однако, убедился в том, что он совершенно не обращал внимания на все окружающее, и я стал подходить к нему ближе, тем более что мои люди тоже уже перелезли через стену и окружили его. Я слышал, как он говорил: «Я здесь, Господин мой, чтобы выслушать Ваше приказание. Я Ваш раб, и Вы вознаградите меня, так как я буду Вам верен. Я давно уже Вас ожидаю. Теперь Вы здесь, и я ожидаю Ваших приказаний и надеюсь, что Вы меня не обойдете, дорогой мой Господин и наделите Вашим добром».

Как бы там ни было, а он все-таки старый жадный нищий. Он думает о хлебе и рыбах, когда убежден, что перед ним Бог. Его мания — это какая-то странная комбинация. Когда мы его захватили, он боролся, как тигр. Он невероятно силен и больше походил на дикого зверя, чем на человека. Я никогда не видал сумасшедшего в таком припадке бешенства; и надеюсь, что больше никогда не увижу. Счастье еще, что мы захватили его вовремя. С его силой и решительностью он мог бы натворить много бед раньше, чем удалось бы его усмирить. Теперь он, во всяком случае, безопасен, так как мы надели на него рубашку и связали.

Сейчас только он проговорил первые связные слова:

«Я буду терпеть, Господин мой. Я уже чувствую приближение этого, вот уже идет — идет — идет!» Сначала я был слишком возбужден, чтобы заснуть, но этот дневник успокоил меня, и я чувствую, что сегодня буду спать.

ГЛАВА IX

ПИСЬМО МИНЫ МЕРРЕЙ К ЛЮСИ ВЕСТЕНРА

«Будапешт. 24 августа.

Дорогая моя Люси!

Я знаю, что тебе очень хочется знать все, что произошло со мною с тех пор, как мы с тобою расстались на вокзале Уайтби. Дороги я не заметила, так как страшно волновалась при мысли, каким я застану Джонатана.

Застала я его, бедняжку, в ужасном виде — совершенно исхудалым, бледным и страшно слабым. Его глаза совершенно утратили свойственное Джонатану выражение решительности, и то поразительное спокойствие, которым, как я часто говорила тебе, дышало его лицо, — теперь исчезло. От него осталась одна лишь тень, и он ничего не помнит, что с ним было за последнее время. Во всяком случае, он хочет, чтобы я так думала. Видно, он пережил страшное нравственное потрясение, и я боюсь, что если он станет вспоминать о нем, то это отразится на его мозге. Сестра Агата — это доброе существо и прирожденная сиделка — рассказывала мне, что в бреду он говорил об ужасных вещах. Я просила ее сказать мне, о каких именно; но она все только крестилась и ответила, что никогда этого не в состоянии будет передать, что бред больного — тайна от всех и что если сестре милосердия и приходится услышать какую-нибудь тайну во время исполнения своих обязанностей, то она не имеет права ее выдавать... Он спит... Я сижу у его постели и смотрю на него. Вот он просыпается... Проснувшись он попросил, чтобы ему подали его костюм, так как ему нужно было что-то достать из кармана. Я попросила сестру Агату достать его, и она принесла ему все его вещи. Среди них я увидела его записную книжку. Мне очень хотелось попросить его дать мне ее, так как я догадалась, что в ней найду разгадку всех его тревог. Вероятно, он прочел это желание на моем лице, так как вдруг попросил меня отойти к окну, сказав, что ему хочется остаться одному на короткое время. Немного погодя он подозвал

меня к себе; когда я подошла, он обратился ко мне с очень серьезным видом, держа свою записную книжку в руках, со следующими словами: „Вильгельмина, — ты знаешь, дорогая, мой взгляд на ту откровенность, которая должна царить в отношениях между мужем и женой: между ними не должно быть никаких тайн, никаких недоразумений. Я пережил сильное нравственное потрясение; когда я вспоминаю о случившемся, то чувствую, что у меня голова идет кругом, и я положительно не знаю, случилось ли все это со мной в действительности, или же это бред сумасшедшего. Ты знаешь, что я перенес воспаление мозга, знаешь, что я был близок к тому, чтобы сойти с ума. Моя тайна здесь — в тетрадке, но я не хочу ее знать... Затем я хочу напомнить тебе, моя дорогая, что мы решили пожениться, как только все формальности будут исполнены. Хочешь ли ты, Вильгельмина, разделить со мною мое незнание? Вот моя тетрадь. Сохрани ее у себя, прочти ее, если хочешь, но никогда не говори со мной об этом“.

Тут он в изнеможении упал на кровать, я же положила тетрадку под его подушку и поцеловала его. Я попросила сестру Агату пойти к директору за разрешением назначить нашу свадьбу на сегодняшний вечер, и вот я сижу и жду ответа...

Она только что вернулась и сказала мне, что послали за священником Английской миссии. Мы венчаемся через час, то есть как только Джонатан проснется...

Милая Люси, вот и свершилось! Я настроена очень торжественно, но я очень, очень счастлива. Джонатан проснулся час спустя, даже немного позже, когда все уже было приготовлено; его усадили на постель и обложили подушками, он произнес очень твердо и решительно свое „да, я согласен“, я же едва была в состоянии говорить; мое сердце было так полно, что я еле проговорила эти несколько слов. Я должна тебе сообщить о своем свадебном подарке. Когда священник и сестрица оставили нас с мужем наедине — я взяла из-под подушки дневник, запечатала его и, показав мужу, сказала, что этот дневник послужит залогом нашей веры друг в друга; что я никогда не распечатаю его, разве только это придется сделать ради его собственного спасения или для исполнения какого-нибудь непреложного долга.

Тогда он поцеловал и обнял меня своими слабыми руками, и это было как бы торжественным залогом нашей будущей жизни...

Знаешь ли ты, дорогая Люси, почему я это тебе рассказываю? Не только потому, что все это так близко мне, но потому, что ты всегда была мне дорога. Я хочу поскорее увидеть тебя теперь, когда я так счастлива замужем. Я хочу, чтобы ты была так же счастлива, как я. Дорогая моя, да пошлет тебе всемогущий Бог такое же счастье на всю жизнь, да протечет вся твоя жизнь безоблачно, полная безмятежного счастья!

Вечно любящая тебя,
Мина Харкер».

ПИСЬМО ЛЮСИ ВЕСТЕНРА К МИНЕ ХАРКЕР

«Уайтби. 30 августа.

Моя дорогая Мина!

Океаны любви и миллионы поцелуев от меня!!! Желаю, чтобы ты и твой замечательный супруг как можно скорее оказались у нас дома, и мы бы смогли сообща проводить время. Целительный морской воздух позволит Джонатану совершенно излечиться в самые короткие сроки, как это, в сущности, произошло со мною. Я могу похвастаться невероятным аппетитом, благодаря которому напоминаю самой себе прожорливого пеликана! А еще меня переполняет жизнь, она буквально бурлит во мне. Сон тоже полностью восстановился. Тебе, наверное, будет приятно узнать, что я больше не гуляю во сне. Если подсчитать, то я уже свыше недели не поднималась с постели ночью; едва ложусь, так сразу и засыпаю и сплю потом до самого утра. Артур намекнул даже, что я набрала порядочный вес. Да-да, совсем забыла сказать тебе: Артур наконец вернулся! Теперь, когда он здесь и подле меня, мы совершаем с ним восхитительные прогулки — как пешие, так и верхом, катаемся на лодках, причем пробуем понемногу заниматься греблей, а еще играем без усталости в теннис и рыбачим. Представь только, Артур то и дело признается, будто бы он любит меня больше, нежели прежде, но уж в этом я серьезно сомневаюсь: ведь, когда мы с ним только познакомились, он объявил, что любить сильнее, чем любит меня он, поистине невозможно. Впрочем, что за нелепый и несущественный вздор я пишу!.. А, кстати, Артур сейчас пожаловал собственной персоной; похоже, он призывает свою милую супругу к себе!

И вот как раз на этом волнующем месте я и завершаю свое письмо.

Бесконечно любящая тебя, *Люси*.

Р. S. Передаю горячий привет от матушки. Она по-прежнему не чает в тебе души. Между прочим, драгоценная моя страдальца явно идет на поправку!

Р. P. S. Свадьба назначена на 28 сентября».

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА

28 августа.

Болезнь Ренфилда протекает все интереснее. Он теперь настолько успокоился, что появился даже перерыв в его мании. Первая неделя после того ужасного припадка прошла в невероятно буйном состоянии. В конце недели ночью, как раз в полнолуние, он вдруг успокоился и начал бормотать про себя: «Теперь я могу ждать; теперь я могу ждать». Служитель пришел доложить мне об этом, я немедленно зашел к нему; он все еще был в смирительной рубашке и находился в обитой войлоком комнате буйного отделения; но

выражение лица его стало спокойнее. Я остался вполне доволен его видом и тотчас же распорядился, чтобы его освободили. Служители колебались, но в конце концов исполнили мое приказание. Удивительнее всего то, что у пациента оказалось достаточно юмора, чтобы заметить их колебание, он подошел ко мне вплотную и прошептал, глядя на них украдкой:

— Они боятся, что я вас ударю! Подумайте только, — чтобы я вас ударил! Вот дураки-то!

Но больше он сегодня вечером не пожелал разговаривать. Даже предложение котенка или большой кошки не могло его соблазнить. Он ответил:

— Я не признаю взяток в виде кошек; у меня есть много другого, о чем нужно подумать, и я могу подождать; да, я могу подождать.

Немного погодя я его покинул. Служитель говорит, что он был спокоен до рассвета, потом вдруг начал волноваться и наконец дошел до буйного состояния, которое дошло у него до пароксизма и перешло в летаргическое состояние.

Три ночи повторяется с ним то же самое: буйное состояние в течение всего дня, потом спокойствие с восхода луны до восхода солнца. Как бы мне хотелось иметь ключ к разгадке этого явления! Кажется, будто что-то систематически влияет на его состояние... Удачная мысль! Сегодня ночью мы устроим ловушку нашему сумасшедшему. Раньше он убежал против нашей воли; теперь же мы ему сами подстроим побег. Мы дадим ему возможность убежать, но люди будут за ним следовать по пятам на случай несчастья.

23 августа.

Всегда случается то, чего меньше всего ожидаешь. Наша птичка, найдя свою клетку открытой, не захотела улететь, так что все наши утонченные планы разлетелись в пух и прах. Во всяком случае, одно нам стало ясно, а именно: что беспокойный период у него довольно длительный. И мы поэтому сможем в будущем освобождать его только на несколько часов. Я отдал дежурному служителю распоряжение водворять Ренфилда за час до восхода солнца в обитую войлоком комнату: пусть хоть тело этой бедной больной души наслаждается покоем, которым не может пользоваться дух его. Чу, снова неожиданность, меня зовут: больной опять сбежал!

Позже.

Еще одно ночное приключение. — Ренфилд дождался того момента, когда дежурный отвернулся, и, улучив минуту, незаметно ускользнул. Я велел служителям разыскать его. Мы застали его на старом месте, у дубовой двери старой церкви. Увидев меня, он пришел в бешенство. Не схвати его служители вовремя, он, наверное, убил бы меня. В то время, когда мы его схватили, случилось нечто странное. Он удвоил свои силы, желая освободиться, но вдруг совершенно затих. Я инстинктивно оглянулся, но ничего не заметил. Тогда я проследил за взором больного: оказалось, что он пристально глядел на освещенное луной небо; я не заметил ничего подозрительного, разве только большую

летучую мышь, летевшую на запад. Больной наш становился все спокойнее и наконец произнес:

— Вам незачем связывать меня; я и так не стану вырываться.

Мы дошли домой совершенно спокойно; я чувствую, что в этом спокойствии таится что-то зловещее... Я не забуду этой ночи...

ДНЕВНИК ЛЮСИ ВЕСТЕНРА

Гилингам. 24 августа.

Мне необходимо последовать примеру Мины и записывать все, а потом при встрече мы можем поменяться нашими дневниками. Хотелось бы мне знать, когда же это будет наконец? Хотелось бы, чтобы она опять была со мною! Чувствую я себя очень несчастной. Прошлою ночью мне снилось опять то же, что и тогда в Уайтби. Быть может, это — следствие перемены климата, или же возвращение домой так на меня подействовало, все в моей голове смутно и перепуталось, я ничего не могу припомнить, но я чувствую непонятный страх и странную слабость. Артур пришел к завтраку и, увидев меня, ужаснулся, а у меня не хватило силы воли притвориться веселой. Может быть, мне удастся лечь спать сегодня в спальне мамы; я извинюсь и попробую и поговорить.

25 августа.

Опять плохая ночь. Мама не согласилась на мою просьбу. Ей самой очень плохо, и она, без сомнения, боялась, что помешает мне спать. Я постаралась бодрствовать, и некоторое время мне удалось не засыпать; но вместе с боем часов в полночь я заснула. За окном кто-то шумел, — слышался точно шелест больших крыльев; насколько я помню, я не обратила на это внимания; немного погодя, кажется, заснула. Все время кошмары. Хоть бы вспомнить — какие! Сегодня я очень слаба. Мое лицо бледно, как у призрака. Кроме того, у меня болит шея. По-видимому, что-то неладное случилось с моими легкими, так как мне не хватает воздуха. Я все-таки постараюсь как-нибудь скрыть мое состояние от Артура, а то мой вид его огорчит.

ПИСЬМО АРТУРА ХОЛМБУДА К ДОКТОРУ СЬЮВОРДУ

«Гостиница „Альбемарль“. 31 августа.

Дорогой Джек!

Очень прошу тебя оказать мне услугу. Люси очень больна. Ничего определенного нет, но выглядит она ужасно и с каждым днем все хуже. Я расспрашивал ее, что с нею; с ее матерью я не решаюсь говорить об этом, так как тревожить ее при опасном состоянии ее здоровья нельзя. Это может иметь для нее

роковые последствия. Мистрис Вестенра призналась мне, что ее участь решена — у нее сильнейший порок сердца. А между тем я чувствую, что что-то угрожает здоровью Люси, — я не могу без боли смотреть на нее; я сказал ей, что попрошу тебя выслушать ее. Сначала она ни за что не хотела — я догадываюсь почему, старый дружище; но в конце концов она все-таки согласилась. Я понимаю, друг мой, как тяжело тебе это будет, но во имя ее спасения ты должен взять на себя ее лечение. Приезжай в Гилингтон завтра в 2 часа дня, к завтраку, чтобы не возбудить подозрения мистрис Вестенра; после завтрака Люси найдет какой-нибудь предлог остаться с тобою наедине. Я приду к чаю, а затем мы можем вместе уйти. Я очень взволнован ее болезнью и хочу знать всю правду от тебя, после того как ты ее осмотришь. Приезжай непременно.

Твой *Артур*».

ТЕЛЕГРАММА АРТУРА ХОЛМБУДА К СЬЮВОРДУ

«1 сентября.

Отцу плохо. Вызван к нему. Напиши результат подробно в Ринг. Если необходимо, приеду немедленно».

ПИСЬМО ДОКТОРА СЬЮВОРДА К АРТУРУ ХОЛМБУДУ

«2 сентября.

Дорогой друг! Что касается здоровья мисс Вестенра, то спешу тебя уведомить, что я не нашел ничего угрожающего, не нашел даже намека на какую-либо болезнь. Но в то же время я чрезвычайно недоволен ее переменой со времени моей последней встречи с нею; мне не удалось осмотреть ее так, как следовало бы, — этому мешают наши дружеские и светские отношения. Поэтому я решил подробно описать тебе то, что случилось, предоставляя тебе самому выводить заключения и принять надлежащие меры. Итак, слушай, что я сделал и что предлагаю сделать. Я застал мисс Вестенра в притворно веселом настроении. Мать ее была тут же, и вскоре я понял, что она всячески старалась обмануть свою мать, желая этим уберечь ее от волнения. После завтрака мистрис Вестенра пошла отдыхать, и мы остались с Люси наедине. Как только дверь закрылась, она сбросила с себя маску веселья, упала в изнеможении в кресло и закрыла лицо руками. Когда я увидел, что все ее веселое настроение исчезло, я тотчас же воспользовался этой реакцией, чтобы заняться исследованием. Мне нетрудно было убедиться в том, что она малокровна, хотя это и поразило меня, потому что обычных признаков малокровия у нее не было, — кроме того, мне совершенно случайно удалось исследовать состав ее крови, так как Люси, стараясь открыть окно, слегка порезала себе руку разбившимся стеклом; порез сам по себе был совершенно незначителен, но это дало мне возможность собрать несколько капель крови

и проанализировать их — состав крови оказался нормальным; я бы сказал, что, судя по составу крови, ее здоровье великолепно. Физическим состоянием Люси я остался доволен, так что с этой стороны опасаться нечего, но так как причина ее нездоровья должна же где-нибудь крыться, то я пришел к убеждению, что тут все дело в нравственном самочувствии. Люси жалуется на затрудненное дыхание, которое, к счастью, мучает ее лишь временами; кроме того, на тяжелый, как будто летаргический, сон с кошмарными сновидениями, которые ее пугают, но которых она никогда не помнит. Она говорит, что, будучи ребенком имела привычку ходить во сне и что в Уайтби эта привычка к ней снова вернулась. Так однажды она даже взобралась на Восточный утес, где мисс Меррей ее и нашла; но она уверяет меня, что это с ней больше не повторяется. Я в полном недоумении, поэтому решился на следующий шаг: я списался с моим старым учителем и добрым другом, профессором Ван Хельсингом из Амстердама, который великолепно разбирается в сомнительных случаях, а так как ты меня предупредил, что берешь все на себя, то я нашел нужным посвятить его в твои отношения к мисс Вестенра. Сделал я это, исключительно покоряясь твоему желанию, мой дорогой, так как я сам был бы горд и счастлив сделать все для нее. Ван Хельсинг из личного ко мне расположения готов прийти к нам на помощь и сделать все возможное. Но независимо от причины, по которой он согласился приехать, мы заранее должны быть готовы подчиниться его требованиям. Он очень самоуверенный человек, но вызвано это только тем фактом, что он действительно необыкновенный врач. Он философ и метафизик и вместе с тем один из самых выдающихся ученых. Кроме того, это человек большого ума. У него железные нервы, невероятно решительная натура, страшная сила воли и терпеливость, при этом он добрейший человек в мире, к которому всякий смело может обратиться за помощью. Я пишу тебе об этом для того, чтобы тебе стало понятно, почему я так ему доверяю. Я попросил его приехать сейчас же. Завтра я опять увижусь с мисс Вестенра.

Вечно твой, *Джон Сьюворд*».

ПИСЬМО АБРАХАМА ВАН ХЕЛЬСИНГА К ДОКТОРУ СЬЮВОРДУ

«2 сентября.

Дорогой друг! Получив твое письмо, я тотчас же собрался выехать. К счастью, мне удастся выехать, не причиняя этим никакого ущерба тем, кто мне доверился. В противном случае я покинул бы их с тяжелым сердцем. Как видишь, я немедленно отозвался на твое приглашение и еду к другу, чтобы помочь тем, кто ему дорог. Объясни своему приятелю, что, высосав яд из моей раны, образовавшейся у меня от удара грязным ножом нашего общего нервного друга, — ты этим поступком добился раз навсегда моей полной готовности помочь тебе и всем близким тебе людям. Будь любезен приготовить для меня

комнату в «Восточной» гостинице, чтобы я находился вблизи от больной; кроме того, устрой так, чтобы я мог увидеть молодую леди не слишком поздно завтра же, так как очень может быть, что мне придется вернуться домой в эту же ночь. Если будет нужно, то я сумею вернуться через три дня и тогда смогу пробыть у вас уже дольше, а пока — до свидания, друг мой.

Ван Хельсинг».

ПИСЬМО ДОКТОРА СЬЮВОРДА К АРТУРУ ХОЛМВУДУ

«3 сентября.

Дорогой мой Арч! Ван Хельсинг уже был здесь и уехал. Он вместе со мною отправился в Гилингам. Благодаря осторожности Люси, мать ее завтракала вне дома, и мы застали ее одну. Ван Хельсинг очень внимательно и подробно исследовал пациентку, потом он подробно все передал мне. Посылаю тебе доклад. Я ведь не все время присутствовал при исследовании больной. После осмотра пациентки он был очень озабочен и сказал, что должен подумать. Когда я ему сообщил о той большой дружбе, которая связывает нас с тобой и как ты мне доверяешь, то он ответил: „Ты должен сказать ему все, что думаешь по этому поводу; передай ему также и мое мнение, если найдешь это нужным. Нет, я не шучу. Это не шутка, а борьба на жизнь и смерть, если не больше“. Я спросил его, что он этим хочет сказать, так как видел, что он говорит очень серьезно. Он не дал мне никакого ключа к разгадке; но ты не должен сердиться на него, Арч, так как его молчание служит лишь признаком того, что его мозг деятельно работает, чтобы разобраться в этом случае и помочь Люси. Он подробно все разъяснит, когда настанет время, в этом ты можешь быть уверен. Поэтому я ответил ему, что подробно опишу тебе наш визит.

Вот тебе подробный отчет нашего посещения. Люси была жизнерадостнее, чем тогда, когда я увидел ее впервые, и выглядела, безусловно, лучше. Не было того ужасного вида, который тебя так взволновал, да и дыхание было нормальное. Она была очень мила с профессором и старалась делать все, что было в ее силах, чтобы профессор чувствовал себя свободно и хорошо, хотя это удавалось ей с большим трудом.

Мне кажется, что Ван Хельсинг заметил это, так как знакомый мне косой взгляд из-под густых бровей выдавал его. Затем он начал болтать о посторонних вещах, — вообще, он говорил обо всем, кроме ее болезни, и так искусно развлекал ее, что ее притворное веселье вскоре перешло в искреннее. Понемногу, совершенно незаметно, он переменил тему, перевел разговор на причину своего приезда и сказал нежно и ласково:

„Дорогая моя юная мисс, мне страшно приятно видеть, что вас так любят. Это очень много значит в жизни. Он сказал мне, что вы в плохом настроении и невероятно бледны. Но где же ему знать молодых леди! Он поглощен своими сумасшедшими и занят тем, что возвращает им по возможности здоровье,

а значит, и счастье тем, кому они дороги. Это стоит большого труда, но за то у нас есть и чувство радости и удовлетворения, что мы в состоянии дать такое счастье. Ну, а в молодых леди он ничего не понимает; у него нет ни жены, ни дочери; да и не дело молодежи — судить молодежь, это дело таких стариков, как я, у которого столько забот и тревог за них. Итак, моя дорогая, пошлем-ка мы его в сад покурить, а мы с вами поболтаем наедине“.

Я понял намек и пошел прогуляться; немного погодя профессор подошел к окну и позвал меня. Вид у него был очень суровый; он сказал: „Я ее хорошенько выслушал и осмотрел, и никаких болезненных процессов не нашел. Я с вами согласен, что она потеряла много крови, но это было раньше; во всяком случае, она отнюдь не малокровна. Я попросил ее позвать служанку, мне хочется задать ей несколько вопросов, чтобы кое-что уяснить себе, так как в данном случае важно знать все; ведь должна же существовать какая-нибудь причина; без причины ничего не бывает. Мне придется хорошенько обдумать все дома. Прошу ежедневно присылать мне телеграммы; если будет необходимо, приеду снова. Болезнь меня очень интересует; эта молоденькая леди меня также интересует. Она меня просто очаровала, и я непременно приеду, когда будет нужно“.

Как я уже говорил тебе, больше он не сказал бы ни слова, если бы даже мы были совершенно наедине. Теперь, Арч, ты знаешь столько же, сколько и я. Я буду зорко следить за нашей пациенткой. Надеюсь, что твой отец поправляется. Я понимаю, старый друг, каково тебе теперь: больны двое людей, из которых оба тебе одинаково дороги. Я знаю твой взгляд на сыновний долг — ты прав, что исполняешь его; но все же, если понадобится, я немедленно напишу тебе, чтобы ты приехал к Люси; так что тебе незачем очень волноваться, если я тебя не вызываю».

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА

4 сентября.

Пациент зоофагос все еще продолжает меня интересовать. У него был всего один припадок; это случилось вчера в обычное время. Как раз перед восходом солнца им начало овладевать беспокойство. Служитель был знаком с этими симптомами и сейчас же позвал на помощь. К счастью, люди прибежали как раз вовремя, так как с восходом луны он стал таким буйным, что им пришлось употребить все свои силы, чтобы его удержать. Но через пять минут он стал постепенно успокаиваться и в конце концов впал в какую-то меланхолию, в которой пребывает и посейчас. Если верить служителю, то пациент во время припадка выпускал дикие крики. Они настолько перепугали остальных больных, что мне потребовалось лично успокаивать каждого из них в отдельности, и на это ушла бездна времени, хотя я работал буквально не покладая рук. Собственно говоря, подобный эффект не удивляет меня совершенно, ибо я и сам отчасти утратил душевное равновесие, внимая воплям Ренфилда... Настал специальный час, отведенный в нашей лечебнице для послеобеденного отдыха, и мой пациент си-

дит, забившись в угол с тоскливым, угрюмым и чуть ли не несчастным видом — едва ли следует относить его к клиническим проявлениям недуга, возможно, это лишь признак скверного настроения. Впрочем, я пока не в состоянии предоставить достойного объяснения по данному поводу.

Позже.

Новая перемена в моем больном. В пять часов я заглянул к нему, и он казался таким же счастливым и довольным, как всегда. Он снова ловил мух и глотал их, делая каждый раз отметку ногтем на стенке. Увидев меня, он подошел ко мне и извинился за свое дурное поведение, потом очень покорно попросил меня перевести его обратно в его комнату и вернуть ему его записную книжку. Я решил, что следует подбодрить его, — поэтому я перевел его обратно в его комнату с открытым окном. Он снова рассыпал сахар на подоконнике и набрал целый ворох мух.

Он их больше не ест, а собирает в коробку, как раньше, и уже осматривает все углы комнаты в поисках паука. Я попытался достучаться до него, дабы услышать обо всем, что с ним произошло в течение нескольких последних дней. Любая деталь могла бы предоставить ключ к постижению тайного и изуверского хода его мыслей, что, безусловно, оказалось бы невероятным подспорьем в плане лечения. Но, увы, Ренфилд проигнорировал мои старания. В продолжение одного-двух мгновений на его лице сохранялось выражение бесконечной печали, и он проговорил каким-то несвойственным ему, отстраненным голосом (могло даже показаться, что он обращается не ко мне, а, скорее, беседует сам с собой):

— Всему конец! Всему конец! Он покинул меня. И теперь мне больше не на кого надеяться, кроме как на себя... я должен лично обо всем позаботиться! — тут он внезапно обратился лицом ко мне и молвил:

— Доктор, не будете ли вы так добры отдать распоряжение, чтобы мне выделили дополнительную порцию сахара? Полагаю, это весьма пойдет мне на пользу.

— И не только вам, но, кажется, еще и мухам, не так ли? — уточнил я.

— О да! Мухи тоже обожают сахар, ну а я обожаю мух, и, значит, я просто не могу не обожать сахар...

Ну не забавно ли, что на свете существует изрядное количество малосведущих людей, всерьез убежденных в неспособности сумасшедших к логическому мышлению?!

Я распорядился, чтобы Ренфилду выдали двойную порцию сахара и, покидая палату, бросил на него взгляд; клянусь, он поистине выглядел счастливейшим из смертных... Мне безмерно жаль, что я до сих пор неспособен проникнуть в его мысли!

Полночь.

Снова перемена в нем. Я навестил Люси, которую застал в хорошем состоянии и, вернувшись назад, остановился у нашей калитки, чтобы посмотреть

на заход солнца, как вдруг опять услышал его вопли. Так как его комната выходит именно на эту сторону, то я слышал все яснее, чем утром. Это больно ударило меня по нервам — этот переход от восхищения великолепным солнечным закатам с его яркими цветами и роскошными красками, оживляющими мрачные тучи и темную воду, — к ужасной суровой действительности моего каменного здания, полного трепещущего горя и всего того, что так тяготит мою душу. По мере того как солнце заходило, бешенство Ренфилда постепенно уменьшалось; как только солнце совсем зашло, больной выскользнул из рук тех, которые его держали, на пол — инертной массой. Удивительно, однако, как сильна бывает реакция у сумасшедших: через каких-нибудь пять минут он опять спокойно стоял на ногах и озирался кругом. Я сделал служителям знак не держать его, так как мне было интересно видеть, что он сделает. Он подошел к окну и выбросил остатки сахара; затем он взял свою коробку с мухами, выпустил пленниц и выкинул коробку за окно; затем закрыл окно и сел на кровать. Все это удивило меня, и я спросил его:

— Разве вы больше не будете разводить мух?

— Нет, — ответил он, — вся эта дрянь мне надоела!

Вот поразительный тип! Хотелось бы мне разобраться в складе его ума или же постичь причину его внезапных перемен... Стойте! Разгадка, кажется, уже найдена — если бы только узнать, почему у него был пароксизм в полнолуние и при заходе солнца. Неужели солнце в определенные периоды дурно или, вернее, возбуждающе влияет на некоторые натуры, так же как луна? Увидим!

ТЕЛЕГРАММА СЬЮВОРДА, ЛОНДОН,
К ВАН ХЕЛЬСИНГУ, АМСТЕРДАМ

«4 сентября.

Пациентке сегодня значительно лучше».

ТЕЛЕГРАММА СЬЮВОРДА, ЛОНДОН,
К ВАН ХЕЛЬСИНГУ, АМСТЕРДАМ

«5 сентября.

Больной гораздо лучше. Хороший аппетит, спокойный сон. Весела. Румянец возвращается».

ТЕЛЕГРАММА СЬЮВОРДА, ЛОНДОН,
К ВАН ХЕЛЬСИНГУ, АМСТЕРДАМ

«6 сентября.

Ужасная перемена к худшему. Приезжай немедленно. Я не буду телеграфировать Холмвуду, пока не увижусь с тобой».

ГЛАВА X

ПИСЬМО ДОКТОРА СЬЮВОРДА К АРТУРУ ХОЛМВУДУ

«6 сентября.

Дорогой мой Арч! Мои сегодняшние новости не особенно хороши. Люси сегодня утром заметно осунулась. С одной стороны, это оказалось неплохо, а именно: испуганная видом Люси, мистрис Вестенра обратилась ко мне за советом. Я воспользовался этим и сказал ей, что Ван Хельсинг, мой старый учитель, знаменитый диагност, как раз приезжает ко мне в гости и что я тогда совместно с ним займусь здоровьем ее дочери. Так что теперь мы можем свободно действовать, не возбуждая ее подозрений, что при ее опасном положении могло бы вызвать ее смерть; а для Люси при ее болезни это было бы губительным. Если случится что-нибудь непредвиденное, я сейчас же напишу тебе, так что мое молчание прими как знак того, что все в порядке.

Вечно твой, *Джон Сьюворд*».

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА

7 сентября.

Ван Хельсинг приехал опять. Прежде всего он спросил меня, сообщил ли я Артуру все симптомы болезни Люси. Я ответил отрицательно. Он одобрил мой поступок, затем предложил мне записывать весь дальнейший ход болезни самыми тщательным и подробным образом, утверждая, что случай с Люси явится, может быть, одним из интереснейших в медицине всего мира. Но сообщить подробности он отказался, говоря, что ему самому не все ясно и что он до сих пор не совсем уверен в диагнозе.

Когда мы пришли, мистрис Вестенра вышла тотчас же к нам навстречу. Она была встревожена, но не до такой степени, как я этого ожидал. Нас с Ван Хельсингом провели в комнату Люси. Если вчерашний вид ее меня потряс, то сегодняшний привел в ужас. Она была бледна, как призрак; краска сошла даже с губ

и десен, щеки ввалились, а скулы сильно выдавались; мучительно было смотреть и слушать, с каким трудом она дышит. Люси лежала без движения и, по-видимому, была не в силах говорить, так что некоторое время мы все молчали. Затем мы осторожно вышли из комнаты. Как только дверь за нами закрылась, Ван Хельсинг быстро прошел по коридору до следующей двери, которая оказалась открытой. Мы вошли туда. Он лихорадочно закрыл дверь и воскликнул:

— Боже мой, это ужасно! Нельзя терять ни минуты. Она умрет! У нее так мало крови, что нужно немедленно сделать переливание крови. Кто из нас, ты или я, пожертвуем собой?

— Я моложе и здоровее, профессор. Мне нужно это сделать.

— В таком случае приготовься сейчас же; я принесу свою сумку.

— Я готов.

Спускаясь вниз по лестнице, мы услышали стук в дверь; когда мы дошли до передней, то увидели, что служанка только что открыла дверь ипустила Артура. Он бросился ко мне и сказал нетерпеливыми тоном:

— Джон, я очень беспокоился. Я читал между строк твоего письма и был как в агонии; а так как отцу лучше, то я и примчался сюда, чтобы самому увидеть, в чем дело. Этот джентльмен — доктор Ван Хельсинг? Я так благодарен вам, сэр.

Сначала профессор рассердился, что в такой момент ему помешали; но затем, приглядевшись к Артуру и увидев, каким крепким сложением и великолепным здоровьем тот обладает, он переменил гнев на милость и, пожимая его руки, обратился к нему с чрезвычайно серьезным видом:

— Сэр! Вы приехали как раз вовремя. Вы жених нашей дорогой мисс? Она плоха, очень, очень плоха... Нет, дитя мое, так нельзя, — прервал сам себя профессор, увидев, что тот внезапно побледнел и почти в обмороке упал в кресло. — Вы должны ей помочь. Вы можете больше сделать, чем кто-либо из нас, и ваше мужество — ваша лучшая помощь.

— Что же я могу сделать, скажите, я исполню, — хрипло произнес Артур. — Моя жизнь принадлежит ей, и я готов отдать ей свою кровь до последней капли.

— Мой юный сэр, я не требую от вас так много, — возразил профессор, иронически улыбнувшись.

— Что же мне делать?

Ван Хельсинг ударил его по плечу.

— Идемте, — сказал он. — Вы молодой и, слава богу, очень здоровый человек. Вы здоровее меня, здоровее моего друга Джона. Молодая мисс плоха, ей нужна кровь, иначе она умрет. Мы с Джоном только что решили произвести трансфузию крови. Джон собирался дать свою кровь, так как он моложе и сильнее меня. Но теперь вы здесь. Вы лучше нас, старых и молодых, которым приходится заниматься таким усидчивым умственным трудом. Наши нервы не так крепки, а кровь не так ярка, как ваша.

Артур ответил ему:

— Если б вы только знали, как я охотно отдал бы за нее жизнь, вы бы поняли...

Он остановился, так как голос его от волнения сорвался.

— Милый мальчик, — сказал Ван Хельсинг, — в скором времени вы будете счастливы, что сделали все для спасения той, которую любите. Идемте же, и успокойтесь. Вы можете ее еще раз поцеловать перед тем, но потом вам придется уйти — я дам вам знак.

Мы направились вверх к Люси. Артур остался за дверью. Люси посмотрела на нас, но ничего не сказала. Она не спала, но просто была слишком слаба. Только глаза ее говорили. Ван Хельсинг вынул несколько предметов из своего чемодана и положил их подальше на столик. Затем он приготовил усыпляющее средство и, подойдя к кровати, ласково сказал:

— Вот, маленькая мисс, ваше лекарство... Выпейте это, будьте пай-девочкой. Я посажу вас, чтобы легче было его проглотить. Ну вот!

Она с трудом проглотила его лекарство — оно долго не действовало. Причиной тому, в сущности, была ее чрезмерная слабость. Время тянулось бесконечно долго, пока сон наконец не стал ее одолевать, и она заснула глубоким сном. Профессор был вполне удовлетворен и позвал Артура в комнату, попросив его снять сюртук. Затем он добавил:

— Вы можете ее поцеловать, пока я перенесу стол на место. Джон, дружок, помоги мне.

Таким образом, никто из нас не видел, как Артур наклонился к ней.

Затем Ван Хельсинг приступил к операции и сделал ее с невероятной быстротой. Во время трансфузии казалось, будто жизнь снова возвращалась к бедной Люси, лицо же Артура становилось все бледнее, хотя оно и сияло от невыразимой радости.

Но какой ужасный надлом, должно быть, произошел в здоровье Люси, так как то, что вконец ослабило Артура, дало ей лишь незначительное облегчение. Лицо профессора было серьезно, он чрезвычайно внимательно и зорко следил за Люси и Артуром. Я слышал биение своего собственного сердца. Немного погодя профессор тихо проговорил:

— Довольно! Помоги ему, а я займусь ею.

Я перевязал руку Артура и взял его под руку, чтобы увести. Тут Ван Хельсинг, не поворачиваясь к нам, сказал (у этого человека глаза, кажется, были и на затылке):

— Храбрый юноша! По-моему, он заслужил еще один поцелуй, который он сейчас же и получит.

Покончив со своей операцией, он поправил подушки у головы пациентки. При этом он слегка сдвинул с места черную бархатную ленту, которую Люси постоянно носила вокруг шеи, закалывая ее бриллиантовой пряжкой — подарком жениха, — и, показав мне на маленькие красные знаки на ее шее, тяжело вздохнул. Затем он повернулся ко мне и сказал:

— Уведите теперь нашего храброго юношу, дайте ему портвейна, и пусть он немного отдохнет. Пусть он потом пойдет домой и хорошенько поест и поспит, чтобы снова восстановить свои силы после той жертвы, которую он принес сво-

ей невесте. Ему не следует больше здесь оставаться... Стойте, еще одну минуту! Вы, сэр, быть может, беспокоитесь за результат, так знайте, что операция была успешна. На этот раз вы спасли ей жизнь и можете спокойно пойти домой и отдохнуть с сознанием того, что все, бывшее в наших силах, сделано. Я расскажу ей все, когда она проснется; она вас еще больше полюбит за то, что вы для нее сделали. Прощайте!

Когда Артур ушел, я снова вернулся в комнату. Люси тихо спала, но дыхание ее стало глубже. Ван Хельсинг сидел близ кровати и не сводил с нее глаз. Бархатка снова прикрыла красный знак. Я шепотом спросил профессора:

— Что же вы сделаете с этим знаком?

— Что я с ним сделаю? — повторил профессор.

Я, в сущности, еще не знал, что это за знак, поэтому я отодвинул ленту в сторону. Как раз над внешней шейной веной виднелись две небольшие точки, злокачественные на вид. Болезненного процесса в них не было, но края их были очень бледны и точно разорваны. Сначала мне пришло в голову, что эти ранки появились вследствие большой потери крови; но я тотчас же отбросил эту мысль, так как это было абсолютно недопустимо. Судя по бледности Люси до операции, она, наверное, потеряла столько крови, что вся постель ее должна была бы быть пропитана ею.

— Ну? — спросил Ван Хельсинг.

— Да, — ответил я. — Я с ними ничего не могу сделать.

Профессор встал.

— Мне необходимо сегодня же вернуться в Амстердам, — сказал он. — Там мои книги и вещи, которые мне необходимы. Тебе придется провести здесь всю ночь, не спуская с нее глаз.

— Сиделки не нужно? — спросил я.

— Мы с тобой самые лучшие сиделки. Следи за тем, чтобы она хорошо питалась и чтобы ничто ее не тревожило. Тебе придется просидеть всю ночь. Мы с тобой потом можем выспаться. Я вернусь, как только успею, и тогда можно будет начать лечение.

— Начать? — сказал я. — Что вы этим хотите сказать?

— Увидишь, — ответил он, поспешно уходя. Несколько секунд спустя он снова вернулся, просунул голову в дверь и, грозя мне пальцем, сказал:

— Помни, что она на твоём попечении. Если ты хоть на минуту покинешь ее и с ней что-нибудь случится, то едва ли ты будешь в состоянии после этого спокойно уснуть когда-нибудь.

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА

8 сентября.

Я всю ночь просидел у Люси. К сумеркам действие усыпляющего средства прекратилось, и она проснулась; после операции она совершенно изменилась.

Даже настроение ее стало прекрасным. Она была полна жизни. Я сказал мистрис Вестенра, что доктор Ван Хельсинг велел мне просидеть всю ночь у ее дочери, но она восставала против этого и доказывала, что ее дочь теперь уже достаточно окрепла и даже весела. Но я все-таки не сдался и приготовил все, что мне было необходимо. Пока прислуга готовила все на ночь, я пошел поужинать, затем вернулся и уселся около кровати. Люси нисколько не протестовала, наоборот, была как будто даже благодарна мне. Затем сон начал одолевать ее, но она как-то вздрагивала, точно боролась с ним. Это повторилось несколько раз. Ясно было, что она почему-то не хотела заснуть, и я заговорил с нею:

— Вам спать не хочется?

— Боюсь заснуть!

— Бойтесь спать? Отчего? Ведь это благо, которого все мы жаждем.

— Да, но, если бы вы были на моем месте, если бы сон был для вас предвестником ужаса...

— Предвестником ужаса? Не понимаю, что вы этим хотите оказать!

— Не знаю, сама не знаю! И это и есть самое страшное. Вся эта слабость у меня ведь исключительно от этих снов; до сих пор я боюсь даже думать о них.

— Но, дорогая моя, сегодня вы можете спокойно спать! Я буду вас сторожить и обещаю вам, что ничего не случится.

— О, я знаю, что на вас я могу положиться!

Я воспользовался случаем и сказал:

— Я обещаю вам, что как только замечу какие-либо признаки кошмара, то немедленно разбужу вас.

— Вы это сделаете? Наверное сделаете? Как вы добры ко мне! Ну тогда я буду спать!

При этих словах она с облегчением вздохнула, откинулась назад и заснула.

Я продежурил около нее всю ночь. Она не шевелилась и крепко спала спокойным, здоровым сном. Рано утром вошла служанка, я уступил ей свое место, а сам пошел домой, так как у меня было много других дел. Я написал Ван Хельсингу и Артуру и сообщил им о хорошем результате операции. Мои дела отняли у меня целый день, и было уже темно, когда мне удалось справиться на счет моего пациента зоофагуса. Сведения были хорошие: он был совершенно спокоен в течение последнего дня и ночи. Во время обеда я получил телеграмму от Ван Хельсинга из Амстердама с просьбой, чтобы я ночью приехал в Гилингам, так как он хотел иметь меня под руками; он же выедет ночью на почтовых и будет у меня рано утром.

9 сентября.

Я приехал в Гилингам усталый и утомленный. Две ночи я почти совершенно не спал, и мозг мой начинал уже цепенеть. Люси проснулась, настроение у нее было веселое; здороваясь со мною, она посмотрела на меня серьезно и сказала:

— Сегодня вам нельзя дежурить. Вы истощены. Мне опять совсем хорошо. Seriously, я совсем здорова, и если кому-нибудь из нас непременно нужно бодрствовать, то уж я постерегу ваш сон.

Я не хотел с ней спорить и пошел ужинать. Затем Люси пришла ко мне наверх и повела меня в комнату, которая была рядом с ее комнатой, где топился камин. — Теперь, — сказала она, — вы останетесь здесь. Эту дверь я оставляю открытой. Вы ляжете здесь на кушетке, так как я все равно знаю, что во время дежурства ничто не заставит вас — докторов — лечь в постель, раз около вас находится пациент. Если мне что-нибудь понадобится, то я вас позову, и вы тотчас же сможете прийти ко мне.

Мне пришлось повиноваться, тем более что я устал как собака и не в силах был больше просидеть, если бы даже и желал этого. Она еще раз повторила, что позовет меня, если ей что-либо понадобится; я лег на кушетку и забыл обо всем на свете.

ДНЕВНИК ЛЮСИ ВЕСТЕНРА

9 сентября.

Сегодня вечером я чувствую себя совершенно счастливой. Все это время я была очень слаба, сегодня же я в состоянии двигаться, разговаривать и думать; у меня на душе точно солнышко выглянуло после пасмурных дней. Мне кажется, что Артур где-то очень, очень близко от меня — я чувствую его присутствие. Я знаю, где мои мысли. Если бы только Артур знал! Мой милый, милый! У тебя, наверное, звенит в ушах. О, благодатный покой прошлой ночи! Как хорошо мне спалось в то время, как этот славный доктор Сьювора дежурил около меня; сегодня мне тоже не страшно будет спать, раз он так близко; ведь я каждую минуту могу позвать его. Бесконечное спасибо всем за доброту ко мне. Благодарю тебя, Создатель мой! Спокойной ночи, Артур!

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА

10 сентября.

Почувствовав руку профессора на своей голове, я моментально проснулся и вскочил на ноги. Мы к этому приучились в больнице.

— Ну, что с вашей пациенткой?

— Ей было хорошо, когда я ее покинул, или, вернее, когда она меня покинула, — ответил я.

— Пойдем посмотрим, — сказал он, и мы вместе вошли в ее комнату.

Штора была спущена; я пошел поднять ее, между тем как Ван Хельсинг тихо, на цыпочках подошел к кровати.

Когда я поднял штору и солнечный свет залил комнату, то услышал глубокий вздох профессора. Я знал уже значение этого вздоха, и ужас охватил меня. Когда я подошел, то увидел, что его суровое лицо исказилось и побледнело. Я чувствовал, как задрожали мои колени.

Бедная Люси лежала в постели, по-видимому, в глубоком обмороке, еще бледнее и безжизненнее на вид, чем раньше. Даже губы ее побелели.

— Скорее, — сказал Ван Хельсинг, — принеси бренди¹.

Я помчался в столовую и вернулся с графином. Мы помочили бренди ее губы и натерли ей ладони рук и область сердца. Он выслушал ее сердце и после нескольких тревожных минут сказал:

— Еще не поздно. Оно бьется, хотя и слабо. Весь наш прежний труд пропал; придется начать снова. Юноши Артура здесь, к сожалению, больше нет; на этот раз мне придется обратиться к тебе, друг Джон.

Проговорив эти слова, он начал рыться в своем чемодане и вынул оттуда инструменты для трансфузии. Я снял сюртук и засучил рукав рубашки. Не было никакой возможности прибегнуть к усыпляющему средству, да, в сущности, и ни к чему было бы и прибегать к нему; поэтому мы принялись за операцию, не теряя ни минуты. Некоторое время спустя Ван Хельсинг поднял руку, предостерегающе грозя мне пальцем.

— Тихо, не шевелись, — прошептал он, — я боюсь, что благодаря притоку сил и жизни она с минуты на минуту может прийти в себя, а тогда нам грозит опасность, ужасная опасность. Впрочем, я приму меры предосторожности. Я сделаю ей подкожное впрыскивание морфия.

И он принялся осторожно приводить свое намерение в исполнение. Морфий хорошо подействовал на Люси; благодаря этому средству обморок ее медленно перешел в сон. Чувство гордости охватило меня, когда я увидел, как нежная краска возвращается к ее бледным щекам и губам. Все-таки приятно сознавать, что принес хоть маленькую пользу любимой женщине. Профессор внимательно следил за мной.

— Довольно! — сказал он.

— Уже? — удивлялся я. — Ты у Арча взял гораздо больше!

Он грустно улыбнулся в ответ и сказал:

— Он ее возлюбленный, ее жених! А тебе придется немало жертвовать своей жизнью как для нее, так и для других; а пока — довольно.

Когда операция кончилась, он занялся Люси. Я же в ожидании, пока он освободится, чтобы помочь мне, прилег на кушетку, так как чувствовал слабость и даже дурноту. Вскоре он и мне перевязал рану и послал меня вниз выпить стакан вина. Когда я выходил из комнаты, он нагнал меня и прошептал:

— Помни, ни слова об этом никому. Даже, если Артур неожиданно придет сюда, как тогда, то и ему ни слова. Это могло бы его напугать и вместе с тем возбудить в нем ревность. Ни того, ни другого быть не должно. Пока — все.

¹ В переводе 1912 г. вместо «бренди» было «водка».

Днем Люси великолепно спала, и когда проснулась, то вид у нее был хороший и она казалась окрепшей, хотя все-таки она выглядела хуже, чем накануне. Вид ее удовлетворил Ван Хельсинга, и он пошел прогуляться, строго наказав мне не спускать с нее глаз. Я слышал, что он в передней спрашивал, как ближе всего пройти на телеграф.

Люси мило болтала со мной и, казалось, понятия не имела о том, что с ней случилось. Я старался ее занимать и забавлять. Когда мистрис Вестенра пришла ее навестить, то, по-видимому, не заметила в дочери никакой перемены и сказала мне:

— Мы так страшно обязаны вам, доктор Сьюворт, за все то, что вы для нас сделали; но очень прошу вас не переутомляться. Вы сами выглядите бледным и осунувшимся. Вам нужна жена, которая бы немного поухаживала за вами; это вам необходимо.

При этих словах Люси покраснела, хотя всего только на одну секунду, так как ее опустошенные вены не могли надолго удержать столь неожиданно-го и непривычного прилива крови к голове. Реакция наступила мгновенно: Люси невероятно побледнела. Я улыбнулся и отрицательно покачал головой, приложив палец к губам, чтобы показать больной, что разговоры ей еще не разрешены. Ван Хельсинг вернулся часа через два и сказал мне:

— Теперь — скорей домой, поешь, выпей вина и подкрепишься сном. Я тут останусь на ночь и сам посижу с маленькой мисс. Мы с тобой должны следить за болезнью — другим ни к чему об этом знать. У меня на это есть свои причины. Не спрашивай о них; думай что хочешь. Можешь даже вообразить самое невозможное. Спокойной ночи!

В передней две служанки подошли ко мне и спросили меня, не нужно ли кому-нибудь из них посидеть у мисс Люси. Они умоляли меня позволить им это. Когда же я им сказал, что доктор Ван Хельсинг желает, чтобы только он сам или же я сидел у кровати больной, то они начали просить меня поговорить с иностранцем. Я был тронут их любезностью. Моя ли слабость, забота ли о Люси вызвали в них такую преданность — не знаю, но время от времени мне приходилось выслушивать их просьбы. Я вернулся в лечебницу к позднему обеду; сделал свой обход — все благополучно. Тогда я прилег. Безумно хочется спать.

11 сентября.

Сегодня вечером я снова был в Гилинге. Ван Хельсинга я застал в хорошем расположении духа. Люси гораздо лучше. Вскоре после моего приезда принесли какой-то пакет Ван Хельсингу. Он его нетерпеливо раскрыл и показал нам целую кучу белых цветов.

— Это для вас, мисс Люси, — сказал он.

— О, доктор, как вы любезны!

— Да, моя дорогая, для вас, но не для забавы. Это лекарство.

Тут Люси сделала недовольное лицо.

— Нет, не беспокойтесь. Вам не придется принимать их в отваре или в чем-нибудь неприятном, так что вам незачем подергивать своим очаровательным носиком; а не то я расскажу своему другу Артуру, сколько горести ему предстоит перенести, когда ему придется увидеть ту красоту, которую он так любит, — настолько искаженной. Ага, моя дорогая мисс! Это выправило ваш носик. Итак, цветы — целебное средство, но вы не понимаете какое. Я положу их на ваше окно, я сделаю хорошенький венок и надену его вам на шею, чтобы вы хорошо спали. О да, они, как лотос, заставят вас забыть все ваши горести. Они пахнут, как воды Леты и фонтаны юности; сам конквистадор искал их во Флориде и нашел, но, к сожалению, слишком поздно.

Пока он говорил, Люси осматривала цветы и вдыхала их аромат. Затем, отбросив их и полуулыбаясь, полудосадуя, сказала:

— Ах, профессор, я надеюсь, что это милая шутка с вашей стороны. Ведь это простой чеснок!

К моему удивлению, Ван Хельсинг встал и сказал ей совершенно серьезно:

— Прошу со мной не шутить. Я никогда ни над кем не насмехаюсь. Я ничего не делаю без основания; и прошу вас мне не противоречить. Будьте осторожны если не ради себя лично, то ради других.

Затем, увидев, что Люси испугалась, что было вполне понятно, он продолжал уже более ласково:

— О моя дорогая, маленькая мисс, не бойтесь меня. Я ведь желаю вам только добра; в этих простых цветах почти все ваше спасение. Вот посмотрите — я сам разложу их у вас в комнате. Я сам сделаю вам венок, чтобы вы его носили. Но — чур! — никому ни слова, дабы не возбуждать ничьего любопытства. Итак, дитя мое, вы должны беспрекословно повиноваться, молчание — часть этого повиновения, а повиновение должно вернуть вас сильной и здоровой в объятия того, кто вас любит и ждет. Теперь посидите немного смирно. Идем со мною, дружок Джон, и помоги мне осыпать комнату чесноком, присланным из Гаарлема. Мой друг Вандерпуль разводит там круглый год в парниках эти цветы. Мне пришлось вчера телеграфировать ему — здесь нечего было и мечтать достать их.

Мы пошли в комнату и взяли с собой цветы. Поступки профессора были, конечно, чрезвычайно странны; я этого не нашел бы ни в какой медицинской книге: сначала он только закрыл все окна, заперев их на затвор; затем, взяв полную горсть цветов, он натер ими все щели, дабы малейшее дуновение ветра было пропитано их ароматом. После этого взял целую связку этих цветов и натер ею косяк двери и притолоку. То же самое сделал он и с камином. Мне все это казалось неестественным, и я сказал ему:

— Я привык верить, профессор, что вы ничего не делаете без основания, но хорошо, что здесь нет скептика, а то он сказал бы, что вы колдуете против нечистой силы.

— Очень может быть, что оно так и есть, — спокойно ответил он и принялся за венок для Люси.

Мы подождали пока Люси приготовилась ко сну; когда же она уже была готова, профессор надел ей венок на шею. Последние слова, сказанные им, были:

— Смотрите не разорвите его и не открывайте ни окна, ни двери, даже если в комнате будет душно.

— Обещаю вам это, — сказала Люси, — и бесконечное спасибо вам обоим за вашу ласку. Чем я заслужила дружбу таких людей?

Затем мы уехали в моей карете, которая меня ожидала. Ван Хельсинг сказал:

— Сегодня я могу спать спокойно, я в этом очень нуждаюсь — две ночи в дороге, в промежутки днем — масса чтения, а на следующий — масса тревог. Ночью снова пришлось дежурить не смыкая глаз. Завтра рано утром ты придешь ко мне, и мы пойдем вместе к нашей милой мисс, которая, надеюсь, окрепнет благодаря тому «колдовству», которое я устроил. Ох-хо-хо!

Он так безгранично верил, что мной овладел непреодолимый страх, так как я вспомнил, как я сам был полон веры в благоприятный исход и как печальны оказались результаты. Моя слабость не позволила мне сознаться в этом моему другу, но из-за этого я в глубине души еще сильнее страдал.

ГЛАВА XI

ДНЕВНИК ЛЮСИ ВЕСТЕНРА

12 сентября.

Как добры они ко мне! Я очень люблю д-ра Ван Хельсинга. Удивляюсь, почему это он так беспокоился из-за этих цветов. Впрочем, он, должно быть, прав — мне при них как-то лучше стало. Как бы там ни было, меня теперь уже не страшит одиночество, и я могу без страха пойти спать. Я не стану обращать внимания на хлопанье крыльев за окном. А какой ужасной борьбы мне стоил сон за последнее время! Как счастливы те, жизнь которых проходит без страха, без ужасов, для которых сон является благословением ночи и ничего не доставляет им, кроме сладких сновидений. Вот я лежу в ожидании сна, лежу, как Офелия в драме, с венком на голове и вся в цветах. Раньше я никогда не любила запаха чеснока, но сегодня этот запах мне приятен! Что-то мирное в его запахе; я чувствую, что меня уже клонит ко сну. Спокойной ночи всем!

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА

13 сентября.

Явился в «Берkeley» и застал Ван Хельсинга уже вставшим, как всегда, — вовремя. Коляска, заказанная в гостинице, тоже ожидала у дверей. Профессор забрал с собой свой чемодан, с которым он теперь никогда не расстаётся.

Мы приехали в Гилингам в 8 часов утра. Когда мы вошли, то встретились с мистрис Вестенра, выходящей из своей комнаты. Она сердечно приветствовала нас и сказала:

— Вы будете очень рады, так как Люси лучше. Милое дитя все еще спит! Я заглянула к ней в комнату и видела ее, но не вошла, боясь ее потревожить.

Профессор улыбнулся и сказал:

— Ага! Мне кажется, что я поставил верный диагноз. Мое лекарство действует.

На что она ответила:

— Вы не должны всего приписывать себе, доктор. Своим утренним покоем Люси отчасти обязана и мне.

— Что вы этим хотите сказать, сударыня? — спросил профессор.

— Я беспокоилась о милом ребенке и вошла к ней в комнату. Она крепко спала — так крепко, что даже мой приход не разбудил ее. Но в комнате было ужасно душно, и я отворила окно. Там повсюду лежало так много этих ужасных, сильно пахнущих цветов, даже вокруг шеи у нее был обмотан целый пучок; я и решила, что этот тяжелый запах слишком вреден для милого ребенка при его слабости, так что я убрала цветы и открыла немного окно, чтобы освежить комнату. Вы будете очень довольны ею, я убеждена.

Она ушла в будуар, где обыкновенно завтракала. Я следил за лицом профессора и увидел, что оно стало пепельно-серого цвета. Он старался владеть собою в присутствии бедной леди, так как знал о ее болезни, — он даже улыбался, но как только она ушла, он резко втокнул меня в столовую и запер за нами дверь.

Тут я впервые увидел Ван Хельсинга в отчаянии. В немом ужасе он поднял руки над головой и закричал:

— Господи, Господи, Господи! Что мы сделали такого, чем провинился этот бедный ребенок, что у нас так много горя? Неужели проклятье, посланное самим дьяволом, тяготее над нами, раз такие вещи должны происходить, да еще таким образом? Эта бедная мать совершенно бессознательно, думая все повернуть к лучшему, совершает поступки, которые губят душу и тело ее дочери! О, сколько у нас горя! До чего все дьявольские силы против нас!

Идем, — заговорил он после минутной паузы, — идем посмотрим и будем действовать, — один ли, дьявол или их много — безразлично; мы все равно его победим.

Он бросился в переднюю за чемоданом, и мы вместе поднялись в комнату Люси.

Я отодвинул шторы, пока Ван Хельсинг подходил к кровати. На этот раз он не был поражен, когда взглянул на это несчастное лицо, покрытое той же самой ужасной восковой бледностью.

— Так я и знал, — пробормотал он. Затем, не говоря ни слова, он закрыл дверь и начал выкладывать инструменты для новой операции — переливания крови. Я уже давно сознавал необходимость этого и начал снимать свой сюртук, но он остановил меня движением руки.

— Нет, — сказал он. — Сегодня вы будете делать операцию. Я буду объектом. Вы потеряли слишком много крови.

Снова операция, снова применение усыпляющих средств; снова возвращение красок пепельно-серым щекам и регулярного дыхания здорового сна. На этот раз я сторожил, пока Ван Хельсинг подкреплялся и отдыхал.

Он воспользовался первым представившимся удобным случаем и сказал мистрис Вестенра, чтобы она ничего не выносила из комнаты Люси, не посоветовавшись предварительно с ним; что цветы имеют ценность как лекарство и что вдыхание их аромата входило в план лечения. Затем он взялся сам следить за ходом дела, сказав, что он проведет эту и следующую ночь у постели больной и что сообщит мне, когда прийти.

После двухчасового сна Люси проснулась, свежая и веселая, нисколько не чувствуя себя хуже после ужасного испытания.

Что все это значит? Я уже начинаю бояться, не отражается ли на моем мозгу мое долгое пребывание среди умалишенных.

ДНЕВНИК ЛЮСИ ВЕСТЕНРА

17 сентября.

Четыре спокойных дня и ночи. Я становлюсь такой сильной, что едва узнаю себя. Мне кажется, что я просыпаюсь после долгого кошмара. Я только что проснулась, увидела чудное солнце и почувствовала свежий утренний воздух. Мне смутно припоминается долгое, тоскливое время ожидания чего-то страшного; мрак, в котором не было даже никакой надежды на спасение, а затем — бесконечное забвение и возвращение к жизни, как у водолаза, вылезавшего из глубины вод на свет божий. С тех пор как д-р Ван Хельсинг со мной, все эти ужасные сны, кажется, прошли; звуки, которые обыкновенно сводили меня с ума, — хлопанье крыльев об окна, отдаленные голоса, которые казались мне такими близкими, резкий звук, который исходил, не знаю откуда, и требовал от меня, сама не знаю чего, — все это теперь прекратилось. Теперь я нисколько не боюсь засыпать. Я даже не стараюсь не спать. Теперь я стала любить чеснок, и мне присылают каждый день из Гаарлема целые корзины его. Сегодня д-р Ван Хельсинг уезжает, так как ему нужно на несколько дней в Амстердам. Но ведь за мной не надо присматривать; я достаточно хорошо себя чувствую, чтобы остаться одной. Благодарю Бога за мою мать, за дорогого Артура и за всех наших друзей, которые так добры. Я даже не почувствую перемены, так как вчера ночью д-р Ван Хельсинг долгое время спал в своем кресле. Я дважды заставляла его спать, когда просыпалась; но я не боялась снова заснуть, несмотря на то что сучья или летучие мыши довольно сильно бились об оконную раму.

ГАЗЕТА «ПЭЛЛ МЭЛЛ» ОТ 18-го СЕНТЯБРЯ. СБЕЖАВШИЙ ВОЛК

Опасное приключение нашего интервьюера (Интервью со сторожем Зоологического сада)

После долгих расспросов и постоянно употребляя в качестве талисмана The Pall Mall Gazette мне наконец удалось найти надсмотрщика того от-

деления Зоологического сада, где содержатся волки. Томас Бильдер живет в одном из домиков, находящихся в ограде за жилищем слонов, и как раз сидел пить чай, когда я постучался к нему. Томас и его жена — очень гостеприимные пожилые люди, и если то гостеприимство, с которым они меня приняли, — обычное для них явление, то жизнь их, должно быть, довольно комфортно устроена. Сторож отказался заниматься какими бы то ни было делами, пока не поужинает, против чего я не протестовал. Затем, когда стол был прибран и он закурил свою трубку, он сказал:

— Теперь, сэр, вы можете спрашивать меня о чем угодно. Вы мне простите, что я отказался разговаривать с вами о делах перед едой. Я даю волкам, шакалам и гиенам и во всех отделениях их чай раньше, чем начинаю им предлагать вопросы.

— Что вы хотите сказать, говоря «предлагать им вопросы»? — спросил я, желая втянуть его в разговор.

— Ударяя их палкой по голове — это один способ; почесывая у них за ушами — это другой. Мне не очень-то нравится первое — бить палкой по голове, пока не раздам им обеда, — я предпочитаю ждать, пока они выпьют свой херес и кофе, так сказать, чтобы почесать у них за ушами.

Вы не заметили, — прибавил он, философствуя, — что в каждом из нас сидит порядочная часть той же самой натуры, что и в них — в этих зверях. Вот вы пришли сюда и предлагаете мне вопросы относительно моих обязанностей, а я, старый ворчун, желал бы за ваши паршивые полфунта видеть вас вышвырнутым отсюда раньше, чем вы успеете начать свой разговор со мной. Даже после того как вы иронически спросили меня, не хочу ли я, чтобы вы обратились к надзирателю за разрешением ставить мне вопросы. Не в обиду будь сказано, — сказал я вам, чтобы вы убрались к черту?

— Да, сказали.

— А когда вы ответили мне, что привлечете меня к ответственности за сквернословие, то как обухом ударили меня по голове; но полфунта все уладило. Я не собирался сражаться, я просто ждал ужина и своей воркотней выражал то же самое, что волки, львы и тигры выражают своим рыком.

Ну а теперь, да хранит Бог вашу душу, после того как старая баба впихнула в меня кусок своего кекса и выполоскала меня своим старым чайником, а я зажег свою трубку, вы можете почесать у меня за ушами, так как вы большего не стоите и не выдавите из меня ни одного звука. Проваливайте вы с вашими вопросами! Я знаю, зачем вы пришли — из-за сбежавшего волка?

— Совершенно верно! Я хочу узнать ваш взгляд на это. Скажите мне только, как это случилось; а когда я узнаю факты, то уже заставляю вас высказаться, почему, по вашему мнению, это произошло и чем, вы думаете, это кончится.

— Хорошо, наставник! Вот почти вся история. Волк этот, которого зовут Берсиккер, один из тех трех серых волков, привезенных из Норвегии, которого мы купили четыре года тому назад. Это был славный, послушный волк,

не причинявший никому никаких забот. Я очень удивляюсь, что именно ему вздумалось убежать, а не другим зверям. Ну вот теперь оказывается, что волкам можно верить еще меньше, чем женщинам.

Это было вчера, сэр; вчера, приблизительно часа два после кормления, я услышал какой-то шум. Я устраивал подстилку в домике обезьян для молодой пумы, которая больна. Но как только я услышал тьяканье и вой, я сейчас же выбежал и увидел Берсиккера, бешено кидавшегося на решетку, точно рвавшегося на свободу. В этот день в саду было немного народу, и около клетки стоял только один господин, высокого роста, с крючковатым носом и острой бородкой с маленькой проседью. Взгляд его красивых глаз был суров и холоден; он мне как-то не понравился, так как мне казалось, что это он так раздражал зверей. Руки его были обтянуты белыми лайковыми перчатками; указывая на зверей, он сказал:

— Сторож, эти волки, кажется, чем-то взволнованы.

— Возможно, что так, — ответил я неохотно, так как мне не понравился тон, которым он со мной говорил. Он не рассердился, хотя я на это рассчитывал, а улыбнулся доброй, заискивающей улыбкой, раскрыв при этом рот, полный белых острых зубов.

— О нет, меня-то они любят, — сказал он.

— О да, любят, — возразил я, передразнивая его. — Они всегда любят во время чаепития поточить свои зубы о косточки, которых у вас целый ящик.

И странно было то, что как только звери заметили, что мы разговариваем, то прилегли, и когда я подошел к Берсиккеру, то он позволил мне, как всегда, погладить себе голову. Этот господин также подошел к нему, и, представьте, он просунул руку сквозь решетку и тоже погладил его по ушам.

— Берегитесь, — сказал я ему, — Берсиккер ловкий малый!

— Ничего, — ответил он, — я к ним привык.

— Вы тоже занимаетесь этим, — спросил я, снимая шляпу перед человеком, промышлявшим волками, — ведь укротитель всегда приятен сторожу.

— Нет, — сказал он, — не совсем так, как вы думаете, но я баловался с ними.

При этом он снял шляпу так вежливо, как лорд, и удалился. Старый Берсиккер глядел ему вслед, пока тот не скрылся из виду, затем пошел, улегся в углу и не захотел выходить весь вечер. А ночью, как только луна зашла, здесь завывали все волки. Казалось бы, не из-за чего было им выть. Вблизи не было никого, за исключением какого-то субъекта, который звал какую-то собаку, находившуюся, по-видимому, далеко в парке. Я несколько раз выходил осмотреть, все ли в порядке, и ничего особенного не находил; затем вой прекратился. Около двенадцати часов я снова вышел осмотреть сад, раньше чем пойти лечь спать. Но когда я подошел к клетке Берсиккера, то нашел ее решетку сломанной, а клетку пустой. Вот все, что я достоверно знаю.

— Никто больше ничего не видал?

— Один из сторожей возвращался около того времени домой с вечеринки и видел какую-то большую серую собаку, перескочившую через забор сада.

По крайней мере он так говорил, но я этому мало верю. Я лично думаю, что это вечеринка у него засела в голове.

— Скажите, м-р Билдер, можете ли вы чем-нибудь мотивировать бегство волка? — спросил я, давая ему еще монету.

— По моему мнению, волк скрывается где-нибудь вблизи. Какой-то садовник сказал, что какой-то волк мчался галопом к северу быстрее лошади; но я ему не верю, так как вы сами знаете, что волки не могут мчаться галопом, так же как и собаки, — они не так устроены. Это только в сказках волк такой шикарный зверь; там, когда он приходит в ярость или что-нибудь грызет, он кажется страшнее, чем на самом деле, — он способен производить дьявольский шум и уничтожать все, что ему попадется. Но в действительности волк, слава богу, просто-напросто маленькое животное; собака, например, вдвое умнее и смелее его и вчетверо воинственнее. А этот тем более не способен ни к борьбе, ни к самозащите; больше похоже на то, что он скрывается теперь где-нибудь за парком и дрожит от страха, и если он о чем-нибудь думает, то только о том, где бы ему достать поесть; или, может быть, он попал в какой-нибудь двор и сидит теперь в каком-нибудь угольном подвале. Если у него нет пищи, то ему придется пойти ее искать, и возможно, что он наткнется на лавку какого-нибудь мясника. Если же он не найдет лавки мясника и какая-нибудь нянька, прогуливаясь со своим солдатом, оставит ребенка без надзора в коляске, — ну, тогда я не буду удивлен, если в результате окажется одним мальчиком меньше. Вот и все.

В этот момент что-то подбежало к окну, и лицо м-ра Бильдера от удивления вытянулось вдвое больше своей натуральной величины.

— Господи! — воскликнул он. — Не старый ли Берсиккер вернулся домой?

Он подошел к двери и открыл ее; этот жест мне показался совершенно лишним. Мне всегда казалось, что дикий зверь выглядит хорошо только тогда, когда между ним и нами находится какое-нибудь очень прочное препятствие; жизненный опыт скорее усилил, чем ослабил эту мысль.

А все-таки в конце концов во всем важнее всего привычка, так как Билдеру и его жене присутствие волка было так же безразлично, как для меня присутствие собаки.

Вся эта сцена была не что иное, как смесь комедии и драмы. Тот самый злой волк, который в течение целой половины дня парализовал весь Лондон и заставил всех детей дрожать от страха, стоял перед нами, точно кающийся грешник, его приняли и приласкали, как лукавого блудного сына. Старый Билдер внимательно, с нужной заботливостью осмотрел его; когда он кончил осмотр, то сказал:

— Ну вот, так я и знал, что бедный зверек попадет в какую-нибудь историю; не говорил ли я этого все время? Посмотрите, вся его голова порезана и полна осколков стекла. Это безобразие, что людям позволяют осыпать стены оград осколками бутылок! Вот к чему это ведет! Поди сюда, Берсиккер.

Он взял волка и запер его в клетку, дав ему кусок мяса величиной с доброго теленка, и прекратил свой рассказ.

Я тоже прекращаю свое повествование. Вот единственные сведения, которые мне удалось получить о странном бегстве волка из Зоологического сада.

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА

17 сентября.

После обеда я был занят уборкой книг, которые, благодаря тому что я был страшно занят посторонними делами и что мне часто приходилось навещать Люси, пришли теперь в ужасный беспорядок; вдруг моя дверь открылась, и в комнату ко мне ворвался мой пациент с лицом, совершенно искаженным от гнева и возбуждения. Я был поражен как громом, так как это небывалый случай, чтобы пациент по собственной воле приходил в комнату врача без сторожей. Он шел прямо на меня, не произнося ни слова. У него в руке был столовый нож; заметив, какой я подвергаюсь опасности, я старался устроиться так, чтобы стол все время был между нами. Несмотря на это, он оказался более ловким и сильным, чем я ожидал, и довольно серьезно порезал мне руку. Но, раньше чем он успел ударить меня вторично, я пришел в себя — и он уже барахтался на полу, лежа на спине. Из моей руки кровь текла ручьем, и на ковре образовалась маленькая лужа. Видя, что мой друг не склонен к дальнейшим действиям, я занялся перевязкой руки, причем все время зорко наблюдал за распростертой фигурой. Когда же прибежали служители и обратили на него внимание, то нам положительно стало дурно: он лежал на животе и вылизывал, как собака, кровь, вытекшую из моей руки. Его легко умилили, и он совершенно спокойно, к моему удивлению, пошел со служителями, повторяя при этом без конца: «Кровь — это жизнь, кровь — это жизнь...» Я не могу больше отдавать кровь: я слишком много здоровья потерял за последнее время, да и продолжительность болезни Люси с ее ужасными фазисами немало сказывается на мне. Я слишком взволнован и устал, и мне нужен покой, покой, покой. К счастью, Ван Хельсинг не звал меня сегодня, так что я могу не лишать себя отдыха; сегодня мне трудно было бы обойтись без него.

ТЕЛЕГРАММА ВАН ХЕЛЬСИНГА,
АНТВЕРПЕН, К СЬЮВОРДУ, КАРФАКС
(За необозначением страны вручена на 24 часа позже.)

«17 сентября.

Ночуйте в Гилинге. Если не можете все время сторожить, то часто навещайте, следите, чтобы цветы были на месте. Будьте внимательны. Буду у вас, как только приеду.

Ван Хельсинг».

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА

18 сентября.

Выехал в Лондон.

Полученная от Ван Хельсинга телеграмма приводит меня в отчаяние. Целая ночь потеряна, а я по горькому опыту знаю, что за ночь может случиться. Конечно, возможно, что все сошло хорошо, но один Бог знает, что могло произойти. Должно быть, какой-то ужасный рок царит над нами, ибо все вооружилось против нас и мешает нам, как бы мы ни старались. Возьму с собой этот цилиндр, тогда смогу закончить эту запись на фонографе Люси.

МЕМОРАНДУМ, ОСТАВЛЕННЫЙ ЛЮСИ ВЕСТЕНРА

17 сентября. Ночью.

Я пишу это и оставляю открытым, чтобы никто обо мне не беспокоился. Вот точная запись того, что в эту ночь случилось. Я чувствую, что умираю от слабости, у меня едва хватает сил, чтобы написать, но это должно быть сделано, если бы я даже при этом умерла.

Я легла спать, как обыкновенно, предварительно позаботившись о том, чтобы цветы лежали там, куда д-р Ван Хельсинг велел их положить, — и вскоре заснула.

Меня разбудило то хлопанье крыльев об окно, которое началось после того, как я ходила во сне на утесы в Уайтби. Я не испугалась, но мне очень хотелось, чтобы д-р Сьюворт был в соседней комнате. Д-р Ван Хельсинг говорил, что он будет — тогда я смогла бы позвать его. Я старалась заснуть, но не могла. Тут мною снова овладел прежний страх перед сном, и я решила бодрствовать. Строптивая сонливость нападала на меня именно тогда, когда я боялась заснуть, так что, испугавшись одиночества, я открыла дверь и крикнула: «Есть здесь кто-нибудь?» Ответа никакого не было. Я боялась разбудить мать, поэтому снова закрыла дверь. Затем я услышала в кустах какой-то вой, точно собачий, но только более резкий и глухой. Я подошла к окну и взглянула, но ничего не увидела, кроме большой летучей мыши, которая, должно быть, билась своими крыльями об окно. Тогда я снова легла в постель, но решила не спать. Вскоре дверь моя открылась, ко мне заглянула мать; видя по моим движениям, что я не сплю, она вошла, под села ко мне и нежно сказала:

— Я очень беспокоюсь о тебе, дорогая, и пришла к тебе посмотреть, как твоё здоровье.

Я боялась, что она простудится, сидя так, и сказала ей, чтобы она легла со мною спать, и она легла ко мне в постель; она не сняла своего халата, потому что решила недолго пробыть у меня и пойти спать к себе.

Когда мы лежали обнявшись, снова раздался стук и хлопанье крыльев об окно. Она вздрогнула слегка, испугалась и вскрикнула: «Что это такое?» Я ста-

ралась ее успокоить, наконец мне это удалось, и она тихо лежала; но я слышала, как ужасно билось ее доброе сердце. Немного погодя снова послышался глухой вой в кустах, и вскоре вслед за этим раздался треск в окне, и масса разбитых стекол посыпалась на пол. Ворвавшийся ветер распахнул шторы, и в отверстие разбитого стекла показалась голова большого тощего волка. Мать в страхе вскрикнула, приподнялась на кровати, хватаясь за все, что попадалось ей под руку. Между прочим, она схватила и за венок из цветов, который д-р Хельсинг велел мне носить на шее, и сорвала его с меня. В течение нескольких секунд она сидела и, дрожа от страха, указывала на волка; затем упала навзничь, как пораженная молнией, и, падая, так ударила меня по голове, что у меня на мгновение закружилась голова. Комната и все остальное закружилось передо мной. Я уставилась в окно, волк вдруг исчез, и мне показалось, что целые мириады мошек вместе с ветром ворвались в комнату, сквозь разбитое окно и кружились и вертелись, как тот столб пыли, который образуется, по описанию путешественников, из песка в пустыне при самуме. Я пробовала пошевелить рукой, но находилась под влиянием какого-то колдовства, а кроме того, тело моей несчастной, дорогой матери, которое, казалось, уже холодело, так как ее сердце перестало биться, — давило меня своею тяжестью, и я на некоторое время потеряла сознание.

Время не казалось мне длинным, но было очень страшно; наконец я снова пришла в себя. Где-то вблизи раздался звон колокольчика на проезжей дороге; все собаки по соседству завыли; и в кустах, как будто совсем близко, запел соловей. Я была совершенно ошеломлена и разбита от страданий, страха и слабости, но пение соловья казалось мне голосом моей покойной матери, вернувшейся, чтобы утешить меня. Звуки, кажется, разбудили и прислугу, так как я слышала шлепанье их босых ног у моих дверей. Я позвала их, они вошли и, когда увидели, что случилось и кто лежит на моей постели, громко вскрикнули. Ветер ворвался в разбитое окно, и дверь распахнулась. Они сняли с меня тело моей дорогой матери и положили его, покрыв простыней, на постель, как только я сошла с нее. Они все были до такой степени перепуганы и расстроены, что я велела им пойти в столовую и выпить по стакану вина. Дверь на мгновение раскрылась и затем снова закрылась. Девушки вскрикнули, и мне показалось, что кто-то вошел в столовую; а я положила все цветы, какие только у меня были, на грудь моей дорогой матери. Тут я вспомнила, что д-р Ван Хельсинг говорил мне, но мне не хотелось их больше трогать, да и, кроме того, я решила, что одна из прислуг посидит теперь со мною. Я очень удивлялась, почему девушки так долго не возвращались. Я позвала их, но не получила ответа, так что сама пошла в столовую посмотреть, что с ними.

Мое сердце упало, когда я увидела, что случилось. Все четыре девушки лежали беспомощно на полу, тяжело дыша. До половины наполненный графин с хересом стоял на столе, но какой-то странный, дикий запах исходил оттуда. Мне это показалось подозрительным, и я исследовала графин — пахнет опием; взглянув на буфет, я увидела, что бутылка, из которой доктор давал ле-

карство моей матери, была пуста. Что мне делать? Что мне делать? Я не могу ее оставить, а я одна, потому что прислуга спит, кем-то отравленная. Одна со смертью! Я боюсь войти туда, так как слышу глухой вой волка сквозь разбитое окно...

Воздух полон кружащимися и вертящимися мошками, и огоньки в глазах волка светятся каким-то синим тусклым светом. Что мне делать? Да хранит меня Бог от всякого несчастья в эту ночь! Я спрячу эту бумагу у себя на груди, где ее найдут, если меня придется переносить. Моя мать умерла! Пора и мне! Прощай, дорогой Артур, если я не переживу этой ночи! Да хранит вас Бог, дорогие, да поможет Он мне!

ГЛАВА XII

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА

18 сентября.

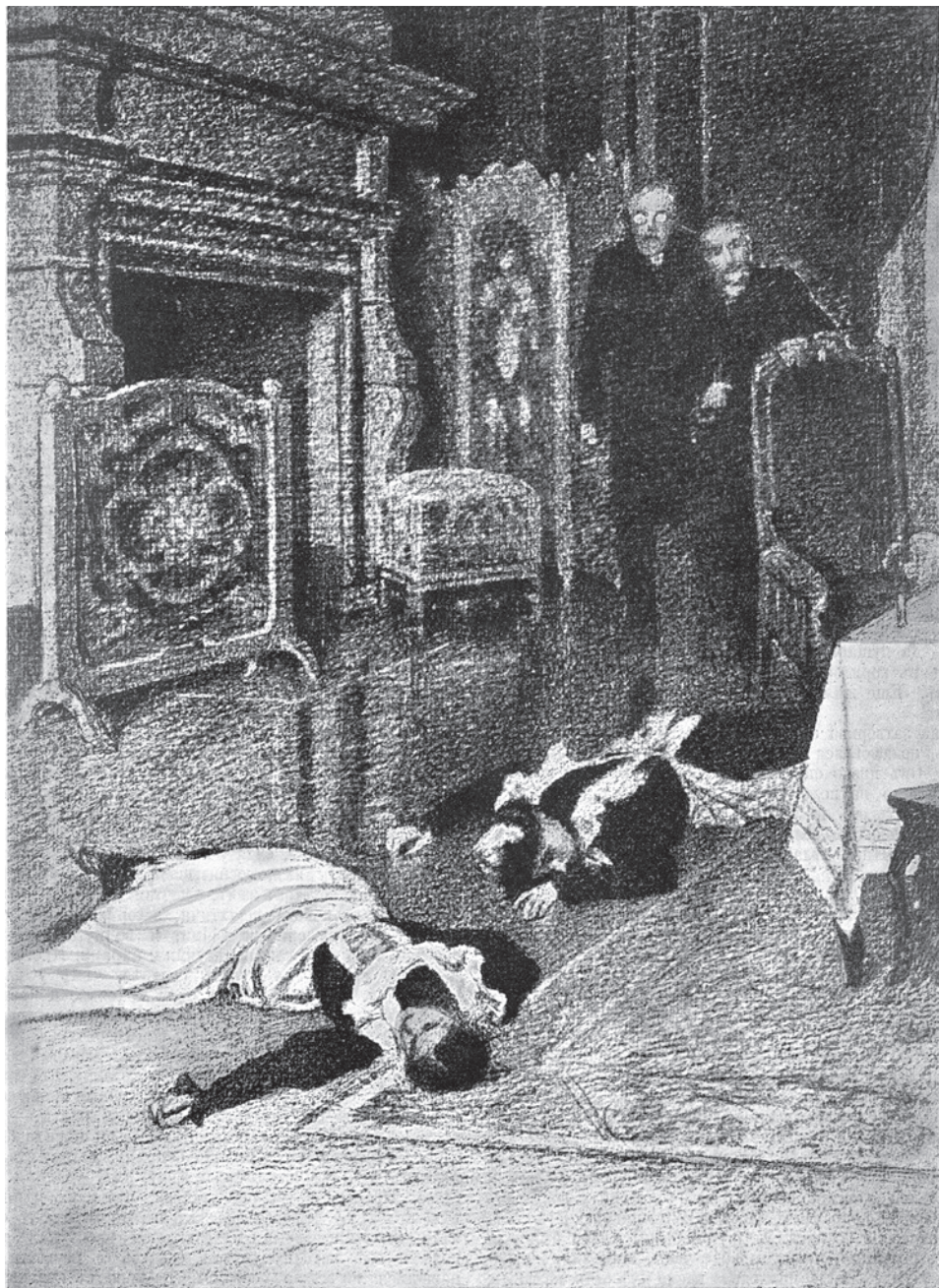
Немедленно по получении телеграммы я поехал в Гилингам и добрался туда рано утром. Оставив свой кэб у ворот, я пошел по дорожке. Я осторожно постучался и позвонил как можно тише, так как боялся потревожить Люси или ее мать и надеялся, что разбужу только прислугу. Но никто не вышел, и я снова постучался и позвонил: все еще нет ответа. Я проклинал лень прислуги, в такой поздний час еще валявшейся в постели, так как было уже десять часов, и нетерпеливо постучался и позвонил еще раз, но все еще не было ответа. До сих пор я винил только одну прислугу, а теперь мною начал овладевать ужасный страх. Я не знал, чем вызвано это странное молчание: отчаянием ли перед неумолимостью рока, крепко стягивавшего нас, или тем, что предо мной дом смерти, куда я пришел слишком поздно. Я знал, что минута, даже секунда запоздания равняется часам страдания для Люси, если с ней снова повторится один из ее ужасных припадков; и я обошел вокруг дома в надежде найти где-нибудь случайный вход.

Я нигде не нашел даже намека на вход. Все окна и двери были закрыты, и, расстроенный, я снова вернулся к дверям. Тут я вдруг услышал топот быстро мчавшейся лошади. Топот затих у ворот, и несколько секунд спустя я увидел бегущего по дорожке доктора Ван Хельсинга. Увидев меня, он воскликнул:

— Так это вы? И вы только что приехали? Как она? Мы опоздали? Получили вы мою телеграмму?

Я ответил ему так скоро и связно, как только мог, что получил его телеграмму рано утром, и что не потерял ни одной секунды, чтобы сюда прийти, и что мне никак не удастся дозвониться.

Он был в недоумении и сказал:

*Мы осмотрели все комнаты и когда, наконец, пришли в столовую,
скудно освещенную, светом, проникавшим сквозь ставни,
то нашли четырех служанок, лежащими на полу.*

— Ну тогда я боюсь, что мы опоздали. Да будет воля Божия. Но если нигде не найдется открытого входа, то нам придется самим как-нибудь устроить вход. Время теперь для нас дороже всего.

Мы подошли к задней стороне дома, куда выходило кухонное окно. Профессор вынул из чемодана хирургическую пилу и передал ее мне, указав на железную решетку окна. Я принялся за дело, и вскоре три прута были распилены. Затем с помощью длинного тонкого ножа мы вытащили решетку и открыли окно. Я помог профессору влезть и затем сам последовал за ним. В кухне и людской никого не оказалось. Мы осмотрели все комнаты, и когда наконец, пришли в столовую, скудно освещенную светом, проникавшим сквозь ставни, то нашли четырех служанок лежащими на полу. Ясно было, что они живы, так как их тяжелое дыхание и едкий запах опия в комнате объяснял все. Ван Хельсинг посмотрел на меня и, направляясь дальше, сказал:

— Мы можем к ним вернуться позже.

Затем мы вошли в комнату Люси. На секунду мы приостановились у дверей, чтобы прислушаться, но ничего не услышали. Дрожа и побледнев от странного предчувствия, мы тихо открыли дверь и вошли.

Как я вам опишу, что мы увидели?! На постели лежали две женщины, Люси и ее мать. Последняя лежала дальше от нас и была покрыта белой простыней, уголок которой был отогнут ветром, врывавшимся в разбитое окно, открывая таким образом бледное искаженное лицо с отпечатком пережитого страха. Около нее лежала Люси с бледным и еще более искаженным лицом. Цветы, положенные нами вокруг ее шеи, были на груди ее матери, а шея ее была открыта, и на ней были видны две маленькие ранки, такие же, как и раньше, но только края их были ужасно белы и изорваны. Не говоря ни слова, профессор приложил голову к груди Люси; затем быстро повернул голову в сторону, как будто прислушался к чему-то и, вскочив на ноги, крикнул мне:

— Еще не слишком поздно! Скорее! Скорее! Принесите бренди!

Я помчался вниз и вернулся с бренди, причем попробовал и понюхал ее из предосторожности, боясь, как бы и она не оказалась отравленной, как тот графин хересу, который я нашел на столе. Служанки все еще спали, но дыхание их стало тревожнее, так что, по моему мнению, снотворное средство начало терять свое действие. Я не останавливался, чтобы убедиться в этом, а вернулся к Ван Хельсингу. Он натер бренди губы, десны, кисти и ладони Люси и сказал мне:

— Больше ничего здесь пока сделать нельзя! Ступайте и приведите в чувство служанок. Похлопайте их при этом покрепче мокрым полотенцем по лицу. Возбудите в них жар и огонь и устройте им таким образом горячую ванну. Эта бедняжка почти так же холодна, как и ее мать. Ее нужно согреть, раньше чем приниматься за что-нибудь другое.

Я тотчас же спустился, и мне нетрудно было разбудить трех из них. Четвертая была еще очень молода, и отравы подействовала на нее сильнее, чем на остальных, так что я положил ее на диван и дал ей выспаться. Другие сна-

чала были одурманены, когда же сознание к ним вернулось, то они стали истерически плакать и рыдать. Но я сказал им, что достаточно и одной погибшей жизни, если же они станут медлить, то погубят и Люси. Рыдая и плача, они как были, полуодетые, принялись за работу, развели огонь и вскипятили воду. Мы приготовили ванну, вынесли Люси на руках и посадили ее туда. В то время как мы растирали ее члены, раздался стук в парадную дверь. Одна из служанок накинула на себя какую-то одежду и выбежала открыть. Затем вернулась и шепотом сказала нам, что какой-то господин пришел с поручением от м-ра Холмвуда. Я велел ей сказать ему, чтобы он подождал, так как сейчас мы очень заняты. Она ушла с поручением, и, погруженный в свою работу, я совершенно забыл о нем.

Наконец мы заметили, что теплота начинает производить на Люси некоторое действие. Удары сердца ее слышались уже яснее при стетоскопическом исследовании, а дыхание стало чуть-чуть более ощутимым.

Мы вынули ее из ванны и понесли в другую комнату, которую за это время приготовили, и положили ее на кровать, затем влили ей несколько капель бренди в рот. Я заметил, что Ван Хельсинг повязал ей вокруг шеи мягкий шелковый платок. Она все еще была без сознания, и ей было очень плохо, чуть ли не хуже, чем когда-либо.

Ван Хельсинг позвал одну из служанок и велел ей остаться у Люси и не сводить с нее глаз, пока мы не вернемся, — затем вышел со мной из комнаты.

— Нам нужно обсудить, как поступить! — сказал он, когда мы спускались по лестнице.

Из передней мы прошли в столовую, где и остановились, закрыв за собою дверь. Ставни были открыты, но шторы были уже опущены с тем уважением к смерти, которое так свойственно британской женщине из низшего круга. Поэтому в комнате царил полумрак. Тем не менее для нас она была достаточно светла. Ван Хельсинга, очевидно, что-то тревожило; после небольшой паузы он сказал:

— Что нам теперь делать? Куда нам обратиться за помощью? Необходимо доставить ей новый приток крови, и как можно скорее, потому что жизнь этой бедняжки висит на волоске: она не выдержит и часу больше. Я боюсь довериться этим женщинам, даже если бы у них и хватило храбрости подвергнуться операции. Как нам найти кого-нибудь, кто согласится ради нее открыть свои вены?

— Не могу ли я вам услужить?

Голос раздался с кушетки, на другом конце комнаты, и звуки эти принесли облегчение и радость моему сердцу, так как то был голос Квинси Морриса. При первых звуках этого голоса Ван Хельсинг разозлился, но выражение его лица смягчилось, и глаза его смотрели уже ласково, когда я воскликнул: «Квинси Моррис!» — и бросился к нему с распростертыми объятиями.

— Как вас сюда занесло? — крикнул я ему, когда наши руки встретились.

— Я думаю, Арч — причина!

Он вручил мне телеграмму:

«Вот уже три дня, как от Сьюворда ничего нет, страшно беспокоюсь. Не могу уехать. Отец все еще в том же положении. Напишите, здорова ли Люси. Не медлите.

Холмвуд».

— Мне, кажется, что я пришел как раз вовремя. Вы ведь знаете, что вам стоит только оказать слово, чтобы я сделал все.

Ван Хельсинг шагнул вперед, взял его за руку и, взглянув ему прямо в глаза, сказал:

— Кровь храброго человека — самая лучшая вещь на свете, когда женщина в горе. Вы настоящий мужчина, в этом нет сомнений. Прекрасно, пусть черт работает изо всех сил, но Бог шлет нам людей, когда они нам нужны.

И снова мы пережили эту страшную операцию. У меня не хватит сил описать ее подробно. Люси, по-видимому, перенесла ужасное потрясение, и оно отразилось на ней сильнее, чем раньше, так как, несмотря на то что масса крови была влита в ее вены, тело ее не поддавалось уж так хорошо лечению, как раньше. Тяжело было смотреть на ее возвращение к жизни. Но, как бы там ни было, работа сердца и легких улучшалась; Ван Хельсинг сделал ей подкожное впрыскивание, как и раньше. Ее обморок перешел в глубокий сон. Профессор остался сторожить, пока я спустился вниз с Квинси Моррисом и послал одну из служанок отпустить ожидавшего извозчика. Я оставил Квинси отдохнуть, заставив его выпить стакан вина, и велел кухарке приготовить солидный завтрак. Тут вдруг мне пришла в голову одна мысль, и я пошел в комнату, где лежала Люси. Когда я тихо вошел, то застал там Ван Хельсинга с несколькими листочками бумаги в руках. Он, очевидно, прочел уже их и теперь сидел, опершись головой на руку, в глубокой задумчивости. На лице его видно было выражение смутного удовлетворения, точно он удачно разрешил какое-то сомнение. Он передал мне бумаги, сказав:

— Это упало у Люси с груди, когда я нес ее в ванну.

Прочтя это, я взглянул на профессора и после некоторого молчания спросил:

— Ради бога, скажите, что же все это значит? Была ли она раньше сумасшедшей, или же теперь сошла с ума, или то, что написано, — правда и в этом кроется какая-то ужасная опасность?

Ван Хельсинг ответил мне:

— Не думайте теперь об этом. Вы узнаете и поймете все в свое время; но это будет попозже. А теперь скажите, о чем вы собирались мне рассказать?

Это вернуло меня к делу, и я снова пришел в себя.

— Я пришел сказать вам, что надо написать удостоверение о смерти мистрис Вестенра.

Я снова спустился и в передней встретил Квинси Морриса с написанной им Артуру телеграммой, в которой он сообщал о смерти мистрис Вестенра и о том, что Люси также была больна, но что ей теперь лучше и что Ван Хельсинг и я с нею.

Затем он спросил меня:

— Можно мне будет поговорить с вами, Джон, когда вы вернетесь?

Я кивнул ему в ответ головой и вышел. Я не встретил никаких затруднений при занесении в реестр и велел гробовщику прийти вечером снять мерку для гроба и взять на себя устройство похорон.

Когда я вернулся, то Квинси уже ждал меня. Я сказал ему, что поговорю с ним, как только узнаю, что с Люси, и вошел к ней в комнату. Она все еще спала, а профессор, по-видимому, еще не двинулся с места. Он приложил палец к губам, и я понял, что он в скором времени ожидает ее пробуждения.

Когда я вернулся к Квинси, он мне сказал:

— Я не люблю бывать там, где у меня нет на это права, но это случай исключительный. Вы знаете, как я любил эту девушку; но, несмотря на то что это все уже в прошлом, я все же не могу не беспокоиться о ней. Скажите, что с ней случилось; голландец — очень славный господин; это он, видно, сказал, когда вы вошли в эту комнату, что необходима новая трансфузия крови и что вы оба, и вы и он, истощены. Я догадываюсь, что вы оба с Ван Хельсингом уже раз проделали над собой то, что я сегодня сделал. Не так ли?

— Да, так.

— И я догадываюсь, что Артур тоже приносит себя в жертву. Когда я встретился с ним четыре дня тому назад, он очень плохо выглядел. С тех пор как у меня в пампасах погибла кобыла в одну ночь, я никогда не видел, чтобы можно было так быстро опуститься. Одна из тех больших летучих мышей, которых там называют вампирами, напала на несчастную лошадь ночью, высосала у нее из горла и открытых ран столько крови, что она уже не в силах была больше оправиться, и мне пришлось пристрелить ее из сострадания. Скажите мне совершенно откровенно, Джек, — Артур был первым, — не так ли?

Я задумался, так как сознавал, что не следует выдавать того, что профессор держит в секрете, но Моррис знал уже слишком много и о многом догадывался, так что не было причины ему не отвечать, — поэтому я ответил ему той же самой фразой:

— Да, так.

— И как долго это продолжается?

— Дней десять.

— Десять дней! Значит, в вены этого бедного создания, которое мы все так любим, за это время вкачали кровь четырех здоровых людей. Помилуй Господи, да все ее тело не выдержало бы этого! Куда же она девалась, эта кровь?

Я покачал головой.

— Куда? — повторил я. — Я положительно ничего не соображаю и представить себе не могу. Тут целая серия мелких обстоятельств перепутала все наши распоряжения относительно охраны Люси. Но больше этого уже не случится. Мы тут останемся, пока все это не кончится, — хорошо ли, дурно ли, как будет угодно Богу!

Когда Люси поздно вечером проснулась, то первым движением ее было схватиться за грудь, и, к моему удивлению, она вытащила оттуда те листы, которые Ван Хельсинг давал мне прочесть. Осторожный профессор положил их обратно на место, чтобы она, проснувшись, не встревожилась. Затем она оглянулась кругом и, заметив, где находится, вздрогнула, громко вскрикнула и закрыла свое бледное лицо своими бледными, худыми руками. Мы оба поняли значение всего этого — то есть что она вспомнила о смерти матери, — так что мы приложили все старания, чтобы ее успокоить. Когда стемнело, она снова задрожала. Но тут произошло странное явление. Во сне она схватила листки и разорвала их. Ван Хельсинг встал и отобрал их у нее, а она все-таки продолжала рвать воображаемую бумагу; наконец она подняла руки и развела их, как будто разбрасывая оставшиеся куски. Ван Хельсинг был поражен и нахмурился, что-то соображая, но ничего не сказал.

19 сентября.

Прошлую ночь она спала очень беспокойно, все как-то боялась заснуть, и когда проснулась, то чувствовала себя немного слабее. Профессор и я по очереди сторожили и ни на минуту не оставляли ее. Квинси Моррис ничего не говорил о своих намерениях, но я знаю, что он всю ночь бродил вокруг дома и сторожил. На следующий день при дневном свете мы увидели, насколько ослабела наша бедная Люси. Она с трудом шевелила головою, и то ничтожное количество пищи, которое она в состоянии была принять, нисколько не помогло ей. Временами она дрожала, и оба мы, Ван Хельсинг и я, заметили, какая большая разница наблюдалась в ней, когда она спала, в сравнении с ее состоянием после сна. Во сне она выглядела сильнее, хотя бледнее, и дыхание ее было ровнее; открытый рот обнажал ее бледные, бескровные десны, причем зубы казались как-то длиннее и острее, чем обыкновенно; когда же она бодрствовала, то мягкий взгляд ее глаз менял выражение лица, — она снова становилась похожей на себя, хотя очень изменилась от истощения, и казалось, что она сейчас умрет. Вечером она спросила об Артуре, и мы вызвали его телеграммой. Квинси поехал на вокзал его встречать.

Артур приехал около шести часов вечера; когда он увидел ее, то чувство умиления охватило его, и никто из нас не мог произнести ни слова. В течение дня припадки сонливости начали учащаться, так что возможности разговаривать с ней почти не было. Все-таки присутствие Артура подействовало на нее возбуждающе: она немного посмеялась и разговаривала с ним веселее, чем с нами до его приезда. Он сам тоже немного ободрился. Теперь около часа ночи, он и Ван Хельсинг все еще сидят около нее. Через четверть часа я должен их сменить. Я сейчас записываю все это на фонограф Люси. До шести часов они могут отдохнуть. Я боюсь, что завтра — конец нашим заботам, так как потрясение было слишком сильно, — бедное дитя не может выдержать. Да поможет нам всем Бог!

ПИСЬМО МИНЫ ХАРКЕР К ЛЮСИ ВЕСТЕНРА
(не распечатанное ею)

«7 сентября.

Моя дорогая Люси!

Кажется целый век, как я ничего не слышала от тебя, или, вернее, как я тебе ничего не писала. Я знаю, что ты простишь мне мой грех, когда ты прочтешь весь мой запас новостей. Мой муж благополучно вернулся; когда мы приехали в Эксетер, коляска уже ждала нас; в ней сидел м-р Хокинс, приехавший нас встречать, несмотря на то что снова сильно страдает подагрой. Он повез нас к себе, где для нас были приготовлены удобные и уютные комнаты, и мы все вместе пообедали. После обеда м-р Хокинс сказал:

— Мои дорогие, пью за ваше здоровье и благополучие и желаю вам обоим бесконечного счастья. У меня нет никого на свете, и я решил оставить все вам.

Дорогая Люси плакала, когда Джонатан и этот старик пожимал друг другу руки. Это был очень, очень счастливый вечер для нас.

Итак, мы устроились теперь в этом чудном, старом доме. Я страшно занята устройством квартиры и хозяйством. Джонатан и м-р Хокинс заняты целыми днями, так как, взяв Джонатана в компаньоны, м-р Хокинс хочет посвятить его во все дела своих клиентов.

Как поживает твоя милая матушка? Хотелось бы мне приехать к вам в город и увидеть вас, дорогие мои, но я не смею, так как у меня слишком много дел; а за Джонатаном нужно очень и очень ухаживать. Он уже начинает толстеть, но все же страшно ослабел после своей долгой болезни.

Теперь я рассказала тебе все свои новости, послушаю твои. Когда твоя свадьба? Где и кто будет вас венчать, и что ты наденешь, и будет ли это торжественная или скромная свадьба? Расскажи мне обо всем, дорогая, так как нет ничего, что касалось бы тебя и не интересовало бы меня и не было бы мне дорого.

Джонатан шлет тебе привет. Прощай, моя дорогая, да благословит тебя Бог.

Твоя, Мина Харкер».

ОТЧЕТ ПАТРИКА ГЕННЕСЕЯ, Д. М., М. R. C. S. L. K. Q. C. P. I. и т. д.,
ДЖОНУ СЬЮВОРДУ, Д. М.

«20 сентября.

Дорогой сэръ!

Согласно Вашему желанию при сем прилагаю отчет всех дел, порученных мне... Что касается пациента Ренфилда, то о нем есть много новостей. С ним был новый припадок, который мог очень плохо кончиться, но который, к счастью, не имел никаких несчастных последствий. Вчера после обеда двухколесная повозка подвезла к пустому дому, который граничит с нашим, двух господ; к тому самому дому, куда, помните, пациент дважды убе-

гал. Эти господа остановились у наших ворот, чтобы спросить, как им туда пройти; они, очевидно, иностранцы. Я стоял у окна кабинета и курил после обеда и видел, как один из них приближался к дому. Когда он проходил мимо окна Ренфилда, то пациент начал бранить его и называть всеми скверными словами, какие только знал. Господин же, казавшийся очень порядочным человеком, ограничился тем, что ответил ему: „Перестань ты, грубый нищий“. Затем наш пациент начал обвинять его в том, что он его обкрадывал, что хотел его убить, и сказал ему, что он ему помешает, если тот только снова вздумает это сделать. Я открыл окно и сделал господину знак, чтобы он не обращал внимания на слова больного, — он ограничился тем, что огляделся кругом, как будто желая вспомнить, куда он попал, и сказал: „Боже меня сохрани обращать внимание на то, что мне кричат из несчастного сумасшедшего дома. Мне очень жаль вас и управляющего, которым приходится жить в одном доме с таким диким животным, как этот субъект“. Затем он очень любезно спросил меня, как ему пройти в пустой дом, и я показал калитку; он ушел, а вслед ему посыпались угрозы, проклятия и ругань Ренфилда. Я пошел к нему, чтобы узнать причину его злости, так как он всегда вел себя прилично и ничего подобного с ним не случилось, когда он не был в припадке буйства. К моему великому удивлению, я застал его совершенно успокоившимся и даже веселым. Я старался навести его на разговор об этом инциденте, но он кротко начал расспрашивать меня, что я этим хотел сказать, и заставил меня поверить тому, что он тут совершенно ни при чем. И все-таки, как это ни печально, это оказалось не что иное, как хитрость с его стороны, так как не прошло и получаса, как я снова услышал о нем. На этот раз он снова разбил окно в своей комнате и, выскочив в него, мчался по дорожке. Я крикнул сторожу, чтобы он последовал за мною, а сам побежал за Ренфилдом, так как боялся какого-нибудь несчастья. Мои опасения оправдались: около повозки с несколькими большими деревянными ящиками, которая раньше уже проезжала, стояли несколько человек с багровыми лицами и утирали вспотевшие от тяжелой работы лбы; раньше чем я успел подойти, наш пациент бросился к ним, столкнул одного из них с повозки и начал колотить его головою о землю. Если б я не схватил его вовремя, то Ренфилд убил бы его на месте. Его товарищ схватил тяжелый кнут и стал бить Ренфилда по голове рукояткой кнута. Это были ужасные удары, но Ренфилд, казалось, не почувствовал их — бросился на него и боролся с нами тремя, кидая нас во все стороны, как котят. Вы знаете, что я довольно грузен, и те два тоже дюжие молодцы.

Сначала он вел себя довольно спокойно в драке; но как только заметил, что мы его осилили и что сторожа надевают на него смирительную рубашку, он начал кричать: „Я хочу их уничтожить! Они не смеют меня грабить! Они не смеют убивать меня постепенно! Я сражаюсь за своего лорда и хозяина!“ — и всякие бессвязные фразы. Порядочного труда стоило нам вернуть его домой и водворить в его обитую войлоком комнату. Один из сто-

рожей, Гарди, сломал себе при этом палец, но я сделал ему перевязку, и он уже поправляется.

Грузчики поначалу принялись браниться, требуя возмещения понесенных ими убытков и суля обрушить на наши головы все кары закона. Однако в самом тоне угроз проступала некоторая толика старательно скрываемого смущения, поскольку их, бравых и опытных силачей, угораздило потерпеть сокрушительное поражение, и, спрашивается, от кого? — От какого-то тщедушно-го безумца! Они поспешили заявить, что, если бы не безмерно тяжелые ящики, разгрузка которых отняла у них последние силы, они бы задали хорошего перцу буйному идиоту, разделавшись с ним в два счета. Грузчики не преминули озвучить и другую, не менее вескую, причину своего бесславного фиаско: оказывается, работа их неизменно сопряжена с пылью, а пыль, как известно, вызывает нестерпимую жажду. Ненароком была упомянута и непростительная удаленность популярных питейных заведений от лечебницы, где им пришлось надирать свои жилы в непосильных трудах. Мне не составило труда догадаться, на что нацелились продувные бестии! И вот, осушив по стакану доброго вина, а потом с нескрываемым удовольствием добавив и еще несколько, в точности таких же, — все это, естественно, за счет моих щедрот, — грузчики дополнительно получили от меня по целому фунту стерлингов на брата, после чего в унисон принялись клясться и божиться, что, возымев великую честь знакомства со столь „сиятельным покровителем“, как Ваш покорный слуга, они прямо сейчас готовы сразиться хоть со всеми умалишенными в лечебнице! Я счел, что будет целесообразно записать их адреса, поскольку свидетельские показания грузчиков впоследствии могут нам потребоваться. Привожу их здесь: Джек Смоллет, проживающий в доме Даддинга («жилье в аренду»), что на улице Кинг-Джордж-роуд (Грэйт-Уолворт), и Томас Снеллинг с улицы Питер-Фарли-роуд в Гайд-Корт (Бетнал-Грин). Оба грузчика служат в компании «Харрис и сыновья: сухопутные и морские грузовые перевозки», главный офис которой располагается в Орейндж-Мастерс-Ярд (Сохо). В случае, если произойдет что-либо необычное и заслуживающее Вашего внимания, я безотлагательно извещу Вас письмом.

Вы можете всецело положиться на меня во всем, достопочтенный сэръ.

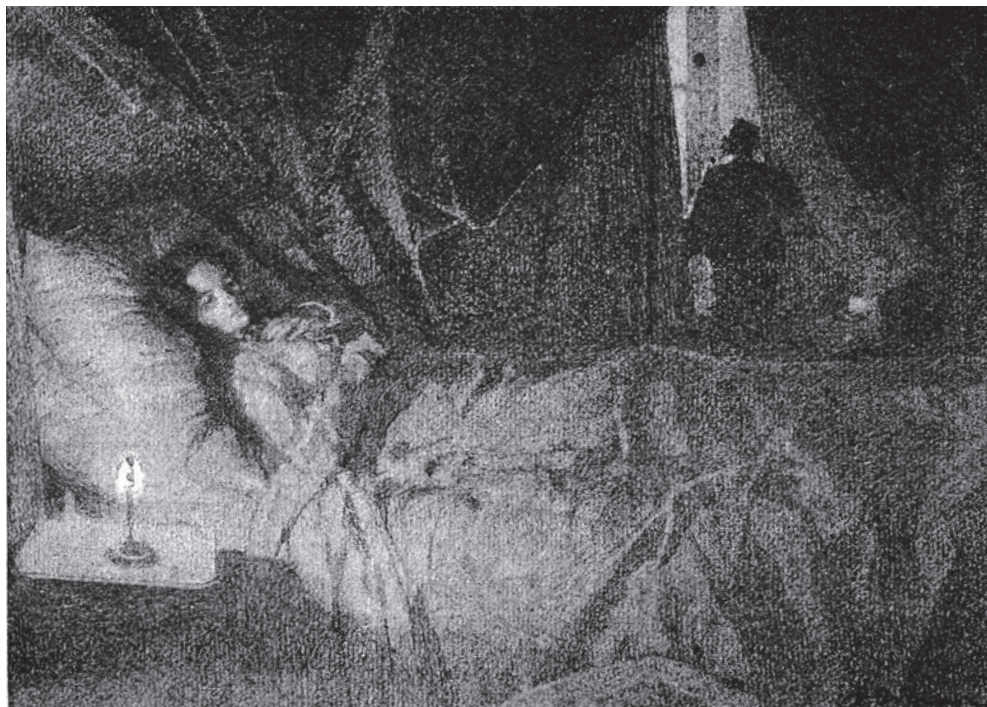
Всецело Ваш, *Патрик Геннеси*».

ПИСЬМО МИНЫ ХАРКЕР К ЛЮСИ ВЕСТЕНРА (не распечатанное ею)

«18 сентября.

Моя дорогая Люси!

Какой удар для нас! М-р Хокинс внезапно умер! Многие подумают, что это вовсе не так печально для нас, но мы оба так полюбили его, что нам положительно кажется, будто мы потеряли отца. Джонатан сильно сокрушается:

...я осторожно подошел к окну и выглянул за отогнутый край шторы.

он опечален, глубоко опечален — не только тем, что утратил этого доброго старика, так хорошо всю жизнь относившегося к нему, заботившегося о нем как о родном сыне и в конце концов оставившего ему такое состояние, которое нам, скромным людям, обыкновенно кажется несбыточной мечтой, — но чувствует эту утрату еще в другом отношении. Он говорит, что ответственность, которая теперь целиком падает на него, делает его нервным. Он начинает сомневаться в себе. Я стараюсь его подбодрить, и моя вера в него поддерживает его веру в себя. А то сильное потрясение, которое он недавно перенес, отражается теперь на нем еще больше. Прости, дорогая, что беспокою тебя своими горестями в те дни, когда ты так счастлива, — но, дорогая Люси, мне приходится быть мужественной и веселой при Джонатане, а это мне стоит большого труда и не с кем отвести душу. Послезавтра мне придется быть в Лондоне, так как м-р Хокинс перед смертью выразил желание быть похороненным около своего отца. Так как у него нет никаких родственников, то Джонатан должен принять на себя все хлопоты по погребению. Я постараюсь забежать к тебе, дорогая, хоть на несколько минут. Прости, что тревожила тебя. Да благословит тебя Бог!

Любящая тебя, Мина Харкер».

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА

20 сентября.

Если мне и удалось приступить сегодня к записям в моем дневнике, то это исключительно благодаря внутренней решимости и давно выработавшейся у меня привычке. Я чересчур потрясен и подавлен, чересчур устал от мира, как, впрочем, и от самой жизни... Даже заслышав прямо в это мгновение неотвратимый шелест крыл Ангела Смерти, я, пожалуй, не придавал бы этому значения, поскольку мне уже все равно... А между тем в последнее время его злоеющие крылья, увы, не раз веяли подле дорогих мне людей — достаточно вспомнить матушку Люси и отца Артура. И вот теперь настала очередь... Но больше ни слова! Мне лучше продолжить свои записи.

Я сменил Ван Хельсинга при Люси. Мы хотели, чтобы Артур также пошел отдохнуть, но он отказывался и только тогда согласился идти, когда я сказал ему, что он понадобится нам днем и что будет плохо, если мы все одновременно устанем, так как от этого может пострадать Люси.

Артур ушел вместе с Ван Хельсингом, бросив пристальный взгляд на бледное лицо Люси, которое было блее полотна подушки, на которой покоилась ее голова. Люси лежала совершенно спокойно и мельком оглянула всю комнату, как будто желая убедиться в том, что все в ней так, как должно быть. Профессор снова развесил тут повсюду цветы чеснока. Отверстие в разбитом окне было заткнуто чесноком, и вокруг шеи Люси, над шелковым платочком, который Ван Хельсинг заставил ее повязать, был сплошной густой венок из этих же самых благоухающих цветов. Люси как-то тяжело дышала и выглядела гораздо хуже, чем раньше, так как полуоткрытый рот ее обнажал бледные десны. Зубы ее в сумерках казались еще длиннее, чем утром. Благодаря игре света казалось даже, будто у нее образовались длинные и острые клыки. Я присел к ней на кровать, и она шевельнулась, словно почувствовала себя неловко. В это время раздался глухой звук, точно кто-то постучал чем-то мягким в окно, я осторожно подошел к нему и выглянул за отогнутый край шторы. Светила полная луна, и я увидел, что этот шум производила большая летучая мышь, которая кружилась у самого окна — очевидно притянутая светом, хотя и тусклым, — постоянно ударяясь крыльями об окно. Когда я вернулся на свое место, то заметил, что Люси слегка подвинулась и сорвала со своей шеи венок из чеснока. Я положил его обратно и продолжал сторожить.

Затем она проснулась, и я дал ей поесть, как это предписал Ван Хельсинг. Она очень мало и нехотя поела. В ней не было больше заметно той бессознательной борьбы за жизнь, которая до сих пор служила доказательством крепости ее организма. Меня поразило, что, как только она пришла в себя, она тотчас же лихорадочным движением прижала к груди цветы. Необычайно страшно было то, что, как только она впадала в свой странный, как будто летаргический, сон с его тревожным дыханием, она сбрасывала с себя цветы; а как только просыпалась, снова прижимала их к себе. Я не мог допустить случай-

ности этого явления, так как в продолжение долгих ночных часов, которые я провел, оберегая ее сон, она постоянно то засыпала, то просыпалась и всякий раз повторяла те же движения.

В шесть часов Ван Хельсинг сменил меня. Когда он увидел лицо Люси, он испуганно вздрогнул и сказал резким шепотом: «Откройте штору, мне нужен свет!» Затем он наклонился и, почти касаясь Люси, осторожно осмотрел ее. Сдвинув цветы и сняв шелковый платок с шеи, он осмотрел шею и пошатнулся. Я тоже наклонился и взглянул на шею; то, что я увидел и меня поразило: раны на шее совершенно затянулись.

Целых пять минут Ван Хельсинг молча стоял и сурово глядел на нее. Затем он обернулся ко мне и спокойно сказал:

— Она умирает. Теперь это недолго протянется. Заметьте, что будет иметь громадное значение, умрет ли она в сознании или во сне. Разбудите нашего несчастного друга, — пусть он придет и посмотрит на нее в последний раз; он доверял нам, а мы ему это обещали.

Я пошел в столовую и разбудил Артура. В первую минуту он был как будто в дурмане, но когда увидел луч солнца, пробравшийся сквозь щель ставни, то перепугался, что опоздал. Я уверил его, что Люси все время спала, но нарекнул ему насколько мог осторожно на то, что мы с Ван Хельсингом боимся, как бы это не было ее последним сном. Он закрыл лицо руками, опустился на колени у кушетки и оставался в таком положении несколько минут, молясь.

Когда мы вошли в комнату Люси, я заметил, что Ван Хельсинг со свойственной ему предусмотрительностью решил идти напрямик и постарался обставить и устроить все как можно лучше. Он даже причесал Люси, так что волосы ее лежали на подушке светлыми прядями. Когда она увидела Артура, то тихо прошептала:

— Артур! О моя любовь, я так рада, что ты пришел.

Он нагнулся, чтобы поцеловать ее, но Ван Хельсинг быстро отдернул его назад.

— Нет, — прошептал он ему на ухо, — не теперь! Возьмите ее за руку, это больше успокоит ее.

Артур взял ее руку и встал перед ней на колени, а она ласково посмотрела на него своими добрыми, чудными, ангельскими глазками. Затем она медленно закрыла глаза и задремала. Грудь ее тяжело поднималась, и она дышала, как уставшее дитя.

Тут с ней снова произошла та же перемена, которую я не раз наблюдал ночью. Ее дыхание стало тяжелее, губа вздернулась и открыла бледные десны, благодаря чему зубы ее казались длиннее и острее, чем раньше; она в полусне бессознательно открыла глаза, ставшие вдруг мутными и суровыми, и сказала таким странным и сладострастным тоном, какого никто из нас никогда не слышал от нее:

— Артур, любовь моя, я так рада, что ты пришел! Поцелуй меня!

Артур быстро наклонился к ней; но тут Ван Хельсинг, пораженный, как и я, ее тоном, бросился к нему, схватил его обеими руками за шиворот и со страшной, невероятной силой отшвырнул от нее.

— Ради вашей жизни, — сказал он, — ради спасения вашей собственной и ее души! Не прикасайтесь к ней!

Артур сначала не знал, что ему делать и что сказать, но, раньше чем приступ злости успел овладеть им, он сообразил, в каких условиях он находится, и молча остался стоять в углу.

Ван Хельсинг и я взглянули на Люси и увидели, как по лицу ее промелькнула тень бешеной ярости; острые зубы ее щелкнули с досады.

Вскоре после того она снова открыла глаза и, протянув свою бледную, худую руку, взяла Ван Хельсинга за его большую загорелую руку и, притянув ее к себе, поцеловала ее.

— Мой верный, дорогой друг, — произнесла она, слабым голосом. — Мой и его верный друг! Берегите его и дайте мне надежду на покой!

— Клянусь вам, — ответил он торжественно, вытянув руку вверх, точно клялся на суде. Затем он повернулся к Артуру и сказал ему:

— Подите сюда, дитя мое, возьмите ее за обе руки и поцелуйте в лоб, но только один раз.

И встретились их глаза, а не губы; так они и расстались.

Глаза Люси закрылись; Ван Хельсинг, стоявший около нее, взял Артура под руку и отвел его в сторону.

Затем дыхание Люси стало снова тревожным и вдруг совсем прекратилось.

— Все кончено, — сказал Ван Хельсинг, — она умерла.

Я взял Артура под руку и увел его в гостиную, где он стал так рыдать, что я не в силах был на него глядеть. Я вернулся в комнату уснувшей и застал Ван Хельсинга, глядящим на Люси необычайно суровым взглядом; с ней произошло какая-то перемена: смерть вернула ей часть былой красоты, черты ее лица смягчились; даже ее губы не были больше так бледны. Как будто вся ее кровь, в которой сердце уже больше не нуждалось, прилила к лицу и старалась по мере возможности смягчить неприглядную работу смерти.

Я стоял около Ван Хельсинга и сказал ему:

— Ну вот, наконец-то бедняжка нашла покой! Все кончено!

Он повернулся ко мне и сказал мне торжественно:

— Нет, увы! Еще далеко не все! Это только начало!

Когда я спросил его, что он этим хотел сказать, то он покачал лишь головой и ответил:

— Пока что мы ничего не можем сделать. Подождем и посмотрим.

ГЛАВА XIII

Похороны были назначены на следующий день, так чтобы Люси была похоронена вместе с матерью. Я добровольно принял на себя распоряжение всеми ужасающими и тягостными формальностями. Надо признать, что поголовно весь штат служащих похоронной конторы то ли действительно проникся состраданием к нашей горестной утрате, то ли просто перенял от своего управляющего подобострастную учтивость, каковую тот неизменно демонстрировал. Даже служащая, лично обряжавшая усопших и готовившая их к последнему пути, выйдя из мертвецкой, с интимной, почти родственной, доверительностью не преминула огласить свой профессиональный вердикт:

— До чего же великолепный труп получился из этой девушки, сэр! Для меня было особой привилегией заниматься ею. И, пожалуй, не будет излишним признать, что столь прекрасная покойница еще более укрепит репутацию нашего достойного заведения!

Я заметил, что Ван Хельсинг все время держался поблизости. Возможно, что причиной тому был господствовавший в доме беспорядок. Никаких родственников не осталось, так что мы с Ван Хельсингом решили сами пересмотреть все бумаги, тем более что Артуру пришлось уехать на следующей день на похороны отца. Ван Хельсингу захотелось непременно самому просмотреть бумаги Люси. Я боялся, что он как иностранец, не сумеет разобраться в том, что законно и что незаконно, и спросил его, почему он настаивает на этом. Он ответил:

— Ты забываешь, что я такой же юрист, как и доктор. Но в данном случае нельзя считаться только с тем, чего требует закон. Тут, вероятно, найдутся и другие бумаги, в которые никто не должен быть посвящен.

При этом он вынул из своего бумажника записки, которые были у Люси на груди и которые она разорвала во сне.

— Если ты найдешь в бумагах что-нибудь о стряпчем мистрис Вестенра, — продолжал он, — то запечатай все бумаги и напиши ему сегодня же. Я же останусь всю ночь сторожить здесь, в комнате Люси, так как хочу посмотреть, что будет. Нехорошо, если кто-нибудь чужой узнает ее мысли.

Я продолжал свою работу и вскоре нашел имя и адрес стряпчего мистрис Вестенра и написал ему. Все бумаги были в порядке, там было даже точно указано, где хоронить усопших. Только что я запечатал письмо, как, к моему великому удивлению, вошел Ван Хельсинг, говоря:

— Не могу ли я тебе помочь, Джон? Я свободен и весь к твоим услугам.

— Ну что же, нашел ты наконец, что искал? — спросил я.

Он мне ответил:

— Я ничего определенного не искал. Я нашел то, на что надеялся, — несколько писем, записок и вновь начатый дневник. Вот они, но мы о них никому не скажем. Завтра я увижу нашего бедного друга и с его согласия воспользуюсь некоторыми из найденных мною данных.

Раньше чем отправиться спать к себе, мы еще раз пошли посмотреть на Люси. Агент, право, все хорошо устроил, он превратил комнату в маленькую *chapelle ardente*¹. Все утопало в роскошных белых цветах, и смерть уже не производила отталкивающего впечатления. Лицо усопшей было покрыто концом покрывала. Профессор подошел и приподнял его; мы были поражены той красотой, которая представилась нашим взорам. Хотя восковые свечи довольно плохо освещали комнату, но все-таки было достаточно светло, чтобы разглядеть, что вся прежняя прелесть вернулась к Люси и что смерть, вместо того чтобы разрушить, восстановила всю красоту жизни до такой степени, что мне стало казаться, будто Люси и не умирала, а только спала.

У профессора был очень суровый вид. Он не любил ее так, как я; вполне естественно, что плакать ему было нечего. Он сказал мне:

— Останься здесь до моего возвращения, — и вышел.

Вскоре он вернулся с массой цветов белого чеснока; он вынул их из ящика, стоявшего до сих пор нераскрытым, и рассыпал их среди других цветов по всей комнате и у кровати. Затем он снял со своей шеи маленький золотой крест, положил его на губы Люси, прикрыл ее снова покрывалом, — и мы ушли.

Я как раз раздевался в своей комнате, когда Ван Хельсинг, постучав предварительно, вошел и сказал:

— Прошу тебя завтра еще до вечера принести мне пару ножей для вскрытия.

— Разве нужно будет производить вскрытие? — спросил я.

— И да и нет. Я хочу сделать операцию, но не такую, как ты думаешь. Я сейчас расскажу тебе, в чем дело, но смотри, другим ни слова! Я хочу отрезать ей голову и вынуть сердце. Ай! Ай! Ай! Ты доктор — и так ошеломлен! Я видел, как ты без колебания решался на операции, от которых другие хирурги отказывались. Да, конечно, милый друг, я должен помнить, что ты ее любил; я и не забыл этого; наконец я решил сам делать операцию, тебе же придется лишь

¹ Горящая часовня (*фр.*) — часовня или комната, в которой труп находится в ожидании похоронной службы. Название является намеком на множество свечей, зажженных вокруг катафалка.

помогать мне. Мне хотелось бы сделать это сегодня, но ради Артура придется подождать; он освободится лишь завтра после похорон отца, и ему, наверное, захочется еще раз на нее посмотреть! Затем, после того как ее положат в гроб, мы придем сюда, когда все будут спать, отвинтим крышку гроба и сделаем операцию, а потом положим все на место, чтобы никто, кроме нас, ничего не знал.

— Но к чему это вообще-то делать? — спросил я. — Девушка умерла. К чему терзать напрасно ее бедное тело? И если мы этим не вернем ей жизнь, если это не принесет никакой пользы ни ей, ни нам, ни науке, ни человечеству, то к чему же это делать? И без того уже все это так ужасно!

В ответ на мои слова он положил мне руки на плечи и ласково сказал:

— Мне жаль, Джон, твое сердце, обливающееся кровью, и я еще больше люблю тебя за это. Если бы я мог, то взял бы на себя всю тяжесть с твоей души. Но есть вещи, которых ты не знаешь, но которые ты, несомненно, узнаешь; радуйся, что пока знаю их только я, так как они не очень-то приятны. Джон, дитя мое, ты мой друг уже много лет; подумай, вспомни и скажи, делал ли я что-нибудь без оснований? Возможно, что я ошибаюсь, — я ведь только человек, но я верю во все то, что делаю. Не потому ли ты прислал за мною, когда случилось это великое горе? Ведь поэтому, неправда ли? Разве тебя не удивило, не возмутило то, что я не позволил Артуру поцеловать свою возлюбленную, отшвырнув его от нее, несмотря на то что она умирала. Конечно, да! А между тем ты ведь видел, как она меня потом благодарила своим ласковым взглядом, своим слабым голосом, как она поцеловала мою старую, грубую руку и как меня благословляла. Да? Разве ты не слышал, как я поклялся ей исполнить ее просьбу, так что она спокойно закрыла свои глаза? Да? Так вот, у меня достаточно причин для всего того, что я делаю. Ты в течение многих лет верил мне; верил мне тогда, когда несколько недель тому назад произошли странные вещи, которых ты никак не мог понять. Доверься мне еще ненадолго, Джон. Если ты не доверяешь мне, то придется сказать тебе то, что я думаю, а это может плохо кончиться. А если мне придется работать — без доверия моего друга, то мне будет тяжело и я буду чувствовать себя одиноким; между тем помощь и поддержка могут мне понадобиться!

Я взял его за руку и обещал помочь ему...

Я, должно быть, долго и крепко спал, потому что было уже поздно, когда Ван Хельсинг разбудил меня своим приходом. Он подошел к моей кровати и сказал мне:

— Можешь не беспокоиться о ножах — мы этого не будем делать.

— Почему?

— Потому что, — ответил он, — слишком поздно — или слишком рано. Взгляни, — показал он мне свой золотой крестик, — это было украдено ночью!

— Как украдено, — спросил я удивленно, — раз он теперь у тебя?

— А так! Я отобрал его у недостойной служанки, укравшей его у женщины, обкрадывавшей мертвых и живых. Она, конечно, будет достойно наказана, но не мною, так как она не знала, что делает, и, ничего не зная, она совершила лишь кражу. Теперь нам придется подождать.

И он ушел, задав мне новую загадку, — снова перепутав все мои мысли.

День прошел тоскливо; вечером пришел стряпчий, м-р Маркан. Это был гениальный и самоуверенный господин; он взял на себя все наши мелкие заботы.

Во время завтрака он рассказал нам, что мистрис Вестенра уже с некоторых пор ожидала своей смерти из-за болезни сердца и что поэтому она привела все свои дела в полный порядок; далее он сообщил нам, что все состояние, за исключением имущества отца Люси, которое теперь за отсутствием прямых наследников перейдет к побочной семейной линии, как движимое, так и недвижимое, завещано Артуру Холмвуду.

Артура ожидали к 5 часам, так что до тех пор мы свободно могли успеть сходить в покойницу. В данном случае комната вполне оправдывала свое назначение, так как там лежали теперь и мать и дочь.

Бедный Артур! Он был невероятно грустен и казался в отчаянии; даже его удивительное мужество, казалось, исчезло после таких тяжелых переживаний. Он, я знаю, был искренно предан своему отцу, и утратить отца, да еще в такое время, было для него тяжелым ударом. Со мной он был, как всегда, очень сердечен, а с Ван Хельсингом изысканно любезен; мне было тяжело видеть, как он страдает. Профессор это также заметил и сделал мне знак, чтобы я его повел наверх. Я так и сделал и оставил его у дверей комнаты, так как чувствовал, что ему хотелось бы побыть с ней наедине, но он взял меня под руку, повел в комнату и сипло проговорил:

— Ты также любил ее, старый друг, она мне все рассказала, и у нее не было лучшего друга, чем ты. Я не знаю, как мне благодарить тебя за все то, что ты сделал для нее, даже не могу и думать...

Тут силы ему изменили, он обнял меня, опустил голову на мое плечо и заплакал:

— О, Джон! Джон! Что мне делать? Мне кажется, что весь смысл жизни вдруг пропал и мне незачем больше жить!

Я утешал его насколько мог. В таких случаях мужчины мало нуждаются в словах. Пожатие руки, объятие, совместные тихие слезы — вот выражения чувств, дорогие мужчине. Я тихо стоял и ждал, пока он овладел собой и подавил свои рыдания, затем ласково сказал ему:

— Пойдем посмотрим на нее.

Мы вместе подошли к кровати, и я поднял покрывало с ее лица. Господи! Как она была хороша! С каждым часом, казалось, ее красота расцветала. Это как-то пугало и поражало меня. Что же касается Артура, то он дрожал как в лихорадке, и сомнение вкралось в его душу. Наконец, после долгого молчания, он тихим шепотом произнес:

— Джон, она действительно умерла?

Я с грустью сказал ему, что это так, и продолжал убеждать его, так как находил, что необходимо рассеять это ужасное сомнение. Затем я сказал ему, что надо проститься с нею, так как нужно начать приготовления к похоронам; он

снова вернулся к ней, взял ее мертвую руку и поцеловал ее, затем наклонился и поцеловал ее в лоб. Уходя, он окинул ее таким же долгим, пронизательным взглядом, как он это сделал, когда пришел.

Я оставил его в гостиной и сказал Ван Хельсингу, что Артур уже простился с нею; Ван Хельсинг пошел в кухню сказал агенту, чтобы тот поспешил с приготовлениями. Когда Артур вышел из комнаты, я сказал Ван Хельсингу, о чем Артур меня спрашивал, и он ответил мне:

— Это меня ничуть не удивляет — я только что сам в этом усомнился.

Мы обедали все вместе, и я заметил, что бедный Артур страшно волновался. Ван Хельсинг все время молчал; он заговорил только тогда, когда мы закурили сигары.

— Лорд, — начал он, но Артур перебил его:

— Нет, нет, только не так, ради Бога! Во всяком случае — не теперь. Простите меня сэр; я не хотел обидеть вас, но я не могу слышать этот титул, моя рана еще слишком свежа.

Профессор очень ласково ответил ему:

— Я назвал вас так только потому, что я колебался, как обратиться к вам. Я не могу называть вас мистером, я полюбил вас — да, мой дорогой мальчик, я полюбил вас как Артура.

Артур протянул руку и горячо пожал руку старика.

— Называйте меня как хотите, — сказал он. — Я надеюсь, что всегда с гордостью буду носить звание вашего друга; позвольте мне сказать вам, что я не нахожу слов, чтобы выразить вам свою благодарность за все то, что вы сделали для моей бедной, дорогой Люси. Если я был резок или недоволен, — помните тогда, когда вы так странно поступили, — то прошу меня простить.

Профессор ласково ответил ему:

— Я знаю, как вам трудно было тогда вполне довериться мне, так как, чтобы поверить в необходимость такого поведения, нужно понять; по-моему, вы даже и теперь не вполне верите мне, да и не можете, так как вам не дано еще пока понять, в чем дело. Но время настанет, когда вы вполне доверитесь, и когда вам все станет ясно, тогда вы будете благодарить меня за себя, за других и за нее, за ту, которую я поклялся защищать.

— Да, конечно, сэр, — горячо заговорил Артур, — я во всем доверюсь вам. Я знаю и верю, что у вас благородная душа, вы ведь друг Джона и были ее другом. Делайте все, что хотите!

— Мне хотелось бы задать вам кое-какие вопросы.

— Пожалуйста.

— Вам известно, что мистрис Вестенра оставила вам все свое состояние?

— Нет! Я никогда об этом не думал.

— Так как теперь все принадлежит вам, то вы имеете право располагать всем по своему усмотрению. Мне хочется, чтобы вы разрешили мне прочесть все бумаги и письма Люси. Поверьте, что это не праздное любопытство. Будьте уверены, что у меня имеются для этого очень важные основания. Вот все бу-

маги. Я взял их раньше, чем мне стало известно, что все это ваше, для того чтобы чужие руки до них не дотрагивались, чтобы чужие взоры не проникли в ее душу. Я их приберегу, если вы ничего не имеете против этого; я даже вам не хотел бы их показывать; я буду их хорошенько беречь. Ни одно слово не пропадет, а когда настанет время, то я верну вам их. Я прошу у вас почти невозможного, но вы это сделаете? Ведь правда? Ради Люси?

— Делайте все что хотите, доктор. Я чувствую, что, говоря таким образом, я исполняю желание Люси. Я не стану вас тревожить вопросами, пока не настанет время.

— И вы правы, — ответил профессор. — Нам всем предстоит еще пережить немало горя. Не следует падать духом, не надо быть эгоистичным, нас зовут долг, и все кончится благополучно!

Эту ночь я спал на диване в комнате Артура. Ван Хельсинг совсем не ложился. Он ходил взад и вперед, точно карауля дом, и все время следил за комнатой, где Люси лежала в гробу, осыпанная белыми цветами чеснока, запах которых смешивался в ночном воздухе с ароматом роз и лилий.

ДНЕВНИК МИНЫ ХАРКЕР

22 сентября.

В поезде по дороге в Экстер.

Джонатан спит. Ведь, кажется, я только вчера сделала последнюю запись в дневнике, но как много уже отделяет меня от прежней жизни в Уайтби... Тогда предо мною лежал весь мир, правда, рядом не было Джонатана и от него не поступало никаких вестей. А сегодня я замужем; мой Джонатан — стряпчий и, поскольку он стал партнером в юридической конторе, то сделал нас богатыми. Впоследствии Джонатану был уготован тяжелый удар, могущий повредить его делам и рассудку: скончался бедный мистер Хокинс, владелец конторы, где он служил... Но все в жизни проходит, не оставляя следа. А моя стенография ныне явно хромает — вот вам следствие неожиданно свалившегося на голову богатства. Поэтому мне полезно будет попрактиковаться и освежить былые навыки...

Похороны были очень простые, но все было торжественно. За гробом шли мы, прислуга, пара друзей из Экстера, лондонский агент и один господин, заместитель сэра Джона Пакстона, президента Общества законов. Джонатан и я стояли рука об руку и чувствовали, что потеряли дорогого и близкого человека. Мы медленно вернулись в город, доехав автобусом до Гайд-парка. Затем пошли по Пиккадилли пешком. Джонатан держал меня под руку, как в былые времена. Я засмотрелась на очень красивую барышню в большой круглой шляпе, сидевшую в коляске, как вдруг Джонатан схватил меня за руку так сильно, что мне даже стало больно, и вскрикнул: «Господи!» Я нахожусь в постоянном страхе за Джонатана, так как все время боюсь, чтобы у него опять

не повторился нервный припадок, так что я моментально повернулась к нему и спросила его, что случилось.

Он был очень бледен, глаза его были выпучены, и он с ужасом смотрел на какого-то высокого, тонкого господина с крючковатым носом, черными усами и остроконечной бородой, глядевшего также на ту же хорошенькую барышню, что и я. Он так пристально на нее смотрел, что совсем нас не замечал, и мне удалось разглядеть его хорошо. Выражение его лица нельзя было назвать добрым, оно было сурово, жестоко и чувственно, а его крупные белые зубы, казавшиеся еще белее от ярко-пунцового цвета губ, походили больше на клыки животного, чем на зубы человека. Джонатан не спускал с него глаз, так что я боялась, чтобы он этого не заметил. Я боялась, что это его рассердит, так как вид у него был гадкий и злой. Я спросила Джонатана, почему он так взволнован. Джонатан, кажется, думал, что мне столько же известно, сколько и ему, и ответил:

— Ты знаешь, кто это?

— Нет, дорогой, — ответила я, — я его не знаю. Кто это?

Ответ его поразил меня, так как он, казалось, совершенно забыл, что разговаривает со мною, с Миной.

— Это он и есть?

Бедняжка! Его, как видно, что-то очень взволновало, я убеждена, что, не поддержи я его, он, наверное, упал бы. Он продолжал смотреть на этого господина, не спуская глаз; из магазина вышел какой-то господин с пакетом, передал его леди в коляске, и они оба тотчас же уехали. Мрачный господин не сводил с нее глаз; когда она уехала, он долго глядел ей вслед, затем нанял экипаж и поехал вслед за ними. Джонатан все время следил за ним и наконец сказал как бы про себя:

— Мне, кажется, что это граф, но он как будто помолодел. Господи, если это правда! О Боже! Боже мой!!! Если бы я только знал! Если бы я только знал!

Он был так встревожен, что я боялась его даже расспрашивать, стараясь не напоминать ему об этом. Я потянула его слегка за рукав, и он пошел со мною дальше. Мы немного прошли, затем зашли в Грин-парк и посидели там. Был жаркий осенний день, так что приятно было отдохнуть в тени. Джонатан долго глядел в пространство, затем глаза его закрылись, и, опустив голову мне на плечо, он заснул. Я не тревожила его, так как сон для него лучшее лекарство. Минут двадцать спустя он проснулся и ласково сказал мне:

— Что это, Мина, неужели я спал? О, прости, что я так груб. Зайдем куда-нибудь выпить стакан чаю.

Он, как видно, совершенно забыл о том мрачном господине, так же как и во время своей болезни он ничего не помнил о том, что случилось раньше. Мне не нравится эта забывчивость, это может плохо отразиться на его мозге. Я не стану его расспрашивать, так как боюсь, что это принесет ему больше вреда, нежели пользы, но все-таки нужно будет узнать, что с ним приключилось в путешествии. Боюсь, что настало время распечатать тот пакет и посмотреть,

что там написано. О, Джонатан, ты простишь меня, если я так поступаю, но я это делаю только для твоей же пользы!

Позже.

Во всех отношениях печально возвращаться домой — дом опустел, нет там больше нашего друга; Джонатан все еще бледен и слаб после припадка, хотя он и был лишь в очень легкой форме... А тут еще телеграмма от Ван Хельсинга; что бы это могло быть?

«Вам, наверное, грустно будет услышать, что мистрис Вестенра умерла пять дней тому назад и что Люси умерла третьего дня. Сегодня хороним их обеих».

Какая масса горя в нескольких словах; бедная мистрис Вестенра! Бедная Люси! Их больше нет, и никогда больше не вернутся они к нам! Бедный, бедный Артур — утратил самое дорогое в жизни! Да поможет нам Господь пережить все эти горести!

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА

22 сентября.

Все кончено. Артур уехал в Ринг и взял с собою Квинси Морриса. Ван Хельсинг отдыхает, так как ему предстоит длинная дорога. Сегодня вечером он едет в Амстердам; говорит, что завтра вечером снова вернется, так как ему хочется еще кое-что сделать, то есть то, что только он один и может сделать. Он остановился у меня, так как, по его словам, у него дела в Лондоне, на которые ему придется потратить порядочно времени. Бедный старик! Боюсь, что работа за последнее время выбила и его из сил. Во время похорон видно было, как он себя сдерживает. Теперь мы все разошлись в разные стороны, и надолго. Люси лежит в своем фамильном склепе, в роскошном доме смерти, вдали от шумного Лондона, на уединенном кладбище, где воздух свеж, где солнце светит над Гампстед-Гит и где дикие цветы растут на воле. Итак, я могу покончить со своим дневником, и один Бог знает, начну ли я его снова. Если мне придется это сделать или если я когда-нибудь открою его, то только для того, чтобы поделиться им с другими, ибо роман мой кончился, я снова возвращаюсь к своей работе и с грустью, потеряв, всякую надежду, скажу: «Finis».

«ВЕСТМИНСТЕРСКАЯ ГАЗЕТА» 25 СЕНТЯБРЯ. ТАЙНЫ ГАМПСТЕДА

В окрестностях Гампстеда теперь происходит целый ряд событий, сходных с теми, которые известны авторам «Ужасов Кенсингтона», или «Женщины-убийцы», или «Женщины в черном». За последние дни маленькие дети стали исчезать из дому или же не возвращались домой с игр на Гите. Дети были

настолько малы, что не могли дать себе отчета в том, что с ними приключалось: ответ их был один и тот же, что они были с «bloofer-lady»¹. Они исчезали обыкновенно по вечерам, и двое из них нашлись на следующее утро. В окрестностях предполагают, что дети подхватили фразу первого исчезнувшего ребенка, что «bloofer-lady» звала его гулять, и воспользовались этим как примером. Это становится более понятным, так как любимая игра детей заключается в том, что они хитростью заманивают друг друга. Один корреспондент пишет, что страшно смешно видеть этих малышек, изображающих «bloofer-lady». Наши карикатуристы, говорил он, могли бы тут поучиться и сравнить действительность с фантазией. Наш корреспондент наивно говорит, что даже Эллен Терри² не так очаровательна, как эти малышки изображающие «bloofer-lady».

Все-таки возможно, что вопрос этот и очень серьезен, так как у некоторых малышек оказались ранки на шее. Ранки такие, какие бывают после укуса крысы или маленькой собаки: опасного в них ничего не было, но видно, что у этого животного своя определенная система. Полиции велено отыскивать заблудившихся детей и собак в Гампстед-Гит и окрестностях.

«ВЕСТМИНСТЕРСКАЯ ГАЗЕТА» 25 СЕНТЯБРЯ.
НЕОБЫКНОВЕННОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ.
ГАМПСТЭДСКИЙ УЖАС

Нам только что сообщили, что пропал еще один ребенок. Его нашли утром в кустах вереска у Шутер-Гилль Гампстед-Гит, в самой глухой части всей местности. У него такие же ранки на шее, какие уже раньше замечались у других детей. Ребенок был слаб и изнурен. Когда он немного оправился, то начал рассказывать ту же самую историю о том, как «bloofer-lady» заманила его к себе.

¹ Красивая дама (девушка, женщина) (англ.) — имитация детского произношения слова «beautiful».

² Эллен Терри (1847–1928) — английская театральная актриса, крупнейшая исполнительница женских ролей в пьесах В. Шекспира.

ГЛАВА XIV

ДНЕВНИК МИНЫ ХАРКЕР

23 сентября.

Джонатан провел очень плохую ночь. Теперь ему лучше. Я положительно счастлива, что он занят по горло, так что у него нет времени думать о своем кошмаре. Я убеждена, что он останется верен себе, и очень горжусь тем, что мой Джонатан на высоте своей задачи в этой ответственной роли. Ему придется уходить на целые дни и даже завтракать вне дома. С хозяйством я сегодня уже справилась, поэтому думаю взять его дневник, который он вел за границей, запрусь на ключ в своей комнате и начну его читать...

24 сентября.

Прошлую ночь я не в состоянии была писать: эти ужасные записки Джонатана положительно потрясли меня. Бедный, родной мой! Сколько ему пришлось пережить! Я сомневаюсь в том, что это произошло на самом деле; он записал весь этот бред, когда лежал в горячке; а впрочем, может быть, и действительно у него были какие-нибудь причины для этого. Вероятно, я так никогда и не узнаю правды, так как заговорить об этом я никогда не решусь... А к тому же еще этот человек, которого мы вчера встретили! Джонатан вполне уверен, что это он... Бедный мой! Мне кажется, что это похороны так расстроили его и он мысленно снова вернулся к своим ужасным переживаниям...

Он сам верит во все это. Я хорошо помню, как в день нашей свадьбы Джонатан сказал мне: «Отныне только священный долг может принудить меня обратиться своими мыслями к тем зловещим и мучительным часам моей жизни — и неважно, случится ли это во сне или наяву, в здравом рассудке или припадке безумия...» Несомненно, существует некая связующая нить между всеми этими событиями. Граф, внушающий мне неподдельный ужас, сейчас уже на пути в Лондон. Если ему суждено достигнуть столицы Англии, да еще со своими несметными миллионами... Что ж, тогда, вероятно, высший долг действительно призовет

нас к действиям и неизбежность схватки не заставит нас дрогнуть; мы не отпрянем в сторону, выказав слабость. Но мне необходимо основательно подготовиться. Прямо сейчас устроюсь за пишущей машинкой и начну расшифровывать мою объемистую стенографию. Записи должны быть полностью готовы для прочтения другими людьми. При возникновении острой необходимости и в том случае, если священная миссия окажется мне по плечу, я постараюсь уберечь моего бедного Джонатана от губительных волнений, и сама выступаю от его имени. Скорее бы дожидаться, чтобы Джонатан совершенно оправился и, совладав с нервами, пожелал наконец открыть мне все. Тогда я стану осторожно расспрашивать его и, задавая нужные вопросы, обязательно пойму, как ему лучше помочь.

ПИСЬМО ВАН ХЕЛЬСИНГА К ГОСПОЖЕ ХАРКЕР (Секретно)

«24 сентября.

Милостивая государыня! Очень сожалею, что мне приходится сообщить вам печальную новость о смерти Люси Вестенра. Лорд Годалминг был так любезен, что уполномочил меня просмотреть все ее письма и бумаги. Среди них я нашел ваши письма, из которых я узнал, что вы были ее большим другом и что вы ее очень любили. Во имя этой любви умоляю вас помочь мне. Помогите мне добиться справедливости и уничтожить зло которое ужаснее, чем вы можете себе представить. Разрешите мне с вами повидаться. Вы можете мне довериться. Я друг д-ра Сьюворда и лорда Годалминга. Мне придется держать наше свидание в секрете. Если вы мне разрешите, я сейчас же приеду в Эксетер, куда и когда прикажете. Очень прошу извинить меня. Я читал ваши письма к Люси и знаю вашу доброту; знаю также, как ваш муж страдает, так что прошу вас ничего ему об этом не говорить, так как это может ему повредить. Еще раз прошу извинения.

Ван Хельсинг».

ТЕЛЕГРАММА МИСТРИС ХАРКЕР К ВАН ХЕЛЬСИНГУ

«25 сентября.

Приезжайте сегодня поездом 2:25, если успеете. Буду весь день дома.

Вильгельмина Харкер».

ДНЕВНИК МИНЫ ХАРКЕР

25 сентября.

Я очень волнуюсь в ожидании д-ра Ван Хельсинга, так как смутно предчувствую, что он разъяснит мне болезнь Джонатана, не говоря уже о том, что так как он был при Люси во время ее последней болезни, то расскажет мне все

и про нее. Может быть, он только из-за этого и приезжает: он хочет разузнать насчет Люси и ее хождения во сне, а вовсе не о Джонатане. Значит, я так и не добьюсь истины! Как я глупа! Этот ужасный дневник поглощает меня всецело, и я не могу отделаться от него. Конечно, этот визит касается Люси. К ней снова вернулась ее прежняя привычка, и она, наверное, расхворалась после той ужасной ночи на утесе. Поглощенная своими делами, я совершенно забыла, что она тогда расхворалась. Она, должно быть, рассказала ему о своей прогулке в ту ночь на утесе и сказала, что я об этом знала; и теперь он, наверное, хочет, чтобы я ему рассказала подробности.

Я ничего не скажу ему о дневнике, пока он сам не спросит. Я так рада, что мой дневник переписан на пишущей машинке, так что если он спросит о Люси, то я просто передам ему дневник, и это избавит меня от лишних распросов.

Позже.

Он был и ушел. Какая странная встреча и какая путаница у меня в голове! Мне кажется, что все это сон. Неужели же все это правда? Не прочти я дневник Джонатана, никогда не поверила бы, что это возможно. Мой бедный, милый Джонатан! Как он, должно быть, страдал! Даст бог, он успокоится совсем. Я буду его беречь от всего, если он наверное будет знать, что слух и зрение не обманывали его, то это будет его утешением и поддержкой. Возможно, что сомнения овладели им, так что если удастся их рассеять, то он будет удовлетворен и ему легче будет пережить этот удар. Д-р Ван Хельсинг, должно быть, очень милый и умный господин, раз он друг Артура и доктора Сьюворда и раз его пригласили из Голландии для лечения Люси. На меня он произвел впечатление человека доброго, сердечного и благородного. Завтра он снова придет, я спрошу его насчет Джонатана, и, бог даст, всем этим тревогам настанет конец.

А пока воспользуюсь отсутствием Джонатана, чтобы подробно записать наше сегодняшнее свидание.

В половине второго раздался звонок. Мэри открыла дверь и доложила, что пришел д-р Ван Хельсинг.

Это человек среднего роста, здоровый, широкоплечий, с быстрыми движениями. Видно было, что он очень умен и обладает большой силой воли; у него благородная голова, довольно большая. Лицо его начисто выбрито, с резким, квадратным подбородком, большим, решительным, подвижным ртом, большим, довольно прямым носом. У него широкий и благородный лоб, совершенно ровный наверху, а затем переходящий в две выпуклости. Большие темно-синие глаза его, довольно далеко расставлены друг от друга, выражение этих живых глаз то ласковое, то суровое.

— Мистрис Харкер, не так ли?

Я утвердительно кивнула ему головой.

— Бывшая мисс Мина Меррей?

Я снова кивнула.

— Я пришел к Мине Меррей, бывшей подруге Люси Вестенра, поговорить об умершей.

— Сэр, — сказала я, — я рада видеть друга Люси Вестенра, — и протянула ему руку.

Он взял ее и ласково произнес:

— О, мадам Мина, я знал, что друзья той бедной девушки должны быть хорошими, но все-таки то, что мне пришлось узнать...

Он закончил свою речь глубоким поклоном. Я спросила его, почему ему хотелось меня видеть, и он сразу начал:

— Я читал ваши письма к мисс Люси. Я хотел кое-что разузнать, но не у кого было. Я знаю, что вы были с ней в Уайтби. Она иногда вела дневник — вас это не должно удивлять, мадам Мина; она начала его после вашего отъезда по вашему же примеру; в нем она упоминает о некоторых событиях из своей жизни и говорит, что вы ее спасли. Это навело меня на некоторые предположения, и я пришел просить вас из любезности рассказать мне все, что вы помните.

— Я думаю, доктор, что смогу вам все рассказать.

— А, вот как! У вас хорошая память на факты и на детали? Это не всегда встречается у молодых дам.

— Нет, доктор, дело не в памяти, но я тогда все записывала. Могу вам показать, если хотите.

— Я буду вам очень благодарен; вы окажете мне большую услугу.

Я не могла удержаться от соблазна поразить его — мне кажется, что это врожденное женское чувство, — и я подала ему свой дневник, записанный стенографически. Он взял его с благодарностью, поклонился и сказал:

— Разрешите мне его прочесть?

— Если хотите, — ответила я, смутившись. Он открыл тетрадь и выражение лица его сразу изменилось.

— Я знал, что Джонатан очень образованный человек, но и жена у него тоже оказалась умницей на редкость. Но не будете ли вы так любезны прочесть его мне? Увы, я не знаю стенографии.

Тут я поняла, что моя шутка окончена, и мне стало неловко, так что я вынула свою копию, переписанную на пишущей машине, из моего рабочего ящика и передала ему.

— Простите, — сказала я, — я сделала это нечаянно, я думала, что вы хотели спросить меня относительно Люси, но, чтобы вам не ждать — для меня это не важно, но ваше время, я знаю, дорого, — я могу дать вам свой дневник, переписанный для вас на пишущей машине.

— Разрешите мне прочесть его сейчас? Может быть, мне придется спросить вас кое о чем. — Да, пожалуйста, — ответила я, — прочтите его сейчас, а я пока распоряжусь о завтраке; за завтраком можете расспрашивать меня сколько хотите.

Он поклонился, затем, усевшись в кресло спиной к свету, углубился в чтение, я же пошла позаботиться о завтраке, главным же образом для того, чтобы

его не беспокоить. Вернувшись, я застала его ходящим взад и вперед по комнате; на лице его отражалась тревога.

— Если бы вы знали, — сказал он, — как я вам обязан. Эти записки как луч солнца. Они мне все объяснили. Я ослеплен, столько света! Но за светом виднеются еще и тучи. Впрочем, этого вы не поймете — не можете понять. Ах, как я вам благодарен, какая вы умница. Сударыня, если Абрахам Ван Хельсинг когда-либо сможет оказать вам или вашим близким какую-либо услугу, то я надеюсь, что вы дадите мне знать. Я сочту за радость и счастье быть вам полезным другом; все, что в моих силах, я сделаю для вас и для тех, кого вы любите. Вы один из светочей среди окружающего нас мрака. Ваша жизнь будет счастлива и светла, и ваш муж будет счастлив благодаря вам.

— Но, доктор, вы слишком возносите меня, и — вы меня не знаете.

— Не знаю вас? Я, старик, изучивший столько мужчин и женщин; я, который избрал своей специальностью мозг и все, что к нему относится! Я прочел ваш дневник, который вы так любезно переписали для меня и в котором каждая строка дышит истиной. Я, который прочел ваше милое письмо к бедной Люси о вашей свадьбе и о вашем доверии, я не знаю вас? О, мадам Мина, вы несправедливы к себе и ко мне... Кстати, — расскажите мне о муже. Здоров ли он? Поздоровел ли он, прошла ли у него та болезнь, окреп ли он?

Я воспользовалась случаем поговорить с ним о Джонатане.

— Он почти совсем поправился, но смерть м-ра Хокинса, очень его взволновала.

— О да, я знаю, знаю; я читал ваши два последних письма.

— Я думаю, что это его встревожило, так как в прошлый четверг, когда мы были в городе, у него снова был припадок.

— Припадок? Так скоро после воспаления мозга? Это нехорошо! Какого рода припадок был у него?

— Ему казалось, что он видел кого-то, напоминавшего ему нечто ужасное, нечто, что было причиной его болезни.

Тут уж я больше не могла выдержать. Мне стало жаль Джонатана; ужас, который ему пришлось пережить, страшная таинственность его дневника и тот страх, который меня с тех пор не покидал, — все это живо предстало предо мною. Я, должно быть, была болезненно расстроена, так как бросилась на колени и, протягивая к нему руки, умоляла его вылечить моего мужа. Он взял меня за руки, поднял, усадил на диван и сам сел рядом. Затем, держа мои руки в своих, он бесконечно ласково сказал:

— Моя жизнь одинока, и я всегда был так занят своими делами, что у меня оставалось очень мало времени для дружбы; но, с тех пор как мой друг Джон Сьювора вызвал меня сюда, я узнал столько хороших людей, что теперь я больше, чем когда-либо, чувствую свое одиночество, все усиливающееся с годами. Уверяю вас в своей бесконечной преданности, благодарю вас за то, что вы доказали мне существование милых женщин, которые ула-

ждают жизнь, — и жизнь, и вера которых служит хорошим примером для детей. Я рад, очень рад, что могу быть вам полезным, так как если ваш муж страдает, то болезнь его, наверное, в области моих знаний. Обещаю вам сделать все, что в моих силах, чтобы он был здоров и мужествен и чтобы ваша жизнь была счастлива. А теперь съешьте что-нибудь. Вы слишком измучены и слишком взволнованы. Джонатану тяжело будет видеть вас такой бледной, вы должны пожалеть его, поэтому вы должны есть и смеяться. Вы все уже сказали мне о Люси, не будем говорить больше об этом, а то все это уж слишком грустно. Я переночую в Эксетере, так как хочу обдумать все то, что вы мне говорили, а затем, если позволите, задать вам еще несколько вопросов. Тогда вы расскажете мне все о болезни Джонатана, но не сейчас — теперь вы должны есть, потом вы все расскажете.

После завтрака мы вернулись в гостиную, и он сказал мне:

— А теперь расскажите мне все о нем.

Вначале я боялась, что этот ученый примет меня за дурочку, а Джонатана за сумасшедшего — ведь его дневник такой странный, — и я колебалась начинать. Но он был очень любезен, обещал мне помогать, я поверила ему и начала свое повествование.

— Мой рассказ будет очень странным, но вы не должны смеяться ни надо мною, ни над моим мужем. Со вчерашнего дня меня охватило какое-то сомнение, но вы должны быть серьезны и не считать меня дурочкой, из-за того что я могла поверить некоторым странным вещам.

— О, моя дорогая, — ответил он, — если бы вы только знали, из-за каких странных явлений я здесь, то сами рассмеялись бы. Я научился уважать чужие убеждения, безразлично, каковы бы они ни были. У меня широкие взгляды на все, и изменить это может лишь нечто странное, из ряда вон выходящее, вызывающее сомнение в том, что оно безумно или здраво.

— Благодарю вас, бесконечно благодарю вас! Вы облегчили мою душу. Если позволите, я дам вам прочесть одну тетрадь. Она очень длинная, но я переписала ее на пишущей машине. Это копия дневника Джонатана за границей; там описано все то, что с ним произошло. Я не решусь вам ничего о ней сказать, пока вы сами не прочтете ее и не решите. Затем, когда я снова вас увижу, быть может, вы будете так любезны и скажете мне, что вы думаете по этому поводу.

— Обещаю, — сказал он, когда я подавала тетрадь. — Я зайду, если позволите, к вам завтра утром, пораньше, навестить вас и вашего мужа.

— Джонатан будет дома в половине одиннадцатого, приходите к завтраку и тогда увидите его; вы можете успеть на скорый в 3:34 и будете в Паддингтоне раньше восьми.

Он взял с собою бумаги и ушел, а я сижу здесь и думаю — думаю, сама не знаю о чем...

ПИСЬМО ВАН ХЕЛЬСИНГА К МИСТРИС ХАРКЕР

«25 сентября. 6 часов.

Дорогая мадам Мина! Я прочел удивительный дневник вашего мужа.

Можете спать спокойно! Как это ни страшно и ни ужасно, но все же это правда! Ручаюсь своей головой! Может быть, другим от этого хуже, но для вас и для него во всем этом нет ничего страшного. Ваш муж — очень смелый человек, и смею вас уверить — я хорошо знаю людей, — что тот, кто может спуститься по стене, как он это проделал, да еще найти в себе мужество вторично проделать то же самое, — у того потрясение не может быть продолжительным. Мозг и сердце его здоровы, за это я ручаюсь, даже не исследовав его; а потому будьте спокойны. Мне придется о многом его расспросить. Я буду рад сегодня повидаться с вами, так как я только что узнал так много нового, что положительно одурел; надеюсь от свидания с вами прийти в себя.

Преданный вам, *Абрахам Ван Хельсинг*».

ПИСЬМО МИСТРИС ХАРКЕР К ВАН ХЕЛЬСИНГУ

«25 сентября. 6:30 веч.

Милый д-р Ван Хельсинг! Бесконечно благодарна вам за ваше любезное письмо, так облегчившее мне душу. Но неужели это правда и такие ужасные вещи происходят на самом деле; какой ужас, если этот господин, это чудовище, действительно в Лондоне! Мне страшно даже подумать об этом! Я только что получила телеграмму от Джонатана, что он выезжает сегодня вечером в 6:25 из Лаунсестона и будет здесь в 10:18, так что сегодня вечером я уже не буду волноваться. Поэтому прошу вас прийти к нам завтра к завтраку, к восьми часам, если это не слишком рано для вас; если вы торопитесь, то можете уехать в 10:30, тогда вы будете в Паддингтоне в 2:35.

Ваш преданный и благодарный вам друг, *Мина Харкер*».

ДНЕВНИК ДЖОНАТАНА ХАРКЕРА

26 сентября.

Я надеялся, что мне больше нечего будет вносить в этот дневник, но ошибся.

Когда я вчера вернулся домой, у Мины был уже приготовлен ужин; после ужина она рассказала мне о визите Ван Хельсинга, о том, что она дала ему оба дневника и о том, как она за меня беспокоилась.

Она показала мне письмо доктора, в котором он говорил, что все это правда. Это меня сразу поставило на ноги. Я сомневался в вероятности всего, и это меня и убивало. Но теперь, когда я знаю наверное, я ничего не боюсь, даже самого графа. Он, как видно, все-таки решился приехать в Лондон, и тот, кого

я видел, был, несомненно, он. Он теперь помолодел. Ван Хельсингу суждено сорвать с него маску и разыскать его, если только он то, что говорит Мина. Мы поздно сидели и беседовали об этом. Мина одевается, а я сейчас отправляюсь в гостиницу за Ван Хельсингом.

Мне кажется, что он удивился, увидев меня. Когда я вошел к нему в комнату и представился, он взял меня за плечо и, повернув к свету, сказал, предваритель-но разглядев меня хорошенько:

— Но ведь мадам Мина сказала мне, что вы больны, что у вас было потрясение.

Мне было странно слышать, как этот добрый, серьезный старик называет мою жену «мадам Мина». Я улыбнулся и ответил:

— Я был болен, у меня было потрясение, но вы меня уже вылечили.

— Каким образом?

— Вашим вчерашним письмом к Мине. Я был в большом сомнении, и все казалось мне неестественным, я не знал, чему верить, я не верил даже своим собственным чувствам. Не зная, чему верить, я не знал, что делать, и все продолжал работать над тем, что меня губило. Гибель казалась неминуемой, так как я перестал доверять себе. Вы понятия не имеете, что значит сомневаться во всем, даже в самом себе.

— Да, — сказал он, улыбнувшись, — вы — физиономист. Здесь каждый час для меня наука. Я с удовольствием пришел к вам к завтраку; вы простите мне, сэр, похвалу старика, но должен вам сказать, что вы на редкость счастливый человек, так как у вас необыкновенно удачная жена.

Я читал все ее письма к бедной Люси, и в некоторых из них говорится про вас, так что, хотя я вас знаю всего лишь несколько дней, да и то по рассказам других, все же я предлагаю вам свою дружбу.

Мы пожали друг другу руки.

— А теперь, — продолжал он, — позвольте мне попросить вас прийти мне еще немного на помощь. Мне предстоит трудная задача, но я не знаю еще, с чего начать. Вы можете мне помочь. Не можете ли вы мне сказать, что было до вашего отъезда в Трансильванию? Впоследствии мне понадобится еще кое-что, но пока и этого довольно.

— Послушайте, сэр, — сказал я, — то, о чем вы говорите, касается графа?

— Да, — ответил он.

— Тогда я весь к вашим услугам. Так как вы уезжаете поездом в 10:30, то у вас не будет времени прочесть бумаги сейчас, но я вам дам всю имеющуюся у меня пачку бумаг, можете взять ее с собою и прочесть в поезде.

После завтрака, я проводил его на вокзал. Прощаясь, он сказал мне:

— Может быть, вы придете в город с женой, если я попрошу вас?

— Мы оба приедем к вам когда хотите, — ответил я. Я купил ему местные утренние газеты и вчерашние лондонские; пока мы стояли у окна вагона в ожидании отхода поезда он перелистывал и просматривал их. Вдруг глаза его остановились на чем-то в *The Westminster Gazette*. Он побледнел, внимательно прочел и тихо простонал:

— Mein Gott! Mein Gott!¹ Так скоро! Так скоро! Мне кажется, что он совершенно забыл обо мне. Тут раздался свисток, и поезд тронулся. Это заставило его опомниться, он высунулся в окно, замахал мне рукой и крикнул:

— Привет мадам Мине; напишу вам, как только успею!

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА

26 сентября.

Действительно нет ничего труднее конца. Не прошло еще и недели, как я сказал себе: «Finis», а вот уже снова приходится начинать, а вернее, продолжать свои записки. До сегодняшнего вечера не было основания обдумывать то, что произошло. Благодаря нашим заботам Ренфилд стал чрезвычайно здравомыслящим, он покончил с мухами и принялся за пауков, так что не доставляет мне никаких хлопот. Я получил письмо от Артура, написанное в воскресенье, из которого видно, что он удивительно поправился; Квинси Моррис с ним, а это большое утешение для него. Квинси написал мне также пару строк и говорит, что к Артуру возвращается его прежняя беспечность, так что за них я больше не беспокоюсь. Что же касается меня, то я снова с прежним восторгом принялся за работу и теперь могу сказать, что рана, нанесенная мне Люси, начинает уже затягиваться. Все теперь разъяснилось, и одному Творцу известно, чем все это кончится. Мне сдается, что Ван Хельсингу только кажется, будто он все знает, но он хочет разжечь любопытство. Вчера он ездил в Эксетер и ночевал там. Сегодня он вернулся в половине пятого, стремглав влетел в мою комнату и сунул мне в руку вчерашнюю *The Westminster Gazette*. — Что ты по этому поводу скажешь? — спросил он, заложив руки за спину.

Я вопросительно посмотрел на газету, так как не понимал, что он этим хотел сказать; он взял ее от меня и указал мне на статью о детях, похищенных в Гампстеде. Меня это мало заинтересовало, пока наконец, я не прочел описание маленьких, как точки, ранок от укола на шее. Какая-то мысль блеснула у меня, и я посмотрел на него.

— Ну? — спросил он.

— Это вроде ранок бедной Люси?

— Что же это значит?

— Просто то, что причина тут одна и та же. Что повредило ей, то и им...

Я не совсем понял его ответ.

— Вы так предполагаете, но это не наверное?

— То есть как это, профессор? — спросил я.

Его серьезность меня забавляла, так как четыре дня полного отдыха после того вечного страха воскресили во мне бодрость духа, но, взглянув на него,

¹ Боже мой! Боже мой! (нем.)

я смутился. Я никогда еще не видел его таким суровым, даже тогда, когда мы были в отчаянии из-за Люси.

— Объясни мне! — просил я. — Я ничего не понимаю. Я не знаю, что думать, и у меня нет никаких данных, по которым я мог бы догадаться, в чем дело.

— Не скажешь же ты мне, Джон, что ты не имеешь понятия, отчего умерла Люси, несмотря на все факты, которые ты мог наблюдать, несмотря на мои намеки? На нервные потрясения, вызванные большой потерей или тратой крови?

— То есть как это — потерей или тратой крови?

Я покачал головой. Он подошел ко мне, сел и продолжал:

— Ты очень умен, Джон; ты хорошо рассуждаешь, твой дух смел, но ты слишком рассудителен. Ты ничего не хочешь ни видеть, ни слышать неестественного, и все, что не касается твоей обыденной жизни, тебя не трогает. Ты не думаешь, что существуют вещи, которых ты не понимаешь, которые тем не менее существуют, что есть люди, которые видят то, чего другой не может видеть; но имей в виду, что существуют вещи, которых простыми глазами не увидишь. В том-то и ошибка нашей науки, что она все хочет разъяснить, а если это ей не удастся, то говорит, что это вообще необъяснимо. И все-таки мы вокруг себя видим каждый день возникновение новых воззрений, считающихся новыми; но в основе они все-таки стары и только претендуют на новизну. Надеюсь, что в настоящее время ты веришь в преобразование тел? Нет? А в материализацию? Нет? А в астральные тела? Нет? А в чтение мыслей? Нет? А в гипнотизм?

— Да, — сказал я. — Шарко¹ это довольно хорошо доказал.

Он улыбнулся и продолжал:

— Значит, ты этим удовлетворен и можешь проследить за мыслью великого Шарко, проникающей в самую душу пациента? Нет? Но, может быть, ты в таком случае довольствуешься одними фактами и не ищешь их объяснения? Нет? Тогда скажи мне — как же это ты веришь в гипнотизм и отрицаешь чтение мыслей? Позволь обратить твое внимание, мой друг, на то, что в области электричества теперь сделаны новые изобретения, которые считались бы нечистой силой даже теми, кто открыл электричество, а между тем и их самих, будь это немного раньше, сожгли бы как колдунов. В жизни всегда есть тайны. Почему это Мафусаил прожил девятьсот лет, старый Парр — сто шестьдесят девять, между тем как бедная Люси с кровью четырех человек в своих венах не могла прожить даже и одного дня? Знаешь ли ты тайну жизни и смерти? Знаешь ли ты сущность сравнительной анатомии и можешь ли ты мне сказать, почему в некоторых людях сидит зверь, а в других его нет? Не можешь ли ты мне сказать, почему все пауки умирают молодыми и быстрой смертью, а нашелся же один большой паук, который прожил сот-

¹ Жан-Мартен Шарко (1825–1893) — французский врач-психиатр и педагог, учитель Зигмунда Фрейда, специалист по неврологическим болезням, основатель нового учения о психогенной природе истерии.

ни лет в башне старой испанской церкви и рос и рос, до тех пор пока наконец не оказался в состоянии выпить все масло из церковных лампад? Не можешь ли ты мне сказать, почему в пампасах, да и в других местах живут такие летучие мыши, которые прилетают ночью, прокусывают вены у скота и лошадей и высасывают из них кровь? Почему на некоторых островах западных морей существуют такие летучие мыши, которые целыми днями висят на дереве; видевшие их говорят, что они величиной с гигантский орех или стручок; ночью же, когда матросы спят на палубе из-за духоты, они набрасываются на них, а затем... А затем, на следующее утро, находят мертвых людей такими же бледными, как Люси?

— Помилуй бог, профессор! — воскликнул я, вскочив. — Не хочешь ли ты сказать, что Люси была укушена такою же летучей мышью и что такая вещь мыслима у нас в Лондоне в девятнадцатом веке?..

Он прервал меня знаком руки и продолжал:

— Не объяснишь ли ты мне, почему черепаха дольше живет, нежели целые поколения людей, почему слон переживает целые династии и почему попугай умирает лишь от укуса кошки или собаки, а не от других недугов? Не объяснишь ли ты мне, почему люди всех возрастов и местностей верят в то, что существуют такие люди, которые могли бы жить вечно, если бы их существование не прекращалось насильственно, что существуют мужчины и женщины, которые не могут умереть. Нам всем известно — ибо наука подтверждает факты, — что жабы жили тысячи лет, замурованные в скалах. Не можешь ли ты мне сказать, как это индийский факир убивает себя и заставляет хоронить себя живым; на его могиле сеют рожь; рожь созревает, ее жнут, она снова созревает, и снова ее жнут, затем раскапывают могилу, вскрывают гроб, и из него выходит живой факир и продолжает жить по-прежнему среди людей?

Тут я перебил его. Я окончательно сбился с толку, он осыпал меня целым градом причудливых явлений природы и возможных невозможностей, так что мозг мой положительно пылал.

— Профессор, я готов снова быть твоим послушным учеником. Укажи мне сущность, чтобы я мог применить твое знание, когда ты будешь продолжать. До сих пор я кидался во все стороны и следовал за твоей фантазией как сумасшедший, а не как здравомыслящий человек. Я чувствую себя как новичок, заблудившийся в болоте в туман, скачущий с кочки на кочку в надежде выбраться, идя, сам не зная куда.

— Это очень наглядно, — ответил он. — Хорошо, я скажу тебе. Сущность моей речи, следующая: я хочу, чтобы ты уверовал.

— Во что?

— Уверовал в то, во что верить не можешь. Я приведу тебе пример. Мне пришлось слышать от одного американца такое определение веры: это то, что дает нам возможность поверить тому, что можно. В одном отношении я с ним согласен. Он этим хотел сказать, что на жизнь надо смотреть широко и что не следует допускать, чтобы маленькая ничтожная истина подавляла бы великую

истину, как маленький утес вагонетку железной дороги. Нам сначала нужна незначительная истина. Господи! Мы храним и ценим ее, но не следует верить, что она истина всего мира.

— Так, значит, ты боишься, что преждевременное раскрытие может вызвать во мне предубеждение по отношению к некоторым странным явлениям? Так ли я понял твою мысль?

— Ах, ты все же мой любимый ученик! Тебя стоит учить. Так как тебе хочется понять, то ты уже сделал первый шаг к истине, значит, ты полагаешь, что ранки на шее детей вызваны тем же самым, что и у мисс Люси?

— Я так предполагаю, — ответил я.

— Ты ошибся. О, если б это было так! Но увы! Нет! Хуже, гораздо, гораздо хуже!

— Во имя Господа Бога, Ван Хельсинг, что ты хочешь сказать? — воскликнул я.

— Эти ранки сделала сама Люси! — воскликнул он горестно.

ГЛАВА XV

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА (Продолжение)

Страшная злоба овладела мною; у меня возникло ощущение, будто он дал пощечину живой Люси. Я резким движением отодвинул стол, встал и сказал ему:

— Вы с ума сошли, Ван Хельсинг.

Он поднял голову и грустно и бесконечно ласково посмотрел на меня; я сразу успокоился.

— Хотелось бы мне, чтобы это было так на самом деле, — сказал он. — Сумасшествие легче перенести, чем такую действительность. О, мой друг, подумай, почему я иду такими окольными путями и так долго не говорил тебе такой простой вещи? Потому ли, что я презираю тебя и презирал тебя всю жизнь? Оттого ли, что хотел тебе этим доставить страдания? Оттого ли что я теперь захотел отплатить тебе за то, что ты спас когда-то мне жизнь и избавил меня от такой ужасной смерти? О нет!

— Простите меня, — пробормотал я.

Он продолжал:

— Милый друг, все это оттого, что я, жалея тебя, не хотел сразу ошеломить тебя, так как знаю, что ты любил эту милую девушку. Но я знаю, что даже и теперь ты не согласишься. Так трудно сразу поверить в такую неожиданную действительность, что невольно сомневаешься в ее возможности. Когда привык верить тому, чего нет, то еще труднее поверить такой печальной истине, случившейся в действительности, которая касается Люси. Сегодня ночью я хочу убедиться! Хватит ли у тебя мужества пойти со мною?

Он заметил мое колебание и добавил:

— Моя логика очень проста; если это неправда, то доказательство послужит облегчением; во всяком случае, оно не повредит. Но если это правда!.. Вот в этом-то весь ужас; и сам ужас поможет мне, потому что в нем я найду спасе-

ние! Пойдем, я сообщу тебе мой план; во-первых, пойдем и навестим того ребенка в больнице; д-р Винсент из Северной больницы, где, судя по газетам, находится дитя, мой большой друг. Он разрешит посмотреть этот случай двум учеными. Мы ему скажем, что мы хотим поучиться. А затем...

Он вынул ключ из кармана и показал его мне.

— А затем, мы оба проведем ночь на кладбище, где похоронена Люси. Вот ключ от ее склепа. Мне дал его гробовщик, поручив передать Артуру.

У меня упало сердце, так как я чувствовал, что нам предстоит ужасное испытание. И все-таки я никак не мог отказаться...

Ребенок уже проснулся. Он выпался, поел и в общем чувствовал себя хорошо. Д-р Винсент снял с его шеи повязку и показал нам ранки. Не было сомнения в тождественности их с теми, которые были у Люси. Они были лишь поменьше, и края их были свежи — вот и вся разница. Мы спросили Винсента, чему он их приписывает; он ответил, что это, должно быть, укусы какого-нибудь животного, быть может, крысы; но что касается его лично, то он склонен думать, что это укусы одной из тех летучих мышей, которых так много в северной части Лондона.

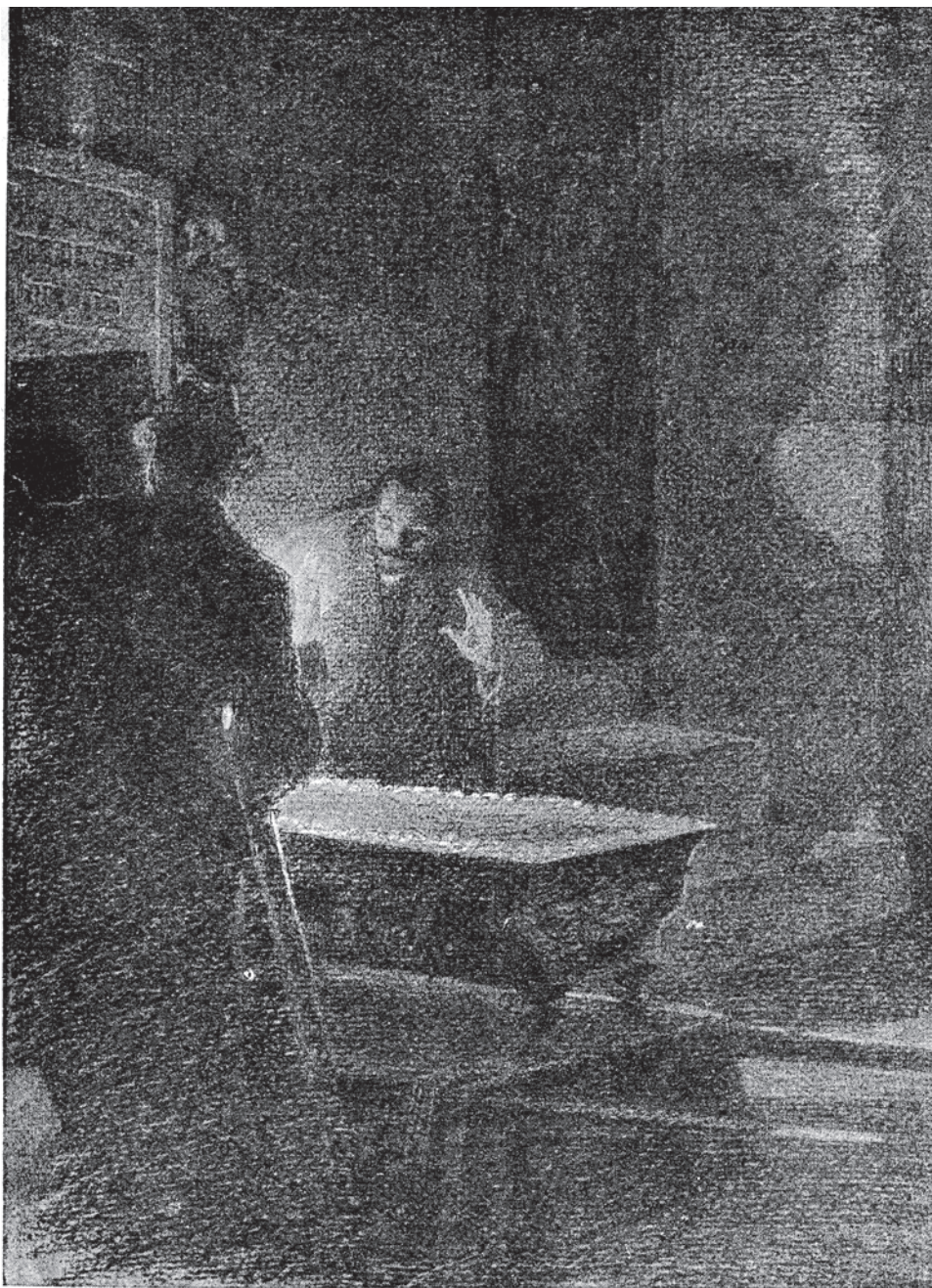
— Возможно, — сказал он, — что среди массы безвредных находится несколько диких из породы южных, более зловредных животных. Возможно, что какой-нибудь моряк привез одну из них к себе домой и она улетела, или же какая-нибудь молодая летучая мышь вылетела из Зоологического сада, или же, наконец, какая-нибудь из них вскормлена вампиром. Такие вещи, знаете ли, случаются.

Наше посещение больницы отняло у нас гораздо больше времени, чем мы рассчитывали.

— Пойдем посмотрим, где бы нам поесть, затем пойдем дальше, — сказал профессор.

Мы поужинали в «Джек-Стро-Кэстль».

Около десяти часов мы вышли из ресторана. Было очень темно, и редкие фонари еще более увеличивали мрак, когда мы выходили из полосы их света. Профессор, очевидно, уже наметил себе дорогу, так как шел уверенно; что же касается меня, то я совершенно не мог ориентироваться. Чем дальше мы шли, тем меньше попадалось нам народу навстречу, так что мы даже поразились, когда нам встретился конный ночной патруль, объезжавший свой околоток. Наконец, мы дошли до кладбищенской стены, через которую мы и перелезли с некоторым трудом, так как было страшно темно и местность казалась нам совершенно незнакомой; мы добрались с трудом до склепа Вестенра. Профессор вынул ключ, открыл дверь склепа и, отступив назад, любезно, но совершенно бессознательно сделал мне знак пройти вперед. Какая-то странная ирония заключалась в этом предложении в этой любезной уступчивости в такой ужасный момент. Мой компаньон тотчас же последовал за мною и осторожно притворил за собой дверь, убедившись предварительно в том, что замок у нее был простой, а не пружинный. Затем он пошарил в своем саквояже и, вынув оттуда спички, зажег свечу. И днем-

...Я подошел и взглянул... Гроб был пуст!

то в склепе было мрачно и жутко, несмотря на то что могила была усыпана цветами, а теперь при слабом мерцании свечи он производил такое жуткое и тягелое впечатление, какое невозможно даже представить себе, не увидев: цветы поблекли, завяли; порыжев, слились со сделавшейся коричневой зеленью; пауки и жуки появились в огромном количестве и чувствовали себя там как дома; время обесцветило камень, известь пропиталась пылью, железо заржавело и покрылось плесенью, медь потускнела, и серебряная доска потемнела. Невольно приходила мысль о том, что не только жизнь человека недолговечна.

Ван Хельсинг методически продолжал свою работу. Он поднес свечу совсем близко к могильной надписи и убедился в том, что перед ним могила Люси. Затем он снова порылся в саквояже и вынул оттуда отвертку.

— Что вы собираетесь делать? — спросил я.

— Открою гроб. Я сейчас докажу тебе, что я прав.

И он начал отвинчивать винты, снял крышку, и мы увидели цинковую обивку гроба. Это зрелище было мне не по силам. Это было такое же оскорбление покойной, как если бы, когда она еще была жива, ее во сне раздели! Я невольно схватил его за руку, желая остановить. Он же только оказал:

— Ты сам увидишь!

И, снова порывшись в саквояже, вынул оттуда маленькую пилу. Сильным ударом руки он пробил отверткой дыру в цинке, достаточно большую, чтобы конец пилы мог пройти в нее. Я невольно отступил назад, ожидая обычного тошнотворного запаха от пролежавшего целую неделю тела. Но профессор даже не приостановился; он пропилил пару футов вдоль края гроба, затем обогнул его и перешел на другую сторону. Затем, схватив освободившийся конец, отогнул крышку к концу гроба и, держа свечку в открытом отверстии, предложил мне подойти и посмотреть.

Я подошел и взглянул... Гроб был пуст! Меня это поразило и страшно ошеломило, но Ван Хельсинг даже не дрогнул.

— Ну, что? Ты теперь доволен, мой друг? — спросил он.

Страшное упорство заговорило во мне, и я ответил ему:

— Я вижу, что тела Люси нет в гробу, но это доказывает только одну вещь.

— Какую же именно, Джон?

— Что его там нет.

— Недурная логика. Но как ты думаешь, почему его здесь нет?

— Может быть, это дело вора, — сказал я. — Может быть, кто-нибудь из гробовщиков украл его!

Я чувствовал, что говорил глупость, и все-таки я больше ничего не мог придумать. Профессор вздохнул.

— Ну хорошо, — сказал он, — тебе нужны еще доказательства? Пойдем со мною!

Он опустил крышку на место, собрал все свои вещи, положил их обратно в саквояж, потушил свечу и также положил ее туда. Мы открыли дверь и вышли. Он запер дверь на ключ. Затем передал его мне и сказал:

— Оставь его у себя, тогда ты будешь спокойнее.

Я засмеялся, но, сознаюсь, что то был не очень умный смех, и хотел вернуть ему ключ.

— Ключ тут неважен, — сказал я. — Может быть еще дубликат, и, кроме того, такой замок ничего не стоит открыть.

Он ничего не возразил и положил ключ в карман. Затем он сказал мне, чтобы я сторожил у одного конца кладбища, а он будет сторожить у другого. Я занял свое место за тисовым деревом и видел, как его темная фигура удалялась и скрылась наконец за памятниками и деревьями.

Это было скучное ожидание! Сейчас же, после того как я занял свое место, я услышал, как часы пробили двенадцать; время медленно тянулось: пробило час и два. Я продрог, стал нервничать и был зол на профессора за то, что он потащил меня в такое странствование, и на себя за то, что пошел. Мне было слишком холодно и слишком хотелось спать, чтобы быть внимательным наблюдателем, но в то же время я был недостаточно сонным, для того чтобы изменить своей надежде; так что, в общем, мне было скучно и неприятно.

Вдруг, повернувшись случайно, я увидел какую-то белую фигуру, двигавшуюся между тисовыми деревьями в конце кладбища, далеко за могилами; одновременно со стороны профессора с земли поднялась черная масса и поспешно пошла ей навстречу. Тогда двинулся и я; но мне пришлось обходить памятники и оголенные плиты, и я несколько раз падал, спотыкаясь о могилы. Небо было покрыто тучами, и где-то вдали запел петух. Невдалеке, за рядами рассаженных можжевельников, которыми была обсажена дорога к церкви, двигалась какая-то мутная фигура по направлению к склепу. Могила была скрыта за деревьями, и я не мог видеть, куда девалась фигура. Я услышал шум там, где я сперва увидел белую фигуру, и когда подошел туда, то нашел профессора, державшего на руках какого-то худенького ребенка. Увидев меня, он протянул его мне и сказал:

— Теперь ты доволен?

— Нет, — ответил я.

— Разве ты не видишь ребенка?

— Да, вижу, но кто же его принес сюда? Он ранен? — спросил я.

— Посмотрим, — сказал профессор и направился к выходу кладбища, неся на руках спящего ребенка.

Подойдя к куче деревьев, мы зажгли спичку и осмотрел ребенка. На нем не оказалось ни царапины, ни порезов.

— Не был ли я прав? — спросил я торжествующим тоном.

— Мы пришли как раз вовремя, — сказал профессор задумчиво.

Нам нужно было решить теперь, что делать с ребенком. Если мы отнесем его в полицию, то нам придется давать отчет в наших ночных похождениях; во всяком случае, нам придется доказать, каким образом мы его нашли. Наконец, мы решил отнести его на Гис, и если заметим какого-нибудь полисмена, то спрятать ребенка так, чтобы тот его непременно нашел, а самим отправиться, как можно скорее, домой. Все прошло благополучно. У самого Гампстед-Гит мы услышал

тяжелые шаги полисмена и положили ребенка у самой дороги. Полисмен посветил вокруг себя фонарем и нашел его. Мы слышали, как он вскрикнул от удивления, и ушли. К счастью, мы скоро встретили кэб и поехали в город.

Не могу заснуть, поэтому записываю. Но все-таки нужно будет поспать, так как Ван Хельсинг зайдет за мною в полдень. Он настаивает на том, чтобы я с ним опять отправился в экспедицию.

27 сентября.

Нам представился случай сделать новую попытку только после четырех часов. Кончились чьи-то похороны, тянувшиеся с полудня, и последние провожаемые уже удалились с кладбища. Спрятавшись за группой деревьев, мы видели, как могильщик закрыл за последним из них ворота. Мы знали, что до самого утра нас никто больше не потревожит, но профессор сказал, что нам понадобится самое большее часа два. Снова я почувствовал весь ужас действительности, более фантастической, чем сказка; я ясно понимал ту опасность перед законом, которой мы подвергали себя своей осквернительной работой. Кроме того, мне казалось, что все это бесполезно. Возмутительно было уже то, что мы открыли цинковый гроб, чтобы убедиться в том, что женщина, умершая неделю тому назад, действительно была мертва, — теперь же было верхом безумия снова открывать могилу, раз мы уже знали, собственными глазами убедились, что могила была пуста. Меня коробило при одной мысли об этом. На Ван Хельсинга никакие увещания не подействовали бы, у него своя манера действовать. Он взял ключ, открыл склеп и снова любезно дал мне пройти вперед. На этот раз место не казалось уже таким ужасным, но впечатление, которое оно производило при свете солнца, было все же отвратительно. Ван Хельсинг подошел к гробу Люси, я последовал за ним. Он наклонился и снова отвернул свинцовую крышку — и удивление и негодование наполнили мою душу.

В гробу лежала Люси, точь-в-точь такая же, какой мы видел ее накануне похорон. Она, казалось, была еще прекраснее, чем обыкновенно, и мне никак не верилось, что она умерла. Губы ее были пунцового цвета, даже более яркого, чем раньше, а на щеках играл нежный румянец.

— Что это, колдовство? — спросил я.

— Вы убедились теперь? — сказал профессор в ответ; при этом он протянул руку, отогнул мертвые губы и показал мне белые зубы. Я содрогнулся.

— Посмотри, — сказал он, — видишь, они даже острее, чем раньше. Этим и этим, — и он указал при этом на один из верхних клыков, затем на нижний, — она может кусать маленьких детей. Теперь, Джон, ты веришь?

И снова дух противоречия проснулся во мне.

— Может быть, ее только вчера сюда положили!

— Неужели? Кто же это сделал?

— Не знаю. Кто-нибудь!

— А ведь умерла-то она неделю тому назад. Большая часть людей за такой срок иначе выглядела бы.

На это у меня не нашлось возражения. Ван Хельсинг, казалось, не замечал моего молчания; во всяком случае, он не выражал ни разочарования, ни торжества. Он внимательно смотрел на лицо мертвой женщины, подымая веки и разглядывая глаза, затем еще раз отогнул губы и осмотрел зубы. Потом, повернувшись ко мне, сказал:

— Тут есть одна вещь, совершенно из ряда вон выходящая. Ее укусил вампир, когда она была в беспамятстве и разгуливала во сне. О, ты ошеломлен, ты этого не знаешь, Джон, но ты все это узнаешь потом, позже... Пока она была в беспамятстве, ему было очень удобно высасывать у нее кровь. В беспамятстве она умерла, и в беспамятстве она и «немертва». Вот почему это исключительный случай. Обыкновенно, когда «немертвое» спит «дома», — при этом он сделал жест рукою, желая этими определить, какое значение имеет «дом» для вампира, — то по его лицу видно, что оно такое, но, когда оно перестает быть «немертвым», то превращается в нечто вроде обыкновенных мертвецов. В этом состоянии от них нет никакого вреда, и мне тяжело, что приходится убивать ее во сне, в таком состоянии.

Мне стало жутко, и я начинал уже верить словам Ван Хельсинга, но ведь если она действительно была мертва, то какой смысл был в том, чтобы ее снова убивать? Он взглянул на меня и, очевидно, заметил перемену в моем лице, так как как-то торжествуя спросил:

— А теперь ты веришь?

— Не торопите меня слишком. Я готов это допустить. Но как вы исполните этот кровавый долг?

— Я отрублю ей голову, набью ей рот чесноком и вобью кол в ее тело.

Я содрогнулся при мысли, что так исковеркают тело той женщины, которую я любил. И все-таки чувство это не было так сильно, как я этого ожидал. В сущности, я теперь начинал содрогаться от сознания присутствия этого существа, этого «немертвого» существа, как Ван Хельсинг это называл, и я почувствовал к «нему» омерзение.

Ван Хельсинг долго над чем-то думал; наконец закрыл свой саквояж и сказал:

— Я передумал. Если бы я решил исполнить свое намерение, то сделал бы это сейчас же, но из-за этого может возникнуть масса осложнений, которые оказались бы гораздо неприятнее, чем мы это себе представляем. И вот почему! Она еще не погубила ни одной жизни, хотя времени для этого было достаточно, и если бы я теперь это сделал, то обезвредил бы ее навсегда. Но для этого нам нужен Артур, а как мы ему об этом скажем? Если ты не поверил мне, ты, который видел ранки на шее Люси, затем такие же ранки у того ребенка в госпитале; ты, который видел вчера ночью гроб пустым, а сегодня занятым этой женщиной, которая не только не изменилась, а даже порозовела и похорошела, несмотря на то что прошла уже целая неделя со дня ее смерти; ты, который видел ту белую фигуру, которая вчера принесла на кладбище ребенка, — чего же можно после этого ожидать от Артура, который ничего об этом не знает и ничего не видел. Он усомнился во мне, когда я не позволил ему поцеловать ее перед смер-

тью. Он простил мне, хотя я делал такие вещи, что лишил его возможности проститься с ней так, как он должен был бы сделать; но теперь по незнанию он мог бы подумать, что мы похоронили ее живой и после, чтобы скрыть нашу величайшую ошибку, убили ее. Он станет ненавидеть нас за то, что мы благодаря нашей ошибке убили ее, и, таким образом, он будет несчастен всю жизнь. Да он никогда и не сможет быть вполне уверенным, а это самое ужасное, что может быть.

Поэтому я решил сделать это в его присутствии. Завтра в десять часов утра ты придешь ко мне в гостиницу «Берkeley». Я пошлю тогда за Артуром и за тем американцем, который отдал ей тоже свою кровь. Впоследствии нам всем придется много работать. Я дойду с тобою до Пиккадилли и пообедаю там, так как мне необходимо сюда вернуться еще раз до захода солнца.

Мы закрыли склеп, ушли, перелезли через кладбищенскую стену, что было не очень трудно, и поехали обратно на Пиккадилли.

ЗАПISKA BАН XЕЛЬCИНГA, OCTAВЛЕННАЯ ИМ
B ПAЛЬTO НА BЕШАЛКЕ B ГOCTИНИЦЕ «БЕРКЕЛЕЙ»,
АДРЕCOBАННАЯ ДЖОНУ CЬЮBOPДУ, Д. М.
(неврученная)

«27 сентября.

Друг Джон!

Пишу это на тот случай, если произойдет что-нибудь непредвиденное. Иду один на кладбище. Меня радует, что сегодня ночью „немертвой“ Люси не удастся выйти, так что завтра ночью оно выявится еще определеннее. Поэтому я приделаю к склепу то, чего она не любит, — чеснок и крест, и таким образом запечатаю гробницу. Она как „немертвое“ еще молода и будет осторожна. Кроме того, ведь это препятствует ей лишь выйти, но не отвратит ее от желания выходить: когда „немертвое“ в отчаянии, то ищет выхода там, где меньше всего сопротивления. Я буду находиться там, поблизости, от заката до восхода солнца, и если представится мне что-нибудь интересное, то я уж своего не упущу. Люси я не боюсь, но побаиваюсь того, другого, из-за которого она „немертвое“; у него теперь есть право и власть искать ее могилу, и у него она может найти защиту. Он хитер, судя по словам Джонатана и по тому, как он околпачивал нас, играя жизнью Люси; да и вообще, „немертвое“ во многих отношениях очень сильно. Оно обладает силою двадцати людей; даже та сила, которую мы вчетвером вливали в кровь Люси, пошла исключительно ему на пользу. Кроме того, он может созывать волков, и сам не знаю, право, кого еще. Так что если он ночью туда придет, то застанет меня: но больше уж никто не должен присутствовать при этом, а не то будет скверно. Но возможно, что он не станет покушаться на это место. У него, наверное, есть в виду более интересная добыча, чем кладбище, где спит „немертвое“ и сторожит старик.

Пишу это на случай, если... Возьми все бумаги, которые тут же находятся, дневник Харкера и остальное и прочти их, затем отыщи «немертвое», отруби ему голову, сожги его сердце, вбей в него кол, чтобы мир наконец вздохнул свободно.

Итак, прощай. Твой *Ван Хельсинг*».

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА

28 сентября.

Прямо удивительно, до чего благотворен сон. Вчера я почти готов был поверить ужасным идеям Ван Хельсинга, теперь же они мне кажутся дикими и лишенными всякого смысла. Не может быть, чтобы он сошел с ума. Должно же быть какое-нибудь объяснение всем этим таинственным событиям. Возможно, что профессор сам их создал. Постараюсь найти разгадку этой тайны.

29 сентября. Утром.

Артур и Квинси зашли вчера вечером около 10 часов к Ван Хельсингу: он объяснил все, что нам нужно делать, обращаясь главными образом к Артуру, точно все наши желания были сконцентрированы в нем одном. Он говорил, что надеется на нашу общую помощь, так как нам предстоит очень большая задача. Затем спросил Артура, удивился ли он его письму.

— Я? Да! Оно меня порядком встревожило. У меня за последнее время было так много горя, что у меня не было больше сил. Мне было очень интересно узнать, что случилось.

— Я хочу вашего согласия на то, — ответил Ван Хельсинг, — что я собираюсь сделать сегодня ночью. Я знаю, что требую многого, и только тогда, когда вы узнаете, в чем дело, вы поймете, что это действительно много. Поэтому я хотел бы, чтобы вы обещали мне, пока втемную, так чтобы потом вы не упресли себя ни в чем. Вы будете некоторое время сердиться на меня — мне придется уже с этим примириться.

— Я вовсе не желаю, — возразил Артур, — покупать кота в мешке, и если тут затрагивается моя честь джентльмена или же моя вера христианина, то я никак не могу вам дать подобных обещаний. Если вы обещаете, что ваше намерение не затрагивает ни того ни другого, то я сейчас же даю вам на все свое согласие: хотя клянусь жизнью, что я никак не могу понять, к чему вы клоните.

— Я принимаю ваши ограничения, — сказал Ван Хельсинг, — но прошу вас лишь об одном — это быть уверенными, что мои поступки не затронут ваших ограничений, но я требую, чтобы вы, раньше чем станете меня осуждать, хорошенько взвесили свое решение.

— Решено! — сказал Артур. — Итак, переговоры кончены; могу теперь спросить у вас, в чем дело?

— Мне хочется, чтобы вы пошли со мной на кладбище в Кингстэд, но только по секрету от всех.

Артур был изумлен.

— Туда, где похоронена Люси? — сказал.

Профессор кивнул головой. Артур продолжал:

— Зачем?

— Чтобы войти в склеп!

— Вы это серьезно говорите, профессор, или жестоко шутите?.. Простите, я вижу, что это серьезно.

Наступила длинная пауза. Наконец он спросил:

— Зачем же в склеп?

— Чтобы открыть гроб.

— Это уж слишком, — сердито сказал Артур, вставая. — Я согласен на все, что благоразумно, но на такое... такое осквернение гроба той, которую... — Дальше он не мог говорить от негодования.

Профессор с состраданием посмотрел на него.

— Если бы я мог уберечь вас хотя от одной муки, Бог тому свидетель, я сделал бы это, — сказал он. — Но в эту ночь вам придется пройти по тернистой дороге, а не по той, которую вы любите, придется потом, быть может, даже и навеки ходить по пылающему пути!

Артур побледнел и вскричал:

— Будьте осторожны, сэр, будьте осторожны!

— Не лучше ли будет, если вы послушаете, что я вам скажу, — сказал Ван Хельсинг, — тогда по крайней мере вы будете знать, что я предлагаю. Сказать?

— Итак, уже все ясно, — вставил Моррис.

После некоторого молчания Ван Хельсинг продолжал — видно было, что это ему стоило большого труда.

— Мисс Люси умерла, не так ли? Да? Следовательно, все в порядке. Но если она не умерла?

Артур вскочил на ноги.

— Господи! — вскричал Артур. — Что вы этим хотите сказать? Разве тут произошла какая-нибудь ошибка? Разве ее похоронили живой?

Он был в таком отчаянии, что тяжело было смотреть на него.

— Я, ведь, не сказал, что она жива, дитя мое, я не то хотел сказать. Я хочу сказать только, что она не мертва.

— Не мертва! Не жива! Что вы хотите сказать этим? Что это, кошмар или что-то другое, еще более ужасное?

— Бывают тайны, о которых мы можем только догадываться, которые лишь годами и по частям могут разрешаться. Поверьте мне, что перед нами лишь часть тайны. Но я ничего еще не сделал. Вы разрешите мне отрубить голову умершей Люси?

— Клянусь небом и землей, нет! — вскричал Артур с негодованием. — Я ни за что на свете не соглашусь на поругание ее тела. Ван Хельсинг, вы слыш-

ком пытаете меня! Что я вам сделал дурного, за что вы меня так терзаете? Что сделала вам эта бедная девушка, что вы так издеваетесь над ее могилой? Или вы с ума сошли, что говорите подобные вещи, или я помешался, что слушаю их! Не смейте даже думать о подобном осквернении, я ни за что не дам вам своего согласия! Я пойду защитить ее могилу от поругания, и, клянусь Богом, я это сделаю!

Ван Хельсинг встал со своего места и сказал сурово и серьезно:

— Лорд Годалминг, у меня тоже есть долг, долг по отношению к другим, к вам и к умершей, и, клянусь Богом, я это сделаю. Я прошу вас лишь об одном: пойдите со мною, посмотрите и послушайте, и если позже я предложу вам то же самое, то не беритесь за это дело ревностнее меня, ибо тогда — тогда я исполню свой долг по своему собственному усмотрению. Тогда я исполню ваше желание и буду готов вам дать отчет, когда и где вы захотите.

Тут голос его вздрогнул, и он продолжал гораздо мягче:

— Но, умоляю вас, не смотрите на меня так сердито. В моей жизни было много тяжелых минут, терзавших мою душу, но такая трудная задача впервые пала мне на долю. Поверьте мне, что когда настанет время и вы перемените ваше мнение обо мне, то один лишь взгляд ваш сотрет все эти печальные часы, ибо я сделаю все, что во власти человека, чтобы спасти вас от горя. Подумайте только! Чего ради я стал бы так трудиться и горевать? Я пришел сюда, чтобы помочь вам, во-первых, чтобы оказать услугу моему другу Джону, затем помочь милой молодой девушке, которую я, как и вы, очень полюбил. Ей — мне даже стыдно сказать, но я говорю это просто — я отдал то, что и вы ей дали: кровь из моих вен; и дал ее я, который вовсе не ее возлюбленный, как вы, а лишь врач и друг; если моя смерть в состоянии ей что-нибудь дать, теперь когда она «немертва», то я отдам ей ее охотно.

Он сказал это с какой-то благородной, мягкой гордостью, и Артур был очень тронут этим. Он взял руку старика и сказал ему дрожащим голосом:

— О, как ужасно об этом думать, я никак не могу понять, в чем дело, но обещаю вам идти с вами и подождать.

ГЛАВА XVI

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА (Продолжение)

Ровно без четверти двенадцать мы перелезли через низкую ограду кладбища. Ночь была темна, луна лишь порою выглядывала из-за туч, тянувшихся по небу. Мы старались держаться как можно ближе друг к другу; Ван Хельсинг шел впереди, показывая дорогу. Когда мы ближе подошли к могиле, я начал внимательно следить за Артуром, так как близость местности, связанной со столькими печальными воспоминаниями, могла его взволновать; но он держался молодцом. Должно быть, таинственность похождения увлекала его. Профессор открыл дверь склепа и, заметив наше колебание, подбодрил нас тем, что сам прошел вперед. Мы последовали за ним, и он закрыл за нами дверь. Затем он зажег тусклый фонарь и указал нам на гроб. Артур, сильно волнуясь, двинулся вперед; Ван Хельсинг сказал мне:

— Ты вчера был здесь со мной. Тело Люси лежало тогда тут, в гробу?

— Да, лежало.

Профессор обратился к остальным со словами:

— Вы слышите? И все-таки тут есть еще кое-кто, кто мне не верит.

Он взял отвертку и снова снял крышку с гроба. Артур, бледный и молчаливый, молча глядел на это; когда крышку сняли, то он выступил вперед.

Ван Хельсинг откинул цинковую крышку, мы взглянули в гроб и попятнулись назад.

Гроб был пуст!

В течение нескольких минут никто не произнес ни слова.

Затем профессор сказал:

— Два дня тому назад я пришел сюда со Сьювордом и открыл этот гроб; и мы нашли его, как и сейчас, пустым. Затем мы остались тут ожидать и увидели нечто белое, двигавшееся между деревьями. На следующий день мы пришли сюда днем и нашли Люси в гробу. Не правда ли, Джон?

— Да.

— В ту ночь мы пришли как раз вовремя. Пропал еще один ребенок, и мы нашли его, благодаря Богу, невредимым среди могил. Вчера я пришел сюда до захода солнца, так как при заходе солнца «немертвое» оживает.

Я прождал тут всю ночь до восхода солнца, но ничего не увидел. Это было, должно быть, потому, что я привесил к дверям чеснок, которого «немертвое» не выносит, и другие вещи, которых оно избегает. Сегодня вечером, еще до захода солнца я снял чеснок и остальное. Вот почему мы нашли гроб пустым. Подождите вместе со мною. До сих пор тут произошло очень много странно-го. Пойдите со мною вне склепа, спрячемся где-нибудь потихоньку, и вы увидите еще более странные вещи.

Мы по очереди вышли из склепа, он вышел последним и закрыл за собою дверь.

О, как приятен и чист был ночной воздух после душного склепа! Ван Хельсинг принялся за работу. Сначала он вынул из своего саквояжа массу чего-то вроде тонких вафельных бисквитов, аккуратно завернутых в белую салфетку, затем вынул полную горсть беловатого вещества вроде теста или замазки. Он мелко крошил вафли и замесил замазкой. Затем, накроив из этой массы тонкие полосы, он замазал щели дверей склепа. Меня это как-то озадачило, и, стоя поблизости от него, я спросил его, что он делает. Артур и Квинси также подошли, так как оба были очень заинтересованы. Он ответил:

— Я закрываю вход в могилу, чтобы «немертвое» не могло войти туда.

— Что это у вас там? — спросил Артур.

Ван Хельсинг благоговейно снял шляпу и сказал:

— Святые Дары. Я привез их из Амстердама. У меня есть отпущение грехов.

Этот ответ мог устроить самого большого скептика, и каждый из нас почувствовал, что при таких серьезных шагах профессора, шагах, при которых он решался употребить самое священное для него, невозможно было ему не верить. Мы тихо и покорно заняли указанные нам места вокруг склепа, стараясь разместиться так, чтобы никто из прохожих не мог нас заметить. Я жалел других, в особенности же Артура. Мне-то самому весь этот страх был уже знаком благодаря предыдущему визиту.

Наступило долгое молчание, бесконечная томительная тишина, затем послышался резкий и тихий свист профессора. Он указал вдаль: вдали на тисовой дорожке показалась белая приближающаяся фигура, державшая что-то темное у себя на груди. Фигура остановилась, и в ту же минуту луна выглянула из-за мчавшихся туч и осветила с поразительной отчетливостью женщину с темными волосами, одетую в саван. Лица не было видно, так как оно было наклонено, как казалось, над белокуром ребенком. Было тихо, затем раздался резкий, короткий крик, каким кричат иногда дети во сне. Мы хотели броситься вперед, но профессор за тисовым деревом пригрозил нам рукою, и мы увидели, как белая фигура двинулась дальше. Теперь она была настолько близко от нас, что мы ясно могли ее разглядеть, тем более что луна все еще светила.

Дрожь пробежала у меня по телу, и я услышал тяжелое дыхание Артура, когда мы узнал черты Люси Вестенра; но до чего она изменилась! Мягкое выражение ее лица превратилось в каменную, бессердечную жестокость, а беспорочность — в сладострастную похотливость. Ван Хельсинг выступил вперед, и, повинувшись его жесту, мы все четверо, вытянувшись в одну линию, подошли к склепу. Ван Хельсинг поднял фонарь и протянул вперед облатку¹; при свете, падавшем на лицо Люси, мы увидели, что ее губы были в крови и что свежая кровь сочилась по ее подбородку и запятнала белизну ее савана.

Нам стало жутко. При трепетном свете я заметил, что даже железные нервы Ван Хельсинга ему изменили. Артур стоял около меня, и, если бы я не схватил его за руку и не поддержал его, он, наверное, упал бы.

Увидев нас, Люси, — я называю фигуру, стоявшую перед нами Люси, потому что она была похожа на Люси, — шипя отступила назад, как кошка, застигнутая врасплох, и посмотрела на нас. Это были глаза Люси по форме и по цвету, это были, несомненно, ее глаза, но не ясные, а полные адского огня, вместо чистых, знакомых нам, ласковых очей. В тот момент остаток моей любви к ней перешел в ненависть и чувство омерзения; если бы нужно было ее тогда убить, я сделал бы это с диким удовольствием. Когда она взглянула на нас, глаза ее пылали адским пламенем и лицо исказилось сладострастной улыбкой. О Господи, как ужасно мне было это видеть! Она опустилась на землю, бесчувственная, как дьявол, и продолжала ревностно прижимать ребенка к своей груди; она рычала, как собака над костью. Ребенок вдруг резко вскрикнул и застонал. При этом возмутительном поступке у Артура вырвался стон из груди; она же, поднявшись, двинулась к нему с распростертыми объятиями и сладострастной улыбкой; Артур отшатнулся и закрыл лицо руками.

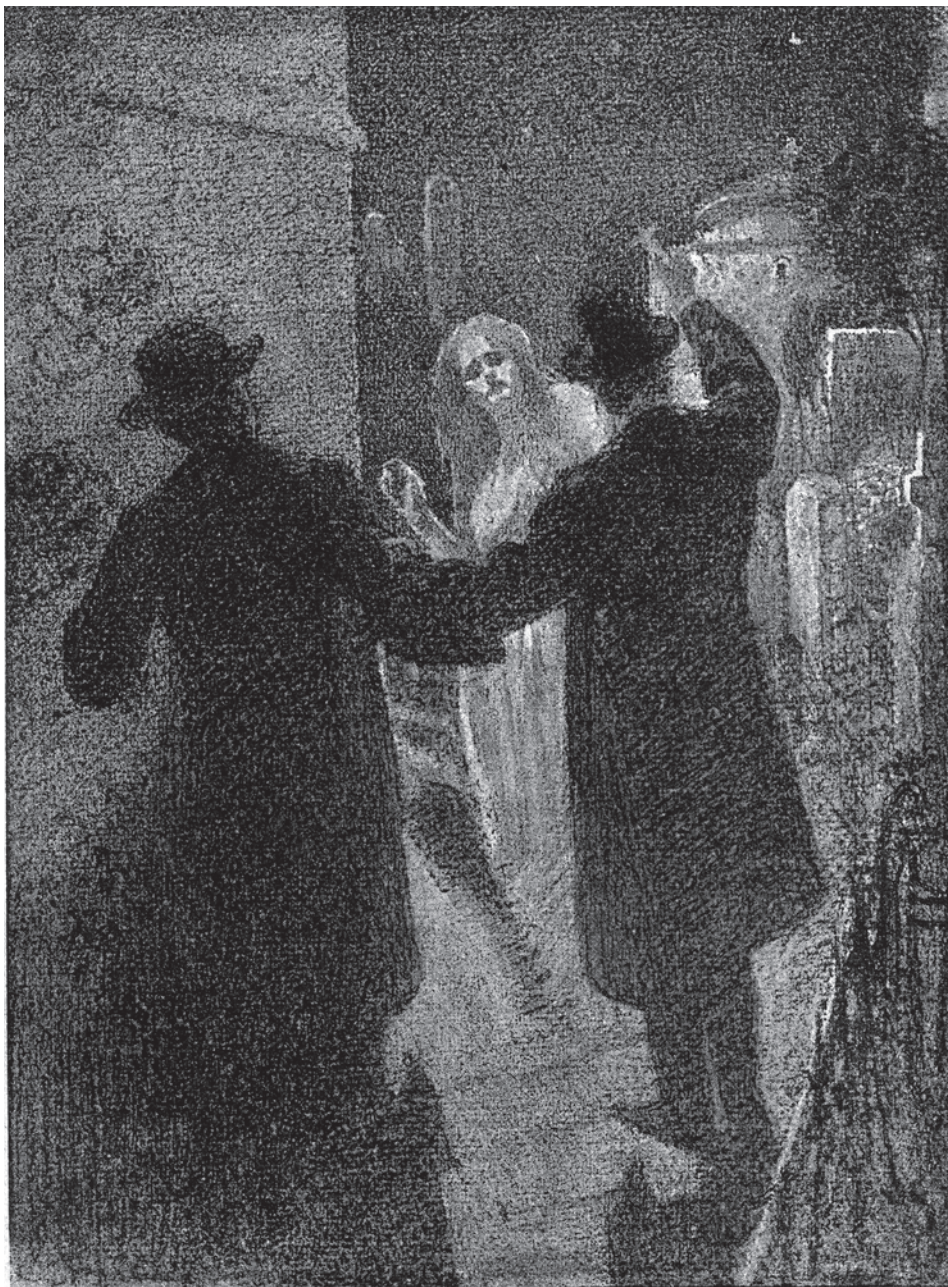
Она все-таки продолжала к нему приближаться и с томной, сладострастной грацией сказала:

— Приди ко мне, Артур! Оставь остальных и приди ко мне. Мои объятия жаждут тебя, приди, мы отдохнем с тобою вместе. Приди ко мне, супруг мой, приди ко мне.

В ее голосе была какая-то дьявольская сладость, он звучал, как серебряный колокольчик, и слова ее, хотя и относились к другому, действовали на нас завораживающе, что же касается Артура, то он находился как будто под каким-то очарованием, — он широко раскрыл ей свои объятия. Она была уже готова кинуться к нему, но Ван Хельсинг бросился вперед, держа перед ней свой золотой крестик. Она отшатнулась от него и с искаженным, полным злобы лицом бросилась мимо него к входу в склеп.

В нескольких шагах от дверей она остановилась, точно задержанная какою-то непреодолимой силой. Затем она повернулась к нам лицом, и яркий

¹ *Облатка*, или *гостия* — свхаристический хлеб в католицизме латинского обряда, а также в англиканстве и ряде других протестантских церквей; круглый листок из пресного теста, образующий приношение, вид тела Христова, Святые Дары.

Ван Хельсинг бросился вперед, держа перед ней свой золотой крестик. Она отшатнулась от него и с искаженным, полным злобы лицом, бросилась мимо него к входу в склеп.

свет луны и фонаря Ван Хельсинга осветил ее лицо. Мне никогда еще не приходилось видеть такого злобного выражения лица, и надеюсь, что ни один смертный его не увидит. Роскошные краски превратились в багрово-синие; глаза, казалось, метали искры адского огня, брови насупились, изгибы тела были как кольца змей Медузы, а очаровательный рот превратился в открытый квадрат, как в маске страсти у греков и японцев.

В таком виде она простояла несколько минут, показавшиеся нам целой вечностью, между поднятым крестом и священным затвором входа в ее склеп. Ван Хельсинг нарушил тишину, спросив Артура:

— Ответь мне, друг мой? Продолжать ли мне свою работу?

Артур, закрыв лицо руками, ответил:

— Делай что хочешь, делай что хочешь. Таких ужасов больше не должно быть.

Ему сделалось дурно. Квинси и я одновременно подскочили к нему и взяли его под руку. Мы слышали, как Ван Хельсинг подошел к дверям и начал вынимать из щелей священные эмблемы, которые он туда воткнул. Мы все были поражены, когда увидели, после того как Ван Хельсинг отступил назад, как женщина с таким же телом, как и наше собственное, проскользнула в такой промежуток, сквозь который даже лезвие ножа едва ли могло пройти. Какое-то радостное чувство овладело нами, когда мы увидели, как Ван Хельсинг снова спокойно заткнул щель замазкой.

Покончив с этим, он поднял ребенка и сказал:

— Идемте, друзья мои; до завтра нам тут делать нечего. В полдень тут похороны; сейчас же после этого мы придем сюда. Все друзья умершего уйдут раньше двух часов; когда могильщик закроет ворота, мы останемся, так как тут еще кое-что нужно сделать; но не то, что мы делали сегодня ночью. Что же касается этого малютки, то, так как у него нет ничего опасного, к завтрашнему дню он будет здоров. Мы положим его так, чтобы полиция его нашла, как тогда, в ту ночь, а затем пойдем домой.

Подойдя вплотную к Артуру, он сказал:

— Друг мой Артур, ты перенес тяжелое испытание, но впоследствии, когда ты оглянешься, ты увидишь, как необходимо оно было. Теперь тебе плохо, дитя мое. Завтра в это время, бог даст, все уже будет кончено, так что возьми себя в руки.

Мы оставили ребенка в спокойном месте и отправились домой.

29 сентября.

Около двенадцати часов мы все троим — Артур, Квинси Моррис и я — отправились к профессору. Странно вышло, что все мы совершенно инстинктивно оделись в черные костюмы. В половине второго мы уже были на кладбище и бродили там, делая свои наблюдения; когда же могильщики кончили свою работу и сторож, убежденный, что все уже вышли, закрыл ворота, каждый из нас занял свое место. На этот раз у Ван Хельсинга вместо маленькой

сумки был с собой какой-то длинный кожаный ящик, должно быть порядочного весу.

Когда на дороге замолкли шаги посетителей, мы тихо последовали за профессором к склепу. Профессор вынул из сумки фонарь, две восковые свечи и осветил склеп. Когда мы снова поднимали крышку гроба Люси, то увидел тело во всей его красе. Но у меня любовь исчезла, осталось лишь чувство отвращения к тому, что приняло образ Люси, не взяв ее души. Даже лицо Артура стало каким-то жестоким, когда он на нее взглянул. Он обратился к Ван Хельсингу и сказал:

— Это тело Люси или же это просто демон в ее оболочке?

— Это ее тело и в то же время не ее. Но погоди немного, и ты увидишь ее, какую она была и есть.

То лежала не Люси, а кошмар ее; острые зубы, окровавленные, сладострастные губы, на которые страшно было даже глядеть, — все это плотское, бездушное существо казалось дьявольской насмешкой над непорочностью Люси. Ван Хельсинг со своей обычной последовательностью начал вынимать различные вещи из ящика и раскладывал их в известном порядке. Сначала он вынул паяльник, затем, маленькую лампочку, выделявшую какой-то газ, ярко горевший слабым синим пламенем, и, наконец, круглый деревянный кол толщиной в два с половиной или три дюйма и около трех футов длины. С одного конца он был обожжен и заострен. Потом он вынул тяжелый молот. На меня всякие врачебные приготовления действуют возбуждающе и ободряюще, но Артура и Квинси они привел в смущение. Но все-таки они крепились и терпеливо ждали.

Когда все было приготовлено, Ван Хельсинг сказал:

— Раньше чем приняться за дело, объясню вам, что это такое. Все это относится к области знаний и опытов древних народов и всех тех, кто изучал власть «немертвого». Становясь таковыми, они превращаются в бессмертных; они не могут умереть, им приходится продолжать жить год за годом, увеличивая количество жертв и размножая зло мирское; ибо все, умирающие от укуса «немертвого», сами становятся «немертвыми» и губят в свою очередь других. Таким образом, круг их все расширяется, так же как и круги на воде от брошенного в нее камня. Друг Артур, если бы Люси тебя поцеловала, помнишь, тогда, перед ее смертью, или вчера ночью, когда ты раскрыл ей свои объятия, то и ты со временем, после смерти стал бы *posferatu*¹, как это называют в восточной Европе, и увеличил бы количество этих «немертвых».

Карьера этой несчастной милой леди только лишь началась, те дети, кровь которых она высасывала, еще не находятся в опасности, но если она будет продолжать жить «немертвою», то они всё в большем количестве станут терять кровь; ее власть заставит их приходить к ней, и она высосет у них всю кровь

¹ Немертвый, вампир (англ.); произошло от *рум.* *nesuferit* — «оскорбительный», «вызывающий беспокойство».

своим отвратительным ртом. Но если она действительно умрет, то все прекратится. Крошечные ранки на шейках исчезнут, и они вернутся к своим играм, не зная даже, что с ними было. Самое главное тут то, что если вернуть это «немертвое» к его настоящей смерти, то душа бедной Люси станет свободной. Вместо того чтобы творить зло по ночам и становиться с каждым днем все более подобной дьяволу, она сможет спокойно занять свое место среди ангелов. Так что, друг мой, та рука, которая нанесет ей удар освобождения, будет для нее благословенной. Я сам готов это сделать, но, может быть, среди нас найдется кто-нибудь, у которого на это больше прав?

Мы все смотрели на Артура. Он заметил, так же как и все мы, что бесконечная любовь к нему призывала его исполнить этот долг, дабы память Люси осталась для нас священной, а не нечестивой; он выступил вперед и смело сказал, хотя руки его дрожали, а лицо было бледно как снег.

— Верные друзья мои, благодарю вас от глубины своей разбитой души! Скажите мне, что нужно сделать, и я не дрогну.

Ван Хельсинг положил ему руку на плечо и сказал:

— Молодец! Немного храбрости — и все кончено. Этот кол надо вбить ей в сердце. Это будет ужасное испытание, я в этом уверен, но это ненадолго, и ты потом будешь радоваться больше, чем теперь горюешь, и выйдешь отсюда с облегченной душой. Но не следует колебаться, раз ты уже решился. Думай лишь о том, что мы, твои верные друзья, тут с тобою и молимся все время за тебя. Артур взял кол и молот. А раз он на что-нибудь решился, то рука его никогда не дрогнет.

Ван Хельсинг открыл свой молитвенник и начал читать молитву, а Квинси и я повторяли за ним слова, как могли. Артур приставил кол заостренным концом к ее сердцу, и я видел, как он впился в мясо. Затем он ударил изо всей силы.

Люси стала корчиться в гробу, и какой-то гнусный, отвратительный, кровь леденящий крик сорвался с ее красных губ. Тело вздрагивало, корчилось и кривлялось; белые острые зубы стучали и искушали губы, а изо рта била пена. Но Артур ни разу не дрогнул.

Затем вздрагивание и кривляние тела стали тише, зубы перестали стучать, а лицо уже больше не вздрагивало. Наконец, оно совсем успокоилось. Ужасная работа была кончена.

Молот выпал из рук Артура. Он зашатался и упал бы, если бы мы его не поддержали. Пот градом катился у него со лба, и он задыхался.

Нечеловеческая сила воли и желание спасти ее душу помогли ему исполнить эту работу, иначе у него никогда не хватило бы сил. В течение нескольких минут мы были так поглощены заботами о нем, что и не посмотрели на гроб. Когда же мы туда взглянули, то шепот удивления и испуга раздался среди нас. Мы так внимательно смотрели, что даже Артур встал с земли, на которую он в изнеможении опустился, и также подошел посмотреть. Лицо его изменилось, мрачное выражение исчезло и заменилось радостью.

В гробу уже больше не было того ужасного существа, которого мы так боялись и которое так презирали, что убить его считалось среди нас привилегией; там лежала Люси такой, какой мы видели ее при жизни, выражение лица ее было удивительно чисто и мило, хотя горе и страдания оставили на нем следы, но даже и эти следы были нам дороги, так как такой мы привыкли видеть ее в последнее время. Мы чувствовали, что спокойствие, отразившееся на ее лице, было не что иное, как символ вечного грядущего покоя. Ван Хельсинг подошел, положил свою руку на плечо Артура и сказал ему:

— Ну что, Артур, друг мой, дорогое дитя мое, теперь ты меня простишь?

Артур взял руку старика, поднял ее и, поцеловав, сказал:

— Простил! Да благословит тебя Бог за то, что ты вернул душу моей возлюбленной, а мне покой!

— Теперь, дитя мое, ты можешь ее поцеловать, — сказал профессор. — Поцелуй ее, в ее мертвые губы, если хочешь. Ибо теперь она уж больше не злой насмешливый дьявол и не погибшее навеки существо. Она уже больше не «немертвое» дьявола. Она верная покойница Бога, душа которой вместе с Ним.

Артур наклонился и поцеловал ее, а затем мы выслали его и Квинси из склепа, профессор и я отпилили кол, оставив конец его в ее теле.

Затем мы отрезали ей голову и набили рот чесноком. Мы запаляли цинковый гроб, привинтили крышку деревянного гроба и, собрав наши вещи, ушли. Закрыв дверь, профессор передал ключ Артуру.

Раньше чем двинуться дальше, Ван Хельсинг сказал:

— Теперь, мой друг, первый шаг уже сделан, а он был самый трудный для нас. Но остается еще одна большая работа — найти автора всех наших печалей и уничтожить его. У меня есть нить, и мы по ней доберемся и до него, но эта долгая и трудная задача, тут есть опасность и большой риск. Не поможете ли вы мне все? Мы все научились верить, не так ли? И если так, то не наш ли это долг? Да? Я надеюсь прийти к удачному концу.

Мы все поочередно пожали его руку, и условие было заключено.

Затем, профессор сказал:

— Через два дня прошу вас всех прийти ко мне в семь часов обедать. Я представляю вам двух других сотоварищей, которых вы еще не знаете; я приготовлю все для нашей совместной работы и раскрою вам все свои планы. Джон, пойдем ко мне, я должен с тобою о многом еще посоветоваться, и ты можешь мне помочь. Сегодня я еду в Амстердам, но завтра вечером вернусь. Затем начнется великая борьба. Но сначала мне хочется еще многое рассказать вам, чтобы вы знали, что делать и чего следует остерегаться.

ГЛАВА XVII

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА (Продолжение)

Когда мы приехали в отель «Беркелей», Ван Хельсинг нашел ожидавшую его телеграмму:

«Приеду поездом. Джонатан в Уайтби. Важные новости. *Мина Харкер*». Профессор был в восторге:

— О, эта чудная мадам Мина, — сказал он, — это не женщина, а жемчужина! Она едет, но я не могу остаться. Она должна заехать к тебе, Джон. Ты должен встретить ее на станции. Телеграфируй ей в поезд, чтобы предупредить ее об этом.

Когда депеша была отправлена, он выпил чашку чая; одновременно он сообщил мне о дневнике, который вел Джонатан Харкер за границей и дал мне копию с него, перепечатанную на пишущей машинке, вместе с копией дневника госпожи Харкер в Уайтби. «Возьми их, — сказал он, — и познакомься хорошенько с их содержанием. Когда я вернусь, в твоих руках будут все нити, и тогда нам легче будет приступить к нашим расследованиям. Береги их — в них много ценного. Тебе нужна будет вся твоя вера в меня, даже после опыта сегодняшнего дня. То, что здесь сказано, может послужить началом конца для тебя, для меня и для многих других; или же может прозвучать погребальным звоном по «неумершим», которые ходят по земле. Прочти все внимательно и, если можешь что-либо добавить к этой повести, сделай это, потому что это крайне важно. Ты ведь тоже вел дневник о замеченных тобою странных вещах, не так ли? Да? Тогда мы все это обсудим вместе при встрече.

После этого он уложился и вскоре поехал на Ливерпульскую улицу. Я направился к Паддингтону, куда и приехал приблизительно за пятнадцать минут до прихода поезда.

Толпа поредела после беспорядочной суеты, свойственной всем платформам в момент прибытия поезда, и я уже начал беспокоиться, боясь пропустить свою гостью, когда изящная хорошенькая девушка подошла ко мне и, окинув меня быстрым взглядом, сказала:

— Доктор Сьюворт, не правда ли?

— А вы, мистрис Харкер? — ответил я тотчас же.

Она протянула мне руку.

— Я узнала вас по описанию милой, бедной Люси.

Я взял ее чемодан, в котором была пишущая машина, и мы отправились на Фенчерч-стрит по подземной железной дороге, после того как я послал депешу моей экономке, чтобы она немедленно приготовила гостиную и спальню для мистрис Харкер.

Вскоре мы приехали. Она знала, конечно, что моя квартира помещалась в доме для умалишенных, но я увидел, что она была не в силах сдержать легкую дрожь, когда мы вошли.

Она сказала мне, что, если можно, она сейчас же придет ко мне в кабинет, так как многое должна мне сообщить. Так что этим я заканчиваю предисловие к моему фонографическому дневнику в ожидании ее прихода. До сих пор у меня еще не было случая просмотреть бумаги, которые Ван Хельсинг оставил мне, хотя они лежат раскрытые передо мной. Я должен занять ее чем-нибудь, чтобы иметь возможность прочесть их. Она не знает ни того, как дорого время, ни того, какая нас ждет работа. Я должен быть осторожным, чтобы не напугать ее. Вот и она!

ДНЕВНИК МИНЫ ХАРКЕР

29 сентября.

Поправившись, я сошла в кабинет доктора Сьюворда. У дверей я на минуту остановилась, так как мне показалось, что он с кем-то разговаривает. Но, ввиду того что он просил меня поторопиться, я постучалась и после его ответа: «Войдите», вошла.

К моему величайшему изумлению, у него никого не было. Он был совершенно один, а напротив него на столе стояла машина, в которой я сейчас же по описанию узнала, фонограф. Я никогда их не видела и была очень заинтересована.

— Надеюсь, что не задержала вас, — сказала я, — но я остановилась у дверей, услышав, что вы разговариваете, и подумала, что у вас кто-то есть.

— О, — ответил он, улыбнувшись, — я только заносил записи в свой дневник.

— Ваш дневник? — переспросила я удивленно.

— Да, — ответил он. — Я храню его здесь.

Говоря это, он положил руку на фонограф.

Меня это страшно взволновало, и я выпалила:

— Да ведь это побьет даже стенографию! Можно мне послушать, как он говорит?

— Конечно, — ответил он быстро и встал, чтобы завести его. Затем, он остановился, и озабоченное выражение покрыло его лицо.

— Дело в том, — начал он неловко, — что у меня записан только мой дневник; а так как в нем исключительно — почти исключительно — факты, относящиеся ко мне, то, может быть, неудобно, — то есть я хочу сказать... — Он остановился, а я попыталась вывести его из затруднения:

— Вы помогали ухаживать за умирающей Люси. Позвольте мне услышать, как она умерла; я буду очень благодарна. Она была мне очень, очень дорога.

К моему удивлению, он ответил с выражением ужаса на лице:

— Сказать вам о ее смерти? Ни за что на свете!

— Почему же нет? — спросила я, — потому что меня начало охватывать какое-то жуткое, ужасное чувство.

Он замолчал опять, и я видела, что он старался придумать извинение. Наконец, он пробормотал:

— Видите ли, я затрудняюсь выбрать какое-нибудь определенное место из дневника.

В то время как он это говорил, его осенила мысль, и он сказал с бессознательным простодушием, изменившимся голосом и с детской наивностью:

— Это совершенная правда, клянусь честью.

Я не могла сдержать улыбки, на которую он ответил гримасой.

— Представьте себе, что, хотя я уже много месяцев веду дневник, мне никогда не приходило в голову, как найти какое-нибудь определенное место в нем, в случае если бы мне захотелось его просмотреть.

К концу его фразы я окончательно решилась, уверенная в том, что дневник доктора, лечившего Люси, мог многое добавить к сумме наших сведений о том ужасном существе, и я смело оказала:

— В таком случае, доктор Сьювора, вы бы лучше разрешили мне переписать его на моей пишущей машинке.

Он побледнел как мертвец и почти закричал:

— Нет! Нет! Нет! Ни за что на свете я не дал бы вам узнать эту ужасную историю!

Тогда я почувствовала, как меня охватывает ужас: значит, мое предчувствие оказалось верным!

Я задумалась и машинально переводила глаза с одного предмета на другой, бессознательно ища какой-нибудь благовидный предлог, чтобы дать ему понять, что я догадываюсь, в чем дело. Вдруг мои глаза остановились на огромной кипе бумаг, напечатанных на пишущей машинке, лежавшей на столе. Его глаза встретили мой взгляд и бессознательно последовали в том же направлении. Увидав пакет, он понял мое намерение.

— Вы не знаете меня, — сказала я, — но, когда вы прочтете эти бумаги, — мой собственный дневник и дневник моего мужа, который я сама переписи-

сала, — вы узнаете меня лучше. Я не утаила ни единой мысли своего сердца в этом деле, но, конечно, вы меня еще не знаете — пока; и я не вправе рассчитывать на такую же степень вашего доверия.

Он встал и открыл большой ящик в шкафу, в котором были расставлены в известном порядке полые металлические цилиндры, покрытые темным воском, и сказал:

— Вы совершенно правы: я не доверял вам, потому что не знал вас. Но теперь я вас знаю; и позвольте мне сказать, что я должен был бы знать вас с давних пор. Я знаю, что Люси говорила вам обо мне; также она говорила и мне о вас. Позвольте мне искупить свой невежливый поступок. Возьмите эти цилиндры и прослушайте их. Первые полдюжины их относятся лично ко мне, и они не ужаснут вас; тогда вы меня узнаете лучше. К этому времени будет готов обед. Между тем я перечитаю некоторые из этих документов и смогу лучше понять некоторые вещи.

Он сам отнес фонограф в мою гостиную и завел его для меня. Теперь я узнаю что-нибудь приятное, потому что он познакомит меня с другой стороной настоящего любовного эпизода, одну сторону которого я уже знаю...

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА

29 сентября.

Я был так поглощен удивительными дневниками Джонатана Харкера и его жены, что не замечал времени.

Как раз когда я кончил чтение дневника мистрис Харкер, она вошла с распухшими от слез глазами. Это меня глубоко тронуло.

— Я очень боюсь, что огорчил вас, — сказал я как можно мягче.

— О нет, не огорчили меня, — ответила она, — но ваше горе бесконечно меня тронуло. Это удивительная машина, но она до жестокости правдива. Она передала мне страдания вашего сердца с мучительной точностью. Никто не должен больше услышать их повторения! Видите, я старалась быть полезной: я переписала слова на своей пишущей машине, и никому больше не придется подслушивать биение вашего сердца, как сделала это я.

— Никому не нужно больше знать об этом, и никто не узнает, — сказал я мягким голосом. Она положила свою руку на мою и сказала очень серьезно:

— Ах да! Но ведь, они же должны!

— Должны? Почему? — спросил я.

— Потому что частица этой ужасной истории касается смерти бедной, дорогой Люси и всего, что вызвало ее, потому что для борьбы, предстоящей нам для избавления земли от этого ужасного чудовища, мы должны владеть всем знанием и всеми средствами, какие только возможны. Я думаю, что цилиндры, которые вы мне дали, содержали больше того, что мне следовало бы знать, но я вижу, что ваши записки проливают много света на эту мрачную

тайну. Вы мне позволите помочь вам, не правда ли? Я знаю все до одного известного пункта; и я уже вижу, хотя ваш дневник довел меня только до 7 сентября, до какого состояния была доведена бедная Люси и как подготавливалась ее ужасная гибель. Джонатан и я работали день и ночь с тех пор, как нас видел профессор Ван Хельсинг. Джонатан поехал в Уайтби, чтобы раздобыть еще сведений, а завтра он придет сюда, чтобы помочь нам. Нам незачем иметь тайны друг от друга; работая сообща, при абсолютном доверии, мы, безусловно, можем быть сильнее, чем в том случае, если бы некоторые из нас блуждали впотьмах.

Она посмотрела на меня так умоляюще и в то же время проявила столько мужества и решимости, что я сейчас же выразил согласие с ее желанием.

— Вы будете поступать, — сказал я, — в этом доме так, как вам угодно... Вам предстоит узнать еще ужасные вещи; но раз вы прошли такой большой путь по дороге к смерти бедной Люси, то не согласитесь, я знаю, оставаться в потемках. Конец — самый конец — может дать вам проблеск успокоения... Но пойдемте обедать, так как нам надо поддерживать силы для той работы, которая нам предстоит; перед нами жестокий и ужасный путь. После обеда вы узнаете остальное, и я отвечу вам на все вопросы, если вам попадется что-нибудь непонятное, тем более что для нас, присутствовавших при этом, нет ничего непонятного.

ДНЕВНИК МИНЫ ХАРКЕР

29 сентября.

После обеда я прошла с доктором Сьювордом в его кабинет. Он принес из моей комнаты фонограф, а я взяла свою пишущую машинку. Он усадил меня на удобный стул и установил фонограф так, чтобы я могла достать его, не вставая с места, и указал мне, как его остановить, если бы я захотела сделать паузу. Затем он взял стул, повернул его спинкой ко мне, так чтобы я чувствовала себя насколько возможно свободнее, и углубился в чтение. Я приставила к ушам металлический вилкообразный приемник и начала слушать.

Когда ужасная повесть смерти Люси и все последующее было окончено, я лежала беспомощной в своем кресле. В моем мозгу вертелось какое-то огненное колесо, и, если бы не святой луч света, проникший в эту массу ужасов при мысли, что моя милая, славная Люси наконец успокоилась, я не думаю, чтобы я перенесла эту муку, не устроив истерики. Все это было до того дико, таинственно и странно, что, не зная я приключения Джонатана в Трансильвании, я не могла бы поверить в случившееся. Я решила попытаться рассеяться, занявшись чем-нибудь другим, поэтому я взяла футляр от пишущей машинки и сказала доктору Сьюворду:

— Дайте мне теперь все это переписать. Мы должны быть готовы к приезду доктора Ван Хельсинга и Джонатана. В таких случаях порядок — все, —

и я думаю, что если мы приготовим весь наш материал и каждая статья будет помещена в хронологическом порядке, то мы сделаем многое.

Исполняя мое желание, он поставил фонограф на малую скорость, и я начала писать с начала седьмого цилиндра. Я сняла три копии с дневника и со всего остального. Было поздно, когда я закончила; доктор Сьювора в это время уходил на обход своих больных; когда он закончил, то вернулся и сел рядом со мною и мтал читать, так что я не чувствовала себя одинокой за работой.

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА

30 сентября.

М-р Харкер приехал в 9 часов.

После завтрака он с женой отправился к себе в комнату, и когда я несколько времени тому назад проходил мимо, то услышал стук пишущей машинки. Они, по-видимому, сильно заняты этим делом. Мистрис Харкер говорит, что они стараются связать в хронологическом порядке каждый клочок очевидно-сти, которая у них имеется. У Харкера в руках переписка между принимавшими ящики в Уайтби и посыльными в Лондоне, которым они были поручены. Теперь он читает мой дневник, переписанный его женой. Мне интересно, что они из него извлекают. Вот он...

Странно, как это мне никогда не приходило в голову, что соседний дом может быть убежищем графа! А между тем поведение пациента Ренфилда давало нам достаточно указаний на это. О, если бы мы догадались об этом раньше, то могли бы спасти бедную Люси! Харкер говорит, что к обеду он сможет показать целую связную повесть. Он думает, что тем временем мне следует пови-дать Ренфилда, так как он до сих пор служил известным указанием на приход и уход графа. Пока я с трудом это вижу, но когда я разберусь в числах, то, вероятно, соглашусь с этим.

Когда я вошел, Ренфилд спокойно сидел в своей комнате со сложенными руками и кроткой улыбкой. В эту минуту он казался совершенно нормальным. Я сел и начал беседовать с ним на самые разнообразные темы, на которые он отвечал вполне рассудительно. Затем он сам заговорил о возвращении домой — вопрос, который он не поднимал еще, насколько я помню, за все время своего пребывания здесь. Он совершенно уверенно говорил о своем немедленном освобождении. Я уверен, что, не поговори я с Харкером и не сличи я по числам время его припадков, я был бы готов отпустить его после кратковременных наблюдений. Но теперь я крайне подозрительно отношусь к нему. Все эти припадки были каким-то непонятным образом связаны с близостью графа. Он — плотоядный и во время своих диких рысканий у дверей часовни пустынного дома всегда говорил о «хозяине». Все это похоже на подтверждение нашей мысли... Однако я недолго оставался у него; он до некото-

рой степени даже слишком нормален в настоящее время, так что нельзя испытывать его слишком глубоко вопросами. Он может задуматься, и тогда... Я не доверяю этим его спокойным настроениям и приказал служителю, чтобы тот получше присматривал за ним и имел наготове на случай надобности смирительную рубашку.

ДНЕВНИК ДЖОНАТАНА ХАРКЕРА

29 сентября. В поезде по дороге к Лондону.

Когда я получил любезное извещение м-ра Биллингтона, что он даст мне всевозможные справки, я решил, что лучше всего поехать в Уайтби и на месте получить необходимые сведения. Моей целью было теперь выследить этот предва- рительный груз графа до его местонахождения в Лондоне. Позднее мы уже можем заняться самим графом. М-р Биллингтон приготовил в своей конторе все бумаги, касавшиеся отправки ящиков. Тут оказались: накладная на «50 ящи- ков простой земли, предназначенной для опытов», копия с письма Картеру Па- терсону и их ответ; я снял копии со всех документов. Вот все сведения, которые мне мог дать м-р Биллингтон, так что я спустился к порту и повидался с берего- вой стражей, таможенными чиновниками порта. У всех нашлось что сказать мне по поводу странного прибытия корабля, которое уже начинает мало-помалу ис- паряться из людской памяти; но никто не мог добавить чего-либо к несложному описанию «50 ящиков простой земли». Затем я повидался с начальником стан- ции, который дал мне возможность снестись с рабочими, принявшими ящики. Их квитанция совершенно сходилась со списком, и им нечего было добавить, кроме того, что ящики были «огромны и ужасно тяжелы».

30 сентября.

Начальник станции был настолько добр, что дал мне рекомендацию к сво- ему товарищу, начальнику станции в Кингс-Кросс, так что, приехав туда утром, я мог расспросить его о прибытии ящиков. Он сейчас же познакомил меня с нужными служебными лицами, и я увидел, что их квитанция сходилась с первичной накладной.

Оттуда я прошел в центральную контору Картера Патерсона, где меня встретили чрезвычайно любезно. Патерсон просмотрел дело в своем журнале, приказал снять копии и сейчас же протелефонировал в свою контору в Кингс- Кросс за дополнительными сведениями. К счастью, люди, перевозившие вещи, оказались там, и чиновник сейчас же прислал их мне, послав с одним из них на- кладную и все бумаги, имеющие отношение к отправке ящиков в Карфакс. Здесь я опять увидел полную согласованность с квитанцией; посыльные смогли до- полнить краткость написанных слов некоторыми подробностями. Эти послед- ние, как я вскоре увидел, относились почти исключительно к большому количе- ству пыли при работе и, соответственно, к вызванной в действующих лицах жа-

жде. После того как я доставил им возможность облегчения оной при посредстве государственного денежного знака, один из рабочих заметил:

— Это был, сударь, самый ветхий дом, какой я когда-либо видел. Черт возьми! Да его не трогали лет сто. Там было столько пыли, что вы могли бы спокойно спать на ней, не повредив ваших костей.

Ну а старая часовня — от нее пробегал мороз по коже! Господи, да я бы ни минуты не остался там, после того как стемнеет.

Одной вещью я теперь доволен: тем, что все ящики, прибывшие в Уайтби из Варны на «Дмитрии», были в целости перенесены в старую часовню Карфакса. Их должно быть там 50, если только некоторые из них с тех пор не были передвинуты с места.

Я постараюсь найти ломового, который увез ящики из Карфакса, когда Ренфилд напал на них. Держась за эту нить, мы можем многое узнать.

ДНЕВНИК МИНЫ ХАРКЕР

30 сентября.

Джонатан вернулся полный жизни, надежды и решимости; к вечеру мы привели все в порядок. Собственно говоря, следует жалеть всякого, которого так неустанно преследовали бы, как графа. Но ведь он — не человек, — даже не животное, он просто вещь. Достаточно прочесть отчет доктора Сьюворда о смерти бедной Люси и всего, что последовало, чтобы иссушить источник жалости в сердце.

Позднее.

Лорд Годалминг и м-р Моррис приехали раньше, чем мы их ожидали. Д-р Сьюворд отсутствовал по делу и взял с собой Джонатана, так что мне пришлось их принять. Встреча была слишком мучительна, так как напоминала нам все на-дежды бедной Люси несколько месяцев тому назад. Конечно, они слышали от Люси обо мне, и оказалось, что д-р Ван Хельсинг также «плясал под мою дудку», как выразился м-р Моррис. Бедные дети, ни один из них не знал, что мне известно все о предложениях, которые они делали Люси. Они не знали хорошенько, что говорить или делать, так как не были осведомлены, насколько я посвящена в то, что происходило; так что им пришлось держаться нейтральных вопросов. Как бы то ни было, я обдумала дело и пришла к заключению, что лучшее, что я могу сделать, — это ввести их всех в курс дела, обратив их внимание на хронологический порядок событий. Я знала из дневника д-ра Сьюворда, что он присутствовал при смерти Люси — ее настоящей смерти — и что мне нечего бояться выдать преждевременно какую-либо тайну. Так что я сказала им, как умела, что прочитала все бумаги и дневники и что мы с мужем, перепечатав все на машинке, только что привели их в порядок, я дала каждому из них по копии для чтения

в библиотеке. Когда Лорд Годаминг получил свою пачку и перечитал ее — а пачка получилась весьма солидная, — то сказал:

— Это вы переписали все это, мистрис Харкер?

Я кивнула головой.

Он продолжал:

— Я не совсем понимаю цель этого; но вы все такие хорошие люди и работали так сердечно и энергично, что мне остается лишь с закрытыми глазами принять ваши выводы и постараться помочь вам. Я уже получил урок, и такой урок, который может сделать человека скромным до последнего часа его жизни. Кроме того, я знаю, что вы любили мою бедную Люси. — Он отвернулся и закрыл лицо руками. Я расслышала слезы в его голосе. М-р Моррис с инстинктивной деликатностью положил на минуту руку на его плечо и затем спокойно вышел из комнаты.

Вероятно, в сердце каждой женщины живет чувство матери, потому что я, увидев горе и слезы этого большого, взрослого, выдержанного человека, не могла удержаться от того, чтобы подойти к нему и попытаться утешить. Мои слова о Люси вызвали сначала новый взрыв горя и слез, а потом мало-помалу он успокоился. Эта сцена стоила и мне слез, но она скрепила наши отношения, и, расставаясь, мы обменялись обещаниями быть друг для друга братом и сестрой.

Проходя по коридору, я увидела м-р Морриса, смотревшего в окно. Он обернулся, услышав мои шаги.

— Как Артур? — спросил он. Потом, заметив мои красные глаза, он продолжал:

— А, я вижу, вы его утешали! Бедный малый, ему это нужно. Никто, кроме женщины, не может помочь мужчине, когда у него сердечное горе; а его некому было утешить.

Он переносил свое собственное горе так мужественно, что мое сердце истекало за него кровью. Я видела рукопись в его руках и знала, что, прочитав ее, он поймет, как много я знала; так что я сказала ему:

— Я бы хотела иметь возможность утешить всех тех, кто страдает. Разрешите мне быть и вашим другом и приходите ко мне за утешением, когда вам это будет нужно. Вы узнаете потом, почему я так говорю.

Он увидел, что я говорю серьезно, и, подойдя ко мне, взял мою руку и поднес ее к своим губам; это показалось мне жалким утешением для такой мужественной и самолюбивой души; я инстинктивно наклонилась и поцеловала его. Слезы подступили к его глазам, — но заговорил он совершенно спокойным голосом:

— Маленькая девочка, вы никогда не раскаетесь в этой чистосердечной доброте!

Затем он прошел в кабинет к своему товарищу.

«Маленькая девочка» — это те самые слова, с которыми он обращался к Люси, — ей он доказал свою дружбу!

ГЛАВА XVIII

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА

30 сентября.

Я вернулся домой в 5 часов и узнал, что Годалминг и Моррис не только приехали, но уже успели проштудировать копии с различных дневников и писем, составленных и написанных Харкером и его женой. Харкер еще не вернулся из своей экспедиции. Мистрис Харкер дала нам по чашке чая, и я откровенно признаюсь, что в первый раз, с тех пор как я живу в нем, этот старый дом походил на домашний очаг. Когда мы кончили чаепитие, мистрис Харкер обратилась ко мне:

— Доктор Сьюворт, могу ли я попросить вас об одном одолжении? Я хочу видеть вашего пациента, м-ра Ренфилда. Позвольте мне повидаться с ним. Написанное о нем в вашем дневнике меня страшно интересует! Не было никакого основания для отказа; поэтому я взял ее с собой. Когда я вошел в комнату Ренфилда, то сказал ему, что его хочет видеть одна дама; на что он ответил совершенно просто:

— Зачем?

— Она обходит весь дом и хочет видеть всех его обитателей, — ответил я.

— Прекрасно, — сказал он, — пустите ее; но подождите минутку, пока я приведу все в порядок.

У него был своеобразный способ уборки: он попросту проглотил всех мух и пауков, заключенных в коробках, прежде чем я имел возможность остановить его. Было ясно, что он боялся или подозревал какое-то вмешательство. Окончив свое мерзкое занятие, он весело сказал:

— Пусть дама войдет, — и сел на краю постели, опустив голову, но поглядывая исподлобья, так чтобы видеть ее, когда она войдет. На минуту я подумал, что у него могло быть какое-нибудь преступное намерение; я вспомнил, как он был спокоен как раз перед своим нападением на меня в моем кабинете, и я постарался встать, так чтобы сразу схватить его, если бы он сделал

попытку броситься к ней. Она вошла в комнату с непринужденной грацией, подошла к нему с милой улыбкой и протянула руку.

— Добрый вечер, мистер Ренфилд, — сказала она. — Как видите, я знаю вас по рассказам доктора Сьюворда.

Он долго ничего не отвечал, но глаза его внимательно оглядели ее с ног до головы, а лицо было сосредоточенно нахмуренно. Постепенно это выражение сменилось удивлением, перешедшим в сомнение; затем, к моему великому изумлению, он сказал:

— Ведь вы не та девушка, на которой доктор хотел жениться, не так ли? Впрочем, вы не можете, знаете ли, быть ею, потому что она умерла.

Мистрис Харкер ответила с прелестной улыбкой:

— О нет! У меня есть собственный муж, за которого я вышла замуж, прежде чем мы встретились с доктором Сьювордом. Я — мистрис Харкер.

— Что же вы здесь делаете в таком случае?

— Мы с мужем гостим у доктора Сьюворда.

— Ну так не оставайтесь тут больше.

— Почему же?

Я подумал, что такого рода разговор так же мало приятен мистрис Харкер, как и мне, поэтому я переменял тему.

— Откуда вы знаете, что я собирался на ком-нибудь жениться?

Его ответ был дан после паузы, во время которой он на секунду перевел свои глаза с мистрис Харкер на меня, и сейчас же стал снова смотреть исключительно на нее:

— Что за ослиный вопрос!

— Я совершенно этого не нахожу, мистер Ренфилд, — сказала мистрис Харкер, желая помешать мне говорить с ним. Он ответил ей, высказывая к ней же столько почтительности и вежливости, сколько презрения ко мне:

— Вы, конечно, поймете, мистрис Харкер, что, когда человек так любим и уважаем, как наш хозяин, то все касающееся его интересует весь наш маленький круг. Д-р Сьюворд любим не только своими домашними и друзьями, но также и своими пациентами, из которых некоторые почти лишены душевного равновесия и способны исказить причины и следствия.

Я положительно рот разинул, услышав это. Мне интересно было узнать, не затронуло ли присутствие мистрис Харкер какую-нибудь струну в его памяти. Если эта новая фаза была самопроизвольной или вызвана ее бессознательным влиянием, у нее должен быть какой-нибудь редкий дар или сила.

Мы продолжали некоторое время наш разговор. Ренфилд еще больше поразил меня, рассказав мистрис Харкер в связной форме историю своего покушения на меня и выразив сожаление о случившемся. Посмотрев на часы, я увидел, что пора ехать на вокзал встречать Ван Хельсинга, и сказал мистрис Харкер, что пора уходить. Она сейчас же собралась, сказав любезно Ренсфильду:

— До свидания. Надеюсь видеться с вами часто при более благоприятных для вас обстоятельствах. На это, к моему глубокому удивлению, он ответил:

— Прощайте, милая! Молю Бога, чтобы мне больше никогда не пришлось увидеть ваше прекрасное лицо. Благослови и храни Он вас.

Отправляясь на вокзал навстречу Ван Хельсингу, я оставил всех дома. Бедный Артур выглядит веселее, чем я видел его с тех пор, как Люси заболела, а Квинси похож на вполне жизнерадостного человека, чего уже давно не было. Ван Хельсинг выскочил из вагона с юношеской живостью. Он сразу увидел меня и бросился ко мне со словами:

— Ну, Джон, как дела? Хороши? Так! Я был очень занят, так как решил приехать сюда и остаться здесь сколько понадобится. Все мои дела устроены, и мне о многом надо рассказать вам. Мадам Мина у вас? Да? А ее муж? А Артур и мой друг Квинси, они тоже у тебя? Прекрасно!

По дороге домой я рассказал ему о происшедшем и о том, как пригодился до некоторой степени мой дневник благодаря сообразительности мистрис Харкер. Профессор прервал меня и начал:

— Ах, эта удивительная мадам Мина! У нее мужской ум — и женское сердце. милосердный Бог предназначил ее для известной цели, устроив такое хорошее сочетание. До сих пор судьба делала из этой женщины нашу помощницу; но после этой ужасной ночи она не должна больше прикасаться к этому ужасному делу. Нехорошо, что ей приходится так сильно рисковать жизнью. Мы, мужчины, намерены уничтожить это чудовище; но это не дело женщины. Даже если это ей и не повредит, то все же ее сердце может не выдержать таких ужасов, а после этого она может страдать наяву от нервных припадков, а во сне — от кошмаров. К тому же она — молодая женщина — и недавно замужем; надо подумать и о других вещах, если не сейчас, то через некоторое время. Вы говорите, что она все переписала? Тогда она должна присутствовать при нашем разговоре; но завтра пусть она простится со своей работой, а мы будем продолжать ее сами.

Я с радостью согласился с ним и затем рассказал ему, что мы открыли в его отсутствие, а именно, что дом, который купил Дракула, находится рядом с моим. Он поразился, и мне показалось, что его охватила сильная тревога.

— О, если бы мы это знали раньше, — сказал он, — тогда мы могли бы схватить его раньше и тем спасти нашу бедную Люси. Однако спустя лето по малину не ходят, как говорят. Не будем думать об этом, но доведем дело до конца.

Затем он глубоко задумался; его молчание продолжалось до тех пор, пока мы не въехали в ворота моего дома. Прежде чем разойтись, чтобы переодеться к обеду, он сказал мистрис Харкер:

— Я узнал, мадам Мина, от моего друга Джона, что вы с мужем привели в полный порядок все бумаги, касающиеся того, что произошло до настоящего момента.

— Не до настоящего момента, профессор, — возразила она, — но до сегодняшнего утра.

— Но почему же не до этой минуты? Мы уже видели, как много света проливали даже незначительные вещи. Мы все рассказали свои тайны, и, однако, никому из рассказавших не сделалось хуже.

Мистрис Харкер покраснела и, вынув из кармана бумагу, сказала:

— Будьте добры прочитать это и сказать, следует ли это включить. Это мой протокол сегодняшнего дня. Я также видела необходимость вносить теперь все, даже пустяки; но здесь мало материала, за исключением имеющего чисто личное значение. Надо ли это вписать?

Профессор серьезно прочитал написанное и отдал ей обратно со словами:

— Оно могло бы и не быть включенным, если хотите; но я очень прошу вас включить это. Это только заставит вашего мужа еще больше полюбить вас, а всех нас, ваших друзей, еще больше чтить вас — также больше уважать и любить.

Она, покраснев вторично, взяла бумагу обратно.

Таким образом, все отчеты, имеющиеся в наших руках, полны и приведены в порядок. Профессор взял одну копию, чтобы познакомиться с ней после обеда до общей беседы, которая назначена на 9 часов. Все остальные уже прочитали все; так что, когда мы встретимся в кабинете, мы все будем осведомлены относительно фактов и сможем обсудить план борьбы с этим ужасным и таинственным врагом.

ДНЕВНИК МИНЫ ХАРКЕР

30 сентября.

Сойдясь вечером после обеда в кабинете д-ра Сьюворда, мы бессознательно образовали что-то вроде заседания или комитета. Профессор Ван Хельсинг был председателем, как его о том попросил д-р Сьюворд, лишь только он вошел в комнату. Меня он посадил рядом с собой и просил быть секретарем.

— Я могу, надеюсь, принять как основное положение, что мы все знакомы с фактами, изложенными в этих бумагах.

Мы все ответили утвердительно, и он продолжал:

— Я полагаю, что в таком случае хорошо будет сообщить вам кое-что о том, с какого рода врагом нам приходится иметь дело. Потом я посвящу вас в историю жизни этого человека, которая была мною тщательно проверена. Затем мы можем обсудить, как нам следует действовать и сообразно с этим принять меры.

На свете существуют — вампиры; некоторые из нас убедились воочию в их существовании. Даже если бы у нас не было собственного несчастного опыта, учения и свидетельства прежних времен достаточно убедительны для здравомыслящих людей. Сознаюсь, что сначала я был скептиком. Увы, знай я с самого начала то, что знаю теперь — догадайся я раньше, — одна драгоценная для всех нас жизнь была бы спасена на радость всем любившим ее. Но это, к сожалению, невозможно; и мы должны работать, чтобы не дать погибнуть другим душам, пока еще есть возможность их спасти. Вампир не умирает, как пчела, после того как раз ужалит. Он только крепнет; а делаясь сильнее, приобретает способность творить еще больше зла. Этот вампир, живущий среди нас, сам по себе имеет силу 20 человек; он хитрее смерти, потому что его хитрость — плод

веков; все люди, к которым он может приблизиться, в его власти; он — зверь, даже больше, чем зверь, так как он дьявол во плоти; он может в предоставленных ему пределах появляться где и когда угодно и в любой свойственной ему форме; он может управлять стихиями: бурей, туманом, громом; он может повелевать низшими существами: крысами, совами, летучими мышами, молью, лисицами, волками; он может увеличиваться и уменьшаться в объеме; он может временами исчезать и неожиданно появляться. Каким же образом мы можем вступить с ним в борьбу и начать наше дело? Как мы найдем его местопребывание? А найдя его, как мы сможем уничтожить его? Друзья мои, это очень трудно; мы предпринимаем ужасную задачу, и могут встретиться явления, которые заставят нас сильно содрогнуться. Если мы хоть на минуту потеряемся в этой борьбе, он наверняка победит; и тогда что станет с нами? Жизнь — пустяк! Но быть побежденными в данном случае — не только вопрос жизни или смерти. Дело в том, что мы уподобимся ему и что с минуты его победы мы превратимся в таких же бездушных существ, как и он, — без сердца и совести, питающихся телами и душами тех, которых больше всего любим. Для нас навеки будут закрыты райские двери; ибо кто их вновь откроет для нас? Мы будем вести существование отвергнутых всеми; мы сделаемся темным пятном на фоне божественного сияющего солнца; стрелой в борьбе против Того, Кто умер за нас всех. Но мы стоим лицом к лицу со священной обязанностью; а разве в таком положении можно отступать? За себя я скажу — нет; но я стар, и жизнь со своим солнечным светом, со своими сияющими днями, со своим пением птичек, музыкою и любовью осталась далеко позади меня. Вы же все — молоды. Некоторые из вас близко познали печаль; но вам предстоит еще немало прекрасных дней. Что же вы мне ответите?

Когда профессор закончил, муж посмотрел мне прямо в глаза, я ответила тем же; слов не нужно было.

— Я отвечаю за Мину и за себя, — сказал он.

— Рассчитывайте на меня, профессор, — сказал лаконично м-р Квинси Моррис.

— Я с вами, — сказал лорд Годалминг, — ради Люси, если не по другой причине.

Д-р Сьюворт просто кивнул головой. Профессор встал и, положив на стол золотое распятие, протянул руки в обе стороны. Мы все взяли друг друга за руки. Таким образом был заключен наш торжественный союз. Я чувствовала, что сердце у меня похолодело; но мне даже в голову не пришло отступить. Мы сели опять на свои места, и Ван Хельсинг продолжал:

— Итак, вы знаете, с чем нам предстоит бороться, но мы также не лишены силы. На нашей стороне власть единения — власть, которой породе вампиров лишена; в наших руках научные источники; мы можем свободно мыслить и действовать, и часы дня и ночи — совершенно одинаково — принадлежат нам. В общем, поскольку наши силы в нашей власти, мы можем свободно пускать их в ход.

У нас есть самоотвержение и цель, достижение которой — бескорыстно. Все это имеет громадное значение.

Теперь посмотрим, до какой степени организованы противные нам силы, в чем слабая сторона вампира, наконец, рассмотрим ограничения вампиров вообще и нашего в частности.

Все, с чем нам приходится считаться, — это традиции и суеверия. Сначала они представляются не имеющими большого веса, но, когда дело идет о жизни и смерти, — все имеет иное значение. Тем не менее мы должны довольствоваться этим в силу необходимости, так как, во-первых, мы не имеем под руками других средств, а во-вторых, в такого рода вещах традиции и суеверия, — в сущности, все. Разве вера в вампиров не суеверие? А между тем нам приходится поневоле верить в их существование. Кто из нас год тому назад допустил бы возможность существования таких явлений в наш научно-скептический, требующий только фактов девятнадцатый век? Мы даже насмеялись над верованием, которое подтвердилось у нас на глазах. Примите же в таком случае и веру в то, что вампир и учение о его ограничениях и способах искоренения пока существуют в природе. Ибо позвольте вам сказать, что он известен повсюду в обитаемых местах. О нем писали в Древней Греции и Древнем Риме; он процветал во всей Германии, во Франции, в Индии и даже в Херсонесе, даже в Китае, который так отдален от нас, даже там он существовал. И люди боятся его до сих пор. Он сопутствовал появлению исландцев, возникновению дьяволов-гуннов, славян, саксонцев, мадьяр. Так что пока у нас есть данные, на основании которых мы можем действовать; а кроме того, позвольте обратить ваше внимание на то, что многие из этих верований подтверждаются нашим собственным несчастным опытом. Вампир живет и не может умереть, как люди, которые умирают только потому, что пришло их время; он может процветать, когда у него есть случай жиреть от крови живых. Даже больше, мы знаем на основании наших собственных наблюдений, что он может даже молодеть; его жизненные способности становятся деятельнее, и кажется, будто они обновляются, когда его специальный корм в изобилии. Но он не может процветать без этой диеты; он не ест, как другие. Даже друг Джонатан, живший с ним несколько недель, никогда не видел, как он ест, никогда! Он не отбрасывает тени, он не дает отражения в зеркале, опять-таки по наблюдениям Джонатана. В его руках сконцентрирована сила многих людей, — о чем опять-таки свидетельствует Джонатан, судя по тому, как граф закрыл дверь от волков или помог ему сойти с дилижанса. Он может превращаться в волка, как мы знаем по сведениям о прибытии корабля в Уайтби, когда он разорвал собаку; он может уподобиться летучей мыши, как свидетельствует мадам Мина, которая видела его в окне в Уайтби, и друг Джон, который видел его вылетающим из соседнего дома, и друг Квинси — у окна мисс Люси. Он может окружать себя туманом, который он сам вызывает, — об этом свидетельствует благородный капитан корабля; но, как мы знаем, расстояние, на каком он может создать этот туман, ограничено; и он может появляться

только вокруг него. Он появляется в лунных лучах в виде пыли, опять-таки так, как Джонатан видел это в замке Дракулы при появлении сестер. Он может бесконечно уменьшаться, так как мы знаем, что мисс Люси, когда была вампиром, проскальзывала сквозь отверстие толщиной с волос у дверей склепа. Он может, если он однажды нашел свою дорогу, выходить откуда бы то ни было и входить куда угодно. Он может видеть в темноте. Он может проделывать все эти вещи, но тем не менее он несвободен. Нет, он даже больше в плену, чем раб на галере, чем безумный в своей камере. Он не может идти куда хочет; он — выродок природы — должен подчиняться, однако, некоторым законам природы. Почему? — Этого мы не знаем. Он не может никуда войти, пока кто-нибудь из домочадцев не пригласит его, хотя потом он уже может входить когда угодно. Его сила исчезает с наступлением дня, как всякая нечистая сила. Только в известное время у него бывает ограниченная свобода, так, например, если он находится не на месте, с которым связан, то может превращаться только в полдень или точно в моменты захода или восхода солнца. Все это нам точно известно, и в настоящем нашем докладе мы имеем доказательства всего этого. Таким образом, все фокусы и превращения доступны для него, разумеется, в отведенных ему пределах, но только тогда, когда он находится в своем земном доме, в гробу — доме, заменяющем ему преисподнюю, во всех же остальных случаях он может превращаться только в известный час. Кроме того, утверждают, что он может переходить через проточную воду только в часы прилива или отлива. Затем есть предметы, обладающие свойством лишать его силы, как, например, чеснок; что же касается таких священных предметов, как это мое распятие, которое объединяет нас в принятом нами решении, то для вампиров они не имеют никакого значения, хотя, встретив или увидев их на своем пути, вампиры стараются поместиться подальше от них и относятся к ним с молчаливою почтительностью. Есть и другие вещи, о которых я вам расскажу в том случае, если они нам понадобятся в наших поисках. Ветка шиповника, положенная на гроб вампира, не дает ему выйти из него; освященная пуля, выпущенная в гроб, убивает его действительно насмерть. Что же касается прокалывания вампира, то мы уже имели случай убедиться в недействительности этого средства; отрезанная голова дает ему покой. Мы и это видели собственными глазами.

Таким образом, если мы найдем жилище этого бывшего человека, мы сможем лишить его возможности покидать свой гроб и уничтожить его, если мы будем точно следовать тому, что нам известно. Но он умен. Я просил своего друга Арминиуса, профессора Будапештского университета, дать мне о нем сведения; он навел справки по всем имеющимся в его распоряжении материалам и сообщил мне о том, кем он был. По-видимому, наш вампир был, должно быть, тем самым воеводой Дракулой, который прославил свое имя в войне с турками из-за великой реки на самой границе Турции. Если это в действительности так, то он не был обыкновенным человеком, так как и в те времена и много веков спустя о нем шла слава как о хитрейшем и лукавейшем

человеке из Залесья. Этот могучий ум и железная решительность ушла с ним за пределы его земной жизни и теперь направлена против нас. Дракулы были, — пишет мне Арминиус, — знаменитым и благородным родом, хотя среди них появлялись иногда отпрыски, которых современники подозревали в сношениях с лукавым. Они познакомились с тайной наукой в горах над Германштадтским озером, где дьявол берет себе в качестве дани десятого человека в ученики. В рукописях встречаются такие слова, как: «стрегонка» — «ведьма»; «ордог и покал» — «сатана и ад»; а в одной рукописи об этом самом Дракуле говорится как о «вампире», что нас с вами теперь вряд ли удивит. В числе его потомства есть великие мужи и великие женщины, могилы которых почитаются священными местами, а между тем там же, на кладбище, гнездится и эта скверность. Ибо не последним из ужасов является то обстоятельство, что это лукавое существо живет в тесной близости со всем добрым; в безлюдной же почве святых воспоминаний для него не существует отдыха.

Во время этого доклада м-р Моррис сосредоточенно смотрел в окно, затем неожиданно встал и вышел из комнаты. Наступило долгое молчание, затем профессор продолжал:

— А теперь мы должны решить, что делать! У нас много данных, надо заняться приготовлениями к нашей кампании. Мы знаем из расспросов Джонатана, что из замка в Уайтби прибыло 50 ящиков земли, которые все были приняты в Карфаксе; мы знаем также, что по крайней мере некоторые из этих ящиков были перенесены в другое место. Мне кажется, что прежде всего мы должны принять меры к установлению факта, остались ли остальные ящики в доме за стеною, которая граничит с нашим домом.

В эту минуту нас неожиданно прервали. С улицы раздался звук пистолетного выстрела; окно было раздроблено пулей, которая рикошетом от верха амбразуры ударилась о противоположную стену комнаты. Боюсь, что я в душе трус, потому что я вскрикнула. Мужчины вскочили на ноги, лорд Годалминг бросился к окну и открыл его. В это время мы услышали с улицы голос м-ра Морриса:

— Жалко! Простите, я, должно быть, испугал вас. Сейчас я вернусь — и расскажу вам, в чем дело.

Через минуту он вошел и сказал:

— Это было очень глупо с моей стороны; очень извиняюсь, мистрис Харкер; боюсь, что я вас страшно испугал. Но дело в том, что, в то время как профессор говорил, сюда прилетела огромная летучая мышь и уселась на подоконник. Под влиянием событий последнего времени у меня такое отвращение к этим проклятым животным, что я не могу выносить их вида, поэтому я пошел и выстрелил в нее, как поступаю теперь всегда, когда вижу их вечером или ночью. Ты еще смеялся надо мной по этому поводу, Арч!

— Попали ли вы в нее? — спросил Ван Хельсинг.

— Не знаю; думаю, что нет, так как она улетела в лес.

Не сказав больше ни слова, он снова сел на свое место, а профессор начал резюмировать свой доклад:

— Мы должны выследить местонахождение каждого из этих ящиков; и когда мы с этим покончим, то должны или взять в плен, или убить чудовище в его логовище; или же должны, так сказать, «стерилизовать» его землю, чтобы он не мог в ней больше укрываться. Тогда в конце концов мы можем его найти в человеческом образе в промежутке между полуднем и заходом солнца и овладеть им в такое время, когда он слабее всего.

Что же касается вас, мадам Мина, то эта ночь будет последним этапом, в котором вы принимаете участие. Вы слишком дороги нам всем, чтобы мы могли позволить вам подвергаться риску; вы не должны нас больше ни о чем расспрашивать. Мы обо всем скажем вам в свое время. Мы мужчины и способны к выносливости; но вы должны быть нашей звездой, и мы будем действовать тем свободнее, чем больше будем уверены, что вы вне той опасности, которой мы подвергаемся.

Все мужчины, даже Джонатан, казалось, почувствовали облегчение; но мне показалось нехорошим, что они будут подвергаться опасности и, может быть, даже вредить себе, заботясь обо мне, так как отвлекут этим часть своих сил от борьбы; они твердо решили это, и, хотя пилюля показалась мне очень горькой, я ничего не могла возразить им, и мне оставалось только принять их рыцарскую заботливость по отношению к себе.

М-р Моррис прекратил дебаты:

— Так как нам нельзя терять времени, то я предлагаю сейчас же хорошенько осмотреть тот дом. В этом деле время — все, и быстрота действий с нашей стороны может спасти новую жертву.

Сознаюсь, что сердце у меня упало, когда приблизилось время принимать-ся за работу, но я не сказала ничего, опасаясь больше всего сделаться им в тягость и помехой в работе, чтобы они меня совсем не отстранили даже от своих совещаний.

Итак, они решились направиться к Карфаксу, с тем чтобы пробраться в дом.

Как истые мужчины, они предложили мне лечь спать, точно женщина может заснуть, когда тот, кого она любит, находится в опасности! Я лягу и при-творюсь спящей, чтобы Джонатан не волновался, когда вернется.

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА

1 октября. 4 часа после полудня.

Мы только что собрались выйти из дому, как мне принесли спешное послание от Ренфилда, спрашивавшего, не может ли он меня повидать сейчас же, так как ему надо сообщить мне нечто чрезвычайно важное. Я поручил посланному передать ему, что в настоящую минуту я очень занят. Служитель добавил:

— Он, по-видимому, очень нуждается в этом, сэр. Я никогда еще не видел его в таком состоянии нетерпения. Я не берусь предсказывать, что будет,

но полагаю, что, если вы с ним не повидаетесь, то с ним опять сделается один из его страшных припадков.

Я знал, что этот человек не сказал бы этого без основания, поэтому я ответил:

— Хорошо, я приду сейчас, — и попросил остальных подождать меня несколько минут, так как мне надо сходить навестить пациента.

— Возьми нас с собою, Джон, — сказал профессор, — его случай по описанию в твоём дневнике сильно интересовал меня, и к тому же он имеет некоторое отношение к нашему делу. Я очень хотел бы повидать его особенно тогда, когда его душевное равновесие нарушено.

— Можно нам также пойти? — спросил лорд Годалминг и м-р Моррис.

Я кивнул, и мы все вместе пошли по коридору.

Мы нашли Ренфилда в возбужденном состоянии, но гораздо разумнее в разговоре и манерах, чем я его видел раньше.

Его требование заключалось в том, чтобы я немедленно выпустил его из больницы и отправил домой. Он подкреплял свое требование аргументами, доказывавшими, по его мнению, его полное выздоровление, и обращал мое внимание на свою полную нормальность.

— Я взываю к вашим друзьям, — добавил он, — может быть, они не откажутся высказать свое мнение по моему делу, хотя, к слову сказать, вы забыли нас познакомить.

Я был настолько удивлен, что странность претензии сумасшедшего, находящегося в доме умалишенных, на то, чтобы ему представили посетителей, не поразила меня в эту минуту; и к тому же в его манере держать себя было известного рода достоинство, как у человека, привыкшего к обращению с равными себе, так что я сейчас же представил их друг другу. Он пожал всем руки, говоря каждому по очереди:

— Лорд Годалминг, я имел честь быть одно время помощником вашего отца в Уиндгаме; очень огорчен узнать, что, судя по вашему титулу, его уже нет в живых. Все знавшие его любили и уважали его; в молодости он изобрел, как я слышал, жженный пунш из рома; он бывает сильно в ходу в ночь перед дерби.

— М-р Моррис, вы должны гордиться своим состоянием и высоким положением. Признание их Соединенными Штатами является прецедентом, могущим иметь большие последствия, когда полюс и тропики присягнут в верности звездам, то есть национальному американскому флагу.

— О, как мне выразить свое удовольствие при встрече с профессором Ван Хельсингом? Сэр, я не извиняюсь за то, что не произносил в честь вас приличных случаю предисловий. Когда человек произвел революцию в области терапии своим открытием бесконечной эволюции в мировой субстанции, обычные разговорные формы неуместны, раз они пытаются ограничить его одним классом. Вас, джентельмены, которые национальностью, наследственностью или врожденными дарованиями предназначены для уважаемых положений в этом мире, я призываю в свидетели, что я нормален настолько, по крайней

мере, насколько нормально большинство людей, пользующихся полной свободой. И я уверен, что вы, д-р Сьювора, гуманный и юридически образованный врач, сочтете своим нравственным долгом обращаться со мною как с человеком, заслуживающим исполнения своей просьбы...

Я думаю, что мы все опешили. Я, по крайней мере, был убежден, несмотря на мое знание характера и истории болезни этого человека, что к нему вернулся рассудок, и у меня было сильное желание сказать ему, что я удовлетворен состоянием его здоровья и позабочусь о формальностях, необходимых для его освобождения на следующее утро. Все же я решил, что лучше подождать немного с решением такого важного вопроса, так как я давно знал на основании прежнего опыта о внезапных переменах, которым был подвержен этот больной. Поэтому я ограничился тем, что констатировал наличие быстрого выздоровления, сказав, что побеседую с ним об остальном утром и тогда посмотрю, что смогу сделать в направлении его желаний. Это его совсем не удовлетворило, и он быстро сказал:

— Я боюсь, д-р Сьювора, что вы едва ли поняли меня как следует. Я хочу уехать сейчас — немедленно — в этот же час — в эту же минуту, если можно. Время не терпит. Я уверен, что стоит только высказать такому великолепному практику, как д-р Сьювора, такое простое и в то же время такое важное желание, чтобы быть обеспеченным в его исполнении.

Он зорко посмотрел на меня и, заметив на моем лице отрицательное отношение, посмотрел на других, точно испытывая их. Не получив удовлетворительного ответа, он продолжал:

— Неужели я ошибся в своем предположении?

— Да, ошиблись, — сказал я откровенно, но почувствовал, что сказал это грубо.

Наступило продолжительное молчание, после которого он медленно сказал:

— В таком случае позвольте мне привести вам основания моего требования. Позвольте мне просить о такой уступке, о милости, о привилегии — как хотите. Я в данном случае готов просить не из каких-либо личных целей, но ради других. Я не вправе сообщать вам полностью все свои причины; но вы можете, уверяю вас, поверить мне, что это хорошие, честные и бескорыстные причины, основанные на высочайшем чувстве долга. Если бы вы могли, сэр, заглянуть в мое сердце, вы бы вполне одобрили чувства, руководящие мною. Даже больше, вы стали бы считать меня своим лучшим и преданнейшим другом.

Опять он испытующе посмотрел на нас! У меня росло убеждение, что эта внезапная перемена в его вполне логичной манере выражаться была лишь новой формой или фазой сумасшествия, и поэтому решил дать ему продолжать еще немного, зная по опыту, что в конце концов, как все сумасшедшие, он выдаст себя. Ван Хельсинг смотрел на него с крайне сосредоточенным видом, его пушистые брови почти сошлись, до того он нахмурился. Он сказал Ренфилду тоном, на который я не обратил внимания в данный момент, но которому

я немало удивлялся впоследствии, когда вспоминал о нем, — потому что он вполне походил на обращение к равному себе:

— Можете ли вы мне откровенно сообщить настоящую причину вашего желания быть освобожденным именно сегодня? Я ручаюсь, что если со свойственной вам откровенностью вы удовлетворите меня — незнакомца без предрассудков, то д-р Сьювора даст вам на свой собственный страх и ответственность привилегию, которой вы добиваетесь.

Ренфилд грустно покачал головой с выражением глубокого сожаления на лице.

Профессор продолжал:

— Послушайте, сэр, образумьтесь! Вы требуете, чтобы к вам относились как к вполне выздоровевшему человеку, вы стараетесь импонировать нам своей полной нормальностью. И это делаете вы, в выздоровлении которого мы имеем основание сомневаться, так как вы еще не освобождены от медицинского ухода, вызванного вашей болезнью. Если вы не поможете нам в нашем усилии выбрать правильный образ действий, то как сможем мы выполнить те обязанности, которые вы на нас же возлагаете?

Будьте благоразумны и помогите нам; и, если это будет в наших силах, мы поможем вам исполнить ваше желание.

Ренфилд продолжал качать головой и ответил:

— Мне нечего сказать, профессор. Ваши аргументы очень убедительны, и я не колебался бы ни минуты, если бы имел право; но в данном случае я несвободен. Я могу только просить вас верить мне. Если я получу отказ, то ответственность за то, что случится, будет лежать не на мне.

Я решил, что время прекратить эту сцену, которая становилась слишком трагикомической, и поэтому направился к двери, сказав:

— Идемте, друзья мои, у нас есть дело. Спокойной ночи, Ренфилд.

Однако, когда я дошел уже почти до двери, с пациентом произошла новая перемена. Он так быстро подошел ко мне, что у меня моментально зародилось подозрение, не собирается ли он вторично сделать попытку напасть на меня. Мои опасения, однако, были неосновательны, так как он умоляюще простер ко мне обе руки и начал жестами выражать ту же свою просьбу об освобождении. Хотя он заметил, что эти движения вредили ему в нашем мнении, так как наводили нас на мысль о новом припадке, он все же продолжал умолять меня. Я посмотрел на Ван Хельсинга и увидел в его глазах подтверждение своего мнения, поэтому я сделался несколько сдержаннее, продолжая быть настороже, и сказал Ренфилду, что все его усилия напрасны. Я и раньше замечал у него нечто похожее на это возрастающее волнение именно в тех случаях, когда он добивался исполнения какого-нибудь из своих многочисленных фантастических требований, например, в том случае, когда ему нужна была кошка; я полагал, что после категорического отказа он впадет в ту же угрюмую покорность, как и в предыдущих случаях. Мои ожидания не оправдались; убедившись, что просьба его не будет исполнена, он впал в неистовство. Он бросился на коле-

ни, протягивал ко мне руки, ломал их в жалобной мольбе, по его щекам катились слезы, а все лицо и фигура его выражали глубочайшее волнение.

— Позвольте умолять вас, д-р Сьюворт, о, позвольте взывать к вам, чтобы вы выпустили меня сейчас же из этого дома. Вышлите меня как и куда хотите; пошлите со мной сторожей с кнутами и цепями; пусть они увезут меня в смиренной рубахе со связанными руками и закованными в железо ногами хотя бы в тюрьму, но выпустите меня отсюда! Я говорю из глубины сердца — и самой души. Вы не знаете, кому и как вы вредите; а я не могу вам сказать! Горе мне! Я не могу сказать! Но во имя всего для вас святого — дорогого — в память вашей разбитой любви — во имя живущей еще в вас надежды — ради Всемогущего возьмите меня отсюда и спасите от зла мою душу! Неужели вы не слышите меня, человек? Не понимаете? Неужели вы никогда не узнаете? Разве вы не видите, что теперь я здоровый, нормальный человек, борющийся за спасение своей души? О, послушайте меня! Послушайте меня! Отпустите! Отпустите! Отпустите!

Я решил, что чем больше это будет продолжаться, тем он больше будет неистовствовать и дойдет до припадка; поэтому я взял его за руку и поднял его с колен.

— Довольно, — сказал я строго, — довольно; я уже достаточно насмотрелся. Ложитесь в постель и постарайтесь вести себя приличнее.

Он неожиданно затих и внимательно взглянул мне прямо в глаза. Потом, не говоря ни слова, встал и, медленно передвигаясь, пошел и сел на край кровати. Покорность пришла так же неожиданно, как и в предыдущих случаях.

Когда я уходил из комнаты, последним из всей компании, он сказал мне спокойным голосом благовоспитанного человека:

— Вы отдадите мне справедливость со временем, д-р Сьюворт, что сегодня я сделал, все, что было в моих силах, чтобы убедить вас.

ГЛАВА XIX

ДНЕВНИК ДЖОНАТАНА ХАРКЕРА

1 октября. 5 часов дня.

Мы с легким сердцем отправились на поиски вампира, потому что оставили Мину в прекрасном настроении духа. Я так рад, что она согласилась остаться и предоставить работу нам, мужчинам. Мне как-то страшно становилось при мысли, что она вообще принимает участие в этом ужасном деле; но теперь, когда ее работа кончена и когда благодаря ее энергии, сообразительности и предусмотрительности вся история связана в одно целое, — она может чувствовать, что ее дело сделано — и что с этого времени она может предоставить остальное нам. Все мы были несколько взволнованы сценой с Ренфилдом. Выйдя от него, мы до самого возвращения в кабинет не обмолвились ни единым словом. Затем м-р Моррис сказал доктору Сьюворду:

— Послушай, Джон, мне кажется, что если этот человек не замышлял какой-нибудь выходки, то он нормальнейший из сумасшедших, которых я когда-либо встречал. Я не вполне в этом уверен, но мне сильно кажется, что у него была какая-то серьезная цель, и если это верно, то, пожалуй, жаль, что вышло не по его желанию.

Мы с лордом Годалмингом молчали, но доктор Ван Хельсинг добавил:

— Ты больше меня знаешь о сумасшедших, Джон, и я рад этому; так как я боюсь, что если бы мне пришлось решать вопрос о его освобождении, то я освободил бы его, конечно, до того истерического припадка, который мы наблюдали в конце вечера. Но век живи — век учись, и в данном случае не надо было давать подачки, как выразился бы мой друг Квинси. Что ни делается — все к лучшему.

Доктор Сьюворд ответил:

— Не знаю! Но я, пожалуй, согласен с тобою! Если бы этот человек был обыкновенным сумасшедшим, я бы решился поверить ему; но он, по-видимому,

так связан с графом каким-то непонятным образом, что я боюсь повредить нашему предприятию, потакая его выходкам. Не могу забыть, как он молил о кошке, а затем почти с такой же страстностью пытался перегрызть мне зубами горло. Кроме того, он называл графа «господин и повелитель». Он хочет выйти, чтобы помочь ему каким-нибудь бесовским образом. Наш отвратительный вампир имеет в своем распоряжении волков, и крыс, и всю свою братию; я думаю, что он не побрезгует обратиться к помощи почтенного умалишенного. Хотя, по правде говоря, он, по-видимому, говорил совершенно связно. Надеюсь только, что служители поступили лучше, чем раньше, и не дали ему возможности бежать. А не то в связи с предстоящей нам дикой работой, способной истощить человека, может получиться большая неприятность.

— Не волнуйся, друг Джон, — ответил профессор, — мы все стараемся исполнить свой долг в этом печальном и ужасном случае; каждый из нас поступает так, как ему кажется лучше. Но что же нам остается еще, кроме надежды на милосердие всемилостивого Бога?

Лорд Годалминг вышел на несколько минут из комнаты и вернулся, держа в руках маленький серебряный свисток.

— Эта старая дыра, — сказал он, — вероятно, полна крыс; на всякий случай я захватил с собой предохранительное средство.

Обойдя стену, мы направились к дому, стараясь держаться в тени деревьев. Когда мы подошли к подъезду, профессор открыл свой мешок и вынул множество предметов, которые разложил на ступеньках, рассортировав их на 4 маленькие кучки, предназначавшиеся, по-видимому, для каждого из нас. Затем он сказал:

— Друзья мои, мы идем на очень рискованное предприятие, и нам нужно всевозможное оружие. Наш враг силен не только как дух. Помните, что он обладает силой 20 человек и что, в то время как наши шеи и глотки обыкновенного типа — и, следовательно, весьма хрупки и легко уязвимы, его тело не поддается простой силе. Более сильный человек, чем он или кучка людей, которые в совокупности сильнее его, могут на известное время его удержать; но все же они не могут так повредить ему, как он нам. Поэтому даже лев должен остерегаться его прикосновения. Храните это у вашего сердца, — сказал он, подняв небольшое распятие и протянув его мне, так как я был к нему ближе всех. — Наденьте эти цветы себе на шею, — протянул он мне венок увядших цветов чеснока, — а для других, обычного типа врагов — возьмите этот револьвер и нож; на всякий же случай вот вам крошечные электрические лампочки, которые вы можете прикрепить себе на грудь; но важнее и выше всего вот это оружие; но мы не должны расточать его понапрасну.

Это был маленький кусок освященной облатки, которую он положил в конверт и передал мне.

— Теперь, — добавил он, — Джон, скажи-ка, где отмычки? Если нам не удастся отпереть дверь, то придется вламываться в дом через окно, как было однажды у мисс Люси.

Д-р Сьювора попробовал несколько отмычек, причем его хирургическая практика сослужила ему немалую службу. Он быстро нашел подходящую и открыл дверь.

— *In manus tuas, Domine!*¹ — сказал профессор, переступая через порог и осеняя себя крестным знамением.

Мы закрыли за собою дверь, чтобы не привлекать ничьего внимания, когда зажжем свои лампочки. Профессор осторожно попробовал замок, чтобы узнать, сможем ли мы его отпереть без затруднений, если будем торопиться к выходу. После этого мы все зажгли свои лампочки и приступили к поискам. Я никак не мог отделаться от ощущения, что с нами был еще кто-то. Вероятно, это было следствием воспоминания, неотвязно жившего в моей душе, о жуткой обстановке, при которой произошли эти ужасные явления в Трансильвании. Мне кажется, что это чувство было общее для всех нас, так как я заметил, что и остальные, так же как и я, то и дело оглядывались при каждом звуке, каждой новой тени, при каждом шорохе.

Все окружавшее нас было покрыто густым слоем пыли. Пол казался покрытым ею на несколько вершков, за исключением тех мест, где видны были свежие следы и где я мог различить, освещая затвердевшую пыль своей лампочкой, отпечатки гвоздей с широкими шляпками. Стены были также покрыты слоем пыли, а по углам была масса паутины. В зале на столе лежала большая связка ключей с пожелтевшими от времени ярлыками на каждом из них. По-видимому, ими несколько раз пользовались, потому что на пыльном покрывале стола было несколько одинаковых следов, подобных тому, который образовался после того, как профессор поднял их. Он повернулся ко мне и сказал:

— Ты знаком с этим местом, Джонатан? Ты снимал с него план, и оно тебе, во всяком случае, более знакомо, чем нам. Где дорога к часовне?

Я имел смутное представление, где находится часовня, хотя в прошлое свое посещение так и не мог добраться до нее. В конце концов после нескольких неверных поворотов я нашел дорогу и очутился против низкой сводчатой дубовой двери, обитой железными полосами.

— Вот это где, — сказал профессор, осветив своей лампой маленький план дома, скопированный из книг моей собственной корреспонденции, относящейся к найму дома. С небольшим затруднением мы отыскиали в связке нужный нам ключ и отперли дверь. Мы готовились к крупной неприятности, потому что, в то время как мы открывали дверь, сквозь щель крался слабый отвратительный запах, но никто из нас не ожидал той вони, которая ударила нам в нос. Никто из остальных не встречал близко графа, а когда я видел его, то он либо находился в своих комнатах, но в стадии поста, либо если был упитан свежей кровью, то находился в разрушенных зданиях на открытом сквозняке; здесь же помещение было небольшое и закрытое, а кро-

¹ В твои руки, о Господь! (*лат.*)

ме того, из-за того что в нем десятки лет никто не жил, воздух сделался затхлым и зловонным. В воздухе носился землистый запах каких-то гниющих миазмов, вызывавший тошноту.

При обычных условиях такое зловоние заставило бы нас бросить это предприятие; но этот случай был не из обыкновенных, а высокая и ужасная цель, к которой мы стремились, вливала в нас поднимающую нас ввысь силу, которая была сильнее простых физических неприятностей. После невольного содрогания, охватившего нас при первой отвратительной струе воздуха, мы все как один человек принялись за работу, словно это отвратительное место было садом, наполненным розами. Мы произвели подробный осмотр местности, перед началом которого профессор сказал:

— Нам предстоит, во-первых, проверить сколько осталось ящиков; затем мы должны исследовать каждую дыру, каждую щель, каждый угол и посмотреть, не можем ли мы найти какого-нибудь ключа к тому, что произошло с остальными ящиками.

Достаточно было одного взгляда, чтобы узнать, сколько осталось, потому что ящики с землей были громадного размера и не могли остаться незамеченными.

Из пятидесяти осталось всего двадцать девять!

У меня был момент ужаса, потому что, заметив, что лорд Годалминг внезапно повернулся и посмотрел вдаль темнеющего прохода, я также взглянул туда — и на минуту у меня замерло сердце. Мне показалось, что я вижу силуэт графа, вырисовывающийся в тени; я отчетливо увидел лукавое, мертвенно-бледное лицо его, с частью горбатого носа, красными глазами, красными губами. Это продолжалось всего одно мгновение, потому что, когда лорд Годалминг сказал:

«Мне показалось, что я видел чье-то лицо, но это только игра теней», — и возобновил свои расследования, я направил свет моей лампочки по указанному направлению и пошел в проход. Я не нашел и следа кого бы то ни было; а так как там не было ни углов, ни дверей, ни малейшей скважины, а только лишь одни капитальные толстые стены, то, следовательно, ему некуда было и скрыться. Я решил, что страх сыграл на руку воображению, и не сказал ничего своим спутникам.

Несколько минут спустя я увидел, как Моррис внезапно попятился от угла, который исследовал. Мы все инстинктивно повернули головы в его сторону, так как не подлежало никакому сомнению, что мы были нервно настроены и увидели массу фосфоресцирующих точек, мерцавших, как звезды. Все мы невольно попятись, увидев, как угол буквально наводнился крысами.

Минуту или две мы стояли без движения, но лорд Годалминг, который, по видимому, приготовился к такого рода встрече, подошел к огромной, обитой железом дубовой двери, наружную сторону которой доктор Сьювора описал в своем дневнике, повернул ключ в замке, вынул огромные засовы и растворил ее настеж. Затем, вынув из кармана маленький серебряный свисток он рез-

ко и пронзительно свистнул. Ему ответил лай собак из-за дома д-ра Сьюворда, и приблизительно через минуту из-за угла примчались три фокстерьера. Мы бессознательно подвинулись к двери; я случайно заметил, что в этом месте пыль была сильно сбита: по-видимому, недостающие ящики проносились этим путем. Но даже за эту минуту количество крыс возросло. Собаки бросились к нам, но на пороге дома вдруг остановились, зарычали, затем, одновременно задрав носы, начали выть самым зловещим образом.

Лорд Годалминг взял одну из собак и, внеся ее, опустил на пол. Лишь только ее ноги коснулись земли, к ней вернулась ее природная храбрость и она кинулась на своих естественных врагов. Они обратились в такое быстрое бегство, что, прежде чем она успела загрызть одну, другим собакам, которых пришлось внести таким же образом, почти не осталось добычи. Крысы исчезли так же быстро, как и появились.

После их исчезновения мы почувствовали облегчение, точно избавились от чьего-то лукавого присутствия. К нам вернулось наше бодрое настроение. Было ли оно вызвано освещением мертвенной атмосферы, благодаря том, что открыли дверь часовни, или облегчением, которое мы почувствовали, очутившись на открытом воздухе, — не знаю, но тень ужаса, казалось, соскользнула с нас, как одежда, а сама цель нашего прихода потеряла отчасти свое ужасное значение, хотя мы ни на йоту не поколебались в нашем решении. Закрыв наружную дверь, задвинув засов, заперев ее и захватив с собою собак, мы возобновили поиски по дому. Мы ничего не нашли в нем, кроме громадного количества пыли; все в нем осталось нетронутым, даже следы моих ног со времени моего первого посещения. Ни разу собаки не проявляли признаков какой-либо боязни, и, даже когда мы вернулись к часовне, они прыгали вокруг нас, точно они только что охотились на кроликов в лесу летом.

На востоке уже алела заря, когда мы вышли из подъезда. Д-р Ван Хельсинг вынул из связки ключ от дверей дома и запер ее, как обычно, затем положил ключ к себе в карман.

— До сих пор, — сказал он, — наша ночь была очень удачна. Мы избежали всякого вреда, чего я очень боялся, и в то же время мы удостоверились в том, сколько недостает ящиков. Больше всего я рад тому, что этот наш первый — и, может быть, труднейший и опаснейший — шаг совершился без участия нашей прелестнейшей мадам Мины, без омрачения ее сна или бодрствования образами, звуками и запахами и тому подобными ужасами, которые она могла бы никогда не забыть. Мы имели случай крикнуть «шах» в той шахматной игре, которую мы ведем для спасения человеческих душ, а теперь пойдем домой. Заря приближается, у нас же есть основание быть довольными своей работой первой ночи.

Когда мы вернулись, все было тихо.

Я на цыпочках вошел в нашу комнату и нашел Мину спящей и дышащей так тихо, что мне пришлось близко нагнуться к ней, чтобы услышать ее дыхание. Она выглядит бледнее обыкновенного. Надеюсь, что ей не повредил

сегодняшний митинг. Я действительно очень признателен профессору за то, что он исключил ее из сферы нашей будущей работы и даже наших совещаний. Некоторые вещи встревожили бы ее слух; и в то же время скрывать их от нее могло быть хуже, чем сказать ей, раз она заподозрила бы, что от нее что-то скрывают. С этих пор наша работа должна быть для нее запретной книгой по крайней мере до того времени, пока мы не сможем сказать ей, что все кончено и что земля освободилась от чудовища подземного мира.

1 октября. Позже.

Вполне естественно, что мы проспали, потому что вчерашний день был сплошь занят работой, а ночь не принесла нам покоя. Даже на Мине, должно быть, сказалося истощение вчерашнего дня, потому что, хотя я сам проспал чуть не до полудня, тем не менее я проснулся раньше ее и будил ее два или три раза, пока она наконец не проснулась. Она спала так крепко, что, проснувшись, в продолжение нескольких секунд не узнавала меня и смотрела на меня с невыразимым ужасом, как бывает после кошмара. Она немного жаловалась на усталость, и я оставил ее отдыхать.

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА

1 октября.

Было около полудня, когда профессор разбудил меня; он был веселее и радостнее обыкновенного; по-видимому, результаты работы прошлой ночи выяснили для него кое-какие вопросы и сняли с его души какую-то тяжесть. Коснувшись происшествий сегодняшней ночи, он вдруг сказал:

— Твой больной меня очень интересует. Можно ли будет мне сегодня утром посетить его с тобой?

Но, если ты очень занят и ничего не имеешь против, я могу пойти один. Для меня новость — сумасшедший, разговаривающий как философ и рассуждающий так здраво.

У меня была спешная работа; я сказал ему, что буду рад, если он пойдет один, так как в этом случае ему не придется дожидаться меня; затем я позвал служителя и дал ему необходимые инструкции.

Я продолжал свою работу и скоро ее окончил. По-видимому, время прошло в самом деле очень быстро, так как Ван Хельсинг уже успел вернуться.

— Я не помешаю? — вежливо спросил он, стоя у двери.

— Нисколько, — ответил я. — Войди. Моя работа кончена, и я свободен. Теперь я могу пойти с тобой, если хочешь.

— Это лишнее: я видел его!

— Ну?

— Боюсь, что он не очень высокого мнения обо мне. Наше свидание было коротко; когда я вошел в комнату, он сидел на стуле, опираясь локтями на ко-

лени, и лицо его выражало мрачное неудовольствие. Я обратился к нему как можно веселее и насколько мог почтительнее. Он не ответил ничего. «Разве вы не знаете меня?» — спросил я. Ответ его был мало успокоителен: «Я знаю вас слишком хорошо: вы старый дурак Ван Хельсинг. Я хотел бы, чтобы вы убрались с вашими идиотскими теориями куда-нибудь в другое место. Да будут прокляты все толстокожие голландцы». Больше он не сказал ни слова, а сидел с невозмутимой мрачностью и таким равнодушием ко мне, как будто меня совсем не было в комнате. Так, на этот раз я потерял случай поучиться чему-нибудь у этого мудрого безумца; поэтому я решил пойти и, если можно, развеселиться в приятной беседе с нашей прелестной мадам Миной. Меня бесконечно радует, что она не будет больше волноваться из-за этих ужасов. Хотя нам и будет сильно не хватать ее общества, но так лучше.

— Всем сердцем с вами согласен, — искренне откликнулся я, желая, чтобы он не охладел в своем намерении. — Будет лучше, если мистрис Харкер останется в стороне от того, чему суждено случиться. Иметь дело с подобным кошмаром непросто даже нам, хотя мы люди бывалые и много чего видели на свете; в свое время нам не раз выпадало оказываться в самых безвыходных положениях... Но, право же, подвергать женщину столь серьезному испытанию просто недопустимо. Если она продолжит участвовать в нашей смертельно опасной затее, это впоследствии может оказаться губительным для ее нежной души.

Итак, Ван Хельсинг расстался с нами, чтобы переговорить наедине с мистрис Харкер и Джонатаном. Квинси и Арт двинулись отыскивать следы исчезнувших ящиков с землей. Я же намереваюсь приступить к намеченным на сегодня работам, а по их завершении, вечером, мы все соберемся вновь.

ДНЕВНИК МИНЫ ХАРКЕР

1 октября.

Мне странно находиться в потемках, как сегодня, после стольких лет полного доверия Джонатана, видеть, как он умышленно избегает разговора на известные темы, особенно на самые интересные для меня. После вчерашнего утомительного дня я долго спала в это утро, и хотя Джонатан также проспал, но все же он встал раньше меня. Перед тем как уйти, он говорил со мною так нежно и ласково, как никогда, но ни разу не проронил ни слова о том, что произошло с ними во время посещения графского дома. А между тем он должен был бы знать, как ужасно я волновалась. Милый, бедный мальчик! Вероятно, это расстроило его еще больше, чем меня. Все они сошлись на том, что мне лучше быть подальше от этой ужасной работы, и я согласилась с ними. Но как-то мне знать, что он что-то скрывает от меня!

Что же делать — когда-нибудь Джонатан расскажет мне все; а я во избежание того, чтобы он когда-нибудь не подумал, что я скрываю от него что-нибудь, по-прежнему буду вести свой дневник. Если он усомнится в моем дове-

рии, я покажу ему этот дневник, в котором записана каждая мысль моего сердца, для того чтобы его дорогие глаза прочитали их. Сегодня я чувствую себя странно грустной и у меня упадок духа. Вероятно, это реакция после ужасного волнения.

Прошлой ночью я пошла спать, когда все ушли, просто потому что они мне так велели. Мне не хотелось спать, и я сгорала от нетерпения узнать, что с ними. Я продолжала думать обо всем, что произошло с тех самых пор, как Джонатан приехал повидаться со мной в Лондон, и все это представляется мне ужасной трагедией рока, ведущего нас неумолимо к какому-то концу. Если бы я не приехала в Уайтби, милая бедная Люси была бы теперь с нами. У нее не было никакого желания идти на кладбище, пока я не приехала; если бы она не пошла туда днем со мной, ее не влекло бы туда сонную; а если бы она не попала туда ночью во сне, чудовище не повредило бы ей, как оно сделало. О, зачем я поехала в Уайтби!..

Не помню хорошо, как я заснула прошлой ночью. Помню только, что услышала внезапно лай собак и множество странных звуков, точно в комнате м-ра Ренфилда, которая находится где-то под моей, кто-то шумно заиграл гаммы. Затем кругом наступило полнейшее молчание, молчание до того глубокое, что оно поразило меня: я встала и выглянула в окно. Все было темно и безмолвно, черные тени, отбрасываемые деревьями, озаренными лунным светом, казались наполненными собственной молчаливой тайной. Все казалось неподвижным, мрачным и застывшим, так что тонкая полоска белого тумана, которая медленно ползла по траве к дому, казалась единственной оживленной точкой в природе. Я думаю, что отклонение моих мыслей было мне полезно, потому что, когда я вернулась в постель, я почувствовала, что мной овладевает сонливость.

Я лежала некоторое время спокойно, но никак не могла заснуть, поэтому я опять встала и снова выглянула в окно. Туман расстился теперь около самого дома, так что я могла видеть, как он лежал у самых стен, точно подкрадывался к окнам. Несчастный Ренфилд шумел в своей комнате еще больше прежнего, и хотя я не могла различить ни одного слова в его разговоре, но в звуках его голоса я как-то улавливала какую-то странную угрозу кому-то. Затем я услышала шум борьбы и поняла, что служители боролись с ним. Я так испугалась, что бросилась в кровать, натянула на голову одеяло и заткнула пальцами уши. Тогда мне нисколько не хотелось спать — так по крайней мере я думала, — но, я должно быть, немедленно заснула, потому что не помню ничего, кроме снов, до самого утра, когда Джонатан разбудил меня. Мне пришлось сделать большое усилие, и прошло некоторое время, пока я сообразила, где я и что надо мной наклонился Джонатан. Мне приснился очень страшный сон. Странно, что в нем необычайным образом отразилось то, о чем я думала и слышала за последнее время.

Мне казалось, что я сплю и жду Джонатана. Я боялась за него, но была бессильна действовать, так как мои ноги, руки и мозг страшно отяжелели. Итак,

я спала беспокойно и думала. Затем мне начало казаться, что воздух был тяжелый, сырой и холодный. Я откинула одеяло с лица и, к своему удивлению, увидела, что вокруг меня все было тускло. Газовый рожок, который я оставила гореть для Джонатана, завернув его слегка, казался крошечной красной искрой в сплошном тумане, который, по-видимому, сделался гуще и пробрался в комнату. Тогда мне пришло в голову, что я не закрыла окно, прежде чем легла спать. Я хотела подойти к нему, чтобы удостовериться в этом, но какой-то свинцовый летаргический сон, казалось, сковал мои члены и волю. Я закрыла глаза, но могла видеть сквозь веки. (Удивительно, какие шутки играют над нами сны и как мы можем соответственным образом фантазировать.) Туман становился все гуще и гуще, и я могла видеть теперь, как он проникал в комнату, потому что видела его в форме дыма или паров кипятка, проникавших не через окно, а через замочную скважину. Он делался все гуще, пока наконец не представился сконцентрированным, вроде облачного столба, сквозь вершину которого я могла разглядеть свет газового рожка, горевшего, как красный глаз. В голове у меня все начало кружиться, а облачная колонна тоже кружилась по комнате. Но вдруг у меня на глазах пламя раздвоилось и засверкало, как мне показалось сквозь туман, двумя красными глазами, подобно тому, как мне рассказывала Люси в одну из наших совместных прогулок, когда на утесе заходящая заря осветила окна церкви Св. Марии. Вдруг я с ужасом сообразила, что Джонатан точно так же видел этих ужасных женщин, превращавшихся из кружащегося в лунном свете тумана в реальные создания, и, должно быть, во сне мне сделалось дурно, потому что все превратилось в беспросветный туман. Последним проблеском сознания было фантастическое видение багрово-белого лица, склонявшегося ко мне из тумана. Надо быть осторожной с подобными снами, потому что они могут повредить рассудку, если будут слишком часто повторяться. Я бы могла попросить д-ра Ван Хельсинга или Сьюворда прописать мне что-нибудь от бессонницы, но боюсь напугать их, так как в настоящее время они и так немало волнуются из-за меня. Постараюсь сегодня выспаться как следует. Если это мне не удастся, я попрошу их дать мне дозу хлорала; это не может повредить мне, если этим не злоупотребляют, но даст мне хороший ночной сон. Прошлая ночь утомила меня сильнее, чем если бы я вовсе не спала.

2 октября. 10 часов.

Прошлую ночь я спала, но без снов. Я, должно быть, спала крепко, так как не проснулась, даже когда вернулся Джонатан; но сон не освежил меня, потому что сегодня я чувствую страшную слабость и упадок духа. Весь вчерашний день я провела, пытаюсь читать, или лежала и дремала. Днем м-р Ренфилд попросил позволения меня видеть. Бедный человек — он был очень кроток, а когда я уходила, поцеловал мою руку и призвал на меня Божье благословение. Меня это как-то сильно тронуло; я плачу, когда вспоминаю о нем. Это новая слабость; Джонатан страшно огорчился бы, если бы узнал, что я плакала.

Я сделала все, что могла, чтобы подбодрить их, и, вероятно, мое усилие принесло мне пользу, потому что я забыла о своей усталости. После обеда они отослали меня спать, а сами пошли все вместе, как сказали мне, покурить, но я знала, что они хотели поделиться друг с другом своими впечатлениями дня; я видела по манерам Джонатана, что он имел сообщить нечто важное. Мне совсем не хотелось спать, поэтому я попросила д-ра Сьюворда дать мне какое-нибудь снотворное средство, так как я плохо спала прошлую ночь. Он был настолько добр, что сам приготовил для меня сонный порошок и велел принять его, сказав, что он мне не повредит. Я приняла его и жду сна, которого все еще нет. Надеюсь, что я не поступила неправильно; когда мною начинает овладевать сон, мною овладевает и чувство страха; мне начинает казаться, что я, может быть, делаю глупость, лишая себя возможности проснуться: у меня все время такое чувство, точно это может мне понадобиться... Но меня начинает клонить ко сну. Спокойной ночи!

ГЛАВА XX

ДНЕВНИК ДЖОНАТАНА ХАРКЕРА

1 октября. Вечером.

Я застал Томаса Снеллинга у себя в Бетнал-Грин, но, к несчастью, он был не в состоянии что-либо вспомнить. Перспектива выпить со мною стакан пива так его соблазнила, что он слишком рано принялся за желанный кутеж. Все-таки я узнал от его жены, что он был лишь помощником Смоллета, который является ответственным лицом перед фирмой, так что я решил поехать в Уолворт. М-ра Иосифа Смоллета я застал дома. Он очень скромный и умный малый, тип хорошего, добросовестного рабочего, очень толкового при этом. Он твердо помнил весь инцидент с ящиками и, вынув из какого-то таинственного места в брюках, записную книжку со странными застешками, в которой оказались иероглифические полустертые записи карандашом, сказал мне, куда ящики были доставлены. Их было шесть, сказал он мне, на том возу, который он принял в Карфаксе и сдал в дом номер 197 по адресу: Чиксэнд-стрит, Майлэнд-Нью-Таун, а кроме того, еще шесть штук, которые он сдал по адресу: Джамайка-Лэн, Бермондси.

Я дал Смоллету полсоверена и спросил его, были ли взяты еще ящики из Карфакса.

Он ответил:

— Вы были так добры ко мне, что я вам расскажу все, что знаю. Несколько дней тому назад я слышал, как некий Блоксмэн рассказывал, что он со своим помощником сделал какое-то темное дело в каком-то старом доме в Пурфлите. Такие дела не так часто встречаются и, возможно, что Сэм Блоксмэн вам расскажет кое-что интересное.

Я сказал, что если он достанет мне его адрес, то получит еще полсоверена. Тут он наскоро проглотил свой чай и встал, сказав, что пойдет искать его повсюду. У дверей он остановился и сказал:

— Послушайте, начальник, вам нет никакого смысла тут оставаться. Найдут ли я Сэма скоро или нет, сегодня, во всяком случае, он вам ничего не скажет. Сэм — удивительный человек, когда он пьян. Если вы мне дадите конверт с маркою и напишите на нем свой адрес, то я отыщу Сэма и напишу вам сегодня же вечером. Но вам придется отправиться к нему, иначе вы его не поймаете, так как Сэм встает очень рано и немедленно уходит из дому, как бы он ни был пьян накануне.

Я написал адрес, наклеил марку и, отдав конверт Смоллету, отправился домой. Как бы там ни было, а мы уже идем по следам. Я сегодня устал, и мне хочется спать. Мина крепко спит, она что-то слишком бледна, и у нее такой вид, как будто она плакала. Бедняжка, я убежден, что это неведение ее терзает и она, наверное, беспокоится за меня и других. Но самое лучшее — оставить все так, как оно есть. В данном случае мне легче видеть ее разочарованной и беспокоящейся сейчас, нежели в будущем с окончательно разбитыми нервами.

2 октября. Вечером.

Длинный, томительный, тревожный день. С первой же почтой я получил адресованный на мое имя конверт со вложением грязного лоскутка бумаги, на котором карандашом дрожащей рукой было написано:

«Сэм Блоксмэн, Коркранс, 4, Поттер-Корт, Бартель-стрит, Уолворт. Спросить перевозчика».

Я получил письмо, когда лежал еще в постели и встал, не будя Мину. Она выглядела усталой, сонной, бледной и не совсем здоровой. Я решил не будить ее и, вернувшись со своих новых поисков, отправить ее в Эксетер. Мне кажется, что дома, занимаясь своей повседневной работой, она будет лучше себя чувствовать, чем здесь, среди нас, да еще в полном неведении того, что происходит. Я встретил д-ра Сьюворда и сказал ему, куда ухожу, пообещав вскоре вернуться и рассказать ему и остальным, как только что-нибудь разузнаю. Я поехал в Уолворт и с некоторыми затруднениями нашел Поттер-Корт и Коркранс. Когда я спросил человека, открывшего мне дверь, где живет перевозчик, то за полсоверена узнал, что м-р Блоксмэн, выпавшись после выпитого накануне в Коркрансе пива, уже в пять часов утра отправился на работу в Поплар. Он не знал точно, где это место находится, но, насколько он помнил, это находится в каком-то вновь открытом товарном складе; с этими жалкими данными я отправился в Поплар. Было около двенадцати часов, когда я, ничего не найдя, зашел в кофейню, где обедали несколько рабочих. Один из них утверждал, что на Кросс-Энджель-стрит строят новый холодный амбар, так как это необходимо для нового товарного склада. Я тотчас же подхватил это. Беседа со сторожем и главным приказчиком — я наградил их обоих звонкой монетой — навела меня на след Блоксмэна; я обещал ему уплатить его поденную плату, и он пошел к своему начальнику спросить разрешения поговорить со мною. Он был довольно видный малый, хотя немного грубый в разговоре и по манерам. Когда я ему

дал задаток, пообещав ему заплатить за его сведения, то он сказал мне, что он дважды ездил из Карфакса в такой-то дом на Пиккадилли и отвез туда девять больших ящиков — «невероятно тяжелых» — на специально для этого нанятой повозке. Я спросил его номер дома на Пиккадилли, на что он мне ответил:

— Номер-то, начальник, я забыл, но это всего в нескольких шагах от большой, недавно выстроенной белой церкви или чего-то в этом роде. Дом этот старый и пыльный, хотя в сравнении с тем проклятым домом, откуда эти ящики взяты, это царский дворец.

— Как же вы попали в эти дома, раз они пустые?

— В доме в Пурфлите меня встретил старый господин, он же помог мне поднять ящики и поставить их на телегу. Черт его подери, это был самый здоровый парень, какого я когда-либо встречал, а ведь какой старый, с седыми усами и такой тощий, что даже и тени не отбрасывал.

Эти слова ужасно меня поразили.

— Представьте себе, что он поднял свой конец ящика с такою легкостью, точно это был фунт чаю, между тем как я, задыхаясь и обливаясь потом, с трудом поднял свой, а ведь я тоже не цыпленок.

— Как же вы вошли в дом на Пиккадилли? — спросил я.

— Он же был и там. Он, должно быть, вышел и пришел туда раньше и сам открыл мне дверь и помог мне внести ящики в переднюю.

— Все девять? — спросил я.

— Да, на первой телеге их было пять, а на второй — четыре. Это был ужасно тяжелый труд, и я даже не помню, как я домой попал.

— Что же, вы в передней оставили ящики?

— Да, это была большая передняя, совершенно пустая.

Я сделал еще одну попытку разузнать дальнейшее.

— А ключей у вас не было? Никаких?

— Мне не нужно было ни ключей и ничего другого, потому что старик сам открыл дверь и сам закрыл ее за мною, когда я перенес все на место. Я не помню этого точно — все это проклятое пиво!

— И не можете вспомнить номер дома?

— Нет, сэр, но вы и так легко можете найти его. Такой высокий дом с каменным фасадом, и с аркой наверху, и с высокими ступенями перед дверьми. Я хорошо помню эти ступени, по ним я таскал ящики наверх вместе с тремя хулиганами, жаждавшими получить на чай. Старик дал им по шиллингу; видя, что им так много дают, они стали требовать еще больше, тогда старик схватил одного из них за плечо, собираясь спустить его с лестницы, и только тогда они ушли, ругаясь.

Я решил, что узнал вполне достаточно, чтобы найти тот дом, и, заплатив своему приятелю за его сведения, поехал на Пиккадилли. Тут пришла мне новая мысль: граф сам ведь мог убрать эти ящики. Если так, то время дорого, так как теперь он во всякое время может выполнить свое намерение.

У Пиккадилльского цирка я отпустил свой кэб и пошел пешком. Недалеко от белой церкви я увидел дом, похожий на тот, что описывал Блоксмен. У дома был такой запущенный вид, точно в нем давно уже никто не жил.

На Пиккадилли мне больше нечего было делать, так что я обошел дом с задней стороны, чтобы посмотреть, не узнаю ли тут чего-нибудь. Там суетливо летали чайки, заняв почти все дома. На Пиккадилли я расспрашивал бывших там поблизости грумов и их помощников, не могут ли они мне что-нибудь рассказать о пустом доме. Один из них сказал мне, что слышал, будто его недавно заняли, но неизвестно кто. Он сказал мне еще, что тут раньше висел билетик о продаже дома и что, может быть, «Митчел, сыновья и Кэнди», агенты, которым была поручена продажа этого дома, что-нибудь и смогут сказать по этому поводу, так как, насколько он помнит, он, кажется, видел эту фирму на билетике. Я старался не показывать виду, что мне это очень важно; и затем, поблагодарив его, как обыкновенно, полсовершенно, я пошел дальше. Наступали сумерки, близился осенний вечер, так что я не хотел терять времени. Разыскав в адресной книге адрес «Митчел, сыновья и Кэнди» в «Беркелее», я немедленно отправился к ним в контору в Сэквил-стрит.

Господин, встретивший меня, был невероятно любезен, но настолько же необщителен. Сказав мне, что дом на Пиккадилли продан, он считал вопрос исчерпанным. Когда я спросил его, кто его купил, он широко раскрыл глаза и, немного помолчав, ответил:

— Он продан, сэр.

— Прошу прощения, — сказал я так же любезно, — но по особо важным причинам мне необходимо знать, кто купил этот дом.

Он снова помолчал, затем, подняв свои брови еще выше, снова лаконично повторил мне:

— Он продан, сэр.

— Неужели, — сказал я, — вы мне больше ничего не скажете?

— Нет, ничего, — ответил он. — Дела клиентов «Митчел, сыновья и Кэнди» находятся в верных руках.

Он как ушатом холодной воды меня окатил, и спорить с ним не было никакого смысла, так что, решив все же разойтись с ним по-хорошему, я сказал:

— Счастливы ваши клиенты, что у них такой хороший поверенный, так ревностно стоящий на страже их интересов. Я сам юрист. — Тут я ему подал свою визитную карточку. — В данном случае я действую не из простого любопытства, а по поручению лорда Годалминга, желающего узнать кое-какие подробности относительно того имущества, которое, как ему казалось, недавно продавалось.

Эти слова изменили все дело, он ответил еще любезнее:

— Если б я мог, то охотно оказал бы вам услугу, в особенности же его сиятельству. Мы исполняли его поручения и, между прочим, сняли для него несколько комнат, когда он еще был Артуром Холмвудом. Если хотите, оставьте его адрес, я поговорю с представителями фирмы по этому поводу и во вся-

ком случае напишу лорду сегодня же. Если возможно, то я с удовольствием отступлю от наших правил и сообщу необходимые его сиятельству сведения.

Мне необходимо было заручиться другом, а не врагом, так что я дал ему адрес доктора Сьюворда и ушел. Было уже темно; я порядком устал и проголодался. В «Аэро-Брэд компани» я выпил чашку чаю и следующим поездом поехал в Пурфлит.

Все были дома. Мина выглядела усталой и бледной, но старалась быть веселой и ласковой; мне было больно, что приходится от нее все скрывать и тем причинять ей беспокойство. Слава богу, завтра все это кончится.

Я не мог рассказать остальным о своих последних открытиях, приходилось ждать, пока уйдет Мина; после обеда мы немного музицировали, чтобы развеяться от окружающего нас ужаса, а затем я проводил Мину в спальню и попросил ее лечь спать. В этот вечер Мина была особенно ласкова и сердечна и ни за что не хотела меня отпускать, но мне нужно было еще о многом переговорить с друзьями, и я ушел. Слава богу, что наши отношения несколько не изменились, оттого что мы друг друга не во все посвящаем.

Вернувшись, я застал всех своих друзей собравшимися у камина в кабине. В поезде я все точно записал в свой дневник, так что мне пришлось только прочесть им свою записку; когда я кончил, Ван Хельсинг сказал:

— Немало, однако, вам пришлось потрудиться, друг Джонатан. Но зато мы теперь почти наверняка напали на след пропавших ящиков. Если они все найдутся в том доме, то делу скоро и конец. Но если некоторых из них не окажется, то придется снова отправиться на поиски, пока мы не найдем все ящики, после чего нам останется лишь одно — заставить этого негодяя умереть естественною смертью.

Мы все сидели молча, как вдруг м-р Моррис сказал:

— Скажите, как мы попадем в этот дом?

— А в первый ведь попали же мы, — быстро ответил лорд Годалминг.

— Но, Артур, это большая разница. Мы взломали дом в Карфаксе, но ведь тогда мы находились под защитой ночи и загороженного стеною парка. Но на Пиккадилли будет гораздо труднее совершить взлом, безразлично, днем или ночью. Я очень сомневаюсь, чтобы нам удалось туда попасть, если этот индюк-агент не достанет нам каких-либо ключей; может быть, завтра мы получим от него письмо, тогда все разъяснится.

Лорд Годалминг насупился и мрачно зашагал взад и вперед по комнате. Затем, постепенно замедляя свои шаги, он остановился и, обращаясь к каждому из нас по очереди, сказал:

— Квинси рассуждает совершенно правильно. Взлом помещения — вещь слишком серьезная; один раз оно сошло великолепно; но в данном случае это более сложно; разве только мы найдем ключи от дома у графа.

Так как до утра мы ничего не могли предпринять и приходилось ждать письма Митчела, то мы решили устроить передышку до завтрака; мы довольно долго посидели, покурили, обсудил этот вопрос со всех сторон и ра-

зошлись. Я воспользовался случаем и записал все это в дневник; теперь мне страшно хочется спать, пойду и лягу.

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА

1 октября.

Ренфилд меня снова беспокоит; его настроения так быстро меняются, что его положительно трудно понять; не знаю даже, чему это приписать, это меня начинает сильно интриговать. Когда я вошел к нему сегодня утром, после того как он отшил Ван Хельсинга, у него был такой вид, точно он повелевал судьбой мира; и он действительно повелевал судьбой, но очень своеобразно. Его положительно ничто на свете не интересовало; он был точно в тумане и глядел свысока на слабости и желания всех смертных. Я решил воспользоваться случаем и разузнать кое-что от него.

Из очень длинной беседы с ним, причем он все время говорил изумительно здраво и осмысленно, я вывел заключение, что он твердо верит в свое предназначение для какой-то высшей жизни. Он убежден, что достигнет ее не путем использования человеческих душ, а исключительно чужих жизней... Некоторые подробности беседы и взгляды на пользу, которую он может извлечь из чужой жизни до того близки к тому, что нам рассказал Ван Хельсинг о вампирах, что предо мной неожиданно блеснула мысль о влиянии графа на Ренфилда. Неужели это так? Да, да... несомненно... Как это раньше не пришло мне в голову?!

Позже.

После обхода я пошел к Ван Хельсингу и рассказал ему о своих подозрениях. Он очень серьезно отнесся к моим словам и, подумав немного, попросил меня взять его с собою к Ренфилду. Когда мы вошли, то мы были поражены увидев, что он снова рассыпал свой сахар; сонные осенние мухи, жужжа встали к нему в комнату. Мы старались навести его на прежний разговор, но он не обращал на нас никакого внимания. Он продолжал петь, точно нас совсем не было в комнате. Он достал кусок бумаги и стал складывать его в виде записной книжки. Мы так и ушли ни с чем.

По-видимому, это действительно исключительный случай; надо будет сегодня тщательно проследить за ним.

«МИТЧЕЛ, СЫНОВЬЯ И КЭНДИ» — ЛОРДУ ГОДАЛМИНГУ

«1 октября.

Милостивый государь! Мы счастливы во всякое время пойти навстречу вашим желаниям. Из этого письма ваше сиятельство узнает, согласно его желаниям, переданным нам м-ром Харкером, подробности о покупке и прода-

же дома № 347 на Пиккадилли. Продавцами были поверенные м-ра Арчи-бальда Винтер-Сюффилда. Покупатель — знатный иностранец, граф де Виль, который произвел покупку лично, заплатив всю сумму наличными деньгами. Вот все, что нам известно.

Остаемся покорными слугами вашего сиятельства

„Митчел, сыновья и Кэнди“».

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА

2 октября.

Вчера ночью я поставил человека в коридор и велел следить за каждым звуком, исходящим из комнаты Ренфилда; я приказал ему немедленно послать за мной, если произойдет что-нибудь странное. После того как мистрис Харкер пошла спать, мы долго еще обсуждали все наши шаги и открытия, сделанные в течение этого дня. Один лишь Харкер узнал кое-что новое, и мы надеемся, что его открытие окажется важным.

Перед сном я еще раз подошел к комнате своего пациента и посмотрел в дверной глазок. Он крепко спал; грудь его спокойно и ровно подымалась и опускалась. Сегодня утром дежурный доложил мне, что вскоре после полуночи сон Ренфилда стал тревожным и что пациент все время громко молился. Я спросил его, все ли это; он ответил мне, что больше ничего не слышал. Его ответ показался мне почему-то подозрительным, и я прямо спросил его, не заснул ли он на дежурстве. Вначале он отрицал это, но затем сознался, что немного вздремнул. Грустно, что никому нельзя доверять без того, чтобы самому за ним не следить.

Сегодня Харкер вышел, чтобы продолжать свои исследования, а Артур и Квинси ищут лошадей. Годаминг говорит, что и лошади всегда должны быть наготове, так как, когда мы получим нужные сведения, то будет уже слишком поздно искать их. Нам нужно стерилизовать всю привезенную землю между восходом и заходом солнца; таким образом, мы сможем напасть на графа с его самой слабой стороны и будем меньше рисковать жизнью. Ван Хельсинг пошел в Британский музей посмотреть некоторые экземпляры книг по древней медицине.

Древние врачи обращали внимание на такие вещи, каких их последователи не признают, и профессор ищет средства против ведьм и бесов, которые нам впоследствии могут пригодиться.

Порою мне кажется, что мы все сошли с ума и что нас вылечит только сми-рительная рубашка.

Позже.

Мы снова собрались; кажется, что мы уже напали наконец на след и за-втрашняя работа, может быть, будет началом конца. Хотелось бы мне знать,

имеет ли спокойствие Ренфилда что-нибудь общее с этим. Его настроения так явно соответствовали действиям графа, что уничтожение этого чудовища может оказаться для него благом. Если бы иметь хоть малейшее представление о том, что происходит у него в мозгу, то у нас были бы важные данные. Теперь он, как видно, на время успокоился...

Так ли это?.. Этот вой, кажется, раздался из его комнаты...

Сторож влетел ко мне и сказал, что с Ренфилдом что-то случилось. Он слышал, как он завыл, и, войдя в комнату, он застал его лежащим на полу лицом вниз в луже крови. Иду к нему.

ГЛАВА XXI

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА

3 октября.

Позвольте мне с точностью изложить, насколько я помню, все случившееся со времени моей последней записи. Я придаю громадное значение тому, чтобы именно эти сообщения были записаны с необыкновенной, прямо педантичной точностью. Когда я вошел в комнату Ренфилда, я нашел его лежащим на полу на левом боку в яркой луже крови. Подойдя к нему, чтобы поднять его, я сразу заметил, что он получил тяжкие повреждения. Взглянув на его голову, я увидел, что его лицо было так разбито, словно Ренфилда колотили лицом об пол; действительно, лужа крови образовалась из лицевых ран. Служитель, стоявший на коленях возле тела, сказал мне, когда мы повернули раненого:

— Мне кажется, что у него сломана спина. Смотрите, правая рука, нога и вся правая сторона лица парализованы.

Служителя чрезвычайно озадачило, как это могло случиться. Он был страшно поражен, и его брови были грозно нахмурены, когда он сказал:

— Я не понимаю двух вещей. Он мог разбить себе лицо, если колотился головою об пол. Я видел, как делала это одна молодая женщина в Эверсфильдском доме умалишенных, прежде чем успел схватить ее. И я полагаю, что он мог сломать себе спину, упав с постели, если с ним неожиданно случился опасный припадок. Но, если бы даже от этого зависело спасение моей души, я все же никак не могу понять, как могли произойти обе эти вещи. Если спина у него была сломана, он не мог биться головою об пол; а если лицо его было разбито до падения с постели, то должны были бы остаться следы на кровати.

Я крикнул ему:

— Бегите к доктору Ван Хельсингу и попросите его немедленно прийти сюда. Он мне нужен сейчас же.

Человек убежал, и через несколько минут появился профессор в халате и туфлях. Когда он увидел Ренфилда на полу, он проницательно поглядел на него, а затем обернулся ко мне. Полагаю, что он прочел мою мысль в моих глазах, потому что спокойно сказал, — очевидно имея в виду уши служителя:

— А, печальный случай! Он потребует весьма заботливого ухода и больших попечений. Я останусь с вами, но сперва оденусь. Подождите меня здесь, я вернусь к вам через несколько минут.

Пациент хрипло дышал, видно было, что он терпит невероятные страдания. Ван Хельсинг вернулся необычайно быстро с набором хирургических инструментов. Он, видимо, успел обдумать этот случай и принять какое-то решение, потому что, не взглянув на пациента, шепнул мне:

— Вышлите вон служителя. Мы должны остаться с ним наедине к тому времени, когда к нему вернется сознание после операции.

Я сказал:

— Пока довольно, Симмонс. Вы сделали все, что могли, можете идти к себе, а доктор Ван Хельсинг приступит к операции. Дайте мне немедленно знать, если случится что-нибудь необычное.

Человек удалился, а мы приступили к внимательному осмотру пациента. Раны на лице были поверхностные; тяжким повреждением был опасный перелом черепа на правой стороне черепной коробки. Профессор призадумался на минуту и сказал:

— Надо постараться уменьшить давление костей на мозг и привести его в нормальное состояние, насколько это возможно; быстрота излияния показывает опасный характер повреждения. Вся двигательная сфера кажется затронутой. Кровоизлияние в мозг быстро усилится, так что нам необходимо приступить немедленно к операции, иначе будет поздно.

В то время как он говорил, послышался легкий стук в дверь. Я открыл дверь и увидел в коридоре Артура и Квинси в ночных костюмах, пижамах и туфлях; первый сказал:

— Я слышал, как ваш человек позвал доктора Ван Хельсинга и сообщил ему о печальном случае. Я разбудил Квинси, вернее, позвал его, так как он не спал. События совершаются слишком быстро и необычайно в настоящее время, чтобы мы могли наслаждаться здоровым сном. Мне пришло в голову, что завтрашняя ночь не увидит вещей в их прежнем состоянии. Мы должны глядеть назад и вперед гораздо внимательнее, нежели мы это делали до сих пор. Можно нам войти?

Я молча кивнул головой и держал дверь открытой, пока они входили, затем снова запер ее. Когда Квинси увидел положение и состояние пациента и заметил страшную лужу на полу, он кротко спросил:

— Боже мой! Что с ним случилось? Бедняга, бедняга!

Я вкратце рассказал ему, что произошло, и объяснил ему, почему мы надеемся, что к пациенту вернется сознание после операции... На короткое вре-

мя, во всяком случае. Он сел на край постели, рядом с Годалмингом; мы терпеливо стали ждать.

Минуты нашего ожидания протекали ужасно медленно. У меня замирало сердце, и я видел по лицу Ван Хельсинга, что он немало волнуется относительно имеющего совершиться. Я боялся тех слов, которые мог произнести Ренфилд. Я положительно боялся думать; меня угнетало предчувствие того неотразимого бедствия, которое надвигалось на нас, как море в часы прилива. Бедняга Ренфилд дышал отрывисто, спазматически. Каждую минуту казалось, что он откроет глаза и заговорит; но снова раздавалось хриплое дыхание, и снова он впадал в еще большую бесчувственность. Как я ни привык к виду болезней и смерти, это ожидание все более и более действовало мне на нервы. Я почти слышал биение своего собственного сердца; а кровь, приливавшая к моим вискам, звучала в моем мозгу, как удары молота. Молчание становилось мучительным. Я поглядел на своих товарищей, и по их пылающим лицам и влажным лбам увидел, что они испытывали такую же муку. Все мы волновались в нервном ожидании, словно сверху должен был раздаться и зазвонить страшный колокол и захватить нас врасплох.

Наконец настал момент, когда стало ясно, что пациент быстро слабеет; он мог умереть с минуты на минуту. Я взглянул на профессора и увидел его пристальный взор, обращенный на меня. Он сказал:

— Нельзя терять времени. От его слов зависит жизнь многих людей; я думал об этом, пока стоял здесь. Быть может, здесь ставкой служат души. Мы сделаем операцию как раз над ухом.

Не произнося больше ни одного слова, он принялся за операцию. Несколько минут дыхание оставалось хриплым. Затем последовал такой продолжительный вздох, что казалось, грудь должна была раскрыться. Глаза Ренфилда вдруг открылись и уставились на нас диким, бессмысленным взором. Это продолжалось несколько минут; потом взгляд его смягчился, в нем появилось выражение приятного удивления, и с губ его сорвался вздох облегчения. Он сделал судорожное движение и сказал:

— Я буду спокоен, доктор. Велите им снять смирительную рубашку. Я видел страшный сон, и он так обессилил меня, что я не могу двинуться с места. Что такое с моим лицом? Оно как будто распухло и ужасно саднит.

Он хотел повернуть голову, но при этом усилия его глаза снова стали стеклянными, и я тихонько опустил его голову. Тогда Ван Хельсинг сказал спокойным, серьезным тоном:

— Расскажите нам ваш сон, м-р Ренфилд!

При звуках этого голоса на разбитом лице Ренфилда появилась радостная улыбка, и он ответил:

— Это доктор Ван Хельсинг? Как вы добры, что пришли сюда. Дайте мне воды, у меня губы пересохли; и я постараюсь рассказать вам. Мне снилось... — Он замолк, точно потерял сознание.

Я быстро сказал Квинси:

— Бренди у меня в кабинете, живо!

Он убежал и быстро вернулся со стаканами и графинами бренди и воды. Мы смочили растрескавшиеся губы пациента, и он ожил. Но было очевидно; что его бедный поврежденный мозг работал в этот промежуток, потому что, когда он совершенно пришел в себя, он поглядел на меня проницательно с мучительным смущением, которого мне никогда не забыть, и сказал:

— Я не должен обманывать самого себя; это был не сон, а жестокая действительность.

Его глаза блуждали вокруг комнаты; когда они остановились на двух фигурах, терпеливо сидевших на краю постели, он продолжал:

— Если бы я не был уверен в этом, то понял бы это по их присутствию.

На секунду его глаза закрылись — не от боли или сонливости, но по доброй воле, как будто он хотел собрать свои мысли; когда он открыл глаза, то заговорил торопливо и с большей энергией, чем до сих пор.

— Скорее, доктор, скорее! Я умираю. Чувствую, что мне осталось жить всего несколько минут; и затем я снова вернусь к смерти... или к тому, что еще хуже смерти. Омочите опять мои губы бренди. Я должен сказать что-то, раньше чем умру или прежде чем замрет мой бедный убитый мозг... Благодарю вас... Это произошло в ту ночь, после того как вы оставили меня, когда я умолял вас выпустить меня. Я не мог говорить тогда, потому что чувствовал, что язык мой связан; но, за исключением этого, я был тогда так же здоров, как теперь. Я долго оставался в мучительном отчаянии, после того как вы оставили меня; мне казалось, что целые годы прошли. И вдруг неожиданный мир снизошел на меня. Мой мозг снова пришел в спокойствие, и я понял, где я находился. Я слышал, как собаки лаяли позади нашего дома, но не там, где был он.

Он подошел к окну в тумане, как я это часто видывал прежде; но на этот раз он не был духом, а человеком, и глаза его сверкали, точно он сердился. Я видел, как его красный рот злобно ухмылялся; его острые белые зубы блестели при свете луны, когда он оглянулся на группу деревьев, сзади которых лаяли собаки. Сперва я не хотел звать его, хотя знал, что ему хотелось войти ко мне так же, как и всегда. Тогда он соблазнил меня, наобещав кучу вещей, — не на словах только, но создавая их.

Его прервал профессор:

— Как так?

— Заставляя их показываться, точно так же как он создавал мух при свете солнца. Громадные, жирные мухи с крыльями, блестящими сапфирами и сталью; а ночью — громадные моли с черепами и скрещенными костями на спинках.

Он начал шептать: «Крысы, крысы, крысы».

Появились сотни, тысячи, миллионы крыс, и все живые; и собаки, уничтожавшие их, и кошки также. Все живые, с красной кровью, многолетней красной кровью; не простые, обыкновенные мухи... Я рассмеялся над ним, потому

что мне хотелось посмотреть, что он в состоянии сделать. Тогда завyli собаки за темными деревьями в его доме. Он подозвал меня к окну. Я встал и подошел, а он поднял руки и, казалось, сзывал кого-то, не произнося ни одного звука. Темная масса надела на траву, появившись словно огненное пламя; и когда он движением рук раздвинул туман направо и налево, я увидел, что тут кишмя кишели тысячи крыс с такими же огненными красными глазами, и они все неподвижно остановились: и мне казалось, что он говорил: «Все эти жизни я подарю тебе и еще больше, на множество веков, если ты на коленях поклонись мне». И красное облако цвета крови спустилось на мои глаза, и, прежде чем я сообразил, что делаю, я открыл окно и сказал ему: «Войди, Господин и Учитель». Все крысы исчезли, а он проскользнул в комнату сквозь окно, хотя я приоткрыл его всего лишь на один дюйм, — подобно тому как луна проскальзывает сквозь малейшую трещину, и явился предо мной во всей своей красоте и величии.

Его голос становился все слабее, так что я снова смочил его губы бренди и он продолжал, но его память как будто утомилась за это время, так как при возобновлении рассказа он шагнул далеко вперед. Я хотел остановить его, но Ван Хельсинг шепнул мне:

— Не мешайте ему продолжать. Не прерывайте его; он не может вернуться назад и, пожалуй, не в состоянии будет продолжать, если потеряет нить своих мыслей.

Около нее стоял высокий, стройный мужчина в черном.

Ренфилд продолжал:

— Весь день я ждал вести от него, но он ничего не прислал мне, даже ни одной мясной мухи, так что, когда взошла луна, я был порядочно зол на него. Когда он снова проскользнул в окно, хотя оно и было закрыто, и даже не постучавшись предварительно, я был вне себя, он издевался надо мной, и его бледное лицо выступало среди тумана с красными, сверкающими глазами, и у него был такой вид, точно все место принадлежало ему, а я был ничто. И даже прежнего запаха не было от него, когда он прошел мимо меня. Я не мог удержать его. Мне только показалось, будто в комнату вошла мистрис Харкер, а не он.

Двое мужчин, сидевших на постели, встали и поместились сзади Ренфилда, так что он не мог их видеть, но зато они могли лучше слышать. Они оба молчали, но профессор задрожал; его лицо стало еще суровее. Ренфилд продолжал, ничего не замечая:

— Когда мистрис Харкер пришла ко мне сегодня днем, она была не такая, как прежде, все равно как чай, сильно разбавленный водой.

Тут мы все зашевелились, но никто не сказал ни слова.

Он продолжал:

— Я не знал, что она здесь, пока она не заговорила; она не имела прежнего вида. Мне не нравятся бледные люди; я люблю людей, в которых много крови, а ее кровь, казалось, вытекла. Я не думал об этом в то время; но, когда она ушла, я стал думать о том, и меня сводила с ума мысль, что он отнимает жизнь у нее!

Я почувствовал, как все содрогнулись, так же как и я; но мы молчали.

— Итак, когда он явился сегодня ночью, я был готов принять его. Я видел, как скользил туман, и я захватил его крепко. Я слышал, что сумасшедшие обладают сверхъестественной силой; а так как я знал, что по временам — я сумасшедший, — то и решился использовать свою силу. Да, он тоже почувствовал это, потому что должен был выступить из тумана, чтобы бороться со мной. Я держался стойко; и я думал, что начинаю одолевать, так как я не хотел, чтобы он отнимал у нее жизнь, но когда я увидел его глаза, то они прожгли меня, и моя сила стала подобна воде. Он осилил меня, и, когда я цеплялся за него, он поднял меня и бросил наземь. Красное облако застило мне глаза, я услышал шум, подобный грому, и туман, казалось, уплыл под дверь.

Его голос становился все слабее, а дыхание все более хриплым. Ван Хельсинг машинально выпрямился.

— Мы знаем теперь худшее, — сказал он. — Он здесь, и мы знаем, с какой целью. Может быть, еще не поздно. Вооружимся, как в ту ночь, но не будем терять времени, каждая секунда дорога.

Не надо было вовсе напоминать нам об этом, так как и без того все мы сообразили, в чем дело. Мы поспешили в свои комнаты за теми вещами, с которыми ходили в дом графа. У профессора вещи были наготове, и, когда мы встретились с ним в коридоре, он сказал, многозначительно показывая на них:

— Эти вещи никогда не покидают меня и не покинут, пока это несчастное дело не будет окончено. Будьте благоразумны, мои друзья. Мы имеем дело не с обыкновенным врагом. Увы! Увы, — подумать только, что дорогая мадам Мина должна страдать.

Он замолчал; у него перехватывало дыхание; я не отдавал себе отчета, что преобладало в моем сердце: бешенство или ужас.

У двери мистрис Харкер мы остановились. Арч и Квинси стояли позади, и последний промолвил:

— Неужели мы потревожим ее?

— Мы обязаны это сделать, — мрачно ответил Ван Хельсинг. — Если дверь заперта, я ее сломаю.

— Ведь это может страшно напугать ее. Не принято насильно врываться в комнату леди.

Ван Хельсинг строго проговорил:

— Вы, по обыкновению, правы; но тут идет вопрос о жизни и смерти. Все комнаты равны для доктора; даже если бы это и не всегда было так, то сегодня они одинаковы для меня. Джон, когда я поверну ручку и дверь не откроется, подставьте ваше плечо и нажмите изо всех сил; вы также, друзья мои. Ну...

Он повернул ручку, говоря это, но дверь не поддавалась. Мы все навалились на нее, она с треском раскрылась, и мы чуть не полетели в комнату головой вниз. Профессор действительно упал, и я видел, как он поднимался с колен. Меня ужаснуло то, что я увидел. Я почувствовал, как волосы поднялись у меня дыбом на голове и сердце у меня остановилось.

Луна была такая яркая, что, несмотря на плотную желтую штору, в комнате было достаточно светло, чтобы видеть. Джонатан Харкер лежал на кровати с пылающим лицом, и тяжело дышал, словно он был в оцепенении. У того края постели, который был ближе к окну, виднелась стоящая на коленях фигура его жены в белом ночном одеянии. Около нее стоял высокий, стройный мужчина в черном. Сначала его лица не было видно, но как только мы получили возможность рассмотреть его, мы все узнали графа. В левой руке он держал обе кисти рук мистрис Харкер, сильно оттянув их; его правая рука сжимала ее затылок, прижав ее лицо к своей груди. Ее белое ночное одеяние было перепачкано кровью, которая тонкой струйкой стекала по обнаженной груди мужчины, видневшейся сквозь разорванное платье. Когда мы ворвались в комнату, граф обернулся к нам лицом, и адский взор, который мне так часто описывали, мелькнул перед нашими глазами. Его глаза пылали дьявольской страстью; широкие ноздри бледного орлиного носа раздувались и трепетали, а острые белые зубы за толстыми губами окровавленного рта щелкали, как зубы дикого зверя. Отбросив сильным толчком свою жертву, которая упала на постель, словно сброшенная с высоты, он повернулся и бросился на нас. Но в это время профессор был уже на ногах и держал перед собою сверток с освященной облаткой. Граф вдруг остановился, точно так же как остановилась бедняжка Люси у могилы, и попятился назад. Все далее и далее пятился он, когда

мы, подняв наши распятия, стали наступать на него. Луна внезапно скрылась, так как черная туча повисла на небе; и когда вспыхнул газ, зажженный Квинси, мы увидели лишь липкий пар. И мы видели, как этот пар тянулся над дверью, которая от силы размаха, когда мы ее открыли, снова самостоятельно хлопнулась. Ван Хельсинг, Арч и я бросились к мистрис Харкер, которая в это время глубоко вздохнула и испустила такой дикий, пронзительный и отчаянный крик, что, мне кажется, он будет звенеть в моих ушах до самого дня моей смерти. Несколько секунд она продолжала лежать в своей беспомощной позе, не обращая никакого внимания на беспорядок своей одежды. Ее лицо было страшно, и бледность его подчеркивалась кровавыми пятнами на ее губах, щеках и подбородке; с шеи у нее стекала тонкая струйка крови. В глазах ее был безумный ужас. Она приложила к лицу свои бедные полураздавленные руки, на которых пунцовыми пятнами выступали следы страшного графского нажима; затем мы услышали тихий, жалобный плач, который потряс нас не меньше, чем ее страшный крик, который был лишь первым выражением проснувшегося сознания. Ван Хельсинг первый подошел к кровати и прикрыл ее одеялом, между тем как Арч, поглядев с минуту в отчаянии на ее лицо, выбежал из комнаты. Ван Хельсинг шепнул мне:

— Джонатан находится в состоянии оцепенения, которое, как нам известно, может вызывать вампир. Мы ничем не можем помочь бедной мадам Мине, пока она не придет в себя; я должен разбудить его.

Он помочил кончик полотенца в холодной воде и стал тереть его лицо; жена же его продолжала закрывать лицо руками, рыдая так, что сердце разрывалось у нас на части. Я поднял штору и поглядел в окно. Полянка была залита лунным светом, и я увидел, как Квинси Моррис пробежал по ней и исчез за стволом большого тиса. Меня озадачило, зачем он это делает, но в эту минуту мое внимание было привлечено коротким восклицанием Харкера, который наполовину пришел в себя и повернулся на постели. На его лице, как и следовало ожидать, было написано выражение растерянности. Несколько секунд он пробыл в полусознании, а затем к нему разом вдруг вернулось полное осознание, и он задрожал. Его жена услышала это быстрое движение и простерла к нему свои руки как будто для того, чтобы обнять его; но, однако, она тотчас же отвела их назад и, закрыв лицо руками, забилась, точно в приступе сильнейшей лихорадки.

— Ради бога, что это значит? — воскликнул Харкер. — Доктор Сьюворт, доктор Ван Хельсинг, что это такое? Что случилось? Какая беда? Мина, дорогая, что случилось? Откуда эта кровь? Боже мой! Боже мой! Неужели дошло до этого! — И, поднявшись на ноги, он дико всплеснул руками. — Боже милосердный, помоги нам, помоги ей! О, помоги ей!

Быстрым движением он спрыгнул с постели и начал одеваться; в нем пробудился мужчина с его потребностью немедленного воздействия.

— Что случилось? Расскажите мне все! — крикнул он после паузы. — Доктор Ван Хельсинг, вы, я знаю, любите Мину. О, спасите ее как-нибудь! Это не могло зайти слишком далеко! Охраняйте ее, пока я побегу искать его.

Его жена в своем страхе, ужасе и горе почуяла опасность для него; тотчас же, позабыв свое собственное горе, она ухватилась за него и закричала:

— Нет! Нет! Джонатан, ты не должен оставлять меня! Я так настрадаюсь сегодня ночью, что не в силах буду пережить, боясь за тебя. Ты должен остаться со мной. Оставайся с нашими друзьями, которые поберегут тебя!

Когда она говорила, ее лицо выражало безумие; он уступил ей, и она страстно прижалась к нему.

Ван Хельсинг и я старались успокоить их обоих. Профессор поднял свое маленькое золотое распятие и произнес с удивительным спокойствием:

— Не бойтесь, моя дорогая. Мы здесь; и пока вот это возле вас, ничто нечистое не может приблизиться к вам. Вы в безопасности на сегодня; а мы должны быть спокойны и посоветоваться друг с другом, что нам делать дальше.

Она задрожала и умолкла, опустив голову на грудь мужа. Когда она подняла голову, его белая ночная одежда была запятнана кровью в том месте, куда прикоснулись ее губы и куда упали капли из маленькой ранки на шее. Как только она увидела это, она отодвинулась с тихим плачем и прошептала среди приглушенных рыданий:

— Нечистая, нечистая! Я не должна более прикасаться к нему или целовать его! О, как мог случиться такой ужас! Ведь теперь я его злейший враг, прикосновения которого он имеет полное основание бояться!

На это он ответил решительным тоном:

— Глупости, Мина! Мне стыдно слушать такие речи. Я не желаю, слышать этого от тебя и не стану слушать. Да судит меня Господь по делам моим, да накажет меня еще более горьким страданием, чем нынешнее, если когда-либо по моей вине или воле что-нибудь встанет между нами!

Он открыл объятия и прижал ее к своей груди; и она оставалась так несколько времени, тяжело вздыхая. Он глядел на нас поверх ее опустившейся головы грустными, полными слез глазами; на губах его мелькала горькая усмешка. Немного погодя ее вздохи стали реже и слабее; тогда он сказал мне, говоря с принужденным спокойствием, которое, как я почувствовал, давалось ему с большим трудом и страшно напрягало его нервы.

— А теперь, доктор Сьюворт, расскажите мне подробно все, что произошло. Я слишком хорошо знаю главное; расскажите мне все подробности.

Я точно передал ему все случившееся, и он слушал с кажущимся бесстрастием; но ноздри его вздрагивали, а глаза засверкали, когда я рассказал, как безжалостные руки графа держали его жену в ужасном положении, со ртом, прижатым к открытой ране на его груди. Как только я кончил рассказ, Квинси и Годаминг постучались в дверь. Они вошли, получив разрешение. Ван Хельсинг вопросительно поглядел на меня. Он как будто спрашивал, воспользоваться ли нам их приходом, чтобы отвлечь мысли несчастных супругов друг от друга; после моего утвердительного кивка он спросил у них, что они видели или что сделали. Лорд Годаминг ответил:

— Я не нашел его ни в коридоре, ни в одной из наших комнат. Я побывал в кабинете, но он уже ушел оттуда, хотя и был там. Он, однако...

Он вдруг замолчал, глядя на поникшую фигуру на постели. Ван Хельсинг торжественно произнес:

— Продолжайте, друг Артур. Теперь тайны более не нужны. Вся наша надежда на то, что мы все будем знать всё. Говорите свободно.

Артур продолжал:

— Он побывал там и, хотя провел там всего несколько секунд, но успел все уничтожить. Все рукописи были сожжены, и голубые огоньки вспыхивали еще в комнате; цилиндры вашего фонографа тоже был брошены в огонь, и воск помог пламени.

Тут я прервал его;

— Слава богу, что у нас есть другая копия в несгораемом шкафу.

Его лицо просветлело лишь на минуту, а потом снова омрачилось. Он продолжал:

— Я сбежал вниз, но не нашел даже его следов. Я заглянул в комнату Ренфилда; там тоже никаких следов, кроме...

Он снова замолчал.

— Продолжайте, — хрипло сказал Харкер.

Тот опустил голову и, смачивая кончиком языка губы, добавил:

— Кроме того, что бедняга умер!

Мне казалось, что Арч что-то скрывает; но так как я подумал, что это сделано с целью, то ничего не сказал. Ван Хельсинг обратился к Моррису и спросил:

— А вы, друг Квинси, имеете что-нибудь сообщить?

— Немного, — ответил тот. — Это могла быть случайность, но я не могу этого сказать с уверенностью. Мне казалось полезным узнать, куда направился граф, когда покинул дом. Я не нашел его; но я видел, как летучая мышь вылетела из окна Ренфилда на запад. Я ожидал, что он вернется в каком-нибудь виде в Карфакс; но, очевидно, он отыскал другую берлогу. Он и не вернется сегодня ночью; небо уже заалело на востоке, и рассвет близок. Мы должны действовать завтра.

Он проговорил последние слова сквозь стиснутые зубы. Минуты две длилось молчание, и мне казалось, что я слышу биение наших сердец; затем Ван Хельсинг сказал очень нежно, положив руку на голову мистрис Харкер:

— А теперь, мадам Мина, — бедная, дорогая, мадам Мина, — расскажите нам подробно, что случилось. Видит бог, что я не желаю расстраивать вас; но нам необходимо все знать. Теперь более, чем когда-либо, следует действовать быстро и решительно. Близится день, когда все должно закончиться, если это возможно; а теперь есть шансы на то, что мы останемся в живых и узнаем его тайну.

Бедная, милая мадам Мина задрожала, и я мог видеть, как напряжены ее нервы, когда она ближе прижала к себе своего мужа и все ниже и ниже опускала голову на его грудь. После паузы, в течение которой она, по-видимому, собиралась с силами, она заговорила:

— Я приняла усыпительное лекарство, которое вы так любезно дали мне, но оно долго не действовало. Бессонница была как будто сильнее лекарства, и мириады страшных мыслей толпились в моей голове... все связанные со смертью и вампирами; с кровью, болью и горем!

Ее муж невольно простонал, когда она обернулась к нему и любовно сказала:

— Не тревожься, дорогой! Ты должен быть смелым и твердым и помочь мне перенести страшное испытание. Если бы ты только знал, как трудно мне рассказывать об этом ужасе, ты бы понял, как мне нужна ваша общая помощь. Ну, я поняла, что моя воля должна помочь действию лекарства, раз оно полезно для меня, и я решила заснуть во что бы то ни стало. После этого сон, должно быть, скоро наступил, потому что я не помню ничего более. Приход Джонатана не разбудил меня, потому что, когда ко мне вернулась память, он уже лежал возле меня. В комнате был тот самый легкий белый туман, который я прежде замечала. Я не помню теперь, известно ли это вам; вы найдете заметку об этом в моем дневнике, который я покажу вам потом. Я почувствовала тот же смутный страх, который и раньше охватывал меня, и то же ощущение чужого присутствия. Я повернулась, чтобы разбудить Джонатана, но он спал так крепко, точно он принял усыпительное лекарство, а не я. Как я ни старалась, но не могла разбудить его. Это сильно напугало меня, и я оглядывалась кругом в ужасе. И сердце у меня замерло: около постели стоял высокий, стройный мужчина в черном, словно он выступил из тумана, или, вернее, словно туман превратился в его фигуру. Я сейчас же узнала его по описанию других. Восковое лицо; резкий, орлиный нос, на который падал свет тонкой белой линией; открытые красные губы с острыми белыми зубами между ними и красные глаза, какие, насколько мне помнится, я видела при закате солнца в окнах церкви Св. Марии в Уайтби. Я узнала также красный рубец на его лбу, след от удара Джонатана. С минуту мое сердце не билось; я бы закричала, но я была точно парализована. Он заговорил резким, язвительным шепотом, показывая на Джонатана: «Молчать! Если вы издадите хоть один звук, я схвачу его и вытащу из него мозг на ваших же глазах». Я была поражена и слишком испугана, чтобы действовать или говорить. С насмешливой улыбкой он положил мне руку на плечо и, крепко держа меня, обнажил другой рукой мое горло, говоря при этом: «Сначала легкое прохладительное в награду за мои труды. Пора вам привыкнуть; не в первый и не во второй раз ваши жилы утоляют мою жажду». Я была растеряна и, что довольно странно, не желала препятствовать ему. Я думаю, что это следствие того проклятия, которое является результатом его прикосновения к своей жертве. О Боже мой, Боже мой, сжался надо мной! Он прикоснулся своими ужасными руками к моему горлу!

Я чувствовала, как силы меня покидали, и я оказалась в полуобморочном состоянии. Как долго продолжался этот ужас, не знаю; но мне казалось, что много времени прошло, прежде чем он отвел от моего горла свой безобразный, ухмыляющийся рот. Я видела, как с него капала свежая красная кровь...

Затем он стал издеваться надо мной: «Итак, вы, подобно другим, хотите бороться со мной. Вы желаете помочь этим людям, поймать меня и помешать мне в моих планах. Вы знаете теперь, они также знают отчасти и скоро вполне узнают, что значит встать поперек моей дороги. Им следовало бы беречь свою энергию для своей защиты. В то время как они действовали хитростью против меня, — против меня, который властвовал над народами и повелевал ими, когда ваших друзей не было еще на свете, — я разрушал все их планы. И вы, самая дорогая для них, вы — сделались плотью от моей плоти, кровью от моей крови; родная мне, мой живительный источник на время, вы будете потом моим товарищем и помощником. Вы будете отмыщены; ведь никто из них не окажет вам помощи. Но пока вы должны быть наказаны за то, что вы сделали. Вы помогали вредить мне; теперь вы будете являться на мой зов. Когда мой мозг прикажет вам: „Приди“, вы поспешите через моря и земли на мой зов; для этой цели я сделаю вот что». Он распахнул при этом свою рубашку и своими длинными ногтями вскрыл жилу на своей груди; когда кровь брызнула, он крепко зажал в одну руку обе мои руки, другой рукой схватил меня за шею и прижал мой рот к ране, так что я должна была задохнуться или проглотить немного... О Боже мой! Боже мой! Что я сделала!.. Что сделала я, чтобы пережить этот ужас! Ведь я всегда старалась быть кроткой и честной. Господи, умиلسердись надо мной! Сжался над бедной душой, которой грозит более чем смертельная опасность; яви милосердие и пожалей тех, кому я дорога!

Затем она начала тереть губы, как бы желая очистить их от осквернения.

Пока она рассказывала свою страшную историю, восток алел и становился все светлее. Харкер был молчалив и спокоен; но на его лицо, по мере того как продолжался страшный рассказ, надвинулась серая тень, которая все более и более темнела при утреннем свете, и, когда блеснула красная полоска утренней зари, лицо выглядело совершенно темным под белеющими волосами...

Мы распорядились, чтобы один из нас оставался в ближайшем соседстве с несчастными супругами до тех пор, пока нам можно будет собраться и обсудить образ действия.

В одном я уверен: солнце взошло сегодня над самым несчастным домом на всем протяжении своего дневного пути.

ГЛАВА XXII

ДНЕВНИК ДЖОНАТАНА ХАРКЕРА

3 октября.

Я пишу эти строки, потому что должен что-нибудь делать, не то сойду с ума. Только что пробило шесть часов, и мы через полчаса должны собраться в кабинете и позавтракать, так как доктор Ван Хельсинг и доктор Сьювора решили, что если мы будем голодны, то не в силах будем исполнить наш план. Да, сегодня наши силы будут страшно напряжены. Я должен писать во что бы то ни стало, потому что не могу думать.

Я должен описать не только главные факты, но и каждую мелочь. Быть может, эти-то самые мелочи и объяснят нам все скорее, чем главные факты. Знание прошлого не может ухудшить моего положения или положения Мины.

Перед тем как приступить к обсуждению наших последующих действий, мы решили, что Мина должна быть вполне в курсе дела, что ни одно происшествие — как бы тяжело оно ни было — не должно быть скрыто от нее. Она сама с нами вполне согласилась.

— Отныне мы ничего не должны скрывать друг от друга, — сказала она. — К сожалению, мы уже слишком многое скрывали. И, кроме того, я не думаю, чтобы что-нибудь могло причинить мне большие страдания, чем те, которые я уже испытала, которые я сейчас испытываю. Что бы ни случилось, оно должно придать мне новое мужество, возбудить новую надежду.

Пока она говорила, Ван Хельсинг пристально смотрел на нее и произнес затем спокойным голосом:

— Дорогая госпожа Мина, разве вы не боитесь не только за себя, но и за других после всего того, что произошло?

Лицо ее опечалилось, но глаза сияли, как у мученицы, и она ответила:

— Ах нет! Потому что я готова на все!

— На что? — спросил он ласково, тогда как мы все сидели молча, потому что каждый из нас имел смутное представление о том, что она подразумевала. Ответ ее отличался прямолинейной простотой, как будто она констатировала самый обыденный факт:

— Потому что, как только я увижу, что причиняю горе тому, кого я люблю — а я буду зорко за этим следить, — я умру.

— Неужели вы хотите покончить с собою? — спросил он хриплым голосом.

— Да, я сделала бы это, если бы у меня не было друга, который меня любит, который избавит меня от такого горя, от такого отчаянного поступка.

Она бросила на него многозначительный взгляд. Когда она кончила, он встал, положил свою руку на ее голову и произнес торжественным тоном:

— Дитя мое, если это вам может помочь, то имейте в виду, что такой друг у вас есть. И если бы в этом сказалась необходимость, то я сам нашел бы для вас средство без страдания покинуть этот мир. Но, дитя мое, здесь есть несколько человек, которые станут между вами и смертью. Вы не должны умереть. Вы не должны пасть ни от чьей руки, а меньше всего от вашей собственной. Пока еще не мертв тот, кто испортил вашу счастливую жизнь, вы не должны умирать: пока он все еще обладает своим лукавым бессмертием, ваша смерть сделает вас такой же, как и он сам... Нет, вы обязаны жить! Вы обязаны бороться и стараться жить, хотя бы смерть казалось вам невыразимым благодеянием. Вы должны бороться с самой смертью, придет ли она к вам во время печали или радости, ночью или днем, в безопасности или в опасности! Итак, ради спасения вашей души вы не должны умереть — и не должны даже думать о смерти, пока не пройдет это ужасное несчастье.

Моя бедная Мина побледнела как смерть и задрожала всем телом. Мы все молчали, не будучи в состоянии помочь ей чем-нибудь. Наконец, она успокоилась и, обратившись к нему, сказала необыкновенно ласково, но вместе с тем печально, протягивая свою руку:

— Я даю вам слово, дорогой друг, что если Господь оставит меня в живых, то я постараюсь поступать так, как вы советуете, пока не освобожусь от ужаса. Затем мы приступили к выработке плана действий. Я сообщил ей, что на ее обязанности будет хранение всех бумаг, всех дневников и пластинок фонографа, которыми мы впоследствии, быть может, воспользуемся, — словом, что она будет заведовать нашим архивом, как она это делала до сих пор. Она с радостью и даже с величайшим интересом приняла это предложение.

— Быть может, это к лучшему, — сказал Ван Хельсинг, — что на нашем совещании после посещения Карфакса мы решили оставить в покое ящики, закрытые там. Если бы мы поступили иначе, то граф узнал бы о нашем намерении и, без сомнения, принял бы меры к тому, чтобы с другими убежищами нам это не удалось; теперь же он ничего не знает о наших планах. По всей вероятности, он не знает также и того, что мы обладаем средствами против его чар, и он не сможет ими больше пользоваться, как прежде. Мы настолько продвинулись вперед в наших знаниях и настолько познакомились с его логовищем, что по-

сле обыска его дома на Пиккадилли мы сможем его выследить. Сегодняшний день в нашем распоряжении: сегодня наш план должен быть окончательно приведен в исполнение. Восходящее солнце осветило нашу печаль: оно будет нас сегодня охранять. Прежде чем оно зайдет, чудовище должно быть побеждено, в кого бы оно ни превратилось. Днем оно связано со своею земной оболочкой. Оно не может растаять в воздухе, не может пройти сквозь замочные скважины и щели. Если оно хочет пройти через дверь, оно должно ее открыть, как и всякий другой смертный. Итак, сегодня нам надо отыскать все его убежища и уничтожить его. Если же нам не удастся схватить его и уничтожить, то мы должны его загнать в такое место, где могли бы впоследствии наверняка стереть его с лица земли.

Тут я вскочил, не будучи в состоянии сдержать себя при мысли, что, пока мы даром тратим время на разговоры, проходят драгоценные минуты, от которых зависит жизнь и счастье Мины. Но Ван Хельсинг предостерегающе поднял руку и сказал:

— Нет, любезнейший Джонатан, не забывайте старой истины: тише едешь — дальше будешь. Мы все будем действовать, и действовать сообща, притом с необыкновенной быстротой, когда настанет время. Я полагаю, что ключ к тайне находится в доме на Пиккадилли. Граф, наверное, приобрел для себя несколько домов. Он там хранит, конечно, документы, удостоверяющее его покупки, ключи и другие вещи. У него там имеется бумага, на которой он пишет, и чековая книжка. Там у него много необходимых предметов, потому что этот дом он может посещать спокойно в любое время, не обращая на себя внимания среди огромной толпы, движущейся по этой улице. Мы отправимся туда сейчас и обыщем дом; когда мы узнаем, что в нем заключается, тогда мы начнем, по выражению нашего общего друга Артура, — гнаться за старым хитрецом. Не так ли?

— Так пойдем же немедленно! — закричал я. — Мы ведь даром теряем драгоценное время.

Профессор не двинулся с места и спокойно сказал:

— А каким образом вы думаете проникнуть в дом на Пиккадилли?

— Все равно каким! — воскликнул я в ответ. — Если окажется нужным, то мы вломимся силой.

— А о полиции вы забыли? Где она будет и что она скажет по этому поводу?

Я был поражен; но я знал, что если он откладывает наш поход, то имеет для этого веские основания. Поэтому я ответил ему насколько мог спокойно:

— Не медлите больше, чем надо. Надеюсь, вы сами знаете, какие страшные мучения я испытываю.

— Да, дитя мое, я это знаю: и я вовсе не хочу увеличить ваших страданий. Но надо хорошенько обдумать, то что мы, в сущности, можем сделать в то время, когда все еще на ногах. Настанет и наше время. Я долго раздумывал и решил наконец, что простейший путь будет в то же время и самым лучшим. Мы желаем войти в дом, но у нас нет ключа: не так ли?

Я молча кивнул головой.

— Теперь представьте себе, что вы хозяин этого дома и не можете в него попасть; что бы вы сделали?

— Я бы пригласил какого-нибудь слесаря и заставил бы его открыть дверь.

— И неужели полиция не помешает вам?

— О нет! Если она знает, что слесарь приглашен хозяином.

— Значит, по вашему мнению, — сказал он, глядя пристально на меня, — недоразумение может быть только в том случае, если слесарь или полиция усомнятся в том, имеет ли она дело с настоящим владельцем или нет. Действительно, ваша полиция должна быть очень старательной и способной — настолько способной, чтобы читать в сердцах людей. Нет, нет, дорогой Джонатан, вы можете пробраться в сотню пустых домов Лондона или какого-нибудь другого города, и если вы поступите умно и притом будете действовать в подходящее время, то никто и не подумает помешать вам. Мы не пойдем так рано, чтобы полицейскому это показалось подозрительным, но мы отправимся после 10 часов, когда на улице много народу и когда все будут думать, что мы на самом деле хозяева дома.

Я вполне согласился с ним, и лицо Мины потеряло прежнее выражение отчаяния: его совет пробудил в нас надежду. Ван Хельсинг продолжал:

— Раз мы очутимся в доме, мы найдем там нити, ведущие к разгадке тайны. Некоторые из нас могут остаться там на всякий случай, остальные же отправятся в другие места — Бермондси и Майл-энд-Нью-Таун — отыскивать остальные ящики.

Лорд Годалминг встал.

— Я могу немного помочь вам, — сказал он. — Я сейчас протелеграфирую моим людям, чтобы они в определенных местах держали наготове экипажи и лошадей.

— Послушай, дружище! — воскликнул Моррис. — Тебя осенила блестящая мысль, потому что нам, пожалуй, и в самом деле придется ехать на лошадях: но разве вы не боитесь, что ваши экипажи, украшенные фамильным гербом, обратят на себя слишком большое внимание на проселочных дорогах Уолворта или Майл-энд-Нью-Таун? Я полагаю, что если мы отправимся на юг или на восток, то надо пользоваться кэбами и, кроме того, оставить их вблизи того места, куда мы пойдем.

— Наш друг Квинси прав! — сказал профессор. — Наше предприятие представляет много трудностей, и нам следует по возможности меньше обращать на себя внимание посторонних.

Интерес Мины к нашему делу все возрастал, и я с радостью видел, что благодаря этому она на время забыла свое ужасное ночное приключение. Она была бледна, как видение, страшно бледна, и притом так худа, что не видно было почти ее губ, поэтому видны были зубы. Я ничего не сказал ей об этом, боясь напрасно огорчить ее, но я вздрагивал от холода при мысли о том, что случилось с бедной Люси, когда граф высосал ее кровь. Хотя пока еще не за-

метно было, чтобы зубы стали острее, но ведь все произошло очень недавно, и можно было опасаться самого худшего.

Когда мы стали подробно обсуждать порядок выполнения нашего плана и решать, как расположить наши силы, то возникли новые сомнения. В конце концов было решено перед отправлением на Пиккадилли разрушить ближайшее логовище графа. Если бы он даже об этом узнал раньше времени, то все-таки мы опередили бы его, и тогда его присутствие в его чисто материальном, самом уязвимом виде дало бы нам в руки новые нити.

Что же касается расположения наших сил, то профессор решил, что после посещения Карфакса мы все проникнем в дом на Пиккадилли; затем я и оба доктора останутся там, в то время как лорд Годалминг и Квинси отыщут и разрушат убежище графа в Уолворте и Майл-энд-Нью-Таун. Было, конечно, возможно, хотя и мало вероятно, как сказал профессор, что граф явится днем в свой дом на Пиккадилли, и тогда мы можем там схватить его. Во всяком случае, мы можем последовать за ним. Я упорно стоял против этого плана, то есть, собственно, против того, чтобы отправиться с другими, настаивая на том, чтобы остаться для защиты Мины.

Я полагал, что смогу это сделать; но Мина не хотела и слышать об этом. Она сказала, что я могу быть там полезным, так как среди бумаг графа могут оказаться полезные указания, которые я пойму легче, чем другие, после моего приключения в Трансильвании и что, наконец, для борьбы с необыкновенным могуществом графа нам надо было собрать все наши силы. Я принужден был уступить, потому что решение Мины было непоколебимо; она сказала, будто ее последняя надежда заключается в том, что мы будем работать все вместе.

— Что же касается меня, — прибавила она, — то я его не боюсь. Я испытала уже худшее, и, что бы ни случилось, все же я найду хоть какое-нибудь успокоение. Ступай же, друг мой. Бог защитит меня, если такова Его воля, и без вас.

Тогда я встал и воскликнул:

— Итак, с богом! Пойдем, не теряя больше времени. Граф может прийти на Пиккадилли раньше, чем мы это предполагаем.

— Нет, этого не может быть! — произнес Ван Хельсинг, подняв руку.

— Почему? — спросил я его.

— Разве вы забыли, — ответил он, пытаясь улыбнуться, — что в прошлую ночь он пировал, и поэтому встанет позже?

Разве я мог это забыть! Разве я это когда-нибудь забуду! Забудет ли кто-нибудь из нас эту ужасную сцену? Мина собрала все свои силы, чтобы сохранить спокойствие. Но страдание пересилило ее, и, закрыв лицо руками, она вся задрожала и жалобно застонала.

Ван Хельсинг вовсе не желал напомнить ей о ее ужасном приключении. Он просто в своей рассеянности забыл о ее присутствии и упустил из виду ее участие в этом деле. Увидев, какое действие на нее произвели его слова, он сам испугался и попытался ее успокоить.

Наш завтрак не походил на обыкновенный завтрак. Мы пытались казаться веселыми и ободряли друг друга, но самой любезной и веселой из нас, казалось, была Мина. По окончании завтрака Ван Хельсинг встал и сказал:

— Теперь, друзья мои, мы приступим к исполнению нашего ужасного плана; скажите мне, все ли вооружены так, как в ту ночь, когда мы впервые проникли в логовище нашего врага; вооружены ли мы против нападения духов и против нападения смертных людей? Если да, то все в порядке. Теперь, госпожа Мина, вы, во всяком случае, здесь в полной безопасности... до восхода луны; а до этого времени мы вернемся... если нам вообще суждено вернуться! Но, прежде чем уйти, я хочу удостовериться в том, что вы вооружены против его личного нападения. Пока вы были внизу, я сам приготовил все в вашей комнате и оставил там некоторые предметы, при виде которых, как вы знаете, он не войдет. Теперь позвольте мне защитить вас самих. Этой освященной облаткой я касаюсь вашего чела во имя Отца и Сына и...

Послышался страшный стон, от которого у нас замерло сердце. Когда он коснулся облаткой чела Миной, то она обожгла ей кожу, как будто ее лба коснулись куском раскаленного добела металла. Как только она почувствовала боль, она сейчас же все поняла, ее измученные нервы не выдержали, и она испустила этот ужасный стон. Но дар речи скоро вернулся к ней; не успел заглухнуть отголосок стоны, как наступила реакция, и она в отчаянии упала на колени на пол, закрыв лицо своими чудесными волосами, точно скрывая струпы проказы на своем лице. Она заговорила сквозь рыдания:

— Нечистая! Нечистая! Даже сам Всемогуший избегает меня. Я должна буду носить это позорное клеймо до дня Страшного суда! Все умолкли. Я бросился рядом с ней на колени, чувствуя свою беспомощность, и крепко обнял ее. Несколько минут наши печальные сердца бились вместе, в то время как наши друзья плакали, отвернув головы, чтобы скрыть слезы. Наконец, Ван Хельсинг обернулся к нам и произнес таким необыкновенным серьезным тоном, что я понял, что на него нашло в некотором роде вдохновение:

— Быть может, вам и придется нести это клеймо, пока в день Страшного суда сам Бог не разберет, в чем ваша вина. Он это сделает, так как все преступления, совершенные на земле, совершены его детьми, которых Он поселил на ней. О госпожа Мина, если бы мы только могли быть там в то время, когда это красное клеймо, знак всезнания Господа, исчезнет и ваше чело будет таким же ясным, как и ваша душа! Клянусь вечностью, что клеймо исчезнет, когда Богу угодно будет снять с нас тяжелый крест, который мы несем. До этого же мы будем послушны Его воле и будем нести свой крест, как это делал Его Сын. Кто знает, может быть, мы избраны Его доброй волей и должны следовать Его приказанию, несмотря на удары и стыд, несмотря на кровь и слезы, сомнение и страх и все остальное, чем человек разнится от Бога.

В его словах звучала надежда и успокоение.

Пора было уходить. Я распрощался с Миной, и этого прощания мы не забудем до самой нашей смерти. Наконец мы вышли.

Я приготовился к одному: если окажется, что Мина до конца жизни останется вампиром, то она не уйдет одинокой в неведомую страну, полную ужасов.

Мы без всяких приключений вошли в Карфакс и нашли все в том же положении, как при нашем первом посещении. Трудно было поверить, что среди такой обыденной обстановки, свидетельствовавшей о пренебрежении и упадке, могло быть нечто возбуждающее такой невыразимый ужас, какой мы уже испытывали. Если бы мы не были к этому подготовлены и если бы у нас не остались ужасные воспоминания, то мы навряд ли продолжили бы нашу борьбу. В доме мы не нашли никаких бумаг, ни полезных указаний, а ящики в старой часовне выглядели точно так же, какими мы их видели в последний раз. Когда мы остановились перед доктором Ван Хельсингом, он сказал нам торжественно:

— Мы должны обезвредить эту землю, освященную памятью святых, которую он привез из отдаленного края для такой бесчеловечной цели. Он взял эту землю, потому что она была освящена. Таким образом, мы его победим его же оружием, так как сделаем ее еще более освященной. Она была освящена для людей, теперь мы ее посвятим Богу.

Говоря это, он вынул стамеску и отвертку, и через несколько минут крышка одного из ящиков с шумом отскочила.

Земля пахла сыростью и плесенью, но мы не обращали на это никакого внимания, потому что мы во все глаза внимательно следил за профессором. Взяв из коробочки освященную облатку, он положил ее благоговейно на землю, покрыл ящик крышкой и завинтил ее с нашей помощью.

Мы проделали это со всеми ящиками и затем оставили их, по-видимому, такими же, какими они были раньше; однако в каждом находилась облатка.

Когда мы заперли за собою дверь, профессор сказал:

— Многое уже сделано. Если все остальное будет исполнено так же легко и удачно, то еще до захода солнца чело госпожи Мины засияет в своей прежней чистоте; с нее исчезнет позорное клеймо.

Проходя по дороге к станции через луг, мы могли видеть фасад нашего убежища. Я взглянул пристально и увидел в окне моей комнаты Мину. Я послал ей привет рукой и кивком головы показал ей, что наша работа исполнена удачно. Она кивнула мне в знак того, что поняла меня.

Я с глубокой грустью смотрел, как она махала рукой на прощание. Мы с тяжелым сердцем добрались до станции и едва не пропустили поезд, который подходил к станции, когда мы выходили на платформу.

Эти строки мною записаны в поезде.

Пиккадилли. 12 часов 30 минут.

Перед тем как мы добрались до Фенчерч-стрит, лорд Годалминг сказал мне:

— Мы с Квинси пойдем за слесарем. Лучше, если вы не пойдете с нами, так как могут возникнуть некоторые затруднения, а при таких обстоятельствах нам, может быть, не удастся ворваться в покинутый дом. Но вы принадле-

жите к адвокатскому сословию, которое может поставить вам на вид, что вы хорошо знали, на что шли.

Я возразил, что не обращаю внимания на опасность и даже на свою репутацию, но он продолжал:

— К тому же чем меньше нас будет, тем меньше на нас будут обращать внимания. Мой титул поможет нам при переговорах со слесарем и при вмешательстве какого-нибудь полисмена. Будет лучше, если вы пойдете с Джоном и с профессором в Грин-парк, откуда вы можете наблюдать за домом. Когда вы увидите, что дверь будет открыта и что слесарь ушел, тогда входите все. Мы будем ожидать и впустим вас в дом.

— Совет хорош! — сказал Ван Хельсинг.

И мы не возражали. Годалминг и Моррис поехали в одном кэбе, а мы в другом. На углу Арлингтон-стрит мы оставили кэбы и вошли в Грин-парк. Сердце мое билось при виде дома, в котором заключалась наша последняя надежда. Он стоял мрачный и молчаливый, всеми покинутый, выделяясь среди своих веселых и нарядных соседей. Мы сели на скамейку, не спуская глаз с входных дверей, и закурили сигары, стараясь не обращать на себя внимания прохожих. Минуты в ожидании наших друзей протекали страшно медленно.

Наконец мы увидел экипаж, из которого вышли лорд Годалминг и Моррис, а с козел слез толстый коренастый человек с ящиком с инструментами. Моррис заплатил кучеру, который ему поклонился и уехал. Оба поднялись по ступенькам лестницы, и лорд Годалминг показал, что надо сделать. Рабочий снял свой пиджак и повесил его на забор, сказав что-то проходившему мимо полисмену. Полисмен утвердительно кивнул головой, слесарь опустился на колени и придвинул к себе инструменты. Порывшись в корзине, он выбрал несколько инструментов, которые он положил рядом с собою. Затем он встал, посмотрел в замочную скважину, подул в нее и, обратившись к предполагаемым хозяевам, сказал им что-то, на что лорд Годалминг ответил с улыбкой, а слесарь взял большую связку ключей, выбрал один ключ и попробовал им открыть замок. Повертев им немного, он попробовал второй, затем — третий. Вдруг дверь широко открылась, и они, все трое, вошли в дом. Мы сидели молча, я возбужденно курил свою сигару, Ван Хельсинг же оставался спокойным. Мы успокоились и стали ждать терпеливее, когда увидели, что рабочий со своими инструментами вышел. Он притворил дверь, упершись в нее коленями, пока прилаживал к замку ключ, который он наконец и вручил лорду Годалмингу. Тот вынул свой кошелек и заплатил ему. Слесарь снял шляпу, взял ящик с инструментами, надел пиджак и ушел; ни одна душа не обратила на это ни малейшего внимания.

Когда человек скрылся из виду, мы перешли через дорогу и постучали в дверь; Квинси Моррис сейчас же открыл ее: рядом с ним стоял и лорд Годалминг, куря сигару.

— Здесь очень скверно пахнет, — сказал лорд, когда мы вошли.

Действительно, пахло очень скверно, — точно в старой часовне Карфакса; на основании наших прежних опытов мы поняли, что граф очень часто поль-

зуются этим убежищем. Мы отправились исследовать дом, держась на случай нападения все вместе, так как мы знали, что имеем дело с сильным врагом; к тому же мы не знали, находится ли граф в доме или нет. В столовой, найдя за передней, мы нашли восемь ящиков с землей. Всего только восемь из девяти, которые мы искали. Наше предприятие не кончилось и никогда не будет доведено до конца, если мы не найдем недостающего ящика. Сперва мы открыли ставни окна, выходившего на маленький, вымощенный камнями двор. Прямо против окна находилась конюшня, похожая на крошечный домик. Там не было окон, и нам нечего было бояться нескромных взглядов. Мы не теряли времени и принялись за ящики. При помощи принесенных нами с собой инструментов мы их открыли один за другим и поступили так же, как с остальными, находившимися в старой часовне. Было ясно, что графа не было дома, и мы стали искать его вещи. Осмотрев внимательно остальные помещения, мы пришли к заключению, что в столовой находятся некоторые предметы, принадлежащие, пожалуй, графу. Мы подвергли их тщательному исследованию. Они лежали в каком-то беспорядке, похуже, однако, на порядок, на большом обеденном столе. Там лежала связка документов, удостоверявших покупку дома на Пиккадилли; бумаги, удостоверявшие продажу домов в Майл-энд-Нью-Таун и Бермондси; кроме того, нотная бумага, конверты, перья, чернила. Все они были защищены от пыли оберточной бумагой; затем мы нашли еще платяную щетку, гребенку и умывальник с грязной водой, красной от крови. В конце концов мы наткнулись на связку разных ключей, принадлежащих, по-видимому, другим домам. После того как мы осмотрели эту последнюю находку, лорд Годалминг и Моррис записали точные адреса домов на востоке и на юге города, захватили с собой ключи и отправились на поиски. Мы же, остальные, должны были остаться и терпеливо дожидаться их возвращения или прихода графа.

ГЛАВА XXIII

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА

3 октября.

В ожидании возвращения Годалминга и Морриса время тянулось страшно долго. Профессор всячески старался поддерживать в нас бодрость духа; но Харкер был так подавлен горем, что страшно было на него смотреть. Еще в прошлую ночь это был веселый, жизнерадостный человек, полный энергии, со здоровым моложавым лицом и темно-русыми волосами. Теперь же он превратился в угрюмого старика с седыми волосами, вполне гармонирующими с его впалыми щеками, горящими глазами и глубокими морщинами, следами перенесенных страданий. Но все же он еще не совсем потерял энергию. Этому обстоятельству он, вероятно, и будет обязан своим спасением, потому что если все пойдет хорошо, то он переживет этот период отчаяния, а после этого он как-нибудь вернется к действительной жизни. Бедный малый, я думал, что мое собственное горе было достаточно велико, но его!!!

Профессор знает это очень хорошо и всячески старается, чтобы его мозг работал. То, что он говорил нам тогда, было чрезвычайно интересно. Вот его слова, насколько я их помню:

— Я основательно изучил все попавшиеся в мои руки бумаги, которые имели какое-либо отношение к этому чудовищу; и чем больше я в них вникал, тем больше я приходил к убеждению, что его необходимо уничтожить. Везде в них говорится о его успехах: кроме того, видно, что он хорошо сознавал свое могущество. На основании сведений, полученных мною от моего друга Арминиуса из Будапешта, я пришел к заключению, что это был удивительнейший человек своего времени. Он был в одно и то же время и солдатом, и государственным деятелем, и даже алхимиком — эта последняя наука была высшей степенью знаний того времени. Он обладал большим умом и необыкновенными способностями: к сожалению, сердце его не знало страха и угрызений со-

вести. Он не отступил даже перед изучением схоластических наук, и, кажется, вообще не было такой области наук, которой он бы не изучил. Как нам известно, после его физической смерти его умственные силы сохранились; хотя, по-видимому, воспоминания о былом не сохранились полностью в его мозгу. Некоторые части его мозга так же мало развиты, как и у ребенка. Однако он продолжает развиваться, и поэтому многое, что прежде казалось детским, теперь возмужало. Он производит удачные опыты; и если бы мы не стали на его пути, то он сделался бы — и он этим сделается, если наш план не удастся, — родоначальником новых существ, которые будут существовать «в смерти», а не в жизни.

С первого же дня своего прибытия он испытал свое могущество: его детский ум работал, продвигаясь вперед медленно, но зато уверенно: но если бы он осмелился с самого же начала приняться за некоторые тайные науки, то мы уже давно были бы бессильны против него. Впрочем, он надеется достичь успеха, а человек, у которого впереди еще столетия, может спокойно ждать и не торопиться. — Тише едешь — дальше будешь — вот его девиз.

— Я не понимаю, — сказал печально Харкер. — Прошу вас объяснить мне все подробнее. Быть может, горе и беспокойство затемняют мой разум.

— Хорошо, дитя мое, я постараюсь быть ясным. Разве вы не заметили, как это чудовище постепенно приобретало свои знания на основании своих опытов, как оно воспользовалось пациентом, чтобы войти в дом нашего Джона, потому что вампир хотя и может входить в жилище человека, когда и как ему угодно, но не раньше, чем его позовет туда такое же существо, как и он. Но это еще не главные его опыты. Разве мы не видели, как вначале эти большие ящики перетаскивали другие; правда, он этого не знает, но это действительно так. Но все время, пока его младенческий разум развивался, он обдумывал, нельзя ли ему самому передвинуть ящик. Таким образом, он начал помогать; когда же он увидел, что все идет хорошо, то и сам без посторонней помощи сделал попытку перенести некоторые ящики, и никто, кроме его одного, не мог знать, где они скрыты. Он, вероятно, зарыл их глубоко в землю, так что он пользуется ими только ночью или же в то время, когда может изменить свой образ; и никто не подозревает, что он в них скрывается. Но, дитя мое, не предавайтесь отчаянию! Это знание он приобрел слишком поздно! Теперь уже все его убежища уничтожены, за исключением лишь одного, да и это последнее также будет нами найдено до заката солнца. Тогда у него не будет места, где бы он мог скрыться. Я медлил утром, чтобы мы могли действовать наверняка. Ведь мы рискуем не меньше его! Так почему же нам не быть осторожнее его? По моим часам теперь ровно час, и если все обошлось благополучно, то Артур и Квинси находятся сейчас на обратном пути. Сегодняшний день — наш, и мы должны действовать уверенно, хотя и не опрометчиво, не упуская из виду ни одного шанса: ведь если отсутствующие вернутся, то нас будет пятеро против одного.

Вдруг при его последних словах мы вздрогнули, потому что за дверью раздался стук. Мы все разом бросились в переднюю, но Ван Хельсинг, приказав

нам шепотом остаться, подошел к двери и осторожно открыл ее... Рассыльный подал ему телеграмму. Профессор, заперев снова дверь, открыл депешу и громко прочел:

«Ожидайте Дракулу. Он только что, 12 ч. 45 м., поспешно из Карфакса отправился по направлению к югу. Он, по-видимому, делает обход и хочет вас поймать врасплох. *Мина*».

Наступило продолжительное молчание. Наконец послышался голос Харкера:

— Теперь, слава богу, мы его встретим!

Ван Хельсинг быстро обернулся к нему и сказал:

— Все случится по Божьей воле и когда Он этого пожелает. Не бойтесь, но и не радуйтесь преждевременно: быть может, именно то, чего мы желаем, будет причиной нашей гибели.

— Я теперь думаю только о том, чтобы стереть этого зверя с лица земли. Для этой цели я готов даже продать свою душу!

— Тише, тише, дитя мое! — быстро перебил его Ван Хельсинг. — Бог не покупает душ, а дьявол если и покупает, то никогда не держит своего обещания. Но Бог милостив и справедлив, и Он знает ваши страдания и вашу любовь к Мине. Подумайте о том, как увеличится ее горе, когда она услышит ваши безумные слова. Доверьтесь нам, мы все преданы этому делу, и сегодня все должно кончиться. Настало время действовать. Днем вампир не сильнее остальных людей, и до заката солнца он не переменит своего образа. Ему надо время, чтобы прибыть сюда, — посмотрите, уже 20 минут второго, — и как бы он ни торопился, все же у нас впереди еще несколько минут, прежде чем он явится сюда. Главное, лишь бы лорд Артур и Квинси прибыли раньше него.

Приблизительно через полчаса после того, как мы получили телеграмму от госпожи Харкер, в дверях раздался решительный стук. Это был самый обыкновенный стук: так стучат ежеминутно тысячи людей; однако, услышав его, наши сердца сильно забились. Мы посмотрели друг на друга, и все вместе вышли в переднюю: каждый из нас держал наготове свое оружие — в левой руке оружие против духов, в правой — против людей. Ван Хельсинг отодвинул задвижку, приоткрыл немного дверь и отскочил, приготовившись к нападению. Но наши лица повеселели, когда мы увидели на пороге лорда Готтальда и Квинси Морриса. Они торопливо вошли, закрыв за собою дверь, и первый сказал, проходя через переднюю:

— Все в порядке. Мы нашли оба логовища: в каждом было по шесть ящиков, которые мы и уничтожили.

— Уничтожили? — переспросил профессор.

— Да, он ими не может воспользоваться!

Наступила небольшая пауза, которую первым нарушил Квинси, сказав:

— Теперь нам остается только одно — ожидать его здесь. Если же до пяти часов он не придет, то мы должны уйти, потому что было бы неблагоприятно оставить госпожу Харкер после захода солнца одну.

— Он теперь скоро должен прийти, — сказал Ван Хельсинг, глядя в свою карманную книжку. По телеграмме Мины видно, что он направился на юг, значит, ему придется переправиться через реку, что он может сделать только во время отлива, то есть немного раньше часа. То обстоятельство, что он направился на юг, имеет для нас большое значение. Он теперь только подозревает наше присутствие, а мы отправились из Карфакса сперва туда, где он меньше всего мог ожидать нашего появления. Мы были в Бермондси за несколько минут до его прихода. То обстоятельство, что его еще здесь нет, доказывает, что он отправился в Майл-энд-Нью-Таун. Это заняло некоторое время, так как ему надо было затем пересечь через реку. Поверьте мне, друзья мои, нам не придется больше долго ждать. Мы должны были бы составить какой-нибудь план нападения, чтобы не упустить чего-либо. Но тише, теперь нет больше времени для разговоров. Приготовьте свое оружие.

При этих словах он поднял руку, предлагая нам быть на стороже, и мы все услышали, как кто-то осторожно пытался отворить ключом входную дверь.

Даже в этот страшный момент я мог только удивляться тому, как властный характер повсюду выказывает себя. Когда мы вместе с Квинси Морриссом и Артуром охотились или просто рыскали по всему свету, ища приключений, Моррисс всегда был нашим коноводом, составляя план действий, мы же с Артуром привыкли слепо повиноваться ему. Теперь, казалось, мы опять инстинктивно вернулись к старой привычке. Бросив беглый взгляд на комнату, он тотчас же изложил свой план нападения и затем, не говоря ни слова, жестами указал каждому свое место. Ван Хельсинг, Харкер и я стали как раз за дверью, так что если ее откроют, то профессор мог защитить ее, пока мы вдвоем загораживали бы выход. Квинси спрятался впереди, так что его нельзя было видеть, держась наготове и преграждая путь к окну. Мы ждали с таким напряжением, что секунды казались целой вечностью. Тихие, осторожные шаги слышались в передней: граф, по-видимому, ожидал нападения, по крайней мере нам это казалось.

Вдруг одним прыжком он очутился посреди комнаты, прежде чем кто-нибудь из нас мог поднять против него руку и преградить дорогу. В его движениях было столько хищного, столько нечеловеческого, что мы нескоро пришли в себя от удивления, вызванного его появлением. Харкер первый поспешно бросился к двери, которая вела в комнату, выходящую на улицу. Граф при виде нас дико зарычал, оскалив свои длинные острые зубы, но злая усмешка быстро исчезла, и холодный взгляд его выражал лишь гордое презрение.

Затем выражение его лица снова изменилось, когда мы все, словно по внушению, двинулись на него. Как жаль, что мы не составили лучшего плана нападения, так как и в этот момент я недоумевал, что нам делать.

Я сам не знал, поможет ли нам наше смертоносное оружие или нет. Харкер, по-видимому, хотел это испытать, так как он приготовил свой длинный малайский кинжал и в бешенстве замахнулся на него. Удар был страшный,

и граф спасся от смерти только благодаря той дьявольской ловкости, с которой он отпрыгнул назад. Опоздай он на секунду — и острое лезвие кинжала пронзило бы его сердце. Теперь же кончик ножа разрезал лишь его сюртук, и из разреза выпала пачка банковых билетов, а затем на пол полился целый дождь золотых монет. Лицо графа приняло такое дьявольское выражение, что я сперва опасался за Харкера, хотя я и видел, что он поднял страшный нож и приготовился ударить вторично. Я инстинктивно двинулся вперед, держа в поднятой правой распятие, а в левой — освященную облатку. Я чувствовал, что по моей руке пробежала могучая сила, и я с удивлением заметил, что чудовище прижалось к стене, так как остальные последовали моему примеру. Никакое перо не в состоянии было бы описать то выражение дикой ненависти и коварной злобы, то дьявольское бешенство, которое исказило лицо графа. Восковой цвет его лица сделался зеленовато-желтым, глаза запылали адским пламенем, а красный рубец выделялся на бледном лбу, как кровавая рана. В одно мгновение граф ловким движением проскользнул под рукой Харкера, прежде чем тот успел его ударить и, схватив с пола горсть монет, бросился через комнату и выпрыгнул в окно. Стекла со звоном разлетелись вдребезги, и он упал на двор, выложенный каменными плитами. Сквозь звон разбитого стекла я слышал, как несколько золотых sovereignов, звеня, упали на плиты. Мы кинулись за ним и увидели, как он вскочил невредимый и, перебежав через двор, открыл дверь конюшни. Затем он остановился и закричал нам:

— Вы думаете победить меня — да ведь вы с вашими бледными лицами похожи на стадо баранов перед мясниками. Да никто из вас не будет рад, что возбудил мой гнев. Вы думаете, что я остался без всякого убежища, а между тем у меня их много. Мщение мое только что начинается! Оно будет продолжаться столетия, и время будет моим верным союзником. Женщины, которых вы любите, уже все мои, а через них и вы все будете моими — моими тварями, исполняющими мои приказания, и моими шакалами, вот!

И, засмеявшись презрительно, он быстро вошел в дверь, и мы ясно слышали скрип заржавленной задвижки.

Вдали послышался шум отворяемой двери, которую сейчас же захлопнули. Поняв невозможность следовать за ним через конюшню, мы все бросились в переднюю. Первым заговорил профессор:

— Мы кое-что сейчас узнали, и даже многое узнали! Несмотря на свои гордые слова, он нас боится: он боится времени, боится и бедности! Если бы это было не так, то зачем же он так торопился? Самый тон его выдал его, или же мой слух обманул меня. Зачем он подобрал эти деньги? Следуйте за ним скорее. Думайте, что вы охотитесь за хищным зверем. Я сделаю так, что он не найдет здесь ничего нужного для себя, если ему вздумается вернуться.

Во время этих слов он положил оставшиеся деньги в карман, взял связку документов, которую бросил Харкер, и, собрав все остальные предметы, бросил все в камин и зажег всю пачку.

Годалминг и Моррис выбежали на двор. Харкер опустился из окна, и, пока они открывали дверь, его и след простыл. Я и Ван Хельсинг принялись искать позади дома, но птичка улетела, и никто не видал, как и куда.

Становилось поздно, и до захода солнца оставалось немного времени. Мы должны были признаться, что наша кампания на сегодняшний день кончилась; и нам пришлось с тяжелым сердцем согласиться с профессором, который сказал:

— Вернемся к госпоже Мине! Мы сделали все, что можно было сделать; здесь же мы меньше всего в состоянии защитить ее. Но не следует приходить в отчаяние. Остался всего один ящик, и нам необходимо его найти во что бы то ни стало; когда это будет сделано, все будет хорошо.

Я видел, что он говорил так смело для того, чтобы успокоить Харкера, который был совсем подавлен.

С тяжелым сердцем вернулись мы домой, где нашли госпожу Мину, ожидавшую нас с показным спокойствием, делавшим честь ее храбрости и бескорыстию. Увидев наши печальные лица, она побледнела как смерть, но она спокойно сказала:

— Я не знаю, как вас всех благодарить!

Мы поужинали все вместе и немного повеселели. Исполняя свое обещание, мы рассказали Мине все, что произошло. Она слушала спокойно, без всякого страха, и, только когда говорили о том, какая опасность угрожала ее мужу, она побледнела как снег. Когда мы дошли до того места, как Харкер отважно бросился на графа, она крепко схватила мужа за руку, как будто защищая его от несчастья. Однако она ничего не сказала, пока мы не кончили нашего повествования и не определили настоящего положения дел. Тогда, не выпуская руки своего мужа, она встала и заговорила:

— Дорогой Джонатан и все вы, верные мои друзья, я знаю, что вы должны бороться, — что вы должны его уничтожить, так же как вы уничтожили ту — чужую — Люси, чтобы настоящая Люси потом перестала страдать. Но это не ненависть. Та бедная душа, которая является виновником этого несчастья, достойна сама величайшего сожаления. Подумайте, как она обрадуется, если ее худшая половина будет уничтожена, чтобы лучшая половина достигла бессмертия. Вы должны испытать жалость и к графу, хотя это чувство не должно вас удержать от его уничтожения.

Ее слова причинили страшные мучения Джонатану, который резко ответил:

— Дай бог, чтобы он попался в мои руки, чтобы я мог уничтожить его земную жизнь и тем самым достичь нашей цели. И если бы я затем мог послать его душу навеки в ад, я это охотно сделал бы!

— Тише! Тише! Ради бога, замолчи! Не говори таких вещей, дорогой Джонатан, ты меня пугаешь. Подожди, дорогой. — Я думала в течение всего этого долгого, бесконечного дня... быть может... когда-нибудь и я буду нуждаться в подобном сожалении и что кто-нибудь другой, как теперь ты, откажет мне в этом. Я бы тебе не говорила об этом, если бы могла. Но я молю Бога, чтобы

Он принял твои безумные слова лишь за вспышку сильно любящего человека, сердце которого разбито и омрачено горем.

Он бросился перед ней на колени и, обняв ее, спрятал лицо свое в складках ее платья. Ван Хельсинг кивнул нам, и мы тихо вышли из комнаты, оставив эти два любящих сердца наедине с Богом.

Прежде чем они пошли спать, профессор загородил вход в их комнату, чтобы вампир не мог проникнуть туда, и уверил госпожу Харкер в ее полной безопасности. Она сама пыталась приучить себя к этой мысли и, видимо, ради своего мужа старалась казаться довольной. Это было смелое усилие, и я думаю, она была за это вполне вознаграждена. Ван Хельсинг оставил им колокольчик, чтобы они могли в случае надобности позвонить. Когда они ушли, Квинси, Годалминг и я решили бодрствовать поочередно всю ночь напролет и охранять бедную, убитую горем женщину. Первым остался сторожить Квинси, остальные же постарались по возможности скорее лечь в постель. Годалминг уже спит, так как его очередь сторожить вторая. Теперь и я окончил свою работу; последую его примеру.

ДНЕВНИК ДЖОНАТАНА ХАРКЕРА

Полночь с 3 на 4 октября.

Я думал, что вчерашний день никогда не кончится. Я страшно боялся уснуть, думая почему-то, что если я буду бодрствовать, то ночью произойдет какая-нибудь перемена, а всякая перемена в нашем положении будет к лучшему. Прежде чем уйти спать, мы еще стали обсуждать, каковы будут наши дальнейшие шаги, но не пришли ни к какому соглашению. Мы знаем только, что у графа остался один ящик и что только он один знает, где тот находится. Если он пожелает в нем спрятаться, то в течение многих лет мы ничего не сможем предпринять; а между тем мне от одной этой мысли страшно, я не смею об этом теперь думать. Но я верю, что Бог спасет мою Мину! В этом моя надежда! Мы несемся на подводные скалы, и Бог наш единственный якорь спасения. Слава Богу! Мина спит спокойно и не бредит. Я боялся, что сны ее будут такие же страшные, как и действительность, вызывающая их. После захода солнца я вижу ее впервые такой спокойной. Лицо ее засияло тихим спокойствием, как будто его освежило дуновение весеннего ветерка. Я сам не сплю, хотя и устал, устал до смерти. Но я должен уснуть, потому что завтра надо все обдумать, и я не успокоюсь, пока...

Немного спустя.

Я все-таки, по-видимому, заснул, так как Мина разбудила меня. Она сидела в постели с искаженным от ужаса лицом. Я мог все видеть, так как в комнате было светло. Она закрыла мой рот рукою и прошептала на ухо:

— Тише! В коридоре кто-то есть!

Я тихо встал и, пройдя через комнату, открыл осторожно дверь.

Передо мной с открытыми глазами лежал м-р Моррис, вытянувшись на матрасе. Увидев меня, он поднял руку и прошептал:

— Тише! Идите спать; все в порядке. Мы будем поочередно здесь сторожить. Мы приняли все меры предосторожности.

Взгляд его и решительный жест не допускал дальнейшего возражения, так что я опять, вернулся к Мине и сообщил ей обо всем. Она вздохнула, и по ее бледному лицу пробежала едва заметная улыбка, когда она, обняв меня, нежно промолвила:

— Да поможет Бог этим добрым людям! — с тяжелым вздохом она опустилась на кровать и скоро снова заснула.

4 октября. Утро.

В продолжение этой ночи я еще раз был разбужен Миной. На этот раз мы успели хорошо выспаться, так как серое утро уже глядело в продолговатые окна.

— Скорее, позови профессора! — сказала она торопливо. — Мне нужно его немедленно видеть.

— Зачем? — спросил я.

— Мне пришла в голову мысль. Я думаю, что она зародилась и развилась в моем мозгу ночью, так что я этого не знала. Мне пришло в голову, что он должен загипнотизировать меня до восхода солнца, и тогда я сумею многое рассказать. Иди скорее, дорогой мой. Времени осталось мало.

Я отправился к двери. Доктор Сьювора сидел на матрасе и при моем появлении быстро вскочил на ноги.

— Разве что-нибудь случилось? — спросил он в тревоге.

— Нет, — отвечал я, — но Мина хочет сейчас видеть Ван Хельсинга!

— Я пойду за ним, — сказал он, бросаясь в комнату профессора.

Минуты через две-три Ван Хельсинг стоял уже совершенно одетый в нашей комнате, в то время как Моррис и Годаминг расспрашивали доктора Сьюворда. Увидев Мину, профессор улыбнулся, чтобы скрыть свое беспокойство, потер руки и сказал:

— О дорогая Мина, это действительно перемена к лучшему. Посмотрите-ка, Джонатан, мы вернули себе нашу Мину, она точно такая же, какой была всегда... Ну, чего вы от меня хотите? Ведь не даром же вы меня позвали в такой неурочный час.

— Я хочу, чтобы вы меня загипнотизировали, — ответила она, — и потом до восхода солнца, так как я чувствую, что могу говорить свободно. Торопитесь, потому что время не терпит!

Не говоря ни слова, он заставил ее сесть в постели.

Затем, устремив на нее пристальный взгляд, он стал проделывать пассы, водя руками сверху вниз. Постепенно глаза Мины начали смыкаться, и вскоре она заснула. Профессор сделал еще несколько пассов и затем остановился;

я видел, что с его лба градом струился пот. Мина открыла глаза, но теперь она казалась совсем другой женщиной. Глаза ее глядели куда-то вдаль, а голос звучал как-то мечтательно, чего я прежде никогда не слышал. Профессор поднял руку в знак молчания и приказал мне позвать остальных. Они вошли на цыпочках, заперев за собою дверь, и стали у конца кровати. Мина их, видимо, не замечала. Наконец Ван Хельсинг нарушил молчание, говоря тихим голосом, чтобы не прервать течения ее мыслей.

— Где вы?

— Я не знаю, — слышался ответ.

На несколько минут опять водворилась тишина. Мина сидела без движения перед профессором, вперившим в нее свой взор; остальные едва осмеливались дышать. В комнате стало светлей; все еще не сводя глаз с лица Мины, профессор приказал мне поднять шторы. Я исполнил его желание, и розовые лучи солнца расплылись по комнате. Профессор сейчас же продолжал:

— Где вы теперь?

Ответ прозвучал как бы издалека:

— Я не знаю. Все мне чуждо!

— Что вы видите?

— Я ничего не могу различить, все темно вокруг меня.

— Что вы слышите?

— Плеск воды; она журчит и волнуется, точно вздымая маленькие волны.

Я слышу их снаружи.

— Значит, вы находитесь на корабле?

— О да!

— Что вы еще слышите?

— Шаги людей, бегающих над моей головою; кроме того, лязг цепей и грохот якоря.

— Что вы делаете?

— Я лежу спокойно, да, спокойно, как будто я уже умерла!

Голос ее умолк, и она задышала, как во сне, глаза закрылись.

Между тем солнце поднялось высоко, и наступил день. Ван Хельсинг положил свои руки на плечи Мины и осторожно положил ее голову на подушку. Она лежала несколько минут, как спящее дитя, затем глубоко вздохнула и с удивлением посмотрела на нас.

— Я говорила во сне? — спросила она. Она это, по-видимому, и так знала; но ей хотелось знать, что она говорила. Профессор повторил ей весь разговор и сказал:

— Итак, нельзя терять ни минуты; быть может, еще не поздно!

М-р Моррис и лорд Годалминг направились к двери, но профессор позвал их спокойным голосом:

— Подождите, друзья! Судно это поднимало якорь в то время, когда она говорила. В огромном порту Лондона сейчас многие суда готовятся к отходу. Которое из них наше? Слава богу, что у нас опять есть нить, хотя мы и не зна-

ем, куда она нас приведет. Мы были слепы; если мы теперь бросим взгляд назад, то поймем, что мы могли бы тогда увидеть. Мы теперь знаем, о чем думал граф, захватывая с собою деньги, хотя ему и угрожал страшный кинжал Джонатана, так что даже он испугался. Он хотел убежать. Вы слышите, убежать! Но, зная, что у него остался всего один ящик и что ему не укрыться в Лондоне, где его преследуют пять человек, словно собаки, охотящиеся за птицей, он сел на судно, захватив с собою ящик, и покинул страну. Он думает убежать, но нет, мы последуем за ним. Наша лиса хитра, о, как хитра! И мы должны за ней ловко следить. Я также хитер и, думаю, хитрее него. А пока мы можем быть спокойны, потому что между ним и нами лежит вода и он не может сюда явиться, пока судно не пристанет к земле. Посмотрите, солнце уже высоко и день принадлежит нам до захода солнца. Примем ванну, оденемся и позавтракаем, в чем все нуждаемся и что мы можем спокойно сделать, так как его нет больше в этой стране.— Но зачем нам его искать, раз он уехал?

Он взял ее руку и погладил ее, говоря:

— Не спрашивайте меня пока ни о чем, после завтрака я вам все расскажу.

Он замолчал, и мы разошлись по своим комнатам, чтобы переодеться. После завтрака Мина повторила свой вопрос.

Он посмотрел на нее серьезно и затем ответил печальным голосом:

— Потому что, дорогая госпожа Мина, мы теперь больше, чем когда-либо, должны найти его, если бы даже нам пришлось проникнуть в самый ад!

Она вся побледнела и спросила едва слышно:

— Почему?

— Потому что, — ответил он торжественно, — он может прожить сотни лет, а вы только смертная женщина! Теперь надо бояться времени, раз он наложил на вас свое клеймо.

Я вовремя успел подхватить ее, так как она упала как подкошенная.

ГЛАВА XXIV

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА

(Фонографическая запись того,
что было написано профессором Ван Хельсингом Джонатану Харкеру)

Вы остаетесь здесь с Миной, в то время как мы отправимся на поиски. Сегодня он ни в коем случае не явится сюда. Позвольте вам теперь сообщить то, что я уже рассказал другим. Наш враг бежал; он отправился в свой трансильванский замок. Я уверен в этом, точно видел, как чья-то рука начертала огнем на стене. Он к этому давно готовился на всякий случай; поэтому-то он и держал наготове последний ящик, чтобы отправить его на корабль. Для этого он и деньги взял; поэтому он и торопился так, чтобы мы не могли его захватить до захода солнца. Это была его последняя надежда, хотя он, кроме того, думал, что может скрыться в могиле, которую приготовит для него наша бедная Люси; он думает, что она такая же, как и он. Но у него не оставалось больше времени. Потерпев поражение, он обратился к своему последнему средству спасения, своему последнему земному пристанищу.

Он храбр, да, он очень храбр! Он знает, что его игра здесь кончена, и поэтому решил вернуться домой. Он нашел судно, которое отправлялось по тому пути, по которому он приехал сюда, и он сел на него. Нам теперь надо отправиться и узнать, какое это судно, а также и его место назначения. Таким образом мы окончательно успокоим вас и бедную госпожу Мину, возбудив в ваших душах новую надежду. Ведь вся ваша надежда в мысли, что не все еще потеряно. Этому чудовищу, которое мы преследуем, понадобилось несколько сот лет, чтобы добраться до Лондона; а мы теперь его изгнали в один день, так как изучили пределы его власти. Он погиб, хотя все еще в состоянии причинить много зла и страдает далеко не так, как мы. Но и мы сильны, каждый по-своему; и все вместе мы еще сильнее. Воспряньте же духом! Борьба только начнется, и в конце концов мы победим, в этом я так же уверен, как и в том, что Бог на небесах охраняет своих детей. Поэтому будьте вполне спокойны и ждите нашего возвращения.

Ван Хельсинг.

ДНЕВНИК ДЖОНАТАНА ХАРКЕРА

4 октября.

Когда я прочел Мине послание Ван Хельсинга, бедняжка, значительно повеселела. Уже одно известие о том, что граф покинул страну, успокоило ее; а успокоение придало ей силы. Что касается меня, то теперь, когда эта страшная опасность не угрожает нам больше, мне даже кажется, что этому нельзя верить. Даже мои собственные ужасные приключения в замке Дракулы кажутся какими-то давно позабытыми сновидениями. Здесь, на свежем осеннем воздухе, в ярких лучах солнца... Увы! Разве я смею не верить?! Во время моих мечтаний взгляд мой упал на красное клеймо на белом лбу моей дорогой жены. Пока оно не исчезнет, я не могу не верить.

ДНЕВНИК МИНЫ ХАРКЕР

5 октября. 5 часов пополудни.

Профессор Ван Хельсинг сообщил нам, какие шаги он предпринял для того, чтобы узнать, на каком корабле и куда бежал граф Дракула.

— Так как я знал, что он стремится вернуться в Трансильванию, то был уверен, что он проедет через устье Дуная или, во всяком случае, через Черное море, так как он прибыл сюда этим путем.

Мы принялись наводить справки, какие корабли отплыли в порты Черного моря. Нам было известно, что он находится на парусном судне, потому что госпожа Мина сказала, что слышала, как поднимают паруса. Обыкновенно эти суда не попадают в список отправлений кораблей, печатаемый в *The Times*, и потому по настоянию лорда Годалминга мы навели справки в конторе Ллойда; здесь имеются сведения о всех судах, как бы малы они ни были. Там мы узнали, что только одно судно отплыло с приливом от Дулитаской пристани по назначению в Черное море. Это была *Czarina Catherine*¹, которая направлялась в Варну, а оттуда в другие порты и вверх по Дунаю!

Так вот, — подумал я, — на этом-то судне и находится граф. Мы отправились все к Дулитаской пристани и нашли там в крошечной конторе толстого господина. У него мы осведомились о *Czarina Catherine*. Он орал, клялся и ругался, лицо его при этом наливалось кровью, но все же он оказался славным малым, когда Квинси дал ему новенький кредитный билет, он взял его и после этого стал мягким, как воск. Он пошел с нами, расспрашивая встречаемых, не отличившихся особою вежливостью: но и они оказались славными ребятами, когда их не мучает жажда. Они-то и сообщили нам все, что нам нужно было знать.

Из их разговоров оказалось, что около пяти часов прибежал какой-то человек. Высокий, худощавый и бледный мужчина, с горбатым носом, белыми зу-

¹ «Императрица Екатерина» (англ.).

бами и сверкающими глазами. Одет он был во все черное, только шляпа на нем была соломенная и не подходила к сезону. Он не щадил денег, чтобы узнать скорее, какое судно отправляется в гавани Черного моря. Некоторые указали ему контору, а затем и корабль, однако он отказался взойти на последний и остановился у мостков, попросив капитана спуститься к нему. Капитан вышел, узнав предварительно, что ему хорошо заплатят, и хотя он в начале и ругался, но все-таки заключил условие. Затем худощавый господин спросил, где можно нанять лошадь и телегу. Он ушел, но вскоре опять вернулся, сопровождая тележку, на которой находился большой ящик, который он сам снял с телеги, хотя, чтобы поднять его на судно, понадобилось несколько человек. Он долго объяснял капитану, куда надо поставить ящик, но тому это не нравилось, и он ругался на всех языках, приглашая господина подняться и самому посмотреть, где будет стоять ящик. Но тот отказался, говоря, что у него много дел. На что капитан ему ответил, что будет лучше, если он поторопится «ко всем чертям», так как судно отчалит от этой пристани, «черт бы ее побрал», до начала прилива «ко всем чертям». Тогда худощавый господин улыбнулся и сказал, что, конечно, судно должно отправиться тогда, когда капитан найдет это удобным, но господин будет очень удивлен, если это случится так скоро. Капитан снова принялся ругаться на всех языках, а худощавый господин поклонился ему, поблагодарил и сказал, что он будет настолько любезен и явится на судно как раз перед его отходом. Тогда капитан покраснел еще больше и сказал, что ему не надо французов, «черт бы их подрал», на своем корабле, чтобы его тоже «черт побрал». Господин спросил, где поблизости находится лавка, и ушел.

Никто не интересовался, куда он пошел, так как им пришлось думать совсем о другом, потому что скоро всем стало ясно, что Czarina Catherine не снимется с якоря так рано, как это предполагали. С поверхности реки поднялся легкий туман который вскоре так сгустился, что скрыл все суда и гавань. Капитан ругался на всех языках — призывал небо и ад, но ничего не мог поделать. А вода все поднималась и поднималась, и он боялся упустить прилив. Он был в очень нехорошем настроении, когда вдруг появился худощавый господин и просил показать ему, куда поставили его ящик. На это капитан ответил ему, что он желал бы, чтобы он и его ящик «отправились ко всем чертям» в ад. Но господин, несколько не обидевшись, спустился вниз со штурманом, посмотрел, где стоит ящик, поднялся затем на палубу и остался там, окутанный туманом. Никто не обращал на него внимания. В самом деле, теперь было не до него, так как туман вскоре стал редеть и воздух прояснился. Как бы там ни было, но судно вышло с отливом и утром находилось уже в устье реки, и, когда мы расспрашивали о нем, оно плыло по волнам океана.

Итак, дорогая Мина, мы можем на время отдохнуть, потому что наш враг в море и плывет, властвуя над туманами, к устью Дуная. На этот переход парусному судну надо немало времени; и если мы теперь отправимся туда сухим путем, то опередим его и встретим его там. Для нас лучше всего будет найти его в гробу между восходом и закатом солнца: тогда он не в состоянии бо-

роться. и мы можем поступить с ним, как это необходимо. До этого у нас достаточно времени, чтобы составить план. Мы знаем, куда он отправляется, так как видели хозяина корабля, который показал нам все судовые бумаги! Ящик, который мы ищем, будет выгружен в Варне и передан агенту, который должен представить доверенность. Итак, наш приятель-купец помог нам. Он спросил нас, не случилось ли чего неладного с ящиком, и хотел даже в таком случае телеграфировать в Варну, чтобы там все расследовали, но мы его успокоили, потому что в этом деле вмешательство полиции нам вовсе не желательно. Мы должны исполнить все сами.

Когда Ван Хельсинг закончил, я спросила его, уверен ли он в том, что граф остался на корабле. Он ответил:

— У нас имеется самое достоверное доказательство этого — ваши собственные слова во время гипнотического сна. Я спросила его опять, неужели так необходимо преследовать графа, так как я боюсь оставаться без Джонатана, а я знаю, что он наверное пойдет туда же, куда пойдут другие.

Ван Хельсинг ответил мне сперва спокойно, но потом голос его делался все более и более страстным и достиг наконец такого возбуждения и силы, что мы все тогда поняли, в чем заключалась та власть, которая подавляла нас всех.

— Да, это необходимо, необходимо, необходимо! Для вашего блага и для блага всего человечества. Это чудовище и так причинило много вреда в той ограниченной оболочке, в которой оно находилось, и за то непродолжительное время, когда оно было телом и только ошупью, без знаний действовало в темноте. Обо всем этом я уже рассказал другим; вы, госпожа Мина, узнаете все из фонографа Джона или от вашего мужа. Я им рассказал, как ему понадобились сотни лет, чтобы оставить свою малонаселенную страну и отправиться в новую страну, где столько людей, сколько в поле колосьев. Та местность, где в течение всех этих столетий жил «неумерший», представляет собою только нагромождение всяких геологических несообразностей.

В те тяжелые времена, когда он еще жил настоящей жизнью, он славился тем, что ни у кого другого не было таких железных нервов, такого изворотливого ума и такой храбрости. В нем некоторые жизненные силы дошли до крайней точки своего развития: вместе же с его телом развился также и его ум. Все это происходило помимо дьявольской помощи, которая, однако, в нем, несомненно, есть, но она должна уступать силам, идущим из источника добра, и их символам. Поэтому-то он в нашей власти. Он вас осквернил, — простите меня, дорогая, что я так говорю, — но это вам полезно. Он заразил вас таким образом, что, даже если он этого не сделает вторично, вы все-таки будете только жить, жить по-старому, а затем, после смерти, являющейся по Божьей воле уделом всех людей, вы сделаетесь подобной ему.

Но этого не должно быть! Мы все поклялись, что этого не будет. Таким образом, мы исполняем лишь волю Бога, Который не желает, чтобы мир и люди, за которых пострадал Его Сын, были отданы во власть чудовищам, существование которых оскорбило бы Его. Он уже позволил нам вернуть в лоно

истины одну душу, и мы отправляемся теперь за другими, подобно древним крестоносцам. Как и они, мы пойдем на восток, и если мы погибнем, то погибнем, как и они, за святое дело.

Он остановился; я воспользовалась этим, чтобы сказать:

— Но не отступит ли граф из благоразумия перед опасностью? Быть может, с тех пор как вы его изгнали из Англии, он будет избегать этой страны, подобно тигру, прогнанному туземцами из деревни.

— Ага! — сказал он. — Ваше сравнение с тигром очень удачно, я им воспользуюсь. Ваши людоеды — как в Индии зовут тигров, попробовавших раз человеческую кровь, — не желают иной пищи, кроме человеческой, и бродят вокруг деревень, пока им не удастся опять ею полакомиться. Тот, кого мы прогнали от нашей деревни, такой же тигр-людоед, и он никогда не перестанет рыскать по соседству с нами. Да и не в его характере отступать. В своем детском разуме он давно уже решил отправиться в большой город. Что же он сделал? Он нашел самое подходящее для себя место на свете и затем занялся приготовлениями. Он открыл постепенно, какая в нем сила, каково его могущество. Он изучил новые языки. Он изучил новую социальную жизнь, политику, законы, финансы, науки и обычаи новых стран и новых народов, появившихся с тех пор, как он жил. Все это только раздражило его аппетит и усилило его желание. Это же помогло развиться и его разуму, так как все доказывало, что он был прав в своих предположениях. Чего только он еще не предпримет, когда все сокровища мысли станут его достоянием! Он может смеяться над смертью, он может жить среди болезней, убивающих целые народы, не заражаясь ими. На нашей обязанности лежит освободить от него мир. Мы должны работать скрытно и держать наши действия в тайне, потому что в наш просвещенный век, когда люди не верят даже тому, что сами видят, отрицание ученых будет его главной силой. Оно же будет и его защитой, и оружием, которым он уничтожит нас, своих врагов, готовых подвергнуть опасности даже свои души, чтобы спасти ту, которую любил, и принести пользу человечеству во имя славы вечного Бога.

После общего совета было решено завтра за завтраком составить окончательный план действий.

Я чувствую себя ночью удивительно спокойной, как будто я освободилась от чьего-либо присутствия. Кто знает...

Я не закончила свою фразу... не могла ее закончить, так как, подняв глаза, увидела в зеркале красное клеймо на лбу: я поняла, что я еще не очистилась от скверны.

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА

5 октября.

Мы все проснулись очень рано, и я думаю, что сон сказал на всех нас крайне благотворное влияние. Когда мы встретились за завтраком, то все мы уди-

вились тому, что так весело настроены. Даже госпожа Харкер, по-видимому, забыла о своих страданиях; и только время от времени, когда что-нибудь ей об этом напоминало, она вспоминает о своем страшном знаке. Мы решили собраться через полчаса здесь, в нашем кабинете, и окончательно установить наш план действий. Я предвижу лишь одно затруднение, которое я чувствую инстинктивно: все мы должны говорить откровенно, но я боюсь, что по какой-то таинственной причине язык госпожи Харкер будет связан. Я знаю, что она делает свои выводы, и на основании всего того, что произошло, я могу угадать, как они правильны и близки к истине: но она не сможет, или же не захочет сообщить их нам. Я говорил об этом Ван Хельсингу, и когда мы останемся наедине, то обсудим это. Я предполагаю, что ужасный яд, попавший в ее кровь, начинает оказывать свое действие. У графа, видимо, был определенный план, когда он дал ей то, что Ван Хельсинг называет «кровавым крещением вампира». Должно быть, существует яд, получаемый из безвредных веществ; в наш век осталось еще много таинственного, и поэтому нам нечего удивляться. Я знаю одно, а именно, что если меня не обманывает мой инстинкт, то в молчании госпожи Харкер заключается новая страшная опасность, которая нам грозит в будущем. Но, быть может, та самая сила, которая заставляет ее молчать, заставит ее заговорить. Я не смею больше об этом думать, потому что боюсь даже мысленно оскорбить эту благородную женщину!

Ван Хельсинг пришел в мой кабинет раньше других. Я постараюсь с его помощью раскрыть истину.

Через некоторое время.

Вот что сказал Ван Хельсинг:

— Джон, нам надо во что бы то ни стало переговорить кое о чем до прихода остальных, а впоследствии мы можем это сообщить и им.

Мина, наша бедная, дорогая Мина становится другой!

На основании прежних опытов с мисс Люси нам надо остерегаться, чтобы помощь не пришла слишком поздно. Наша задача стала теперь тяжелее, чем когда-либо; ввиду этого нового несчастья нам дорог каждый час. Я вижу, как на ее лице постоянно появляются все характерные признаки вампира. Правда, они теперь еще едва заметны, но все же их можно разглядеть, если всмотришься внимательно и не имея предрассудков. Ее зубы стали острее, а выражение глаз суровее. Но это не все; она теперь часто молчит, как это делала и Люси. Она даже не говорила, когда писала то, что хотела сообщить. Я боюсь теперь вот чего! Если она может во сне, вызванном нами, сказать, что делает граф, то ведь вполне вероятно, что тот, кто ее загипнотизировал первый и пил ее кровь, заставив ее выпить и свою, может заставить ее открыть ему то, что она знает о нас.

Нам надо во что бы то ни стало предупредить это; мы должны от нее скрывать наши намерения, тогда она не сможет рассказать ему то, чего сама не знает. О! Это печальная задача! Такая печальная, что у меня разрывается сердце при одной мысли об этом, но иначе нельзя. Когда мы ее сегодня увидим, я ска-

жу ей, что по некоторым причинам она не должна больше присутствовать при наших совещаниях, оставаясь, однако, под нашей охраной.

Я ответил, что разделяю его мнение.

Сейчас мы все соберемся. Ван Хельсинг ушел, чтобы подготовиться к исполнению своей печальной миссии. Я думаю, что он хочет также помолиться наедине.

Немного спустя.

Перед самым началом нашего совещания мы с Ван Хельсингом испытали большое облегчение, так как госпожа Харкер послала своего мужа сказать нам, что она не присоединится к нам, так как думает, что мы будем чувствовать себя свободнее, если не будем стеснены ее присутствием во время обсуждения наших планов. Я и профессор взглянули друг на друга, и мы оба с облегчением вздохнули. Я, со своей стороны, подумал, что раз госпожа Мина сама поняла опасность, то тем самым мы избавлены от многих страданий и неприятностей...

Итак, мы приступили к составлению плана нашей кампании. Сперва Ван Хельсинг изложил нам сжато следующие факты:

— Czarina Catherine вышла вчера утром из Темзы. Чтобы добраться до Варны, ей понадобится по крайней мере три недели: мы же употребим всего три дня, если отправимся в Варну по суше. Допустив также, что благодаря влиянию погоды, которая может быть вызвана графом, судно выиграет два дня и что мы будем случайно задержаны на целые сутки, все же у нас впереди около двух недель. Таким образом, чтобы быть вполне спокойными, мы должны отправиться самое позднее 17-го. Тогда мы, во всяком случае, прибудем в Варну на день раньше прибытия судна и успеем сделать все необходимые приготовления.

После этого Квинси Моррис прибавил:

— Я знаю, что граф родом из страны волков, и, быть может, он будет там раньше нас. Я предлагаю дополнить наше вооружение винчестерами. Я во всех затруднительных обстоятельствах крепко надеюсь на винтовку.

— Хорошо! — сказал Ван Хельсинг. — Возьмем с собою и винтовки. Но нам здесь, в сущности, нечего делать, а так как я думаю, что Варна никому из нас не знакома, то не отправиться ли нам уже завтра? Все равно, где ждать, здесь или там. Сегодня ночью и завтра мы успеем подготовиться, и если все будет в порядке, то мы вчетвером тронемся в путь.

— Вчетвером? — спросил удивленно Харкер, бросая на нас вопросительные взгляды.

— Конечно! Вы должны остаться и заботиться о вашей дорогой жене! — поспешил ответить профессор.

Харкер помолчал несколько минут и затем сказал глухим голосом:

— Мы поговорим об этом еще завтра утром. Мне надо посоветоваться с Миной.

Я подумал, что для Ван Хельсинга настало время предупредить его не открывать ей наши планы, но он не обратил на это внимания. Я бросил на него многозначительный взгляд и закашлял, однако вместо ответа он приложил палец к губам и отвернулся.

ДНЕВНИК ДЖОНАТАНА ХАРКЕРА

5 октября. После обеда.

После нашего совещания я долгое время не мог ни о чем думать. Новый оборот дела настолько поразил мой мозг, что я не в силах мыслить. Решение Мины не принимать никакого участия в обсуждении заставляет меня задумываться, а так как я не смею сказать ей об этом, то я могу лишь высказать свои предположения. Я теперь дальше от истины, чем когда-либо раньше. Поведение остальных при этом известии также поразило меня: ведь в последнее время мы часто обсуждали этот вопрос и решили, чтобы между нами не было никаких тайн. Теперь Мина спит тихо и спокойно, как маленькое дитя. Губы ее полуоткрыты, и лицо сияет счастьем. Слава богу, что это так.

Немного спустя.

Как это странно! Я сидел, сторожа счастливый сон Мины, и считал себя таким счастливым, как, пожалуй, никогда. Когда настал вечер и земля покрылась тенью, в комнате стало еще тише и торжественнее.

Вдруг Мина открыла глаза и сказала:

— Джонатан, дай мне честное слово, что исполнишь мою просьбу. Дай мне это обещание перед Богом, чтобы ты не нарушил его, даже если я буду умолять тебя об этом на коленях, заливаясь горькими слезами. Скорее исполни мою просьбу — сейчас же.

— Обещаю, — ответил я, и она одно мгновение казалась счастливой, для меня же счастья не было, так как красное клеймо по-прежнему горело у нее на лбу.

Она сказала:

— Обещай мне, что ни слова не скажешь мне о плане, составленном против графа. Ни словами, ни намеками, ни поступками, пока это не исчезнет! — И она указала торжественно на клеймо.

Я увидел, что она говорит серьезно, и повторил:

— Обещаю!

После этих слов я понял, что с этого мгновения между нами выросла стена.

Полночь.

Весь вечер Мина была весела и бодра, так что и остальные приободрились, как будто зараженные ее весельем; и даже я сам почувствовал, что печальный покров, давивший нас, как будто немного приподнялся. Мы разошлись рано.

6 октября. Утро.

Новый сюрприз! Мина разбудила меня так же рано, как и вчера, и попросила пригласить Ван Хельсинга. Я подумал, что она хочет вторично уснуть, и сейчас же пошел за профессором. Он, по-видимому, ожидал этого приглашения, так как был уже одет. Дверь его была полуоткрыта, так что он мог слышать, как хлопнула наша дверь. Он сейчас же пришел. Войдя в комнату, он спросил Мину, могут ли войти и остальные.

— Нет, — ответила она, — в этом нет необходимости. Вы можете сами все рассказать им потом. Я должна сопутствовать вам!

Ван Хельсинг был поражен не меньше моего. После некоторой паузы он спросил ее опять:

— Но почему?

— Вы должны меня взять с собою. Я с вами буду в большей безопасности, да и вы также.

— Но почему же, дорогая госпожа Мина? Вы знаете, что забота о вашей безопасности является нашей священной обязанностью. Мы идем на встречу опасностям, которым вы подвергаетесь больше, чем кто-либо из нас, — вследствие разных обстоятельств...

Он остановился в замешательстве.

Она указала пальцем на свой лоб и ответила:

— Я знаю. Вот почему я должна отправиться с вами. Я вам могу теперь это сказать, потому что солнце встает; потом я не буду в состоянии. Я знаю, что если граф захочет, то я должна пойти за ним. Я знаю, что если он мне прикажет уйти тайком, то я употреблю хитрость, обману даже Джонатана.

Вы сильны и храбры. Вы сильны своим количеством, так как можете презирать то, что сломило бы одного человека. Кроме того, я, пожалуй, смогу вам быть полезной, если вы сможете меня загипнотизировать и узнать таким образом то, чего я не знаю сама.

Тогда Ван Хельсинг сказал серьезно:

— Госпожа Мина, вы говорите умно, как всегда. Вы отправитесь с нами; и мы все вместе исполним нашу обязанность.

Ван Хельсинг пригласил меня последовать скорее за ним. Мы вошли в его комнату, где к нам присоединились Годаминг, доктор Сьювора и Моррис. Он рассказал им все, что сообщила Мина и затем продолжал:

— Утром мы отправимся в Варну. Нам теперь надо считаться с новым фактором — Миной. Но она нам предана. Ей стоило многих страданий рассказать нам так много, однако, она очень хорошо сделала, так как теперь мы вовремя предупреждены. Не надо упускать из виду ни одного шанса, и в Варне мы должны быть готовы действовать немедленно же после прибытия судна.

— Что же нам там делать? — спросил лаконично Моррис.

Профессор подумал немного и тогда ответил:

— Мы первым делом войдем на судно, а затем, когда найдем ящик, возложим на него ветку шиповника; пока она там, никто не сможет из него выйти,

так, по крайней мере, гласит поверье. Далее, когда мы дождемся такого удачного стечения обстоятельств, что никого не будет поблизости, мы откроем ящик, и все будет прекрасно.

— Я не стану ждать никакого удобного случая, — сказал Моррис. — Когда я найду ящик, я открою его и уничтожу чудовище, хотя бы тысячи людей видели это и хотя бы меня сейчас после этого казнили.

— Вы славный малый, — сказал доктор Ван Хельсинг, — да, славный малый. Дитя мое, поверьте мне, никто из нас не останется позади из страха. Я только говорю, что мы все поступим так, как надо. Но на самом деле мы, пожалуй, не можем теперь сказать, как поступим. До того времени многое может случиться. Мы все будем вооружены; и, когда наступит критический момент, наши усилия не ослабнут. Сегодня же приведем в порядок наши дела, потому что никто из нас не может сказать, какой будет конец. Мои дела уже устроены, а так как мне больше нечего делать, то я пойду приготовить все к путешествию. Я приобрету билеты и все, что надо.

Нам больше нечего было обсуждать, и мы разошлись. Я сейчас устрою свои земные дела и буду тогда готов ко всему, что бы ни случилось.

Некоторое время спустя.

Все сделано; моя последняя воля записана. Мина — моя единственная наследница, если она переживет меня. Если этого не случится, то все получат остальные, которые были так добры к нам. Солнце близится к закату. Недомогание Мины привлекает мое внимание. Я уверен, что она над чем-то думает, мы увидим это после захода солнца. Мы со страхом ждем каждый раз восхода и захода, потому что каждый раз узнаем о новой опасности, новом горе; но дай бог, чтобы только все кончилось благополучно.

ГЛАВА XXV

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА

11 октября. Вечер.

Харкер просил меня записать это, так как сам он не способен работать, а точная запись нужна ему.

Мы все заметили, что за последние дни время восхода и заката солнца является для мистрис Харкер периодом особенной свободы, когда ее прежняя личность может проявляться вне влияния контролирующей силы, угнетающей ее или возбуждающей к странным поступкам. Состояние это наступает приблизительно за полчаса до наступления восхода или заката солнца и продолжается до тех пор, пока солнце поднимется высоко или пока облака пылают еще в лучах скрывавшегося за горизонтом дневного светила. Сначала ее состояние становится каким-то колеблющимся, словно какие-то узы начинают ослабевать, затем внезапно наступает чувство абсолютной свободы; когда же свободное состояние прекращается, быстро наступает реакция, которой предшествует предостерегающее молчание.

Когда мы сегодня встретились, она была несколько сдержанна и проявляла все признаки борьбы. Затем после продолжительной паузы сказала:

— Утром мы приступим к исполнению нашей задачи, и только Богу известно, что ожидает каждого из нас в дальнейшем. Вы будете так добры, что возьмете меня с собою. Я знаю, на что в состоянии пойти отважные, стойкие люди, чтобы помочь бедной, слабой женщине, душа которой, может быть, погибла... во всяком случае, в опасности. Но вы должны помнить, что я не такая, как вы. В моей крови, в моей душе — яд, который может убить меня; который должен убить меня, если мне не будет оказана своевременно помощь. О друзья мои, вы так же хорошо знаете, как и я, что моя душа в опасности; и хотя я так же, как и вы, знаю, что для меня один только путь, но ни вы, ни я не должны избрать его.

— Какой это путь? — спросил хриплым голосом Ван Хельсинг.

— Этот путь — моя смерть сейчас же от своей руки или от руки другого, но, во всяком случае, раньше чем разразится величайшее бедствие. Я знаю, и вы также знаете, что, умри я сейчас, вы в состоянии будете спасти мою бессмертную душу, как вы это сделали с бедной Люси. Если бы только смерть или страх смерти стоял единственным препятствием на моем пути, я не задумалась бы умереть здесь, теперь, среди любящих меня друзей. Но смерть не есть конец. Я не могу допустить мысли, чтобы была Божья воля на то, что я должна была умереть, в то время как мы имеем надежду спастись. Итак, я, со своей стороны, отказываюсь от вечного упокоения и добровольно вступаю в тот мрак, в котором может быть заключено величайшее зло, какое только встречается в мире или в преисподней...

Но что даст каждый из вас? Знаю, ваши жизни, — быстро продолжала она, — это мелко для храбрых людей! Ваши жизни принадлежат Богу, и вы должны вернуть их Ему; но что дадите вы мне?

Она поглядела на нас вопросительно, избегая глядеть на лицо мужа. Квинси как будто понял, кивнул головой, и лицо ее просияло.

— Я вам прямо скажу, что мне надо, потому что между нами не должно быть в этом отношении ничего скрытного. Вы должны обещать мне, все как один, — и даже ты, мой любимый супруг, — что, когда наступит час, вы убьете меня.

— Какой час? — спросил Квинси глухим, сдавленным голосом.

— Когда вы увидите по происшедшей в моей внешности перемене, что мне лучше умереть, чем жить. Когда мое тело будет мертвым, вы должны, не медля ни минуты, проткнуть меня колом и отрезать мне голову; вообще, исполнить все, что понадобится для успокоения моей души.

Квинси первый заговорил после продолжительной паузы.

— Я грубый человек, который, пожалуй, жил далеко не так, чтобы заслужить такое отличие, но я клянусь вам всем, что свято и дорого для меня: если когда-либо наступит такое время, я не уклонюсь от долга, который вы возложили на нас.

— Вы мой истинный друг! — вот все, что она могла проговорить, заливаясь слезами.

— Клянусь сделать то же самое, моя дорогая мадам Мина! — сказал Ван Хельсинг.

— И я! — произнес лорд Годалминг.

— И я также последую их примеру, — заявил ее муж, обернувшись к ней, и с блуждающим взглядом спросил:

— Должен ли я также дать такое обещание, жена моя?

— Ты также, голубчик, — сказала она с бесконечным сочувствием в голосе и глазах. — Ты не должен отказываться. Ты самый близкий и дорогой для меня человек; в тебе весь мой мир; наши души спаяны одна с другой на всю жизнь и на всю вечность. Подумай, дорогой, о том, что были времена, когда храбрые мужья убивали своих жен и близких женщин, чтобы они не могли попасть

в руки врагов. Это обязанность мужчин перед теми, кого они любят, во время тяжелых испытаний. О дорогой мой, если суждено, что я должна принять смерть от чьей-либо руки, то пусть это будет рука того, кто любит меня сильнее всех.

Еще одно предостережение, предостережение, которое вы не должны забывать: если это время должно наступить когда-либо, то оно наступит скоро и неожиданно, и в таком случае вы должны, не теряя времени, воспользоваться выгодой своего положения, потому что в то время я могу быть... нет, если оно наступит, то я уже буду... связана с вашим врагом против вас.

— И еще одна просьба, — добавила она после минутной паузы, — она не так существенна и необходима, как моя первая просьба, но я желаю, чтобы вы сделали одну вещь для меня, я прошу вас согласиться.

Мы все молча кивнули головами.

— Я желаю, чтобы вы прочли надо мной обряд погребения.

Ее прервал громкий стон ее мужа; взяв его руку в свою, она приложила ее к своему сердцу и продолжала:

— Ты должен хоть когда-нибудь прочесть его надо мной. Какой бы ни был исход из этого страшного положения, это будет утешительной мыслью для всех или некоторых из нас. Ты, голубчик мой, надеюсь, прочтешь так, что он запечатлется в моей памяти навеки в звуках твоего голоса... что бы ни случилось.

— Но, дорогая моя, — молил он, — смерть далеко от тебя.

— Нет, — ответила она, — я ближе к смерти в настоящую минуту, чем если бы лежала под тяжестью могильной насыпи.

Как я могу — да и вообще кто-нибудь — описать эту страшную сцену со всей ее торжественностью. Даже скептик, видящий одну лишь пародию горькой истины во всякой святыне и во всяком волнении, был бы растроган до глубины сердца, если бы увидел маленькую группу любящих и преданных друзей на коленях вокруг осужденной и тоскующей женщины или услышал бы страстную нежность в голосе супруга, когда он прерывающимся от волнения голосом, так что ему приходилось по временам умолкать, читал простой и прекрасный обряд погребения.

— Я... не могу продолжать... слова... и... не хватает у меня... голоса...

Она была права в своем инстинктивном требовании. Как это ни было странно, какой бы причудливой ни казалась нам эта сцена, нам, которые в то время находились под сильным влиянием ее, впоследствии она доставила большое утешение; и молчание, которое доказывало скорый конец свободы души мистрис Харкер, не было для нас полно отчаяния, как мы этого опасались.

ДНЕВНИК ДЖОНАТАНА ХАРКЕРА

15 октября. Варна.

Мы покинули Черинг-Кросс 12-го утром, приехали в Париж в ту же ночь и заняли приготовленные для нас места в Восточном экспрессе. Мы ехали

день и ночь и прибыли сюда около пяти часов вечера. Лорд Годамминг отправился в консульство справиться, нет ли телеграммы на его имя, а мы все расположились в гостинице. Дорогой, вероятно, были случайности; я, впрочем, был слишком поглощен желанием уехать, чтобы обратить на них внимание. Пока Czarina Catherine не придет в порт, для меня не может быть ничего интересного на всем земном шаре. Слава богу, Мина здорова и как будто окрепла, возвращается румянец. Она много спит, дорогою она спала почти все время. Перед восходом и закатом солнца она, впрочем, бодрствует и тревожна; у Ван Хельсинга вошло в привычку гипнотизировать ее в это время. Сначала для этого требовалось некоторое усилие. Но теперь она вдруг поддалась ему, точно привыкла подчиняться. Он всегда спрашивает ее, что она видит и слышит.

Она отвечает:

— Ничего, все темно. Я слышу, как волны ударяют о пароход и как вода бурлит. Паруса и снасти натягиваются, мачты и реи скрипят. Ветер сильный...

Очевидно, что Czarina Catherine все еще в море, спешно направляется в Варну. Лорд Годамминг только что вернулся. Получил четыре телеграммы, по одной в день со времени нашего отъезда, и все одинакового содержания: Ллойд не имеет известий о Czarina Catherine. Мы пообедали и рано легли спать. Завтра нам надо повидать вице-консула и устроиться, если возможно, так, чтобы прибыть на пароход, как только он придет. Ван Хельсинг говорит, что для нас важно попасть на судно между восходом и закатом солнца. Граф, превратись он даже в летучую мышь, не может силою своей воли переплыть воду и поэтому не может покинуть пароход. Так как он не посмеет обернуться человеком, не возбуждая подозрений, чего он, очевидно, желает избежать, то он должен оставаться в ящике. Следовательно, если мы попадем на пароход после восхода солнца, то он будет в нашей власти; потому что мы можем открыть ящик и овладеть им, как овладел он бедной Люси, прежде чем он проснется. Пощады ему нечего ждать от нас. Мы надеемся, что с чиновниками и моряками не будет затруднений. Слава Богу! Это такая страна, где подкупом все можно сделать, а мы в достаточном количестве запаслись деньгами. Нам надо только похлопотать, чтобы судно не могло войти в порт неведомо для нас между закатом и восходом солнца, и мы будем спасены.

16 октября.

Ответ Мины все тот же: удары волн о борт корабля и бурливая вода, темнота и благоприятные ветры. Мы, очевидно, в хорошей полосе, и, когда мы услышим о Czarina Catherine, мы будем готовы. Так как она должна пройти через Дарданеллы, то мы можем быть уверены, что своевременно все узнаем.

17 октября.

Теперь все хорошо устроено, кажется, для встречи графа при его возвращении из путешествия. Годамминг сказал судовладельцам, что он подозревает, будто в ящике на пароходе могут оказаться вещи, украденные у его приятеля, и по-

лучил полусогласие на вскрытие им ящика под его ответственность. Владелец корабля дал ему письмо, приказывающее капитану предоставить ему полную свободу действий на пароходе, и такое же разрешение дал на имя своего агента в Варне. Мы повидали агента, на которого очень сильно подействовало ласковое обращение с ним Годаалминга, и мы все спокойны, что с его стороны будет сделано все, что может содействовать исполнению наших желаний. Мы уже сговорились, что делать, когда ящик будет вскрыт. Если граф окажется в ящике, Ван Хельсинг и Сьювора отрубят ему голову и воткнут ему кол в сердце. Моррис, Годаалминг и я будем на страже, чтобы предупредить вмешательство даже с оружием в руках, если это понадобится. Профессор говорит, что если мы так совершим обряд над телом графа, то оно скоро превратится в прах. В таком случае не будет никаких улик против нас, если возникнет подозрение в убийстве. Но, даже если этого не будет, мы одолеем или падём, и, может быть, когда-нибудь эти самые записки явятся доказательством нашей правоты и станут стеной между некоторыми из нас и виселицей. Мы решили не оставить камня на камне, лишь бы только привести наш план в исполнение. Мы условились с некоторыми чиновниками, что, как только Czarina Catherine покажется, нас тотчас же уведомят.

24 октября.

Целая неделя ожидания. Ежедневные телеграммы Годаалмингу, но все то же: «Нет известий». Утренний и вчерашний ответ Мины под гипнозом неизменны: удары волн, бурливая вода, скрипучие мачты.

ТЕЛЕГРАММА
РУФУС СМИТ, ЛЛОЙД, ЛОНДОН, —
ЛОРДУ ГОДААЛМИНГУ, ЧЕРЕЗ ВИЦЕ-КОНСУЛА, ВАРНА

«24 октября.

Сегодня утром получено известие о Czarina Catherine из Дарданелл».

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА

25 октября.

Как мне не хватает моего фонографа! Писать дневник пером страшно утомительно; но Ван Хельсинг говорит, что я должен записывать все. Вчера, когда Годаалминг получил телеграмму от Ллойда, мы все были в диком волнении. Теперь я знаю, что чувствуют люди в сражении, когда раздаётся приказ начинать атаку. Одна лишь мистрис Харкер не проявила никаких признаков волнения. Впрочем, в этом нет ничего странного, потому что мы приняли все меры, чтобы она ничего не знала, и мы старались скрыть наше волнение, когда были в ее присутствии. Она очень переменилась за последние три недели. Сонливость

все более овладевает ею, и, хотя у нее здоровый вид к ней вернулся ее прежний румянец, Ван Хельсинг и я недовольны ею. Ван Хельсинг осматривает, как он сообщил мне, внимательно ее зубы во время гипноза и говорит, что, пока они не начинают заостряться, можно не опасаться перемены в ней. Когда эта перемена наступит, будет необходимо принять меры... Мы оба знаем, каковы будут эти меры, хотя неверяем друг другу своих мыслей. Ни один из нас не уклонится от обязанности... страшной обязанности, на чужой взгляд.

Только 24 часа пути от Дарданелл сюда при той скорости, с какой шла Czarina Catherine из Лондона. Она придет, следовательно, утром; так как она раньше никак не может прибыть, то мы рано разойдемся. И подыдемся в час утра, чтобы быть наготове.

25 октября. Полдень.

До сих пор нет никаких известий о прибытии судна. Гипнотический ответ мистрис Харкер сегодня утром был тот же, что всегда, так что возможно, что мы еще получим известие. Мы, мужчины, в лихорадочном возбуждении, кроме Харкера, который, внешне совершенно спокоен.

Ван Хельсинг и я немного встревожились сегодня относительно мистрис Харкер. Около полудня она впала в сон, который нам не понравился; хотя мы ничего не говорили другим, но нам обоим было не по себе. Она была беспокойна все утро, так что мы сперва были довольны, что она заснула. Однако, когда ее муж случайно сказал нам, что она спит так крепко, что он не мог разбудить ее, мы пошли в ее комнату взглянуть. Она дышала и выглядела так хорошо и спокойно, что мы согласились, что сон для нее полезнее всего. Бедняжка! Ей надо так много забыть; неудивительно, что сон, приносящий ей забвение, полезен ей.

Позднее.

Наше предположение оправдалось, так как после освежительного сна, продолжавшегося несколько часов, она стала веселее и бодрее, нежели была за последние дни. На закате солнца она дала обычный гипнотический ответ. На каком бы месте Черного моря граф ни был, верно лишь то, что он спешит к месту назначения. К своей гибели, надеюсь я!

26 октября.

Вот уже второй день, как нет известий о Czarina Catherine. Она должна была бы теперь быть здесь. Что она все еще плавает где-нибудь — это очевидно, так как ответ мистрис Харкер под гипнозом на восходе солнца был обычный. Возможно, что пароход стоит по временам на якоре по случаю тумана; некоторые пароходы, прибывшие вчера вечером, сообщили, что густой туман стоит на севере и юге от порта. Мы должны оставаться на страже, так как судно может прибыть каждую минуту.

27 октября. Полдень.

Очень странно; все еще нет известия о корабле, который мы ожидаем. Мистрис Харкер отвечала прошлой ночью и сегодня утром, как всегда: «Удары волн и бурливая вода», хотя она прибавила, что «волны слабые». Телеграммы из Лондона те же: «Нет известий». Ван Хельсинг страшно встревожен и только что сказал мне, что боится, как бы граф не ускользнул от нас. Он прибавил многозначительно:

— Мне не нравится сонливость мадам Мины. Душа и память проделывают странные штуки во время транса.

Я хотел подробнее расспросить его, но вошел Харкер, и профессор сделал мне предостерегающий жест. Мы должны постараться сегодня, на закате солнца, заставить ее разговориться во время гипноза.

ТЕЛЕГРАММА
РУФУС СМИТ, ЛОНДОН, —
ЛОРДУ ГОДАЛМИНГУ, ЧЕРЕЗ ВИЦЕ-КОНСУЛА, ВАРНА

«28 октября.

Czarina Catherine вошла в Галац сегодня в час дня».

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА

28 октября.

Когда пришла телеграмма о прибытии судна в Галац, это не было ударом для нас, как можно было бы ожидать. Правда, мы не знали, откуда, как и когда разразится гроза; но все мы ожидали, что случится что-то странное. Запоздавшее прибытие в Варну подготовило нас всех к тому, что события не так складываются, как мы ожидали; мы только выжидали, где произойдет эта перемена. Тем не менее это нас поразило, но мы быстро оправились.

— Когда отправляется следующий поезд в Галац? — спросил Ван Хельсинг, обращаясь к нам всем.

— Завтра в шесть тридцать утра.

Мы с удивлением переглянулись, так как ответ исходил от мистрис Харкер.

— Откуда вы это знаете? — спросил Арч.

— Вы забыли... или, быть может, не знаете, хотя Джонатан и доктор Хельсинг должны бы это знать, что я знаток по части расписания поездов. Дома в Эксетере я всегда составляла расписания поездов, чтобы помочь мужу. Я нахожу это настолько полезным, что теперь я всегда изучаю расписания тех стран, по которым путешествую. Я знала, что если нам нужно будет побывать в замке Дракулы, то мы поедем через Галац или, во всяком случае, через Буха-

рест, и я тщательно запоминала поезд. К несчастью, немного пришлось запоминать, так как завтра идет только один поезд.

— Удивительная женщина, — прошептал профессор.

— Нельзя ли нам заказать экстренный? — спросил лорд Годалминг.

Ван Хельсинг покачал головой:

— Нет, я думаю, что вряд ли. Страна эта не похожа на вашу или мою; если бы мы даже и получили экстренный поезд, то он, вероятно, пришел бы позже обыкновенного. К тому же нам надо еще собраться. Мы должны обдумать и организовать нашу погоню. Вы, Артур, ступайте на железную дорогу, возьмите билеты и устройте все, чтобы мы могли уехать завтра. Вы, Джонатан, идите к корабельному агенту и достаньте от него письмо к агенту в Галаце с разрешением произвести такой же обыск на пароходе, как здесь. Вы, Моррис Квинси, повидайте вице-консула и заручитесь его помощью и помощью его коллеги в Галаце, чтобы он все устроил для облегчения нашего путешествия, чтобы не пришлось даром терять времени на Дунае. Джон останется с мадам Миной и со мной, и мы будем держать совет. Вас могут задержать; но это неважно, так как, когда пойдет солнце, я буду здесь с мадам Миной, чтобы получить ответ.

— А я, — сказала мистрис Харкер оживленным тоном, более похожим на ее прежнюю манеру, чем ее тон за последнее время, — постараюсь быть всячески полезной, буду думать и писать для вас, как привыкла делать до сих пор. Я чувствую, будто мне что-то помогает, точно спадает какая-то тяжесть, я чувствую себя свободнее, чем была последнее время.

Трое молодых людей просияли в эту минуту, так как по-своему поняли значение ее слов, но Ван Хельсинг и я, повернувшись друг к другу, обменялись серьезными, тревожными взглядами. Но мы ничего не сказали.

Когда трое мужчин ушли исполнять свои поручения, Ван Хельсинг попросил мистрис Харкер достать дневник и отобрать для него записи Харкера в замке. Она отправилась за ними; когда дверь за ней закрылась, он сказал мне:

— У нас одна и та же мысль. Говорите.

— Произошла какая-то перемена. Но это хрупкая надежда; она может обмануть нас.

— Именно так. Знаете, зачем я попросил ее принести рукопись?

— Нет, — ответил я, — впрочем, может быть, чтобы иметь случай переговорить со мной наедине.

— Отчасти вы правы, Джон, но только отчасти. Мне надо вам сказать кое-что. О мой друг, я сильно... страшно... рискую; но я считаю это справедливым. В ту самую минуту, когда мадам Мина сказала те слова, что остановили наше внимание, на меня снизошло вдохновение. Во время транса, три дня тому назад, граф послал свой дух, чтобы прочесть ее мысли; или, что вернее, он заставил ее дух явиться к нему в ящик на корабль, так как он свободен на восходе и закате солнца. Итак, он узнал, что мы здесь, потому что у нее есть больше материалов для рассказов, ведь она ведет открытый образ жизни, с видящими глазами и слышащими ушами, а он лишен этого в своем в ящике-гробу. Теперь

он делает величайшее усилие, чтобы скрыться от нас. Теперь она ему не нужна. Благодаря своим обширным познаниям он уверен, что она явится на его призыв; но он гонит ее — ставит ее, насколько это возможно для него, вне его власти, чтобы она не могла явиться к нему. Вот тут-то я надеюсь, что наш мужской ум, который так долго был умом взрослого человека и не утратил Божьего милосердия, окажется сильнее, чем его детский мозг, лежавший целые века в его могиле, который не дорос до нашей зрелости и исполняет лишь эгоистическую и, следовательно, ничтожную работу. Вот идет мадам Мина; ни слова при ней о ее транс. Предоставьте мне говорить, и вы поймете мой план. Мы в ужасном положении, Джон. Я боюсь, как никогда не боялся прежде. Мы можем надеяться лишь на милосердие Бога. Молчание. Она идет.

Когда мистрис Харкер вошла в комнату с веселым и счастливым видом, позабыв, казалось, за своей работой о своем несчастье, она подала Ван Хельсингу несколько листов, отпечатанных на машине. Он начал сосредоточенно пробегать их, и лицо его оживлялось по мере чтения. Затем, придерживая страницы указательным и большим пальцами, он сказал:

— Какая-то неясная мысль часто жужжала у меня в мозгу, но я боялся дать ей распусть свои крылья. А теперь, обогатив свой ум большими познаниями, я снова возвращаюсь к тому источнику, где зародилась эта полумысль, и прихожу к заключению, что это вовсе не полумысль, но целая мысль, хотя столь юная, что не может еще пользоваться своими маленькими крылышками. Нет, подобно тому как происходит дело в «Гадком утенке» моего приятеля Ганса Андерсена, это вовсе не утиная мысль, но лебединая, которая гордо поплыла на широко распростертых крыльях, когда пришло время, испытывать их. Слушайте, я прочту то, что Джонатан записал здесь:

«Тот, другой, который неоднократно отправлял свои силы через реку в Турцию; тот, который был разбит, но приходил все снова и снова, хотя каждый раз возвращался один с кровавого поля, где были уничтожены его войска, так как знал, что может одержать окончательную победу только в одиночестве».

Какое мы можем вывести из этого заключение? Вы думаете, никакого? Посмотрим. Детская мысль графа не видит в этом ничего; поэтому он и говорит об этом так свободно. Ваша мужская мысль не видит тоже ничего; моя мужская мысль не видит ничего, верьте, не видела до сих пор. Нет! Но вот начинается речь той, которая говорит не думая, потому что она также не знает, что это значит... что это могло бы значить. Это совершенно подобно тем элементам, которые кажутся неподвижными, но это не мешает им совершать свой путь в системе мироздания и доходить до своей цели. Вдруг блеснет свет, раскроется небо, и что-то ослепляет, убивает и уничтожает; и земля вскрывает свои недра на большие глубины. Разве не так? Вы не понимаете? Хорошо, я объясню. Изучали ли вы когда-нибудь философию преступления? Да и нет. Вы, Джон, да, так как это изучение безумия. Вы, мадам Мина, нет, потому что преступление далеко от вас... только однажды оно коснулось вас. Все же ваш ум работает пра-

вильно. Во всяком преступлении есть своя особенность. Это до того постоянно во всех странах и во все времена, что даже полиция, незнакомая с философией, эмпирически узнает, что оно таково. Преступник всегда работает над одним преступлением, то есть настоящим преступник, у которого предрасположение к определенному разряду преступлений и который неспособен на другое преступление. Ни один преступник не обладает мозгом зрелого человека. Он умен, хитер и находчив, но в отношении мозга он незрелый человек. Во многом у него детский мозг. Наш преступник также предназначен к преступлению; у него также детский мозг, и то, что он сделал, — детская работа. О моя дорогая, я вижу, что глаза ваши широко открыты, и блеснувший свет показал вам всю глубину, — прервал он ход своих рассуждений, увидев, что мистрис Харкер всплеснула руками и глаза у нее засверкали. Затем он продолжал:

— Теперь настала ваша очередь говорить. Скажите нам, сухим людям науки, что вы видите вашими блестящими глазами.

Он взял ее за руку и крепко держал ее, пока она говорила. Его указательный и большой пальцы щупали инстинктивно и невольно, как мне показалось, ее пульс, пока она говорила:

— Граф — типичный преступник. Нордау¹ и Ламброзо² так бы определили его, и действительно, ум его неправильно сформирован. Так, в затруднении он обращается к привычному способу. Его прошлое может служить руководящей нитью для будущего; одна страница из этого прошлого, которое мы знаем, по его собственным рассказам, содержит описание того момента, когда граф, находясь в тисках, вернулся в свою страну из той земли, которой хотел овладеть, только с той целью, чтобы подготовиться к новому походу. Он вернулся на поле брани лучше подготовленный для достижения своей мысли и победил. Точно так же он прибыл в Лондон, чтобы овладеть новой страной. Он потерпел поражение и, когда потерял последнюю надежду на успех и даже его существование было в опасности, он бежал за море к себе домой; как раньше бежал через Дунай из турецкой земли.

Так как он преступник, то он себялюбив; и, так как его разум ограничен, недоразвит действия его основаны на себялюбии, и он замыкается в одной цели. Эта цель — жестокость. Как он раньше бежал за Дунай, бросив все свое войско во власть врага, так и теперь он хочет спастись, забыв обо всем остальном. Итак, его собственное себялюбие освобождает мою душу от ужасной власти, которую он приобрел надо мной в ту страшную ночь. Я почувствовала это, о, как почувствовала! Благодарение Господу за Его великое милосердие. Моя душа стала такой свободной, какой не была с того самого ужасного часа;

¹ *Макс Нордау* (1849–1923) — еврейский врач-психиатр, писатель, философ и политик, соучредитель Всемирной сионистской организации.

² *Чезаре Ломброзо* (1835–1909) — итальянский психиатр, преподаватель, родоначальник антропологического направления в криминологии и уголовном праве, основной мыслью которого стала идея о прирожденном преступнике.

и меня мучит только страх, что во время транса, или сна, он может, пользуясь моей близостью к вам, вывести от меня ваши планы.

Профессор успокоил ее:

— Он пользовался только вашим разумом, поэтому он и сумел задержать нас здесь, в Варне, между тем как корабль, на котором он находился, незаметно пронесся, пользуясь туманом, в Галац, где, несомненно, все им заготовлено, чтобы спастись от нас. Но его детский ум не пошел дальше этого, и, может быть, по Божьему Промыслу, то самое, чем хотел воспользоваться злодей для собственной пользы, окажется для него величайшим вредом. Охотник попал в свои собственные сети. Именно теперь, когда граф думает, что скрыл от нас все следы, что опередил нас на много часов, его детский мозг внушает ему, что он вне опасности. Он думает также, что так как отказался от чтения ваших мыслей, то и вы не будете знать о нем; вот тут-то он и попадется. Это страшное крещение кровью, которое он совершил над вами, дает вам возможность мысленно являться к нему, как вы это делали во время вашей свободы, в момент восхода и заката солнца. В это время вы перенесетесь к нему в силу моей воли, а не его; и эту полезную для вас и для других способность вы приобрели от него же ценою вашего страдания и мук. Это тем более ценно теперь, что он не знает этого, так как, чтобы спастись, он сам отказался от знания нашего местопребывания. Мы, однако, не все себялюбивы и верим, что Господь с нами среди всего этого ужаса и в эти мрачные часы. Мы последуем за ним; мы не сдадимся, и даже если мы погибнем, то все же не будем походить на него. Джон, это был великий час; он далеко продвинул нас вперед на нашем пути! Вы должны записать все, и, когда прочие вернутся по окончании своих дел, вы дадите им прочесть это; тогда они будут знать столько же, сколько и мы.

Я записал все это, пока мы ждали их возвращения, а мистрис Харкер перепечатала мою запись на своей машине.

ГЛАВА XXVI

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА

29 октября.

Записано в поезде по дороге из Варны в Галац.

Вчера вечером, перед самым закатом солнца, мы снова собрались все вместе. Каждый из нас исполнил свой долг как нельзя лучше; мы запаслись на весь день нашего странствования и на предстоящую работу в Галаце всем тем, что могла дать наша изобретательность, усердие и случай. Когда настало время, мистрис Харкер приготовилась к гипнотизированию; на этот раз Ван Хельсингу пришлось употребить больше усилий, чем обыкновенно, чтобы заставить ее впасть в транс. Обыкновенно она сама говорила, достаточно было дать ей лишь маленький толчок; но на этот раз профессору пришлось задавать ей вопросы довольно-таки решительным тоном, пока ему удалось узнать что-либо. Наконец она все-таки заговорила:

— Я ничего не вижу; мы стоим на месте, нет никаких волн, вода лишь мягко журчит вдоль борта. Я слышу человеческие голоса вдали и вблизи и скрип и шум весел в уключинах. Откуда-то раздался выстрел из ружья; эхо его кажется далеким. Вот раздается топот над моей головой — тащат какие-то веревки и цепи. Что такое? Откуда-то луч света; я чувствую дуновение ветерка.

Тут она смолкла. Она приподнялась с дивана, где она лежала, точно ее кто-то принуждал к тому, и простерла обе руки ладонями внутрь, точно подымая какую-то тяжесть. Ван Хельсинг и я посмотрели друг на друга — нам все было ясно.

Наступило продолжительное молчание. Мы все поняли, что ее время прошло и что она больше нам ничего не скажет, но мы чувствовал, что не было никакого смысла говорить.

Тут она умолкла. Она приподнялась с дивана и сказала:

— Видите, друзья мои. Он у нас в руках: он покинул свой ящик с землею. Но ему еще нужно попасть на берег. Ночью он, может быть, где-нибудь спря-

чется; но если его не перенесут на берег или если корабль не причалит, то он не сможет попасть на сушу.

Он может только ночью изменить свой образ и прыгнуть или полететь на берег, так как если его понесут, то он не сможет сбежать. И если его будут переносить, то, возможно, что таможенные чиновники захотят осмотреть содержимое ящика. Таким образом, если он не попадет сегодня еще до рассвета на берег, то весь следующий день для него уже пропал. В таком случае мы попадем как раз вовремя, так как если он ночью не уйдет, то мы нападём на него днем, выгрузим его, и он будет в нашей власти; ведь он не может показаться таким, какой он на самом деле, — проснувшись и в человеческом образе, так как тогда его узнают...

Сегодня рано утром мы снова с трепетом прислушивались к ее словам во сне. На этот раз она еще дольше не засыпала, и когда заснула, то осталось очень мало времени до рассвета, и мы начали уже отчаиваться.

Ван Хельсинг, казалось, вложил всю свою душу в свои старания, и в конце концов, повинаясь его воле, она ответила:

— Всюду мрак. Слышу журчание воды наравне с моим ухом и какой-то треск, точно дерева о дерево.

Она умолкла, и солнце взошло... Придется ждать до завтра.

И вот мы едем в Галац и сгораем от нетерпения. Мы должны были приехать между двумя и тремя часами утра; но уже в Бухарест мы приехали с опозданием на три часа, так что раньше как после восхода солнца никак не можем быть на месте. Значит, у нас будет еще два гипнотических сеанса с мистрис Харкер, тот или другой прольют больше света на то, что произошло.

Позже.

Солнце взошло и зашло. К счастью, это происходило в такое время, когда нас ничто не смущало, так как случилось это на станции, у нас не было бы необходимого спокойствия и уединения. Мистрис Харкер еще хуже поддавалась гипнозу, чем сегодня утром. Боюсь, что ее способность читать мысли графа прекратится как раз тогда, когда мы в этом больше всего нуждаемся. Мне кажется, что начинает работать главным образом ее собственная фантазия.

Вот что она сказала в транс:

— Что-то выходит: оно проходит мимо меня, точно холодный ветер. Вдали слышатся какие-то глухие звуки — точно люди говорят на каких-то странных языках, сильный шум воды и вой волков.

Она умолкла и больше ничего не сказала. Когда она очнулась, то ничего не могла вспомнить из того, что говорила.

30 октября. 7 часов вечера.

Мы близ Галаца; потом мне некогда будет писать. Сегодня мы все нетерпеливо ждали восхода солнца. Зная, что с каждым днем становится все труднее усыплять мистрис Харкер, Ван Хельсинг принялся за это гораздо раньше, чем обыкновенно. Его усилия не производили никакого действия, и лишь за ми-

нуту до восхода солнца она заговорила. Профессор не терял золотого времени и осыпал ее вопросами; она так же быстро отвечала:

— Всюду мрак. Слышу шум воды и стук дерева о дерево. Где-то есть скот. Вот еще какой-то звук, очень странный, точно... Она умолкла.

— Дальше, дальше! Говорите, я приказываю, — сказал профессор, волнуясь.

Она открыла глаза и произнесла:

— Ах, профессор, зачем вы просите меня делать то, чего, вы сами знаете, я не могу! Я ничего не помню.

Затем, заметив наши удивленные лица, она встревожилась и, переводя свой взор с одного на другого, сказала:

— Что я сказала? Что я сказала? Я ничего не помню, кроме того, что я лежала здесь в полусне и слышала, как вы мне говорили: «Дальше! Говорите, я приказываю!» И странно было мне слышать, как вы мне приказываете, точно я какое-то непослушное дитя!

— О мистрис Мина, — сказал Ван Хельсинг с грустью, — это доказательство того — если вообще доказательства нужны, — что я люблю и уважаю вас, раз слово, сказанное мной в более серьезном тоне для вашего же добра, могло вам показаться таким странным, потому что я приказывал той, которой я считаю счастьем повиноваться.

Раздаются свистки: мы приближаемся к Галацу.

ДНЕВНИК МИНЫ ХАРКЕР

30 октября.

М-р Моррис повел меня в гостиницу, где для нас по телеграфу были приготовлены комнаты: он один был свободен, так как не говорил ни на одном иностранном языке; Годалминг пошел к вице-консулу, Джонатан отправился с обоими докторами к агенту пароходства узнать подробности о прибытии Czarina Caterine.

Позже.

Лорд Годалминг вернулся. Консул в отъезде, а вице-консул болен, так что все было сделано простым писцом. Он был очень любезен и обещал сделать все, что в его власти.

ДНЕВНИК ДЖОНАТАНА ХАРКЕРА

30 октября.

В девять часов доктор Ван Хельсинг, доктор Сьювора и я отправились к г-ам Мак-Кензи и Штейнкопфу, агентам лондонской фирмы «Гэтвуд». Они получили телеграмму из Лондона с просьбой оказать нам всевозможные услу-

ги. Они тотчас же повели нас на борт *Czarina Catherine*, стоявшей в гавани на якоре. Тут мы увиделись с капитаном по имени Донельсон, который рассказал нам, что он еще никогда в жизни не совершал такого удачного рейса.

— Господи, — сказал он, — мы даже боялись, что такое счастье нам даром не пройдет. Неудивительно, что мы так скоро прошли из Лондона в Черное море, раз ветер с тылу, точно сам черт дул в паруса. И за все время мы ровно ничего не видели. Как только мы приближались к какому-нибудь кораблю, порту или мысу, подымался туман, сопровождавший нас, пока мы не пройдем мимо них. У Гибралтара нам даже не удалось подать сигнал, и до самых Дарданелл, где нам пришлось ждать пропуска, мы никого не встретили. Сначала я хотел опустить паруса и постоять на месте, пока туман не пройдет, но затем я подумал, что если сатана решил нас поскорее вогнать в Черное море, то он все равно это сделает: ведь если мы раньше приедем, то от этого владельцам не будет никакого убытка и не повредит также и нашему сообщению, а старый черт, старавшийся так из своих личных интересов, был бы лишь благодарен нам за то, что мы ему не мешали.

Такая смесь простоты и хитрости, предрассудка и коммерческих соображений, расшевелила Ван Хельсинга, и он ответил:

— Мой друг, этот дьявол гораздо умнее, чем это кажется, и он знает, когда встречается с достойным соперником.

Шкипер остался недоволен этим комплиментом, но продолжал:

— Когда мы прошли Босфор, то люди стали ворчать: некоторые из них, румыны, пришли ко мне и попросили меня выкинуть за борт тот большой ящик, который какой-то странный старый господин погрузил на корабль перед самым отходом из Лондона. Господи! До чего эти иностранцы суеверны! Я их живо осадил, предложив им следить за своими обязанностями, но когда туман нас снова окутал, то я решил, что, может быть, они и правы, хотя я им ничего не сказал. Итак, мы пошли дальше, и, после того как туман простоял целых пять дней, я решил, что пусть ветер нас носит куда хочет, так как все равно против дьявола не пойдешь, он все-таки поставит на своем. Как бы там ни было, но путь у нас был прекрасный, и вода все время была глубока, и два дня тому назад, когда восходящее солнце показалось сквозь туман, мы уже находились на реке против Галаца.

Румыны взбунтовались и потребовали, чтобы я во что бы то ни стало выкинул ящик в реку. Мне пришлось бороться с ними с оружием в руках; тогда только мне удалось убедить их, что дурной там или недурной глаз, а имущество моих владельцев должно находиться в моих руках, а не в Дунае. Они, подумайте только, чуть не схватили ящик и не выбросили его за море, но, так как на нем помечено было: «Галац *via* Варна», то я решил выгрузить его в ближайшем порту. Туман не проходил, и мы всю ночь простояли на якоре. Но на следующее утро, рано до восхода солнца, на борт пришел человек и сказал, что получил из Англии письменное поручение взять ящик, предназначенный графу Дракуле. Ящик, конечно, был готов к его услугам. Он представил все бумаги, и я был рад отделаться от этой проклятой штуки, так как она уже начинала

меня беспокоить. Если у дьявола и был какой-нибудь багаж на борту корабля, то это мог быть только этот самый ящик.

— Как звали того господина, который его взял? — спросил Ван Хельсинг.

— Сейчас вам скажу! — ответил капитан. Он спустился в свою каюту и, вернувшись оттуда, представил бумагу, подписанную: «Эммануил Гильденштейн, Бургенштрассе, 16». Убедившись, что он больше ничего не знает, мы его поблагодарили и ушли. Мы застали Гильденштейна в конторе. Это был старый еврей с большим горбатым носом, в ермолке. Он руководствовался аргументами особого рода и, немного поторговавшись, сказал нам все, что знал. Знания его были скудны, но очень ценны для нас. Он получил письмо от м-ра де Вилия из Лондона с просьбой взять, если возможно, то еще до восхода солнца во избежание таможенных неприятностей ящик с корабля *Czarina Caterine*, прибывающего в Галац. Ящик этот он должен был передать некоему Петру Чинскому, которому было поручено нанять словаков, занимающихся сплавом грузов вниз по реке. За этот труд ему заплатит некий англичанин кредитными билетами, которые придется разменять на золото в Дунайском интернациональном банке. Когда Чинский к нему пришел, он повел его к кораблю и передал ему ящик. Вот все, что он знал. Тогда мы пошли искать Чинского, но мы нигде его не могли найти. Один из его соседей, как видно мало преданный ему, сказал, что он ушел уже два дня тому назад из дому неизвестно куда. То же самое подтвердил и его управляющий, получивший через посыльного ключи от дома вместе с условленной платой английскими деньгами. Все это происходило вчера вечером, между десятью и одиннадцатью часами. Мы снова стали в тупик.

Пока мы разговаривали, к нам, задыхаясь, подбежал какой-то человек и сказал, что в ограде церкви Св. Петра нашли тело Чинского и что шея у него была истерзана, точно каким-то зверем. Те, с которыми мы разговаривали, тотчас же побежал туда смотреть, женщины кричали: «Это дело рук словаков!» Мы поспешили уйти, дабы нас не втянули в эту историю. Дома мы не могли прийти ни к какому решительному заключению. Мы убедились, что ящик находился в пути и куда-то плывет, но куда — это нам еще предстояло узнать. Подавленные и разочарованные, мы вернулись в гостиницу к Мине.

Собравшись снова вместе, мы первым делом обсудили вопрос, не рассказать ли нам все Мине. Дела в отчаянном положении, и это было последней надеждой, хотя и мало обещавшей. В виде награды я был освобожден от обещания, данного мной Мине.

ДНЕВНИК МИНЫ ХАРКЕР

30 октября. Вечером.

Они вернулись такие усталые, истощенные и удрученные, что я предложила им прилечь хотя бы на полчаса, пока я буду записывать все, что до сих пор произошло.

По моей просьбе д-р Ван Хельсинг достал мне все те бумаги, которых я еще не видела. Пока они отдыхают, я все хорошенько просмотрю и, может быть, приду к какому-нибудь заключению. Попробую последовать примеру профессора и обдумаю все данные факты без предвзятой мысли.

Я верю, что Провидение мне поможет.

Теперь я более чем убеждена в том, что я права. Мое новое заключение готово, так что я перепишу все начисто и прочту его им. Пусть они его обсудят.

ЗАМЕТКА МИНЫ ХАРКЕР

(внесенная в дневник)

Необходимые вопросы. Нужно разрешить задачу о графе Дракуле.

а) Его сюда перенесут. Это ясно, так как если бы он был в состоянии передвигаться по своему усмотрению, то он явился бы в виде человека, или волка, или летучей мыши, или в каком-нибудь другом виде. Он, очевидно, боится, что его откроют или узнают, а в том беспомощном состоянии, в котором он находится, заключенный от восхода до захода солнца в деревянный ящик, это для него небезопасно.

в) Где его искать и поймать? Тут нужно идти путем исключений.

На дороге, в поезде, или на воде?

1. На дороге. Тут масса затруднений, в особенности при выезде из города:

а) Могут встречаться люди, а люди любопытны и проницательны. Какой-нибудь намек, предположение о том, что могло бы заключаться в ящике, может его погубить.

в) Может проехать пограничная стража или таможенные чиновники.

с) Его преследователи могут за ним погнаться. Это ему страшнее всего: боясь выдать себя, он даже отсекся от своих жертв — от меня!

2. В поезде. Никто не сопровождает ящик. Доставка ящика может случайно замедлиться, а замедление может для него быть роковым, раз враги за ним гонятся по пятам. Ночью он, конечно, может и сбежать, но что с ним тогда будет, если у него не окажется убежища? Это его, конечно, не устраивает, а рисковать он не намерен.

3. На воде. Это самый верный путь в одном отношении, но масса опасностей в другом. На воде он беспомощен, за исключением ночного времени, и то тогда он может повелевать только туманами и бурей, снегом и волками. Но, упавши он в воду, она поглотит его, и он непременно погибнет.

Он мог бы пригнать корабль к берегу, но если это враждебная ему страна, где он не может чувствовать себя свободным, то его положение будет еще хуже.

Из записки видно, что он на воде, значит, нам придется теперь определить, где именно.

Первым долгом нужно точно определить, что им до сих пор сделано; тогда мы поймем его дальнейшую цель.

Во-первых, нужно узнать, что он делал в Лондоне, когда ему приходилось выкручиваться из затруднительного положения.

Во-вторых, нужно посмотреть, что он тут сделал, о чем мы можем судить по известным нам данным.

Что касается первого, то ясно, что он собирался приехать в Галац и отправить накладную в Варну, чтобы сбить нас с толку и заставить нас подумать, что в Англии его нет, а сам он надеется моментально скрыться.

Доказательством этому служит его письмо к Эммануилу Гильденштейну с просьбой взять ящик до восхода солнца. Затем еще инструкция, данная Петру Чинскому. Это все, конечно, одни лишь предположения. Но ведь, после того как Чинский был у Гильденштейна, найдутся еще какие-нибудь письма или поручения.

Что его планы, до сих пор были удачно приведены в исполнение, нам известно: *Szarina Caterine* феноменально быстро сделала свой рейс. Что граф все хорошо обдумал и умно устроил, уже доказано. Гильденштейн принял ящик и передал его Чинскому. Чинский взял его — и тут след пропадает. Нам известно лишь то, что ящик находится где-то на воде и передвигается. Таможню и пограничную стражу благополучно миновал.

Теперь разберем то, что граф делал после своей высадки на сушу в Галаце.

Ящик был взят Чинским до восхода солнца. После восхода граф мог появиться в своем настоящем виде. Теперь спрашивается, почему это Чинский выбран для исполнения этих работ. В дневнике моего мужа говорится, что Чинский торговался со словаками, занимающимися перевозкой клади по реке в порт, а мнение человека, сказавшего, что это убийство, — дело рук словаков, доказывает общее враждебное отношение к этому классу. Граф желал уединения. Вот мое предположение: граф решил поехать из Лондона в свой замок по воде, так как считал это самым спокойным и незаметным путем. Из замка его вынесли цыгане, и они же, должно быть, передали свой груз словакам, которые перевезли ящики в Варну, а оттуда они отправили их на корабле в Лондон. Значит, граф знал, кому поручить такое дело. Когда же ящик прибыл на сушу, то граф до восхода или до захода солнца вышел из своего ящика, встретил Чинского и объяснил ему, как отправить ящик дальше по реке. Сделав это и убедившись в том, что все в порядке, он замел свои следы тем, что убил своего агента.

Я посмотрела карту и нашла, что самые подходящие для словаков реки — это Прут или Серет. Я прочла то, что говорила в трансе; там говорится о том, что я слышала глухое мычание коров, шум воды и треск дерева. Граф находился в своем ящике на реке в открытой лодке, передвигающейся при помощи весел или жердей.

Возможно, что эта река не Серет и не Прут, но можно сделать еще дальнейшие исследования. Из этих двух рек Прут более судоходен, но зато Серет у Фунду соединяется с Бистрицей, которая огибает проход Борго. Круг, который она описывает, проходит около самого замка Дракулы, так что туда легко попасть водным путем.

ДНЕВНИК МИНЫ ХАРКЕР (Продолжение)

Когда я кончила читать, Джонатан подошел ко мне, обнял меня и поцеловал. Остальные пожали мне руку, а д-р Ван Хельсинг сказал:

— Наша дорогая Мина вторично является нашей учительницей.

Она оказалась зрячей там, где мы были слепцами. Вот теперь мы снова попали на след, и на этот раз, надеюсь, нас ожидает успех. Наш враг теперь слабее всего, и если нам удастся на него напасть днем на воде, то наша задача решена. Он напуган, но торопиться не может, так как он бессилен — он не сможет выйти из своего ящика, раз его ненавидят те, которые его везут: если у них возникнет подозрение, то это заставит их выкинуть его в воду, где он и погибнет. Он это знает. Теперь, господа, приступим к нашему военному совету, так как необходимо сейчас же решить, что кому делать.

— Я достану паровой катер и пущусь вслед за ним, — сказал лорд Годалминг.

— А я лошадь, чтобы следовать за ним по берегу на тот случай, если он вздумает высадиться, — сказал м-р Моррис.

— Хорошо! — сказал профессор. — И то и другое прекрасно. Но никто из вас не должен идти один. Нужна сила, чтобы покорить силу в случае надобности. Словак силен и груб, и он постоянно носит при себе страшное оружие.

Все мужчины засмеялись, так как у каждого из них был маленький арсенал. М-р Моррис сказал:

— Я привез с собой несколько винчестеров, они очень удобны в толпе, с ними не страшно и среди волков.

Д-р Сьюворт сказал:

— Я думаю, что лучше пойду с Квинси. Мы привыкли вместе охотиться, и мы вдвоем готовы выйти против кого угодно. И тебе, Артур, не следует быть одному. Вдруг тебе придется сразиться со словаками, и если тебя постигнет неудача, то все наши планы рухнут, хотя я не думаю, что они носят оружие. На этот раз нужно избегать всяких случайностей; мы не успокоимся, пока не отрубим графу голову и не убедимся, что он уже больше не живет.

Д-р Ван Хельсинг сказал, в свою очередь:

— Это относится к тебе, Джонатан, по двум причинам. Во-первых, ты молод и храбр, а во-вторых, тебе принадлежит право уничтожить того, который причинил столько зла тебе лично и твоим близким. Не бойся за мистрис Мину, я позабочусь о ней, если это разрешается. Я стар. Мои ноги уже устали, а верховом я не привык ездить так далеко, я не в состоянии сражаться со смертоносным оружием в руках. Но я могу оказать вам другую услугу: я могу сражаться иначе и могу умереть, если понадобится, так же храбро, как и молодые. Пока вы, лорд Годалминг и ты, Джонатан, пойдете на вашем быстром пароходике против течения, а Джон и Квинси будут следить за тем, чтобы он случайно не высадился, я повезу мистрис Мину в самый центр неприятельской страны. Пока старая лиса находится взаперти в своем ящике, качаясь на утлой лодке,

не будучи в состоянии сбежать на сушу, где он не осмелится поднять крышки своего гроба-ящика из боязни, чтобы словаки не бросили его на погибель, — мы пойдем по старым стопам Джонатана и найдем дорогу к замку Дракулы. С помощью ясновидения мистрис Мины мы наверно найдем дорогу, и после первого захода солнца мы уже будем находиться вблизи того рокового места. Нам еще многое остается сделать и многие места придется освятить, чтобы уничтожить это змеиное гнездо.

Тут Джонатан резко перебил его:

— Не хочешь ли ты, профессор Ван Хельсинг, этим сказать, что ты поведешь Мину в том ужасном состоянии, в котором она находится, зараженную этой дьявольской болезнью, в самую пасть его убийственного капкана? Ни за что на свете! Ни за какие блага! Знаешь ли ты, что это за местность? Видел ли ты гнездо адского проклятия при лунном сиянии, со страшными привидениями, где каждая крошечная пылинка кружится и вертится в воздухе и носит в себе зародыши пожирающего чудовища? Чувствовал ли ты губы вампира на своей шее?

Но тут ясный голос профессора перебил его:

— О мой друг, я делаю это лишь из желания уберечь мистрис Мину от того ужасного места, куда я хочу пойти. Да сохранит меня Бог, чтобы я ее взял туда. Нам предстоит еще масса работы, при которой она не должна присутствовать. Мы все, кроме Джонатана, видели собственными глазами, что надо сделать, чтобы очистить это место. Помни, что мы в ужасных условиях. Если граф на этот раз увильнет от нас — а он силен, ловок и хитер, — то он будет спать еще целые столетия, а тогда со временем наша дорогая Мина пойдет к нему и составит ему компанию и будет такой же, как и те, которых ты, Джонатан, видел. Ты рассказывал нам об их жадных губах, ты слышал их сладострастный смех. Ты содрогаешься, а ведь это может случиться.

— Делайте как хотите, — сказал Джонатан с рыданием, — мы все находимся в руках Божьих!

Позже.

Какая, однако, великая сила в деньгах! Чего только они ни делают, если только их правильно применить, и чего только они ни сделают, если этого не сумеешь. Я так рада, что лорд Годалминг богат, что он и м-р Моррис, у которого также масса денег, готовы их так щедро раздавать. Так как если бы они этого не захотели делать, то наша маленькая экспедиция не могла бы осуществиться, во всяком случае, не так скоро, и она не была бы так хорошо экипирована, как это будет через час. Не прошло и трех часов с того времени, как было решено, что каждому из нас предстоит делать, как у лорда Годалминга и Джонатана был уже прелестный катер, готовый отплыть по первому приказанию. У д-ра Сьюворда и м-ра Морриса полдюжины великолепных лошадей в полном снаряжении. У нас самые лучшие карты и всевозможные путеводители. Профессор и я выезжаем сегодня в 11 ч. 40 м. вечерним поездом до Верес-

ти, где мы возьмем экипаж, чтобы поехать в проход Борго. Мы берем с собой много денег, так как нам придется купить экипаж и лошадь. Мы сами будем править, так как в данном случае никому нельзя довериться. Профессор знает много языков, так что мы великолепно справимся. У нас у всех есть оружие, даже у меня есть небольшой револьвер; Джонатан очень беспокоился бы, если бы я не была так же вооружена, как и остальные. Увы! Я не могу пользоваться тем оружием, которое есть у всех остальных, мой шрам на лбу мешает мне.

ДНЕВНИК ДЖОНАТАНА ХАРКЕРА

30 октября. Ночью.

Пишу это перед печкой парового катера. Лорд Годалминг разводит пары; он очень опытен в этих работах, так как у него был собственный катер на Темзе, а кроме того, еще один в Норфолк-Брод. Мы решили, что предположения Мины верны и что граф выбрал водяной путь для того, чтобы вернуться в свой замок, и что единственное подходящее место для него — это то, где Бистрица впадает в Серет. Мы рассчитали, что это будет приблизительно на 47-м градусе северной широты. Нам нетрудно идти полным ходом даже ночью по реке, так как воды масса, а мели находятся на большом расстоянии друг от друга, так что, в сущности, опасности никакой нет. Лорд Годалминг говорит мне, чтобы я пошел отдохнуть, так как вполне достаточно, если один из нас находится на вахте. Но я не могу заснуть; разве я могу спать, раз я знаю, какая опасность грозит моей дорогой Мине, раз она едет в те ужасные места! Я утешаюсь лишь тем, что мы все находимся в руках Божьих... М-р Моррис и д-р Сьюворад выехали верхом гораздо раньше нас. Они едут по правому берегу, вдали от реки, по возвышенностям, откуда им хорошо видна река, и, таким образом, могут сократить путь, не подчиняясь всем изгибам реки.

Мы взялись за безумное предприятие. Вот мы несемся во мраке, и окружающий нас холод заставляет нас содрогаться; какие-то таинственные звуки ночи окружают нас. Мы несемся по незнакомым местам в какой-то мир мрака и ужасов. Годалминг закрывает дверь печки...

31 октября.

Все еще несемся дальше. Наступило утро, и Годалминг спит. Я на вахте. Утро невероятно холодное! До сих пор мы видели лишь несколько лодок, но ни на одной из них не видно было никаких ящиков, никакого багажа такого большого размера, как мы ищем. Всякий раз, как мы наводили на них электрический свет прожектора, люди пугались, падали на колени и молились.

1 ноября. Вечером.

Никаких новостей; за целый день мы не нашли ничего подходящего. Мы уже вошли в Бистрицу, и если мы ошиблись в наших предположениях, то все

пропало. Мы перегнали массу лодок, больших и малых. Сегодня рано утром одна команда приняла нас за казенный катер и салютовала нам.

Несколько словаков говорили нам, что какая-то большая лодка проходила мимо них; она шла с необыкновенной быстротой, и на борту у нее была двойная команда. Это было еще до их прибытия в Фунду, так что они не могли нам сказать, завернула ли она по Бистрице или же пошла прямо по Серету. В Фунду мы ничего не слышали о такой лодке, так что, возможно, что она прошла ночью.

2 ноября. Утром.

Уже день настал! Сегодня я набрался сил, и, сидя тут и наблюдая за тем, как он спит, я делаю все необходимое: слежу за машиной, управляю и сторожу... Я чувствую, что моя сила и энергия вернулись ко мне. Хотелось бы мне знать, где теперь Мина и Ван Хельсинг! Они должны были быть в Верести в пятницу около полудня. У них масса времени уйдет на поиски экипажа и лошадей, так что если они выехали и быстро ехали, то они теперь уже должны быть в проходе Борго. Да поможет им Господь! Я даже боюсь и думать о том, что с ними может случиться. Интересно, как дела доктора Сьюворда и м-ра Морриса... Я надеюсь, что под Стасба мы их увидим, так как если мы до тех пор не догоним графа, то нам необходимо будет снова всем вместе посоветоваться, что делать.

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА

2 ноября.

Три дня в пути. Никаких новостей, и нет времени их записывать, если бы даже они были, так как каждая минута дорога. Мы сделали лишь необходимую остановку для отдыха лошадей, но мы оба чувствуем себя прекрасно. Эти дни, полные приключений, нам очень полезны. Нужно поторопиться, мы не успокоимся, пока снова перед нами не будет катера.

3 ноября.

В Фунду мы узнали, что катер пошел вверх по Бистрице; хоть бы потеплело! Кажется, начинает идти снег, если пойдет большой снег, то это нас остановит. В таком случае нам придется взять сани и продолжать свой путь по-русски.

4 ноября.

Сегодня мы узнали, что катер что-то задержало у порогов на Бистрице. Лодки словаков при умелом управлении благополучно проходят с помощью веревок. Несколько часов тому назад их прошло тут порядочно. Годалминг — прекрасный рулевой и, должно быть, сумел провести катер, несмотря на трудности. Я убежден, что они благополучно прошли пороги с местной помощью, конечно, и теперь уже снова в погоне. Боюсь только, что катер от этого приключения

пострадал, так как крестьяне говорят, что после этого он все время останавливался, пока наконец не скрылся из виду. Надо торопиться; наша помощь может понадобиться.

ДНЕВНИК МИНЫ ХАРКЕР

31 октября.

В Верести мы приехали в полдень. Профессор сказал, что и сегодня утром он меня совсем не мог загипнотизировать и что все, что я ему сказала было: «Темно и тихо». Теперь он пошел покупать экипаж и лошадей. Нам предстоит сделать 70 миль с лишком. Страна чудная и очень интересная; если бы все это происходило при других условиях, то видеть все это доставило бы нам страшное удовольствие. Какое наслаждение было бы мне путешествовать здесь с Джонатаном! Но увы!..

Позже.

Д-р Ван Хельсинг вернулся; он достал лошадей и экипаж; мы пообедали, а затем тронулись в путь. Хозяйка приготовила нам целую корзинку провизии, столько, что ее хватило бы на целый отряд солдат. Профессор поощряет ее и шепчет мне на ухо, что мы, может быть, целую неделю нигде не достанем хорошей пищи; он сделал еще кое-какие покупки и послал домой массу теплых пальто, одеял и других теплых вещей. Мы в дороге уж наверно не будем мерзнуть.

Скоро выезжаем. Боюсь даже подумать о том, что с нами может случиться. В руках Божьих мы спокойны. Одному Ему известно, что будет, и молю Его из глубины своей истерзанной души, чтобы Он хранил моего дорогого мужа; чтобы Джонатан знал, что я его любила сильнее, чем я это в силах выразить, и что мои последние и лучшие мысли неслись к нему...

ГЛАВА XXVII

ДНЕВНИК МИНЫ ХАРКЕР

1 ноября.

Весь день в дороге, причем мы очень спешили; лошади точно чувствуют, что к ним хорошо относятся, и охотно бегут полным ходом. Обстановка так однообразна и обстоятельства так хорошо складываются, что мы уже начинаем надеяться, что наше путешествие пройдет благополучно. Д-р Ван Хельсинг лаконичен; он объявляет фермерам, что торопится в Бистрицу, платит им деньги и меняет лошадей. Едим суп или пьем кофе или чай и едем дальше. Жители очень суеверны. В первом доме, где мы остановились, женщина, прислуживавшая нам, заметив шрам у меня на лбу, перекрестилась и подняла два пальца, чтобы уберечь себя от дурного глаза. Мне кажется, что она даже положила двойную порцию чеснока в нашу провизию, а я его совсем не переносу. С тех пор я старалась больше не снимать шляпы или вуали, чтобы таким образом избежать всяких неприятностей. Мы невероятно быстро едем, и так как обходимся без кучера во избежание лишней болтовни, то у нас и нет никаких скандалов, но все-таки боязнь дурного глаза всю дорогу нас будет преследовать. Профессор кажется неутомимым; за весь день он ни разу не отдохнул, меня же он заставляет спать. При заходе солнца он меня загипнотизировал и говорит, что я ему ответила опять то же самое: «Мрак, журчание воды и треск дерева», так что наш враг все еще на воде. Я боюсь думать о Джонатане, и вместе с тем я как-то не боюсь ни за него, ни за себя. Пишу это в ожидании лошадей фермера. Д-р Ван Хельсинг спит. Бедняжка, он устал, но вид у него так решителен, как наяву. Когда мы тронемся в путь, то я заставлю его поспать, а сама буду править. Я скажу ему, что нам предстоит еще много дней пути и что он должен приберечь свои силы, так как они нам еще могут понадобиться.

2 ноября. Утром.

Мы всю ночь правили по очереди; день наступает ясный, но холодный. В воздухе чувствуется какое-то странное давление. Ужасно холодно, и нас спасает от замерзания только теплая одежда.

2 ноября. Ночью.

Целый день быстрой езды, страна становится все более дикой, громады Карпатских гор, казавшиеся в Верести такими далекими и так низко стоящими на горизонте, теперь как будто окружили нас. Мы оба в прекрасном настроении духа, мне кажется, что мы оба стараемся друг друга развлекать. Д-р Ван Хельсинг говорит, что утром мы уже будем в проходе Борго. Дома тут стали реже встречаться, и профессор говорит, что наши последние лошади пойдут с нами до конца, так как больше нигде будет их менять. О, что-то даст нам завтрашний день? Да поможет нам Бог, да хранит Он моего мужа и тех, кто нам обоим дорог и кто теперь в опасности. Что касается меня, то я Его не достойна. Увы! Для Него я нечистая и останусь таковой, пока Он не удостоит меня Своей милостью.

ДНЕВНИК АБРАХАМА ВАН ХЕЛЬСИНГА

4 ноября.

Это предназначается моему старому, дорогому другу Джону Сьюворду, д. м., Пурфлит, Лондон, в случае если я его не увижу. Это все разъяснит. Утро, пишу при огне, который я всю ночь поддерживал, — мистрис Мина мне помогает. Невероятно холодно. Мистрис Мина весь день была в очень плохом настроении, совсем не похожа на себя. Она все спит, и спит, и спит! Она, которая всегда такая энергичная, сегодня положительно ничего не делала: у нее даже пропал аппетит. Она ничего не записывает в свой дневник — она, которая всегда так регулярно все записывала. Чувствую, что не все ладно. Хотя сегодня она все-таки веселее. Сон ее подбодрил, и теперь она мила и весела. После захода солнца я попробовал ее загипнотизировать, но — увы! — никакого действия! Влияние мое становилось все меньше и меньше, а сегодня оно у меня совсем исчезло. Ну что же, да будет воля Божья — что бы там ни случилось и к чему бы это нас ни привело!

Теперь к фактам! Так как мистрис Мина больше не записывает стенографически, то придется мне это делать.

К проходу Борго мы приехали вчера утром, сейчас же после восхода солнца. Когда я заметил признаки рассвета, я начал приготавливаться к гипнозу. Мы остановили экипаж и сошли, чтобы нам ничто не помешало. Я сделал меховое ложе, и мистрис Мина легла и поддалась, как всегда, хотя медленнее и на более короткое время, гипнозу. Как и раньше, она ответила: «Мрак и журчание воды». Затем она проснулась веселая и радостная, и мы продол-

жали наш путь и вскоре прибыли в самый проход. Тут она начала волноваться и сказала:

— Вот дорога.

— Почему вы знаете? — спросил я.

— Разве Джонатан тут не ездил и не писал об этом?

Сначала мне это показалось странным, но вскоре я заметил, что других дорог тут не было. Дорога мало изъезжена и совсем не такая, как та, что ведет из Буковины в Бистрицу, та гораздо шире и более использована. Мы поехали этой дорогой, и когда нам встречались другие дороги, более заброшенные и засыпанные свежим снегом, то мы предоставляли выбор лошадям: лошади сами знают путь. Я опустил вожжи, и они терпеливо шли дальше. Постепенно нам встречалось все то, о чем говорилось в дневнике Джонатана, и мы часами продолжали таким образом свой путь. Я говорю мистрис Мине, чтобы она спала; она пробует и засыпает. Она все время спит, пока я наконец не начинаю тревожиться и бужу ее. Но она продолжает спать и, несмотря на все мои старания, я не могу ее разбудить. Мне кажется, что я сам начинаю засыпать.

Я бужу мистрис Мину энергичнее. На этот раз она скоро проснулась, и я снова гипнотизирую ее. Но она не засыпает. Я не переставал пробовать, пока наконец она и я не очутились во мраке. Я оглянулся кругом и увидел, что солнце зашло. Мистрис Мина смеется, я оборачиваюсь и гляжу на нее. Теперь она совсем проснулась и так хорошо выглядит, как тогда, когда мы впервые вошли в дом графа в Карфаксе. Я поражен и чувствую себя неловко, но она так мила, так ласкова и предупредительна, что я забываю свой страх. Развожу огонь — мы возем с собою запас дров, — и она prepares закуску, пока я распрягаю лошадей, чтобы их накормить. Когда я вернулся к огню, то ужин был уже готов. Иду ей помогать: но она смеется и говорит, что она уже поела, что она так проголодалась, что больше не могла ждать. Мне это не нравится, и я ей не верю, но мне не хочется ее пугать, так что я молчу. Я ем один, затем мы закутываемся в шубы и ложимся у огня. Я уговариваю ее заснуть и обещаю сторожить. Я несколько раз ловил себя на том, что засыпал, и к утру я успел немного выспаться. Проснувшись, я снова пробую ее загипнотизировать, но — увы! — она хотя и закрывает покорно глаза, но все-таки не спит. Солнце всходит, и она засыпает слишком поздно, при этом так крепко, что ее никак не разбудить. Мне приходится поднять и положить ее в экипаж: во сне она выглядит как-то здоровее и румянее, а мне это не нравится, и я боюсь, боюсь, боюсь! Я всего боюсь — даже думать, но я должен исполнить свой долг. Это борьба не на жизнь, а на смерть, и мы не должны отступать.

5 ноября. Утром.

Хочу записать все по порядку, так как в противном случае вы сумеете сказать, что я, Ван Хельсинг, сошел с ума и что все пережитые ужасы и расстроенные нервы так жестоко отозвались на моем мозгу.

Вчера мы весь день ехали, все время приближаясь к горам и забираясь все дальше и дальше в дикую страну. Мистрис Мина все спит да спит; я прого-

...снежные пушинки и туман начали вертеться и кружиться предо мною, пока, наконец, не приняли образ тех женщин, которые хотели его поцеловать.

лодался, утолил свой голод, будил ее, чтобы она поела, но она все спит. Я начал бояться, что роковые чары этой местности сказались на ней, запятнанной прикосновением вампира. «Ладно, — сказал я себе, — если быть должно так, чтобы она весь день проспала, то пусть я не сплю по ночам». Дорога была плохая, как все старинные примитивные дороги той местности, я опустил голову и заснул. Когда я проснулся и взглянул на мистрис Мину, — то увидел, что она все еще спит, а солнце уже низко. Все совершенно изменилось. Крутые скалы уходили куда-то дальше и дальше, и перед нами на высоком крутом холме стоял такой замок, о каком Джонатан говорит в своем дневнике. Чувство торжества и страха охватило меня, так как теперь, к добру или нет, конец уже близился. Я разбудил мистрис Мину и пробовал ее загипнотизировать, но — увы! — бесполезно. Наступил мрак, я распряг лошадей и накормил их, затем развел огонь, устроил и посадил мистрис Мину как можно удобнее; она бодрствовала и была так очаровательна, как никогда; затем я приготовил пищу, но она не захотела есть, сказав, что не голодна. Я не настаивал, так как знал, что это было бы тщетно. Но сам я поел, так как мне нужно набраться сил за всех. Затем я начертил круг вокруг мистрис Миной, раскрошил одну облатку и положил эти крошки на круг, так что всякий доступ в середину был невозможен. Она все время сидела тихо, так тихо, как покойник, и становилась все бледнее и бледнее, сделалась белее снега и не проронила ни одного слова. Но когда я подошел к ней, то она прижалась ко мне, и я чувствовал, как она вся дрожит от страха. Мне было тяжело. Когда она немного успокоилась, я ей сказал: — Пойдемте к огню.

Я хотел посмотреть, что она в состоянии сделать. Она покорно встала, но, сделав шаг вперед, она остановилась как вкопанная.

— Что же вы остановились? — спросил я.

Но она покачала головой, пошла назад и села на свое место. Затем, взглянув на меня, она просто сказала:

— Не могу, — и замолчала.

Тут лошади начали фыркать и рваться на привязи, пока я не подошел и не успокоил их. Почувствовав мою руку, они заржали от радости, стали лизать мне руку и на время успокоились. За ночь я несколько раз подходил к ним, и каждый раз я приносил им спокойствие. В самое холодное время огонь начал потухать, и я приложил все старания, чтобы его поддержать, так как снег падал большими хлопьями, и холодный туман окружил нас. Во мраке виднелись какие-то огоньки, каких никогда не бывает на снегу, и казалось, что снежные хлопья и туман принимали образ женщин в длинных одеждах со шлейфами. Кругом царила гробовая тишина, временами раздавалось ржание и трепет лошадей, словно они чего-то страшно боялись. Страх начал овладевать мною, но, стоя в своем кругу, я был совершенно спокоен. Я уже начинал думать, что мои видения являются следствием ночи, мрака, усталости и всех тревог. Мне казалось, что я переживаю все то, что переживал Джонатан, так как снежные пушинки и туман начали вертеться и кружиться предо мною, пока

наконец, не приняли образ тех женщин, которые хотели его поцеловать. Затем лошади начали все больше и больше дрожать и стонать, как человек, страдающий от боли. Я боялся за мою дорогую мистрис Мину, когда эти фигуры стали приближаться и окружать ее. Я взглянул на нее, но она спокойно сидела и улыбалась мне. Когда я собирался пойти к костру, чтобы поддержать огонь, она схватилась за меня, не пуская меня, и глубоким голосом, точно во сне, зашептала мне:

— Нет, нет! Не выходите! Тут вы в безопасности.

Я повернулся к ней и, глядя ей в глаза, сказал:

— А вы? Ведь это я за вас боюсь!

Но она как-то неестественно засмеялась и сказала:

— Бойтесь за меня? Чего же за меня бояться? Чем они хуже меня?

Слова эти меня поразили. В этот момент дунул резкий ветер и раздул пламя, при свете которого я увидел красный шрам на ее лбу. Тогда — увы! — я понял все! Если бы я этого тогда не знал, то, во всяком случае, я вскоре узнал бы, так как кружившиеся фигуры стали подходить все ближе и ближе, но в круг они не заходили. Затем они начали материализоваться, пока наконец — если только Бог не лишил меня рассудка — я не увидел перед собою тех трех женщин, которых Джонатан видел у себя в комнате, когда они хотели поцеловать его в шею. Я узнал их гибкие полные фигуры, их блестящие глаза, белые зубы, цвет их волос и сладострастные губы. Они же улыбались бедняжке Мине, и смех их резко раздавался в ночной тишине; они простерли к ней руки и заговорили:

— Приди, сестрица! Приди к нам! Приди, приди!

Я в страхе взглянул на Мину, и сердце мое забилося от радости, так как ее выражение глаз придало мне надежду. В них я прочел только ужас, страх и отвращение. Слава богу, она еще не принадлежала им. Я схватил один из находившихся поблизости от меня колов из огня, и, держа перед собою облатку, я стал подходить к ним, приближаясь в то же время к костру. Они начали отступать и засмеялись своим ужасным смехом. Я поддерживал огонь, и они мне не были страшны, так как я знал, что они нас не тронут. Ко мне они не могли подойти, я был вооружен Святыми Дарами, точно так же как и к мистрис Мине, так как она осталась в своем кругу, из которого она не могла выйти, а они не смели туда войти. Лошади перестали стонать, снег мягко падал на них, и они стали белыми. Я знал, что бедным животным больше не предстоит никакой опасности.

В таком положении мы оставались до самого рассвета. Я был в отчаянии, напуган и полон горя и страха, но при виде восходящего солнца я снова ожил. При первом же появлении рассвета фигуры рассеялись в тумане.

На рассвете я машинально повернулся к мистрис Мине, намереваясь ее загипнотизировать, но она лежала и спала таким крепким сном, что я никак не мог ее разбудить. Я попробовал загипнотизировать ее сонную, но она не дала никакого ответа, а день уже настал. Я боюсь двинуться с места. Я развел огонь и осмотрел лошадей — они подошли. Сегодня мне предстоит много работы,

но я подожду, пока солнце не будет высоко, так как может случиться, что мне придется пойти в такие места, где свет солнца, невзирая на снег и туман, меня все-таки защитит.

Я подкреплюсь завтраком, а затем уже примусь за свою ужасную работу. Мистрис Мина все еще спит, да будет благословен Господь! Сон ее спокоен...

ДНЕВНИК ДЖОНАТАНА ХАРКЕРА

4 ноября. Вечером.

Приключение с катером было для нас ужасно. Не будь его, мы давно уже догнали бы лодку и теперь моя дорогая Мина была бы уже свободна. Боюсь даже и думать о ней, находящейся вдали, на открытых полях, вблизи той ужасной местности. Мы достали лошадей и следуем за ними по тракту. Записываю это, пока Годалминг приготавливает все к отъезду. Оружие с нами. Цыганам плохо придется, если они вздумают сопротивляться. О, если бы Моррис и Сьюворд был здесь с нами! Будем надеяться! Если мне больше не придется писать, то прощай, Мина! Да благословит и сохранит тебя Бог.

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮВОРДА

5 ноября.

На рассвете мы увидели, как цыгане скрылись у реки со своим фургоном. Они окружили его со всех сторон и спешили, точно их преследовали. Падает легкий снег. Вдали слышится вой волков, он несется с гор вместе со снегом; нас со всех сторон окружила опасность; лошади почти готовы, и скоро мы двинемся в путь. Мы мчимся навстречу смерти. Одному Богу известно, кто или где или что или когда, как это будет...

ДНЕВНИК ДОКТОРА ВАН ХЕЛЬСИНГА

5 ноября. Днем.

Я, по крайней мере, здравомыслящ. Благодарю Бога, во всяком случае, и за эту мысль, и за эту милость, хотя испытание было ужасно. Оставив Мину спящей в священном кругу, я направился к замку. Кузнечный молот, который я взял из экипажа в Верести, мне пригодился, хотя все двери и были открыты. Я все-таки снял их с петель, чтобы какая-нибудь роковая случайность их не захлопнула и я не оказался бы взаперти. Горький опыт Джонатана оказал мне тут услугу. Благодаря его записям я нашел дорогу к старой часовне, так как я знал, что тут-то мне и предстоит работа. Воздух был удушлив, казалось, будто откуда-то исходил серный запах и кружил мне голову. Мне послышался вой

Мы увидели вырисовывавшийся на горизонте замок Дракулы. Он предстал перед нами во всей своей красоте, построенный на высоте 1000 футов на крутом утесе, вокруг которого шел глубокий обрыв, отделявший от него, окружавшие его со всех сторон, горы. Что-то дикое и таинственное заключалось в этой местности.

волков, но возможно, что у меня просто в ушах шумело. Тут я вспомнил о своей дорогой мистрис Мине, и положение мое показалось мне ужасным. Перед мной была дилемма. Я не рискнул ее взять сюда с собою и оставил ее в священном кругу. Вампир ей там не мог причинить никакого вреда, но волк все-таки мог к ней подойти. Я пришел к тому заключению, что работа мне предстоит именно здесь, что же касается волков, то будем уповать на Бога. Поэтому я решил продолжать свою работу. Я знал, что найду по крайней мере три гроба, три обитаемых гроба, так что я начал искать, искать, пока наконец не нашел один из них. Она спала крепким сном вампира. Она была полна жизни и сладострастной красоты, и я даже вздрогнул, так как пришел убить. О, я не сомневаюсь, что в древние времена, когда такие вещи приключались, многие думали и пробовали делать то же самое, что и я, но затем убеждались, что это им не по силам, и они все медлили и откладывали, пока наконец красота и соблазнительность порочного «немертвого» не очаровывала их, и они не оставались в нерешительности, пока солнце не заходило и сон вампира не проходил. Тогда открывались чудные глаза белокурых женщин и смотрели на них с любовью, а сладострастные губы протягивались к ним для поцелуя, и человек ослабевал, и в объятиях вампира оказывалась новая жертва.

Соблазн должен был быть очень велик, раз даже меня волнует присутствие такого существа, лежащего тут, в пыли, целыми столетиями, распространяя такой же запах, как это было в жилищах графа. Да, меня это взволновало — меня, Ван Хельсинга, несмотря на мои взгляды и на мои основания их презирать; меня это так тронуло, что я почувствовал себя совсем парализованным. Возможно, что это было следствием того, что я устал, не выспался. Я сознавал, что сон меня одолевает.

Но я овладел собою и принялся за свою ужасную работу. Раскрывая гробовые крышки, я нашел еще одну из сестер, брюнетку. Я не решился на нее взглянуть, чтобы не впасть в соблазн, и продолжал свои поиски, пока наконец не нашел в большом высоком гробу, точно сделанном для кого-то близкого и дорогого, ту белокурую сестру, которую я, как и Джонатан, видел, видел, как она появилась из атомов тумана. Она была так прелестна, так удивительно сладострастна, что инстинкт мужчины проснулся во мне. Но, слава богу, голос моей дорогой Мины все еще продолжает звенеть в моих ушах, и раньше, чем колдовство меня коснулось, я уже ревностно принялся за свою работу. Таким образом, я нашел все гробы в часовне и, так как ночью нас окружили всего трое «немертвых», призраков, то я и решил, что больше нет «немертвых». Я нашел еще один гроб, более величественный, чем остальные, колоссального размера и благородной формы. На нем было написано одно слово:

ДРАКУЛА

Так вот оно, «немертвое» логовище короля вампиров, которому столь многие обязаны гибелью своей души! Пустота могилы красноречиво доказы-

вала мне то, что я знал. Раньше чем вернуть этих женщин своей ужасной работой к их естественной смерти, я положил несколько облаток в гроб Дракулы и таким образом изгнал его, «немертвого», оттуда навсегда.

Затем я принялся за свой ужасный долг. Мне это было противно.

О, Джон, то была действительно работа мясника! Если бы меня не строили заботы о других умерших и о живущих, которые теперь находятся в большой опасности, то я никогда бы не решился на это.

Я дрожу, я дрожу еще и теперь, хотя, слава богу, мои нервы выдержали это. Если бы я не видел того спокойствия на лице первой женщины, и той радости, которая на нем отразилась перед самым его разрушением как доказательство того, что душа спасена, я бы не мог продолжать своего кровопролития. Мне хотелось бежать в ужасе и бросить все так, как было. Но теперь свершилось! Мне становится жаль эти бедные души, когда вспоминаю, какой ужас им пришлось пережить, но зато теперь они наслаждаются сном естественной смерти. Ибо едва мой нож отсек каждой из них голову, как тела их тотчас же начали рассыпаться и превращаться в пыль, точно смерть, которая должна была прийти столетия тому назад, теперь наконец утвердилась в своих правах и громко заявила: «Вот и я!»

Раньше чем покинуть замок, я так закрыл все ходы, что граф уже больше никогда не сможет войти туда «немертвым».

Когда я вошел в круг, где мистрис Мина спала, то она проснулась и, увидев меня, вскрикнула:

— Пойдемте! Уйдемте прочь от этого ужасного места! Пойдемте встречать моего мужа, он, я знаю, идет сюда.

Она была худа, бледна и слаба, но глаза ее были чисты и пылали жаром. Я был рад видеть ее бледной и больной, так как предо мною все еще стоял ужас перед румяным сном вампира.

Итак, с надеждою в груди, хотя все еще полные боязни, мы идем по направлению к востоку, навстречу нашим друзьям — и тому, — который, как говорит мистрис Мина, сам идет к нам навстречу.

ДНЕВНИК МИНЫ ХАРКЕР

6 ноября.

Было уже очень поздно, когда профессор и я направились к востоку навстречу Джонатану. Мы шли медленно, так как хотя дорога и вела круто вниз под гору, но нам пришлось тащить с собою тяжелые одеяла и теплые вещи в такой холод и снег. Незаметно было ни одного жилища. Пройдя одну милю, я устал и села отдохнуть. Оглянувшись, мы увидели вырисовывавшийся на горизонте замок Дракулы. Он предстал перед нами во всей своей красоте, построенный на высоте 1000 футов на крутом утесе, вокруг которого шел глубокий обрыв, отделявший от него окружающие его со всех сторон горы. Что-то дикое и та-

инстинктивное заключалось в этой местности. Вдали слышался вой волков. Судя по тому, как доктор Ван Хельсинг выбирал место, я поняла, что он ищет какой-нибудь стратегический пункт, где на нас никто не сможет напасть.

Немного погодя профессор позвал меня к себе. Я нашла прелестное местечко, нечто вроде естественной пещеры в скале, он взял меня за руку и втащил меня туда.

— Смотрите! — сказал он. — Здесь вы будете под защитой, а если волки придут, то я убью их по очереди, одного за другим.

Он втащил наши покрывала и приготовил мне удобное ложе, вынул провизию и заставил меня есть. Но мне не хотелось есть, мне даже противно было попробовать, и, несмотря на то что мне хотелось угодить ему, я никак не могла себя пересилить. Вынув свою подозрную трубу из чемодана, он встал на вершину и утеса и начал смотреть на горизонт. Вдруг он воскликнул:

— Посмотрите! Мистрис Мина, посмотрите! Посмотрите!

Я вскочила и встала за ним на утесе, он передал мне трубу и стал показывать. С высоты, на которой мы стояли, было далеко видно, и далеко за белой снежной пеленой виднелась черная лента реки. Прямо перед нами, невдалеке, — так близко, что я удивляюсь, как это мы раньше этого не замечали, — скакала толпа всадников. Посреди них неся фургон, качаясь с боку на бок по неровностям дороги. Судя по одежде людей, то были крестьяне или цыгане. На повозке лежал большой четырехугольный ящик. Сердце мое забилося от радости, когда я это увидела, так как я чувствовала, что конец приближается. Вечер близился, и я прекрасно знала, что к заходу солнца существо, которое до сих пор было бессильно, снова оживет и, приняв одну из многочисленных форм, избегнет наших преследований. В страхе я повернулась к профессору, но, к моему удивлению, его там не было. Немного погодя я увидела его внизу. Он нарисовал круг вокруг скалы, точно такой, в каком мы прошлой ночью нашли убежище.

Покончив с этим, он вернулся ко мне и сказал:

— Наконец-то вы будете здесь в безопасности от него.

Он взял у меня подозрную трубу; но скоро пошел снег и скрыл от нас весь вид.

— Посмотрите! — сказал он. — Они торопятся, они погоняют своих лошадей и мчатся изо всех сил.

Он помолчал и затем продолжал глухим голосом:

— Они торопятся из-за захода солнца. Мы можем опоздать. Да будет воля Божья!

Тут снова пошел густой снег и закрыл перед нами весь вид. Но вскоре это прошло, и Ван Хельсинг снова навел свою подозрную трубу на долину:

— Смотрите! Смотрите! Смотрите! Два всадника несутся с юга вслед за ними. Это, должно быть, Квинси и Джон. Возьмите трубу. Смотрите, раньше чем снег все закроет!

Я взяла трубу и посмотрела. Это, наверно, доктор Сьювора и м-р Моррис. Во всяком случае я знала, что это не Джонатан. В то же время я знала, что Джонатан недалеко. Озираясь кругом, я заметила на севере еще двух всадников,

На повозке лежал большой четырехугольный ящик.

быстро приближавшихся. Я знала, что один из них Джонатан, а другого я, конечно, приняла за лорда Годалминга. Они также преследовали повозку! Когда я это сказала профессору, он обрадовался, как школьник, и внимательно всматривался вдаль, пока поваливший снег не закрыл ему снова вида, он приготовил свой винчестер и положил его на скалу у входа нашего убежища.

Когда снежный шторм на время уменьшился, мы снова посмотрели в трубу. Направляя трубу во все стороны, я увидела на снегу пятна, двигавшиеся то в одиночку, то малыми, то большими группами, — волки собирались на добычу. Минуты ожидания казались нам вечностью, ветер теперь дул сильными порывами и, с яростью кружа снег, гнал его на нас. За последнее время мы так привыкли следить за восходом и заходом солнца, что с точностью могли его определять и заранее знали, когда солнце зайдет. Трудно даже поверить, что не прошло и часа с тех пор, как мы ожидали в нашем скалистом убежище, как всевозможные фигуры стали к нам приближаться. С севера подул упорный, холодный и резкий ветер. Он, как видно, угнал снеговые тучи, так как снег теперь шел только временами. Мы теперь ясно могли различить людей каждой партии, преследуемых и преследователей. Казалось, что преследуемые не замечали погони или не обращали на это внимания. Но все-таки казалось, что они все больше торопятся, по мере того как солнце все ниже и ниже спускалось к вершинам гор.

Они всё приближались. Профессор и я прятались за скалой и приготовили ружья; я видела, что он решил их не пропускать; никто не имел понятия о нашем присутствии.

Вдруг какие-то два голоса вскрикнули:

— Стой!

Один голос был Джонатана, сильно взволнованный, а другой — м-ра Морриса, в решительном тоне спокойного приказа. Цыгане, как видно, не знали этого языка, но тон был ясен. Они инстинктивно натянули поводья, и в ту же минуту с одной стороны к ним подскакали лорд Годалминг и Джонатан, а с другой доктор Сьюворт и м-р Моррис. Вожак цыган, представительный юноша, сидевший на лошади, как центавр, резким голосом приказал своим товарищам продолжать путь. Он ударил по лошадям, которые рванулись вперед, но наши четверо подняли винтовки и заставили их остановиться. В тот же момент доктор Ван Хельсинг выступил из-за скалы, направив на них свое оружие. Видя, что они со всех сторон окружены, они натянули поводья и остановились. Вожак сказал им что-то, после чего они вынули свое оружие, ножи и пистолеты и приготовились к нападению. Вожак быстрым движением поводьев выдвинулся вперед и, указав сначала на солнце — близкое к заходу, а затем на замок, сказал им что-то, чего я не поняла. Тут все четверо наших парней соскочили с лошадей и кинулись к повозке. Опасность, которой подвергся Джонатан, должна была, в сущности, меня испугать, но обстановка на меня, наверно, так же подействовала, как на них; я не чувствовала никакого страха, я чувствовала лишь дикое безумное желание что-нибудь сделать. Заметив движение нашей партии, вожак цыган отдал какое-то приказание, и его люди тотчас же бросились к повозке и, толкая друг друга, принялись в беспорядке, с ожесточенным рвением исполнять данное им приказание.

Среди этой сутолоки я увидела, как Джонатан с одной, а Квинси с другой стороны пробил себе дорогу к повозке; видно было, что они старались добраться до ящика до захода солнца. Ничто не могло их удержать и помешать им. Ни сверкающие перед ними ножи цыган, ни вой волков, раздавшийся позади, чтобы отвлечь их внимание. Стремительность Джонатана и непреклонность исполнения своей цели, казалось, укротили непокорных: они инстинктивно отступили назад и дали ему пройти. В один момент он вскочил на повозку, с невероятной силой поднял ящик и, перекинув его через колесо, швырнул его на землю. В то же время м-р Моррис напрягал все свои силы, стараясь прорвать цепь цыган; я все время зорко следила за Джонатаном, но видела, как м-р Моррис в отчаянии пробивался вперед, видела, как ножи цыган сверкнули над ним, когда он прорвался к ним в середину, и как они на него замахивались. Он ловко отражал их удары своим большим американским ножом, и сначала мне показалось, что он благополучно пробрался к ним, но когда он подскочил к Джонатану, который только что соскочил с повозки, то увидела, что он прижимал свою левую руку к боку и что кровь сочилась у него сквозь пальцы. Но, несмотря на это, он все-таки бросился помогать Джоната-

ну. Джонатан схватил один конец ящика, стараясь сорвать с него крышку своим большим ножом, а другой стороны ее поддел м-р Моррис своим американским ножом. Благодаря общим усилиям, крышка начала поддаваться, гвозди со скрипом выскочили, и крышка была сброшена.

Сознавая свое бессилие, цыгане наконец отступили и больше уже не сопротивлялись. Солнце было уже совсем низко, на самых вершинах гор. Я увидела графа, лежащего в ящике на земле, которая отчасти его даже засыпала при падении ящика. Он был смертельно бледен, точно восковая фигура, а красные глаза его сверкали яростью и местью — взглядом, столь знакомым мне.

Я видела, как глаза его следили за заходом солнца, и ненависть в них перешла в торжество.

Но в ту же минуту последовал удар ножа Джонатана. Я вздрогнула при виде того, как он перерезал ему горло, в то время как нож м-ра Морриса проткнул ему сердце.

Большое чудо произошло на наших глазах: в один момент все тело его превратилось в прах и исчезло.

Замок Дракулы выделялся теперь на красном фоне неба, и каждый камень этого возвышенного строения был озарен светом заходящего солнца.

Цыгане, считавшие нас причиной сверхъестественного исчезновения мертвого человека, ни слова не говоря, повернулись и уехали, точно опасаясь за собственную жизнь. Те, у которых не было лошадей, вскочили на фургон и крикнули всадникам, чтобы те их подождали. Волки, стоявшие на порядочном расстоянии от нас, тоже умчались и оставили нас одних.

М-р Моррис опустился на землю, продолжая все время держаться за бок; кровь все еще сочилась у него сквозь пальцы. Я полетела к нему, ибо священный круг меня больше не удерживал, за мной и оба доктора; Джонатан опустился рядом с ним на колени, и раненый Моррис положил ему голову на плечо. Он со вздохом взял мою руку в свою. Он, очевидно, заметил тревогу на моем лице, ибо, улыбнувшись мне, он сказал:

— Я более чем счастлив, что мог вам быть полезным! О бог мой! — внезапно вскрикнул он, стараясь принять сидячее положение и указывая на меня. — Ради нее стоило умереть. Взгляните! Взгляните!

Солнце теперь находилось, как раз, на вершине горы, и красный свет его падал мне на лицо, так что оно окрасилось розовым цветом. Все сразу опустились на колени и мрачное и грустное «аминь» вырвалось из уст у всех, следивших за направлением руки умирающего, который, указывая на меня, произнес:

— Слава Богу, что все это было не напрасно! Посмотрите, ее лоб чище и белее снега! Шрам исчез!

И, к нашему великому горю, с улыбкою на устах он тихо скончался как истинный джентльмен.

ЭПИЛОГ

Семь лет тому назад мы все прошли сквозь огонь и воду, и счастье некоторых из нас с тех пор, я думаю, стоит тех страданий, которые мы пережили. Для меня и для Мины это великое счастье, что наш сын родился в годовщину смерти Квинси Морриса. Его мать убеждена, я знаю, что в нем находится дух некоторых наших друзей. Он назван именами всех наших друзей, но мы называем его Квинси.

В этом году мы совершили путешествие в Трансильванию и проезжали по той местности, которая так полна для нас живых, ужасных воспоминаний. Трудно даже поверить тому, что то, что мы видели собственными глазами, и слышали собственными ушами, было правдой. Все следы того, что было, — уничтожены. Но замок возвышался, как и раньше, над большой пустынной местностью.

Вернувшись домой, мы стали вспоминать о старых временах, не вызывавших ни в ком из нас чувства сожаления, ибо Годаминг и Сьювора оба женились и счастливы. Я вынул бумаги оттуда, где они лежали с тех пор, как мы вернулись. Нас поразили тот факт, что во всей массе материалов, из которого записи составлена, едва ли найдется два одинаковых документа. Там ничего не было, кроме перепечатанных на пишущей машинке записей, последних заметок Мины, Сьюворда и моих собственных и меморандума Ван Хельсинга. Если бы нам захотелось, то едва ли кто-либо согласился бы принять их как доказательство столь дикой истории. Ван Хельсинг все это взвесил и, посадив нашего сына к себе на колени, сказал:

— Нам не нужно доказательств, мы не требуем, чтобы нам поверили. Настанет день, и этот мальчик узнает, какая благородная женщина его мать. Он уже знает ее доброту и любовь, и со временем он поймет, за что многие ее так любили, что на многое решились ради нее.

Джонатан Харкер.

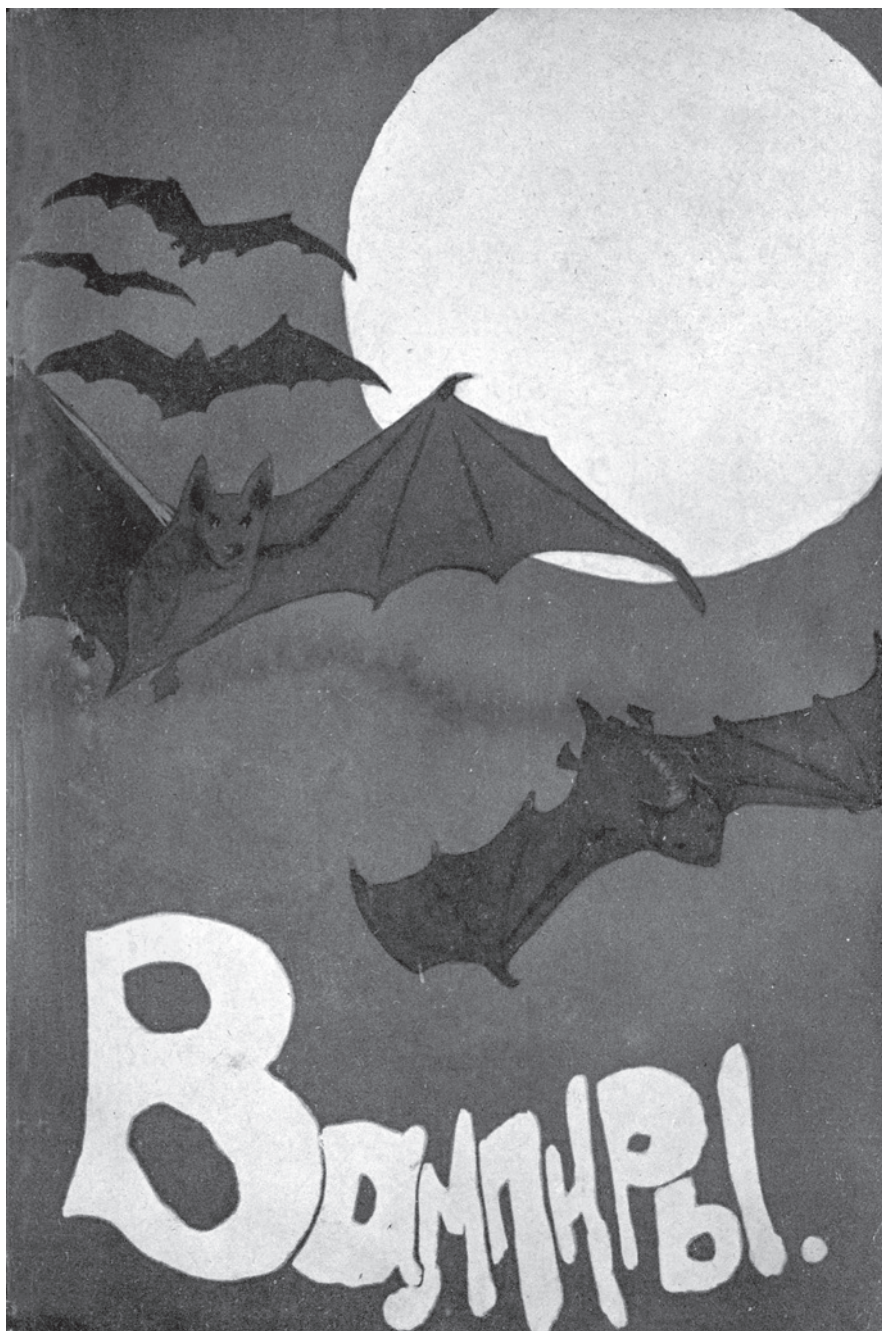
ВАМПИРЫ

ИЗ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ

ГРАФОВ

ДРАКУЛА-КАРДИ

Роман написан русским автором
под псевдонимом Барон Олшеври
по заказу издательства В. М. Саблина
в 1912 г.

*Обложка первого издания
«Вампиры. Из семейной хроники графов Дракула-Карди»
Фантастический роман Барона Олшеври.
Типография В. М. Саблина, Москва, 1912*

ПРОЛОГ

«Не любо — не слушай, а врать не мешай.»

Сегодня большая комната деревенской гостиницы ярко освещена и убрана по праздничному.

Там собралось большое и богатое общество.

Вот уже неделя, как вся гостиница снята под приезд американского миллионера мистера Гарри Карди.

Его приезду предшествовали целые легенды. Говорили, что он несметно богат, что его хлопчато-бумажные плантации целое королевство. Что в его происхождении много таинственного, что он потомок мексиканского короля Монтезумы, и что он тайно поклоняется Вицли-Пуцли.

Вымысла в рассказах, конечно, было больше, чем правды. Одно оставалось неоспоримо: мистер Гарри богат, молод, страстный охотник и что страсть эта заставила его побывать и в Африке, и в Индии.

В Европу его привело дело и любопытство путешественника.

В деревне говорили, что приезд этого сказочного принца в Карпатские горы был сопряжен с вводом во владение древним замком графов Дракула.

Замок этот лет 40, если не больше, стоял покинутым. Все владельцы вымерли, а последний, как говорят, бросил мир и отрекся от жизни, похоронив себя в монастыре, где и умер.

Одни уверяли, что мистер Гарри купил замок ради титула, другие, что замок перешел ему по наследству. Что один граф Дракула уехал в Индию и изучал там черную магию под наблюдением браминов и что уже оттуда его наследники попали в Америку.

Мистера Гарри сопровождал целый штат служащих, друзей и прихлебателей. Самыми близкими людьми к миллионеру были: доктор Вейс, небольшого роста полный господин, весельчак и милый собеседник; капитан Райт — англичанин, доведший свое хладнокровие до апогея. Про него говорили, что,

находясь в плену у тугов в подземельях кровожадной Бовами, где его ожидала неминуемая смерть, он не изменил своему обычаю и не выпускал сигары изо рта, а при почти чудесном освобождении спросил стакан рому и выпил его так же спокойно, как и на дружеской пирушке. К этому неразлучному трио присоединялся еще Джемс Уат, также американец, но в жилы которого несомненно попала живая кровь француза. Он был подвижен и всегда желал до всего допытаться, ко всему, его занимающему, прикоснуться руками. За желание потрогать золотой лотос на груди какого-то индийского истукана он чуть не заплатил всей рукой. И посейчас красный шрам, как змея обвивает его руку. Этот шрам — память от удара одного фанатика. За страсть Джемса к наблюдениям и выводам доктор называл его Шерлоком Холмсом.

Затем шли: управляющей Смит; личный камердинер Гарри — Сабо; слуга и помощник доктора Джо. Он же заведовал аптекой и всеми перевязочными средствами, так нужными при опасных охотах; повар и лакей.

Остальной штат нанимался из местных жителей и при отъезде распускался.

Общество друзей прихлебателей тоже менялось по месту, жительства.

Теперь Гарри сопровождала больше молодежь — любители охоты или же люди, любившие вообще пожить на чужой счет.

Надо отдать справедливость, Смит умел занять гостей хозяина. В настоящее время охота сменяла охоту, одна лучше другой, а по вечерам обильный ужин с массой лучшего вина.

Вино развязывало языки. После ужина шли разговоры. Вначале говорили о скачках и женщинах, но чем дальше в горы забирались охотники, тем чаще прежние разговоры сменялись охотничьими рассказами и рассказами о приключениях в лесах Америки и джунглях Индии.

Сегодня хозяин изобрел новую забаву: чтение. Недавно он принял к себе на службу старика библиотекаря, Карла Ивановича Шмидта, для разборки нужных бумаг, а главным образом для отыскания в местном церковном архиве документа о смерти или погребении одного из графов Дракула. Каждый вечер библиотекарь давал отчет, что им найдено за день, и вот сегодня он принес хозяину бумаги, вернее дневники или записки, взятые им из церковного архива. Записки эти показались Гарри интересными и он попросил Карла Ивановича прочесть их вслух, после ужина, для развлечения гостей.

Часть первая

ДНЕВНИК УЧИТЕЛЯ

ГЛАВА I

С этой ночи никто из жителей не видел его...
Что это, случайность или новая жертва?
Я сказал жертва, но жертва чего?..

ГЛАВА II

Вот уже полгода, как я не брал в руки эту тетрадь. Все было спокойно. Мое подозрение что между «случайностями» есть связь, что-то роковое, что заставило меня вести эту летопись несчастий — улеглось. Мне даже было стыдно, что я поддался такому суеверию...

Вчера мои сомнения вспыхнули вновь. Пропал Генрих-охотник.

Генрих, это предмет тайных мечтаний всех деревенских невест.

Молод, красив, всегда весел. Первый танцор и первый храбрец. Про него говорили, что он не знает страха, черта не боится, а перед Божией Матерью, — покровительницей нашей деревни, — склоняется почтительно и даже носит ее изображение и образок на груди, на зеленом шнурочке.

В пятницу, утром, Генрих ушел на охоту, обещав вернуться ко времени службы в костеле.

Но ни в воскресенье, ни в понедельник его не было.

Сестра его Мария очень беспокоится: не случилось ли с ним несчастье. Она пришла к нам на кухню, плакала и просила совета.

Среда — Генриха нет. По деревне уже идет слух, что он погиб и искать его надо не иначе, как в «Долине ведьм»...

Но зачем он туда попадет?

Если кузнец Михель и нашелся в «Долине ведьм», то он был пьян...

Генрих не пьет, да и промысел его лежит не близ проезжей дороги, а по другую сторону, в горах...»

— Здесь, видимо, вырвано несколько листов, — сказал библиотекарь, сдвигая очки на лоб.

— Вот и отлично, перерыв, мы можем выпить по стакану вина! Ей, Сабо... — вскричал веселый хозяин. — Кстати, господа, — продолжал Гарри, — по расписанию мы завтра после охоты ночуем в «Охотничьем доме». Он как раз лежит на холме, при входе в «Долину ведьм». Вот, капитан Райт, тебе случай показать свою храбрость.

— Пока я еще ничего не понимаю, — пробурчал Райт.

— Поймешь, когда ведьма завладеет тобой.

— Да объясни лучше, что это за знаменитая «Долина ведьм»?

— «Долина ведьм», — прескверное место, — вмешался один из гостей, местный уроженец. — Говорят, туда собирается нечистая сила, и ведьмы справляют там свои мерзкие праздники. Кто дорожит спасением своей души, не должен на них смотреть.

— Видите ли, друзья мои, — вновь начал Гарри, — «Долина ведьм», это небольшая, прелестная долина, лежит она у подножия скалы, на которой стоит замок. Но скала настолько крута, что из долины подъема на нее нет. С другой же стороны лежит цепь лесистых гор. В одном конце долины стоит наш «Охотничий дом», а недалеко от другого конца проходит проезжая дорога. На дне долины лежит небольшое озеро, сплошь заросшее мертвыми розами неньюфарами. Берега его болотисты и на закате солнца на нем клубится туман.

— Вот этот-то туман, конечно, и подал, по моему мнению, мысль к созданию всех легенд о долине, — вставил свои слова доктор.

— Не слушайте его, у него нет ни капельки поэзии в душе, — перебил хозяин. — Туман, особенно при свете месяца принимает образы прекрасных молодых женщин, на голове венки из мертвых роз, а по плечам вьется белое легкое покрывало... Глаза горят, как звезды, а тело светится розоватым оттенком...

— Не дурно, — промычал Райт.

— Да, но немного найдется желающих испытать эту любовь. Всякого, кто волей или неволей попадал в полнолуние в «Долину ведьм», находили мертвым, а если он и приходил оттуда, то умирал через месяц — в следующее полнолуние. Женщины с озера вместе с поцелуями выпивают его жизнь. Он слабеет, бледнеет и умирает.

— Еще бы не умереть, когда вода в озере стоячая, гнилая, и туман несет, Бог знает, какие ядовитые испарения, — прибавил доктор.

— Смотри, доктор, поплатишься за свое неверие, — смеясь сказал Гарри.

— Напротив, я вполне верю, что если пьяный зайдет на болото, то он или утонет или, проспав на сырой земле, схватит лихорадку, а болотные лихорадки шутить не любят!

— А что ты скажешь о ранах, находимых на теле тех, кто умер в долине? Положим, ранки крошечные, едва заметны.

— Ну, это очень просто, укусы змеи или пиявки. Ведь ты сам говоришь, что ранки едва заметны.

— Впрочем, что, господа, говорит о том, что было да прошло, — с печальной миной продолжал хозяин. — Вот уже больше 30 лет никто не погибал в «Долине ведьм» и храброму капитану Райту не придется отличиться. Нам остается только жалеть, что мы живем в век, когда нет ни спящих красавиц, ни драконов, ни даже самых простых упырей. И нам остается слушать только чужие подвиги. Еще по стакану вина и внимание! — закончил Гарри.

Библиотекарь надвинул очки и начал снова:

«Только когда он пришел в себя, нам удалось разжать судорожно сведенные пальцы. В них оказался образок Божьей Матери, что он носил всегда на себе».

15-ое.

Сегодня Генрих заговорил. Он говорит сбивчиво, неясно, но если хорошо обдумать, то видимо дело было так: он заблудился, что довольно странно для Генриха, и к ночи попал к озеру «Долины ведьм». Чувствуя, как и все простолюдины, страх к озеру, он решил бежать и взобрался на высокую скалу, куда не достигает туман, и решил не спать. Сев на выступ скалы, недалеко от куста боярышника, он как хороший католик прочел Ave Marie и задумался.

Луна ярко сияла. На озере клубился туман, воздух был прорезан серебристыми нитями, и цветы боярышника странно благоухали. «Точно вонзались мне в голову», говорит Генрих. Было жарко. Небывалая, приятная истома напала на него... Вдруг порыв ветра качнул куст боярышника, и ветка ударила его в грудь, в ту же минуту он был осыпан белыми цветами боярышника, «точно белое покрывало окружило меня» — говорит он. Луна померкла. Покрывало засветилось и ясно было видно прекрасное женское лицо, бледное и чудное, с большими зеленоватыми глазами и розовыми губами. «Оно все приближалось — я не мог от него оторвать глаз», — говорит Генрих. «Хотел молиться, но слова путались в голове. Хотел схватить свой образок, но представьте себе мой ужас, — с дрожью прибавляет Генрих, — образка и шнура не было на мне».

«Оно» сорвало его покрывалом!

«Наконец, „оно“ прильнуло к моим губам... все зашаталось и пошло кругом... Я потерял сознание...» — добавляет он.

Очнулся он от сильной боли в шее. Не успел открыть глаза, как в голову ударил пряный, одуряющий запах свежей крови...

«У меня вновь закружилась голова и я упал», — говорит Генрих, — падая, рукой я захватился за что-то», — и дальше он не помнит ничего.

Генрих убежден, что сама Божия Матерь спустилась, чтобы спасти его от вампира. Он уверяет, что видел сияние вокруг ее лица и слышал злобный хохот побежденного дьявола. Ведь то, что, падая, он схватил рукою — был его заветный образок!»

16-ое.

Мне, сельскому учителю, представителю просвещения, не подобает верить в вампиров.

Да, если спокойно разобрать историю Генриха, то все выйдет очень просто.

Он заблудился; ночь на воскресенье была очень темная. Увидав себя в «Долине ведьм», он, как всякий крестьянин нашей деревни, испугался, и вместо того, чтобы быстро пересечь долину и идти в деревню, бросился в горы.

Ведь, пересекая долину, надо пройти мимо озера, ну, а это было выше его храбрости.

Усевшись на камень, он задремал и все остальное видел во сне. Со сна упал и ударился головой — отчего и потерял сознание: да, это так.

Почему только он слаб?

Фельдшер говорит, что такая слабость бывает от сильной потери крови.

Ран на теле у него нет, и фельдшер предполагает, что просто от жары и волнения у него пошла носом кровь, так как рубашка спереди была в кровавых пятнах. Фельдшера удивляет только то, что, судя по пятнам, крови вышло не так много, а Генрих такой молодой и здоровый ослабел так сильно от такого пустяка.

17-ое.

Сегодня я был в «Долине ведьм» и нашел место, где заснул Генрих. Это было не трудно: ружье его стояло все еще прислоненным к скале и шляпа валялась рядом. Сев на камень, я отлично понял, как порывом ветра наклонило боярышник, и тот колючкой сорвал шнурок с образка и ею же уколол и шею Генриха. Кстати и шнурок висел тут же на ветке. Осмотрев подножие камня, я нашел следы колен и рук Генриха. Падая, он рукой нечаянно уперся в оборванный образок и стиснул его пальцами. Если бы я нашел признаки, куда впиталась кровь из носа, то все было бы ясно. К сожалению, этого я не нашел.

Кругом все тихо.

Возвращаясь домой, я увидел под ногами цветок неньюфара¹. Откуда он? Немного завядший, но все еще прекрасный. Генрих не говорил, чтобы он срывал его, да он и не подходил к озеру.

¹ *Неньюфары* (водяные лилии) — обобщающее наименование для водных растений родов кувшинка, кубышка и лотос с белыми или желтыми цветами, а также некоторых родственных им видов.

Я поднял цветок и принес его домой.

Сейчас он стоит передо мной в стакане воды. Как прекрасен! Завялости нет и следа, лепестки прозрачно белы, и точно дышат, а внутри сверкают капли воды, как дорогие камни, нет, как милые глазки... Что это, аромат? Нет, игра воображения... неньюфар, мертвый розан, ничем не пахнет.

Пора спать. Слава Богу, дело с вампирами окончено: все так просто и естественно.

Три дня я не брал пера в руки... такая творилась со мной чепуха.

Обдумав хладнокровно все приключение Генриха, я успокоился и лег спать. По-видимому, тотчас же заснул...

Сколько прошло времени — не знаю, но мне показалось, что я не сплю.

Комнату наполнял серебристый свет: он переливался и мерцал. Это не был холодный свет луны, а, напротив, полный желаний и трепета... Откуда он?.. Он точно родился в моей комнате. Следя за волнами, я увидел, что он идет от моего письменного стола.

Смотрю, неньюфар уже не плавает беспомощно в стакане воды, а гордо качается на высоком стебле, да это уже и не стебель, а стройное, женское тело, а на месте цветка чудная головка. Бледное лицо с большими печальными глазами и чуть-чуть розовыми губами, золотистые волосы падают красивыми волнами на грудь.

Фигура тихо качается и с каждым движением растет и становится нормальной женщиной, только тело ее прозрачно, точно соткано из серебряных нитей.

Вот она двинулась от стола, и комната наполнилась ароматом и неуловимыми звуками. Движения я не улавливаю; фигура точно плывет в воздухе...

Все ближе и ближе; она уже качается около моей кровати, что-то шепчет, но я не могу разобрать слов...

Она склоняется ко мне, я холодею; она хочет припасть ко мне на грудь, но страх придает мне силы, дико вскрикнув, отталкиваю видение...

Раздается грохот и звон разбитого стекла...

В комнату вбегает испуганная Мина, и я вскоре могу разобрать ее ворчание:

— Кричат, столы со сна роняют и графин разбили, а купили-то его всего только два года, новенький.

Итак, это сон!

Недоверчиво кошусь на письменный стол; там беспомощно увядает бедный неньюфар. Только сон!

Мне стало смешно и стыдно.

22-ое.

День прошел, как всегда.

К ночи мне показалось, что неньюфар ожил.

Улегшись в постель, я взял книгу и начал читать, невольно время от времени посматривая на цветок.

Положительно я не ошибаюсь: он становится нежнее и светлее. Еще немного и он закачался на высоком стебле.

Я сел на кровать. Я не сплю.

И это уже не цветок, а женщина... Опять звенит воздух, опять наполняется ароматом...

Но она не подходит ко мне, а смотрит, смотрит... точно молит о чем-то...

Чего она хочет?

Мне пришло на ум, не душа ли это какой-либо самоубийцы, просящей молитв за себя.

Призрак застонал и исчез...

Как я заснул — не помню.

23-е.

Утро. Ненюфар почти завял.

Что же, опять был сон? Нет и нет!

Целый день меня преследует мысль, что она хотела, о чем просила?

Сегодня я ее спрошу.

Вечером, после ужина, я хотел взглянуть на ненюфар, но его не оказалось на столе. Мина, на мой вопрос, ответила, что выбросила завядший цветок. Жаль, я привык к нему.

Ночью сон бежал меня. Я ждал.

Но все было тихо. Стол стоял пустой и темный. Воздух был спертый. Я ждал.

Но все напрасно...

Наконец, больше не мог выдержать, встал и открыл окно.

Луна сияла. Далеко по направлению «Долины ведьм» вился туман, принимая различные очертания. Мне казалось, она там, она ждет меня.

Чего она хочет?

Как я ни всматривался в туман, ее не было. А между тем, я ясно чувствовал, что она там и ждет.

Не пойти ли? А если правда, что говорят о «Долине ведьм».

Пока я колебался, выглянуло солнце и туман рассеялся, вместе с ним ушли и мои желания и сомнения.

Все-таки, спрошу у фельдшера нервных капель.

24-ое.

Был на деревне, сказал, что болит голова, и просил капель.

Фельдшер смеется: «Уж и вам, как Генриху, не снятся ли девы, сотканные из тумана, с ненюфарами в волосах?»

Кстати. Генрих поступает в помощники к церковному сторожу. Он говорит, что не может видеть свежей крови, и что он должен отмолить свою душу. Его сильно подстрекал старик сторож, да и немудрено, старик страшно дряхл, говорят, ему больше ста лет и он нуждается в молодом помощнике.

Он уверил Генриха, что если вампир попробовал крови человека, то тому очень трудно от него спастись. А в церкви, кроме защиты Божьей Матери, старик предлагает и свою помощь.

— Я умею возиться с этими паскудами! — утверждает он.

25-ое.

Пью капли и сплю отлично, не лучшее ли это доказательство, что дело не в вампирах, а в нервах.

И чего я трусил? Надо было посмотреть, что было бы дальше. Все идет своим порядком, и только Генрих с усердием кладет поклоны и звонит на колокольне.

Пробовал расспрашивать его. Молчит. Сознался только, что ранка на шее плохо заживает.

— И не заживет, пока она не укусит кого другого, — буркнул старик сторож, слышавший наш разговор.

У старика, видимо, «не все дома», как говорится. Над окнами, над дверями, на подоконниках, всюду нарисованы кресты. Щелки, замочные скважины забиты чесноком, около кровати Генриха висят венки из омелы и цветов чеснока. Сад полон этим же вонючим растением.

На мой вопрос:

— Что это?

— «Она» не любит! — ответил старик.

Когда же я стал объяснять ему, что наука не признает существование вампиров, и что мертвые не встают из гробов, он только покосился на меня и прошамкал:

— Молод еще, поживи с мое!

Мина говорит, что старик знал лучшую жизнь. Он был дядькой одного из молодых графов Дракула и жил в замке. Но семью постигло какое-то несчастье, которое и свело в могилу почти всех членов семьи. Замок забросили и он пришел в упадок. Говорят, есть дальние родственники, где-то в Америке, но никто не знает, где они».

— Стойте, — прервал чтение один из молодых людей. — Гарри, да не вы ли этот американский наследник, я что-то слышал подобное.

— Пожалуй, вы и правы, — сказал молодой хозяин, — что дело идет обо мне, вернее о моем дяде. Дядя, со стороны матери, оставил мне, умирая, свои хлопчато-бумажные плантации и какие-то права на замок и титул. Первое время у меня не было времени думать о замке и титуле: наступил кризис в торговле хлопком — надо было спасать доллары.

И вот, только полгода назад, я решил съехать в Европу. Оказалось, что замок и земли существуют, но все страшно запущено.

Замок с виду представляет руину, и я даже не был в нем, тем более, что не могу получить ввода во владение — не хватает акта похорон двоюродного деда или указания места, где находится его могила.

Вот я и просил Карла Ивановича разобрать школьно-церковный архив. Нужной бумаги не оказалось, но он выудил какие-то записки и рассказы о здешних вампирах. По правде говоря, мне некогда было его выслушать, тем более, что местный священник все объясняет старинными легендами, а деревенский староста уверяет, что вот уже 80 лет, как у них в деревне не было ни одного убийства или загадочной смерти. Раз только и случилось, что пьяный столяр зарубил свою жену, да и та после этого жила целый год.

Зиму, как вы знаете, я провел в Париже. А весной меня и потянуло на охоту. Вот я и предложил вам поехать в мое, хотя еще и не утвержденное, поместье в Карпатских горах.

Замок выглядит сумрачно, и я велел пока отделать «Охотничий дом».

Карл Иванович забрался сюда раньше и глотает архивную пыль.

— Если бы мистер Гарри разрешил посмотреть архив замка, — заявил старый библиотекарь.

— Хорошо, хорошо. Это от вас не уйдет, мы все пойдем осматривать замок. Друзья, по последней сигаре, — предложил хозяин. — Продолжайте, Карл Иванович.

ГЛАВА III

27-ое.

Ночи стали темнее, сплю хорошо и нервы совершенно успокоились.

Вчера заходил к Генриху, он бледен, но видимо тоже успокоился. Старик усердно подмалеживает крестики и разводит чеснок.

На мои насмешки по поводу чеснока, ответил:

— Эх, связываться с тобой только не хочу, а уж порассказал бы!

Надо подпоить старика, авось развяжет язычок.

28-ое.

Все идет спокойно и скучно. По ночам запах чеснока, из церковного сада проникает даже и в мою комнату.

29-ое.

Сегодня зашел к нам церковный сторож, принес Мине в чистку какие-то церковные вещи.

Я его зазвал в кабинет и угостил чаем, куда успел влить ложки две рому. Старика живо развезло и он начал ораторствовать: говорил о замке, о порядках в нем, о гончих, о прекрасной бедной графине.

— А вот поди ж ты, — развел он руками, — чуть она меня не загрызла!

— Кто, гончая сука? — спрашиваю я.

— Какая там сука, графиня. Умерла это она, а как полнолуние, так и пойдет ходить. Пристанет к кому, — известно, погиб человек! Иной тянет месяца два; а иной и сразу ноги протянет. Выпьет у человека жизнь. Много тогда народу из замка разбежалось... А вот единожды, идем это мы опушкой, а матерый-то волк и прыг на меня... повалил; я уже Богу душу представил! А она-то, моя голубушка, Нетти, красавица, как разъярится, да ему, паскуде, в загривок впилась...

— Кто, графиня мертвая? — удивился я.

— Ну, тебя, путаешь все только! Гончая Нетти, я сам ее вынянчил; и ни за что пропала собака!

В ту ночь и погибла, когда змея укусила молодую графиню. Знаешь, та, с зелеными глазами...

Чем дальше, тем рассказ его путался все больше и больше и окончательно нельзя было уже отличить, о ком идет речь: о суке Нетти, о графине или о змее. Кто кого укусил, и у кого были зеленые глаза.

— Я ее утопил в старом колодце! — с гордостью закончил старик.

Он пошел домой, я его не удерживал. На пороге он оглянулся и смеясь спросил:

— Что, помогает?

5-ое.

Наступило полнолуние. Я тоскую, меня гнетет неведомое желание, кругом какая-то пустота.

Что она хотела, о чем просила?

Каждую ночь, помимо своей воли, я жду ее и прислушиваюсь...

Тихо.

Только противный чесночный запах стоит в комнате. При открытом окне он легче, несмотря на свободный доступ воздуха.

Чего я жду? Сна... видения?..

Днем я совершенно покоен, но к ночи становлюсь раздражительным, не могу найти себе места. Меня тянет куда-то, что-то надо сделать, но все неясно, не определено, а потому еще мучительнее. Состояние становится невыносимыми.

Завтра пойду и принесу неньюфар.

6-ое.

День я был сам не свой, к вечеру пробрался за деревню, сбегал в долину, к озеру и сорвал прекрасный неньюфар. Причем по колено попал в болото. Крадучись, точно вор, принес его в свою комнату.

Сажу у стола и жду. Ничего! Надо лечь.

7-ое.

Всю ночь не мог спать, ждал и ждал — ничего!

Неньюфар недвижим, и только запах чеснока царит в комнате.

Что делать? Как добиться ее возвращения?

Чувствую, она страдает, но как и что?!

11-ое.

Был на озере несколько раз, но кроме промоченных ног и испачканных сапог — ничего не добился.

Тоска моя нарастает... она для меня не видение, не призрак; а любимая, желанная...

18-ое.

Был у Генриха. Старик хитро улыбается. На мой вопрос о суке Нетти, довольно обстоятельно объяснил, что у графов в замке была отличная стая гончих, а Нетти была любимицей самой графини и имела привилегию лежать у ее ног.

— Уж не иначе, как старый, американский дьявол уходил ее, — говорил старик. — С первого же дня она его невзлюбила! Чужала. Как завидит, ощерится, оскалит зубы... А в ночь, как захворала графиня, на Нетти смотреть было страшно.

— Когда я вбежал в комнату, Нетти стоит и трясется, шерсть на ней вся дыбом, изо рта пена, а глаза дикие, зубы щелкают. Некогда было тогда заняться ею, а помню, это я хорошо помню, как открыл я дверь на террасу, Нетти как сумасшедшая бросилась вон и скрылась по направлению старой капеллы... Больше ее и не видели...

— Ты думаешь, что змея укусила Нетти? — спросил я.

— Нет, змея укусила графиню.

— Откуда же взялась змея в замке? — удивился я.

— Из футляра, старый дьявол привез...

Когда я уходил, старик спросил меня: хорошо ли я сплю и перестал ли ходить на озеро.

— Кто тебе сказал, что я был на озере?

— Да где же вы сапоги-то пачкаете, ведь все в тине, не ототрешь. Ничего, будете спать хорошо, — прибавил он и засмеялся.

Придя домой, я все раздумывал, почему старик интересуется, хожу ли я на озеро и почему он уверен, что я буду спать хорошо.

Раздумывая, я ходил по комнате и нечаянно задел занавес у окна: из-под него что-то скользнуло и упало на пол — поднимаю и что же!.. Гирлянда из засохших цветов и луковиц чеснока! Так вот откуда этот противный запах, а я думал из церковного сада. Не иначе, как сумасшедший старик подкинул мне ее».

— Здесь опять перерыв, — сказал старик библиотекарь.

— И отлично. Пора спать, а то половина наших гостей дремлет, а капитан Райт так и похрапывает, — заявил хозяин. — Доброй ночи и побольше прекрасных сновидений.

Все охотно разошлись по комнатам деревенской гостиницы — усталость охотничьего дня давала себя знать.

ГЛАВА IV

Утром за чаем веселый хозяин спросил:

— Господа, кого посетили ночью здешние девы? Неужели никого!

— Меня, — робко заявил один молодой человек, скорее мальчик — лет 16, болезненный, нервный.

— Что, как, расскажите? — посыпались вопросы.

— Она пришла и просила, открыть дверь, где она давно томится и сказала, что берет меня в свои рыцари, — конфузясь, сообщил мальчик.

— Какую дверь, где? — спросил Гарри.

— Не знаю. Она сказала «ищи».

— Ну, конечно, она была с распущенными волосами и с неньюфарами? — смеясь, сказал доктор.

— Совсем нет, — ответил юноша, — я рассмотрел ее хорошо и узнаю из тысячи. У нее темные волосы и большой черепаховый гребень держит их на затылке.

— Галлюцинация, — пробормотал доктор.

— Лошади готовы! — доложил слуга.

Все бросились к ружьям, сумкам, и патронташам и все женщины и вампиры мира — были забыты.

Охота!

ГЛАВА V

Вечером охотники собрались вместе. Результат охоты был великолепен, а потому и состояние духа у всех повышенное. После хорошего ужина и многих стаканов вина разговор с охотничьих приключений снова перешел на вурдалаков. Вытребовали старика библиотекаря и приступили к нему с вопросами, не нашел ли он продолжения дневника учителя.

— Нет, господа, в церкви идут приготовления к празднику Богородицы, а потому ризница и архив подле нее замкнуты. Но если мистер Гарри позволит, то я могу прочесть письма, найденные сегодня в охотничьем доме.

Мы были там с управляющим, и дом, как уже известно, не успели приготовить к сегодняшнему вечеру. Он очень запущен. Даже к завтрашнему будет готова только часть дома: столовая и несколько спален, — говорил библиотекарь.

Убирая одну из спален, управляющий нашел в столе пачку писем и передал ее мне. Я просмотрел их и мне кажется, что письма эти имеют связь с днев-

ником учителя, и вот если господа пожелают, я их прочту, — предложил Карл Иванович.

— Просим, просим!

— Я предполагаю, — продолжал Карл Иванович, — что это пишет один товарищ другому; место отправления, судя по пометке, Венеция, Италия.

ПИСЬМА К АЛЬФУ

Милый Альф!

Ты не можешь себе представить, как я счастлив. Мне разрешено, вернее, я могу вернуться на родину, которую оставил семилетним мальчиком. До сих пор для меня тайна, почему я был отослан из родительского дома?

Я много раз тебе рассказывал, как богато и весело жилось в родовом замке отца, но я как-то стеснялся рассказать тебе последние мои впечатления. Сегодня мне хочется это сделать. Не знаю сам, что побуждает меня к тому.

Начинаю.

Был прекрасный, весенний вечер, солнышко еще не закатилось, сад благоухал запахом цветов; все собрались на террасе. Я и малютка Люсси, моя сестренка, также присутствовали. Любимая собака мамы лежала около нас.

Вдруг входит слуга и докладывает, что старый, чужой господин просит разрешения переговорить с отцом.

На разрешение отца ввести его на террасу явился старый, седой господин, одетый в длинное полумонашеское платье. Я заметил, что у него были красноватые глаза и пунцовые губы на бледном лице.

При первых звуках его голоса Нетти, любимая собака, матери, вскочила и оцетинившись, бросилась на него. Она точно хотела вцепиться в его ноги, но страх перед палкой, которую держал незнакомец, заставил ее отступить.

— Поразительно, что с Нетти, — сказала моя мать. — Извините, — обратилась она к незнакомцу, — это первый раз, что Нетти бросается на чужих.

— Петро, выведи собаку, — приказал отец.

Незнакомец, казалось, не обратил никакого внимания на выходку собаки и с низким поклоном подал отцу большой запечатанный конверт.

Пробежав несколько строк, отец обратился к матери и начал сообщать ей содержание письма. Я, конечно, не понял, да и не все слышал. Дело кончилось тем, что отец и мать предложили посланному сесть и изъявили свое согласие на его просьбу.

Пропустив первое мимо ушей, незнакомец спросил:

— Когда же позволите привезти гроб?

— Завтра, если хотите, — ответила мать.

Поклонившись, незнакомец удалился.

О чем говорили отец с матерью, я не разобрал; поминали капеллу, деда, старый портрет, но какую все это имело связь, я тогда не понял.

Вчера мне не удалось кончить письма: пришел Сильвио и уговорил меня ехать прокатиться на Лидо. Вечер был чудесный. Гондола наша тихо скользила по воде. Отблески заходящего солнца золотили облака. Кругом нас раздавалось пение и музыка с соседних гондол.

Я, настроенный на воспоминание о прошлом, думал о моей прекрасной матери и ее преждевременной кончине. Она умерла, когда я уже был в Нюрнберге. Как прекрасна она была и как быстро увяла. До сих пор я не знаю болезни, что свела ее в могилу. На мои вопросы отец не отвечал, так же, как не объяснил мне причины, почему я был отослан из замка.

— Это желание твоей матери.

Но почему? Она так любила меня?

Я ясно представлял себе мою мать: высокая, стройная, с тяжелыми русыми косами. Голубые глаза любовно и нежно смотрят на меня... Я точно чувствую их... И что же... два глаза смотрят на меня, но это не голубые глаза матери, а жгучие, черные.

Они промелькнули и исчезли..., а я не могу их забыть!.. Мне необходимо их еще раз видеть!..

Пока прощай.

Твой Д.

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Милый Альф.

Вот уже две недели, как я не писал тебе. Представь, я даже не заметил, что прошло так много времени!.. Ты простишь мне, если я скажу, что счастлив, безмерно счастлив!!

Я нашел ее, т. е. нашел обладательницу тех черных глаз, что смотрели на меня на Лидо. Глаза эти, при свете солнца, еще прекраснее. Да и вся она хороша! Возьми описание красавиц Венеции, и ты будешь иметь понятие, но не думай, не о ней, а только о ее тени...

Она знатного рода, но сирота и небогата. Живет под присмотром своей кормилицы; вот все, что пока я о ней знаю.

Я уже тебе сообщал, что мое невольное изгнание с родины кончилось, и я могу вернуться в родительский дом. Возвращение мое невесело, так как возможность вернуться я получил только благодаря смерти отца.

Много лет я уже не имел известий из родного дома. Отец, под угрозой его проклятия, запретил мне самовольно явиться в замок: «Когда придет время, я позову тебя».

И вот, старый слуга пишет, что отец скоропостижно скончался от разрыва сердца, как определил врач.

Петро был моим дядькой и отвозил меня в Нюренберг. Он просит прислать нотариуса для продажи замка, и прибавляет, что это желание отца. О моем возвращении он не говорит ни слова. Точно этого и быть не может...

Нет и нет! Я еду домой, хотя бы это стоило мне жизни! Я хочу, наконец, знать тайну, что окружает смерть моей матери.

Да и сказать ли тебе, я мечтаю, что пойду туда не один...

Прощай!

Твой Д.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

Милый Альф!

Может ли быть кто-либо несчастнее меня? С семи лет у меня не было матери, и я не знал ее забот и ласк; не было родины; никто меня не любил; ты скажешь, что я жил в довольстве, окруженный достатком. Да, но это не то! Я все же чужой; вот и она прошла вчера мимо меня и даже не взглянула! А я знаю, знаю, что она видела, знала, что я стою за колонной и жду ее взгляда. А прошла мимо. Несчастный я, ты можешь плакать на могиле матери, а я... еду, еду домой!

Ты спрашиваешь, о каком гробе я писал тебе, да о гробе дедушки, что его слуга привез из Америки. Отчего дед был в Америке и что с ним там было — сказать тебе не сумею. Есть какое-то предание, но детская моя память его не удержала. Знаю, что дед завещал перевезти себя в родовой замок из страны ацтеков.

— Как ацтеков? — вскричал молодой хозяин, — ведь и я из страны ацтеков, я потомок их.

— Быть может это и есть тот самый родственник, документов о погребении которого и недостает, чтобы быть введенным в права наследства, — сказал доктор.

— Жаль, что нет здесь нашего нотариуса. Но дальше, дальше, — торопил Гарри.

На другой день, — опять читал Карл Иванович, — после посещения старика с красными глазами, перед вечером, в ворота нашего замка въехали дроги, а на них большой черный гроб.

Отец и мать весь день были заняты хлопотами к его принятию.

Открыли двери склепа, что из капеллы. Капеллу всю убрали зеленью и свечами, решили пригласить священника. Склеп также очистили от пыли и паутины и на одном из запасных каменных гробов отец приказал высечь надпись с пометкой: «привезен из Америки».

Долго ожидали старика и только к вечеру он явился со своей печальной кладью.

Гроб оказался страшно тяжел.

Старик с красными глазами выразил сомнение, пройдет ли гроб по узкой и крутой лестнице, что вела из капеллы в склеп.

— Не лучше ли открыть западные двери склепа, выходящие в сад, — сказал он.

— Откуда вы можете все это знать? — удивился отец.

— По рассказами графа, — сумрачно ответил старик.

Пришлось отказаться от вношения тела в капеллу и от похоронной службы, что очень огорчило мою мать.

Наскоро открыли западные двери склепа и через них внесли гроб и опустили в назначенное место.

Когда хотели снова замкнуть двери замком, который изображал крест и по словам стариков-слуг, был прислан самим папой из Рима — не оказалось ключа. Поднялась суматоха и спор — кто держал ключ, но ключ не находился.

Красноглазый старик попросил у отца разрешение поселиться в развалившейся сторожке, близ дверей склепа, обещая их охранять, как собака.

— Да ведь сторожка непригодна для жилья, — сказал отец.

— Ничего, я ее поправлю, а для меня только и осталось на свете, что посещать могилу моего господина.

— В таком случае — хорошо.

Старик низко поклонился, и, вынув из кармана большой темный футляр, подошел к моей матери.

— По словесному приказанию моего умершего господина, графа, на память о нем, — сказал он, передавая футляр.

На нежно-голубом бархате лежало чудное кольцо из жемчуга. Застежкой к нему служила голова змеи художественной работы, с двумя большими зелеными глазами. Изумруды, их изображавшие, были большой стоимости и как-то загадочно мерцали.

Все кольцо было особенное и стоило немало денег, конечно».

Вдруг Гарри прервал чтение.

— Не знаю, известно ли вам, что на груди у Вицли-Пуцли было ожерелье из жемчуга, вернее из жемчужной змеи с зелеными глазами и оно имело какую-то таинственную силу. Ожерелье пропало, когда испанцы разорили храм Вицли-Пуцли.

Подождав минуту, но видя, что Гарри молчит, Карл Иванович продолжал: Мать взглянула на отца, тот утвердительно кивнул головою.

Мать приняла подарок. Лучше бы она отказалась от него!..

Но, прощай, «она» послала за мной... о, я счастливейший из людей!

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

Альф, милый Альф, дорогой Альф, она меня любит, любит... мы объяснились! Она меня любит. Это нарочно она прошла мимо. Ей хотелось, чтобы я пошел за ней. Как я счастлив! «Она» и родина, что нужно еще человеку?

Прощай. Бегу за розами.

Д.

ПИСЬМО ПЯТОЕ

.....

ПИСЬМО ШЕСТОЕ

Как я уже писал тебе, все шло по-старому, и если смерть дочери садовника и огорчила мать, то все же она была совершенно здорова».

— Какая смерть, когда? — раздались вопросы.

— Видимо пропущено одно письмо, — ответил Карл Иванович.

— Ну, дальше, — сказал хозяин.

— ...совершенно здорова, вплоть до роковой ночи.

Происшествие этой ночи крепко врезались мне в память, хотя, до сих пор, во многом они для меня загадочны.

Люси и я, мы спали через комнату от нашей матери, под надзором Екатерины.

Среди ночи меня разбудил страшный крик; откуда он, я не знал. Сев на кровати, я стал слушать: в доме была суматоха, хлопали двери, слышались шаги и голоса.

Окликнув Катерину, я убедился, что ее нет в комнате. На меня напал страх. Босиком, в одной рубашке, я бросился в спальню матери. Там было много народа.

Мать лежала без чувств на высоко приподнятых подушках, бледная, как ее белые наволочки и ночная кофта. На груди, на белом полотне, я заметил кровавые пятна. Отец наклонился над больной, а старый наш доктор вливал ей лекарство в рот.

Кругом толпились испуганные слуги.

Через несколько минут мать очнулась и боязливо осмотрела комнату.

— Фредди, это ты, Фредди, ты прогнал его?

— Кого его, моя дорогая?

— Его, дедушку, не пускай его, не пускай!

— Успокойся, милая, никого нет, дедушка умер, а ты видела сон.

— Сон, да, сон, но как ясно, — пробормотала мать.

— Нет, это не сон... — снова заговорила она.

— Правда, я уснула, но вдруг почувствовала, что кто-то вошел в комнату, лампада перед образом зашипела и погасла.

— Нет. Быть может она и раньше погасла, а это шипела змея. Не знаю... В комнате был полумрак, — продолжала больная, после короткого перерыва, — но я ясно узнала его, деда. То же бархатное платье и золотая цепь, а главное, те же злые глаза, чуть-чуть отливающие кровью. Горбатый нос и сухие губы. Это был он и не он.

— Полно, успокойся, — прервал ее отец.

— Нет, слушай. — Он наклонился ко мне, — почему ты не хочешь носить моего подарка? — тихо спросил он, — попробуй. — В руках его было ожере-

лье с головой змеи. Он надел его на меня, целуя в губы, — при этих словах мать вытерла рот, — губы были холодные, точно лягушки и от него скверно пахло: гнилью, сыростью... Вместо ожерелья на моей шее висела змея, которая тотчас же меня и укусила...

— Тут я потеряла сознание и ничего не помню... — закончила мать.

— Где же змея, мама? — не вытерпел я.

Тотчас же две, хорошо мне знакомых руки, подхватили меня и быстро унесли из комнаты.

— Где это видано, бегать ночью босиком, — ворчала Катерина.

— Да где же змея, няня? — не унимался я.

— Какая змея там, барыня видела сон и закричала.

— А кровь на кофте, ведь я видел кровь?

— Ну, это не знаю. Надо спросить доктора. Да спи ты, спи, — ворчала няня, укрывая меня.

На другое утро солнце так ярко светило в нашу комнату, Люси так звонко смеялась и болтала, что я совершенно забыл и о ночном страхе и о змее.

Когда мы были готовы, Катерина, как и всегда, повела нас здороваться с родителями. При входе в столовую она просила нас не очень шуметь; так как мамаша не совсем здорова.

На кушетке, обложенная подушками, полулежала наша мать. Даже мой детский взгляд заметил, как она побледнела и осунулась за ночь.

Почти не обратив на нас внимания, она обратилась к лакею:

— Где же Нетти, почему вы не приведете ее сюда? Вот уже полчаса, как я ее жду.

— Нетти нет дома, — отвечал заикаясь лакей, — все утро мы ее ищем и не знаем, куда она делась.

— Но где же она; что это значит? — волновалась мать.

Лакей молчал.

— Разыщите, узнайте, кто видел ее последний, — распорядилась мать.

Лакей вышел.

Отсутствие собаки удивило и меня; я так привык ее видеть у ног матери, но все же судьба змеи интересовала меня больше, и с несдержанностью избалованного ребенка, я спросил:

— Мама, ты нашла змею?

В ту же минуту отец сердито дернул меня за руку и прошептал: «Молчи».

С недоумением, я посмотрел на него и на мать. Брови отца были грозно сдвинуты, а мать, с легким стоном откинулась на подушки.

Прежде, чем я опомнился, отец спокойным тоном спросил меня, не хочу ли я верхом съездить в деревню, что давно было уже мне обещано.

Удовольствие верховой поездки заслонило все. С криком радости я бросился на шею отца.

— Прикажи оседлать тебе «Каряго» и пусть едет провожать Петро. Когда лошади будут готовы, зайдите сказать, я дам Петро поручение.

— Да, только поезжай осторожно, не скачи особенно под гору, — окончил отец.

Через час мы уже выезжали из ворот замка. Пропуская нас, привратник просил Петро узнать, не в деревне ли Нетти.

— До сих пор мы не можем ее найти, а барыня изволят сердиться.

Петро проворчал что-то в роде «старого дьявола», и мы осторожно начали спускаться под гору.

Я устал, Альф, до завтра,

Твой Д.

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ

Воспоминания, как рой потревоженных пчел, осаждают меня и мне остается одно, писать и писать.

Итак, мы отправились с Петро в деревню.

Петро, старый слуга нашего дома, обожал отца и меня, да и вообще любил всю нашу семью. Это был добрый, веселый старик, всегда готовый помочь мне во всех шалостях: достать ли птичье гнездо, смастерить ли удочку, принести ли живого зайца... В Петро я всегда находил усердного помощника.

Но за последнее время Петро очень переменился: его уже не интересовали больше ни наши зайцы, ни ловля рыбы, ни даже молодой ворон, с перебитым крылом, что подарил мне кучер.

Петро молчал по целым часам, и только глаза его странно бегали и как-то загорались злобой, когда он хотя издали видел проходившего старого слугу графа, привезшего гроб.

Он что-то бормотал, и старый дьявол частенько срывался с его губ.

Вся дворня знала ненависть старика к приезжему американцу, и всех это удивляло, так как добрее и обходительнее, чем Петро, не было человека в замке.

Чем вызвал американец к себе ненависть, — трудно сказать. Он был так тих и так непритязателен. Все время он проводил или в своей сторожке, которую исправил, или в склепе, у гроба своего господина. Реже он тихо бродил в той части сада, где было его жилье.

Ни в людской, ни в кухне он никогда не появлялся. От общего содержания он тоже отказался.

— Мой господин оставил мне достаточно, чтобы не умереть с голода, — объяснил он отцу.

Кое-кто из наших привилегированных слуг думал свести знакомство с новым жильцом; но живо отстали, обиженные его гордыми и холодными ответами.

Отказ от общего стола тоже многих задел за самолюбие, а над выражением «не умру с голоду» слышались шутки.

— Ишь ты, приехал сухой да серый, а теперь так растолстел, что в дверь не войдет, да и губы красные, что твоя кровь! — смеялась Марина, молодая веселая поломойка.

— Не верещи! — прикрикнул на нее Петро, — вот заест тебя, так не так еще потолстеет.

— Подавится, — заливалась смехом Марина.

Пока довольно, Альф.

Ты спросишь, как дела с Ритой? Великолепно. Бросая перо, я сбрасываю и все прошлое и принадлежу только моей чудной невесте.

Иногда мне приходит на ум — время ли теперь заниматься воспоминаниями, не лучше ли наслаждаться настоящим?

Но в тиши ночи, после горячих поцелуев меня тянет к воспоминаниям, а следовательно и к перу. Что это? Видимо, за долгую жизнь изгнанника назрела потребность высказаться... И даже сама любовь не в силах заглушить ее.

Итак, до следующего раза. Завтра иду отыскивать подарок, достойный моей милой.

Д.

— Господа, я вотирую вопрос насчет сна, — вскричал хозяин, как только Карл Иванович прервал чтение.

— Что! Спать! Рано еще, — раздались голоса.

— Ну, кто как, а я ухожу, — встал первый капитан Райт.

— А так же и я, — прибавил доктор, — ведь охота завтра назначена на два часа раньше, чтобы засветло попасть в охотничий дом. Сегодня так до него и не добрались, а все это ваши чтения. А по правде говоря, и разобрать-то в них ничего нельзя. Молодежи ничего не осталось, как только покориться решению старших.

Библиотекарь аккуратно сложил старые, пожелтевшие листки и, поклонясь, вышел из комнаты.

— Завтра в охотничьем доме, — кричали ему вслед.

— Хорошо.

ОХОТНИЧИЙ ДОМ

Назавтра, за час до захода солнца, вся компания собралась к охотничьему дому.

На высокой башне развевался флаг свободной Америки — голубое поле с серебряными звездами — это была лесть перед владельцем американцем.

Дом был невелик, но странной архитектуры; видимо его построили не сразу, а надстраивали и пристраивали понемногу.

Стены из серого камня облупились, выветрились, но все это скрадывалось сильно разросшимся диким хмелем и вьющимися розами. Окна нижнего этажа до половины были закрыты боярышником и жасмином.

Да и вообще растительность, никем не задерживаемая, развилась во всей красе и часто являлась почти непроходимой.

У крыльца общество было встречено управляющим Смитом и его помощником, местным уроженцем, Миллером.

Из довольно темной прихожей с допотопными колоннами гости прошли в ярко освещенную столовую.

Комната большая, но узкая, видимо, всегда имела это назначение: большой камин, несколько вделанных в стену шкафов, украшения из рогов и голов убитых зверей подтверждали это предположение. Охотничьи картины по своей аляповатости ясно говорили о своем местном происхождении и невольно навели на мысль, что изображенные на них сцены, взяты из жизни владельцев.

Вот седой старик наступил на голову убитого медведя.

Рядом висит картина, изображающая прекрасную породистую собаку, впившуюся зубами в загривок волка. Ноги хищного животного упираются в лежащего на земле человека — судя по одежде — егеря. Молодой человек в бархатном плаще держит наготове ружье, чтобы прийти на помощь своей собаке.

А вот у ног прекрасной охотницы лежит благородный олень.

Когда-то дорогие тисненные золотом обои, отстали и потемнели, но хитрый янки уж в очень плохих местах повесил флаги в честь гостей, а так как гости были разной национальности, то и флаги своим разнообразием напоминали ярмарку. На стене против камина висел красивый бархатный ковер и еще больше усиливал пестроту комнаты.

Мебель была тяжелая орехового дерева.

Слуги торопливо бегали, приготовляя ужин.

В ожидании его, хозяин предложил осмотреть дом.

Все охотно согласились.

Из столовой шел узкий с несколькими поворотами коридор. В конце его было круглое окно, с разноцветными стеклами, часть стекол была выбита и заменена белыми. При таком скудном освещении даже днем коридор был темен.

По коридору шли небольшие комнаты, видимо спальни. Каждая из них имела одну или две кровати. Кровати все были старинные деревянные, но с новыми тюфяками, набитыми свежим сеном.

На одном из поворотов коридора управляющий открыл дверь в противоположную сторону от расположения спален.

Общество весело вошло в открытую дверь. Новая комната была большая, с широкими окнами, выходившими к озеру.

Обстановка ее отличалась богатством и роскошью. Высокая резная кровать под парчовым балдахином, с золотыми амурами в головах — конечно, не могла служить ложем для мужчины; да и вся остальная меблировка напоминала о прекрасной, избалованной женщине.

Изящный туалет с дорогим венецианским стеклом, шкапики, этажерки, столики, все это могло удовлетворить самую прихотливую красавицу.

— Э, Гарри, да мы никак попали в замок феи, — вскричал всегда спокойный Райт.

Все с интересом принялись осматривать комнату.

— Да, несомненно, это жилище женщины, смотрите, — сказал доктор, открывая один из столиков.

Там, прикрытые легким слоем пыли, лежали принадлежности дамского рукоделия: шелка, еще сохранившие свой яркий цвет, шерсть, немного истлевшая, а особенно много бисера и мелкого жемчуга. Крошечный золотой наперсток со вставленным опалом, красивые ножницы, иголки и все прочее, без чего не может обойтись женщина.

— Мы ничего здесь не трогали, — как бы извиняясь, сказал управляющий, поглядывая на пыль.

— Отлично сделали, — ответил хозяин. — Осмотр жилища феи доставит удовольствие мне и моим друзьям.

И в подтверждение своих слов он открыл дверцу одной из шифоньерок.

Тонкая ароматная струя лаванды наполнила комнату. На полках лежало прекрасное белье, отделанное настоящими кружевами; вороха лент, бантов, цветов. Тут же стояли изящные маленькие туфельки.

— А вот и ларец с драгоценностями, — указал доктор на довольно большую шкатулку. Шкатулка неоспоримо японской работы была богато украшена золотом и перламутром.

— Посмотрим, что прятала в нем красавица, — прибавил Гарри, беря ящик в руки.

Но все старания открыть крышку не привели ни к чему. Ларец имел свой секрет! А что он не был пуст, доказывала его тяжесть.

— Придется оставить до другого раза, — сказал Гарри, ставя ларец на прежнее место и закрывая шкаф.

— Идите сюда, это стоит посмотреть! — раздался голос Райта.

Он стоял на балконе, колонны и перила которого заплел хмель, спелые шишки с сильным запахом свешивались целыми гирляндами.

Все столпились на балконе. Зрелище в самом деле было чудесное!

Последние лучи солнца скользили по долине. От озера поднимался туман и, пронизанный лучами, отливал то нежно-розовым, то золотистым цветом. А там, где туман несколько расходился, проглядывала голубая вода и зеленый берег. Слева была рамка из темной зелени сосен, а справа поднималась мрачная скала, увенчанная угрюмым замком.

— Недурно, чудесно, восхитительно — слышалось со всех сторон.

— Ну, теперь еще больше, чем прежде, я отказываюсь здесь видеть злых дев с гусиными лапами, — громко заявил доктор.

— Это и понятно, все вампиры при заходе и восходе солнца прикованы к своим гробам, — сказал старик-немец, староста деревни, приглашенный хозяином на ужин в виде любезности за разрешение осмотреть школьно-церковный архив.

Вдруг в комнате раздался раздраженный голос хозяина.

— Вы с ума сошли, Смит, если воображаете, что я соглашусь спать на старых тюфяках, да еще под пыльными занавесями. Нет, и нет. Свежее сено и отсутствие тряпок.

— Извините, мистер, но я полагал, что это лучшая комната в доме, — отвечал сконфуженный управляющий.

— Ну, а теперь прикажите снести мои вещи в одну из маленьких спален.

Управляющий и его помощник Миллер, начали быстро переговариваться и, видимо, были в большом затруднении.

— В чем еще дело? — спросил хозяин.

— Мы не знаем как быть, кому из господ предложить эту комнату, так как число кроватей заготовлено по числу гостей, — с низким поклоном сказал Миллер.

— В наказание за вашу непредусмотрительность, ложитесь сами в это пыльное гнездо, — смеясь ответил Гарри.

— Я, мне... спать... остаться... — бормотал бледный как полотно, растерявшийся помощник. — Нет, я не могу... Пощадите!..

— Да что с вами? Говорите толком.

— Да ведь здесь жила невеста, здесь она и умерла и люди на деревне говорят, что она ходит здесь, стонет и плачет по ночам, — говорил, боязливо оглядываясь, Миллер.

— Ну, господа, дело дошло уже до привидений. Жаль, я не знал этого раньше, непременно бы поселился в этой комнате. Но мое правило не брать назад раз отданного приказа. Кто желает свести знакомство с невестой с того света? Не ты ли, Райт? — предложил, улыбаясь, Гарри.

— Что же, я не прочь, если мне дадут стакан рома и десяток сигар.

— При десятке сигар, да еще с примесью опиума, как ты любишь, ручаюсь, ты увидишь не только невесту-привидение, но белого слона и зеленого змея, — пробормотал доктор.

— Итак, решено, капитан Райт ночует здесь. Показывайте дальше, Смит.

— Но, мистер, это все.

— Как все, дом выглядит гораздо больше.

— Я хочу сказать все нами приготовленное, другую половину, быть может даже большую, мы почти и не осматривали.

— Все равно, проведите нас туда.

— Вам придется идти через сад, так как два хода из этой половины мы заколотили и завесили коврами.

Все шумно прошли через столовую, прихожую и вышли на крыльцо.

ГЛАВА VI

Солнце закатилось и начало быстро темнеть.

Пройдя густо разросшийся сад, подошли к большой крытой веранде.

Управляющий открыл дверь, из нее пахнуло запахом плесени и затхлости, как из нежилого помещения.

Было темно. Пришлось позвать лакеев со свечами. Первая комната не представляла из себя интереса, да и трудно было определить ее назначение: в нее поставили лишние вещи и мебель из приготовленных уже комнат и она походила на лавку старьевщика.

Тут же, прислоненный к окну, стоял большой письменный стол с подогнувшейся ножкой.

— Карл Иванович из этого стола взял пачку писем, — указал на стол управляющей, — но там еще есть бумаги.

— Не трогайте их до Карла Ивановича, — приказал Гарри.

Пошли дальше.

Комнаты не представляли из себя ничего особенного, но были довольно выдержаны. Там, где мебель была черная, там и рамы картин были черные. Комнаты отделанные дубом имели и мебель дубовую. Все массивное и мрачное.

В одной из комнат обратил на себя общее внимание портрет. При темной обстановке, богатая золотая рама невольно бросалась в глаза. Казалось, что портрет этот попал сюда случайно, тем более и висел-то он как-то сбоку, около двери. Так и чувствовалось, что его повесили наскоро, на первое попавшееся место.

По желанию Гарри портрет хорошо осветили.

Высокий, сухой старик, в богатом бархатном платье, с золотой цепью на шее и в высокой того времени шляпе, гордо глядел из рамы. Большой нос и тонкие губы говорили о породе и злом характере; глаза...

— Э, да он в самом деле смотрит, — вскричал один из юношей.

При неверном, мигающем свете свечей, глаза блеснули злобным красноватым отливом.

Все согласились, что живопись великолепна.

Глаза жили.

Доктор, большой любитель старинной живописи, заходил то с одной, то с другой стороны, очень живо выражая свое восхищение.

При одном из поворотов он нечаянно толкнул неловкого старосту деревни, а тот, чтобы не упасть, сильно оперся рукой о стену. В ту же минуту он с криком полетел в темное пространство...

Портрет был забыт. Все бросились на помощь к старику.

Оказалось, что староста, думая опереться на крепкую стену, оперся на потайную дверь. Дверь сдала, и старик упал.

К счастью он отделался одним только испугом.

Все с большим интересом вошли в новую комнату, так неожиданно открытую.

Управляющий и его помощник уверяли, что не видели этой комнаты при осмотре дома.

Им можно было легко поверить, так как комната имела совершенно иной характер и не заметить ее было невозможно.

По своим большим венецианским окнам по изяществу и дороговизне обстановки она подходила к спальне невесты привидения.

Если бы не слой пыли, то можно было бы думать, что комната не так давно оставлена своей обитательницей.

На столах лежали книги, гравюры, какое-то женское рукоделие.

Около кушетки, стоявшей почти посредине комнаты, на изящном столике, в дорогой серебряной вазе увядший букет полевых цветов.

В головах кушетки — шелковая подушка, еще сохранившая следы женской головки, покоившейся на ней.

Рядом стул с брошенной на него лютней.

Подойдя ближе, доктор на что-то наступил. Это что-то оказалось небольшой книгой в черном переплете и золотым обрезом.

Католический молитвенник! На заглавном листе красивым женским почерком, но видимо слабеющей рукой, написано: «помолитесь о несчастной!»

В ногах кушетки прекрасная плюшевая дамская накидка ярко пунцового цвета и несколько засохших розанов.

После того, как доктор прочел просьбу умершей: «помолитесь о несчастной», смех и разговоры смолкли, все сдерживались, точно труп был тут же в комнате. Этому чувству способствовала никем не нарушенная обстановка помещения.

Даже стакан и графин с открытой пробкой свидетельствовали, что комнату оставили неожиданно.

Видимо какое-то большое несчастье выгнало ее обитателей, а раз ушедши, никто уже не вернулся.

Такое предположение еще более подтвердилось видом птичьей клетки.

На дне раззолоченной клетки лежат полуистлевший скелет птички. Бедняга погибла от голода: в кормушке в виде раковины не было ни одного зерна.

Было тихо, свечи тускло горели, а белые кружевные занавесы на окнах, выглядывая из-под тяжелых шелковых портьер, казались крыльями улетевших ангелов.

— Черт возьми, Гарри, да это точь-в-точь из спящей красавицы, только где она сама, чтобы ты мог разбудить ее поцелуем, — не выдержал наконец Райт.

Очарование было снято: зашумели, заговорили; посыпались догадки, предположения.

Управляющий, подойдя к последнему окну и раздвинув портьеры, увидел, что это дверь. Она оказалась запертой, но ключ торчал в замке.

С неприятным скрипом, точно со стоном, замок поддался и дверь открылась. Ночной свежий воздух ворвался в комнату. Свечи замигали, занавесы и сухой букет задвигались, точно дух уснувшей ворвался в комнату, озлобленный нарушением покоя.

— Так я и думал, эта комната примыкает к большой дамской спальне, — заявил Смит. — Отсюда это нетрудно определить, эта сторона дома выходит к замковой горе и далекого вида на озеро отсюда нет, а за углом будет большой балкон.

Гарри убедился, что Смит прав. Балкон, на который он сейчас вышел, был крошечный, точно гнездо ласточки.

Тотчас же нашли и дверь, ведущую в спальню; ее не заметили сразу только потому, что она представляла художественное произведение и могла быть принята за картину. Дверь не была заперта, но тем не менее открыть ее не могли.

— Да это потому, что с той стороны стоит тяжелый шифоньер, тот самый, в котором мы видели столько вещей. Недаром мне показалось, что он стоит как-то не у места: занимает лучший простенок, тогда как его место скорее в углу, — сказал Гарри. — Завтра это разберем, а теперь ужинать. Все эти новости прибавили мне аппетита.

Все повиновались хозяину дома и пошли обратно. Возвращаться пришлось опять через сад.

ГЛАВА VII

После усталости охотничьего дня и новых впечатлений от осмотра старинных комнат, компания весело и охотно принялась за роскошный ужин и дорогие вина.

Вначале все были заняты закусками, заливными, паштетами и т. д. И только утолив голод, а тем более жажду, начали разговаривать. Против обычая, об охоте не было и речи, а весь разговор вертелся около таинственных комнат и их обитателей. Слышались разные мнения: одни предполагали, что обительница комнат умерла, вернее погибла внезапно; другие, что она была похищена, но все сходилось на том, что в таинственных комнатах произошла трагедия.

Также очень занимал вопрос, почему в таком специальном здании, как «Охотничий дом», оказались жилые покои, да еще прекрасной молодой женщины. В том, что она была молода и прекрасна, как-то никто даже не сомневался. Это казалось очевидным!

— Эта дама была из чужой земли, — вмешался староста.

— А вы как это знаете? Кто вам сказал?

— Моя бабушка говорила, что заморская красавица умерла от тоски по родине. Что она была очень красива, но не нашей веры и умерла без покаяния, оттого ее душа и бродит по дому, не знает покоя и просит молитв своему Богу.

— Но отчего же она жила здесь, а не в городе или не в замке?

— Этого бабушка не говорила.

— Карл Иванович, быть может вы можете что-либо сказать на этот счет. Вы разбирали сегодня церковный архив?

Оба управляющих и Карл Иванович сидели на дальнем конце стола и не вмешивались в разговоры почетных гостей.

— Нет, мистер Гарри, ризница еще закрыта и только завтра я получу от нее ключ.

— Это верно, — подтвердил и староста.

— Вот, если вам угодно, то я приготовил к чтению письма, — предложил Карл Иванович.

— Да, да, пожалуйста! — вскричала молодежь.

— Вина и сигар, — распорядился лакеям хозяин.

Когда приказание было исполнено, слушатели разместились поудобнее и закурили. Карл Иванович начал.

ПИСЬМО ВОСЬМОЕ

Извини, Альф, что после последнего письма я сделал такой большой перерыв. Все эти дни я был сильно занят, так как искал подарок, достойный моей милой невесты. Ты, конечно, думаешь, что это нетрудно сделать в таком городе, как Венеция. Да, найти возможно и я нашел. Один старый еврей, торговец старинными вещами, предложил мне шкатулку, по его словам, принадлежавшую какой-то римской императрице. Он клянется богом Адонаем в верности своих слов. Это понятно не важно, но вещь, правда, из ряда вон выходящая...

Уже сама шкатулка — чудо искусства. Ее перламутровые цветы и золотые птицы напоминают что-то сказочное. Наружного замка нет, а внутренние застежки делают честь своему изобретателю.

На крышке с левой стороны есть птица, готовая схватить яблоко. Нужно вдвинуть это яблоко ей в клюв и застежки откроются.

В шкатулке несколько отделений и все они заполнены дамскими украшениями. Почти все великолепной старинной работы, но главную красоту представляет большой черепаховый гребень, украшенный золотом и желтым жемчугом. Как бы он был красив в черных кудрях Риты.

Хороша еще булавка из розового сердолика с острым золотым концом, но что рассказывать! Купить этого сокровища я не мог... Средства, посылаемые из дома, были большие для одинокого студента, а теперь я чувствую всю их мизерность.

Вместо подарка императрицы пришлось купить тряпки: кружева, материи, ленты и т. д.

Рита, когда открыла сундуки, была в неопisanном восторге. Она то разбирала вещи, то примеряла на себя, то бросалась мне на шею, мечтала сшить себе такие платья, как видала на старинных портретах в галерее. Радость Риты радовала и меня, но все же я был забыт для атласа и бархата!

«О, женщины, ничтожество вам имя», — сказал поэт.

Мне ничего не оставалось, как проститься и пораньше идти домой.

А потому займусь окончанием моих воспоминаний.

Итак, до сих пор, если не считать ночного припадка матери и исчезновения собаки, все было просто и естественно.

Теперь же наступает какой-то сумбур. Но слушай.

Жизнь в замке течет мирно. Мать почти совершенно оправилась, только боится еще оставаться одна. Первые ночи после припадка, в ногах ее кро-

вати всю ночь сидел отец, теперь его место заняла наша старая Пепа. Пепа с давних пор занимает должность экономки в нашем замке.

Днем мать также не остается одна: отец, мы — дети, старик доктор и посетители не дают ей время задумываться. После обеда она выходит на площадку в саду и там ложится на кушетку.

Площадка это лучшее место в нашем саду. Она лежит над обрывом и вид с нее превосходный, от людских и заходящего солнца она защищена непроницаемой стеной зеленого душистого хмеля.

Тут же мы играем с Люси в разбойников и строим песчаные пирамиды. Мать порозовела, но прежняя живость все еще к ней не вернулась. Она по большей части лежит тихо, устремив глаза вдаль.

Первые дни она скучала о Нетти, судьба которой так и осталась неизвестна, но взять другую собаку, мать наотрез отказалась.

Играя с Люси в разбойники, я спрятался в хмель и слышал часть разговора отца с доктором, конечно, относившуюся к ночному приключению.

— ...У малокровных, а тем более нервных людей это часто бывает, — говорил врач, — наверное положила футляр на ночной столик и ночью, не отдавая себе отчета, вздумала одеть ожерелье и, конечно, со сна, сильно уколола шею острой застежкой, а уже от боли явилась галлюцинация змеи и все пр. Единственно, что меня беспокоит в этом случае, то это то, что ранки заживают с большим трудом, — прибавил задумчиво доктор.

— Все это так, доктор, но как попало ожерелье в постель? Мы нашли его в складках одеяла?

— Да говорю вам, она сама его одела!

— Так-то оно так, только странно, футляр оказался на туалете в соседней комнате...

Доктор молчал.

— Теперь я принял меры, — продолжал отец, — она не увидит больше ожерелья, я запер его к себе в бюро.

— Поймала, поймала, — лепетала Люси, таща меня из хмеля.

Насколько у нас на горе было тихо, настолько в долине в деревне нарастала тревога. Там появилась какая-то невиданная эпидемия, которая уносила молодых девушек и девочек.

Не проходило недели, чтобы смерть не брала одну или даже две жертвы. Все они умирали скоростижно. Накануне веселые, жизнерадостные — на утро были холодными трупами.

Наружных знаков насилия не было, и трупы не вскрывали.

Вначале на случаи смерти не обращали внимания, но частая повторность при одинаковых условиях взволновала умы.

Всюду затеплились лампадки и загорели ночники, а те, у кого в семье были девочки-подростки, ложились спать в их комнатах или же девочек клали с собой в кровать.

Болезнь приутихла, точно испугалась.

Но вот пропала дочка старосты, девочка лет 13-ти, поднялась тревога. Подруги сказали, что она пошла на соседнее поле за васильками. Бросились туда и у самой межи нашли труп ребенка. Васильки были еще зажаты в ее ручке. Лицо было испуганное, а на шее заметили две небольших ранки.

По просьбе отца труп также не вскрывали.

Дня через три погибла дочь зажиточного крестьянина. Веселая 8-ми летняя девочка, общая любимица семьи. Она находилась всегда вблизи матери, а с наступлением неведомой опасности мать, что называется, не спускала с нее глаз.

В роковой день мать работала на огороде, а вблизи ее резвился ребенок, в кустах смородины, переключаясь с нею. Не слыша некоторое время смеха ребенка, женщина его окликнула, и, не получив ответа, бросилась в кусты. Там все было тихо. Побежав в сад, который сейчас же примыкал к огороду, несчастная мать наткнулась на свою девочку.

Ребенок был мертв. Ручки были еще теплые и глазки два раза широко открылись и затем сомкнулись навеки. На шее ребенка было две ранки и кровь обильно залила платье.

На этот раз вмешались уже власти. Труп вскрывали, но ничего не нашли, кроме ранок на шее, но ведь эти ранки могли явиться от укола о сук или шип, когда ребенок падал.

Опросы и допросы не привели ни к чему, разве только затемнили дело.

Явились свидетели, которые говорили, что видели черную большую кошку, которая шмыгнула в рожь, когда поднимали с поля дочь старосты.

Находились и такие, что уверяли, что это была не кошка, а зеленая большая ящерица.

Но общее мнение было то, что кто-то скрылся во ржи.

При последнем же случае даже этого не могли сказать. Домик был крайний с конца деревни и сбежавшиеся люди не видели ни одного, живого существа.

Только нищенка старуха, сидевшая у ворот деревенской околицы, видела одного пожилого, хорошо одетого господина, который прошел из деревни по направлению замка.

Загадка осталась загадкой.

Тревога все росла; девочек-подростков оберегали; но несмотря на это, ужас охватывал даже самых спокойных и уравновешенных, так как в то же время не знали откуда может прийти беда. А все это еще усугублялось тем, что время в деревне было рабочее, тяжелое.

Понемногу тревога перешла и в замок. Между дворян были люди, имевшие в деревне и родню и знакомства.

По приказу отца от матери скрывали появление эпидемии.

Иногда, когда ветер был со стороны деревни, к нам ясно доносились удары погребального колокола.

Мать вздрагивала и бледнела. Всем, даже нам, детям, становилось жутко. Все крестились. Разговоры на минуту смолкали.

Но тотчас же отец, доктор и др. старались отвлечь внимание матери от печальных звуков.

Многие заметили, что при первом же ударе колокола старый американец как-то съеживался и не шел, а прямо бежал в свою сторожку.

Прошла неделя и разразилась новая беда.

У одной вдовы крестьянки была дочь 18-ти лет. Красавица, хохотунья, кумир всех деревенских женихов.

Домик их был окружен садом, одна сторона которого выходила на большую дорогу.

По приказу матери девушка и молодая работница собирали в саду ягоды крыжовника.

Со стороны дороги подошел пожилой, высокий господин и попросил чего-либо выпить. Просьбу свою он сопровождал серебряной монетой в руку служанки.

Ничего не подозревая, она бросилась в ледник за квасом.

Возвратясь через четверть часа, она нашла свою госпожу лежавшей без чувств на садовой дорожке. Незнакомца нигде не было.

Служанка подняла страшный крик. Сбежались соседи, мать, работники, а когда приподняли новую жертву, то на песке дорожки осталось темное кровавое пятно.

С большими усилиями девушку привели в чувство, но она была так слаба, что доктор запретил всякие расспросы.

О появлении незнакомца и о его исчезновении сообщила, заикаясь и путая, испуганная служанка. Одно, на чем она крепко стояла, это, что при ее возвращении с ледника на дороге никого не было, а дорога прямая и открытая.

— Когда я подходила, то мне было видно всю дорогу и я подумала, что «он» вошел в сад, — твердила она.

Обыскали дом и сад. Никого и ничего.

Все-таки рассказу служанки пришлось поверить: на заборе на солнышке нежилась большой черный кот и, конечно, пройди здесь чужой человек, кот неминуемо бы убежал.

Известие о новом несчастье дошло до замка и стало известно моей матери. Она заволновалась и послала нашего старика доктора на помощь молодому деревенскому врачу.

Целую ночь провели доктора у постели больной и к утру она начала говорить. Но рассказ ее был так фантастичен, что его приписали бреду.

Она бормотала, что черный господин прыгнул на забор, а потом в сад, запрокинул ей голову руками и впился в шею, но это уже был не господин, а большая черная кошка... все это она говорила несвязно и со стонами, все время боязливо озираясь по сторонам.

Молодой врач рассказы объяснил нервностью, галлюцинациями, а слабость малокровием.

Наш старый эскулап молчал у постели больной.

— Не могу же я у молодой деревенской красавицы допустить нервы и малокровие! — признался он отцу.

Больше всего его занимали ранки на шее.

— Несомненно укус! — бормотал он, — но кого?

Опять прошло несколько дней.

Девушка оправилась, но была слаба и бледна.

На расспросы матери, «как положение больной?» доктор отвечал:

— Должен признаться, правда, что у нее малокровие, и в сильной степени. Нужно хорошее питание, молоко, вино, — добавил он.

Мать распорядилась все это послать в дом вдовы.

Наконец, беда разразилась и над нашим замком.

Умерла одна из служанок, веселая хохотунья Марина, та самая, которую пугал Петро американцем.

Накануне она, по обыкновению, работала за троих и шутила, и хохотала при каждом удобном случае.

Утром, не видя ее на работе, пошли в ее комнату. Комната, где она жила, была под самой крышей и туда вела маленькая крутая лесенка.

Дверь оказалась незапертой.

Мы вошли и увидели страшное и печальное зрелище. На кровати лежала Марина, поза и лицо были совершенно спокойны, никакого беспорядка в комнате также не было и только ветер, врываясь в открытое окно, путал волосы покойницы.

В первую минуту думали, что она спит, но потом убедились, что несомненно она была мертва, мертва и даже начала уже застывать.

На шее зловеще краснелось пятно — ранки с белыми, как бы обсосанными краями.

Весть об этой смерти поразила всех, как громом.

Страшное, незнаемое чудовище вошло в наш дом!..

На женщин напала паника, мужчины угрюмо молчали.

Покойницу обрядили и положили в притворе капеллы. В этот притвор-прихожую был ход не только из зала замка, но и со двора.

Старые слуги замка взялись по очереди читать положенные молитвы.

Ночь от 12 часов до утра досталась конюху. И он уверял, что покойница не иначе, как самоубийца, так как ее душа всю ночь билась за окном, скреблась, выла и мяукала. Одни верили, другие смеялись, потому что в кармане рассказчика нашли пустой штоф из-под водки.

Марину похоронили. Колокол капеллы печально вторил колоколу на деревне.

Родители и мы — дети — проводили гроб до ворот замка, большинство же дворни отправилось на деревенское кладбище.

Ни на прощанье, ни на похоронах не было американца, а когда проходили мимо его сторожки, то ставни и дверь были плотно заперты.

— А старик-то боится смерти, — заметил отец.

Смерть Марины открыла дверь для несчастья в замке.

Вскоре умерла девочка лет 3-х, круглая сиротка, жившая в замке из милости. Ее нашли на краю обрыва между камнями. Плакать о ней было некому и ее живо похоронили.

Но так как труп нашли недалеко от площадки, где моя мать проводила время после обеда, то отец вздумал переменить место отдыха хотя бы на несколько дней.

Он выбрал большой балкон, с которого был прекрасный вид на долину и на заходящее солнце.

Балкон примыкал к парадным, вернее к нежилым комнатам замка, и был во втором этаже. Комнаты эти служили прежним владельцам для шумных пиров, при отце они совсем не открывались, но сохраняли всю свою богатую и старинную обстановку.

Балкон очистили и убрали цветущими растениями, коврами и легкой мебелью.

Несколько прекрасных дней мы провели на нем..

Из-за глупой случайности опять все пошло вверх дном.

Как-то раз, кончив беседу, мать встала, чтобы под руку с отцом идти вниз в свои комнаты. Мы и гости двинулись следом.

Лакей распахнул дверь.

Мать сделала два или три шага по зале, вдруг страшно, дико вскрикнула и, протягивая руки в соседний зал, проговорила:

— Он смотрит, смотрит... это смерть моя! — и упала в обморок на руки отца.

Все невольно взглянули по указанному ею направлению и у многих мороз пробежал по коже.

В соседней комнате, как раз против двери, висел портрет одного из предков нашего рода.

Высокий, сухощавый старик, в бархатном коллете и в большой шляпе, точно живой смотрел из рамы. Тонкие губы сжаты, а злые, с красными белками глаза — прямо наводили ужас своей реальностью. Они жили.

Общество было поражено. Царствовало молчание.

К счастью, один из молодых гостей сообразил в чем дело; он бросился к большому готическому окну и силой открыл его. Сразу глаза портрета потухли.

Перед нами висел простой, заурядный портрет — правда, мастерской кисти, но и только. Теперь в лучах заходившего солнца блестела и сверкала дорогая золоченая рама.

Весь эффект произошел оттого, что луч солнца, падая на разноцветное готическое окно, прошел как раз через красную мантию изображенного на нем короля и придал адскую жизнь глазам портрета.

— Чей это портрет? — спросил один из гостей.

— Предполагаю, что это портрет того самого родственника, чей труп недавно привезли в гробу, из Америки, — ответил доктор.

— Чтобы он провалился в преисподнюю! — сказал Петро, грозя портрету кулаком.

— Ну, чего рты разинули, убирайте все! — крикнул он на лакеев. — Больше сюда не придем!

Мать, против всякого ожидания, скоро успокоилась, когда ей объяснили причину.

Несмотря на видимое спокойствие матери, с этого дня ей часто казалось, что злые с красным оттенком глаза смотрят на нее. В комнатах они не появлялись, но все чаще и чаще преследовали ее в саду; то они смотрели из-за выступа обрыва, то сверкали между листьями хмеля.

Когда она сообщила это отцу, он засмеялся и сказал:

— Полно, милая, даже портрета-то тебя напугавшего нет больше в замке; я послал его в ссылку.

А все же, милый Альф, мать была права: глаза на нее смотрели и смотрели с жадностью... Я сам видел их, но не только их одних — между листьями хмеля мелькали и нос, и губы, а все вместе это напоминало лицо американского слуги.

Я не догадался тотчас же броситься к стене хмеля, а когда сообразил, то там никого уже не было. Американец сидел на крыльце своей сторожки.

Теперь мне предстоит перейти к заключительным ужасным дням, но я прямо чувствую себя не в силах сделать это сегодня, итак, до завтра, или вернее до следующего раза.

Твой Д.

ПИСЬМО ДЕВЯТОЕ

Вот видишь, милый Альф, я делаюсь аккуратным и пишу тебе на другой же день. Это оттого, что радость моя так велика, что один я не могу ее вместить в себя!

Представь, я богат, несметно богат!

Сегодня утром ко мне явился Петро, старый слуга отца и бывший мой дядька; он передал мне книгу вкладов в банки. Оказывается, отец жил последние годы совсем отшельником, и вклады сильно возросли. Более миллиона флоринов лежит в Венеции! Как это тебе покажется!

Кроме того, он принес шкатулку с драгоценностями моей матери. Если не считать особенного гребня, то вещи по красоте и стоимости не уступают знаменитой шкатулке римской императрицы.

Жемчуга и камни наилучшего качества.

Перебирая их, я вспомнил об ожерелье с змеиной головой и спросил о нем у Петро.

Он сильно побледнел, странно покосился на меня и ответил, что такого ожерелья не было.

Когда я стал настаивать и вспоминать, он резко меня оборвал и спросил: — Что же вы думаете, что я его украл?

Пришлось замолчать.

Сам Петро сильно состарился, хотя лет ему не так много; выглядит угрюмо и страшно молчалив. Часто делает вид, что не слышит вопроса, а на настоятельные повторения отвечает: «да» и «нет».

Где можно добиться от него толку, то это только насчет наследства.

Деньги и драгоценности он привез сам; замок и принадлежащую к нему лесную дачу запер и оставил караульных. Земли и другие доходные статьи сданы на прежних условиях арендаторам. Деньги и отчеты будут присылаться куда я прикажу.

Сам он просится отпустить его на поклонение какому-то святому для замаливания грехов. Обещает через полгода вернуться обратно в замок.

Я ответил, что в память матери назначаю ему приличную пенсию и право жить в замке. От паломничества не отговариваю, и даю деньги на путевые расходы.

— Не надо, пойду пешком! — сурово оборвал он меня.

Когда же я сказал ему, что женюсь и пойду в свой замок, старик точно сошел с ума. Он вскочил, как молодой, глаза его засверкали; он замахал руками и закричал:

— Туда, туда... нет и нет... никогда... ты не смеешь. (Раньше он почтительно говорил мне «вы».) Лицо его горело, а волосы беспорядочно торчали.

На мои вопросы и заявление, что я так решил, он понес такую чушь, что и не разберешь: тут было и обещание, и клятва, и проклятие, смерть и любовь — одним словом бред сумасшедшего.

Я напоил его вином, дал ему успокоиться и тогда хотел обстоятельно все выпросить. Но это было невозможно.

При первых же словах старик бросился передо мной на колени, целовал мои руки и умолял не ездить в замок.

Тут я понял, что есть какая-то тайна, но он, под страхом проклятия не смеет мне ее открыть.

— Ваша мать отослала вас, вы должны ее слушаться, — с усилием произнес он в заключение.

Я говорил ему, как всю жизнь рвался на родину, как тосковал и что теперь я должен, прямо должен поклониться могилам отца и матери. Если даже для этого я должен загубить и свою, и его душу.

Конечно, это я говорил для красоты слога, но с Петро снова сделался припадок иступления: он катался по полу и рвал свои седые волосы; пена шла у него изо рта...

Наконец, он ослаб и притих.

— Подождите меня, вместе пойдем туда, — просил он.

Желая его успокоить да и отвязаться от сумасшедшего, я обещал:

— Поторопись вернуться в замок, а к полугоду и я приеду туда.

Он поклонился и вышел.

Вечером, когда я спросил о нем, то мне сказали, что, придя от меня, он живо собрал свою котомку, и, никому не отвечая на вопросы и не говоря ни слова, ушел из дому.

Видимо он торопился.

Ясное дело, ждать его я не буду, выясню все дела и поеду.

Но странно, Альф, после старика у меня точно камень на сердце... нервы натянулись, как струны. Прощай,

Твой Д.

.....

Карл Иванович замолчал. Он аккуратно сложил письма и перевязал их старым шнурком.

— Это все, — сказал он.

— Как все? А где же конец?

— Где разгадка тайны?

— Читайте дальше, — слышались голоса.

— Я говорю: это все, — повторил Карл Иванович. — В пачке нет больше писем.

— Какая жалость!

— Это так интересно, неужели нет конца?

По-видимому больше всех был опечален сам хозяин.

— Карл Иванович, господин Смит говорит, что в столе есть еще бумаги, разберите их, нет ли там окончания, — сказал Гарри.

— Хорошо, мистер, завтра я посмотрю.

— Ну, а сегодня нам ничего не остается, как идти спать, — сказал доктор.

Все распрощались и разбрелись по спальням.

ГЛАВА VIII

Ночь прошла спокойно.

Утром за кофе хозяин обратился к капитану Райту, к которому, видимо, чувствовал симпатию, и спросил смеясь:

— Ну, что, милый капитан, как ты почивал, не беспокоила тебя хозяйка комнаты?

Капитан Райт угрюмо сосал свою сигару и не сказал еще никому ни слова.

— Что же, ты полагаешь, что и я верю всем этим бредням... И боюсь, — пробурчал он сердито.

— Не бойся, никто не заподозрит тебя ни в суеверии, ни в трусости, — поспешил успокоить его Гарри.

— Ну а я бы не решился лечь в той комнате, — с дрожью в голосе заговорил Жорж К., — молодой мальчик, тот самый, что один раз уже видел привидение.

— Лечь на ее постель, под ее занавесы, — продолжал он, — а вдруг ночью она вздумает их открыть! Бр... благодарю...

— Что вы за чушь городите! — вскричал Райт, с треском отодвигая стул. Все изумленно на него взглянули; спокойный, холодный Райт так сердится на безобидную болтовню мальчика. Это что-то новое.

Наступило неловкое молчание.

— Господа, — поспешил на помощь хозяин, — охоты сегодня нет, и я предлагаю отправиться в замок. Ввода во владение еще нет, но местные власти в лице деревенского старосты, нашего милого гостя, — говорил Гарри, кланяясь в сторону старосты, — ничего не имеют против осмотра. Конечно, ни один камень не будет оттуда взят.

От любезного поклона будущего владельца замка лицо старосты сияло и он предложил себя в проводники.

— Итак, после завтрака, — решил Гарри, — а вы, Карл Иванович, займитесь бумагами и постарайтесь найти нам что-либо для вечернего чтения.

ОСМОТР ЗАМКА

За завтраком ни Карла Ивановича, ни старосты не было. Они оба ушли в деревню. Один разбирать архив, а другой взять ключи от замковых ворот из церковной ризницы.

Место встречи было назначено у ворот замка, куда общество из охотничьего дома, а староста из деревни должны были прийти разными дорогами.

Замок лежал недалеко от охотничьего дома, он как бы царил над ним, но подняться на скалу со стороны долины было невозможно. Прямая и отвесная скала не привлекала пешехода.

Пришлось идти через лес с противоположной стороны от деревни. Здесь подъем был не крут и почти незаметен. Выйдя из кустов, которыми кончался вековой лес, тотчас же очутились под стенами замка.

Серые мрачные стены, без украшений, без бойниц и даже без щелей — они производили тяжелое впечатление.

Обогнув угол замка, дошли до ворот. Здесь пришлось немного обождать.

Ворота были массивные, дубовые, обитые железными полосами. Как на них, так и на маленькой калитке, висели замки и печати.

Вскоре по дороге из деревни в замок показался староста. Он быстро шел. Дорога эта была короче, но много круче и страшно запущена.

По знаку Гарри, староста сняв печати, оттолкнул калитку; с тяжелым скрипом она открылась.

Все вошли во двор.

Когда-то этот двор был мощен, но теперь зарос бурьяном; всюду, по углам валялся мусор, снесенный туда ветром; стояли лужи бывшего ночью дождя — одним словом картина запустения была полная.

Сад также заглох. Здесь рука времени сказала еще сильнее: все перемешалось, перепуталось, дорожки исчезли. О цветочных куртинах не было и помину; бассейны являлись в виде заглохших мусорных ям. Площадки сохранились лучше. Так, с одной из них, с самого обрыва, открывался чудный вид на долину. В глубине виднелось голубое озеро, а направо вдали белела деревенская колокольня. По ясному воздуху долетали удары вечернего колокола.

— А эта площадка походит на ту, что описана в письмах к Альфу, — заявил молодой охотник Джемс, приехавший с Гарри из Америки. Несмотря на свойственную ему подвижность и впечатлительность, он был серьезен не по годам, любил до всего додуматься и все знать. Это был самый внимательный слушатель Карла Ивановича.

— Вот и обрыв с камнями по краю, здесь, вероятно, была стена из хмеля — ведь это западная сторона и отсюда виден заход солнца, — продолжал он, — тут же недалеко найдем и сторожку американца.

— А пожалуй ты, Джемми, и прав! — вскричал Гарри, — если сторожка, найдется, то и место действия определено. Ура, наш Шерлок Холмс!

Все начали оглядываться, а потом и искать; думали, что разросшиеся деревья скрывают сторожку. Но все было тщетно — нигде ни признака постройки.

— Господа, пожалуйста, подъезд открыт! — крикнул громко и торжественно староста.

Он до сих пор возился с замком, в чем помогал ему его рабочий.

Прекрасные входные двери из темного дуба были открыты, и ветер, врываясь в мрачную и холодную переднюю, поднял такую массу пыли, что ничего не было видно, особенно после яркого дневного света.

Поэтому общество поспешило в соседнюю залу. По знаку Гарри открыли окно. Повторилась та же история: с солнечным лучом ворвался и ветер, пыль поднялась как туман, охватывая всех и каждого.

— Точно серое покрывало привидения! — уверял Жорж К.

Окно поспешили закрыть, и второй раз решили этого не делать.

Пришлось осматривать в полутьме.

Окна до того были запылены и загрязнены, что пропускали только сероватый свет, а иные при этом были еще сделаны из цветных стекол.

Все же можно было разглядеть, что комнаты полны мебелью, картинами и всем прочим. Большинство вещей было закрыто чехлами. Ни книг, ни других мелких обиходных предметов не валялось. Все было прибрано. Видимо, жильцы ушли спокойно, а не бежали, как из охотничьего дома.

Комнат было много и, судя по мебели, тут были спальни, гостиные и пр., но при тусклом освещении они ни чем не привлекали внимания общества.

Поднялись во второй этаж. Здесь обстановка была более жилой; этот этаж был покинут позднее, чем нижний. Здесь можно было натолкнуться на много неубранных обыденных вещей. Вот лежит забытый хлыст и пара

перчаток, вот на полу роскошный голубой бант: несомненно, от дамского туалета, а вот и раскрытая книга.

Джемс не преминул в нее заглянуть:

— Латынь. Сказание о ламиях и выходцах с того света, — объявил он.

— Гарри, когда ты получишь замок, позволь мне прочесть эту книгу.

— Конечно, Джемми, тогда ты можешь взять ее совсем.

— Что это, разбитое зеркало?

И правда, гладкая черная рама была пуста.

Прошли еще несколько комнат. Вот большая зала, стены которого сплошь завешаны портретами: семейная портретная галерея.

Гарри и Джемс, отделившись от общества, были в соседней комнате.

— Смотри, Гарри, это дверь, и она, ясное дело, ведет на балкон. Значит, отсюда через дверь висел страшный портрет. Теперь его место должно быть пусто.

— Да будет тебе, неудачный сыщик, — смеялся все слышавший доктор. — Как ты не смотри, а пустого места на стенах нет. Не эту ли красавицу ты считаешь за «страшный портрет». Да и рассуди логично: если место действия здешний замок, то письма писал его владелец, каким же образом они попали обратно сюда, не писал же он их сам себе. А раз они здесь, то значит он их не писал, а получал.

— Но замок стоит на горе и в народе рассказывают о нем разные чудеса, — не унимался Джемс.

— Замков на горах много, а легенд про них еще больше! — отрезал доктор.

Говоря так, они подошли к портрету красавицы. Высокая, стройная, с чудным цветом лица и лучистыми, черными глазами — она заслуживала вполне название красавицы. Черные волосы были высоко подобраны под жемчужную сетку и красивый большой гребень удерживал их на макушке. Его резной край, тоже с жемчугом, как корона, поднимался над передними волнами волос. Белое шелковое, затканное серебром платье, фасона Екатерины Медичи, выказывало стройность фигуры, а большой воротник настоящих кружев, с драгоценными камнями, был хорошей рамкой для белой шеи. В руках ее были розы.

Ей в *pendant*¹ висел портрет мужчины. Белокурый, прекрасно одетый, он, казалось, даже с портрета любовался своей соседкой и обожал ее.

— Красивая, прекрасная пара, — восхищался доктор, — но поспешим, нас ждут.

Все общество остановилось у запертых дверей.

Двери были массивные, чугунные, но покрыты золоченым орнаментом такого тонкого и изящного рисунка, что казались легкими. Главным украшением были кресты на обеих половинках.

Это украшение прямо указывало, что двери ведут в капеллу.

¹ *Pendant* (англ.) — в пару, в дополнение.

Попробовали их открыть, и убедились, что они не только замкнуты, но сделаны. Как щели, так и замочная скважина были залиты каким-то металлом.

На ручке дверей висел венок из каких-то однородных цветов, но что за цветы составляли этот венок, сказать было нельзя, до того он истлел. От одного прикосновения венок разлетелся прахом.

ГЛАВА IX

Пошли дальше.

В третьем этаже были помещения для прислуги. Из них по наружной веранде можно было спуститься прямо в сад, что и сделали.

Восточная сторона сада представляла ту же картину запустения, как и западная.

Прошли в самый конец.

Оказалось, что общий массив скалы здесь еще приподнимается и образует высокий красивый выступ, по гребню которого и проходит замковая стена.

Скала под стеною, видимо, была отделана рукой человека. Оставив красивую площадку у подножия стены, она отвесно опускалась в сад и вся сплошь была закрыта вьющимися растениями — точно завешана дорогой портьерой.

Скоро между растениями рассмотрели две пары колонн; они были из темного порфира и поддерживали небольшой фриз. Когда отодвинули лишние ветки, то образовался как бы вход в маленький храм. К нему вели несколько совершенно расшатанных ступеней. Двери не оказалось, а была ниша и в ней недюжинной работы мраморная статуя.

Доктор, поклонник искусства, рискуя свернуть себе шею, взобрался по шатким ступеням и принялся осматривать статую.

— Великолепный мрамор, итальянская работа, — сообщал он.

— Постойте, да тут что-то написано: «Покойся твое тело, а мятежный дух...» — читал доктор.

Вдруг он вскрикнул и полетел со ступеней. Желая лучше разобрать полустертую надпись, он оперся о статую, а та, точно только и ждала этого — рухнула с пьедестала и, падая, ударила Смита по голове, да так сильно, что и он, в свою очередь, упал, а статуя разбилась на куски. Только мраморная чудной работы голова упала на мох и не очень пострадала. С сильным ругательством поднялся Смит и грубо ногой толкнул прекрасную голову богини.

Гарри остался недоволен и приказал ему отнести голову в охотничий дом. Незаметно это распоряжение Смит передал рабочему.

На доктора посыпались насмешки и шутки. Раздосадованный падением и зная по опыту, что не так-то скоро отделается от насмешек, он решил до известной степени восстановить свою репутацию и прочесть надпись, которая стояла ему синяков.

Снова взобравшись на ступени, он наклонился к пьедесталу и через минуту торжественно объявил:

— Не смейтесь, я открыл тайну. Пьедестал пусть, а в нем плита с кольцом. Ясно, подъемная дверь. Смотри же, Гарри, третья часть найденного клада моя. Посмотрю, как вы засмеетесь, господа, когда я получу мешок золота или пригоршню бриллиантов, — шутил доктор.

Двое рабочих довольно легко подняли плиту.

— Конечно, ход в подземелье, — сообщал доктор стоявшим внизу. — Дайте веревку, я спущу сначала Джо, он посмотрит, крепка ли лестница.

— А, ха, боитесь, доктор, синяков! — кричали голоса снизу, но веревку все-таки подали.

Джо, молодой и ловкий слуга и помощник доктора, обвязался веревкой и охотно начал спускаться по лестнице.

— Лестница превосходная, — сообщал Джо, — здесь целая комната, только темно и плохо видать. Подождите, у меня есть спички, — продолжал он.

Через мгновение раздался крик ужаса, и Джо одним прыжком очутился не только наверху лестницы, но и спрыгнул в сад.

Он был бледен и губы его дрожали.

— Что, что такое, что там? — засыпали его вопросами.

— Там, я не пойду туда больше! Там сидит мертвец.

— Какой мертвец, что ты мелешь, трус, говори толком.

— Господин доктор, я и говорю толком, там сидит мертвец. Мне ли не узнать человеческого черепа, — прибавил он.

— Так я и думал, — проворчал доктор, — скелет, а не мертвец. Дурья ты голова. Скажи-ка лучше — ступени крепкие?

— Да, господин доктор, такие крепкие, что не только вас, а самого слона выдержат.

— Ну, помолчи, — и доктор, кряхтя и охая, полез по узкой лесенке.

Наступило молчание. Было жутко.

Гарри не выдержал и, поднявшись на ступени, крикнул в отверстие:

— Жив ли ты, доктор!

— Ну, конечно, жив. Сейчас вернусь и расскажу.

Немного погодя он и сам показался из люка, и Гарри помог ему выбраться.

— Прикажите закрыть люк, ничего особенного там нет, т. е. я хочу сказать, там нет ни золота, ни бриллиантов и от своей трети находки я отказываюсь в пользу деревенского кладбища.

Потом доктор не торопясь принялся готовить себе сигару.

— Да говорите, что там?

— Правда ли есть скелет?

— Где он лежит? — спрашивала любопытная молодежь.

— Подождете; вам бы только смеяться над пожилыми людьми, а небось к мертвецу никто не пошел, трусили поди, — бурчал доктор.

— Не будем больше, не будем, вы доказали свою храбрость, падайте теперь вверх тормашками, не будем смеяться, — уверяли молодые люди.

— Ну, то-то! — сказал, наконец, удовлетворенный доктор, — слушайте же:

— Там небольшая комната, ну, скажем, сажень в квадрате; пустая. На стене, что упирается в гору, мраморная плита с надписью: «Здесь покоятся Фредерик и Мария, из древнего и знаменитого рода графов Дракула».

— Ну, а где же мертвец? — не унимались любопытные.

— Погодите, будет и мертвец! — отвечал доктор.

— С той стороны, что, по-моему расчету, выходит на озеро, на обрыв, есть в стене щель; через нее проникает свет. Щель или расщелина настолько широка, что через нее может протиснуться человек, конечно, не такой, как я, или капитан Райт. Вот, возле этой-то щели на полу и сидит мертвец, — точнее скелет, приложив голову к выступу скалы. Кожа на лице почти не сохранилась, а судя по зубам, покойник не старый человек. Волос на голове тоже нет, они или обриты или же их съела какая-нибудь порода моли. Одежда настолько истлела, что определить материал или покррой невозможно. Какой-то плащ или халат.

— Вот и все! — закончил доктор, затягиваясь приготовленной сигарой.

— Но как он туда попал? — спросил Жорж К.

— Это вопрос трудный. Быть может, добровольно, быть может и нет. Мог сойти через люк и тот ожидажно или неожиданно закрылся. Наконец, мог прийти через расщелину и не имел сил выйти обратно, но последнее предположение трудно. Расщелина должна прийтись как раз в середине утеса, на котором стоит замок. Так что добраться до нее не легко. Но если предположить даже, что кто-либо ради любопытства и проник в нее, то почему он не пошел обратно и уже на дороге не завяз и не умер, а остался ждать смерти у входа, на пороге спасения, так сказать. Все это очень темно.

— Одно несомненно, расщелина образовалась в долге после постройки склепа, не мог же строитель оставить не заделанной такую огромную щель. Какой был смысл? — закончил свой рассказ доктор.

Предположения, догадки сыпались градом. Но ни одна не выдерживала логических возражений.

— Странно, что склеп сделан не под капеллой, как принято, а в стороне, — заметил Джемс.

— Да это скорее не склеп, а одиночная могила, так как других надписей нет, — добавил доктор.

Находка трупа удручающе подействовала на общество и было решено дальнейший осмотр прекратить.

Вышли во двор. Прошли мимо конюшен, людских, кухонь и пр. прямо к воротам.

Староста аккуратно замкнул калитку и повесил новую печать.

До заката солнца оставалось еще часа два, а потому решили идти по новой дороге в деревню, навестить Карла Ивановича в его архиве.

Дорога была крутая и очень испорчена временем. Шли тихо.

Никто не заметил, что староста исчез.

При входе в деревню он встретил Гарри низкими поклонами, прося удостоить чести его дом.

— У меня в саду приготовлено пиво, его варили мои дочери, — говорил он.

Ничего не оставалось, как зайти, да и после жаркой и пыльной дороги глоток пива был не лишний.

Когда общество разместилось под тенью цветущей липы, да холодное вкусное пиво принесли две хорошенькие дочери хозяина, то стаканы начали быстро пустеть и вновь наполняться.

Один доктор отказался от пива и попросил стакан колодезной воды.

А на насмешки товарищей ответил:

— Не люблю я деревенского пива, в нем всегда есть примесь дурмана. Вы, Жорж, очень не налегайте, вам и без дурмана снятся красавицы.

Жорж К. в ответ выпил огромную кружку пива.

— За здоровье здешних красавиц! — воскликнул он задорно, кланяясь дочкам старосты.

— За здоровье наших милых хозяек! — подхватила молодежь, весело смеясь.

Дочки старосты даже вспыхнули от удовольствия и стыдливости.

Это были девушки 16-ти–18-ти лет, здоровые, свежие, а при опрятности костюма и роскошных косах даже привлекательные и не для таких скучающих шалопаев, как наши охотники.

Так что когда Гарри в сопровождении доктора и старосты вышел из сада, компания и не двинулась с места.

— Оставьте их! — сказал Гарри доктор.

Пошли к церкви.

Ризница была открыта и сторож беспрекословно пропустил старосту и его спутников.

В ризнице хранилось запасное облачение священника, хоругви, кресты и прочая церковная утварь.

Гарри обратил внимание на большой крест, весь точно сделанный из мозаики.

— Что это за дерево? — обратился он к сторожу.

— Это омела, — отвечал сторож. — Крест сделал один из моих предшественников.

— Мне бабушка говорила, что этот сторож был древний старик и имел много странностей, — добавил староста.

— Он целые дни делал кресты разных размеров и дарил их жителям деревни. У меня в доме тоже есть. Сторожка, где он жил, была наполнена крестами, но главное то, что он делал их только из омелы. Летом еще старик разводил чеснок до которого был большой охотник, и остролист. Когда его спрашивали, почему он не сделает креста из дуба или березы, а все из омелы,

он хитро улыбался и шамкал: «Не любит, боится», — рассказывал староста, польщенный вниманием Гарри.

Прошли в архив.

На полу небольшой полутемной комнаты с крошечным пыльным окном сидел Карл Иванович. Кругом лежали целые вороха бумаг. Карл Иванович только тогда заметил гостей, когда его окликнули.

Увидав Гарри, он быстро вскочил, точно ему было не 65, а 25 лет, и с сияющим лицом подал ему церковную выписку.

Там значилось, что родоначальник линии графов Дракула-Карди был привезен в гробу и спущен в семейный склеп такого-то числа и года. В чем и свидетельствуют такие-то.

— Теперь вас можно поздравить владельцем замка, — сказал Карл Иванович, увидя, что Гарри кончил чтение.

Посыпались поздравления.

Гарри снял дорогой перстень и, подавая Карлу Ивановичу, сказал:

— В память сегодняшнего дня!

Когда кончились поздравления и пожелания, и случайный свидетель, церковный сторож, получил золотой на чай, Гарри спросил Карла Ивановича: не нашел ли он что-либо об учителе?

— Дневника я еще не нашел, но не теряю надежды, — ответил старик, — вот все эти связки еще мной не просмотрены, — и он указал на целый ворох бумаг.

Затем, подавая Гарри толстую синюю тетрадь он добавил:

— Посмотрите, это так называемые «скорбные листы» из больницы. Тут есть записи о больном, вернее о сумасшедшем, записанном под именем Петра Доричь, сельского учителя. У меня есть предположение, что автор дневника и Петр Доричь одно и то же лицо. На эту мысль наводит, что в дневнике много раз встречаются сплетенные монограммы из букв П и Д. Затем звание сельского учителя, да и другие мелочи.

Гарри отошел к окну и прочел:

СКОРБНЫЕ ЛИСТЫ И БОЛЬНИЦЫ

Такого-то числа и месяца, по приказу доктора, открывается запись для сельского учителя Петра Доричь, несмотря на то, что в больницу он не поступал.

Третьего дня доктор Брасе и я были приглашены госпожой Доричь, сестрой учителя, для осмотра ее брата Петра, которого она считает сумасшедшим.

По ее словам, она уже давно замечала странное в поведении брата, но не придавала этому значения. Тем более, что порядок дня ничем не нарушался и только к заходу солнца и по вечерам, в особенности когда светит луна, он становится беспокойным, не слышит, что ему говорят, и запирается в своей комнате.

Она также заметила, что он стал часто уходить гулять вечерами, чего прежде никогда не делал.

За последние дни странности усилились, но все же большей частью они проявляются по ночам.

При закате солнца учитель запирается в своей комнате и не выходит до следующего утра.

Сестра пробовала смотреть в замочную скважину и видела, что он ходит по комнате, раскинув руки, точно летит; на голове что-то вроде короны, а на плечах дамская распущенная шаль.

Затем все смолкает, точно его нет больше в комнате.

Часто сапоги его бывают в грязи, но когда он уходит — она не может уследить. Дверь все время закрыта.

Ее больше всего заботит то, что брат худеет и бледнеет не по дням, а по часам. Ничего не ест и превратился в скелет.

Все это она сообщила доктору в больнице и просила его зайти к ним, как бы случайно, посмотреть и поговорить с братом.

По приказу доктора я сопровождал его в этом визите и должен вести «скорбный список».

27-го.

Мы зашли к Доричь перед вечером. Учитель был дома и принял нас радушно, он правда худ, а главное, как-то истощен.

Нас угощали чаем в саду. Все шло мило.

К закату солнца хозяин стал становиться беспокойным: вставал, ходил, не отвечал на вопросы, точно их и не слышал, глаза как-то бежали по сторонам. Наконец, схватил шляпу и палку и, что-то пробормотав, ушел из сада.

Доктор прописал бром и посоветовал выследить, куда ходит больной.

28-го.

Бром больной пьет беспрекословно, не спрашивая, что и зачем ему дают.

1-го.

Он день ото дня становится все апатичнее.

Где он бывает, узнать не удалось, но установлено, что он вылезает из окна.

3-го.

Сегодня его доставили в больницу. Сестра хотела его задержать при выходе из сада, но он набросился на нее в исступлении и Бог знает, чем бы это кончилось; но к счастью больной запутался в распущенной шали, накинутой на его плечи, и упал.

Его связали и привезли к нам. Дан морфий.

Днем состояние спокойное, полное отсутствие аппетита и слабый пульс.

Вечером припадок бешенства и опять морфий.

4-го.

Утром — спокойно. Стащил чернила и бумагу, что-то пишет и прячет.
Приказано не трогать.

Вечером заблаговременно морфий.

Спит.

Неделя под тем же режимом.

Прибавился в весе.

12-го.

Начал становиться беспокойнее. Доктор предполагает влияние наступающего полнолуния, хотя окна хорошо закрыты.

Приемы морфия увеличены.

Беспокойство усиливается, и морфий уже действует не сразу, а с промежуток времени после приема.

18-го.

Начинается бурный период. Обрили голову и надели смирительную рубашку.

При борьбе нечаянно оцарапали шею, не знаю только чем; ранка небольшая, но сочится кровь. Приказано мазать цинковой мазью. Больной дает, не сопротивляясь, но при этом хитро улыбается.

Припадки по прежнему падают на вечер и первую половину ночи.

Дни спокоен.

Кормим почти силой.

Сестра и доктор хлопочут о перевозе больного в город. Здесь нет никаких приспособлений, даже удобной комнаты. А на действие морфия все меньше и меньше надежды.

20-го.

Полнолуние.

Большой прием морфия.

Спит.

21-го.

На утро больной исчез. Окно открыто, а железный крест, наколоченный на него по приказу доктора, отогнут с одной стороны. Гвозди вытащены.

Поиски всей деревни не привели ни к чему.

Следы, которые хорошо видны благодаря выпавшему с вечера дождю, ведут к озеру.

Озеро обыскали. Оно мелко и труп нет.

С восходом солнца начнут поиски в лесу.

22-го.

Ничего, ни малейших признаков.

Дали знать по окрестностям.

При очистке палаты нашли в печной трубе листки, писанные рукой учителя. От сажи и небрежного письма многое прочесть нельзя; вот, нижеследующее, можно было восстановить:

ЗАПИСКИ УЧИТЕЛЯ

«...Темные силы на меня ополчаются... бороться... дракон, силою своих чар, опутал меня и я упал... Но, будь покойна, я приду. Приду... говорят мне: вы в больнице, вот это господин доктор; ладно, я понимаю отлично обман... Это твой муж заключил меня, он думает можно заключить дух! Ха, ха, ха, ведь я дух, дух... и... Я чувствую наступает час, золотые нити тянутся ко мне, впиваются в голову, в сердце... тяжело. Боже, как тяжело... Приду, при...

Место на шее, куда ты любишь меня целовать, горит, а они мажут его мазью, думают обмануть меня!.. Твой принц, твой милый скоро придет...

46-ое.

Я был прав, что сижу в тюрьме. Теперь это больше не скрывают, приколотили железную решетку на окно... Ха, ха... Я все понял... это не твой муж, а Вельзевул. Он колет меня жалом, а потом уносит мой ум и сердце. И я их должен всюду искать...

70-ое.

...Сегодня нашел в трубе.

...Ну, да ладно, все рыцари страдали за своих дам...

...Меня хотят купить. Одели тогу римского императора и остригли волосы для короны.

...Глупые, не видят, что гвозди уже вынуты... Ни корона, ни порфира меня не удержат... Я знаю путь к тебе и приду...

20-го.

...Вчера он опять воровал мое сердце... Но я догадался и спрячу его сегодня под подушку, а сам прикинусь спящим!.. Жди.

...Близко счастье... Тихо... все спят...

.....

Конец.

Учителя не нашли. Доктор предполагает, что он зашел далеко в лес и под влиянием морфия уснул. А затем погиб от волков или лисиц. Одежды тоже не нашли.

24-го.

Сегодня панихида. Мир его праху.

Фельдшер Фриц руку приложил».

— Странно, все очень странно, — пробормотал Гарри, передавая книгу доктору.

Когда доктор кончил чтение, Карл Иванович сказал :

— В церковной книге тоже есть запись о смерти сельского учителя Петра Доричь с пометкой «причина неизвестна».

— Вообще некоторые здешние церковные книги в своем роде раритет, — продолжал Карл Иванович. — Так, в том году, когда был похоронен ваш родственник, значится много умерших, все больше молодежь и все с пометкой «причина неизвестна» или «от сердца», что собственно то же, что причина неизвестна.

Видимо была эпидемия, но так и не определено, какая.

Через 15 лет эта эпидемия повторилась и опять не была определена, — закончил Карл Иванович, снимая очки.

ГЛАВА X

Вечером, по обычаю, все собрались вместе. Известие, что документ найден и препятствий ко вводу во владение больше нет, на всех подействовало возбуждающе.

Поздравляли, пили за здоровье Гарри, строили планы новоселья и прочих торжеств и празднеств по этому случаю.

Молодежь уже справлялась о красоте и именах молодых девушек и женщин из ближайших окрестностей.

— Господин Смит, бы прежде всего позаботитесь о похоронах того несчастного, что мы нашли сегодня в склепе, — сказал Гарри. — Прикажете также исследовать трещину в скале и заделать ее. Мне этот труп, найденный в первый день моего владения замком, является грустным предзнаменованием, — закончил хозяин.

На минуту всем стало не по себе.

— Похороните беднягу под именем Петра Доричь, — прибавил Гарри.

Все удивленно переглянулись; только доктор и Карл Иванович поняли желание Гарри, но оба промолчали.

Скоро вновь воцарилось веселое настроение.

Когда шумные порывы стихли, и количество пустых бутылок было достаточно, Гарри попросил библиотекаря дочитывать дневник учителя, если он его разыскал.

Карл Иванович тотчас приступил к выполнению желания хозяина, одел очки и развернул старую тетрадь.

ДНЕВНИК УЧИТЕЛЯ

Сознаюсь, это мучительно, но составляет сущность моей жизни. Целый день я не живу, а жду, страстно жду ночи, а день тянется такой бесконечный... Сестра и Мина стряпают пироги с морковью и уверяют, что я их люблю. Не знаю. Не помню. Должно быть правда.

Но вот наступает ночь, желанная, долгожданная; всходит луна! Воздух делается ароматным, от луны бегут серебристые волны.

Тихо. Тихо. Лист не шелохнется... Но слушайте, слушайте... вот шелестит, звенит... Это она, моя милая. Как ты хороша, как прекрасна! Ты одела сегодня неньюфары, они идут тебе. Но входи же, входи... Окно открыто, я убрал чеснок, его нет больше.

Но все напрасно.

Она протягивает руки, покрывало бьется около нее, как крылья; глаза горят желанием, но она не входит, точно невидимая сетка протянута через окно и не пускает ее.

Со стоном она исчезает... И так каждый вечер... С голубого неба по серебряным волнам месяца спускается она ко мне...

20-го.

Я решил. Сегодня я сяду на окно и схвачу ее.

Ах, эта сестра, как она мне надоедает!..

«Ты бледен, что с тобой, покушай то того, то этого». Прямо несносно, ходит по пятам. А старик церковный сторож, кажется, вместо своей церкви сторожит меня.

Придется замыкать комнату.

Да что они, наконец, за сумасшедшего что ли меня считают!

Я просто ради науки хочу исследовать это явление природы.

Скоро ночь.

21-го.

Вчера я исполнил свое намерение, сел на окно, схватил ее за руку и привлек к себе. Она не сопротивлялась, прильнула ко мне, покрывало обвилось вокруг меня, я потерял равновесие и через окно упал в сад.

К счастью, падать было невысоко и я отделался пустяками: порядком только оцарапал щеку и шею.

Все-таки от падения я потерял сознание, а когда очнулся, то ее уже не было, и луна померкла.

Был сегодня на деревне. Старик на меня косится, а Генрих совсем оправился, даже ранка на шее затянулась.

Что делать сегодня? Падать с окна мне вовсе не хочется, а видеть ее я должен. Вывод прост — вылезу в окно и буду ждать в саду.

Провел несколько чудесных ночей! Сидел на скамейке и она припадала ко мне... Закинет голову и так целует, что больно делается.

Но проклятый старикашка тут как тут. Пришел, и милая моя исчезла. От злости я так ослабел, что только с его помощью дотащился до кровати.

Три дня я вылежал. За это время старик повсюду навесил чесноку, поставил крестов.

Смех и только. Уверяет, что иначе я погиб, что вампир уже присосался ко мне.

Конечно, это вздор. Но что со мной было? Сон или видение? Для сна слишком ясно. А видение? Ну, оно не целуется и не кусается. Значит действительность? Вампир. Пустяки, что я, старая баба разве?!

Темнеет, скоро вечер, взойдет луна. Засветится и зазвенит воздух, цветы раскроют чашечки, ночные бабочки полетят высоко, высоко... Почему и мне не полететь? Стоит только захотеть и я буду царем бабочек, их принцем. Глупая Мина закрывает мне ноги и думает это шаль. Как бы не так, я отлично вижу, что это царская мантия, даже больше, волшебный плащ.

Сегодня я отправляюсь на озеро...

26-ое.

Ловко я провел вчера старого дурака церковного сторожа. Он уселся на «нашу» скамью не то с колом, не то с крестом, а я потихоньку прополз сзади него, плащ невидимка помог мне, а может быть и глухота старика, да и был таков.

Сегодня опять проделаю то же...

27-го.

Вчера забрался на озеро рано, в саду у нас развели чай, угощали доктора и фельдшера, я их приветствовал. А потом и исчез незаметно.

Маленькое разочарование: я думал, что моя милая спускается с луны по серебряной лестнице и ступеньки звенят, звенят под нею, а вчера видел, что она выходит из замка, даже правильнее из горы, на которой стоит замок. Должно быть, есть подземный ход — во всех замках бывают подземные ходы.

Надо посмотреть днем. Иду...

Ну, конечно, я прав. В половине горы есть коридор, только такой узкий, как щель и я едва ли в него пролезу.

Слаб я страшно. Это, конечно, усталость. Шутка ли подняться почти по отвесной скале. Поднимаясь, я не замечал ни трудности, ни опасности, а только спустившись обратно к озеру, сообразил, что это не легко.

И вот она спускается каждый вечер, и это для меня, для простого учителя... да, что я говорю, какой я учитель, я принц. Недаром же она любит меня...

И как она хорошеет! Не только губы, но и щеки у ней стали розовые.

Одно я не люблю, она целует меня в шею и так крепко, что не дает зажить моим царапинам... они горят и саднивеют...

Сегодня я опять пойду на озеро...

— Дальше идут чистые страницы, — сказал Карл Иванович, — и продолжения, наверное, нет, — прибавил он, смотря на Гарри.

— Жаль, что не выяснилось, был это в самом деле вампир или мы имеем дело только с сумасшедшим, — заметил Джемс.

— А вы верите в существование вампиров? — спросил Жорж К.

— Я не имею обычая отрицать то, чего не знаю вполне, — ответил Джемс. — Наука говорит: «их нет», а народное верование «да»... Кто прав?

— На свете так много еще не решенных истин, подтвердил Гарри. — Что такое наши сны, наши предчувствия? Наконец, даже галлюцинации?

— Но это ужасно, если «они» существуют, — прошептал бледнея Жорж К.

— Не бойтесь, у нас в горах их больше нет. Бабушка говорила, что прежде, правда, «они» шлались, но стоит забить в спину осиновый кол, тогда уже не встанут. Моя бабушка сама видела, как забивали... — болтал подвыпивший староста.

— А я слышал, что «их» можно удержать заклинанием, — скромно вмешался помощник управляющего Миллер.

— Я это тоже знаю, — перебил староста, — но бабушка говорит, что кол лучше. Заклинание или случайно, или нарочно можно снять...

Гарри и еще несколько человек вышли на террасу освежиться. Остальные же продолжали свой спор о вампирах.

Ночь была чудная, тихая, яркий свет луны делал ее еще фантастичнее. Тумана в долине не было, озеро блестело, как металл, а за ним белела деревенская колокольня.

Для полноты картины налево чернел лес, а направо стояла мрачная скала, точно с заколдованным замком.

Мечтательный Жорж К. залюбовался им и вот ему кажется, что из сада замка по горе тихо спускается облако. Странно, откуда оно? Высокая ель загораживает вид; недолго думая, Жорж спускается с террасы и идет к калитке сада.

Ничего. Облако исчезло. Постояв немного, он внезапно почувствовал холод и точно присутствие кого-то рядом... Жорж оглянулся и обмер.

Около него стояла прозрачная женская фигура, золотистые волосы распущены, лицо бледное, бледное и в руках неньюфар.

С криком ужаса в три прыжка Жорж был на террасе и, влетев в столовую, со стоном упал на кушетку.

Все вскочили.

Жорж молча указывал на сад. Доктор налил стакан воды и поднес Жоржу. Тот послушно выпил.

— Ну, говорите теперь, что вы видели? — сказал врач.

— Чары сняты, она в саду.

— Что за черт, кто она?

— Женщина-вампир! С золотыми волосами, — заявил Жорж.

Доктор в ответ только свистнул.

— Обыщите сад, — приказал Гарри слугам.

— Напрасно, Гарри, — остановил его доктор.

— Скажите-ка лучше, молодой человек, сколько кружек пива вы выпили в деревне? — спросил он.

Жорж с недоумением смотрел на врача.

— Много? — допрашивал тот.

— Да.

— А потом шампанское?

— Да, — виновато прошептал Жорж.

— Если вы сейчас наденете простыни и вообразив себя царем бабочек вздумаете полетать, я нисколько не буду удивлен. Знаю я это деревенское пиво! Дурман! — продолжал доктор. — Вообще, господа, я советовал бы лечь спать. Тем более, что едва ли ночь пройдет тихо. Я боюсь, что наши храбрые молодые люди будут под влиянием дурмана сражаться если не с вампирами, то с волками или другими чудовищами, — закончил доктор.

Совет его был принят и, распрощавшись, все разошлись по спальням.

Последним оставил столовую капитан Райт.

ГЛАВА XI

Предсказание доктора сбылось.

Среди ночи раздался дикий крик ужаса.

Все выскочили в коридор.

— Что случилось, кто кричал? — задавали друг другу вопросы испуганные, полуодетые гости. И никто не получал ответа. Никто ничего не знал.

Нельзя даже было решить из какой именно спальни раздался крик.

— Я предполагаю, что из спальни номер два, если считать от окна, — сказал Джемс. — Я первый был в коридоре и видел, что оттуда вышла фигура и направилась к окну, а потом повернула налево по коридору. Пойдемте туда.

Вошли в спальню номер два.

На кровати лежал виконт Рено, тихий и обыкновенно незаметный член компании. Руки его были вытянуты, а на лице застыл ужас. Он был без чувств.

После растираний и приема лекарства он очнулся, но на все расспросы конфузливо отвечал, что ничего не помнит, ничего не видел и не кричал.

— Ну, а твоя фигура, конечно, была с золотистыми волосами и неньюфарами? — насмешливо спрашивал доктор у Джемса.

— Это был лунный свет, что падает прямо на пестрое окно, а остальное дополнила тень от рамы, — спокойно ответил Джемс на насмешку.

Понемногу все успокоились и вновь разошлись по спальням.

До утра тишина ничем не нарушалась.

Утром Смит сообщил Гарри, что ночью случилось несчастье.

Внезапно умер один из молодых рабочих.

— Что с ним?

— Неизвестно еще. Доктор со слугой находятся у трупа, — отвечал почтительно Смит.

— Как звали рабочего?

— Блено.

— Блено? Я что-то не помню такого имени, — сказал Гарри.

— Это не тот ли молодой парень, которому вы, Смит, отдали нести отломленную голову статуи, — спросил Джемс.

— Да, сударь, это он. А голова и по сейчас лежит на окне в ногах его кровати.

— Где же он умер?

— Во время сна в постели. Он спал в общей людской, налево по коридору. В комнате спало пять человек и никто ничего не слышал ночью. Он умер тихо, — докладывал почтительно Смит.

В это время вошел доктор и на общий немой вопрос ответил:

— Ну, конечно, паралич сердца. — Похороните, как следует, да справьтесь, есть ли у него родня в деревне, — приказал Гарри.

— У Блено старая тетка, — почтительно сообщил один из лакеев.

— Выдайте ей сто долларов, — прибавил, Гарри.

Кругом начались похвалы его доброму, сердцу и отзывчивости.

Желая их поскорее прекратить, Гарри обратился к Джо, слуге доктора, и спросил:

— Что с вами, вы хромаете?

— Пустяки, мистер, поскользнулся и вытянул связку. И угораздило же этого Блено бросить неньюфар около своей кровати, а я впопыхах недосмотрел и поскользнулся.

.....

День обещал быть скучным.

Гарри получил большую почту из Америки и заперся в своем кабинете.

Управляющий занялся похоронами, и гости были предоставлены самим себе.

Положим: лошади, собаки, слуги, и все было в их распоряжении.

Одни поехали в город, другие занялись письмами и книгами. Многие болтали.

Только капитан Райт угрюмо молчал: он забрался в угол террасы и курил сигару за сигарой.

На вопросы и предложения товарищей он только сопел и мычал.

Его оставили в покое.

— Это на него действует воздух Европы, — смеялся Джемс.

— Ну, нет, отсутствие женщин, — заспорил Жорж К.

— То или другое, но капитан Райт сильно изменился за эти последние три дня. Он осунулся, похудел. Сейчас он напоминает мне то время, когда нам пришлось выдержать осаду диких индейцев, — рассказывал доктор, — тогда приходилось не спать по три-четыре ночи к ряду; да это бы еще ничего, но надо было быть все время начеку и ждать опасности, не зная с которой стороны и в каком виде она придет. Это страшно действует на нервы.

— Доктор, и вы сами испытали это? — посыпались вопросы любопытной молодежи.

— Ну, конечно, Райт, Гарри, Джемс и я, в числе других охотников, попали в ловушку, ну и досталось нам. До смерти не забудем. Зато с тех пор мы почти не расстаемся. Опасность сдружила нас, — закончил он.

К доктору пристали с расспросами, и он долго рассказывал свои охотничьи приключения не только в Америке, но и в Индии.

ГЛАВА XII

Вечером все собрались в столовую. Последними пришли доктор и капитан Райт.

Райт хмурился, а доктор озабоченно на него поглядывал. Ужин прошел оживленно.

За пуншем приступили к Карлу Ивановичу, прося что-либо почитать.

— Очень рад, я нашел между бумагами и книгами вторую пачку писем. Несомненно, это продолжение, хотя и с большим перерывом во времени, — говорил Карл Иванович, видимо довольный, что может услужить обществу.

— Читайте, читайте! — заторопила молодежь.

— Тише. Я начинаю.

ПИСЬМО ДЕСЯТОЕ

Ты, наверное, считаешь меня изменившим нашей дружбе, милый Альф, считаешь, что я наслаждаюсь семейным счастьем и оттого не пишу тебе.

Ошибаешься.

Семейное мое счастье еще в далеком будущем, а сейчас, кроме работы и забот — ничего.

Как видишь, пишу тебе с нового места жительства.

Я на родине.

По милости затеи старого дядьки идти на богомолье, мне пришлось изменить весь план жизни.

Раньше я предполагал, повенчавшись с Ритой, ехать в замок, старый Петро должен был его к тому приготовить, а теперь готовить замок пришлось мне самому.

Не мог же я тащить Риту, неведомо куда. Пришлось на время расстаться.

Я здесь, а Рита приедет на днях со старой кормилицей и двумя служанками. Наряды ее готовы, и она ими довольна. Каюсь, не утерпел и купил шкапушку императрицы.

Замок запущен гораздо более, чем я ожидал. По словам сторожа отец уже давно не жил в замке, даже не входил в него. Он ютился в комнатах, предназначенных для прислуги, что лежат близ конюшен и кухонь.

Прислуга, частью сама разошлась, частью была уволена отцом.

Ни лошадей, ни, коров, ни даже собак я в замке не нашел.

Отец жил вполне отшельником. В лице одного Петро совмещалось и общество и весь штат прислуги.

Из-за такого порядка вещей даже сад страшно запущен: он весь зарос чесноком. Противный запах так и стоит в воздухе.

Чистим и жжем чеснок, не покладая рук.

Старый колодезь пришлось бросить: решил выкопать новый.

Ни куртин, ни цветов еще нет. И куда все это делось. Прежде, при матери, сад тонул в цветах.

Старой сторожки, где жил американец, тоже нет, на ее месте стоит большой крест.

Надо думать, старик умер.

Пришли работники с расчетом, пока прощай.

Твой Д.

ПИСЬМО ОДИННАДЦАТОЕ

Уф! И устал же я!

Встаю в шесть часов утра, прямо на лошадь и в замок на работу.

Впрочем, я забыл сказать тебе, что живу в лесном доме, недалеко от замка. Мне здесь очень нравится и я охотно привез бы сюда Риту.

Даже, признаюсь, эта мысль так меня занимала одно время, что я почти приготовил для нее здесь две комнаты.

Пришлось кое-что переменить и пристроить, но меня постигло разочарование. Рита непременно хочет въехать прямо в замок, «как владелица», пишет она.

Прощай мечты и несколько тысяч дукатов!

Работы в замке идут тихо; все приходится выписывать из города.

Сегодня весь день жарился на солнце; распланировывали с садовником куртины и клумбы.

Безобразный крест мы уничтожили и предполагаем сделать тут маленький розариум.

Ведь Рита обожает розы.

Оранжерея для роз уже готова. Сад представляет много работы. Все дубы заражены омелой, точно кто нарочно разводил этого паразита.

Несколько лучше сохранилась восточная часть сада. Там, в скале, стоит мраморная богиня — при мне ее еще не было. Не поставил ли ее отец в память матери; на эту мысль наводит то, что кругом лежит много старых засохших венков. За неимением других цветов, они сделаны из цветов чеснока.

Приказал сжечь.

Еще странность: в склепе не нашел гробов ни отца, ни матери.

Впрочем, я очень спешил. До завтра, засыпаю от усталости.

Твой Д.

ПИСЬМО ДВЕНАДЦАТОЕ

Сегодня ко мне явился молодой человек в каком-то фантастическом костюме, и с церемонными поклонами передал мне сверток, сопровождая его вычурными приветствиями — от моей невесты.

Моя малютка вошла в роль «владельницы Замка».

Первое мое желание было спустить с лестницы средневекового посла, но развернув сверток, я все забыл... передо мной была Рита! Моя умница прислала мне свой портрет для семейной галереи.

Она одета в тот наряд, что готовит ко дню венчания. Знаменитый гребень украшает ее волосы.

Милая, милая. Я так засмотрелся на дорогие черты, что забыл и о посланнике. И только при его вопросе:

— Когда же могу начать? — очнулся.

Оказывается, он художник. Недаром отрастил такую гриву и оделся чучелом — и по желанию Риты должен написать и мой портрет. Пришлось согласиться.

Твой Д.

ПИСЬМО ТРИНАДЦАТОЕ

И надоел же мне этот художник! Изволь одевать рыцарский костюм — Рита же его и прислала. — Видите ли, иначе не будет ансамбля с ее портретом! Оденешься каким-то попугаем и сиди, как истукан.

Пишу урывками. Дел куча, а тут сиди, позируй.

Утешаюсь тем, что повешу наши портреты в зале, там, как нарочно, есть пустое место.

Сад почти готов.

Сегодня чуть не вздул «косматого».

— Не делайте хмурых глаз, я их рисую! — говорит он.

О, чтоб тебя!

Догадался, велел повесить портрет Риты, и смотрю на мою голубку, люблюсь ею.

Молчит, чучело, значит «мрачных глаз» нет.

Твой Д.

ПИСЬМО ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Ура! Рита завтра будет.

Почти все готово. Только мой портрет запоздал. Художник уверяет, что я так мало и так плохо позирую, что это не его вина, и что принчипесса, это Рита-то принчипесса, не может на него сердиться.

Как жаль, милый Альф, что ты далеко и не можешь радоваться со мной.

Твой Д.

ПИСЬМО ПЯТНАДЦАТОЕ

Вот уже неделя, как Рита здесь. Как и было условлено, Рита приехала в сопровождении своей кормилицы, старой Цицилии и двух молодых девушек. Только девушки эти не наемные служанки, а дальние бедные родственницы Риты.

Моя голубка очень извинялась, что привезла их без моего разрешения. А я, напротив, очень доволен: у Риты будет женское общество и она не будет оставаться одна в те часы, когда мне по делу придется отлучаться из замка.

Да и при этом Франческа и Лючия милые, здоровые девушки, и их веселая болтовня оживляет наши обеды и вечера.

Кроме того, Рита говорит, что они так ее любят, что отдадут свою жизнь за нее.

Общество наше совсем маленькое. Кроме нас с Ритой и двух кузин, его составляют: косматый художник, архитектор и его помощник.

Утро, хочешь не хочешь, мне приходится посвящать работе. В это время Рита и кузины усердно вышивают. Я это знаю, но что вышивается, от меня тщательно скрывают. — Это мне подарок.

— Потерпи, — говорит Рита, — а за то мы весь бордюр сделаем из настоящего жемчуга.

За обедом нам служат два лакея итальянца, также привезенные Ритой.

Вечер проходит в болтовне и шутках. Лючия превосходно играет на лютне; впрочем, и Рита, и Франческа также играют и поют. У Риты лучше всего выходит: «*quella fiamma che maczende, Piace tanto a larme mia che diammae...*¹»

¹ *Quella fiamma che m'accende, piace tanto all'anima mia* — Пламя, что сжигает меня, так дорого моей душе... (итал.).

И ей приходится ежедневно повторять этот романс для меня.

Через две недели наша свадьба; мне бы так хотелось, чтобы ты приехал... приезжай! Когда я сообщил Рите это свое желание, она пришла в восторг, и от себя очень и очень просит тебя приехать.

Постарайся, Альф, доставь нам обоим это удовольствие.

Твой Д.

ПИСЬМО ШЕСТНАДЦАТОЕ

Эх, милый Альф, твой отказ сильно огорчил меня, но еще больше он опечалил Риту. Она даже выразилась:

— Нет на свете истинной дружбы.

И как я ей ни доказывал, что отказ приехать на свадьбу не мерило дружбы, что, если бы нас постигло горе и мы позвали тебя на помощь, ты немедленно бы явился. Она только покачивает в ответ своей хорошенькой головкой.

Ты этим не огорчайся; Рита за последние дни мрачно настроена. Она побледнела и все зябнет, уверяет, что «немецкое солнце» не так греет, как итальянское.

А не только дни, но и ночи стоят небывало жаркие.

Этот «нервный озноб», иначе я его и назвать не могу, начался с того дня, как я по своей глупости сводил ее в склеп.

Склеп, конечно, вычищен и проветрен.

Кстати, знаешь ли, я так и не нашел гробов ни отца, ни матери! Странно, и даже очень.

Рита с любопытством осматривала гробницы и читала надписи: одни прекрасны по своей наивности, другие дышат тщеславием и гордостью.

Уставши, она оперлась об огромную каменную гробницу, ту самую, в которую был поставлен гроб деда, привезенного из Америки.

— Как холодно, — с дрожью в голосе сказала Рита, отходя от гробницы.

На ней было легкое кружевное платье с открытой шеей и руками. Только при восклицании Риты: «Как холодно», я сообразил, какую глупость я наделал! В жаркий день, в одних кружевах, позволил ей спуститься в склеп, где и холодно, и сыро.

Осел я, дурак!

Вечер прошел по обыкновению. Рита играла на лютне и пела: «quella fiamma cheg...»

Она, видимо, забыла о неприятном ощущении. Когда все разошлись, я еще долго стоял в саду под открытым окном Риты, беседуя с ней.

На завтра она встала бледная и утомленная, отказалась от работы и все грелась на солнышке.

На другой день то же самое.

Я хотел послать за доктором в деревню, но она прямо запретила мне это делать.

Даже кормилица, советов которой она обыкновенно слушается, на этот раз не могла ее убедить.

— Вот, синьорина, отказывается от доктора, а сегодня ночью, я сама слышала, из соседней комнаты как она жалобно стонала, — докончила старуха.

— Что тут особенного, — с неудовольствием ответила Рита, — я ночью уколола себя булавкой и от боли застонала.

И она показала мне небольшую ранку под подбородком, на шее.

Ранка была небольшая, но на меня подействовала как удар грома. В первые минуты я даже не мог понять, почему вид этого красного пятнышка так взволновал меня.

Позже я сообразил причину: такое пятнышко я видел на шее моей матери!

Умерла она не от него, конечно, но тем не менее вид его на белой шейке Риты пронзил мне сердце.

Я стал расспрашивать.

— Все очень просто, — ответила Рита, — заснула я с открытым окном и ночью почувствовала, как из него дует холодом и сыростью.

— Рита, помилуй, ночь была жаркая и душная, — вскричала Лючия.

— А я тебе говорю, подуло холодом, могильным холодом, — упрямо ответила моя невеста.

— Я закуталась в теплый платок, — продолжала она, — и чтобы не разогнать сна, не открывая глаз, взяла с ночного столика булавку. На мое несчастье попала розовая, сердоликовая, та, которую ты мне подарил; я ее так люблю! А у ней, ты сам заметил, какая длинная и острая игла.

— Во всяком случае, это сущие пустяки и завтра ничего не будет, — закончила Рита.

Сам отлично понимаю пустяшность этой ранки, а все же мне не по себе: вспоминается умершая мать... И все...

Я почти забыл, что не досказал тебе своей истории; извини, и сегодня этого не сделаю. Нет времени: решил тотчас же отправиться в город и завтра к утру привезти оттуда врача.

Рита наотрез отказалась от медицинской помощи; придется прибегнуть к хитрости.

Я уже знаю, что в городе живет старый домашний доктор моего отца и матери. Он очень стар, но не дряхл. Практику он совсем оставил, а живет на ренту, полученную от отца, и весь погрузился в науку.

Попрошу его приехать в замок не как доктора, а как старого друга.

Пока прощай; письмо в одну сторону, а я в другую.

Д.

ГЛАВА XIII

— Не довольно ли на сегодня, — сказал Гарри, — я вижу у Карла Ивановича такая толстая пачка, что хватит еще на целый вечер.

Гости не могли не согласиться с желанием хозяина, и, прощаясь, один за другим стали выходить из столовой.

Скоро остались только Джемс и капитан Райт.

Райт молча курил; он точно тянул время пребывания в столовой.

Джемс, весь вечер за ним наблюдавший, был поражен его серым цветом лица.

— Райт, что с тобой? Ты болен? — спросил озабоченно Джемс.

Капитан вздрогнул и сердито взглянул на говорившего, но увидав дружеское лицо Джемса, он тяжело вздохнул и, положив ему руку на плечо, сказал:

— Джемми, ты, кажется, прав; я болен, я схожу с ума.

— Райт, что за идея, что с тобой? — вскричал Джемс.

— Хорошо, Джемми, я скажу тебе, но ты никому ничего не должен говорить. Согласен?

— Ну, конечно же, говори.

Капитан закурил новую сигару и после небольшого молчания начал:

— Это началось недавно. Вернее, с той ночи, как я согласился лечь в комнату привидений. Нечего тебе и говорить, что в привидения я не верил и ничего не боялся.

— Ну, еще бы, — искренно вставил Джемс.

— В комнате было душно; я открыл окно и вскоре задремал. Сколько прошло времени, не знаю, но внезапно, точно от толчка, я очнулся: в комнате слышался шелест, ну, точь-в-точь, как от женского шелкового платья; пряный запах лаванды ударял в нос.

А, это из шифоньера, что открывал давеча Гарри, и шелестят от ветра занавеси на окне, — подумал я, и совершенно спокойно взял сигару и зажег спичку.

При свете спички между складок кроватных занавесей я ясно увидел прекрасную женскую ручку, на пальце которой сверкал дорогой бриллиант.

Занавесы тихо шелохнулись, и в образовавшуюся щель заглянуло женское личико. Страшно бледное, с большими черными глазами. Черные локоны были украшены чем-то в роде короны, а на шее лежала нитка розовых кораллов.

Я остолбенел.

Догоравшая спичка обожгла мне пальцы и заставила очнуться.

Все погрузилось во мрак.

Вскочить, зажечь свечу было делом одной минуты.

Все было тихо и пусто. Я осветил и обыскал все! Занавес на окне тихо колебался, хотя в воздухе не было ни малейшего ветерка; в этом я вполне убедился, поднеся зажженную свечу к открытому окну.

Осмотрев еще раз двери и замки, я снова лег. Сон бежал с меня.

С сигарой во рту, вспоминая все мелочи, я старался дать себе отчет в виденном; и невольно, время от времени, посматривая на то место, где явилось видение.

Ты, конечно, знаешь свойство лучших бриллиантов Индии быть мертвыми при хорошем освещении, и, напротив, в темноте, при малейшем луче света, играть и блеснуть, как звезды.

— Ты вспоминаешь об ожерелье индийской богини Дурги? — спросил Джемс.

— Ну да. Такой же точно свет, вернее, игру света я видел при вспышках моей сигары между складок постельных занавесей.

Докурив сигару, я снова встал, снова все осмотрел, — и опять тщетно.

Больше я уже не ложился.

На другой день Гарри приказал сдвинуть шифоньер в угол и за ним, как и предполагали, оказалась дверь в таинственную комнату.

Воспользовавшись присутствием слуг, я распорядился подобрать занавесы у кровати, объясняя это невыносимой жарой.

За день я совершенно забыл о ночном приключении, и ложась спать, не вспомнил даже о нем.

Среди ночи чувствую струю холодного затхлого воздуха. Открываю глаза. Широкая полоса лунного света тянется от окна, где осталась щель между занавесами через мою кровать, прямо к тому месту на стене, где стоял шифоньер.

Смотрю. Дверь в таинственную комнату открыта и на пороге ее стоит женская фигура.

То же самое лицо, что я видел накануне; только теперь я ее вижу всю.

Чудная, сказочная красавица: высокая, стройная фигура, голубое шелковое платье не скрывает роскошных форм, его складки в лучах месяца как-то особенно мерцают и переливаются. Розовые кораллы покачиваются от дыхания груди. То, что я принял за корону на голове, край красивой высокой гребенки.

Через минуту она тихо приблизилась к моей кровати и остановилась.

Ощущение холода стало сильнее, также и смешанный запах лаванды и затхлости. Большие черные глаза были устремлены на меня; я не выдержал и поднялся.

В тот же миг она исчезла.

Ушла ли она назад в комнату, скрылась ли за оконными занавесами — не знаю. Она точно растаяла.

Целую ночь я не спал, снова поджидая ее.

— Что это, Джемми? — закончил Райт.

— Галлюцинация.

— Помилуй, Джемми, у меня, капитана Райта, и галлюцинация!

— Но, слушай, я жду ночи, как любовник свидания и... И боюсь, ведь это путь в сумасшедший дом.

- Почему ты ничего не сказал доктору?
- Что доктор, я или сам должен с этим справиться или погибнуть.
- Хочешь, Райт, я посижу сегодня с тобой, — предложил Джемс.
- Хорошо, Джемми.

Приказали подать рому и сигар в спальню Райта и отпустили слуг.

Долго беседовали друзья.

В открытое окно лился лунный свет и аромат сада.

Вспоминали прошлое, говорили о будущем, но мало-помалу разговор становился вялым, одолевала дремота...

В полной тишине вдруг раздался нежный звук, точно кто тихо-тихо коснулся лютни, еще и еще аккорд...

Друзья насторожились... И вот таинственная дверь плавно открылась и в ней показалась женщина.

Джемс должен был сознаться, что Райт, не преувеличивая, назвал ее сказочной красавицей. Но в то же время ему показалось, что где-то, когда-то он уже видел ее. Быть может наяву, быть может во сне, но видел, видел.

Царственная, но в то же время нежная осанка, черные локоны, мраморная шея, и как красиво покоятся на ней розовые кораллы. А глаза, эти черные звезды?!

— Ты видишь? — тихо спросил Райт.

— Да, — прошептал Джемс.

Но как ни тихо они говорили, призрак точно испугался и мгновенно пропал.

До утра молодые люди просидели, не проронив ни слова.

ГЛАВА XIV

Утром за кофе Гарри опять извинился перед гостями: «Охоты сегодня не будет».

— Ввод во владение окончен, — сказал он, — и Смит приготовил рабочих, чтобы открыть капеллу.

Представьте, он говорит, что дверь в нее из сада не только заперта и замкнута, но так же заделана, как и та, что ведет из второго этажа замка. Меня это интригует, и я сам хочу все видеть.

Некоторые из гостей попросили у Гарри разрешения сопровождать его. Доктор, Райт и Джемс также отправились.

Райт свирепо молчал. Всегда веселый, Джемс также был не в духе.

Дорога от охотничьего дома к замку была уже очищена, и обществу подали охотничьи экипажи. Поездка через густой зеленый лес, пересекаемый кое-где веселыми солнечными лужайками была прелестна. Вскоре все общество прибыло к большим воротам замка.

Ворота сегодня были широко открыты для приема владельца. Ни печатей, ни замков больше не было.

Двор успели уже очистить от мусора и сорной травы. Когда-то он был прекрасно вымощен, но неумолимое время и на камни наложило свою печать.

В углу двора близ замка лежали две доски крест на крест и на вопрос Гарри:

— Что это? — Смит ответил:

— Тут старый колодец, каменная стенка обвалилась, и я боюсь, чтобы кто-нибудь не оступился.

— А сколько у нас колодцев? — осведомился хозяин.

— Не считая тех, что близ конюшен, два. Этот и второй, более новый, в саду, — ответил Миллер.

— Приведите оба в порядок, — кончил Гарри.

Пока шли разговоры о колодцах, рабочие усердно трудились над большими чугунными дверями капеллы. Отпаять олово, которым были залиты створки и притвор, было не так просто.

Наконец, все щели и замок очищены. Но двери замкнуты. Из всех ключей, что были переданы старостой управляющему Смити, не подошел ни один.

Пришлось слесарю, приглашенному предусмотрительным Смитом, приняться за отмычки.

Долго он возился, но вот замок щелкнул, и в ту же минуту двери сами собой распахнулись, точно кто силой изнутри толкнул их.

Слесарь с порядочной шишкой на лбу отлетел прочь.

Из раскрытой двери вылетело огромное облако пыли, и на минуту все невольно закрыли глаза.

Райт и Джемс, все еще находившиеся под впечатлением ночного приключения, стояли в стороне. Они видели, что с клубом пыли вылетело что-то живое.

Это что-то была большая серая летучая мышь.

Она, против обычая своих сородичей, которые любят ночь и не видят ничего при дневном свете, весело и радостно поднялась в воздух, и «потянула» как говорят охотники, к лесу, по направлению охотничьего дома и скоро пропала из виду, утонув в синеве ясного неба.

— Можно подумать, что она вылетела из капеллы, — сказал Райт.

— Ну, этого быть не может, — возразил Джемс, — капелла давно закрыта, а просто, у ней гнездо за карнизом двери и напор воздуха заставил ее покинуть свое убежище.

— Знаешь, Джемми, — сказал Райт, — я ненавижу мышей; представь, я их боюсь, не смешно ли это? Как многие не могут видеть змей, так я не могу без содрогания видеть мышей.

ОСМОТР КАПЕЛЛЫ

Пыль улеглась. Все вошли в капеллу... И были поражены видом разрушения.

Стены, когда-то покрытые черным сукном, были оголены, сукно висело печальными лохмотьями, серебряные подсвечники и кадки с засохшими лавровыми деревьями лежали на полу.

Барельефы из жизни Авраама и Исаака, покрывавшие кое-где простенки, разбиты и исцарапаны: тут не хватает носа, а здесь благословляющей руки.

В окна вставлены деревянные решетки.

Над окнами и с хоров, куда выходила дверь из 2-го этажа замка, висели венки и гирлянды, видимо из цветов. Странно было видеть, что ни то, ни другое не тронуту рукой времени.

Посредине капеллы, на возвышении, стоял белый парчовый гроб. Три ступени, ведущие к нему, прямо были засыпаны высушенными розами, а гроб в ногах прикрыт вышитым покровом. Темный бархат почти сплошь был зашит цветными шелками и бисером. По краю шла широкая кайма.

— Художественная работа, — сказал Жорж К.

— И настоящий жемчуг, — прибавил доктор, рассматривая покров. Под его пальцами истлевшая ткань лопнула и жемчужинки посыпались на пол.

— Интересно, для кого приготовлен был этот гроб или, вернее, кто в нем лежит, — продолжал он.

Слесарь, по знаку Гарри, попробовал приподнять крышку гроба, и она тотчас же соскользнула со своего места.

Гроб был пуст.

Белый атлас, тонкие кружева и ленты придавали ему вид дорогой, красивой бонбоньерки.

Вся внутренность гроба прекрасно сохранилась, только чуть-чуть пожелтела.

Являлся странный контраст: полное разрушение снаружи и уютный уголок внутри.

— Что тут произошло? Какая драма разыгралась? Легкие венки и гирлянды висят нетронутые, кружева и ленты даже не помяты, а тяжелые подсвечники, кадки с цветами лежат опрокинуты, сукно висит лохмотьями, штукатурка отбита.

— Что за загадка?

Все молчали пораженные и удивленные.

— Ну, Шерлок Холмс, объясняй, — прервал наконец Гарри тяжелое молчание, обращаясь к Джемсу.

— Не знаю! — отрезал тот сурово.

— В деревне есть предание, — вмешался староста, — что давно, очень давно была страшная гроза. Казалось, вся нечистая сила спустилась на землю и напала на замок. Чуть его совсем не снесло тогда с горы!.. Земля тряслась, как живая... Только молитвы старого капеллана и спасли жителей... Если бы замок снесло ветром, то засыпало бы всю деревню... Бабушка говорила, что даже крестный ход был учрежден по этому случаю. Скоро после грозы замок и бросили... — закончил староста.

— Что же, очень вероятно, что землетрясением повалило тяжелые предметы, а легкие остались нетронутыми, это обычное явление, — сказал доктор.

— По вашему объяснению выходит, что нигде в замке, кроме капеллы, не было тяжелых предметов. Ведь погрома нигде больше нет, — сказал один старик.

— Что тут особенного, там привели все в порядок, — заметил доктор.

— Странно, почему же капеллу оставили в беспорядке? — не отставал старик.

— Ну, потому что она была заделана, — не сдавался доктор.

— Кстати, чем ты объясняешь этот факт, — обратился Гарри к доктору.

— Ну, это, знаешь: «У всякого барона своя фантазия», а у графов и по-давно, — развел тот руками.

Сколько ни говорили и не спорили, так и не пришли ни к какому выводу.

Разгром капеллы, заделанные двери, пустой гроб так и остались загадками, да и молодежь, занятая радостью жизни, скоро и забыла об этом.

— А вот и еще дверь, — обратил внимание Гарри все видящий и все знающий Смит.

И, правда, из капеллы крутая лестница вела в самый склеп. Оттуда пахло затхлостью и гнилью, и охотников спуститься не нашлось.

— Очистите капеллу, снимите решетки с окон, а гроб спустите в склеп, — отдал распоряжение хозяин.

Замок наполнился движением и шумом. Двери и окна были открыты, и десятки рабочих чистили, мыли, снимали паутину.

Смит как ветер носился из комнаты в комнату; из одного этажа в другой. Грозным окриком, обещанием хорошей платы он умело подгонял рабочих.

То же самое проделывал Миллер в отделении служб. Конюшни, сараи быстро приготавливались к приему новых постояльцев: лошадей, коров, собак...

Гарри, довольный деятельностью своих ставленников, не вмешивался в их распоряжения.

Он с частью общества прошел в дом, в комнату, которую взял себе для рабочего кабинета.

По-видимому, и при прежнем владельце она имела то же назначение. Большой рабочий стол стоял прямо против окна; несколько шкафов с книгами ютилось по углам, удобные кресла, курительные столики и т. д. Все говорило о назначении этой комнаты.

Она настолько была в порядке, что стоило ее вычистить, хорошо проветрить и протопить, и она была бы готова принять нового хозяина.

Все дело портило разбитое зеркало: пустая рама некрасиво обращала на себя внимание.

— Позаботьтесь вставить другое, — заметил Гарри, указывая на раму тут же вертевшемуся Смицу.

— Уже выписано, мистер, здесь в городе не нашлось подходящего, — ответил тот.

— Джемс, — снова заговорил хозяин, внимательно рассматривая старую книгу в кожаном переплете, — ты хотел иметь эту старинную книгу. Она твоя, только едва ли ты найдешь в ней что либо интересное, это, кажется, страшное старье. Вот кожаный переплет иное дело: если я не ошибаюсь он сделан из человеческой кожи.

Со словами благодарности взял Джемс книгу и на первой же странице прочел: «По приказу высокочтимого барона Фредерика Зуна сия книга переплетена в кожу конюха Андрея».

— Ты прав, Гарри, это человеческая кожа и принадлежит какому-то конюху Андрею и, наверное, снята с него с живого.

Староста набожно перекрестился.

— И несмотря на это, вы, мистер Джемс, берете книгу, — не утерпел Жорж К. — А если конюх придет за своей собственностью?

— Да, милый Жорж, несмотря ни на что, беру и уж, конечно, конюх не получит обратно своей собственности, а вот это для вас, — добавил Джемс, подавая Жоржу пышный, голубой шелковый бант.

— Что же, я не прочь быть рыцарем этой дамы, — смеялся Жорж, стараясь приколоть бант к груди.

— Даже если эта дама привидение, — заметил доктор.

Бант выпал из рук Жоржа, и он побледнел как полотно.

— Полно шутить, доктор, — вмешался Гарри, — наш молодой товарищ и так стонет по ночам.

Побродив по саду, общество разошлось по своим делам и только уже вечером все были опять в сборе.

ГЛАВА XV

Весело сели за стол. Один прибор был никем не занят.

— Где же виконт Рено? — спросил внимательный хозяин.

— Они изволили уехать верхом в город и еще не возвращались, — доложил почтительно лакей.

— Позаботьтесь, чтобы к приезду господина виконта ужин был горячий, — тихонько отдал приказание Смит.

— Слушаю-с!

По обыкновению, за ужином много ели, а еще больше пили. Разговоры не смолкали: капелла и ее загадки были неистощимой темой. Да и, правда, было над чем поломать голову. Находка гроба не подействовала удручающе на общество, напротив, присутствие его придавало больше романтичности и пикантности случаю. Так что в связи с таинственными комнатами охотничьего дома, гипотезы сыпались со всех сторон. Но все они рушились одна за другой, при холодном рассуждении и логических выводах.

Доктор являлся самым рьяным скептиком и разрушителем фантазий.

Ни до чего не договорились, зато шум и веселье были полные.

Лакеи не успевали наполнять осушаемые бокалы.

Уже к концу ужина дверь со стороны террасы шумно открылась и в нее быстро вошел, скорее даже вбежал один из слуг.

Он был бледен, без шапки, нижняя губа отвисла и комически дрожала; чтобы не упасть, он прислонился к двери.

Видно было, что бедный парень пережил страшный испуг.

В комнате воцарилась тишина.

— Да говорите же, черт вас возьми! — не выдержал, наконец, Смит.

— Я не виноват, право не виноват, что господин виконт умерли!

— Как умер?

— Кто умер?

— Виконт Рено умер? — раздались голоса. Все шумно поднялись из-за стола.

— Выпейте и расскажите толком, — сказал доктор, подавая испуганному слуге стакан крепкого вина.

Тот с жадностью его выпил и сразу, видимо, оправился.

— Сегодня, при заходе солнца, — начал он, — господин Смит приказали мне съездить в город и заказать на завтра бочку пива. Я оседлал «Ленивого» и поехал. Справив поручение, я... я...

— Ну, конечно, заехал в трактир и напился, — подсказал Смит.

— Виноват, господин Смит, я заехал, но только, вот вам Бог, не напивался.

— Знаю, знаю.

— Уверяю, господин Смит, только одну кружку, да и то...

— Довольно, — крикнул Джемс.

— К делу, — строго потребовал Гарри.

— Ну, я отправился домой, луна хорошо светила. Ехал я шагом, ведь кучер, сами знаете, не позволяет нам гонять лошадей, да и «Ленивого» трудно заставить скакать. Благополучно проехал мимо озера и поднялся на горку. Самая прямая дорога идет около ограды сада. Не доезжая до калитки, что выходит на озеро, «Ленивый» вдруг остановился, уперся передними ногами и весь затрясся.

— Я взглянул и обмер. В калитке стояла белая женщина, длинные золотые волосы были распущены, зеленые глаза горели и адский дым клубился вокруг нее.

«Ленивый» встал на дыбы и бросился в сторону. Я, мистер, не кавалерист и не учился ездить верхом да еще на лошади, которая встает на дыбы... ну я и упал, а «Ленивый» убежал.

— Дальше, — коротко сказал Гарри.

— Шляпа с меня слетела, да и шишку на голову я посадил хорошую, — продолжал парень, шупая голову.

— Пока я еще лежал, «оно» прошло мимо меня. От страха и холода зубы мои начали стучать. Как я вскочил, как бросился в калитку... не помню. У меня на ногах точно крылья выросли.

— Пробегая по площадке, мне показалось, что «оно» стоит в кустах. Я бросился к дому. Подбежав к террасе, я увидел, что господин виконт сидит на перилах. Я его сразу узнал, да и как было не узнать, когда я сам помогал ему одеваться утром.

— Господин виконт, господин виконт! — кричал я, но он оставался неподвижен...

Поднявшись на террасу, я притронулся к его плечу, вижу, глаза стеклянные, руки холодные... тут я понял, что он мертв.

Гарри, а за ним и все остальные, не слушая больше рассказчика, высыпали на террасу.

Там на перилах, прислонив голову к колонне, сидел виконт Рено, он точно отдыхал. Поза его выражала полное спокойствие. Шляпа, сдвинутая на затылок, открывала молодое страшно бледное лицо с остановившимися холодными глазами. На нем был рейт-фрак и высокие сапоги. За пуговицу фрака был прикреплен цветок неньюфара.

Сомнения в смерти быть не могло, и все грустно молчали.

Слуга, первый увидавший мертвеца, все еще был страшно возбужден и продолжал рассказывать своим товарищам лакеям, как он испугался русалки. Теперь он уже прибавлял, что видел у ней гусиные лапы из под платья, а вместо адского дыма ее окружало покрывало из тумана.

Что она вся белая и легкая и даже летела с ним рядом, когда он бежал и только не посмела выйти на освещенную площадку перед террасой, а осталась там, в тени, в кустах, и он показал в глубь сада.

— Да смотрите, смотрите, она еще там белеет в кустах, — взвизгнул он не своим голосом. Толпа шарахнулась.

В кустах, правда, что-то белело.

В минуту Гарри и капитан Райт были там.

— Опомнитесь, глупые, это белая лошадь, наш «Павлин», — раздался властный голос Гарри и тотчас же он вывел из кустов на площадку прекрасную беглую верховую лошадь.

Страх прошел. Все ободрились. «Павлина» знали и гости, и слуги, это была одна из лучших лошадей конюшни миллионера.

Лошадь была под мужским седлом и тяжело дышала, белая пена клочьями покрывала удила и потник.

— Хорошо же тебя отдала господин виконт, — ворчал старик кучер, лаская лошадь, — а еще обещал побереечь!

— Теперь это не уместно, Матвей, — строго прервал кучера Гарри.

— Вот если бы бедный Рено поберег «Павлина», то и сам бы он был цел и невредим. Разве можно с пороком сердца скакать сломя голову? — закончил доктор.

— Откуда он достал неньюфар, он свеж, как только что сорванный, — заметил Джемс.

— Ну, этого добра на озере сколько хочешь, — ответил Жорж К.

— Но для этого надо останавливаться, а не скакать, — не унимался Джемс. Но ответа ни от кого не получил.

По знаку хозяина, слуги взяли труп и снесли в дом.

Об окончании ужина, конечно, не было и речи.

Все рано разошлись по комнатам, с условием утром отправиться в город дня на три, чтобы отдать последний долг усопшему.

Капитан Райт и Джемс, не сговариваясь, отправились в комнату Райта. Молча закулив сигары, уселись в кресла. Часы шли.

В комнате был полумрак. К полуночи луна высоко поднялась на небо и комната наполнилась волнами света. Еще немного, и волны начали мерцать и переливаться.

Молодые люди ждали, но дверь оставалась закрытой. Там, за дверью, слышались легкие шаги, шуршало шелковое платье, звякали струны лютни точно от нечаянного прикосновения... вот скрипнула дверь балкона и все стихло.

Часы шли.

Райт и Джемс очнулись от стука.

Ясный день. Комната ярко освещена солнцем, лучи его играют на гранях туалетных вещей и бегают «зайчиками» по потолку и стенам. Они оба сидят в креслах, сигары давно потухли. Без всякого сомнения спали, и крепко спали.

Стук повторился.

— Войдите.

Вошел молодой лакей и доложил:

— Господ ожидают к утреннему кофе и похоронный кортеж уже готов. Пожалуйста.

Джемс и Райт не сразу поняли в чем дело, но все же поспешили привести себя в порядок и отправились в столовую.

ГЛАВА XVI

Прошло три дня.

Гарри вернулся в свой охотничий дом, с ним вернулись и его верные друзья: Джемс, доктор и капитан Райт.

Из гостей вернулись очень немногие. Смерть виконта Рено, молодого и полного сил, повлияла неприятно на нервных и впечатлительных и многие из них уехали: кто совсем, а кто с обещанием вернуться в замок к праздникам новоселья.

Райт и Джемс хорошо выспались в городе, нервы опали и они подсмеивались друг над другом, и Джемс свое приключение с привидением называл «галлюцинация скопом».

— Что нового? — спросил Гарри по возвращении из города.

— Все, слава Богу, хорошо! — ответил помощник управляющего Миллер. За отъездом в город Гарри и Смита, Миллер оставался полновластным и ответственным лицом.

— Замок совершенно очищен; с садом дело идет тише, но все же та часть сада, которая примыкает к замку, уже в порядке и садовый колодец вычищен. На днях очистят и тот, что на дворе, но, кажется, в нем не будет воды, — докладывал он.

— Извините, мистер, вы быть может будете мной недовольны, — продолжал Миллер нерешительно, — я не знаю, но я был в затруднении, жена его плакала, а бедность, правда, очень большая, ну я и дал от вашего имени 25 таллеров на похороны, — закончил он свой доклад.

— Опять похороны, чьи похороны? — вскричал нетерпеливо Гарри.

— Конечно, мистер, он не был нашим постоянным рабочим, ему платили за каждый раз отдельно, но очень большая бедность, — бормотал сильно смутившийся Миллер.

— Пойдите, вы меня не поняли, дело не в деньгах, а я хочу знать, кто умер, — сказал Гарри.

— Слесарь, мистер, тот самый, что открывал нашу капеллу.

— Он казался не старым и здоровым.

— Да и он заболел в тот же день, нет, вернее в ту же ночь. С ним случился обморок; долго ли он продолжался, никому неизвестно, так как жена заметила это только утром.

— Отводились. Целый день больной работал, но молчал и был невеселый, как она говорит. Ночью обморок повторился. Жена спала в соседней комнате и, заслышав шорох и стоны, прошла к больному. Он опять был без памяти.

Утром он уже встать не мог и весь день пролежал в постели.

Ночью он тихо скончался. Жена страшно плачет, она потеряла своего единственного кормильца. Но глупая крестьянка утешается тем, что ангел взял душу ее мужа, — рассказывал Миллер.

— При чем тут ангел? — спросил Джемс.

— Видите ли, — продолжал Миллер, — жена слесаря решила последнюю ночь не спать, а стеречь больного мужа. Ну и ясное дело, после тяжелого рабочего дня уснула и видела сон.

— Где же тут ангел, какой сон? — допытывался Джемс.

— Глупая баба, сударь, уверяет, что она не спала, а нашел на нее столбняк, по ихнему это, когда человек не может пошевелиться, а все видит и слышит.

И вот явилась прекрасная женщина в небесном платье и с короной на голове. Наклонилась над больным и поцеловала его. Потом в луче месяца она улетела в небо и унесла его душу, — кончил Миллер.

— А чем объяснил смерть деревенский доктор? — спросил Гарри.

— Доктора, мистер, и не было. Его и не звали. Я уже вам докладывал, что у них страшная бедность. Недавно они погорели и теперь ютятся, как попало.

— Смит, завтра вы позаботитесь о вдове, а на сегодня довольно, — решил Гарри.

Потом он откланялся гостям и друзьям и пошел со Смитом работать в кабинет. Он даже отказался от ужина, прося доктора занять председательское место.

Ужин прошел вяло, несмотря на шутки и анекдоты доктора. Сказывалось отсутствие хозяина.

Чтения тоже не было. От пунша все отказались и раньше обычного разошлись по своим спальням.

ГЛАВА XVII

К утреннему кофе Райт вышел последним. Он был страшно зол и губы его нервно подергивались.

Подойдя к столу, вместо обычного поклона, он бросил на пол большую пунцовую розу, и, наступив на нее, сказал:

— Господа, я не женщина, и бросать мне розы в окно по меньшей мере глупо. Считаю это себе оскорблением и на будущий раз отвечу острием моей шпаги.

Все удивленно смотрели на Райта и переглядывались между собою.

Хорошо вышколенный лакей быстро подобрал бедную растоптанную розу.

— Откуда он ее взял, в саду нет таких, — сказал он, показывая розу камердинеру Сабо.

— На горе в замке уже есть, вчера привезли, — заметил Миллер.

День тянулся скучно и бесконечно.

Вечером в столовую собралось все оставшееся общество, оно сильно убавилось. Все хмурились.

Хозяин, желая развлечь гостей, да и сам отдохнуть от пережитых неприятностей, попросил Карла Ивановича дочитать письма.

Карл Иванович заметно поколебался, замаялся, хотел что-то сказать, но потом махнул рукой и надел очки.

— Итак, я начинаю, — сказал он.

ПИСЬМО СЕМНАДЦАТОЕ

Альф, между моим последним письмом и сегодняшним, прошли только сутки, но в эти сутки я пережил целую жизнь и она сломала во мне все светлое и дорогое. Личное счастье погибло. А Рита? Чем же она виновата? Нет, с камнем на душе я должен если не быть, то казаться счастливым! Это для Риты.

Но слушай по порядку.

Поручив Риту заботам кормилицы и кузин, сделав распоряжение по хозяйству, я отправился в город искать старого доктора.

Искать, собственно, мне не пришлось, так как в гостинице, где я остановился, на первый же мой вопрос ответили, что знают и указали его адрес.

— Только напрасно вы к нему поедете, — прибавил коридорный, — доктор давно никого не лечит да и редко кого пускает к себе.

Он чудной. Позвольте, сударь, я лучше проведу вас к другому доктору — Фришу. Он отличный доктор, и стоит в нашей гостинице.

Я поблагодарил и отказался от Фриша.

— А почему вы зовете старика чудным? — поинтересовался я.

— Да как же, сударь, все его так зовут. Говорят, он не в своем уме.

Я отправился.

Извозчик свез меня на окраину города, к небольшому деревянному дому. Во дворе меня встретила пожилая женщина и угрюмо сказала, что доктор не лечит и никого не принимает.

Проводите меня к нему, сказал я, и «золотой пропуск» был в ее руке.

Меня тотчас же провели в сени, а затем и в комнаты.

Первая комната ничего из себя не представляла — самая обыденная, мещанская обстановка. Но зато следующая была совершенно иного характера.

Это какой-то кабинет алхимика или ученого: темные шкафы полные книг, банки, реторты, несколько чучел и, в конце-концов, человеческий скелет.

У окна в большом кресле сидел старик, в первую минуту я думал, что ошибся и попал не по адресу. Так трудно было узнать в высохшем, худом человеке когда-то полного и веселого доктора.

Он был совершенно лыс и в огромных очках.

Если я, зная к кому иду, с трудом уловил знакомый черты, то он, конечно, совершенно меня не у знал.

— Что вам нужно? Я не практикую, — сказал он резко, вставая с кресла.

Я назвал себя.

Минуту он стоял неподвижно, точно не понимая меня, потом странно вытянул шею и спросил — голос его дрожал:

— Кто вы?

Я повторил.

Альф, нужно было видеть его ужас, он побелел, как бумага, очки упали на пол и он и того даже не заметил. Протянув вперед руки, точно защищаясь, он бормотал:

— Нет, не может быть! — ноги его тряслись и не выдержав, он со стоном сел в кресло.

Я подал ему стакан воды и, взяв за руку, стал говорить.

— Доктор, милый доктор, разве вы забыли своего любимца, маленького Карло?

Я старался припомнить из детства разные мелочи, его шутки, подарки...

Понемногу старик успокоился и начал улыбаться.

— Так это в самом деле ты, Карло, ты живой и здоровый. Как же ты вырос и какой красавец. Эх, не судил Бог моему другу твоему отцу и полюбоваться тобой.

— Да, доктор, с семи лет я был лишен и отца, и матери, а почему и до сих пор не знаю.

Старик как-то отодвинулся от меня и замолчал.

— Зачем и надолго ли ты приехал в наш город?

— Приехал я сегодня, а сколько проживу, зависит от вас, доктор. Если вы согласитесь на мою просьбу, то завтра же утром мы выедем в замок.

Старик снова весь затрясся:

— Что, ехать в замок, в твой родовой замок, зачем? Что тебе в нем? — закричал он сердито.

— Как зачем? Вот уже два месяца, как я живу в нем, — смеясь, заявил я.

— Ты в замке, рядом, два месяца, — бормотал он; зубы, т. е. нижняя челюсть старика дрожала.

— Ты жив, здоров, совершенно здоров. Поклянись Божией Матерью, что ты говоришь правду, — и он повелительно указал на угол.

Весь угол был занят образами, большими и маленькими; перед ними горела лампада, стоял аналой с открытой книгой. Войдя в комнату, я не заметил этого угла, и теперь меня поразили диссонансы: лампада и человеческий скелет!

— Клянись, говорю тебе, крестись! — настаивал грозно старик.

Думая, что имею дело с сумасшедшим и не желая его сердить, я прекрестился и сказал торжественно.

— Клянусь Божией Матерью, я жив и вполне здоров.

Старик заплакал, вернее, как-то захныкал, и, вытаскивая из кармана огромный, красный фуляр, все повторял:

— Зачем ты приехал, зачем ты приехал? Чего ты хочешь?

Когда он совершенно успокоился, я ему рассказал, что с детства скучал по родине, но не смел ослушаться приказания отца и жил в чужих краях.

Внезапная смерть отца сняла с меня запрет, и я явился поклониться гробам отца и матери, — и представьте, доктор, — я не нашел их в склепе, — закончил я.

— Не нашел. В склепе не нашел! — радостно шептал старик. — А новый склеп ты не трогал?

— А разве есть новый склеп? Где же он?

— Хорошо, очень хорошо, — потирал старикашка свои руки.

Я ничего не понимал и страшно раскаивался, что связался с полоумным. Соображая, как бы поудобнее выбраться из глупого положения, я молчал.

Молчал и старик.

— Когда же ты едешь обратно в чужие края? — наконец спросил он.

— Обратно? И не собираюсь! — возразил я с удивлением. — Замок вычищен, отремонтирован заново, и через две недели моя свадьба.

Глаза старика опять выразили ужас.

— Ты намерен навсегда поселиться, в замке и хочешь жениться, быть может уже наметил невесту. Безумец, безумец, разве старый Петро не был у тебя, разве он не сказал тебе, что по завету отца ты не должен был приезжать в замок, а не то, что жить тут, да еще с молодой женой, — кричал, весь трясясь, старик.

Все эти глупые охи и крики окончательно мне надоели, и я резко сказал:

— Отец ни разу не писал мне ничего подобного, да теперь и поздно об этом говорить; невеста моя уже приехала и находится сейчас в замке.

— Пресвятая Матерь Божия, помилуй ее и спаси! — горестно прошептал старик.

— Ну, Карло, не думал я, что судьба заставит выпить меня и эту горькую чашу. А видно, ничего не поделаешь! Мы оберегали тебя от этого ужаса, но ты, ты сам дерзко срываешь благодетельный покров.

— Твой отец взял с меня и Петро страшную клятву, что тайна эта умрет с нами... но теперь я должен, я обязан открыть ее тебе... Да простит меня Пресвятая Заступница... дорогой друг, ты говорил: «смотри, ни на духу, ни во сне ты не должен говорить, из могилы я буду следить за тобой», а сейчас, если ты можешь слышать, пойми и прости; но ведь Карло надо спасти, избавиться, — хотя бы ценой моей души — души клятвопреступника! — печально и торжественно проговорил старик.

Он замолчал и скорбно поник головою.

Хотя все его слова представляли какой-то бред, но я не считал его больше сумасшедшим; что-то говорило мне о их правде и о ужасе, что ждет меня.

Я молчал, боясь нарушить думы доктора, и в то же время старался догадаться, что за тайну должен он мне открыть. Первая моя мысль была насчет моего большого состояния; честно ли оно нажито? Нет ли крови на нем? — И я давал себе слово исправить, что можно.

Нет, невероятно.

Смерть матери, не повинен ли в ней отец?

Тоже нет. Он обожал ее и пятнадцать лет хранил верность ей и чтил ее память.

Что же, наконец?

Доктор все молчал... потом спросил меня:

— Карло, что помнишь ты из своего детства?

Я стал рассказывать, вспоминая то то, то другое.

— Ну, а что ты думаешь о смерти своей матери?

Холод пробежал по мне — неужели?

Я рассказал то, что ты уже знаешь, т. е. что мать видела во сне змею, которая ее укусила, закричала ночью и от страха заболела. Потом ей было лучше, но после обморока в зале болезнь ее усилилась.

Затем, этого ты еще не знаешь. Она начала сильно слабеть день ото дня, и все жаловалась, что по ночам чувствует тяжесть на груди и не может ни сбросить ее и ни крикнуть.

Отец начал вновь дежурить у ее постели, и ей опять стало легче. Устав за несколько ночей, отец решил выспаться и передать дежурство Пепе. В ту же ночь матери сделалось много хуже. Утром, когда стали спрашивать Пепу, в котором часу начался припадок, она ответила, что не знает, так как ее в комнате было. — Господин граф пришел, и я не смела остаться, — сказала она.

— Я пришел, что ты выдумываешь, Пепа, — засмеялся отец.

— Да как же, барин, вы открыли дверь на террасу, оттуда так и подуло холодом, и хотя вы и укутались в плащ, но я сразу вас узнала, — настаивала служанка.

— Ну, дальше, — сказал бледнея отец.

— Вы встали на колени возле кровати графини, ну, я и ушла, — кончила Пепа.

— Хорошо, можете идти, — сказал отец, и поворачивая к доктору свое бледное лицо, прошептал:

— Я не был там! — я замолчал на минуту.

— Так, — качнул старик головою, — так.

— Чем кончилось это дело, кто входил в комнату матери я не знаю и до сих пор, — закончил я.

— Дальше, дальше, — бормотал старик.

— Дальше, дня через три Люси, мою маленькую сестренку Люси, — продолжал я свой рассказ, нашли мертвой в кровати. С вечера она была здорова, щебетала, как птичка и просила разбудить ее рано... рано — смотреть солнышко.

Утром, удивленная долгим сном ребенка, Катерина подошла к кровати, но Люси была не только мертва, но и застыла уже.

— Так! — снова подтвердил доктор.

Люси похоронили, и в тот же день, мать подозвала меня к своей кушетке и благословляя, сказала:

— Завтра рано утром ты едешь с Петро в Нюрнберг учиться. Прощай, — и она крепко, со слезами на глазах меня расцеловала.

Ни мои просьбы, ни слезы, ни отчаяние — ничего не помогло... меня увезли. Даже через столько лет старое горе охватило меня; голос дрогнул, и я замолчал.

— Так, — опять качнул головой старик, — так. А не помнишь ли ты еще чьей-нибудь смерти, кроме Люсиной? — спросил он.

— Еще бы, тогда умирало так много народу; все больше дети и молодежь, — ответил я, — а похоронный звон из деревни хорошо было слышно у нас в саду, и я отлично его помню. Да и у нас на горе было несколько случаев смерти, — закончил я.

Опять длинное молчание. Точно старик собирал все свои силы. Он тяжело дышал, вытащил свой фуляр и отер лысину.

— Ну, теперь слушай, Карло.

— После твоего отъезда смертность не прекращалась. Она то вспыхивала, то затихала. Я с ума сходил, доискиваясь причины. Перечитал свои медицинские книги, осматривал покойников, расспрашивал окружающих...

Ни одна из болезней не подходила к данному случаю.

Одно только сходство мне удалось уловить: это в тех трупах, которые мне разрешили вскрыть, — был недостаток крови. Да, часто на шее, реже на гру-

ди — у сердца, я находил маленькие красные ранки, даже вернее, пятнышки. Вот и все.

Странная эпидемия в народе меня очень занимала, но я не мог вполне ей отдался, так как болезнь твоей матери выбивала меня из колеи.

Она чахла и вяла у меня на руках. Вся моя латинская кухня была бессильна вернуть ей румянец на щеки и губы.

Она ясно умирала, но глаза ее блестели и жили усиленно, точно все жизненные силы ушли в них.

Эпизод с господином в плаще пока остался не разъясненным.

Только с тех пор ни одной ночи она не проводила одна: отец или я; мы чередовались у ее постели.

Лекарства ей я тоже давал сам... но все было тщетно... Она слабела и слабела.

Однажды, днем, меня позвали к новому покойнику; твой отец был занят с управляющими. Графиня, которая лежала в саду, осталась на попечении Катерины.

Через два часа я вернулся и заметил страшную перемену к худшему.

— Что случилось? — шепнул я Катерине.

— Ровно ничего, доктор, — отвечала Катерина, — графиня лежит спокойно, так спокойно, что к ней на грудь села какая-то черная, невиданная птица. Ну, я хотела ее согнать, но графиня махнула рукой «не трогать», — вот и все.

Что за птица? Не выдумывает ли чего Катерина.

Расспрашивать больную я не решился: боялся взволновать.

Прошло три дня.

Мы, т. е. твой отец и я, сидели на площадке; графиня, по обыкновению, лежала на кушетке, лицом к деревне.

Солнце закатилось. Но она просила дать ей еще немного полежать на воздухе.

Вечер был чудный. Мы курили и тихо разговаривали.

От замка через площадку тихо-тихо пролетала огромная летучая мышь. Совершенно черная; я таких раньше не видывал.

Вдруг больная приподнялась и с криком: «Ко мне, ко мне!», протянула руки. Через минуту она упала на подушки.

Мы бросились к ней: она была мертва.

Как не готовы мы были к такому исходу, но когда наступил конец, мы стояли как громом пораженные. Первым опомнился твой отец.

— Надо позвать людей, — сказал он глухо и пошел прочь. Он шел покачиваясь, точно под непосильной тяжестью.

Я опустился на колени в ногах покойницы. Сколько прошло времени, не знаю, не отдаю себе отчета. Но вот послышались голоса, замелькали огни и в ту же минуту с груди графини поднялась черная летучая мышь, та самая, что мы видели несколько минут назад.

Описав круг над площадкой, она пропала в темноте.

О вскрытии трупа графини я и не думал; твой отец никогда бы этого не допустил.

Меня, как врача, поражало то, что члены трупа, холодные, как лед, оставались достаточно гибкими.

Покойницу поставили в капеллу.

Читать над нею явился монах соседнего монастыря.

Мне он сразу не понравился: толстый, с заплывшими глазками и красным носом. Хриплый голос и пунцовый нос с первого же раза выдавали его, как поклонника Бахуса.

После первой же ночи он потребовал прибавления платы и вино, так как «покойница — беспокойная». Его удовлетворили.

На другую ночь мне не спалось; какая-то небывалая тяжесть давила мне сердце. Я решил встать и пройти к гробу.

Попасть в капеллу можно было через хоры; так я и сделал. Подойдя к перилам, взглянул вниз. Там царил полумрак. Свечи в высоких подсвечниках, окружающие гроб, едва мерцали и давали мало света. А свеча у аналая, где читал монах, оплыла и трещала.

Хорошо всмотревшись, я у видел, что сам монах лежит на полу, раскинув руки и ноги, и на груди его была накинута точно белая простыня.

Нечаянно взглянув на гроб, я остолбенел...

Гроб был пуст! Дорогой покров, свесившись, лежал на ступенях катафалка.

Я старался очнуться, думая, что сплю; протер глаза, нет, как не неверен свет свечей, как не перебегают тени... но все же гроб пуст и пуст...

Не помня себя от радости, я бросился к маленькой темной лесенке, что вела с хор в капеллу.

Недаром я заметил подвижность членов; это только сон, летаргический сон... мелькало у меня в уме. Слава Богу, слава Богу.

Кое-как, в полной темноте, я скорее скатился, чем спустился с лестницы.

Врываюсь в капеллу, бросаюсь к гробу...

Боже... что же это!. Покойница лежит на месте, руки скрещены и глаза плотно закрыты. Даже розаны, которые я вечером положил на подушку, тут же, только скатились набок.

Снова протираю глаза, снова стараюсь очнуться от сна...

Обхожу гроб. На полу лежит монах; руки и ноги раскинуты, голова запрокинулась.

Мелькает мысль: где же простыня? И... исчезает.

Не доверяю своим глазам... В висках стучит...

Нет, это стучат во входные двери со двора. Машинально подхожу, снимаю крючок. Свежий ночной воздух сразу освежает мне голову.

— Что случилось? — спрашиваю я.

Входит ночной сторож в сопровождении двух рабочих.

— Ах, это вы, доктор! — говорит сторож и облегченно вздыхает. — А я то напугался. Иду это по двору, а за окнами капеллы точно кто движется; ну,

думаю, не воры ли? Боже избави, долго ли до греха. На графине бриллиантов этих самых много, много; люди говорят, на сто тысяч крон!

— Подхожу. Шелестит, ходит, да как заохает, застонет... ну, я бежать, позвал парней, одному-то жутко, — закончил сторож.

— Вы пришли кстати, с монахом дурно, надо его вынести на воздух, — приказываю я.

— Ишь, как накурил ладаном, прямо голова идет кругом, — сказал один из парней, поднимая чтеца. — Ну и тяжел же старик! — прибавил он.

В это время из рукава монаха выпала пустая винная бутылка и покати-лась по полу. Парни засмеялись.

— Отче-то упился, да и начал без меры. Недаром же он и стонал, ребя-тушки, страсть страшно! — ораторствовал сторож.

Вынеся монаха во двор и положив на скамью, мы стали приводить его в чувство.

Это удалось не сразу. Угар и опьянение тяжело подействовали на полно-го человека.

Наконец, он открыл глаза; они дико бегали по сторонам.

Я приказал дать ему стакан крепкого вина. Он жадно выпил, крикнул и прошептал:

— Неспокойная, беспокойная.

Начало рассветать; слышался звон церковного колокола к ранней службе.

Я пошел к себе, желая все обдумать, но едва сунулся на кровать, как мо-ментально заснул.

День прошел обычно.

Монах совершенно оправился и просил только двойную порцию вина «за беспокойство».

Я видел, как экономка Пепа подавала ему огромный жбан с вином, и шутя сказал ей:

— Смотрите, Пепа, возьмете грех на душу, обопьется ваш монах.

— Что вы, доктор, да разве они по столько выпивают в монастыре! А, не-бось только жир нагуливают, — ответила Пепа.

Ночью я часто просыпался, но решил не вставать. Рано поутру слышу не-терпеливый стук в мою дверь.

«Несчастье!» — сразу пришло мне в голову.

В один момент я готов. Отворяю.

Передо мной Пепа; на ней, что говорится, лица нет.

— Доктор, доктор, монах... монах умер... — заикаясь, произносит нако-нец она и тяжело опускается на стул.

Спешу.

На той же лавке, что и вчера, лежит монах.

Он мертв. Глаза его широко открыты и все лицо выражает смертельный ужас. Кругом вся дворня.

— Кто и где его нашел? — спрашиваю я.

Выдвигается комнатный лакей.

— Господин граф приказали поставить новые свечи ко гробу графини, я и вошел в капеллу, а он и лежит у самых дверей.

— Верно выйти хотел, смерть почуял! — раздаются голоса.

— Да не иначе, как почуял, через всю капеллу притащился к дверям.

— В руке у него было два цветка, мертвые розы. Вчера ребята из деревни целую корзину их принесли, весь катафалк засыпали.

— Верно, беднягу покачивало; он и оперся и зацепил их.

— Хорошо еще, что покойницу графинюшку не столкнул, — рассказывают мне один перед другим слуги.

Я слушал, и в голове у меня гудело и в первый раз в душе проснулся какой-то неопределенный ужас.

Смерть была налицо, и делать мне, собственно говоря, было нечего.

Но все-таки я велел перенести труп в комнату и раздеть.

Первое, что я осмотрел, была шея, и на ней я без труда нашел маленькие кровавые пятнышки — ранки.

Тут впервые у меня зародилась мысль, что ранки эти имеют связь со смертью. До сих пор не придавая им значения, я их почти не осматривал. Теперь дело другое. Ранки были небольшие, но глубокие, до самой жилы.

Кто же и чем наносили их?

Пока я решил молчать.

Монаха похоронили.

Графиню спустили в склеп. Для большей торжественности ее спустили не по маленькой внутренней лестнице, а пронесли через двор и сад.

И в день похорон члены ее оставались мягкими, и мне казалось, что щеки и губы у нее порозовели.

Не было ли это влияние разноцветных окон капеллы или яркого солнца?

На выносе тела было много народа.

После погребения, как полагается, большое угощение как в замке, так и в людских.

Когда прислуга подпила «за упокой графини», начали шуметь и выражать неудовольствие на старого американца. Он ни разу не пришел поклониться покойнице. И утром, на выносе тела его также никто не видел. Напротив, многие заметили, что дверь и окно сторожки были плотно заперты.

Под влиянием вина посыпались упреки, а затем и угрозы по адресу американца.

Смельчаки тут же решили избить его. Толпа под предводительством крикунов направилась в сад к сторожке.

Американец, по обыкновению, сидел на крылечке.

С ругательствами, потрясая кулаками, толпа окружила его.

Он вскочил, глаза злобно загорелись и прежде чем наступающие опомнились, он заскочил в сторожку и захлопнул дверь.

— А так-то ты американская морда, — кричал молодой конюх Герман. Он вскочил на крылечко и могучим ударом ноги вышиб дверь.

Ворвались в сторожку, но она была пуста. Даже искать было негде, так как в единственной комнате только и было, что кровать, стол и два стула.

— Наваждение, — сказал Герман, пугливо оглядываясь.

Всем стало жутко; все так и шарахнулись от сторожки.

Выбитую дверь поставили на место и молча один за другим выбрались из сада.

В людской шум возобновился.

Обсуждали вопрос куда мог деться старик.

Предположениям и догадкам не было конца.

Многие заметили, что комната в сторожке имела нежилой вид. Стол и стулья покрыты толстым слоем пыли, кровать не оправлена. Где же жил американец, и, как и куда он исчез?

И опять слово «наваждение» раздалось в толпе. Чем больше говорили, промачивая в то же время горло вином и пивом, тем запутаннее становился вопрос.

И скоро слово «оборотень» пошло гулять из уст в уста.

Прошла неделя.

Отец твой почти безвыходно находился в склепе, часто даже в часы обеда не выходил оттуда.

Смертность как в замке, так и в окрестностях прекратилась.

Дверь сторожки стояла по прежнему прислоненной, — видимо жилец ее назад не явился.

Из города поступило какое-то заявление, и отец твой должен был, хочешь не хочешь, уехать туда дня на три, на четыре.

На другой день его отъезда снова разразилась беда.

После опросов, дело выяснилось в таком виде: после людского завтрака кучер прилег на солнышке отдохнуть и приказал конюху Герману напоить и почистить лошадей.

К обеду конюх не пришел в людскую; на это не обратили внимания. К концу обеда одна из служанок сказала, что, проходя мимо конюшен, слышала топот и ржание лошадей.

— Чего он там балует, черт, — проворчал кучер, и пошел в конюшню.

Вскоре оттуда раздался его крик: «Помогите, помогите». Слуги бросились.

Во втором стойле с краю, стоял кучер с бичом в руках, а в ногах его, ничком, лежал Герман.

Кучер рассказал, что, придя в конюшню, он увидел, что Герман развалился на куче соломы и спит.

— Ну я его и вдарил, а он упал вниз в ноги, да, кажись, мертвый!

Германа вынесли.

С приходом людей лошади успокоились; только та, в стойле которой нашли покойника, дрожала всеми членами, точно от сильного испуга.

Позвали меня. Я тотчас отворотил ворот рубашки и осмотрел шею. Красные светлые ранки были налицо!

Что Герман был мертв, я был уверен; но ради прислуги, проделал все способы отваживания. Затем приказал раздеть и внимательно осмотрел труп.

Ничего. Здоровые формы Геркулеса! Так как никто не заявлял претензии — я сделал вскрытие трупа.

Прежние мои наблюдения подтвердились: крови у здорового геркулеса, было очень мало.

Не успел я покончить возню с мертвецом, как из деревни пришла весть, что и там опять неблагополучно.

Умерла девочка, пасшая стадо гусей. Мать принесла ей обедать и нашла ее лежавшей под кустом уже без признаков жизни.

Тут в определении смерти не сомневались, так как мать ясно видела на груди ребенка зеленую змею. При криках матери гадина быстро исчезла в кустах.

Все-таки я пошел взглянуть на покойницу под благовидным предлогом, помочь семье деньгами.

Покойница, уже убранная, лежала на столе. Выслав мать, я быстро откинул шейную косынку и приподнял голову.

Зловещие ранки были на шее!

Ужас холодной дрожью прошел по моей спине... Не схожу ли я с ума?! Или это и впрямь «наваждение!»

Всю ночь я проходил из угла в угол. Сон и аппетит меня оставили. При звуке шагов или голосов я ждал известия о новой беде...

И она не замедлила.

Умер мальчишка поваренок. Его послали в сад за яблоками, да назад и не дождались...

Опять я проделал с трупом все, что полагалось, проделал, как манекен, видя только одни ранки на шее.

Наконец, вернулся твой отец. Ему рассказали о случившемся; он, к моему удивлению, отнесся ко всему совершенно холодно и безразлично.

Тогда я осторожно ему рассказал мои наблюдения о роковых ранках на шее покойников. Он только ответил:

— А, так же, как у покойницы жены, и ушел на свое дежурство в склеп.

Я опять остался один перед ужасной загадкой.

Вероятно, я не долго бы выдержал, но на мое счастье вернулся Петро; хотя ранее и предполагалось, что он останется с тобой в Нюрнберге.

За недолгое время отсутствия он сильно постарел с виду, а еще больше переменялся нравственно: из веселого и добродушного он стал угрюм и нелюдим.

В людской ему сообщили все наши злоключения и радостно прибавили, что американец исчез и что он был совсем и не американец, а оборотень.

Один говорил, что видел собственными глазами как старик исчез перед дверью склепа, а двери и не открывались.

Другой тоже собственными глазами видел, как американец, как летучая мышь, полз по отвесной скале, а третий уверял, что на его глазах, на месте американца сидела черная кошка.

Были и такие, что видели дракона. Только тут возник спор.

По мнению одних, у дракона хвост, по мнению других — большие уши; кто говорил, что это змея, кто, что это птица. И после многих споров и криков решили:

— Дракон, таки дракон и есть!..

Петро, обозвав всех дураками, ушел в свою комнату.

ГЛАВА XVIII

На другое утро Петро долго разговаривал с твоим отцом, о чем — никто не знает. Только после разговора он вышел из кабинета, кликнул двух рабочих и именем графа приказал разбирать сторожку американца.

Люди повиновались неохотно.

Сняли крышу и начали разбирать стены. При ярком дневном свете еще яснее выступило, что сторожка была необитаема.

Скоро от сторожки осталась небольшая печь и труба.

Доски и бревна, достаточно еще крепкие Петро распорядился пилить на дрова и укладывать на телеги.

Печь и трубу он приказал каменщику ломать, не жалея кирпича. Когда повалили трубу, мы с твоим отцом стояли в дверях склепа.

Из трубы вылетала большая черная летучая мышь и метнулась к нам. Я замахнулся палкой, тогда она, круто повернув, исчезла за стеной замка.

— Ишь, паскуда, гнездо завела, — проворчал каменщик.

Теперь мне стало ясно, откуда взялась черная летучая мышь на груди твоей матери в день ее смерти. Всем известно, что летучие мыши любят садиться на белое; вот ее и привлекло белое платье покойницы.

А что мышь была черная, а не серая, как обыкновенно, и что бросилось мне тогда же в глаза — объяснялось теперь тем, что она пачкалась об сажу в трубе.

Телеги с дровами Петро отправил в церковный двор для отопления церкви, как дар от графа. Кирпич вывезли далеко в поле.

Площадку Петро сам вычистил и сравнял, ходя как-то по кругу, и все что-то шепча.

На другой день из деревни привезли большой крест, сделанный из осины, конец его был заострен колом.

Крест вколотили по середине площадки. Петро кругом старательно разбил цветник, но к удивлению и смеху слуг засадил его чесноком.

На мой вопрос, что все это значит, твой отец, махнул рукой и сказал:

— Оставьте его.

В один из следующих дней отец твой, спускаясь по лестнице, оступился и зашиб ногу. Повреждение было пустяшное, но постоянное сиденье в затхлом, сыром склепе и неправильное питание сделали то, что пришлось его уложить в постель на несколько дней.

В тот же день, после обеда, когда я читал ему газеты, прибежал посыльный мальчик и просил меня спуститься вниз.

Сдав больного на руки Пепе, я спустился в сад. Там был полный переполох!

Подняли без памяти молодого садовника Павла.

Он тихо и жалобно стонал и казалось вот-вот замолкнет навек.

Приказав перенести его в мою аптеку я принялся отваживаться. Все слуги, кроме моего помощника были удалены.

Смотрю, роковые ранки еще сочатся свежей кровью! Тут для оживления умирающего, хотя бы на час, я решил употребить такие средства, какие, обыкновенно не дозволены ни наукой, ни законом. Я хотел, во что бы то ни стало, приподнять завесу тайны.

Влив в рот больного сильное, возбуждающее средство, я посадил его, прислонив к подушкам, Наконец, он открыл глаза. При первых же проблемах сознания начал его расспрашивать.

Вначале не внятно, а потом все яснее и последовательнее он сообщил мне следующее:

По раз заведенному обычаю, после обеда, все рабочие имеют час отдыха.

Он лег под акацию, спать ему не хотелось и он стал смотреть на облака, вспоминая свою деревню. Ему показалось, что одно облако, легкое и белое, прикрыло ему солнце. Повеяло приятным холодком... смотрит, а это не облако уже, а женщина в белом платье, точь-в-точь умершая графиня! И волосы распущены и цветы на голове.

Парень хотел вскочить. Но она сделала знак рукой не шевелиться, и сама к нему наклонилась, да так близко-близко, стала на колена возле, одну руку положила на голову, а другую на шею... «И так-то мне стало чудно, хорошо!» — улыбнулся больной. «Ручки-то маленькие да холодненькие! А сама так и смотрит прямо в глаза... глазища-то, что твое озеро — пучина без дна... Потом стало тяжело. Шея заболела, а глаз открыть не могу — рассказывал больной, — потом все завертелось и куда-то поплыло. Только слышу голос старшего:

— Павел, Павел. Хочу проснуться — и не могу, — продолжал Павел.

— На груди, что доска гробовая, давит, не вздохнуть! — и опять слышу, — «рассчитаю, лентяй!» Тут я уже открыл глаза. А графиня-то тут надо мной, только не такая добрая и ласковая, как бывало, а злая, глаза, что уголья, губы красные. Смотрит, глаз не спускает, а сама все пятится, пятится и... исчезла... а... Голос его все слабел, выражения путались и тут он снова впал в обморок.

Употребить второй раз наркотик я не решился, да и зачем, я знал уже достаточно.

Сдав больного помощнику, я поспешил в сад, к обрыву: мне нужен был воздух и простор...

Немного погодя, туда же пришел Петро.

Помолчали.

— Это не иначе, как опять «его» дело! — сказал Петро, как бы в пустоту.

— Кого «его», о ком ты говоришь? — обрадовался я, чувствуя себе в Петро помощника.

— Известно, об этом дьяволе, об американце.

— Слушай, Петро, дело не шуточное, расскажи что думаешь?

— Ага, небось сами тоже думаете... А ранки-то у Павла на шее есть? — спросил он меня.

— Есть.

— Ладно, расскажу, слушайте.

Как приехал американец в первый-то раз, да Нетти, бедняга, на него бросилась, — начал Петро, — так и у меня сердце екнуло: «не быть добру», что это с покойником приехал, а лба, прости Господи, не перекрестит, глаза все бегают, да и красные такие. И стал я за ним следить... И все что-то не ладно. Ни он в церковь, ни он в капеллу. Не заглянет значит.

Живет в сторожке один, ни с кем не знается, а свету никогда там не бывает. Да и дым оттуда не идет: не топят значит. Как будто и не ест ничего, а сам полнеет, да краснеет. Что за оказия?

А тут все смерти, да смерти... доктора, вот и вы тоже, говорят, крови в покойниках мало.

Тут мне и пало на ум — оборотень он, по нашему вурдалак. Это значит, который мертвец из могилы выходит да кровь у живых людей сосет. — Принялся я следить пуще прежнего... Петро замолчал.

— Ну и что же ты нашел?

— Да тут-то и беда, батюшка, доктор. Ничего больше-то не нашел, на месте, с поличным ни разу не поймал. Хитер он! А так всяких мелочей много. Да что толку, сунься Расскажи, не поверили бы, — горестно говорил Петро.

Одна графинюшка, покойница, смекала, кое-что, недаром же она просила и потребовала, чтобы увезли Карло, да подальше. Какое такое ученье в семь-то годков! — закончил он.

Снова молчание.

Вернулся я, а графини уже и в живых нет! Может и тут без «него» не обошлось? Вы, доктор, не уезжали, так как думаете?

Я предпочел промолчать.

— Знаю я от старух, — продолжал Петро, — что «он» не любит осинового кола и чесночного запаха. Колом можно его к земле прибить, не будет вставать и ходить. А чесночный запах, что ладан, гонит нечистую силу назад, в свое место. Говорят еще старухи, что каждый вурдалак имеет свое укромное место где и должен каждый день полежать мертвецом — это ему так от Бога положено, вроде, как запрет. А остальное время он может прикинуть-

ся, чем хочет, животным ли, птицей ли. На то он и оборотень, — ораторствовал Петро.

Сторожку я уничтожил, свез на дрова, в церковь; кол забил, чеснок скоро зацветет, а «он»... все озорничает... — печально, окончил старик.

— Что делать? Привез дьявол из Америки старого графа, да проклятое ожерелье, с которого и болезнь к нашей графинюшке прикинулась; нет ли тут закорюки? Как по вашему, доктор? — и Петро пытливо посмотрел на меня.

— Не знаю! — пожал я плечами.

— Вот что я надумал, — продолжал Петро. — На каменный гроб старого графа положу крест из омелы, говорят это хорошо, да кругом навешу чесноку, а вот вы, от имени графа, скажите всем слугам, что склеп будет убирать один Петро, и ходить туда запрещено де, а то озорники все поснимут, да и разговоров наделаешь. А надо все в тайне, чтобы «он» не догадался, да не улизнул.

Я обещал.

Петро усиленно принялся за изготовление креста.

За те дни, пока он возился, на деревне умерло двое детей и у нас на горе мужик поденщик.

Наконец все готово. На закате солнца, когда все слуги замка сильнее заняты уборкой на ночь, мы с Петро спустились в склеп и он все сделал, как говорил: положил крест, навесил чеснок. Сверху же гроб мы закрыли черным сукном, чтоб не обратить на него внимание графа.

— А слышите, как вое и стонет, — обратился ко мне Петро.

Я прислушался, правда, что-то выло, но трудно было определить, что и где. Скорее всего это был ветер в трубе или в одной из отдушин склепа.

Петро был весел, он верил в успех! А у меня были данные очень и очень бояться за будущее.

И что же, в эту же ночь погиб личный лакей графа. Его нашли умирающим в постели и он мог только прошептать: графиня, гра...

Пока слуги судили и рядили, подошел Петро, поднял голову покойника и со стоном опустил на пол.

Он был бледен, как мел.

Испуг и обморок Петро были последней каплей в беспокойном настроении наших слуг.

Большинство, вместо того, чтобы помочь старику, бросились вон из комнаты и через час же несколько человек попросили расчета. К вечеру ушли поденщики.

Смех и песни замолкли. Слуги шептались и сговаривались о чем-то, ясно чувствовалось еще один смертельный случай и мы останемся одни, — к вечеру...

— Господа, — прервал доктор, как ни интересны все эти чудеса в решете, а все же спать надо. Скоро два часа ночи. Я полагаю, что все ваши вампиры и оборотни уже нагулялись и завалились спать. Итак, я ухожу, — и доктор решительно встал с места.

— Делать нечего, подождем до завтра, — сказал один из гостей.

— Не бойтесь, ни Карл Иванович, ни его «сказки» не сбегут, — шутил доктор.

— А разве вы думаете, что все это сказки? — спросил удивленно Жорж К.

— Какое вы еще дитя, Жорж, если могли в этом сомневаться, — заметил один старик.

ГЛАВА XIX

День прошел очень оживленно. Катались верхами, много гуляли по лесу, молодежь занималась гимнастикой и борьбой. Никто ни разу и не вспомнил о вчерашнем чтении.

Вечером усталые, голодные, но в хорошем расположении духа, все были в сборе.

Сытно поужинав, приступили к Карлу Ивановичу дочитать «сказки».

Тот, против обыкновения очень не охотно взял свой портфель и долго в нем разбирался.

— Ну-с, какой-то ерундой вы нас сегодня угостите? — спросил доктор.

— Быть может, можно сегодня и не читать? — точно обрадовался Карл Иванович, закрывая портфель.

— О, нет, нет, мы хотим знать, конец, — запротестовала молодежь.

— Вы кончили на том, Карл Иванович, что все слуги из замка у бежали от страха, — напомнил Жорж К.

Карл Иванович вздохнул и начал.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПИСЬМА К АЛЬФУ

К вечеру Петро объявил, что не отойдет от двери склепа, пока не выследит «проклятого дьявола»...

Ночь прошла тихо. Даже утром и днем Петро отказался сойти со своего поста. Он взял у меня только кусочек хлеба.

И день прошел хорошо.

Минули еще сутки.

Что делать с добровольным сторожем? Он ест один хлеб и совсем не спит. Долго ли он выдержит?

Еще сутки.

Никакие уговоры, никакие доводы не помогают.

Я решил оставить упряма еще на ночь, а утром подсыпать сонного порошка в вино и заставить его выпить.

Приготовив покрепче снотворное, я сидел в комнате. Пробыло два часа.

Вдруг в комнату пошатываясь входит Петро. Он иссиня бледен, точно мертвец, волосы всклокочены, сам весь дрожит. Беспомощно опустившись на стул, он залился слезами.

Первых его слов разобрать было невозможно до того стучали его зубы. Наконец я уловил:

— Графинюшка... ужас.... наша, графинюшка ходит... мертвец...

— Успокойся, Петро, расскажи все по порядку, я и сам думаю, что виноват не американец, а графиня, — сказал я, стараясь казаться спокойным.

— Наша графинюшка, это ангел-то во плоти и вурдалак, вампир... — и он снова зарыдал.

Когда припадок прошел Петро сообщил мне следующее:

И в эту ночь, как и ранее, он сидел на скамейке против входа в склеп и не спускал глаз с двери. Ключ от нее лежал у него в кармане.

Ночь лунная и все видно отчетливо.

— Смотрю, — говорил он, перед дверью стоит графиня. Белое, нарядное платье, локоны по плечам и на голове цветы и бриллианты. Ну, точь-в-точь, как она наряжалась, когда ехала на бал.

На минуту я забыл, что она умерла и бросился к ней:

— Графинюшка, милая! — она ласково посмотрела, да и говорит.

— Петро, за что ты меня преследуешь?

Тут я вспомнил, что она мертвая, отскочил, а она за мной.

— Оставь меня в покое и я тебя не трону, — и, голосок у ней такой нежный.

— Бог с вами, — говорю, — графиня, ведь Вы же умерли... И похоронены.

— Умерла... И все-таки живу. Не мешай же мне; — и сама отстраняет это меня, с дороги, рукой...

Я хотел перекрестить ее, а она как бросится да схватит меня за плечи. Сильная такая, глаза злые и лицо совсем как чужое. Хочу вырваться и не могу, вот, вот повалит... Так мы все пятились, пятились и дошли до грядки с чесноком.

Я запнулся и упал к подножию креста. Она тоже повалилась.

Ну, думаю, загрызет!.. Да Бог помиловал.

Почуяла чеснок, соскочила, застонала тяжело-тяжко и исчезла.

Долго я лежал: боялся пошевелиться. Ну, а потом и к вам доктор.

— Что нам делать? Ведь графинюшку-то я не могу колом, рука не выдержит... — прошептал верный слуга и опять заплакал.

До утра мы сидели с Петро обдумывая, как поступить. Надо обезопасить замок и деревню от вампира, а в то же время, ради Карло и старого графа, пощадить имя графини в народе.

Мы еще ничего не решили, как пришли мне сказать, что умер сынишка кучера, мальчик лет 10-ти.

А затем потянулись, один за другим, слуги, прося расчета. Причина у всех была одна:

— У нас в замке не чисто.

Пришлось всех отпустить. Осталось два-три человека, которым абсолютно некуда и не к кому было идти.

Надо было, волей-неволей, посвятить в дело и твоего отца.

С большими предосторожностями и понемногу я сообщил ему все.

К моему удивлению и на этот раз он остался почти спокоен. И только спросил, кто, кроме меня, и Петро, знает про «то». И когда узнал, что никто, остался очень доволен.

Видимо он уже знал страшную тайну покойницы. Не оттого ли он и сидел целые дни в склепе?

Немедленно граф распорядился продать лошадей, коров и прочую живность, одним словом все, что требовало ухода, запереть почти все комнаты замка и отпустить слуг с наградой.

Затем по его приказу поденщики из города живо приготовили новый склеп в скале, на два гроба.

Не решаясь пригласить священника, на восходе солнца, когда по чистому воздуху так хорошо доносится колокольный звон из деревни, перенесли мы сами гроб с графиней из старого склепа в новое помещение и с разными предосторожностями заделали его в стену.

После того отец твой взял с меня и Петро страшную клятву молчать обо всем случившемся.

Он щедро обеспечил нас.

Петро, как милости, выпросил позволения остаться с ним в замке, где и прожил пятнадцать лет.

Как твой отец намерен был поступить с тобой и замком — он нас не посвятил.

Смерть унесла его неожиданно для него самого.

Мы похоронили его в новом склепе, в том месте, которое он себе приготовил.

Петро по обещанию пошел пешком в Рим, а я вернулся домой.

Теперь, Карло, уходи. Я нарушил, ради тебя, клятву, оставь меня, дай отдохнуть, — и старик скорбно, тяжело поник головою. Я вышел.

.....

Где и как я провел эту ночь, не могу вспомнить... ходил и ходил... И вот на заре пишу тебе, Альф. Это последнее средство хоть немного разобраться в своих ощущениях и попробовать успокоиться и обсудить. Что это?

Не сошел ли я с ума? А все слышанное, да и сам старик-доктор, в придачу — не что иное, как только один бред больного мозга.

Или доктор существует и он сошел с ума, быть может от старости?.. Или же, — или это все страшная правда?

Какая правда?.. Правда... Я сын вампира!

Нет, я сумасшедший...

Впрочем, что лучше? — реши сам.

Ах, почему ты не здесь, ты бы со стороны вернее это определил. Альф, спаси меня!

Сознаю все безумие верить рассказам старика и... верю. Почему? Как опровергнуть его слова? Где кончается действительность и начинается вымысел?

Все так логично и так неправдоподобно!.. Господи, а Рита! Я забыл о ней! Что же с ней будет? Могу ли я жениться теперь? Имею ли я право вовлечь ее в свое несчастье?

Нет, надо отослать ее на родину. Но как? Что я ей скажу, что объясню! Это убьет, обесславит ее! Нет, это невозможно... но что же делать... где выход... Альф! Помоги, приезжай.

Д.

ПИСЬМО СЕМНАДЦАТОЕ

Уже три дня, как я отослал тебе роковое письмо, Альф.

А я все еще в городе, — нет сил вернуться и взглянуть на Риту.

Если бы ты был возле, мне было бы легче... Знаешь ли, у меня есть лесной дом, он далеко от деревни и хоть лежит у подножия замка, но попасть в него можно, только сделав порядочный крюк.

Не кажется ли тебе, что это хорошее место для такого ученого, как ты?

Никто мешать не будет. Я строго запрещаю слугам ходить в лесной дом, а для тебя там будет смирная, хорошая верховая лошадь.

Что ты на это скажешь ?

Ты можешь целыми днями рыться в своих книгах; я даже сам не буду к тебе ходить, а только писать. Но сознание, что ты близко, для меня уже утешение и большая поддержка... Альф, сжался надо мной. Кроме тебя у меня нет никого.

Приезжай.

Д.

ПИСЬМО ВОСЕМНАДЦАТОЕ

Весть, сообщенная мне доктором, так страшна и так меня выбила из колеи, что я даже забыл зачем сюда приехал.

Сейчас я опять был у него и вот теперь-то я знаю, что значит ужас, невыносимый ужас. Все прежнее пустяки в сравнении с этим! Но, слушай.

Сегодня, придя к старику, я сказал ему первоначальную причину моего приезда сюда, т. е. что невеста моя, Рита, не то что хворает, а бледнеет и скучает.

Он вскочил, как укушенный.

— Твоя невеста хворает, она слабеет, бледнеет; есть у ней рана на шее? — вскричал он.

Ноги у меня подкосились... Я не мог выговорить ни слова...

— Отвечай, есть рана? Как же ты мне сказал, что не нашел гробов отца и матери, ты солгал мне, ты выпустил «его!» — кричал старик, бешено тряся меня за плечи. Откуда у него сила взялась.

Тут я очнулся.

— Доктор, погодите, с моего приезда никто не только не умер в замке, но и не хворал, — наконец мог я выговорить.

— А в деревне?

— И там не было покойников. Повторяю, клянусь я не видел нового склепа, — сказал я серьезно и веско.

Доктор несколько успокоился и пробормотал:

— Слава Богу, я ошибся. Быть может правда, что здешний горный воздух не годится для здоровья такой южанки, как твоя Рита. Поезжай. Через день я приеду в замок, как друг твоего отца. И ты только устрой, чтобы я мог видеть шею твоей невесты.

— Это не трудно, доктор; Рита любит и всегда носит открытые платья. Она знает отлично, что шея ее прелестна.

И вот только придя домой, я вспомнил эпизод с розовой, сердоликовой булавкой...

А что если?!. Господи, спаси и помилуй! Альф, а если... боюсь выговорить... если все правда... если Рита... Альф, ради всего святого приезжай.

Спешу домой, что-то там? Ах, я дурень, сидел здесь, а что там, что...

Д.

ПИСЬМО ДЕВЯТНАДЦАТОЕ

Не нахожу слов благодарить тебя, ты приедешь, да! Теперь мне не страшно, ты будешь со мной.

Спешу тебя порадовать, у нас все спокойно. Правда Рита слаба и бледна, но она ни на что не жалуется.

Доктор сдержал слово и приехал.

Рита приняла его ласково и дружелюбно.

Он ловко выпрашивает Риту, как она проводит ночи, не чувствует ли тяжести, удушья и т. д. Какие видит сны.

На все получают самые спокойные ответы. Единственно что, это, до сих пор мне не удалось показать доктору шею Риты.

Она выдумала носить кружевные косыночки, на шею навязываются какие-то фантастические банты и ленты.

А когда я стал просить снять это и позволить любоваться ее шеей, она грустно проговорила:

— У меня до сих пор не было кружев и лент; позволь мне их поносить...

Ну, как тут не отступиться!

А когда я спросил, зажил ли укол булавкой, она нервно передернула плечами и нехотя ответила:

— Ну, конечно, что об этом говорить.

Свадьбу Рита отложила.

Лесной дом готов для приема дорогого гостя. До свиданья, и скорого.

Твой Д.

Чтение кончено.

Все молчат, всем не по себе, у многих залегла тяжелая дума:

Что это?

— И больше ничего нет, Карл Иванович, — спрашивает хозяин, — никаких объяснений?

— В связке нет больше писем, — отвечает не сразу Карл Иванович.

— Господа, что же это по-вашему, сказка, бред сумасшедшего? Или, наконец, истинное происшествие? — спрашивает один из гостей.

— По некоторым мелочам можно предположить, что место действия твой замок, Гарри, неужели у тебя водились вампиры? — продолжает он.

Гарри молчит.

— А почему бы им и не водиться здесь, даже и теперь, раз вы признаете возможность и верите в их существование, — насмешливо, вместо Гарри, отвечает другой гость.

— Хватили, «даже теперь»; за кого вы меня считаете, сударь.

И ссора готова вспыхнуть.

Зная вспыльчивый характер заспоривших, капитан Райт быстро вмешивается и говорит:

— Постойте, сам я не был в склепе, но ты, Джемс, спускался и ты, Гарри, тоже. Есть там большой каменный гроб графа, привезенного из Америки?

— Нет, нету, — отвечает Гарри. — У нас есть только церковная запись, что старый граф привезен из Америки и похоронен в фамильном склепе.

— Мало ли графов привезено и похоронено в фамильных склепах, нынче это не редкость, — вмешивается доктор.

— И что за идея предполагать, что все эти рассказы приурочены к здешнему замку. Во всех письмах ни разу не говорится, что дело идет именно о замке Дракулы. Подпись Д. может означать и «Друг» и первую букву от имени «Джеронимо», а это имя часто уменьшают в Карло. Да, наконец, отсутствие в склепе «знаменитого гроба» не лучшее ли доказательство вашей ошибки, — продолжал доктор.

— Жаль, нет больше писем, а то, быть может мы бы и нашли ключ ко всей этой загадке, — промолвил Гарри.

— Вот пустяки, какая там загадка, я скорее склонен думать, что все эти письма — просто ловкая шутка заманить друга к себе на свадьбу, — не унимался доктор.

— Что-то не похоже на шутку, — заметил Джемс.

— А по-твоему надо верить, хотя бы и в давно прошедшее время, в существование вампиров? Нет, слуга покорный, — раскланялся доктор перед Джемсом.

— А теперь прощайте, желаю каждому из вас видеть графиню-вампира. Я иду спать, — и доктор, забрав сегодня привезенные газеты, ушел в свою комнату.

Конец первой части.

Часть вторая

ГЛАВА I

И покончив с ним,
Я пойду к другим,
Чтоб на свете жить,
Должна кровь людей пить.
(Невеста вампир.)

Время шло.

Наступили темные вечера. Гарри со своими друзьями и гостями давно перебрался из охотничьего дома в свой замок.

Там все было в порядке. Деньги миллионера преобразили запущенное графское жилище. На дверях и окнах вместо пыли и паутины повисли дорогие кружевные занавесы и шелковые портьеры.

Паркет в зале и картинной галерее блестел как зеркало, и молодые ноги уже не раз кружились в вихре вальса, с воображаемой дамой в объятиях. В других комнатах пол исчез под мягкими, восточными коврами.

На столах, столиках, этажерках появилась масса дорогих и красивых вещей, в большинстве случаев совершенно бесполезных, но как необходимая принадлежность богатой обстановки.

Появились растения, цветы.

Зажглось электричество с подвала до чердаков. Всюду было светло, уютно, весело.

Даже старинные фамильные портреты, покрытые свежим лаком, ожили и смотрели приветливее из своих старых рам.

Красавица, в платье с воротником Екатерины Медичи, казалось, была готова не отставать от молодежи в упражнении в танцах. Она, как живая, улыбалась со стены.

Прекрасный рояль, отличный бильярд, масса самых разнообразных игр и занятий наполняли день.

Книги и журналы всего мира не успевали и просматриваться.

Жизнь веселая и беззаботная была ключом. Каждый вечер замок горел огнями, вина лились рекою.

Разбежавшиеся было гости вновь начали съезжаться.

Смерть виконта Рено была забыта.

Неприятное впечатление от чтения писем неизвестного Д. отошло в область сказок, и никто о них не вспоминал.

Все оживились.

Даже капитан Райт, перебравшись в замок, перестал хмуриться и молчать. Напротив, он показал себя как интересного собеседника и отличного рассказчика. Его охотничьи и любовные приключения могли заинтересовать кого угодно.

Хозяин был весел и обещал все новые и новые удовольствия.

Всем очень понравилась мысль устроить бал-маскарад.

Надо было только заручиться согласием соседей и представителей города.

Это оказалось совсем не трудно, тем более, что Гарри обещал после бала сделать визиты и просить на настоящее новоселье.

Бал-маскараду придавался вид шутки. Новая затея внесла и новое оживление в общество. Обсуждались проекты костюмов, выписали портных, материалы. Ежедневно почта и телеграф несли все новые и новые приказания.

Балу предполагали придать индийский колорит. Конечно, раджою, индийским набобом, должен был быть сам Гарри.

Доктор хотел быть брамином, «дважды рожденным». И как знак своего достоинства требовал толстый золотой шнур.

Джемс соглашался изображать одного из сказочных героев Рамаяны.

— А чем будет капитан Райт? — спросил Жорж К.

— Да ему больше всего подходит быть служителем богини Бовами, — сказал доктор.

Большинство в первый раз слышало имя богини Бовами.

Начались расспросы. Бовами или Кали считается супругой бога Шивы. Шива, это третье лицо индуcской троицы (тримутри). Шива — бог разрушитель, и на алтарях, посвященных его супруге, всегда должна быть свежая человеческая кровь. Постановкой жертв занимается секта тугов или душителай.

— Что? Как? Богиня на алтаре которой никогда не высыхает человеческая кровь! Да это сказки. Вы смеетесь над нами! — слышались голоса.

— Да, но эти сказки многим стоили головы, — ответил серьезно доктор. — Спросите Райта; они с Джемми могут кое-что рассказать.

— Как, капитан Райт, у вас было приключение, которое чуть не стоило вам жизни, и вы молчите... Просим, просим, — кричали подвыпившие гости.

— Что же, я не прочь, — отозвался Райт. — Только одно условие; не просите объяснения, что это было... сон, гипноз, галлюцинация... Я сам не знаю.

— Что тут не знать! Это правда, — вмешался Джемс.

Райт начал.

РАССКАЗ КАПИТАНА РАЙТА

В начале 18... года наш полк стоял недалеко от Дели, как видите дело происходит в Индии. Нам для постоя отвели заброшенный храм и сад какого-то местного бога.

Сад был чудесный, полный тени и роскошных цветов. Тропические деревья: пальмы, музы, чинары, все это переплеталось вьющимися лианами и представляло густую чащу, где змеи и обезьяны спокойно от нас укрывались.

Полковник жил в небольшом бунгало, а нам, офицерам, отвели для помещения самый храм. Что же, это было не дурно.

Толстые каменные стены умеряли жар, а узкие окна давали достаточный приток свежего воздуха.

Мягкие маты и кисейные полога обещали спокойные ночи.

Изысканный стол с обилием дорогого вина дополняли наше благополучие.

Но мы были недовольны; скука, томящая скука пожирала нас. Полное отсутствие общества, книг, а главное женщин.

Дели, с его городскими удовольствиями, хотя и был близко, но ездить туда, в виду беспокойного времени, было почти невозможно: требовалось разрешение командира, и отпуск давался неохотно и на срок.

Мы сильно скучали.

Крупная картенная игра, излишество в вине, соединенная с непривычной жарой — расстраивали наши нервы и воображение.

Рассказы достигли такой фантастичности, что оставалось только молчать и верить.

В самый разгар скуки нас посетил один из старожиллов Индии, бывший офицер, теперь богатый, плантатор и зять одного из раджей.

Он приехал по делу, к командиру полка, но общество офицеров так его просило остаться на сутки и принять от него товарищеский ужин, что он, наконец, согласился.

К вечеру главное зало храма было приспособлено для пиршества.

Если стол и не ломился под тяжестью хрусталя и серебра, зато вся окружающая обстановка имела сказочно-поэтический характер.

Стены помещения были разрисованы фантастическими чудовищами: огромные слоны, пестрые тигры, зеленые змеи и между ними прелестные женщины в самых сладострастных позах. А кругом всех фигур тропическая растительность, где первое место занимали цветы лотоса.

Краски были яркие, свежие, так что при мерцающем, неровном свете свечей весь сказочный мир жил и двигался.

Впечатление жизни еще усиливалось тем, что изображения были нарисованы не на гладких стенах. Одни прятались в глубокие ниши, другие ярко выступали на огромных колоннах, поддерживающих потолок храма.

У северной стены находился мраморный пьедестал, тут когда-то стояла статуя бога, теперь пьедестал пуст.

Пиршество началось обильной выпивкой. Ужин подходил к концу.

Гость наш, до сих пор занятый паштетами, маринадами и вином, в первый раз внимательно взглянул на стены. Он вдруг побледнел и замолчал.

— А у вас, полковник, не пропадают люди? — спросил он внезапно.

Вопрос показался странными.

— За все время мы потеряли 3-х человек. Двух унесли тигры, а один, как думают, утонул, — ответил полковник.

— Ну, это еще милостиво! — как бы про себя сказал гость.

Ужин, или вернее попойка, продолжался дальше.

Скоро языки окончательно развязались.

— Господа, знаете ли вы, где мы пируем? — неожиданно сказал гость.

— Это храм богини Бовами, — продолжал он, — самой кровожадной богини Индии. Она самая прекрасная из женщин, но алтарь ее должен всегда дымиться свежей человеческой кровью: будь то кровь иноземца или своего фанатического поклонника. Не так давно здесь происходили чудовищные оргии. В то время, когда у ног богини, истекая кровью, лежала принесенная жертва, баядерки, служительницы храма, прикрытые только собственными волосами да цветами лотоса, образовывали живой венок вокруг пьедестала. Они тихо двигались, принимая различные позы; то свивали, то развивали живую гирлянду голых тел. Тихая, страстная музыка неслась откуда-то из пространства... Она не заглушала стонов умирающего, а, напротив, аккомпанировала им. Одурающий запах курений обволакивал все сизыми облаками.

Наконец, страдалец испускает последний вздох, музыка гремит торжественно и победно. Танец баядерок переходит в беснование.

Огни тухнут. Все смешивается в хаос.

Все это приезжий говорил беззвучно, смотря в одну точку, точно в забытие.

Он замолк.

Наступила тишина. Точно кровавые тени жертв, здесь замученных, пронесли над пирующими...

Затем посыпались вопросы:

— Откуда вы знаете, что этот храм был посвящен Бовами?

— Разве вы присутствовали на ее мистериях? И т. д.

Гость выпил стакан сельтерской воды и как-то сразу отрезвел. Натянуто улыбаясь, он ответил всем в один раз.

— Господа, не забывайте, что после вашего прекрасного вина остается только пропеть:

Ври, ври, да знай же меру!

В ответ раздался дружный хохот.

Разговор перешел на культ Бовами. Нашелся еще старожил Индии, подтвердивший существование кровавого культа.

— Я только слышал, — сказал он, что главное служение происходит в подземельях храмов, а жертв доставляет секта тугов или душителей. Говорят еще, что в подземельях есть особые помещения, в которых держат живыми запасные жертвы и по мере надобности закалывают их у ног идола.

— Да, в Индии все храмы имеют свои подземелья, известные только жрецам, и нет ничего удивительного, если там существуют и тюрьмы, — сказал кто-то из офицеров.

— Что подземелья, что кровавая богиня, вот бы сюда десяток-другой молодых баядерок, да еще в костюмах из лотоса! — мечтательно произнес молодой прапорщик.

— Ну, этого-то добра всегда довольно, было бы золото, — возразил старожил.

— Вот капитан Райт у нас самый богатый, за деньгами бы он не постоял! — кричал прапорщик.

Я вынул полный кошелек золота и, помахивая им, смеясь проговорил:

— За пару баядерок; кто больше!

Вид золота напомнил о картах. Живо составились партии, и игра началась.

Мы с Джемсом отказались и вышли под колоннаду храма в сад. Бронзовый слуга индус принес нам сигары. Курим.

— Знаете, Райт, в этих сигарах что-то примешано, — говорит Джемс.

Я и сам чувствую какой-то особенно приятный вкус. А главное, после каждой затяжки в голове шумит и куда-то тянет; хочется, а чего — и сам не знаешь. Любви, страсти, приключений. Кровь толчками приливает к сердцу.

Мы сидим в глубоких креслах. В двух шагах от нас начинается непролазная стена деревьев. В темноте блестят два глаза... они смотрят на меня... Не тигр ли? — проносится в мыслях.

Нет. Это человек. Вернее скелет, обтянутый темно-бронзовой кожей, вся одежда которого состоит из лоскута бумажной материи вокруг бедер. Лицо окаменелое; только глаза блестят и живут.

— Кошелек баядерки, тайна, — шепчет он, наклоняясь близко ко мне. Тем не менее, Джемс слышит, соскакивает, хватает меня за руку и говорит:

— Идем, идем!..

Кошелек в ту же минуту в руках соблазнителя. Он прикладывает палец к губам и делает знак следовать за ним.

Мы ныряем в узкий проход между стеной храма и кустарником. Затем входим в храм по боковому входу. Отсюда нам слышны голоса наших друзей и при плохом освещении можно разобрать, что мы позади внутренней колоннады.

Таинственный спутник нажимает невидимую пружину, и большой хобот слона тихо-тихо поднимается, а под ним узкая дверь и крутая лестница

вниз. Лестница вьется все ниже и ниже... Мы в темном коридоре. Где-то вдали мерцает светлая точка.

— Тише, — шепчет проводник, и мы скользим как привидения.

— Ждите, — вновь шепчет он, и мы остаемся одни. Воздух подземелья, пропитанный запахом пряностей, еще больше кружит нам головы.

Время идет, мы теряем терпение.

А свет впереди так заманчиво мерцает.

— Вперед, вперед, — коридор тянется бесконечно, но вот и зало. Огромное, темное, сколько ни всматриваешься направо и налево — видишь только лес колонн, стройные, из черного гранита, украшенным золотым рисунком.

Проходим.

Перед нами занавеси, тяжелая золотая парча стоит как стена. Наверху круглое отверстие, из которого и идет свет, видимый из коридора и который чуть-чуть освещает зало.

— Вперед! — мы за занавесью и стоим ослепленные. Стены из розового, прозрачного сердолика, из них, или через них, льются волны розовато-желтого света; с потолка идут голубые волны эфира и, смешиваясь с розовыми, дают небывалый эффект.

Что-то волшебное.

На полу пушистый шелковый ковер, усыпанный белыми свежими цветами лотоса.

Перед нами небольшое возвышение, пьедестал и на нем стоит женщина неземной красоты.

Она совершенно голая.

Черные густые волосы подобраны сначала сверху, а потом заплетены в четыре толстых косы. На голове корона в виде сияния из самоцветных камней. Две косы висят по обе стороны лица, как рама, и спускаются на пышную грудь; две другие косы висят вдоль спины. Ожерелье и пояс на бедрах также из самоцветных камней. Лодыжки ног обвивают изумрудно-сапфировые змейки, положив головы на ступни.

В руке у ней бесценный голубой лотос.

Драгоценные камни ее наряда блестят и переливаются, но лучше их блестят черные большие глаза. Это чудные, огромные звезды! Коралловые губки плотно сжаты. Линии лица и тела так чисты, так безукоризненны, так прекрасны, что все сокровища голконды не стоят их.

— Кто ты, прекрасная из прекрасных! Будь ты небожительница или исчадие ада — мы твои верные рабы. — И под влиянием опьянения становимся на колени.

Чудное видение улыбнулось и, тихо скользя, приблизилось к нам. Белая ручка поднялась, и голубой лотос прикоснулся к левому плечу каждого из нас. В ту же минуту мы потеряли сознание.

Нас привел в себя адский шум, визг, стоны, завывания. Мы лежим связанными посреди зала с черными колоннами и кругом нас беснуются желтые

дьяволы. В них мы без труда узнали индийских фанатиков, факиров: нечесанные, всклокоченные волосы, испитые лица, тело покрытое ранами и струпами. При красноватом свете факелов, в клубах черного дыма, они были истинными представителями ада.

— Богиня оскорблена! Жертву, жертву, да льется кровь нечестивцев! — можно было разобрать среди визга и стога.

Нас повлекли куда-то; наступила полная тьма.

Опять замелькали факелы, и скоро свет их позволил разглядеть другую картину.

Ужас сковал нас! Перед нами страшная богиня Бовами... сомневаться мы не могли.

Грубо высеченный из темного мрамора истукан женщины. На черной шее у ней ожерелье из белых человеческих черепов; пояс состоит из бахромы ног и рук — тут есть черные, желтые и белые, большие и маленькие, видимо, руки детей и женщин. И все это свежие, не успевшие еще разложиться!

Огромная ступня богини попирает человеческую голову, и в этой голове мы узнаем голову нашего солдата, якобы унесенного тигром, из израненного тела бегут струйки крови, омывая подножие кровожадного идола. Тело еще содрогается последними судорогами.

— Жертву, жертву, — кричат кругом, и через мгновение мы совершенно обнажены.

Смерть неизбежна.

Но какая смерть! Бесславная, постыдная, у ног омерзительного истукана, от ножа фанатика!

Судьба.

Мы лежим рядом: я грызу потухшую сигару. Джемми молчит.

К нам подходит высокий худой брамин. На голове золотой обруч, белая одежда в виде хитона, подпоясана шнурком, в руках широкий жертвенный нож.

Закрываю глаза.

Вдруг наступает мертвая тишина. Жрец, с высоко поднятой рукой, где зажат страшный нож, откинулся назад, на лице изумление и страх. Еще минуту, и нож со звоном катится по полу.

Жрец, а за ним и все остальные падают на колена с криком:

— Избранники, избранники!

Нас осторожно поднимают, развязывают, завертывают в мягкие шелковые одежды и несут прочь.

Вот мы на ложе из душистых лепестков роз; вокруг носятся волны курения. Музыка сладостно звучит.

Перед нами прежняя красавица, но при блеске огней это не живая женщина, а статуя.

Кругом нее целый хоровод прекрасных молодых женщин: это баядерки храма. Ноги и руки украшены браслетами, звон которых мелодично звучит

в ушах. Одежда их только из одних тонких цветных покрывал еще больше усиливает впечатление наготы.

Они пляшут, они подходят к нам и подают янтарные кубки с питьем. Как вкусно, как освежительно оно! Это напиток богов.

Нас окружают, ласкают, увлекают в танцы. Нам вновь подают вино, дарят поцелуи...

— Господин капитан, господин капитан!

Открываю глаза. Передо мной вестовой.

— Господин капитан, приказ от командира, — и он подает мне пакет.

Не могу опомниться, сажусь.

День. Моя спальня. Вот и гамак Джемса: он спит спокойно.

Открываю пакет: приказ о выступлении через несколько часов.

Наконец, соображаю. Сон.

— Джемс, Джемс, выступление, вставайте, пора, — бужу я товарища.

Джемс вскакивает и изумленно смотрит на меня.

— Фу, ты, черт, ведь это сон — наконец произносит он. — Наверное сигары вчера были с опиумом, ну и сыграли они со мной шутку!

Я начинаю расспрашивать.

Джемс рассказывает «мой» сон.

И когда в середине его перебиваю и продолжаю рассказ, он стоит с открытым ртом от удивления и спрашивает, откуда я знаю «его» сон. Дело мало-помалу выясняется; мы видели один и тот же сон до мельчайших подробностей.

Вопрос: возможно ли это?

Наскоро отдав приказание готовиться к походу, мы бросились осматривать стену храма, ища бокового хода. Но стена была совершенно гладкая, не только хода, даже трещины не было.

Осмотрели храм изнутри за колоннами.

Ничего. Много колонн с хоботами слонов, но ни малейшего признака лестницы..

— Ну, а ваш кошелек? — вспомнил Джемс.

Ищу в карманах, на столе, всюду: нет. Спросили денщика, и он подал пустой кошелек, поднятый в зале пиршества одним из слуг.

Вскоре забил барабан и пришлось оставить храм, сделавшийся для нас очень интересным.

Капитан Райт замолчал.

— И это все? — спросил кто-то из гостей, разочарованно.

— Все, или почти все, — ответил Райт.

Только через месяц, купаясь в море, мы увидели с Джемсом друг у друга вот это, — и он, сбросив тужурку, отворотил рукав рубашки.

Все присутствующие увидали на белом плече татуированный рисунок лотоса.

Рисунок безукоризненно изящен и прекрасного голубого цвета.

— Вы нас мистифицируете, капитан — сказал старый гость.

— Помните условие, не просить объяснений, — отрезал сухо Райт, и этим прекратил всякие расспросы.

ГЛАВА II

Наступил день маскарада. С утра все, и гости, и слуги в хлопотах и волнении. Хотя ночь предвидится светлая, так как наступило полнолуние, но все же в саду развешаны фонари и расставлены плошки. Залы, и без того блестящие и нарядные, украшены зелеными гирляндами. Темная зелень дубов и елей еще ярче оттеняет белое электрическое освещение. Во многих комнатах под тенью тропических муз, пальм и магнолий устроены укромные, поэтические уголки. Буфеты ломятся под тяжестью изысканных закусок и вин. Маленькие киоски в виде индейских пагод с шампанским, фруктами и прохладительными, разбросаны всюду. Над главным дамским буфетом красиво спускается флаг Америки. Голубое шелковое поле заткано настоящими золотыми звездами. Зимний сад, по приказу Гарри, только полуосвещен и для прохлады в нем открыты окна. Смит и Миллер летают вверх и вниз, устроявая и отдавая последние приказания прислуге и музыкантам. Кухни полны поваров и их помощников.

Гости тоже в волнении; каждый занят своим нарядом. Оказывается, у одного все еще не доставлен костюм из города; у другого оказались узкими сапоги; доктор ворчит, что золотой шнурок «дважды рожденного» не достаточно толст. Парикмахер и портной завалены просьбами; их рвут на части...

Гарри тоже озабочен: он примеряет костюм набоба. Райт сидит перед ним в кресле с сигарой, а Джемс с усердием хлопочет возле Гарри.

— Отлично, отлично, ты настоящий раджа! Теперь бы вокруг тебя штук десять «нотчей», индусских танцовщиц, — восклицает он.

— А по-моему, не мешало бы побольше бриллиантов и вообще камней на тюрбан и на грудь, — говорит Райт.

— Это правда, — соглашается Гарри, — но где взять теперь?

— Постой, ты, Гарри не открывал шкатулку, что стояла в шифоньере, в комнате умершей невесты, помнишь ту, что мы видели в первый день приезда в охотничий дом, — спросил Джемс. — Она была тяжела и в ней, вероятно, дамские украшения.

— А ведь ты, пожалуй, прав, Джемми, пошли сейчас же за ней Смита.

Сказано — сделано.

Смит отряжен; через полчаса шкатулка привезена. Что за чудная, тонкая работа.

Но молодым людям не до красот шкатулки; они спешат открыть ее. Но открыть нельзя; крышка крепко сидит на своем месте; нет и признаков замка.

Гарри вертит ее из стороны в сторону.

— Какая досада, что я раньше не подумал о ней и не призвал мастера, — сожалеет он.

— Ну мастер-то едва ли бы что тут сделал: замка ведь нет, — говорит Райт, и в свою очередь вертит шкатулку.

— Постой, постой, дай мне! — перебивает Джемс и берет ящик.

Он нажимает что-то, и крышка с мелодичным звоном открывается. Ура!

Увлеченные костюмом, ни Гарри, ни Райт не обратили внимания на то, что Джемс так легко открыл шкатулку. Им не пришло в ум спросить его, откуда он знает секрет замка.

Сам же Джемс только слегка сдвинул брови, что у него было признаком запавшей думы.

В шкатулке несколько отделений-этажей и все они наполнены дамскими украшениями старинной художественной работы: тут кольца, браслеты, серьги, ожерелья и пр. И все лежит на своих местах-выемках.

Порядок образцовый.

В одном из средних отделений не хватает ожерелья из каких-то кораллов или бус. Осталась пустая ложбинка с ямочками. Да в нижнем этаже также большая пустота. Трудно определить, что тут лежало... Скорее всего, что большой дамский гребень.

На месте его лежит тоненькая тетрадка, исписанная женским почерком.

Друзья ее рассматривают и не знают, на каком языке она написана.

— Должно быть по-итальянски, — решает Джемс.

— Это дадим перевести Карлу Ивановичу, а теперь пора выбирать подходящие украшения, — спешит Гарри и кладет тетрадку на место.

Украшения выбраны, и наряд набоба сразу выиграл вдвое.

— Это в самом деле набоб, богач, увешанный драгоценностями, как индусский идол.

ГЛАВА III

Вечер. Ближе полночь. Бал удался на славу! Залы переполнены гостями.

Множество дорогих и интересных костюмов. Шелк и бархат всех цветов и оттенков. Кружева, ленты, бриллианты...

Вот гордая венецианская догаресса в жемчужной шапочке и с длинным парадным шлейфом, который несет голубой паж.

Вот благородная испанка в черных кружевах и с огромным красным веером.

А вот и маленькая японская мусмэ в расшитом цветами и птицами халатике.

Здесь турчанка в шелковых шароварах и белой воздушной чадре.

А сколько боярынь, боярышень, полек, румынок и даже китайенок!

Кажется, все нации мира прислали своих лучших представительниц на этот пир.

Между костюмами мужчин преобладают домино.

Музыка гремит. Танец сменяет танец.

Хозяин, хотя и под маской, но всеми признанный, по богатству костюма раджи, внимателен и приветлив со всеми.

Всюду разбросанные буфеты-пагоды с шампанским, дорогими винами и фруктами не успевают удовлетворять желающих.

Уютные уголки под тенью пальм и муз, где розоватый или голубоватый свет фонарика располагает к излияниям любви, скрывают счастливые парочки.

Джемс, Райт и даже сам доктор ухаживают во всю. Каждый выбрал даму по своему вкусу.

Вскоре после полуночи хозяин входит в главный зал под руку с новой гостьей.

Между публикой пробегает шепот одобрения. И правда, более красивой пары трудно найти.

Но кто она?

Раньше ее не видели, не заметить же ее было невозможно. Она так хороша!

Высокая стройная фигура, маленькая головка с пышными черными локонами, подобранными под большой гребень. Тонкое венецианское кружево заложено за гребень и прикрывает собой лицо, вместо маски, до самых глаз.

Глаза открыты. Это большие черные, полные неги и страсти. Под кружевом можно рассмотреть правильные черты лица, коралловый ротик с белыми острыми зубками.

Незнакомка одета в голубое шелковое платье; материя старинная и фасон средних веков. На шее у ней нитка розовых кораллов. У корсажа пучок пунцовых роз. На пальцах дорогие кольца.

Она идет по залу с видом владелицы замка, едва отвечая на поклоны.

В глазах ее властная, притягательная сила.

Гарри совершенно очарован своей дамой. Он проходит с ней все бальные залы и подходит к главному буфету.

Но на все предложения любезного хозяина незнакомка качает отрицательно головкой.

Умоляя ее отпить из бокала шампанского, Гарри берет ее за руку.

— Боже, какая холодная ручка. Вам холодно! — и он торопливо отдает приказание затопить камин у себя в кабинете.

Кабинет, спальня и уборная хозяина — почти единственные комнаты в этом этаже, закрытые для гостей.

Музыка играет веселый вальс.

Гарри делает несколько туров со своей дамой. Она танцует превосходно, точно скользит по полу, отдаваясь в объятия своего кавалера.

— Довольно, — шепчет она, и Гарри тотчас же останавливается.

Джемс на другом конце зала занят усиленным флиртом с маленькой испанкой в желтой шелковой юбке; он в это время поднимает голову, и взгляд его падает на красавицу рядом с Гарри.

Он слегка вскрикивает и веер, который он выпросил у своей дамы, со стуком падает к ее ногам.

Кое-как проговорив «извините», Джемс бросается через зало к Гарри, но пока он пробирается между танцующими, пара исчезла.

Он хочет бежать дальше... рука Райта его останавливает.

— Джемми, что с тобою, ты бледен как мертвец? — говорит капитан.

— Но это она, она, я узнал ее, пусти меня, — вырывается Джемс.

— Нет. Кто «она», говори, — властно приказывает Райт.

— Та, в голубом платье, из охотничьего дома.

Райт вздрагивает и бледнеет в свою очередь.

— Где она? — тревожно спрашивает он.

— С Гарри под руку, с Гарри, надо предупредить; я чувствую сердцем, Гарри грозит опасность, — взволнованно твердит Джемс, порываясь бежать.

— Да, ты прав; надо искать, надо узнать, кто она? — решает Райт.

Они обегают все залы, невежливо толкая танцующих, нахально заглядывают в уютные уголки, прерывая жаркие признания. И уже готовы спуститься в сад, как Райту приходит на ум спросить камердинера: «Где господин хозяин?»

— Мистер приказал затопить камин в кабинете; вероятно он там, — отвечает Сабо.

— Идем туда!

ГЛАВА IV

Между тем Гарри, окончив вальс, повел свою даму к двери кабинета.

— Я сейчас вас согрею, — шептал он, — там топится камин и никто туда не войдет.

Его тешила мысль остаться наедине с красавицей и упросить ее снять кружево с лица.

Лакей распахнул перед ними двери кабинета.

«Сейчас я увижу ее рядом с собою, — подумал Гарри, — зеркало висит как раз против двери».

Они входят. Что за странность: Гарри видит себя в зеркале, но одного; рядом нет ничего; видно только, как лакей закрывает дверь.

Прежде чем ошеломленный Гарри мог что-либо сообразить, спутница увлекает его на низенький диван, кладет себе под руку мягкую подушку. Она это делает с таким видом, точно бывала не раз в этой комнате.

Грациозным движением вытаскивает розовую сердоликовую булавку и откидывает кружево.

Если через кружево она казалась красавицей, то теперь она была еще лучше.

Гарри позабыл весь мир: он соскальзывает с дивана на ковер, к ногам красавицы, и кладет голову на ручку дивана.

Дама наклоняется низко-низко; Гарри чувствует одуряющий запах лаванды и неизъяснимую сладкую истому. Глаза сами собой закрываются.

Он сознает, как сквозь сон, что холодные пальчики с острыми ногтями, пытаются расстегнуть ворот его костюма...

Вдруг дверь с шумом открывается; это Райт и Джемс, вопреки настоянию лакея, входят в кабинет.

Женщина поднимает голову, и взгляд, полный злости и ненависти, на минуту останавливает молодых людей.

Она встает, а Гарри безжизненно падает на ковер. Он в глубоком обмороке.

Райт бросается к незнакомке, чтобы задержать ее, но уже поздно. Она у двери: портьера скрывает ее.

Друзья, не зовя слуг, освещают и обыскивают все: спальню, уборную — никого. Все двери заперты и заложены изнутри.

Гарри кладут на диван и приводят в чувство. Первое его слово о красавице.

Райт старается уверить его, что он ошибся, что душный воздух зал был причиной его обморока.

— Полноте, я отлично все помню. Она была здесь; вот и подушка, на которую она опиралась; вот и ямка от локтя; затем он быстро нагибается, что-то поднимает и с торжеством, показывая розовую сердоликовую булавку, восклицает:

— А это что? Вы и теперь будете отрицать ее существование! И какая у вас цель? — и ревность, горячая ревность загоралась у него во взгляде.

— Полно, Гарри, только не это! — вскрикивает Райт.

— Мне одно странно, — продолжает Гарри, — когда мы вошли, я не видел ее в зеркале, хотя она и была рядом со мною.

При этих словах Джемс вздрагивает и испуганно смотрит на Райта.

— Все это мы разберем после, а теперь нельзя оставлять гостей одних, — благоразумно замечает капитан.

Гарри послушно поднимается, и все выходят из кабинета.

Джемс берет капитана под руку и шепчет ему:

— А мне эта история не нравится; тут что-то не ладно... И скажи, где я ее видел, а что видел, то это несомненно.

— А заметил ты странность, — продолжал Джемс, — в спальне Гарри, на обеих стенках его кровати есть знак пентаграммы? Видел ты его?

— Пентаграммы? Ты хочешь сказать о том кабалистическом знаке пятиконечной звезды, что, по преданию, в средние века употребляли как заклинание против злых духов.

— Ну, да, — подтвердит Джемс.

— Неужели Гарри сам велел их приделать к спинками? Я ясно рассматривал; они не входят в рисунок кровати, а помещены сверху.

— Не вижу тут ничего особенного, — сказал спокойно Райт. — Знак пентаграммы, видимо, почему-то был любим бывшим владельцем замка. В вещах, перешедших к Гарри по наследству, он часто встречается, и я видел золотую

цепь, на которой висит знак пентаграммы из чистого золота, усыпанный бриллиантами. Вещь в высшей степени художественная, и Гарри сказал, что она нравится ему больше всех остальных вещей и что носить ее он будет охотно.

— Райт, мне необходимо сегодня же говорить с тобою, — заявляет Джемс.

— Хорошо, когда проводим гостей. Смотри, к тебе идет твоя испанка.

— А, ну ее к черту, не до того теперь! — ворчит Джемс.

Веселье, ничем не нарушаемое, царит в залах; гости по прежнему танцуют, пьют, любезничают. Только хозяин стал холоднее; он не замечает ни страстных взглядов, ни вздохов, ни милых улыбок, которыми щедро дарят его красивые и некрасивые особы женского пола.

Он молча бродит по комнатам.

Красавица в голубом платье как внезапно появилась, так внезапно и исчезла, унеся с собой и веселье хозяина.

Джемс тоже потерял охоту к флирту. Он хотя и ходит под руку со своей дамой и говорит любезности, но видимо думает о другом, и сильно озабочен.

Испанка, не зная, как вернуть к себе внимание своего кавалера, предлагает пройтись по саду.

Они спускаются. Сад красиво освещен, но довольно свежо, и публики немного.

Подходят к обрыву. Вся долина залита лунным светом; под ногами блестит озеро.

— Как странно, — говорит испанка, — погода ясная, а по скале тянется полоса тумана.

И правда: с середины горы, кверху, поднимается столб белого светящегося тумана; он ползет выше и выше и пропадает в соседних кустах.

— Если бы я не была с вами, — шепчет нежно испанка, прижимаясь к Джемсу, — я бы боялась этого тумана; в нем точно кто-то есть.

Как будто в подтверждение ее слов из кустов выходит женщина в белом платье и легкой поступью направляется в замок.

Джемс и слегка упирающаяся испанка следуют за ней.

— Кажется, я не видел еще этой маски, — думает Джемс, — и она хороша, не хуже «той».

В зале белую фигуру тотчас же окружает целый рой кавалеров и увлекает в танцы.

Белое легкое платье, как облачко, носится по залу. Золотистые локоны рассыпались по плечам, и их едва сдерживает веночек из мертвых роз. Лицо плотно укутано газом, только большие голубые глаза ясно и ласково осматривают всех.

Маска имеет большой успех.

Но больше всех за ней ухаживает молодой корнет Визе, одетый словаком; он, как тень, следует за ней всюду. Да и она сама, видимо, выражает ему предпочтение.

Так что, понемногу, кавалеры отстают, и словака, с белой дамой предоставляют друг другу.

ГЛАВА V

Начинается разъезд.

Гарри стоит наверху лестницы, откланиваясь и благодаря. Он уже без маски.

Залы мало-помалу пустеют; огни гаснут.

По комнатам быстро проходит молодой человек в костюме паж и спрашивает лакеев, не видели ли его товарища, корнета Визе, в костюме словака, — белая, широкая, с открытым воротом рубашка.

Одни не видели, другие заметили, как он проходил с дамой в белом платье, с цветами в волосах, но где сейчас, не знают.

Паж еще раз пробегает темные уже залы. Визе нет.

«Амурничает в зимнем саду!» — проносится в голове товарища, и он спешит туда.

В саду все погашено, и он освещен только светом луны через огромные зеркальные стекла.

При изменчивом и неверном свете, предметы принимают какие-то неясные и сказочные очертания. Листья пальмы образуют хитрый узор; темный кактус выглядит чудовищем; филодендрон протягивает свои лапы-листья и точно хочет схватить; вот там в углу, под тенью большой музы, точно раскинулось белое, легкое платье; а здесь, от окна, по песку, тянется белая полоса, точно вода.

— Визе, тут ли ты? — окликает паж.

Тихо.

— Фу, как тут сыро, — думает паж, и в самом деле, из темного угла к дальнему открытому окну плывет полоса тумана. Она колеблется и от ветра и лунного света странно меняет очертания; в ней чудятся, то золотистые локны, то голубые глаза... Туман уплывает в окно.

— Визе! — еще раз окликает паж.

Из-под листьев большой музы раздается стон. И то, что паж принял за белое, дамское платье оказывается белым костюмом словака.

Визе лежит на полу и болезненно стонет.

— Что с тобой? — ответа нет.

Испуганный паж бросается в комнаты за помощью и возвращается в сопровождении доктора, Райта и слуг. Приносит свечи.

Визе поднимают и сажают на садовую скамейку. Он бледен и слаб.

На участливые расспросы товарища вначале он молчал, а потом рассказывал какую-то сказку. Он много танцевал, много пил, затем устал и пошел отдохнуть в зимний сад вместе с дамой в белом платье.

Тут он объяснился ей в любви, и она дала согласие на поцелуй.

Газовый шарф был снят. Но когда он наклонился к ее лицу, она так пристально смотрела ему в глаза, что он растерялся и не мог двинуться с места.

Дама закинула назад его голову и укусила его в горло.

Но ему не было больно, а, напротив, такого наслаждения он никогда не испытывал!

С помощью товарища Визе поднялся и, раскланявшись, уехал в город.

— Натянулся паренек-то изрядно! — пошутил доктор.

Когда отъехал последний экипаж, то на востоке уже показались первые лучи солнца.

Все были так утомлены, что через час замок спал так же крепко и повсюду, как и в спящей красавице.

Джемс, желавший немедленно говорить с Райтом, похрапывал так же исправно, как и сам Райт.

ГЛАВА VI

На другой день вечером, все общество собралось в столовую.

Гарри был угрюм несмотря на целую кучу писем и визитных карточек, выражавших благодарность и восхищение за вчерашний роскошный праздник.

Несколько более знакомых лиц явилось лично благодарить его.

— А слышали новость? — спросил вновь вошедшие аптекарь, не успев даже и поздороваться, — умер скоростижно корнет Визе. Я был у него.

— Как, что, расскажите! — послышались вопросы.

Довольный общим вниманием, аптекарь начал:

— Вчера на балу с Визе был обморок.

— Обморок? А я и не знал, — сказал Гарри.

— Да, его товарищ корнет Давинсон нашел его без чувств в зимнем саду, — продолжал аптекарь. Визе был выпивши и бормотал какую-то чушь. Но потом он оправился и они прямо с бала поехали в лагерь в офицерскую столовую. Там обильно позавтракали. Визе был здоров, хотя и очень бледен.

Собирались к часу ехать в город с визитами, но вдруг в 12 часов Визе объявил, что он так устал и так хочет спать, что не в силах держаться на ногах.

И правда, он очень ослабел, так что только с помощью Давинсона добрался до своей палатки и упал на постель.

Больше не суждено ему было с нее встать.

Перед вечером денщик нашел его мертвым. Лицо спокойное, даже радостное, а в кулаке зажата поблекшая мертвая роза-неньфар. Надо думать дорогое воспоминание прошедшего бала, — ораторствовал с азартом аптекарь.

Все сожалели покойного: корнет Визе был еще так молод!

Многие, в том числе и Гарри, спрашивали когда похороны и тут же условились поехать отдать последний долг усопшему.

Только Джемс и Райт угрюмо молчали.

Закурив сигары, они откланялись обществу и вышли в сад на обрыв.

— Ну, что? — первый прервал молчание Джемс. Райт молчал.

— Не прав ли я, дело неладно. Я едва ли ошибусь если скажу, что участь Визе грозила вчера и Гарри.

Райт все молчал.

— Что ты молчишь как истукан — вспылил Джемс.

— Что ты пристал ко мне! Разве я что понимаю в этой чертовщине, — огрызнулся Райт.

— Не сердись, голубчик, подумай, что нам делать, — просил взволнованно Джемс.

— Если бы это были команчи или туги — дело другое; а тут я ничего не понимаю, — хмурясь ответил Райт.

— Но я ее видел, но где, когда? А видел, видел, — не унимался Джемс.

— Ты говоришь «она», а кто она? Дама в голубом платье, а что мы можем о ней сказать?.. Видение в «Охотничьем доме» и вчерашняя маска. Да, быть может, это совпадение! А если предположить, что мы видели ее призраком прежде, чем увидели ее самое. Разве ты не знаешь: «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам!», — задумчиво говорил Райт. — Но где тут опасность? — как бы про себя продолжал он.

— Где опасность? Вот в том-то и вопрос! А что опасность есть, то это я чувствую, чувствую, — горячо убеждал Джемс.

— Да еще бы тебе не чувствовать опасности или преступления, на то ты и Шерлок Холмс, — засмеялся Райт.

— Ладно, посмотрим, кто будет смеяться последним! — сердито проворчал Джемс и круто повернувшись, ушел в дом.

Райт еще долго сидел на краю обрыва, куря сигару за сигарой, машинально следя за колечками дыма, и тяжелое предчувствие томило его сердце.

ГЛАВА VII

После бала прошла неделя. Веселая жизнь в замке плохо налаживалась.

Гарри с утра до вечера делал обещанные визиты, что очень утомляло и раздражало его.

Райт молчал, как истукан, а Джемс, всегда веселый и живой Джемс, просто переродился. Целые дни он сидел у себя в комнате, обложенный книгами и словарями. Причем он тщательно скрывал свою работу.

Только один Карл Иванович имел доступ в его комнату. Да и вообще за последнее время Джемс очень сдружился со стариком и много ему помогал в разборке архива и библиотеки.

Таким образом на доктора и Смита упала вся забота о веселье замковых гостей. Они усердно устраивали облавы на коз и зайцев; ездили с гостями на вечерние перелеты уток; травили лисиц... И все по обыкновению, кончалось обильными ужинами и вином, но все это было не то, не прежнее.

Рассеянность и какая-то нервность хозяина давали себя чувствовать.

Доктор часто ворчал себе под нос:

— И что это с Гарри, влюбился что ли он на балу? Да в кого? Говорят, была какая-то красавица в голубом платье. Не она ли? — соображал толстяк.

Был у доктора и пациент — молодой поденщик, но он не доставил доктору много хлопот: захворал ночью, а к закату солнца и умер.

На вопрос Гарри о причине смерти, доктор ответил:

— А черт его знает, точно угас!

В деревне так же было два случая смерти и так же почти внезапной.

Но так как умирали люди бедные, то никто на это и не обратил внимания.

В обоих случаях Джемс и Карл Иванович лично вызвались отнести помощь, пожертвованную Гарри.

Угнетенное состояние духа хозяина замка заразило, наконец, и гостей. От охот и поездок понемногу начали отказываться или уклоняться.

Доктор выходил из себя не зная, как развлечь общество. Он предлагал то то, то другое; устраивал кавалькады, карты, игру на бильярде и т. д.

Он зорко следил за малейшими желаниями и нуждами гостей.

— Что с вами, — обратился он однажды к маленькому мальчику Жоржу К., — вам что-то нужно, не стесняйтесь.

— Я бы хотел другую спальню, — стыдливо сказал мальчик.

— Почему? — осведомился доктор.

— Видите ли, моя... моя очень холодна, — сказал краснея Жорж.

— Холодна летом? — удивился доктор, но видя, что Жорж покраснел еще более, проговорил:

— Хорошо!

Вечером он увел Жоржа к себе в комнаты и начал расспрашивать.

— Вы не стыдитесь, мой милый, доктору, что духовнику все можно сказать.

— Ах, доктор, как я вам благодарен, но мне, право неловко, — бормотал мальчик.

— Смелее, смелее, я курю и на вас не смотрю, — шутил доктор.

— Еще там в деревне, в гостинице она приходила ко мне, — начал Жорж.

— Кто она?

— Она, красавица с черными локонами и большим гребнем.

— Ну, дальше, — поощрял доктор.

— В «Охотничьем доме» она опять была у меня и оставила голубой бант, вот этот, — и Жорж вынул из кармана голубой шелковый бант.

Доктор взял его и рассмотрев весело захохотал.

— Жорж, милый, да ведь это тот самый бант, который наш повеса Джемми преподнес вам в день осмотра замка. Припомните.

— Но я его бросил, — пробормотал мальчик.

— Что из этого, кто-нибудь из слуг видел шутку Джемми и отнес бант в вашу комнату. У нас очень строго следят за чужими вещами, — проговорил доктор, — мистер Гарри в этих случаях неумолим.

— Не знаю... быть может... вы и правы, доктор, но... — и Жорж замолчал.

— Ну, а еще видели вы ее?

— Да, видел.

— Как, где, когда? — торопил доктор.

— Вчера, в моей спальне. Она еще похорошела и говорит, что любит меня и даст мне счастье, — совсем застыдившись, проговорил Жорж.

Доктор молчал.

— Она даже обняла меня и хотела поцеловать, но потом раздумала и спросила: зачем я ношу вот это, — и при этих словах Жорж показал черные мелкие четки с крестиком. — Это благословение бабушки: она привезла из Рима, — пояснил он.

— А еще она обещала подарить мне розу.

— А потом что было? — спросил заинтересованный доктор.

— А потом... потом я уснул, — сказал конфузливо Жорж. — Мы так много играли в этот день в лаун-теннис, и я был очень уставшим, — прибавил он.

— Знаете, Жорж, ложитесь сегодня у меня в кабинете на кушетку, на которой сидите. Спальня у меня рядом и дверей нет, а только одна портьера. Так что мы не стесняя один другого будем спать, как бы в одной комнате.

Жорж с видимой радостью согласился.

Приготовили постель.

Доктор, по обыкновению, запер дверь на ключ и ушел в свою спальню.

Он, благодаря кочевой, полной приключений жизни, привык спать чутко и вот среди ночи ему слышались шаги и подергивание двери, ключ от которой лежал на его письменном столе.

Доктор живо встал и заглянул за портьеру.

Жорж стоял у двери и старался ее открыть. Глаза его были плотно закрыты.

— Э, да ты, голубчик, лунатик, — прошептал доктор. — Это интересно.

Жорж между тем вернулся к кушетке и лег на нее.

Доктор подошел к окну, отдернул занавесы и открыл одну половинку. Лунный свет наполнил комнату.

— Понаблюдаем! — решил доктор и уселся в кресло в своей комнате так, чтобы видеть кушетку и окно.

Жорж спал спокойно. Незаметно для себя уснул и доктор.

.....

Рассвет застал доктора в кресле. Протерев глаза он вспомнил приключения ночи и первым делом подошел к кушетке.

Жорж спал тихо и спокойно, на груди у него лежала свежая пунцовая роза.

Доктор взял ее, повертел и поставил в вазочку на свой письменный стол.

— Досадно, что я не видел, как он ухитрился вылезть в окно и спуститься в сад, а что он лунатик и ходит ночью — доказательство налицо, — бормотал доктор.

Доктор оделся и тогда уже начал будить Жоржа.

— А, это вы, доктор, как я рад! — потом поискав вокруг себя Жорж спросил:

— А где же роза?

— Какая роза?.. — притворился доктор не понимающими.

— Она была, дала мне розу, вот такую же, как стоит на вашем столе, и велела снять вот их. — Он указал на четки.

— Полноте Жорж, ни розы, ни красавицы не было. А дам я вам сегодня перед сном прием морфия.

— Не говорить же ему, что он лунатик! — подумал доктор.

— А теперь нас с вами ждут к кофе. Торопитесь.

ГЛАВА VIII

День прошел, как всегда.

Вечером доктор уговорил Жоржа выпить снотворное, а сам все же решил караулить.

— Интересный субъект!

Жорж быстро заснул. Отворив окно и отдернув занавесы, доктор занял свой наблюдательный пост.

Чтобы не заснуть, как вчера, он начал курить. Дремота его одолевала, а потому клубы дыма становились все гуще и гуще.

И вот ему чудится, через сизый дым, что в соседней комнате стоит женщина, с темными волосами и розами на груди.

Хорошо рассмотреть он не может, дым клубится и перемещается, закрывая фигуру.

Что это? Она у кровати Жоржа, становится на колени, целует его...

На доктора напала слабость...

Наконец он очнулся. В комнате темно, луна уже зашла.

— Черт знает до чего докурился! До обморока, вот дурак, — шепчет он и в то же время слышит стон Жоржа.

— Вот и парня, должно быть, закурил! — он берет спички и зажигает свечу.

Жорж лежит на кушетке и по временам тихо стонет.

Доктор наклоняется и видит на груди, на рубашке, несколько капель крови. Тут же лежит судорожно сжатая рука, в которой крепко зажат стебель алой, свежей розы.

Доктор стоит в недоумении... опять значит ходил, значит обморок мой был продолжителен — соображает он.

А кровь на рубашке, откуда она? Ну, это просто, розы имеют шипы, — решает он.

Отобрав цветок, доктор запер окно и завалился спать.

Утром Жорж встал первым. Он был бледен, слаб и как-то рассеян. На вопросы доктора отвечал нехотя и уверял, что он вполне здоров.

Во время кофе из деревни принесли известие, что ночью опять скончался один рабочий.

Джемс и Карл Иванович всполошились и тотчас же собрались идти в деревню, отнести помощь. Они просили Смита выдать ту, сумму, какую назначает мистер Гарри в таких случаях.

Жорж К. попросил взять его с собою. Хотя и неохотно, но Джемс дал свое согласие.

Пошли. Дорогой не говорили, шли молча, каждый занятый своей думой.

В деревне им указали, где был покойник. Старая, покосившаяся избушка, беднота была страшная и глядела из всех углов. Усопший лежал на лавке.

— Отчего он умер? — спросил Джемс, передавая денежную помощь от владельца замка.

— Не знаю, сударь, лег здоровехонек, а не встал больше! Божья воля, — отвечала, заливаясь слезами, сестра покойного.

— У вас, конечно, есть колодец, — принесите мне, пожалуйста, воды, — сказал Карл Иванович.

Женщина вышла.

В ту же минуту Джемс и Карл Иванович бросились к покойнику и приподняли ему голову.

Они оба ничего не сказали, а Жорж о присутствии которого они забыли, заметил:

— Да у него на шее такие же ранки, как и у меня.

— Что, у вас ранки на шее? Покажите! — властно сказал Джемс, подходя к Жоржу.

Жорж поднял голову, и показал две небольшие ранки с белыми краями.

Джемс и Карл Иванович побледнели хуже мертвеца, лежащего на лавке, они стояли молча, как пораженные громом.

Их заставил очнуться приход хозяйки с водой.

Не прикоснувшись даже к кувшину, они заспешили домой.

В обратном пути в замок, они ловко выпросили Жоржа об его снах и о том, что он спит в комнате доктора.

О ранках он сообщил, что заметил их сегодня утром, что они не болят, а откуда явились, он и сам не знает.

Доктора дома уже не было, он уехал с большой компанией на рыбную ловлю и довольно далеко верст за пятнадцать.

— Вернутся не раньше ужина, — докладывал слуга.

Карл Иванович и Джемс не запирались сегодня в библиотеку, а целый день провели с Жоржем К. не оставляя его одного ни на минуту.

Вечером, к обществу неожиданно присоединился и сам хозяин дома, благодаря этому ужин прошел много веселее обыкновенного.

— Когда же вы, Карл Иванович, побалуете нас продолжением сказки о вампирах? — спросил Гарри.

Карл Иванович молчал.

— Неужели так-таки и нет никакой разгадки этой истории? — продолжал хозяин.

— И охота, тебе, Гарри, вспоминать всю эту чепуху? — перебил Джемс.

— Устроил бы ты, пока лето не прошло, Венецию на озере или сельский праздник, — добавил он желая замять разговор о вампирах.

— А потом я опять должен буду делать визиты, — благодарю тебя, — сморщился Гарри.

— А кто тебе велит приглашать знать, ты собери деревенских красавиц, — это пожалуй будет еще поинтереснее, — сказал Райт.

— Вот идея, так идея! — зашумела молодежь.

Посыпались проекты, предложения... Джемс не участвовал в их обсуждении: он был доволен, что отвлек внимание общества от разговоров о вампирах.

Устройство праздника решено не откладывать в долгий ящик, а воспользоваться последними лунными ночами.

Когда все расходились по спальням, Джемс попросил у доктора разрешения зайти к нему выкурить сигару.

— Мне привезли новые, и я жду твоего мнения о них, — сказал он.

— Заходи, голубчик, я даже очень рад, но курить, извини, не буду. — Вчера я закурился до обморока, а это доктору совсем не пристало.

— Как до обморока, — удивился Джемс.

— Хуже, до видений! — ответил врач. — Надень халат и приходи, я расскажу тебе.

— Хорошо, сейчас.

ГЛАВА IX

Жорж К. мирно спит на кушетке. Доктор и Джемс тихо беседуют в соседней комнате. Огня нет.

Комната Жоржа освещена луной, так как занавесы подняты и окно открыто. У доктора же совершенно темно, и только огонек сигары, которую курит Джемс, блестит крошечной звездочкой.

Доктор тихонько смеясь уже успел рассказать свое «видение» и сообщить товарищу и о лунатизме Жоржа, в котором он вполне убедился.

Джемс слушал молча не спуская глаз с Жоржа.

— Ну, что же ты скажешь? — наконец спросил доктор.

— Тише, молчи, — чуть слышно прошептал Джемс.

Наступила жуткая тишина. Не прошло и пяти минут, как Джемс приоткрылся к руке доктора, точно приглашая быть внимательным.

На окне, ногами в сад, сидит женщина. «Кто из служанок замка смеет быть такой нахальной?» — думает доктор.

Красивая головка, с высоко подобранными локонами, не напоминает ни одной из них. Женщина оборачивается — положительно такое лицо

не может принадлежат служанке. Как-то легко и незаметно, и ноги женщины уже в комнате.

Она встает. пышное платье облегает стройную фигуру, на высокой груди букет алых роз.

Вот она скользнула к кушетке, положила руку на голову Жоржа, склонилась к нему, — он тихо болезненно застонал.

Джемс вскочил и бросился в кабинет, с явным намерением схватить незнакомку.

Она поднялась и пошла к нему навстречу раскрыв объятия.

Она была ослепительно прекрасна. Впечатление портили только губы, красные как свежая человеческая кровь.

Джемс остоленел. Он рассчитывал преследовать, а она сама шла к нему! Еще минута и она обнимет его, и прильнет к нему, этими красными кровавыми губами...

Жутко, и нет сил тронуться с места.

Она положила руки на плечи Джемса, но вдруг отдернула, и с удивлением и с почтением на прекрасном лице прошептала:

— Простите, я не знала... Я бы не осмелилась...

И она как облако, качнулась в сторону, еще мгновение и за окном мелькнуло ее платье и все растаяло в лучах месяца.

Жалобный стон Жоржа привел в себя доктора и Джемса. Они оба подошли к кушетке.

Раскинув руки и запрокинув назад голову лежал бедный мальчик. На шее ясно виднелись кровавые ранки, из которых еще и сейчас сочилась кровь.

Доктор хотел его разбудить, но Джемс остановил его:

— Зачем? Теперь он будет спать спокойно и безопасно.

Потом он повернул Жоржа на бок и закрыл его одеялом.

— А теперь, твое мнение, доктор?

— Из твоего поведения я заключаю, что и у тебя была та же галлюцинация, что и у меня, — сказал доктор. — Это очень интересное явление. Видение...

— А это то же видение, а не действительность? — спросил насмешливо Джемс подымая и подавая доктору измятую и сломанную под самый корешок алую розу!

ГЛАВА X

На завтра Джемс собрал, как он выражался, военный совет.

Совет состоял из доктора, капитана Райта, Карла Ивановича и самого Джемса.

Заранее Джемс познакомил Райта с приключениями прошедшей ночи, а от него взял разрешение рассказать о видениях в охотничьем доме.

Совет заседал в комнатах доктора и после небольшого вступления Джемс торжественно произнес:

— Теперь вопрос, что мы должны делать? Опасность грозит каждому из нас, а главное, она грозит Гарри, нашему любимому товарищу, человеку, которому мы все так много обязаны.

— Джемми, ты хватил через край, какая опасность может грозить Гарри, он не нервная женщина, чтобы испугаться привидения из тумана, — протестовал доктор.

— Какая опасность, да самая простая, — ответил Джемс, — опасность умереть.

— Что за чепуха! — бормотал доктор.

— А ты исследовал ранки на шее Жоржа К.? Отчего они по-твоему? И опасны ли? — сыпал вопросами Джемс.

— Должен сознаться, ранки довольно странные, но отнести их к области болезней, а тем более опасных, уж извини, не могу, — ответил доктор.

— А что ты скажешь, если у умершего на балу Корнета Визе, нашего работника в замке и у трех поденщиков, умерших в деревне, были такие же ранки на шее? — продолжал Джемс.

— А кто их смотрел и кто тебе об этом сказал, — спросил доктор.

— Видели эти ранки мы сами, с Карлом Ивановичем, затем мы и на деревню ходили, чтобы проверить свои наблюдения.

— Да, мистер Джемс говорит правду, — подтвердил Карл Иванович.

— Ну, а какой вывод? — спросил доктор.

— А тот, что во всех пяти случаях смерти, ранки были ее причиной и не подоспей мы вовремя, бедный Жорж К. был бы также мертв.

— Помилуй Джемми, что ты говоришь, — вскочил доктор со своего места.

— Я утверждаю, понимаешь, утверждаю, больше. Виконт Рене, каменщик, и слесарь погибли от той же причины, — серьезно сказал Джемс, — к сожалению, я не осматривал их шеи, но уверен, что ранки и там были...

Доктор озабоченно подошел к Джемсу и положил руку на голову.

— Жару нет, — прошептал он, — и пульс нормальный.

— Не бойся, голубчик, я сума еще не сошел и не хвораю белой горячкой, — улыбнулся Джемс.

— Ну, а если ты нормален, так говори же, черт тебя возьми, в чем тут дело, не строй из нас дураков, — разозлился доктор.

— Сиди и слушай, — приказал Джемс.

— Итак, господа, у нас и в окрестности появилась смертность и очень странная, люди умирают, заметьте, молодые и здоровые, почти внезапно и единственный признак — две маленькие ранки на шее. Ранки эти, мы с Карлом Ивановичем их осматривали, кровотоочивы и с белыми краями, можно сказать, точно обсосанные. Кто-то или что-то их наносит и выпивает кровь.

Доктор сердито передернул плечами.

— Теперь вопрос, кто это? — продолжал невозмутимо Джемс. — Объяснения нам надо искать в тех письмах и дневниках, что читал нам Карл Иванович, в охотничьем доме, как сказки и о которых все уже давно забыли.

— Джемми, я не могу, — не выдержал доктор, — ведь знаменитые дневники учителя — ни что иное, как бред сумасшедшего, он даже сам пишет, что на него надевали сминительную рубашку.

— Хорошо, ты прав, это сумасшедший, оставим его в стороне. Обратимся к письмам, — согласился Джемс. Если ты их так же внимательно прочитаешь, как это сделали мы с Карлом Ивановичем, ты убедишься, что подобная смертность посетила уже здешний замок. И владелец замка прямо называет, что причиной были вампиры.

Доктор опять не выдержал:

— Джемми, Джемми, помилосердствуй, в наш 20-й век, вампиры, эти средневековые сказки!

— Да, — прервал Джемс со строгим и холодным лицом... — Я утверждаю существование вампиров в наш 20-й век. И эти письма не средневековые сказки, а страшная, роковая действительность.

— Один раз уже поднимался вопрос, что письма эти писаны из здешнего замка и был отвергнут, уже по одному тому, что тогда они физически не могли бы быть в замке, — все еще защищался доктор.

— А разве ты не помнишь, что в последнем письме говорится о приезде друга в замок? — спросил Джемс. Что для его приезда готовится лесной дом лежащий у подножия замковой горы и, наконец что письма найдены Карлом Ивановичем в нашем охотничьем доме. Не прост ли вывод, что адресат привез их с собой.

Доктор был сбит с позиции и молчал.

— Я думаю, вернее я убежден, — продолжал Джемс, что подпись Д. означает не Джеронимо, не друга, а просто Дракулу, т. е. графа Дракулу, владельца замка.

— Но ведь у нас нет каменного гроба из Америки, ты сам говорил это, — опять возразил доктор.

— Ну, и дался тебе этот гроб, а второй склеп, где похоронены только отец и мать, так называемый «новый склеп», разве он не стоит американского гроба. А обрыв, откуда видно озеро, и куда доносится вечерний звон из деревни. А дамские комнаты в охотничьем доме, приготовленные для невесты итальянки, помнишь: прощай мечта и несколько тысяч дукатов. А наконец, японская шкатулка, разве это не та самая шкатулка римской императрицы, что Дракула купил для своей Риты. Ведь яблоко, входя в клюв птицы, открывает крышку. Это тебе может и Райт подтвердить. — Спеша сыпал фразами Джемс.

Райт усиленно молчал и курил.

Доктор не находя поддержки, беспомощно смотрел на всех.

Молчание прервал Карл Иванович.

— В церковном архиве, — сказал он, в книгах о похоронах записано, что эту местность два раза постигла эпидемия, с большим процентом смертности, эпидемия в свое время не была определена врачами. Первый раз это было в год смерти молодой графини Дракулы, а другой раз, много позднее.

— Ну, а теперь, эта эпидемия наступила в третий раз, как и почему, вопрос другой, но она наступила, опасность налицо, и мы должны, мы обязаны бороться с ней, мы должны спасти Гарри, себя, да и окрестное население в праве ждать от нас помощи, — пылко говорил Джемс.

— Все это прекрасно, Джемс, — но кто же враг, — спросил доктор.

— Да говорю же вам — вампиры.

— А что такое вампир? Где он? И как с ним бороться, воля твоя, Джемми, — Я не понимаю, — печально произнес доктор.

ПЕРЕВОД КНИГИ

— Что такое вампир, дает объяснение, до некоторой степени, конечно, вот эта книга о ламиях или живых мертвецах, — сказал Джемс, указывая на книгу в старинном кожаном переплете.

— А, да, это та книга, что подарил тебе Гарри, я знаю ее! — перебил Райт.

— Да, та самая. Мы с Карлом Ивановичем, по возможности, перевели ее, говорю, по возможности, так как надо сознаться, это чертовски трудно. Она написана старым латинским языком, с кучей специальных выражений, да и толкует о предмете для нас и так непонятном.

— Не мертвые, как она зовет их, для нас что-то необъяснимое, ненормальное. Но самое присутствие подобной книги на письменном столе владельца замка, наводит на много мыслей и говорит само за себя.

— Ну, а что ты почерпнул из этой книги, — нетерпеливо перебил доктор.

— А вот, сейчас, — сказал Джемс, — только повторяю, тут много нами еще не выяснено и даже не понято.

— К делу, к делу, — торопил доктор.

— Древние ламии, — это такие существа, — начал Джемс, — вернее, это умершие люди, которые могут выходить из могил, являться живым и принимать участие в жизни, — в большинстве случаев, вмешательство это злобное и приносит несчастье.

Не мертвые, вампиры, — это разновидность ламий. Они также встают из гробов и сосут живых людей.

Они могут жить века и чем дольше живут, тем становятся могущественнее. С каждой засосанной жертвой сила их растет, также растут и знания.

Они могут обращаться в некоторых животных: в кошек, в летучих мышей, в змей и т. д., могут окружать себя туманом или даже обращаться в туман. Любят лунные ночи и по лунному лучу плывут как по реке.

Зубы у них длинные, острые, пальцы тоже длинные с острыми ногтями, дающие им возможность ползти по отвесным стенам.

Чем сильнее вампир, тем он легче усыпляет свою жертву своим взглядом или прикосновением. Самый сильный человек под взглядом такого вампира

делается совершенно беспомощным: никакая храбрость тут не поможет, — человек засыпает против своей воли, — и тогда он верная жертва вампира.

Вампир засасывает в один, в два приема, реже в три-четыре. Первый раз самый трудный: жертва боится и сопротивляется. Зато потом это легче, больной ждет и желает прихода мучителя...

Иногда вампир влюбляется и тогда засасывание идет очень тихо, он наслаждается понемногу, сберегая дольше жизнь любимого существа.

В таких случаях жертва сама становится вампиром, в других же случаях — это редкость. Любовь всегда бывает между мужчиной и женщиной, засасывать же могут без различия пола и возраста. Но замечено, что предпочтение отдается детям и молодым людям.

Вампиры предпочитают ночи, особенно лунные, но могут ходить и даже сосать и днем, но это уже более сильные или же живущие давно.

Многие животные им подчиняются, но все их чуют и боятся, особенно их ненавидят лошади и собаки, эти друзья человека. Они точно угадывают в них врагов.

Самые могущественные вампиры могут управлять до известной степени, конечно, явлениями природы, как-то: ветром, тучами, туманом и т. д.

Слабая сторона всех вампиров, это то, что каждый из них должен иметь свой приют и лежать в нем, в виде мертвеца, в продолжение известных часов.

В эти часы, они, т. е. вампиры, в свою очередь совершенно беспомощны, а потому и стараются тщательно скрывать свое убежище и даже иметь их по несколько.

Убежище должно быть вблизи района походов вампира, иначе он рискует, что роковой час застигнет его вдали от убежища. Заснуть же не в своем месте крайне опасно.

Старые, опытные вампиры могут вселяться в свои портреты, но это не надолго.

При успехе в похождениях, т. е. когда жертв достаточно, вампир молодеет и хорошеет. Только красноватый отблеск глаз и яркие, алые губы портят впечатление.

Если почему-либо вампиру приходится скрываться, как бы говоря, голодать, он бледнеет, сереет, делается мало подвижен и страшно зол.

Но все-таки он может по несколько лет лежать прикованным к месту, — благодаря заговору и разным заклинаниям, — и все же оставаться, так сказать, живым. При первом же случае он ускользнет и вновь набросится на живых людей.

Время, когда вампир проводит в своем гробу, или, как это называется «вампирический сон», определить трудно. Или сам автор книги не знает этого вполне, или мы с Карлом Ивановичем неправильно толкуем.

Только в этом вопросе много разногласий.

Быть может для разных местностей и для разных субъектов, т. е. для субъектов разной вампирической силы, оно различно.

Во всяком случае оно вертится около восхода и захода солнца. Любимый же час вампиров, это двенадцать часов ночи.

У вампиров есть что-то вроде иерархии, они преклоняются перед сильнейшими. Но кто эти сильнейшие опять не разберешь, в одном месте выходит даже, что это древние боги, которым приносились человеческие, кровавые жертвы.

Одно место можно перевести так: «неповиновение наказуется, или отбитие намеченной жертвы наказывается». Но как и кем, понять невозможно.

Есть, вернее были в древние времена великие кровопожиратели, перед ними склоняются все вампиры, ламии и прочие живые покойники.

Узнать вампира легче ночью, чем днем. Ночью несвоевременность и неуместность появления часто указывает на его существование. Так, например, появление молодой женщины в спальне мужчины, или наоборот.

Днем умных вампиров отличить очень трудно, они отлично имитируют живых людей.

Их главный признак: они ничего не едят и не пьют. Более внимательный наблюдатель может заметить, что ни при солнечном, ни при лунном свете они не отбрасывают тени. Кроме того, вампиры большие враги зеркал. Они всегда стремятся их уничтожить. Это потому, что в зеркале не видно отражения вампира и это выдает его.

Вот все, или почти все, что нам удалось разобрать в этой книге.

Тут много рассуждений автора, примеров, но все это несущественно.

Главные же вопросы, когда вампиры более всего беспомощны и кому подчинены, самые неясные, самые запутанные.

ГЛАВА XI

Джемс кончил и замолчал. Молчали и все остальные.

— Что же мы должны делать? — спросил доктор.

— Ясное дело, раз мы убедились в существовании вампира, мы должны найти его убежище и в часы его «вампирического сна», когда он беспомощен, уничтожить его. Это наш священный долг, — горячо проговорил Джемс.

— Ты прав, но как это сделать? — сказал Райт.

— Тут нам помогут письма графа Дракулы и еще кой-какие бумаги, мной найденные, — вмешался Карл Иванович.

— Джемми, ты уже признанный Шерлок Холмс, так подумай и скажи, что нам делать, мы будем тебя слушаться, — покорно предложил доктор.

— Спасибо, за доверие, — поклонился Джемс.

— Итак, я начинаю, — сказал он, немного подумав. — Из письма Карло или графа Дракулы мы знаем, что мать его была вампиром, а следовательно и умерла от вампира.

Кто погубил ее, сказать не легко. Быть может, это старый слуга из Америки, исчезнувший так таинственно; быть может, покойник, привезенный под именем дедушки графа; не даром же в ночь заболевания, она видела старика графа во сне, кто знает, быть может, это и не был сон. Можно предположить, что и змея имела тут свое значение. Я, по крайней мере, склонен думать, что слуга-американец и покойник в гробу — одно и то же лицо.

— Меня самого сбивает очень то, что гроб, о котором так много говорится в письмах, не существует больше. Мы с Карлом Ивановичем внимательно обыскали весь склеп и ничего подходящего там нет, — печально сказал Джемс.

— Во втором склепе, открытием которого мы обязаны тебе, доктор, его тоже нет.

— Ты называешь «вторым склепом» тот, где я нашел мертвеца?

— Конечно, ведь в письме он прямо назван новым склепом, где похоронили графиню, и что он находится в горе.

— Мне даже кажется, ты уж прости меня, — проговорил Джемс, протягивая доктору руку, — что ты виновник появления вновь вампира.

— Что за чушь! — вскричал доктор.

— Нет, ты последи, — не унимался Джемс, — ведь до твоего несчастного приключения все было спокойно, мы не слышали о смерти кого-либо, а тем более о внезапной и ничем необъяснимой, а после твоего падения они посыпались, как из рога изобилия: первым умер каменщик, унесший голову разбитой богини, а...

— Постой, постой, — перебил доктор, — ты хочешь сказать, что я открыл вход, быть может, и заговоренный (вот чушь-то я несу, — пробормотал он про себя), и выпустил вампира, но ты забываешь, мой милый, что в склепе был другой путь через скалу, через нее мог пройти не только твой вампир, но даже пролез целый человек, скелет которого мы и нашли.

— В дневнике учителя говорится о девах с озера, а так как мы, — доктор принял комическое выражение, — не верим в дев с озера, а верим в вампиров, то значит они были свободны и до нас.

— Не смейся, доктор, — сказал Джемс, — в дневнике сумасшедшего много ценных указаний.

— Я сопоставлял письма с дневником и пришел к такому выводу: мы читали вначале дневник учителя, а затем письма, тогда как хронологически их порядок, как раз наоборот. Вначале явилась графиня-вампир, а затем уже погиб учитель. Такой порядок событий подтверждается еще слугой Петро.

Молодой граф Дракула часто в своих письмах упоминает о старосте Петро, из них же мы знаем, что он ушел на богомолье.

Если предположить, что он вернулся в то время, когда молодой граф с женой или невестой покинул замок, хотя бы из страха перед вампирами...

Карл Иванович хотел вмешаться в разговор, но Джемс не дал ему и рта разинуть, а с азартом продолжал:

— Замок был заброшен и остался пустым, а Петро поступил в церковь звонарем, делал кресты и сажал чеснок. Это вполне логично.

Я думаю, что не ошибусь, если предположу, что скелет, найденный нами в новом склепе, принадлежит никому иному, как бедному сумасшедшему учителю, Петру Доричу.

Его дневник обрывается на том месте, что он идет куда-то в гору на свидание, а больничная запись подтверждает исчезновение сумасшедшего и бесплодные поиски его трупа.

Скелет был одет, как сам ты, доктор, сказал, в какую-то хламиду или халат — ясно, это был больничный халат.

Про волосы, ты тоже сам говорил, или обриты, или съела моль, теперь нет сомнения, были обриты, как и у всех сумасшедших.

— Гарри твоего же мнения, — перебил доктор, — он приказал похоронить скелет под именем Петра Дорича.

— Ну, вот видите, это только подтверждает, что я на правильной дороге, — сказал довольный Джемс.

— Теперь дальше...

— Ты хочешь сказать, — опять перебил доктор, — что бедняк, в припадке сумасшествия, забрался через расщелину в склеп, там уснул под влиянием опиума, а затем от слабости, истощения, а, быть может, и от голода и умер.

— Нет, я предполагаю несколько иначе: учитель в припадке забрался в склеп и там наступила минута ясного сознания. Он понял не только ужас своего положения, но и ужас, который грозил всей его родной деревне. Он пожертвовал собой вампиру, но в то время употребил какие-либо меры, которые легко мог знать от старого Петро, чтобы не выпустить больше вампира и сам, как верный сторож, остался у входа в расщелину.

— Фу, как это поэтично! — не утерпел доктор.

— Я это только предполагаю, а не утверждаю, — немного сконфузился Джемс.

— Может быть было и так: Петро проследил учителя и заговорил выход из горы сам, я не сомневаюсь, что он мог это сделать.

Результат один: выход был заговорен, а вот мы своей неосторожностью открыли другой.

— Ну, теперь выводы, — продолжал Джемс, — мы установили, что вампир существует, мы знаем его убежище, знаем приблизительно часы его вампирического сна, вернее говоря, его беспомощности, и мы должны его уничтожить!

— Да, уничтожить! — повторили все.

В ту же минуту раздался сильный стук и брэнчание разбитого стекла.

Присутствующие невольно вскочили на ноги.

— Что это?

Оказалось, стукнула одна из створок открытого в сад окна и от сильного удара вылетели все стекла.

— Верно, от ветра, — сказал Карл Иванович.

— Помилуйте, Карл Иванович, да ни один лист в саду не шелохнется, — вскричал Джемс, — а мы попались, как глупые мальчишки, нас подслушали. Итак надо спешить.

— Сегодня же я иду в город — заявил Джемс. — И привезу, что надо, а завтра в час заката солнца мы спустимся в склеп, откроем гроб и мы с Райтом вобьем осиновый кол в сердце прекрасной графини.

Дальше: пока же мы должны охранять жизнь Гарри и маленького Жоржа К. Первого передадим капитану и в помощь ему предоставим доктора, а второго буду караулить я сам. Посидеть на окне в летнюю ночь очень приятно, а два-три часа сна после восхода солнца для меня совершенно достаточно. Сегодня же, во время моего отсутствия, за Жоржем понаблюдает Карл Иванович. Итак, на борьбу, господа, — закончил торжественно Джемс.

— Мы с тобой, — ответили остальные.

— Мужайтесь, мы будем победителями, — продолжал Джемс.

— Почему ты так уверен? — спросил Райт.

— Среди ночи серебристый голосок мне твердит: «боритесь, я вам помогу», — ответил Джемс.

— Ну, а мне тайный голосок твердит: «есть, хочу!» — серьезно добавил доктор.

Все засмеялись и настроение сразу переменялось.

ГЛАВА XII

На другой день, отказавшись под каким-то предлогом от увеселительной прогулки, Джемс с друзьями отправился к склепу. Время было за час до захода солнца.

На ступенях, у ног статуи, нашли приготовленные Джемсом инструменты: лом, кирки для отбивания кирпичей, щипцы, для отвинчивания гробовой крышки, осиновый кол, фонари. Статуя была отремонтирована и стояла на своем месте, с большим трудом ее сняли, еще с большим трудом открыли подъемную дверь. Джемс с фонарем спустился первый, за ним остальные.

В склепе была полная темнота, так как расщелина в скале была тщательно заделана. Когда осветили стену, где, по словам доктора, надеялись увидеть белую мраморную доску с надписью: Фредерик и Мария из знаменитого рода графов Дракула, то остановились пораженные.

Вместо белой мраморной доски — чернело два углубления. Гробы же исчезли!

Доктор протер глаза. До сих пор на все затеянное он смотрит как на шалость школьников, теперь впервые он почувствовал холодок в сердце. Разве не сам он, своими собственными глазами видел мраморную доску, да вот она и стоит в углу. Где же гробы? Кто и зачем мог их взять?

— Опоздали! — проговорил Джемс и голос его сорвался.

Молча выбрались из склепа и все привели в порядок.

Все как-то почувствовали нешуточность предприятия и невольно молчали.

Первым очнулся Джемс.

— Вперед наука, не говорить в таких местах, где легко могут подслушать, лучше всего говорить на закате солнца как сейчас.

Дело осложнилось, приходится искать.

— Странно однако то, что без ведома Гарри такие вещи не делаются, а прежде он не имел от нас секретов, все его распоряжения были нам известны, — задумчиво прошептал доктор.

— А главное то, если он умолчал, то спрашивать его не тактично, да и чем объяснить, что мы спускались в склеп, — прибавил Джемс.

— Стойте, тут без Смита не обошлось, а я его приструню, — оживился Джемс.

Но Джемс ошибся; на этот раз и дело оказалось не так просто.

Смит был занят устройством ночного праздника на озере и пропадал по целым дням.

Наконец Джемс поймал его. Но на окольные вопросы управляющий отвечал или уклончиво, или шутливо, а на прямой запрос серьезно сказал:

— Обратитесь к мистеру Гарри, я же ничего сказать не могу.

Джемс сообщил свою неудачу товарищам и было решено, пока молчать.

ГЛАВА XIII

Карл Иванович принес Джемсу пачку бумаг: тут были большие листы в виде писем, были небрежно оторванные полулистки и клочки, сложенные треугольником, как складывают маленькие записочки.

— Это я собрал по столам в охотничьем доме, — сказал старик, — как по почерку, так и по подписи, некоторые из них писаны молодым графом Дракулой и видимо посылались его другу в лесной дом. Тут много пустых, вроде приглашения к чаю или завтраку, но, как кажется, есть и интересные. Вот, мистер Джемс, посмотрите их, вот хотя бы этот.

Это был большой, кругом исписанный лист, даты на нем не было.

Джемс начал читать про себя:

— Прежде всего, я должен благодарить и извиниться перед тобой, мой дорогой, вместо отдыха и спокойных занятий я втянул тебя в наши печали и заботы. Но что поделаешь? Трагическая смерть Франчески выбила нас из колеи, и Рита совсем не спит по ночам.

Мой старик посоветовал перемену места. Вот и пригодились отделанные комнаты! Надо прислать только, так сказать, «текущий инвентарь» из кружев, лент, цветов и т. п. Лючия обещала все это устроить. Уж извини, знаю, что вашему брату ученому, бабы одна помеха.

Надеюсь переселение народов будет недолгим, как только Рита оправится, — я переведу ее обратно в замок, и при этом переменю помещение, чтобы ничего не напоминало ей о ужасах, которые она пережила.

Мне до сих пор не удалось тебя спросить, что ты думаешь об этом случае, и как ты объяснишь все происшествие?

Старик мой все, конечно, толкует в духе вампиризма, но с тех пор, как ты меня образумил и доказал ненормальность его умственных способностей, я с ним согласиться не могу, а все же во всей истории есть что-то ненормальное, нелогичное, так сказать...

Почему, например, умершую Франческу нашли у кровати Риты на полу, волосы и весь ночной туалет в полном беспорядке, точно она выдержала борьбу перед смертью. На лице и груди ссадины и синяки.

Можно подумать, что кто-то не человечески сильный раздавил или задушил ее как муху. Заметил ты, что в ее мертвых, широко открытых глазах, застыл ужас, а губы сжаты с какой-то решимостью.

С нее можно бы написать мученицу первых веков христианства, или портрет человека: «положившего жизнь свою, за други своя».

Если она погибла в борьбе, то с кем и за кого? Эту тайну она унесла в могилу.

Я забыл попросить тебя не расспрашивать Риту об этой ужасной ночи. Ясно, она пережила что-то страшное, но не хочет или не может сказать. При малейшем намеке она бледнеет и трясется.

Представь, если Фредерика была больна и в припадке билась у ее постели. Тут и более крепкий человек, чем Рита, может впасть в обморок.

Да, я, кажется, никогда в жизни не забуду того ужасного крика, когда она очнулась и увидела труп у своих ног.

Старик убежден, несмотря на то, что в окрестности все спокойно, что смерть Франчески, дело рук вампира.

Он убил ее, буквально убил, а не засосал, за то, что она помешала ему наслаждаться кровью, а быть может и любовью Риты.

По мнению моего старика, бедная девушка погибла, защищая свою подругу.

Конечно, Рита многое могла бы тут выяснить, но я еще раз убедительно прошу тебя, не расспрашивать ее. Пусть она сначала успокоится. А твое личное мнение я бы очень и очень хотел знать.

Распорядись, голубчик, поставить кушетку посредине комнаты, около столика или этажерку для цветов и книг.

Букет розанов, каждое утро, я уже распорядился доставлять к вам.

Любимая канарейка Риты, также прибудет в лесной дом, и я боюсь, что эта певунья обеспокоит тебя больше, чем моя бедная, бледная голубка. Она стала такая молчаливая и печальная. О свадьбе я не смею и заикнуться.

И скучно же мне будет одному!

Утешаюсь тем, что большую часть дня буду проводить у вас.

Сегодня свежо. Распорядись протопить печи и даже камин. До вечера.

Д.

— А вот и еще, — протянул Карл Иванович другой листок.

Конечно, — снова читал Джемс, — я далек от мысли считать свою беседу такой же интересной, как твоя. Ты, ведь, великий ученый! А все же, говоря правду, мне неприятно видеть, что Рита, моя невеста, отдает тебе такое предпочтение. Как ни как, а мое положение становится смешным.

Пока Рита жила в лесном доме, мне ваши отношения в глаза не бросались, все было как-то естественно.

Не замечал, что ли я их... или их правда не было. После своей летаргии или обморока, как хочешь назови, Рита страшно переменилась.

У ней каждый день новые капризы: три или четыре часа во время заката солнца, она сидит одна, да притом еще тщательно запирается.

Обедать и завтракать со всеми — она также отказалась. Ей подают отдельно, в ее комнате, и я часто вижу, что блюда уносят почти не тронутыми. Она наотрез отказалась, чтобы Лючия жила около нее. — «Будет с меня и одной Цецилии», — говорит она, не соображая, как она этим обижает бедную девочку.

Несмотря на эти ненормальности, Рита заметно поправилась: бледность и вялость исчезли, — она также свежа и розова, как розы на ее груди.

Даже смерть одного за другими обоих итальянских лакеев, что сама же она привезла из Венеции не произвела на нее никакого впечатления. И в том, и в другом случае она только пожала плечами и отказалась сопровождать гробы на кладбище.

Ожидая тебя или собираясь в лесной дом, она еще больше оживляется, глаза ее сияют.

Со мной она холодно вежлива, несмотря на то, что я исполняю все ее желания.

Даже исполнил такое безрассудство, как оставить гроб посредине капеллы. Она к нему питает какую-то болезненную нежность, и навещает его по несколько раз в день.

Когда она очнулась после летаргии и я сообщил ей, что мы считая ее умершей, заперли ее кабинет-салоне и решили никогда туда не входить... И что в горе мы забыли взять оттуда канарейку и, что, теперь, когда все кончилось так хорошо, надо спешить спасти птичку.

Она холодно отвечала:

— К чему, оставь все по-старому.

Вообще я перестал ее понимать. Да и будь на твоем месте другой мужчина, дело много бы обострилось и не ручаюсь, чем бы кончилось. Тебе же я верю и думаю...

— Конца нет, — сказал Карл Иванович видя, что Джемс вертит листок в разные стороны.

Затем Джемс взял первый попавшийся листик и прочел:

Мне несказанно жаль, но я никак не могу быть сегодня у вас, мои милые. Альф, прошу тебя, проследи, чтобы хорошо натопили комнаты Риты и, чтобы она сама не снимала теплой шали.

Она такая бледная и слабая, что у меня сердце обливается кровью.

Вчера я даже не решился попросить ее спеть.

На все мои вопросы твердит одно, что здорова, а «только очень холодно у вас в горах». Доктора, по прежнему не хочет видеть.

Вот счастливая неожиданность, только что хотел отправить эту записку, как получил посылку из Парижа: прекрасную, теплую накидку.

Закутай в нее Риту... Ну, право, хоть поздно, и на четверть часа, а я приеду, мне кажется, что красный плюш выгодно оттенит ее черные волосы и оживит бледное лицо. Кланяюсь.

Д.

Прочитав письма, Джемс обратился к Карлу Ивановичу и спросил:

— А что вы сами думаете об этих письмах?

— Мне кажется, мистер, вы ошиблись предполагая, что граф Дракула выехал из замка. Скорее можно предположить, что друг его Альф приехал в лесной дом и, почему-то туда же переселилась и невеста Рита.

— Причиной могла послужить смерть м-лле Франчески. Граф Дракула остался в замке и очень заботился о своей невесте. В этой куче записок часто говорится то о том, чтобы хорошо топить комнаты, то о перестановке чего-либо из мебели; высказываются заботы о свежих цветах, новых книгах, нотах и т. д.

Комнаты несомненно те две, что и посейчас стоят нетронутыми в охотничьем доме. Даже красная плюшевая накидка, о которой вы читали в последнем письме, лежит до сих пор в ногах кушетки, той самой, что граф просит выдвинуть на середину комнаты.

— Вы совершенно правы, Карл Иванович, я и сам оставил мысль о том, что граф покинул замок. Но что случилось с ним и другими. Здесь говорится о смерти Франчески и двух итальянских лакеев, значит дух смерти царил в замке, но не все же поголовно перемерли?

— А вы обратили внимание, что в письмах упоминается о летаргическом сне м-лле Риты? — ответил Карл Иванович, вопросом на вопрос.

— Это что-то совсем смутное и непонятное, — сказал Джемс.

— Если вы перечтете весь ворох этих записок, как перечел их я, — продолжал Карл Иванович, то верно, придете к тому же заключению, что и я, а именно:

— Невеста была переселена из замка в лесной дом и занимала там известные уже вам комнаты.

Она все хворала: бледнела и слабела, и наконец впала в летаргический сон, настолько сильный, что он был принят за смерть. Ее одели в любимые ею вещи, положили в гроб и отнесли в замок. Комнаты, где она жила закрыли, чтобы никогда в них не входить, особенно ту, в которой она умерла, т. е. ее кабинет-салон. Единственная дверь и та была скрыта шкафом.

Впопыхах там забыли канарейку, скелет которой мы и видели в клетке, а также и букет полевых цветов в серебряной вазе. Красная, плюшевая накидка, лютня и пр., все осталось на своих местах.

Надо предположить, что покойница очнулась в замке и начала быстро оправляться после болезни. Граф пишет: «она свежа, как роза». «Рита порозовела и слабость прошла» и т. д. Но в то же время она изменилась характером: сделалась своенравна и капризна, а главное, влюбилась в друга своего жениха.

Граф сильно ее ревнует и неоднократно выражает своему другу негодование и обиду.

Дальше события становятся более спутанными, видимо между графом и его другом произошел разрыв.

Письма заменились записками сухими и короткими, а потом и совсем прекратились.

Карл Иванович замолчал.

— Браво, Карл Иванович, — вскричал Джемс, — я так рад, что ваши предположения совпадают с моими выводами: это гарантия правды. Ну, а дальше что вы думаете?

— Дальше, я думаю, — продолжал Карл Иванович, — что для замка наступила тяжелая пора, смертность как в нем, так и в окрестности сильно увеличилась.

Об этом говорят приходно-расходные книги замка, где на каждой странице есть расходы на похороны, а также и церковные записи в архиве церкви.

М-лле Лючия так же умерла, как и м-лле Франческа — похороны той и другой стоили больше 1000 гульденов.

Гроб для м-лле Риты стоил тоже очень дорого, но расходов на похороны я не нашел.

— Но куда же делись, граф, Рита и друг Альф, — не говоря об остальных? — перебил нетерпеливо Джемс.

— Эти вопросы, к сожалению, остаются для меня не выясненными, — печально сказал Карл Иванович. — Я разобрал и перечел все, что нашел в столах и шкафах замка и охотничьего дома. Я перебрал и перетряс все книги и бумаги.

— Правда, в божнице охотничьего дома лежит старая библия, ее я не трогал, да в ней наверное ничего и нет, — закончил старик.

— Постойте, есть еще письменный документ, — вдруг сорвался с места Джемс, — я предполагаю, что это дневник Риты.

— Что вы, где же он? — заволновался в свою очередь Карл Иванович.

— Я его вам достану, он у Гарри, только наверное он писан по-итальянски, — грустно добавили Джемс.

— Это ничего не значит, я немного знаю итальянский язык, — сказал Карл Иванович, — и с помощью словаря сделаю вам перевод. Завтра праздники на озере, и я вот и займусь переводом, благо в замке никого не останется, и я буду вполне свободен.

Джемс от души поблагодарили Карла Ивановича и пошел добывать ту тоненькую тетрадку, что он видел, в день маскарада, в японской шкатулке с драгоценностями. Он был уверен, что это дневник невесты графа Дракулы, и что в нем могут быть полезные сведения.

ПРАЗДНИК НА ОЗЕРЕ

Праздник на озере возбудил общее любопытство и породил кучу разговоров.

Приготовления шли на широкую ногу: весь берег был покрыт сетью лампочек, фонарей и факелов.

Заготовлены смоляные бочки, бенгальские огни, несмотря на то, что ожидался лунный вечер, вернее ночь, так как луна всходила поздно.

Были раскинуты палатки для отдыха и для буфетов, также приготовили сухую площадку для танцев.

Площадку окружили столиками и стульями, для желающих любоваться танцами. Тут же около, на возвышении, поставили бочку пива и над всем протянули веревки с маленькими флагами, как это делают китайцы в день праздника фонарей.

Приглашений не было.

Все, кто желал, могли явиться.

Хозяин и его гости хотели одеть охотничьи костюмы, и тем придать празднику вид простоты.

Нечего говорить, что большинство костюмов было специально заказано к этому дню.

В день праздника молодежь шумно волновалась и весело готовилась к вечеру.

Жорж К. совершенно здоровый, не отставал от других.

Сам Гарри тоже внимательно осматривал свой костюм и был как-то шумливо и нервно настроен. Что, конечно, не укрылось от наблюдательных глаз доктора.

— А Гарри-то нервничает и точно чего ждет, — сказал он Джемсу.

— Не чего, а кого-то, — пробурчал Джемс. — Свою голубую красавицу, — добавил он.

— Послушай, капитан, — обратился он потом к Райту, — прошу тебя, заклиная, не отходи от Гарри, береги его, у меня так болит сердце, точно перед большой бедой.

Помнишь ли ты ту ночь, когда мы ползли с тобой в лагерь Команчей? Поверишь ли, мне тогда было легче на душе, чем сегодня. За каждым кустом, за каждым камнем там можно было ожидать врага, но там знал, что это за враг, а здесь?

Какой-то туман или женщины из тумана! Бр... бр...

ГЛАВА XIV

Праздник в полном разгаре.

Целые толпы народа прогуливаются по берегу озера.

Тут и представительницы города в изящных летних платьях, тут и деревенские красавицы в своих поэтических национальных костюмах. И не одна

городская дама в тайне завидует густым, черным косам, или прекрасному цвету лица какой-нибудь поселянки.

Два оркестра музыки не умолкают, и танец следует за танцем. Только вместо чопорных лансье и контр-дансов, здесь гремит залихватская венгерка или бешеный чардаш.

Кавалеры весело вертят своих дам, а не прикасаются к ним, как к фарфоровым куклам, точно боясь ежеминутно их разбить.

Для отдыха повсюду разбросаны садовые скамейки. Они не только стоят на освещенных площадках, но и уютятся в тени леса.

Все озеро, опоясанное кругом лентой разноцветных фонарей и лампочек, чудесно блестит переливаясь всеми цветами радуги. Белые неньюфары, под цветным освещением кажутся таинственной, небывалой красоты. Это какие-то волшебные не то цветы, не то бабочки.

Широкие прогалины залиты лунным светом. Вся прелесть картины в освещении и в переходах от света к тени и, даже к мраку под старыми соснами.

Молодой хозяин, в новом, изящном, полуохотничьем костюме, который хорошо обрисовывает его мужественную фигуру, со всеми равно любезен и никому не отдает предпочтения. Тихо переходит он от группы к группе, и идет все дальше и дальше точно ищет кого.

За ним, как тень, следует Райт.

Джемс, такой же тенью, идет за Жоржем К., но это много труднее.

Жорж веселится, он танцует без усталости и каждую из своих дам увлекает под тень деревьев, чтобы наговорить любезностей, а если счастье поможет, то и сорвать поцелуй.

Джемс утомился, бегая за мальчиком и ему начинает приходить в голову: уж не ошибся ли он?

Не прав ли доктор, называя его сумасбродом? И желание оставить свой пост усиливается и усиливается и вот он перестанет, как раньше, не спускать глаз с Жоржа.

«Довольно!» — наконец решает он и, помимо воли, еще в последний раз взглядывает в сторону Жоржа.

Что это! Жорж выходит из-под тени деревьев, под руку с молодой дамой. На ней летнее легкое платье, несколько старомодного фасона, черные локоны подобраны под большой гребень, на груди пара пунцовых роз.

В наряде и прическе нет ничего особенного, вот разве розы? Джемс знает, что таких роз нет в окрестности, но они есть в оранжерее замка.

Кто же их обладательница?

В замке у них нет такой женщины, значит она из города или деревни, но откуда тогда она взяла розы? Гарри так их бережет.

«Кто-нибудь из молодежи сташил», — решает Джемс, но сердце его усиленно бьется, апатии и усталости как не бывало.

«Ведь я видел ее», — проносится у него в голове и он старается, при неровном освещении, всмотреться в черты дамы.

«Это она, голубая красавица бала!» — решает наконец Джемс.

Между тем Жорж К. весело с ней танцует и видимо сильно увлечен. Они во время танца несколько раз проходят мимо Джемса, и тот ясно различает знакомый запах лаванды.

«Она», несомненно «она», — шепчет он.

И, чтобы не спугнуть парочку, Джемс прячется в тени деревьев.

Жорж уговаривает свою даму пройти по лесу, но для этого надо пересечь площадку, освещенную луной. Дама не решается.

— Ага, — думает Джемс, — боится, что могут заметить, что от нее не будет тени.

Жорж упрашивает. Дама оглядывается кругом и видя, что никто за ними не следит, соглашается. Они быстро переходят освещенное место. И Джемс с ужасом видит, что он не ошибся; от Жоржа тянется длинная, черная тень, от дамы нет ничего!

— Вампир!

И как не был Джемс готов к этому выводу, на минуту он потерял способность двинуться с места.

В это время Жорж и дама скрылись в лесу. Джемс бросился за ними, но минутной остановки было достаточно, чтобы он потерял их из виду.

Только опушка леса была освещена, внутри же царил мрак.

Обежав кругом, он несколько раз окликнул Жоржа по имени.

Жуткая тишина.

Джемс снова выскочил на освещенную площадку. Никого. Тут же он сообразил, что, конечно, вампир не пойдет на свет, а увлечет свою жертву в темноту.

Тогда он бросается опять в лес. Тихо, угрюмо стоят старые сосны, и только издалека долетают звуки вальса.

«Опоздаю, опоздаю!» — молотом стучит в голове Джемса. Что делать? Он бросается к палатке управляющего и требует людей и фонарей. Он забыл, что может всех напугать и испортить праздник; забыл, что может рассердить и самого Гарри.

— Опоздаю, опоздаю! — твердит он и не дождавшись помощи, опять бежит к роковому месту.

Джемс предполагал, что лес с этого места непрерывно идет в гору, и с ужасом думал, где и как он будет искать Жоржа.

Оказалось же, что это не лес, а только еще перелесок, за которым расстилалась вновь освещенная поляна и, поляна подходила к самой подошве замковой горы.

«Слава Богу, я ошибся, это другая сторона озера, легче будет искать», — мелькает в голове Джемса.

«Да вот и они».

Правда, ему навстречу, по поляне двигаются две фигуры, но это не Жорж К., а две женщины. Одна из них, с черными локонами, несомненно давешняя дама Жоржа, а кто же другая?

Светлая блондинка, в легком старомодном платье.

Они идут обнявшись и представляют собой картину достойную кисти Греза.

Удовлетворенное счастье сияет в их взорах, и придает их лицам какой-то ослепительный блеск. Они сказочно хороши.

Джемс забыл и Жоржа К., и свои заботы о нем, он видит только двух обольстительно прекрасных женщин.

Кровь его горит, сердце бьется любовью. Но это продолжается мгновение, честная натура и светлый логический ум берут перевес над молодой, бурливой кровью.

Он уже не замечает больше сияющих лиц красавиц, а с ужасом видит, что обе фигуры, при свете месяца, не дают ни малейшей тени!

Значит и вторая тоже вампир!

«Боже, что же делать? Их целое гнездо» — проносится в его голове.

«Гибель, гибель нам всем!» Ноги Джемса подкашиваются, страшная слабость овладевает им, и он падает к ногам подошедших красавиц.

«Смерть», — последнее, что мелькает в его уме, и он теряет сознание...

ГЛАВА XV

Звуки вальса все еще несутся над озером, но лампочки и фонари начинают гаснуть. Смоляные бочки и бенгальские огни тоже сожжены, да и незачем, рассвет уже наступил, скоро взойдет солнце. Большая половина гостей уже покинула роскошный праздник.

Гарри бледный и усталый сидит на берегу озера и разочарованно смотрит на остатки пиршества.

Райт хмурый стоит около.

— Ну, что, капитан, доволен ли ты? Поймал ли красивую рыбку? И где Джемс, неужели все еще волочится за юбками? — спрашивает Гарри.

— Джемс меня озабочивает, его не могут найти, — отвечает Райт.

— Что за пустяки, не похитила же его какая-нибудь горная фея? — вяло улыбается Гарри.

Вдруг перед ними является фигура управляющего Смита. Он бледен как полотно и едва может выговорить :

— Мистер Гарри, у нас несчастье: нашли мертвым мистера Жоржа К.

— Что! — вскрикивает Райт, — а где же мистер Джемс, где он? — и капитан точно помешанный бросается прочь.

В то же время к Гарри подходят слуги, тихонько неся на ковре труп молодого Жоржа К.

Они кладут его на главную площадку, приготовленную для танцев.

— Доктора, скорее доктора, — кричит Гарри и сам наклоняется над покойником.

Лицо молодого человека спокойно и выражает счастье. Следов борьбы не видно, даже на отвороте охотничьей куртки сохранились две пунцовые, слегка помятые, розы.

— Кто мог ему их дать? Это несомненно розы моей оранжереи, — строго спрашивает хозяин.

— Разве вы забыли Смит, что я строго запретил их рвать?

— Разве я когда-нибудь осмеливаюсь забывать ваши распоряжения, мистер Гарри.

— Даже ключ от оранжереи у меня с собой, — прибавил Смит.

— Странно. Но что это за шум?

На опушке леса толпился народ и раздавались крики ужаса.

Оттуда что-то несли. Еще покойник, еще труп!

Капитан Райт, быстро переходивший поляну, застыл от страха.

— Неужели это Джемми, любимый, дорогой товарищ!

Еще сегодня вечером его томило предчувствие, но он боялся не за себя, а за других!

— Господи, Джемми, Джемми, — и слезы выступили на суровые глаза Райта.

Он бросился бегом через поляну, заросшую довольно высокой травой.

Между тем печальное шествие подошло, и на ковер рядом с Жоржем К. опустили другой труп, но это не был труп Джемса.

Это был молодой мальчик лет 15–16-ти, никому неизвестный, а судя по костюму, городской ремесленник.

Все столпились кругом, не зная, что начать. Капитан Райт бежавший по траве, вдруг за что-то запнулся и упал.

Быстро вскочив на ноги, он невольно посмотрел на предмет, послуживший к его падению.

Райт не верил своим глазам: перед ним лежал Джемс.

Там несут Джемса, и тут лежит Джемс! Да от этого можно с ума сойти.

Не раздумывая, Райт поднимает труп Джемса, кладет его на плечо и идет к танцевальной площадке и, там не говоря ни слова, опускает его рядом с Жоржем К.

Вопль отчаяния проносится по толпе.

Затем все, кому возможно, бросаются бежать, наскоро усаживаются в экипажи, на верховых лошадях, а то улепетывают на своих двоих.

Панический страх напал на всех. Между криками отчаяния, слышатся угрозы по адресу Гарри.

Скоро близ Гарри осталась небольшая кучка друзей и несколько самых близких слуг.

Взошедшее солнце осветило необычайную картину: неубранные ковры, разноцветные флаги, гирлянды; на полу ленты, цветы, золотые и серебряные звезды и др. принадлежности котильона. На столах недопитые кружки пива, вина; дамские весра, перчатки.

Все говорило о жизни и радости, и вот тут же, эти три страшные трупы! Они молоды, прекрасны и неподвижны.

Бледные, заострившиеся черты лица с открытыми неподвижными глазами, в которых играет луч солнца, наводят на окружающих холодный ужас.

Все стоят молча, опутив руки и головы. Полная растерянность.

Но вот прибыл доктор, уехавший уже давно в замок. Он сразу принял на себя команду над слугами, потерявшими от страха головы.

— Скорее, как можно скорее, несите в замок, быть может, можно еще помочь, — властно кричит он. — Да торопитесь!

Все бросились исполнять его приказание.

Трупы подняли, и печальная процессия с тремя мертвецами начала тихо подниматься в гору.

Гарри сурово молчал. Отчаянью капитана Райта не было предела...

Доктор уехал вперед, и с помощью своего слуги уже все приготовил к встрече и осмотру тел.

Жорж К. и мастеровой из города несомненно были мертвы.

Потихоньку от слуг доктор указал Райту на красные ранки на шее покойников и прошептал:

— А ведь Джемс-то был прав!

Перейдя к телу Джемса, доктор прежде всего осмотрел его шею, на ней не было и признака зловещих, красных пятен. На теле также не нашли знаков насилия. Только знак голубого лотоса, на левом плече выступал ярко, и в то же время нежно, точно мерцал.

— Тут глубокий обморок, с примесью гипноза, — сказал доктор, — есть надежда; помощи, Райт.

После долгих усилий Джемс пришел в себя, его уложили в теплую постель и Райт, как верная собака, сел его сторожить.

Между тем в замке все еще царил переполох. Последние гости и большинство слуг спешно укладывали свои вещи, торопясь до ночи выехать из замка.

Смит кричал и ругался на всех европейских языках, но ничего не помогало. Заставить привести покойников в порядок стоило ему не мало труда.

Гарри затворился в кабинете, и даже не вышел откланяться гостям.

ГЛАВА XVI

Настал вечер.

Джемс после крепкого сна совершенно оправился и просил позвать к себе Карла Ивановича.

— Ну что, прочли? — был его первый вопрос.

— Да, мистер, и это так печально, что трудно не плакать. Несчастливая, несчастная m-lle Рита, — и Карл Иванович грустно опустил голову.

— Она погибла от вампира, знала, отчего погибает и не смела никому сказать, и в этом был ужас ее положения.

— Не жалейте о ней, Карл Иванович, это она сама вампир, это она погубила Жоржа К. Теперь мне ясно, почему лицо голубой красавицы на балу и вчерашней танцорки показались мне знакомыми. Я видел эти черты в портретной семейной галерее графов Дракула, это портрет молодой невесты-итальянки, в белом атласном платье с воротником фасона Медичи. Этот-то воротник и сбил меня с толку: он-то и придал другое выражение лицу красавицы.

Теперь же я убежден, что это она, повторяю, она виновница смерти Жоржа, — горячо проговорил Джемс.

— Не ошибитесь, мистер, m-lle Рита, это такое милое, доброе существо, да вот позвольте прочесть вам ее записки, — они не длинные, — просил Карл Иванович.

— Хорошо. Читайте.

ДНЕВНИК РИТЫ

До сих пор жизнь моя была не жизнь, а чудная сказка, — начал Карл Иванович. — Я как Золушка нашла своего принца. Но только мой Карло красивее, добрее, богаче и лучше всех принцев мира.

Его замок, мой замок стоит на высокой горе, кругом сад, а в нем цветов, цветов, мои милые, алые розы! Чудные, роскошные... Я их люблю и теперь, несмотря на то, что украшений у меня много, но по-прежнему — одни розы.

А все это Карло. Он, кажется, хочет скупить весь мир для меня! Милый, дорогой Карло, я люблю тебя не за подарки, а за тебя самого. Какое счастье прислониться головой к его груди.

Вот и тогда вечером он долго стоял у моего окна, и мы вместе смотрели на луну. Мне и в голову не приходило, что это последний раз, что уже потом будет не то.

Что же случилось? Что? Я и сама не знаю. Но я не та, и все не то.

Ночью из открытого окна подул холодом, Лючия и Франческа уверяют, что ночь была жаркая, но это не так, из окна дуло холодом, каким-то мертвым холодом. И я укуталась в шаль и закрыла глаза.

И вот мне чувствуется, что я не одна в комнате, но в то же время я не могу открыть глаз.

Кто-то приближается, неужели вернулся Карло... И вот, как ни странно, а сквозь закрытые веки я вижу: от окна к кровати подходит господин. Это не Карло, а совсем незнакомый мужчина.

Он высокого роста, худой, в черном бархате, глаза его горят, а губы тонкие, злые, крепко сжаты. Он страшно бледен.

Кто он?

В нем есть семейные черты предков Карло, но он не из них: я знаю хорошо все семейные портреты, а его там нет.

Чем он пристальнее смотрит на меня, тем мне становится страшнее и холоднее. Я слышу, но не ушами, а сердцем: «Ты моя избранница, я люблю тебя». От страха я теряю сознание...

От солнечного луча я проснулась. Все тихо, в комнате никого.

Что за странный сон. Ощущение холода осталось и до сих пор, да шею неприятно саднивает: это от двух маленьких ранок, и как я могла так сильно себя уколоть? Правда, сердоликовая булавка очень острая...

За кофе я хотела рассказать Карло свой сон. Но прежде чем открыла рот, ясно услышала: «не смей!» Я растерялась, а тут Карло начал приставать, почему я такая бледная, а кормилица жаловаться ему, что я часто стону по ночам.

Тут, конечно, на меня напустились с расспросами, советами, а когда я сказала про ранки на шее, то Карло побледнел как полотно.

Отчего это? Разве они опасны?

Он и другие думают, что я простудилась, когда осматривали склеп. Правда, там было довольно сыро, а моя вина в том, что я прислонилась к каменному гробу, и из камня холод точно вошел в меня и охватил всю.

Я как-то принадлежу ему.

И вот, с этой несчастной ночи я утратила свой покой и счастье.

Днем я зябну, скучаю, а при наступлении ночи, особенно когда светит луна, я начинаю страстно желать и ждать. Кого, что? Первое время я даже не могла дать себе в этом отчета, а теперь я знаю, знаю, я жду «его».

Того страшного, черного, чужого. Он требует, чтобы я ждала его, ему тогда легче приходиться, и я жду и зову.

Кто он не знаю, боюсь его, ненавижу... И жду. Он входит как властелин, обнимает, ласкает меня, шепчет:

— Твоя любовь вернула мне молодость и жизнь...

И правда он помолодел на вид: розовый, губы красные, но... стал еще противнее.

Все вокруг колышется, и я каждый раз замираю, и чем кончается, и как он уходит — я не знаю.

Вероятно у меня какая-нибудь болезнь, Карло хотел позвать доктора, но я не смею: «он» рассердится.

Ранки у меня на шее, не только не заживают, а становятся шире, и выглядят неприятно. Приходится закрывать их бантами и кружевами.

Сейчас новолуние, ночи темные, и «он» вот уже несколько дней не был у меня.

Я точно начинаю приходит в себя, после обморока: не могу еще хорошо отличить, что было, и что казалось мне.

Одно сознаю ясно: мне грозит опасность или от него, если он существует, или от сумасшествия, если он не существует.

Надо сказать Карло, а он, как назло, уехал в город, на один день, и вот не едет. Что-то его там задержало.

Я становлюсь все спокойнее, ранки мои подживают быстро.

Надо скорее, скорее принимать меры, а Карло нет и нет!

Сегодня я прямо счастлива, нашла свой молитвенник, мою милую, черненькую книжечку, а то он затерялся; а без него молитвы как-то выскочили у меня из памяти. Начну читать «Ave Maria» и спутаюсь.

Теперь я не боюсь тебя, черный призрак! Франческа обещала мне каждый вечер читать вечерние молитвы.

Я ей сказала, что мне видится черный человек и она уверена, что ни одно привидение не устоит от молитв св. Антония. Как хорошо. А Карло все не едет.

Луна все прибывает, и скоро полнолуние. Уверенность и спокойствие испаряются, а ожидание и желание вновь насладиться покачиванием в лучах месяца — все нарастает.

Серебряные волны плывут и ты точно летишь, летишь; а он тут рядом ненавидимый и желанный.

Нет, я переломлю себя, и не дам ему повода явиться вновь.

Мой молитвенник всегда со мною, нужно подтянуть нервы, достаточно галлюцинаций...

Франческа каждую ночь сидит у моего изголовья и мы много с ней беседуем...

Карло вернулся. Он очень похудел и осунулся; верно есть заботы, которые он скрывает от меня. Неужели же я буду наваливать на него новые. Да тем более, что все прошло.

С Карло приехал смешной старичонка, друг его отца. Он всячески за мной ухаживает, расшаркивается; расспрашивает, точно влюбленный рыцарь. Забавный.

На шее он носит на черном шнурке, какой-то смешной значок, точно два треугольника. Когда я его спросила:

— Что это?

Он важно ответил:

— Это, сударыня, пентаграмма, знак для заклинания злых духов.

Мне очень хотелось попросить этот значок себе, но я не посмела. Попрошу Карло заказать мне такой же.

На днях ждем друга Карло, из Нюрнберга. Ему готовят лесной дом.

Карло говорит, что он страшно ученый, не любит общества и особенно женского.

Я так и не успела побывать в лесном доме, хотя там для меня были приготовлены две комнаты, а теперь и совсем будет нельзя: Карло не пустит, он принимает все меры, чтобы не беспокоили его ученого друга.

.....

Кончено.

Наступило полнолуние, он пришел и взял мою душу.

На мое несчастье в эту ночь у Франчески болела голова и она рано ушла спать.

У меня нет сил сопротивляться. Да и он не призрак, а существует, понимаете, существует!!

Он ложится мне на грудь и тихо, тихо пьет мою кровь, мою жизнь.

Ранки на шее опять стали большие с белыми обсосанными краями.

Я опять не смею выйти из-под его воли, просить помощи у Карло. Да и ласкать моего жениха он строго запретил мне. Он страшно ревнив.

— Свадьбе не бывать, — говорит он.

Чем же это кончится, что дальше... О ужас, ужас, это случилось вчера ночью! Мы сидели в саду и я почувствовала, что он приближается и скорее поспешила в свою комнату. Впыхах я забыла замкнуть дверь в комнату Франчески.

Он скоро вошел и припал к моей шее. Застонала ли я или почему другому, но Франческа вошла в комнату.

Я видела, как она бросилась на него и вцепилась ему в плечи.

Какая это была ужасная борьба!

Франческа билась за меня, как иступленная, волосы у ней распустились, рубашка разорвалась, но она ничего не помнила, да где же ей было справиться, он силен, страшно силен и так удивительно, что она так долго сопротивлялась.

Я думаю, ей помогали освященные четки на груди, потому что в ту минуту, как они рассыпались — она упала мертвая...

Он тоже исчез.

Для меня наступил мрак... долго ли, не знаю.

Я очнулась на руках Карло, а Франчески в комнате не было...

От меня они хотят скрыть ее смерть! Даже забавно, если бы они знали, что я знаю...

.....

Карло хочет, чтобы я переехала в лесной дом. Я согласна, почему нет?

Кто знает, не тут ли мое спасение. Уеду от него подальше, не буду его ждать и, быть может, он забудет обо мне.

Ученый друг Карло совсем не такой старый и угрюмый, как говорил Карло. Он охотно приглашает меня в «его лесной дом».

.....

Я погибла, окончательно погибла.

Я думала найти в лесном доме пристанище, скрыться... И, что же... Боже мой, Боже мой, попала в его берлогу.

Каким адским торжеством сияли его красные глаза! Как зло он улыбался!

Теперь, чтобы прийти, он не нуждается в моем желании или вызове.

Здесь он дома. Только одна стена разделяет нас. И никому это не придет в голову.

Мне нет спасения, прощай Карло, прощай счастье, прощай самая жизнь...

Время тянется бесконечно, он берет мою жизнь понемногу, он, как лачма, растягивает свое удовольствие, а я должна жить не только этими ужасными ночами, но теперь даже днями.

Подумайте, между моей комнатой и той, где висит его ужасный портрет, или, вернее, он сам — есть потайная дверь, никто о ней не знает, кроме нас двоих!

И он входит всегда, когда вздумает!..

Конец мой близок, помолитесь обо мне. Скорее... — несчастная девушка, — прошептал Карл Иванович и замолк.

Наступила тишина.

В комнату быстро вошли Гарри, доктор Райт и управляющий Смит.

Смит был бледен, а Гарри страшно возбужден. Он опустился в кресло и быстро заговорил:

— Это черт знает, что такое! Безобразие! Они, эти олухи, кричат, что я привез смерть с собой из Америки. Дураки, очень много я о них думаю! Напасть на моего посланного! Избить его. Я найду на них управу. Идиоты! Мерзавцы!

— Успокойся Гарри и скажи нам путем, в чем дело, — сказал Джемс.

Выкрикнув еще несколько ругательств, Гарри вынул сигару и, закулив, сказал спокойнее:

— Смит, расскажите, как было дело.

— Сегодня утром, — начал Смит, — я и Миллер отправились по делам в город. Купив, что надо и получив с почты посылки, Миллер поехал в тележке обратно, а я верхом заехал к помещику В. — У него продается лошадь, которую мистер Гарри желал приобрести. В. не было дома и я поспешил догнать Миллера.

Представьте мое удивление, да и негодование, когда я увидел, что тележка опрокинута, припасы и посылки разбиты и валяются в пыли на улице деревни, а Миллер бледный, с окровавленным лицом стоит прислонившись к избе.

Вокруг озверевшая толпа: кричат, машут кулаками.

Конечно, я тотчас же бросился на помощь. Увидав меня, толпа окончательно пришла в бешенство.

— Вот он, вот он, еретик поганый, проклятый американец, это он со своим дьяволом, хозяином привез к нам смерть. Убить его, убить, — кричала толпа.

Все бросились на меня.

Но я огрел нагайкой передних и они отступили. Взяв револьвер, я сказал:

— Кто двинется, тот будет убит! Клянусь вашим Богом.

Трусы отступили еще.

— Ну, теперь говорите, что вам надо. В чем дело, чем вы недовольны?

Разве деревня не процветает и не богатеет с тех пор, как мой господин поселился здесь? Разве он мало помогает вам? Поддерживает бедных и больных? Ну, говорите.

— Все это так, сударь, — ответил старый седой крестьянин, выходя вперед, — ваша правда, мы, с приездом вашего господина, забыли и думать о нужде.

Но вот беда, за эти три месяца у нас больше покойников, чем за весь прошлый год, и все молодые, и болезнь какая-то невиданная: сегодня здоров, завтра умер. Ребята и думают, что не ваш ли барин привез какое-то поветрие из моря. Говорят, ведь, там и Бога нет, и живут люди не крещенные.

— Что вы, господа, — говорю я им, — да мы такие же христиане, как и вы; также молимся Пресвятой Деве; а смерть всякому назначена от Бога.

— Немного затихли, — продолжал Смит, — стали шептаться, спорить.

Я тем временем посадил Миллера к себе на седло, на всякий случай.

Вдруг бежит баба, волосы косматые, платье ободрано и кричит:

— Ратуйте, люди Божие, умерла моя девочка, черный черт ее задушил, сама видела, своими глазами видела. В бархате он весь и навалился на ребенка и давит, а как увидел меня, так и пустился бежать, да прямо к замку. Я хотела его схватить, так вишь, как меня отделал. — Все это она кричала бессвязно, прерывая слезами и проклятиями.

Толпа вновь ринулась на меня, тут я счел за лучшее удирать. На счастье подо мной был наш «Павлин», — в одну минуту он смял передних, задние отскочили, а он вынес нас с Миллером на дорогу.

Догнать его, конечно, никто не мог, и вот мы здесь. Ворота заперты, что прикажете делать дальше?

— Да я их деревню с землей сравняю, выдумать, что я привез на них смерть, — опять вскипел Гарри. — Сейчас же дайте знать полковнику и просите роту солдат, расходы все за мой счет.

Смит хотел удалиться.

— Пойдите Смит. Гарри, послушай меня, или, вернее, нас, — сказал Джемс.

— Мы все здесь свои, Смита я считаю за храброго и испытанного слугу, а потому хочу говорить и при нем. Это необходимо.

— Да, Гарри, как это ни дико с первого взгляда, но деревня отчасти права, считая нас причиной ее несчастья, — продолжал Джемс.

— Что, что мы привезли смерть? — спросил Гарри, выпучив глаза.

— Нет, не привезли, а, как бы выразиться, напустили смерть на ее жителей, — продолжал Джемс.

Гарри посмотрел на доктора и тот ясно прочел вопрос:

«Когда он сошел с ума?»

— Джемс здоров, он не сумасшедший, ты сейчас в этом убедишься, — ответил доктор.

Джемс от имени всех начал посвящать Гарри и Смита во все наблюдения, изыскания и, наконец, выводы.

Рассказано было видение Райта в охотничьем доме; случай с Жоржем К. принятый доктором за лунатизм; появление голубой красавицы на балу и на озере.

Указаны места, освещающие дело, в письмах Карло и в дневниках учителя и Риты.

Сопоставлены детали, сопровождавший смерть виконта Рено, корнета Визе и, наконец, Жоржа К.

Наконец, он признался в попытке уничтожить вампира и в спуске в новый склеп. В попытке, кончившейся так бесславно, потерпевшей полное фиаско.

В начале Гарри недоверчиво улыбался, думая, что его мистифицируют, но чем дальше, тем становился серьезнее и только потирал лоб.

Когда Джемс кончил, Гарри вскочил и быстро прошелся несколько раз по комнате.

— Это черт знает, что такое, какая-то сказка из тысячи и одной ночи, — воскликнул он.

— А впрочем, друзья мои, в ваших словах есть много правды. Ура, нашему Шерлоку Холмсу, — улыбнулся он в сторону Джемса.

— Мне и самому уже не раз приходило в голову задуматься над загадочностью здешних событий, — продолжал Гарри. — Люди мрут, как мухи, то и дело говорится о каких-то не то снах, не то видениях, пропавшая голубая красавица, розовая записка... А тут еще и собственные приключения.

СНЫ ГАРРИ

— До сих пор я ничего не говорил вам, отчасти потому, что сам не мог дать себе ясного отчета, отчасти боялся ваших насмешек.

— Ну, а теперь я вам расскажу, слушайте, — начал Гарри.

— Это было еще в охотничьем доме, в которую из ночей не помню.

Я лег спать. Вы все знаете, что спальня моя была третья по коридору, немного больших размеров, чем остальные спальни, но все же с одним окном, выходящим в сад.

Сад в этом месте густо зарос сиренью и черемухой. Цветущие ветки так и лезут в открытое окно.

Мне не спалось.

Я пробовал лежать тихо, не шевелясь; пробовал, по совету доктора, считать до ста; старался думать об устройстве замка; о переделках и поправках, какие требует моя гациенда в Мексике. — Ничего не помогало, сон бежал меня...

Подушка казалась нестерпимо горячей, жесткий сенник казался мягкой периной — чего я не переношу.

Я уже хотел вскочить на ноги, как на меня повеяла отрадная прохлада, точно тысячи крыльев навевали ее...

Комната наполнилась какими-то образами, в душе проснулись неведомые желания. Образы вначале неясные, неопределенные, начали мало-помалу становиться виднее и реальнее. Конечно, вы уже догадались, что это были образы прекрасных женщин.

Но это не были настоящие женщины, т. е. я хочу сказать, это не были современные женщины.

Лица и тела их были темного, бронзового цвета, точно тропическое солнце обожгло их нежную, атласную кожу. Черные волосы прихотливо подняты и заплетены в сотни мелких косичек. У большинства на головах яркие перья тропических птиц. Вместо одежд на бедра накинута шкура леопарда или туники из шкурок колибри, а у иных весь костюм заключался в золотом поясе.

Образы сливались, переливались, точно стеклышки в калейдоскопе.

Воздух был полон мелодичным шуршанием и шелестом... Звук этот напоминал или шелест дорогой шелковой материи или трепет нежных голубиных крыльев.

Сильный, неизвестный мне до сих пор аромат кружил голову. Кровь стучала в висках. Душа рвалась вон из тела...

— «Найди талисман, верни нам жизнь, будь нашим повелителем», — шептал мне на ухо чудный женский голос.

Я не выдержал, вскочил... И проснулся. Темно.

Кровь бурно бежит по жилам, сердце стучит как молот... отдергиваю занавесы, открываю окно. Луна сияет. Сирень и черемуха льют свой аромат, но он мне противен, тускл.

Я хочу того, что видел во сне. Хочу слышать шуршание крыльев, хочу видеть прекрасных женщин...

Но все напрасно! Все прошло!

Я не спал до утра.

Приключение свое я назвал сном и приписал действию старого токайского.

Помните, как вы все были удивлены, что я отказался от употребления своего излюбленного напитка.

Теперь когда большинство из вас видело сны, подобные моему, т. е. что-то более чем сон, что-то более реальное, действительное и я утверждаю, что это не был вполне сон, как и последующие случаи.

— Как, ты еще видел такие сны? — вскричал Джемс.

— Да, еще два раза. Я расскажу вам все — и Гарри затянувшись несколько раз сигарой начал:

— Другой раз опять в охотничьем доме и опять не помню в какую из ночей. Только виконт Рено был уже похоронен; я пришел в спальню и отпустил Сабо.

Спать мне не хотелось.

Я отдернул темные занавесы и открыл окно. Как и в памятную мне ночь, луна ярко сияет. Черемуха и сирень, по-прежнему сильно благоухают, но аромат их, на этот раз, доставляет мне удовольствие.

Я сажусь в кресло, у окна. Цветущие ветки протянулись в открытое окно, и при малейшем ветерке трясутся и сыпят белые лепестки и на меня, и на пол.

Не отдавая себе отчета я слежу за их падением... На светлом полу перебегают тени от веток, образуя пестрый рисунок, белые лепестки еще более усиливают пестроту. Они как-то сближаются между собой и образуют белое пятно... Но что это? Это уже не лепестки, а белое кисейное платье... скромное, простое... А у этого платья есть головка, с большими золотистыми косами, глаза голубые, бездонные, и сколько в них печали и горя... личико бледное, даже прозрачное...

Это настоящий тип немецкой Гретхен. Я боюсь пошевелиться, чтобы не спугнуть видения.

Она тихо и боязливо приближается и склоняется надо мной... нежные, крошечные ручки, с длинными прозрачными пальчиками обвивают мою шею... Еще миг и наши уста сомкнутся в сладком поцелуе...

Но в это мгновение раздается знакомый мне шелест крыльев, он еще сильнее, порывистее, чем в первый раз. Он точно врывается между мной и моей Гретхен.

Она отодвигается все дальше и дальше, образ ее бледнеет и исчезает, а на ее месте кружатся и вьются прежние, медно-красные, обнаженные тела.

Пляска их еще бешенее, страстнее, чем раньше; аромат разгоряченных тел прямо не выносим... И опять слышу нежный голос:

«Верни талисман, дай нам жизнь!»...

Утром Сабо нашел меня в кресле почти без чувств, но я строго запретил ему сообщать об этом обществу.

Что мог я сказать? Чем объяснить?

Даже токайского и того я не пил вечером.

— Теперь последний случай, — сказал Гарри, затянувшись опять сигарой.

Еще сегодня вы вспоминали случай, с незнакомкой в голубом платье, что была на нашем бал маскарade.

Могу признаться, что увлечен я был тогда не на шутку.

Конечно, я не поверил вам, что со мной была галлюцинация, а также и вашему уверению, что она таинственно исчезла.

Я был убежден в ее существовании, ведь я ее видел, осязал да и у меня в руках осталась розовая сердоликовая булавка. Чего же еще?

Если я так усердно и добросовестно делал после маскарадные визиты, то я искал ее. Два поверенных еврея делали тоже самое, но... никакого следа, ни малейшего указания.

Я потерял надежду.

Помните как я нервничал и злился... сваливая свое настроение на усталость и скуку от ежедневных визитов.

Однажды, когда я начал не то что забывать ее, а просто покорился своей участи, я шел пешком один, из охотничьего дома в замок.

В лесу, по дороге, есть небольшая открытая лужайка.

Подхожу к ней и через листву деревьев вижу голубое платье. Сердце забилось так, что я вынужден был приостановиться...

Да, несомненно, это ее платье, те же нежные переливы, тот же оттенок неба... Она... вот и пунцовые розы мелькают сквозь листву...

Она. Она.

Мне даже не пришло в ту минуту на ум, как она могла попасть в эту часть леса, да еще в бальном платье?

Я понимал одно:

«Найдена!»

Бросаюсь вперед, через кусты, сейчас я буду на опушке, сейчас я увижу ее «мою милую, мое счастье!»

Но мимо меня, мимо моего лица что-то проносится... слышу знакомый звук летящих крыльев, чувствую аромат тел, хотя и ничего не вижу.

— Наш повелитель, наш повелитель! — как серебряные колокольчики звенят голоса...

И ничего.

Я уже стою на полянке.

Тихо, светло. Посередине большая лужа, оставшаяся после вчерашнего ливня, в ней отражается бесконечное голубое небо, а на краю лужи цветет красный полевой мак...

Я даже чуть не заплакал от ошибки! Принять лужу и мак за свою милую — не обидно ли?

Гарри замолчал.

— Ну, а дальше? — спросил доктор.

— Дальше. А что ты думаешь об этом? — ответил вопросом на вопрос Гарри.

— Что думаю? Думаю, что не одно старое токайское тебе вредно.

— Ну, а ты Джемми? — обратился Гарри к Джемсу.

Джемс молчал.

— Ну! — еще раз обратился к нему Гарри.

— Позволь мне не отвечать тебе, — сказал Джемс, фактов слишком мало, оснований никаких... А что я думаю — так фантастично, что вы только поднимите меня на смех.

СОН СМИТА

Смит, все время упорно молчавший, вдруг обратился к Гарри:

— Не знаю, мистер Гарри, должен ли и я тоже рассказать «свой» сон или это не интересно для господ? — спросил он нерешительно.

— Ну, конечно, рассказывайте, — ответил Гарри.

— Сон, — не иначе как сон, а все же точно и не сон, — начал Смит.

— Небось тоже видели женщин с розами да неньюфарами, — фыркнул доктор.

— Нет, доктор, что скрывать, какие уж мне женщины с розами — печально ответил Смит, деревенские девки и те зовут «рыжим дьяволом». Эх, скорее бы в Америку, там рыжих уважают!

Несмотря на серьезность вопроса всех насмешила выходка Смита.

— Итак, господин рыжий дьявол, что вам снилось? — спросил важно доктор.

— Это было за день до маскарада. Устал я страшно, работы было по горло: в день-то раз сто спустишься с верхнего этажа в подвалы замка, — начал Смит. — Как ткнулся в подушку, так моментально и заснул... Сколько спал, сказать не могу.

— Я в подвале... зачем я сюда пришел? Да, нет, это не наш замковый подвал... это что-то другое... неужели подземная тюрьма, так кто и за что меня посадил в нее? — думаю я. — Не может этого быть.

А несомненно я под землей и глубоко под землей. Какая-то мертвая тишина, какой-то неуловимый запах.

— Ах, это наш новый мексиканский рудник — решаю я. Страх и оторопь сразу пропали. Я иду.

Странно, наши шахты, особенно нижние, гораздо уже и ниже, а здесь совершенно свободно. Дотрагиваюсь рукой до стен, чтобы убедиться есть ли деревянные подпорки и к удивлению пальцы мои скользят и ощупывают гладкую, полированную поверхность. Не иначе, как это гранит или мрамор, проносится у меня в голове. Все же иду дальше. Коридор бесконечен.

Но вот по сторонам появляются очертания не ясные, не разборчивые, но чем дальше, тем определеннее, и я вижу, что в нишах стоят гробы, а в них женские фигуры. Длинные одежды, длинные волосы не оставляют сомнения... Я спешу, бегу... вот и дверь...

Открываю и стою пригвожденный к порогу. Ничего не вижу. Ослепительно яркий свет бьет прямо в глаза.

Наконец, с трудом различаю, что я в огромном, пустом помещении; стены, точно не стены, а бегущая вода, водопад. Откуда-то льется свет, сильный, яркий, но это не электричество, да пожалуй и не солнечный .

Против — большой золотой не то трон, не то жертвенник. Откуда-то, не то из глубины, не то со всех сторон слышу:

— Ищи сокровище, рой, копай, встань, встань!

Тут я понимаю, что голоса раздаются не извне, а в моей собственной голове...

И опять я в наших замковых подвалах, но в котором, решить не могу... От одной из стен идет мерцающий свет.

Здесь.

В руках у меня железный лом, я замахииваюсь... И просыпаюсь...

Миллер стоит надо мной и усердно трясет меня за руку, говоря:

«Встань, встань, иди, ищи мистера Гарри, привезли срочные депеши с плантаций.»

Яркое солнце освещает комнату и слепит мне глаза...

Целую неделю сон не выходил у меня из головы — продолжал Смит, «Ищи, копай!», — а что если это судьба, указание свыше. Замок старинный, разве не может быть в нем клад: «ищи, копай».

Простите мистер Гарри, я не утерпел, я пробовал искать и копать в подвалах... Я даже копал в склепе. «Ничего!» — вздохнул Смит.

— Что же дальше! — спросил доктор.

— И дальше ничего! Все было один обман.

Общее молчание.

— Ну-с, а какое будет мнение общества об этом сне? — спросил Джемс.

— Джемми, это наконец невозможно, обсуждать каждый сон, — возмущался доктор, мало ли что кому снится! Поел на ночь лишнего, вот и готово.

Прошное воскресенье приналег я на сибирские пельмени, так всю ночь они вокруг меня плясали и летали...

Разину рот, хочу схватить... А его уже нет. Смотрю, а он опять перед носом прыгает и пляшет... Приноровлюсь, хлоп губами — и ничего... измучился.

Пришлось утром рицини выпить, — рассказывал совершенно серьезно доктор.

Все улыбались, один Джемс сердито махнул рукой на неунывающего доктора.

ГЛАВА XVII

— На борьбу, — сказал Гарри, — это право интереснее, чем танцевать и делать визиты.

Прежде всего, Смит, вы отправитесь к местному деревенскому священнику и попросите его завтра отслужить заказную обедню; обставьте возможно торжественнее, мы все отправимся в церковь.

Затем завтрак. Пригласите: священника, старшину, доктора и еще штук пять-шесть почетных, деревенских обывателей. Дайте понять, что сегодняшнее буйство я приписываю пьяной молодежи и великодушно прощаю.

Приготовьте хорошее пожертвование на церковь, школу, больницу. Это я передам, после завтрака, местным властям.

Тогда же на деревню пошлите всякое угощение. Причину праздника выставьте, — хотя бы день моего рождения или получения нового ордена.

Этим мы на время заткнем рот крикунам, а сами займемся нашими нежелательными сожителями.

Итак первое: вы говорите, что были в новом склепе и не нашли гробов, — продолжал Гарри. Это естественно, так как они вынуты по моему приказу. Он открыл бумажник и вынул розовое маленькое письмо, и без запаха лаванды, которым оно пахло, ясно было, что оно от женщины. Гарри прочел:

«Каждый рыцарь прежде, чем обладать дамой сердца, совершает подвиг, или исполняет каприз своей дамы. И чем каприз неосновательнее, страннее,

тем он дороже ценится. Гроба Фредерика и Марии, графов Дракула, из склепа под статуей желательно перенести в общий семейный склеп и не позже, как сегодня ночью. Безусловная тайна. Награда на сельском празднике, на озере.

Примета: голубое платье и алые розы.

Подпись: розовая сердоликовая булавка».

— Записку эту я нашел у себя на столе.

— Новое место погребения графской четы известно Смит, — закончил Гарри.

— Второе, — продолжал он вновь, — вы предполагаете, что «она», или вернее «он», делал попытку овладеть мною; если так, то вопрос почему же до сих пор я не только жив, но и шея моя цела?

— Да, мы давно наблюдаем и задаем себе вопрос почему «она» отстала от тебя, — перебил Джемс. — Положим, мы с Райтом неустанно тебя караулим и стережем.

— Как, дорогие мои, да неужели это правда! — проговорил растроганный Гарри, протягивая руки Райту и Джемсу.

— Что же тут особенного? Разве мы не поклялись стоять один за другого, и все за одного! — сказал Джемс просто.

— Спасибо, друзья, — еще раз поблагодарил Гарри. Знаете ли, я начинаю думать, что прежний владелец, Карло, что ли, знал какое у него соседство и оберегался.

Теперь мне понятна его страсть к средневековому знаку заклинания нечистой силы — я говорю о знаке пентаграммы, т. е. о двух соединенных треугольниках. Этот знак наполняет мою спальню, вы найдете его всюду: на спинках кровати, на подоконниках окон, на порогах дверей, даже над камином и у топки печи. То он сделан из металла, то выложен мозаикой из дерева. На моей палке, на моем хлысте вы найдете тот же знак.

Меня в начале это заинтересовало до того, что я начал носить на шее цепь с пентаграммой. Смеясь, я решил, пусть и я сам, как и все мои вещи, буду отмечен кабалистическим знаком.

А вышло, что он оберегает меня! — говоря это Гарри расстегнул жилет и показал на цепочке изящный золотой знак, отделанный дорогими камнями.

Завтра же, Смит, вы закажите такие же знаки, из серебра, для себя и всей прислуги замка и нарисуйте пентаграммы на дверях всех спален, — сказал Гарри. Надеюсь, вы это сделаете без лишней огласки.

— Слушаю мистер.

— Дальше. Вы говорите, что перечли все, что удалось найти, — обратился затем Гарри к Карлу Ивановичу.

— Да, мистер Гарри, все, исключая, как я уже и говорил мистеру Джемсу, старую библию, но там ничего не может быть, — ответил Карл Иванович.

— Все равно; Смит, доставьте эту библию немедленно в замок, мы посмотрим ее вечером, а сейчас, друзья позвольте мне все бумаги, так сказать — «по этому делу», я хочу все сам перечитать и продумать.

— Итак, до вечера! — сказал вставая Гарри.

Вечером, в тесном кружке посвященных, Гарри прочел то, что он нашел в старой библии. Карл Иванович прямо пришел в отчаяние, хватался за свою лысую голову, стонал, что чуть не пропустили такого важного документа благодаря его заявлению.

— Сам не знаю, почему я решил, что там ничего нет, — говорил, чуть не плача, обескураженный старик.

ИСПОВЕДЬ АЛЬФА

Гарри начал:

Дорогой Карло, нам надо наконец объясниться. Настоящее положение становится невыносимым, я не раз пытался заговаривать с тобой, но ты ускользаешь от меня, сначала я это приписывал случаю, теперь же ясно вижу что это не случай, ты бежишь от меня, от объяснений. Волей-неволей приходится прибегать к письму, что я и делаю.

Карло, милый, ведь мы друзья детства. Дружба наша тянется не один год. Мы не можем разойтись с тобой так, из-за ничего. (Каюсь, я порывался уехать не поговорив с тобою.)

Зачем недомолвки, хождение кругом, будем говорить прямо и просто.

Ты меня ревнуешь к твоей невесте, не отрицай. Но в уме ли ты?

Я кабинетная крыса, бедняк, со строгими взглядами на отношения к женщинам. Помнишь, как вы все, товарищи по коллегии, смеялись надо мной. Твой лучший друг и изменю всем и всему, и буду отбивать у тебя любимую женщину, невесту.

Строго разбирая свое поведение, я, положив руку на сердце, не могу себя упрекнуть ни в одном слове, ни в одном нескромном взгляде. Клянусь тебе.

Все же я не могу вполне и тебя обвинить. В Рите есть какая-то перемена и, прости меня, перемена к худшему.

Во время болезни, когда ты поселил ее в лесном доме она была иной. Мы целые дни проводили втроем: она, покойница Лючия и я.

Много говорили о поэзии, Италии, девушки пели и играли на лютне. Я рассказывал о последних открытиях и изобретениях.

Самый строгий, неумолимый судья не нашел бы в наших отношениях и тени некорректности, ни слова порицания.

Да и ты сам, наезжая вечером и в разное время дня, входя без доклада, видел ли ты хоть раз что-либо намекающее на скрытые отношения. Ручаюсь, что нет.

В тот страшный день, когда внезапно Рита впала в летаргию, мы все потеряли голову.

Еще утром она была достаточно бодра, только нервна ужасно, казалось, она чего-то ждет. Не было ли это предчувствие? Я все думал, что она ждет тебя,

что вы, тихонько от нас, условились о твоём приезде. Но когда от тебя принесли букет полевых цветов, я убедился, что предположение мое неверно.

Ставя букет по просьбе Риты в серебряную вазу, я видел слезы у ней на глазах и в руках маленькую черную книжечку, по-видимому, молитвенник.

Потом она попросила меня и Люцию оставить ее с Цецилией, говоря, что она очень устала. Мы вышли.

Вскоре же она отослала и Цецилию.

— Синьорита что-то пишет, — сказала кормилица.

Мы с Люцией сидели в соседнем проходном салоне и ждали, когда нас позовут к Рите.

Вдруг раздался страшный крик. Мы бросились в комнату Риты, но это кричала не Рита, а старая Цецилия.

Рита же лежала на кушетке вся вытянувшись и закинув голову назад.

Я бросился к ней, она тяжело открыла глаза и снова сомкнула их; думая, что ей дурно, я поспешил налить в стакан воды, но в ту минуту, когда я приподнял ее голову, чтобы дать ей напиться, она снова взглянула на меня, и... это в первый раз — мне показался ее взгляд... странным, что ли... В нем было что-то манящее, любовное... Она тихо прошептала:

— Поцелуй меня.

Испуганный, не отдавая себе отчета, я наклонился и поцеловал ее в губы...

В ту же секунду она откинулась, тяжело вздохнула и впала в летаргию, или, как мы тогда сгоряча думали, умерла.

Наклонясь еще раз, я невольно отшатнулся, лицо Риты сделалось злым, зубы осклалились и казались длинными, это была не та Рита, которую я знал, а чужая, злобная. Вскоре это выражение сменилось тихим и спокойным, такой ты ее и застал.

Ты помнишь, как все мы тогда потеряли головы и я, не то, что скрыл, а прямо забыл сказать тебе о поцелуе.

Затем начались приготовления к похоронам, перенесение тела в капеллу, твое, да и общее отчаяние.

Тогда же, по твоему желанно, закрыли салон Риты, где она умерла и второпях забыли там бедную канарейку, а затем внезапное воскресение или оживление, не знаю как выразиться, Риты, среди ночи во время бури, перепугавшее замковую прислугу, да и что греха таить, и нас всех чуть не сильнее самой смерти.

После же воскресения Риты, мне уже было неудобно сказать тебе о прощальном поцелуе; да я бы скоро его и забыл, если б не ловил время от времени взгляд Риты, напоминающий тот, что сопровождал поцелуй.

Ты, как-то на днях, написал мне, что находишь большую перемену в Рите, да и я нахожу эту перемену, и, чем дальше, тем больше. Ты прав, она расцветает физически, но как-то опускается нравственно: прежде такая чуткая к чужому горю, она теперь остается совершенно спокойной; даже смерть Люции и других домашних проходит не задевая ее совсем. К гибели своей любимицы канарейки она тоже отнеслась возмутительно холодно.

Наружностью своей она перестала заниматься, я заключаю это из того, что все зеркала она приказала закрыть кисеей «в знак траура», как говорит она, и даже свой собственный туалет.

Ни песен, ни игры на лютне (кстати, лютня, кажется, тоже осталась в роковой комнате) я больше не слышу. Рита предпочитает уединение.

Характер ее тоже пошел на минус. Вот пример.

Последние дни перед летаргией она не расставалась со своим молитвенником, — знаешь, черная книжечка, — я и спросил, где она у ней, не принести ли? Рита прямо разозлилась, глаза засверкали, зубы оскалились и она наговорила мне дерзостей.

Другой раз я подал ей ручное зеркальце, также прежде вечного ее спутника, — так она не только его бросила, но растоптала каблуком, не пожалела даже художественной золотой оправы.

Несмотря на эти выходки, все же по временам я, как и говорил уже, люблю на себе взгляд Риты, полный желаний, призыва и страсти... да, страсти... мне невыносим этот взгляд, страшен, я боюсь его. Боюсь, как-то безотчетно, даже не по отношению к тебе. В нем есть что-то...

Меня прервали, принесли от тебя приглашение приехать в замок. Такой разницей веет от этого приглашения, против прежних, — какой официальный язык!

Я отказался, зачем?

Завтра, много после завтра я исчезну с твоей дороги. В начале письма я искал объяснений с тобою, а под конец многое продумал и решил лучше уехать; уехать не прощаясь.

Оставляю тебе это письмо, ты сам поймешь, что отъезд это лучшее, что я могу сделать. Спасибо за прежнюю любовь, крепко верю, что со временем ты опять вернешь мне ее. Я же все люблю тебя по-прежнему и не переставал любить. Привет Рите, желаю вам обоим счастья.

Твой *Альф.*

...Сутки. А как перевернулся весь мир, посейчас я не могу ясно представить, что случилось. Постараюсь вспомнить и записать. Обыкновенно записывание упорядочивает и проясняет мою голову. Итак.

Я написал Карло прощальное письмо и оставил его на столе, собираясь при окончательном отъезде приписать несколько слов приветствий и пожеланий.

Дальше.

Гулял по саду: ночь тихая, лунная, озеро лежит, как зеркало, только воздух, как перед грозой.

Лег спать с открытым окном.

После полуночи мне показалось, что я не один в комнате, и что на груди у меня тяжесть, — открываю глаза...

Пресвятая Дева Мария, Рита у моей постели, вернее, лежит на моей груди!

— Что же это? Хочу вскочить, крикнуть... не могу... ведь я осрамлю ее! Что скажут люди? Что скажет Карло?

Ясно, Рита опять больна, иначе, зачем бы она попала в мою комнату, да еще ночью? Она или лунатик, или в бреду.

Что делать, чтобы не испугать ее? Все это вихрем несется у меня в голове. А голова кружится, кружится, истома давит тело... Что делать, как быть? И опять все качается.

Затем я теряю сознание, ну это в первый раз в жизни...

Открываю глаза, никого нет. Полная тишина, луна заходит, веет предрасветный ветерок... И снова я не могу одуматься.

Куда она делась? Что она была здесь, я уверен, еще до сих пор пахнет ее любимыми духами с лавандой. Что с ней случилось? Зачем она приходила.

Что это мог быть сон, мне даже не пришло в голову, настолько все было реально.

Вдруг меня пронзила мысль: случилось несчастье, Рита приходила за помощью!

Сорваться с кровати и одеться было делом одной минуты, я кинулся вон.

Второпях я даже не заметил, что дверь моей комнаты была замкнута, и вот, только теперь, записывая все, я вспомнил это. Следовательно, еще одна загадка!

Обежав дом, я ничего не нашел подозрительного: все спало, везде темно.

Я бросился в сад. И там тихо. Запутавшись в траве я упал в куст шиповника и очень неудачно: изранил лицо, руки и даже, сухим сучком, ранил шею настолько сильно, что запачкал кровью рубашку.

Когда я вернулся в дом, то слуги уже начали вставать и на мои вопросы: «Не случилось ли чего ночью?» — отвечали удивленными взглядами и полным отрицанием.

Вот факты, какие же выводы?

Что она была у меня, это несомненно, закладываю душу!..

Первый вопрос: как попала?

Дверь замкнута. Ключ у меня... Следовательно другим ключом, заказным, значит с заранее обдуманым намерением.

А если в окно? Оно достаточно низко от земли и было открыто. Если так, то все же с намерением, а не случайно.

Второй вопрос: зачем приходила?..

Фу, даже в пот бросило, неужели Карло прав, и она меня любит, любит настолько сильно, что пришла сама? Рискуя всем... Неужели я так слеп и не видел этой страсти... Вот уж мой ночной обморок был некстати, — что она подумала обо мне? Наверное презирает теперь...

Третий вопрос: что же делать теперь?

Бежать, бежать, бежать немедленно... А если она любит, сильно любит?.. Ну, погрустит и забудет... А ведь не все способны забывать, вот и я ее никогда не забуду...

Да и имею ли я теперь право уехать? Ведь она осрамила себя. Положим, никто не знает, что она ночью была у меня, но сама-то она сознает, что она, девушка, красавица, невеста другого, была ночью одна в комнате молодого мужчины... ведь я еще молод! Лежала у него на постели, на груди... Не замукает ли ее эта мысль?

Не должен ли я во что бы то ни стало остаться?

Нет, нет и нет... не финти и не хитри, Альф, сам с собою, не для тебя эта любовь! Пока ты честен, ты должен бежать.

В замок не пойду, уеду в город, закажу там почтовых лошадей и к вечеру уеду.

Решено... Рассвет.

.....

Вот тебе и уехал!

Правду говорит пословица: «человек предполагает, а Бог располагает». Впрочем, тут Бог, наверное, участия не принимал!..

Я плохо ему молился, плохо верил и он меня оставил этой ночью!

Сейчас я совершенно спокоен, спокоен, как человек, неизбежно приговоренный на смерть.

Весь ужас открытия правды, вся безвыходность моего положения отошли в сторону, и жалость жизни, и боязнь смерти: все переболело, перегорело...

Теперь остался один долг — предупредить Карло. Лично я этого не могу, «она» не допустит.

Пусть эти записки откроют ему страшную тайну. Чтобы оберечь их от «нее» я положу их в библию.

Конечно, будет следствие по случаю моей внезапной смерти, обыск в моей комнате, их найдут и передадут по адресу.

Чтобы Карло все было ясно, продолжаю рассказ.

Итак, я решил уехать.

В город, чтобы заказать почтовых, я отправился верхом.

В лесу, на крутом повороте дороги лошадь моя заупрямилась. Несмотря на хлыст и шпоры, она не трогалась с места. Можно было думать, что она зачуяла волка. Она вся дрожала и покрылась потом. Недоумевая, я слез и пошел пешком, таща коня в поводу.

За поворотом дороги я увидел Риту, сидящую на пне дерева, я, кажется, в первую минуту так же испугался ее, как и моя лошадь волка.

Оправившись, я подошел и заговорил, притворяясь, что я ничего не знаю и не помню. Но один взгляд Риты показал мне, что она все помнит и видит мои уловки насквозь.

Я растерялся. Лошадь рванулась и убежала. Рита смотрела на меня, не спуская глаз, и голова моя опять начала кружиться, все закачалось. Я сел на траву.

Рита наклонилась к моему лицу и начала шептать:

— Зачем ты бежишь? Разве ты не видишь, не чувствуешь, что я люблю тебя? Я хотел заговорить...

— Оставь, молчи. Я знаю, что ты скажешь, — продолжала она, — но какое нам дело до Карло, и до всего земного? Ты будешь счастлив, вечно счастлив. Ты будешь бессмертен, я подарю тебе вечную жизнь, там, где я, Карло не может за мной следовать, не может мне принадлежать: его оберегают! — криво усмехнулась она.

Согласись на мою любовь и я тебе открою тайны, каких не знает никто; я унесу тебя высоко-высоко, лунный луч будет нашей дорогой, а в час покоя мы будем сладко спать!

— А какое наслаждение пить горячую теплую кровь, а с ней и вечную жизнь! — продолжала она.

Я с ужасом отшатнулся!

Уже с первых слов Риты мне показалось многое странным в ее словах и обещаниях и я со страхом убеждался в том, во что до сих пор не хотел верить...

Получив от тебя письмо о том, что твоя мать, по словам старого доктора, была вампиром, я заинтересовался этим поверьем и купил старинную, латинскую книгу, трактующую о ламиях, «не мертвых» и т. п.

Поштудировав ее немного, я, конечно, отбросил ее в сторону, не мог же я тогда верит во всю эту чушь, не мог не считать все вымыслом. А вид твоего старого доктора, его странности, его разговоры только еще больше укрепили мое мнение. Я был убежден, что вся история с вампирами бред его больной фантазии.

И вот, теперь эта фантазия встала передо мной во всем своем ужасе правды!

Я понимал, что Рита любит и под влиянием чувства открывает мне многое, что не должно быть ранее открыто, или, быть может, она так верит в обладание мной, что уже не стесняется.

Она сама вампир, ее погубил или, как она выражается: «призвал к жизни» старый граф Дракула.

Он отдыхает в большом каменном гробу, он долго ждал ее... наконец, она пришла и вызвала его теплотой своего молодого душистого тела.

Для того, чтобы достигнуть вечного существования, надо умереть для людей.

Так с ней и случилось. Но на вторую же ночь Дракула, силой своего могущества, заставил ее встать и жить между людьми, как бы по-прежнему.

Она так много говорила о прелести быть вампиром, что мозг мой больше и больше начал тускнеть, и все пошло кругом.

— Так скорее достигну я первой степени силы, — добавила она.

Точно сквозь дрему я вспомнил, что в старинной книге сказано, что вампир не дает тени, не любит зеркал, не пьет, не ест, спит на закате солнца. И к ужасу моему я находил у Риты все эти приметы! Или я их сам заметил, или о них сообщил мне Карло. Силы совершенно меня оставили.

— Ты согласен, милый, отдайся мне, не бойся, — шептала она.

— Я отдыхаю в моем гробу, и я заставляю Карло поставить твой гроб рядом с моим.

При этих словах я рванулся и вскочил:

— Нет, я не хочу! — вырвалось у меня.

Она зло засмеялась.

— Не хочешь, тем хуже для тебя; тебе нет возврата к жизни. Не воображай, что ранки на твоей шее нанесены тебе сучком шиповника; о, нет; это я ночью положила на тебя свою печать.

— Ты погиб. Ты можешь только выбирать: смерть, настоящую смерть, с червями и холодом могилы или бессмертную жизнь вампира.

— Я до ночи даю тебе время на размышление. Ночью я приду. Ты не спрячешься, не уедешь от меня, — не пытайся.

— Выбирай, моя любовь и бессмертие, или ты, в недалеком будущем, скелет, с провалившимися глазами и дырою, вместо носа.

В это время возле нас раздались голоса; это были слуги, посланные Карло за Ритой.

Нам ничего не оставалось, как взяться под руку и идти в замок.

В удобных местах я все косился, ища тени от «него», от Риты, все еще надеясь на что-то.

Тени не было.

В замке я провел несколько неописуемых часов. «Он», Рита, не спускали с меня глаз; Карло невыносимо ревновал, сам я не знал, что предпринять, как спастись; ум мой помутился: я пробовал молиться, но не находил слов.

Вся прошлая жизнь прошла в моем воспоминании, и как она мне показалась прекрасной; а будущее?

Сколько ждет меня интересной работы, открытий; быть может любовь, но не эта проклятая, а святая, чистая...

Я готов был рыдать, а тут Карло, с его резкими речами, и взгляд «его», Риты, говорящий:

— Ты мой, исхода нет!

Наконец, я не выдержал и бросился бежать. Я не только забыл хлыст и перчатки, но даже мою шляпу...

И вот я пишу, торопясь исполнить последнее: открыть глаза Карло, а там... да помилует меня Бог.

Я решил погибать; вампиром я не буду. Скоро полночь! Луна сияет.

Мать моя, благослови меня, не дай мне в последнюю минуту жизни изменить себе и согласиться на мерзкое существование вампира.

Прощай Карло, она приближается!..»

Гарри кончил и начал усиленно курить: наступила тишина. Джемс первый не выдержал:

— Ну, — начал он, — теперь, после этого письма, если у кого из нас были еще сомнения, то они должны исчезнуть.

— Если сопоставить весь письменный материал, что у нас есть и текущие события, то ты прав, Джемми, и приходится верить не только в существование вампиров, но и признать, что они живут где-то рядом с нами, — добавил доктор.

— Это мои милые родственники! — пробурчал Гарри.

— И они устроились в замке Дракула по семейному, — сострил доктор.

— Будет, господа, к делу, — сумрачно сказал Райт.

— Ты прав, Райт, к делу! Джемс, ты первый начал это дело, веди же его дальше, — сказал хозяин.

Джемс даже покраснел от удовольствия.

— Смит, посмотрите, чтобы нас не подслушали и возвращайтесь, — распорядился Гарри.

— Я не буду повторять, — так начал Джемс, — ни фактов настоящего, ни выводов, сделанных на основании этих документов прошлого, а прямо начну с того, что существование «не мертвых» или вампиров, нами всеми, здесь присутствующими, принято. Принято также и решение — уничтожить их, как сердитых и опасных существ. Или по крайности, обезвредить, как были они обезврежены до нашего приезда.

— Теперь ставлю вопросы: где они, сколько их и что надо делать?

Тут начинается область догадок и предположений.

Первый «не мертвый» — это дед Дракула, привезенный в гробу из Америки: портрет его висит в охотничьем доме, а место вампирического сна — не известно. Так как гроба мы не нашли. При нас он не появлялся совсем, или, как более сильный и умный, лучше умеет скрывать свои злодеяния. Только вот вчерашняя женщина в деревне кричала: «Был мужчина, весь в бархате», до этого же случая всегда говорилось о женщинах.

Второй «не мертвый», это Мария Дракула, женщина в белом, с золотистыми волосами и неньюфарами — мертвыми розами; гроб «его» был в склепе, под статуей; теперь он в склепе, под капеллой и его нам может указать Смит.

Третий «не мертвый», это Рита, итальянка, портрет ее в галерее фамильных портретов; она брюнетка, в голубом платье, с розами; гроб ее пустой — мы нашли в капелле, и он спущен в склеп. Место его также известно Смиуту.

Других «не мертвых» мы пока не знаем, и будем надеяться, что их больше нет.

Теперь самое трудное: что делать?

Мы можем действовать только на закате и на восходе солнца, т. е. в часы вампирического сна наших врагов, во время их бессилия.

Кроме времени мы еще стеснены тем, что должны действовать тихо, секретно, чтобы не всполошить и не напугать замковых слуг.

Завтра, после званного завтрака, отпустив большую часть слуг на праздник в деревню, мы спустимся в склеп и займемся гробами Марии и Риты.

Старого Дракулу нам придется следить, а для этого мы поставим очередное дежурство по два человека.

Дежурные целую ночь должны провести в склепе не смыкая глаз.

На первое дежурство вызывается капитан Райт, ну, конечно, и я с ним, — кончил Джемс.

— Согласен, — сказал Гарри, — второе дежурство мое. Надеюсь, что Карл Иванович, как человек старый, от дежурства будет освобожден.

ГЛАВА XVIII

На другой день торжественное богослужение и званый завтрак прошли своим порядком; гости наугощались вволю, без конца пили за здоровье хозяина и за его друзей.

А когда Гарри объявил о своих пожертвованиях, то восторгу не было пределов.

Гарри, да и все участники предполагаемой вечерней экспедиции, ничего не пили; они понимали, что надо иметь свежую голову и спокойные нервы.

Не первый раз в жизни шли они на опасность.

Перед закатом солнца они под предводительством Джемса спустились по внутренней лестнице капеллы в склеп.

Заранее было решено начать с гроба Риты, как уже находящегося в их распоряжении.

Смит отомкнул железную дверь: с неприятным скрипом, точно со стоном она открылась; оттуда пахло сыростью, запахом тления и могилы.

Темно.

Пришлось зажечь взятые с собой фонари. Они тускло мерцали, конечно, от недостатка чистого воздуха...

Все это вполне естественно, а тем не менее всем как-то не по себе. Пробирала нервная дрожь.

Чем ниже спускались в склеп, тем запах разложения чувствовался сильнее; свет фонарей плохо побеждал окружающий мрак.

Запинаясь и спотыкаясь о гробы и пьедесталы памятников, друзья тихо продвигались к той стене, у которой, по указанию Смита, был поставлен пустой гроб из капеллы.

Вот и он. Белая парчовая обивка от сырости потемнела и поблекла.

Гроб осторожно отодвинули от стены, и все его окружили.

Джемс вооружился осиновым колом, а Райт тяжелым молотком, чтобы ударить по этому колу; Смит приготовился снять крышку, все остальные светили фонарями и на груди у каждого блестел знак пентаграммы.

Все готово.

Доктор смотрит на часы и при общем мертвом молчании объявляет:

— Час заката.

Крышка поднята.

Всем в головы ударил ужасный трупный запах, но... но... но гроб пуст!

Пуст. Присутствующее окаменели; они ожидали всего, что угодно, только не этого!..

Джемс оправился первый; взяв фонарь, он начал внимательно осматривать внутренность гроба.

Белая атласная подушка еще сохраняла след головы человека; кружева были помяты и кое-где запачканы свежей кровью.

— Нет сомнения, она недавно была здесь, — заметил он, — а раз она посещает это место, мы рано или поздно поймаем ее, — счел он нужным ободрить товарищей.

— Теперь дальше, Смит, где гробы графа и графини?

Недалеко в нише стояли оба гроба один над другим. Достали один из них. Теперь возник вопрос, который гроб принадлежит графу, который графине?

Смит откровенно признался, что не знает, не помнит, который был в нижней нише нового склепа!

— Нечего делать, откроем сперва тот, что вынут уже, — распорядился Джемс.

Пришлось повозиться; наконец, крышку отвинтили, сняли.

В гробу лежал мертвец, закрытый какой-то материей. При первой попытке снять ее, она распалась прахом.

И глазам всех представилась тяжелая картина человеческого разрушения: из-под шапки седых волос глядели пустые впадины глаз; зубы оскалились и нижняя челюсть свалилась на бок; костяшки рук рассыпались; часть их лежала на груди, часть скатилась вниз.

Костяк кое-где был прикрыт лоскутьями одежды.

По стриженным волосам, это был несомненно мужчина.

Граф Фредерик.

Все сняли шляпы и перекрестились.

— Спи с миром! — сказал Джемс, закрывая крышку.

— Скорее, скорее, другой гроб, — сказал доктор, — время проходит и она тоже может улизнуть от нас.

Достали второй гроб, спеша отвернули винты и сняли крышку.

Крик негодования вырвался у всех, и этот гроб был пустой.

В тот же момент по склепу прокатился взрыв злобного смеха.

Все тревожно переглянулись: эхом это не могло быть.

Прежде, чем кто-либо успел открыть рот, по склепу пронесся вихрь, захлопали крылья, пламя фонарей заметалось... что-то завывало... застонало...

Все, как-то помимо воли бросились к лестнице в капеллу; вслед беглецам вновь раздался злобный, торжествующий хохот.

Только вверху, в зало, товарищи пришли в себя..

— Уф, — прохрипел доктор.

Смит, этот храбрец, был блее полотна; у Карла Ивановича дрожала челюсть; Гарри грыз свою сигару, а Райт крикнул:

— Рому и стаканы.

На Джемса жалко было смотреть; до того поразила его неудача. Он осунулся, точно похудел и постарел в эти несколько часов.

За первой бутылкой рома последовала вторая и третья.

Слуга с удивлением посматривали на господ: бледные, молчат, пьют.

Райт, всегда очень спокойный, невозмутимый, ударил кулаком по столу и вскричал:

— А я «его» выслежу; нам двоим на свете не жить! «Не мертвый», «не мертвый». Я ему покажу, какие бывают мертвые.

Райт расходился и хотел тотчас же снова спуститься в склеп.

С большим трудом Джемс уговорил его идти спать.

ГЛАВА XIX

На завтра, с самого утра, в замке начался переполох.

Караульные требовали от Смита расчета, говоря, что служить в доме, где водится чертовщина, они не могут... Покойники в склепе всю ночь хохотали, визжали, шумели...

Рассказы караульных начали волновать и другую прислугу.

Смит, конечно, объявил, что караульные были пьяны, после гулянки на деревне, и тотчас же их рассчитал.

На деревне опять было два покойника; но так как оба были зачатые пьяницы, то молва и решила, что они опились дарового угощения.

Зато в замке на господ эти смерти произвели тяжелое впечатление.

Целый день Карл Иванович и Джемс читали и толковали непонятые места в старой книге «о ламиях», призывали на помощь доктора... но дело вперед шло плохо.

Райт стоял на одном, что пойдет в склеп караулить; Джемс не допускал и мысли отстать от него.

Карл Иванович тщательно осмотрел, крепки ли цепи пентаграмм, и не смотря на воркотню Райта, набил его и Джемса карманы чесноком; даже на шляпы прикрепил по пучку этих белых вонючих цветов.

На закате солнца Райт и Джемс начали спускаться в склеп; с тяжелым чувством провожали их товарищи.

В склепе по прежнему было темно и сыро... Освещая себе путь фонарями, Джемс и Райт дошли до противоположной стены, где была дверь из склепа в сад.

Они расположились по обе стороны, так, чтобы видеть друг друга.

Райт поставил свой фонарь на перекладину большого черного креста, а сам сел к его подножию.

Джемс предпочел поставить свой фонарь на могильную плиту, рядом с собой. Он рассуждал так: обопрешься о крест, будет удобнее сидеть — ну, против воли и задремлешь. Да и фонарь, на всякий случай иметь под рукой не мешает.

Положим, у меня еще есть карманный потайной фонарь, ну, а все же лучше.

Затем Джемс начал осматриваться: перед ним выступали гробы, кресты, плиты, урны и другие памятники.

Захоронение в склепе было смешанное: часть гробов стояла на поверхности, часть была опущена в могилы и украшена памятниками.

Благодаря темноте и обширности склепа, противоположных стен не было видно.

Воздух был тяжелый, затхлый.

Джемс посмотрел на Райта; тот сидел спокойно и огонек его сигары показывал, что он бодрствует.

Жутко. Тихо.

В голове Джемса начали проноситься образы прошлого.

Детство, юность, жизнь, полная приключений, знакомство и дружба с Райтом.

Вот они, большой компанией охотятся в прериях: дичь интересная и опасная — буйволы.

Только на третий день охоты напали на большое стадо, и они с Райтом так увлеклись преследованием животных, что отделились от общества и углубились далеко в прерию.

Когда, наконец, повалили огромного быка, за которым они гнались, то увидели, что солнце закатилось, а лошади так измучены, что нечего и думать о немедленном возвращении в лагерь.

Эта случайность мало смутила охотников. Мысль провести ночь одним, нисколько их не пугала.

Теплые одеяла, вода, фляжка вина, небольшой запас сухарей и огромный запас буйволового мяса, — от только что убитого быка, — обеспечивали не одну ночь.

Стрелили лошадей, развели костер, и хорошо поужинали.

Хотя все было спокойно кругом, решили спать по очереди, и это, как оказалось потом, спасло их от гибели.

Ночью, на прерии, появились индейцы, — они тоже охотились за буйволами и, конечно, не отказались бы от двух скальпов белых.

Индейцы расположились как раз в том же направлении, где находился и лагерь охотников, и таким образом они очутились между ним и заблудившимися.

Целую неделю пришлось Райту и Джемсу скитаться по прерии, скрываясь от хищных взглядов индейских воинов.

Вот тут-то они и оценили друг друга и вернулись в свой лагерь закадычными друзьями.

Джемс так погрузился в воспоминания, что забыл все окружающее; внезапно он очнулся.

Все по-прежнему тихо, только клубы дыма, окружающие Райта, показывали, что времени прошло не мало.

И вот кажется Джемсу, что что-то шевелится в темноте.

Он всматривается.

В самом деле, из темноты вырисовывается голова, бледное лицо с блестящими, злыми глазами; вот показывается одна рука; длинные, худые пальцы, с заостренными, крепкими ногтями впиваются в край могильной плиты; вот и другая рука; ногти царапают камень, и сильным напряжением рук... тело ползет и ползет из могилы...

Тихо, неслышно, поднимается «не мертвый» из мира смерти и выходит из гроба.

Джемс не сомневается, что это старый Дракула. «Не мертвый» подходит к Райту и сбрасывает фонарь на землю. Тот потухает.

Затем «не мертвый» начинает кружиться около Райта, стараясь понемногу сузить круги.

Из темноты появляются две женщины ослепительной красоты; они приближаются в свою очередь, склоняются к сидящему, протягивают руки: является впечатление, точно все они трое хотят загипнотизировать капитана, опутать его невидимой сетью.

Страшным напряжением воли Джемс прерывает свое оцепенение, хватается револьвер и стреляет в Дракулу.

От выстрела и последний фонарь тухнет. Гул выстрела, темнота; по skleпу проносится точно ураган; что-то толкает Джемса, и он падает на колени.

В то же время слышно, что дверь из сада открывается; появляются люди с фонарями; с лестницы капеллы слышны голоса доктора и Карла Ивановича...

Выстрел Джемса услышан, и друзья его спешат подать ему помощь.

Райта и Джемса выводят на воздух. Они оба невредимы. Райт откровенно признается, что ничего не помнит и чувствует страшную тяжесть в голове...

Джемс отделался еще легче: у него только ссадина на колене.

ГЛАВА XX

Наверху в комнатах их ожидает новость. Поздно вечером в замок пришел старый-престарый монах и попросил приюта. Затем он захотел видеть хозяина замка, и вот уже два часа, как они заперлись в кабинете.

Такая долгая беседа начала беспокоить Смита. Уж не случилось ли чего? Время загадочное, беспокойное.

Прошел еще час.

Нервность Смита заразила и остальных. Хотя был уже поздний час ночи, никто не думал о сне.

Прислуга тоже не ложилась. Всюду горели огни.

Вот издалека, из деревни, долетел удар колокола. Еще и еще... несомненно, бьют набат. Не пожар ли?

Все бросились к окнам.

Нет, на деревне темно, но зато от нее к замку движется большая толпа народа. Видны факелы.

Толпа еще далеко, но можно уже различить, что она вооружена: вилы, косы и даже ружья ясно видны при вспышках огня.

Сомневаться, куда идет толпа, нечего. Ясно, она идет на замок и идет с не мирными целями.

Несколько бледных лакеев вбегают в зало с известием, что в деревне бунт. Там сейчас три новых покойника, и толпа идет в замок с целью убить его владельца. Грозят также его американским друзьям и слугам.

— Сейчас же все ворота и входы на запор; везде поставить караул, — приказывает Райт.

Слуги мнутя; сразу видно, что на их верность положиться нельзя.

— Я приказываю запереть ворота и поставить караул, — повторяет Райт таким голосом и с таким угрожающими жестом, что слуги моментально испаряются.

Райт подходит к дверям кабинета и стучит.

Гарри уже слышал шум и выходит; за ним идет, тяжело опираясь на посох, высокий, сгорбленный старик.

Лицо изнуренное, но спокойное, уверенное. Большая седая борода придает ему вид патриарха.

Одет он бедно, как простой монах. Все же, во всех движениях сказывается аристократ и воспитанный человек.

— Гарри, в деревне возмущение, бьют набат, вооруженная толпа идет сюда, — говорит Райт.

— Я уже все знаю, и все решено. Время терять нечего; нам в замке не получится отсидеться, так как на слуг положиться нельзя. Надо бежать! — объявляет Гарри.

— Как бежать теперь, когда, благодаря нашей неосторожности, выпущены темные силы этого замка? — вскричал Джемс.

— В уме ли ты, Гарри? — прибавил Райт.

— По мне уж честнее погибнуть, лучше смерть, чем позорное бегство, — горячился Джемс.

— Полноте, друзья, успокойтесь, неужели вы могли допустить мысль, что я, спасая свою шкуру, отдам здешнее население во власть вампиров, — сказал Гарри.

— Вот перед вами прежний владелец замка, Карло, граф Дракула, — указал Гарри на старого монаха.

Все почтительно поклонились.

— Мы с графом обо всем переговорили и все вырешили, — сказал Гарри, — я надеялся еще сегодня ночью посвятить вас во все подробности, а завтра к вечеру и выехать. Но обстоятельства обернулись иначе. Мы должны ехать немедленно, а потому друзья, идите и соберите только самые необходимые вещи, и сделайте это потихоньку от слуг.

— Смит, предупредите Сабо, Джо и других наших американских служителей. Сбор через полчаса в нижнем зале, — закончил Гарри.

— А как же останется граф Карло; кто же займется вампирами? — спросил Джемс.

— Господа, за меня вам бояться нечего, — сказал спокойно старый граф, — меня толпа не тронет. Что касается вампиров, то я уже дал клятву мистеру Гарри и повторяю ее вам: я сделаю все, что возможно.

Уничтожить «их» в настоящее время не можете ни вы, ни я. Но я знаю средство обезвредить «их» почти совсем.

Женщин я прикую к стенам этого замка (в нем ведь жить никто больше не будет), а старого «не мертвого» я настолько свяжу, что ему придется убираться отсюда совсем.

Уничтожить же его теперь нет никакой возможности; час его еще не пробил. Но «истребитель» уже рожден и скоро его детская рука сделается рукой мужа и тогда... берегись, старый дьявол! Мститель придет!

Стан старика при этих словах выпрямился, глаза загорелись; он высоко, с угрозой поднял руку, точно проклиная кого.

Все с благоговением смотрели на старого графа и все невольно поверили ему.

— Итак, в дорогу, седлайте лошадей и с Богом! — кончил он.

Каждый поспешил в свою комнату захватить необходимые или любимые вещи; но не прошло еще и назначенных полчаса, как замок был окружен толпою.

Послышались крики, раздались угрозы, проклятья.

В ворота начали стучать и ломиться, требуя входа.

Толпа, видимо, не шла, а бежала к замку, и путь к отступлению был отрезан.

Долго ли выдержат ворота? И как пробиться через толпу, не причинив ей вреда и в то же время не потеряв своих.

Все в нижнем зале, все готовы.. Но на что решиться?

— Через ворота нам не выбраться, придется оставить лошадей и бежать пешком, — говорит Гарри. — Замок окружен, надо рискнуть спуститься со скалы.

— Это невозможно, — говорит Граф Карло, — есть еще путь, — продолжает он, — существует ли у вас еще старый, пустой колодец возле замка? — обращается он к Смигу.

— Да, он закрыт досками.

— Но не засыпан? — тревожно спрашивает Карло.

— Нет.

— Ну, слава Богу; из него есть потайной спуск к подошве горы, к озеру. Скорее, скорее, давайте лестницу или веревки.

В это мгновение над капеллой раздается резкий удар колокола; еще, еще; поздно. Слуги изменили.

Набат гудит в самом замке.

Толпа во дворе, ворота открыты. Неистовый шум, гам, проклятья долетают в зало.

— За мной, в подвалы, — командует граф Карло. — Смит, ломы, кирки, топоры, что возможно, — кричит он. — Одна сторона колодца примыкает к замковой стене; мы пробьем эту стену!!

Конец.

ЭПИЛОГ

(К семейной хронике графов Дракула-Карди. По желанию Е. А. Х.)

Палуба большого американского парохода. Чудный закат солнца; огненный шар вот-вот погрузится в волны, море охвачено светом, точно пожаром.

Волны плещут о борт парохода и навевают на душу безотчетную грусть.

В привилегированном месте палубы сидит общество мужчин.

Это Гарри, теперь граф Дракула-Карди, и его спутники, все старые, неизменные друзья: капитан Райт, доктор Вейс, Джемс и старый библиотекарь Карл Иванович. В памятную ночь бегства из старого замка в Карпатских горах Карл Иванович бежал со всеми, как-то не возник даже вопрос, что он может остаться, что ему лично опасность не грозит.

Позднее, когда уставшие, грязные, оборванные, после тяжелого и опасного спуска с горы они явились в город, то Гарри не захотел расстаться со стариком, тем более когда выяснилось, что Карл Иванович одинок на свете, ничего не имеет и существует тем, что занимается библиотекарством где и когда случится.

— Нет, мистер Гарри, я не могу, я слишком стар, я буду вам в тягость, — твердил старик.

Гарри с всегдашним своим тактом уверил Карла Ивановича, что он будет не только полезен, но даже прямо необходим ему, самому Гарри, что ему нужен личный секретарь, а в Америке огромная библиотека в полном беспорядке.

Карл Иванович со слезами на глазах согласился, и у Гарри с этого дня стало одним верным человеком больше.

Вот уже три дня, как пароход отошел из Гамбурга.

Спешные сборы, ликвидация дел, расчеты поглотили последние дни перед отъездом. Теперь все хлопоты и заботы отошли в область прошедшего, и друзья вздохнули наконец свободно.

— Слава Богу, кончено, теперь долго не заманите меня в Европу! — говорит Гарри. — По мне, уж лучше иметь дело с команчами или хищными зверья-

ми, чем с прекрасными женщинами, которые спускаются по лучу месяца и кусаются, как гадюки; достаточно с меня всякой чертовщины!

— Кстати, Гарри, мы до сих пор ничего не знаем, о чем сообщил тебе граф Карло, — сказал доктор.

— Да, да, за тобой рассказ, — подхватил Джемс.

— Извольте, если это вас еще интересует, — согласился Гарри.

Закурили новые сигары, уселись поудобнее и приготовились слушать.

— И время-то самое подходящее: закат солнца, — сказал Джемс.

— Вы, конечно, поймете, — так начал Гарри, — мое удивление, когда монах, которого я принял за бедного просителя, оказался графом Карло, а следовательно, и настоящим владельцем моего замка.

С первых же слов он уверил меня, что никаких прав на замок более не имеет и не желает иметь, что он давным-давно отказался от всякой собственности и посвятил свою жизнь посту и молитве. Что страшный грех тяготил его душу и он надеялся вдали от света замолить и забыть его. Он дал обет больше не покидать своей кельи.

Вдруг до него дошли слухи о здешних событиях, то есть о моем приезде в замок и о появлении в окрестностях загадочной смертности.

Известие это поразило его как громом!

Ведь он-то знал, что это за болезнь, откуда она, это и был его грех. По его слабости когда-то близкие ему женщины — мать и невеста — не были уничтожены, сделавшись вампирами. И вот теперь они губили окрестное население, выпивая его кровь.

Он знал также, что с годами их вампирическая сила увеличилась, и бороться с ними людям непосвященным очень трудно.

Сердце и разум сказали ему, что он обязан нарушить свою клятву не посещать мир и идти вновь в замок в Карпатских горах; несмотря на весь ужас и тяжесть его положения, он должен хоть и поздно, но исполнить свой долг.

Он спросил совета у своего духовника, очень ученого и старого прелата, который давно знал всю печальную историю Карло. Прелат одобрил решение графа, дал ему священных облаток, без которых человек бессилен против нечистой силы, и предупредил, что по старым книгами ему известно существование «немертвого» в горах Карпат, как очень сильного и хитрого, гибель которого зависит от мужественной женщины, но что время гибели еще не настало.

Относительно женщин, как более слабых, граф Карло предложил мне борьбу под его наблюдением и помощью.

Это, как вы знаете, не удалось. Мятеж вспыхнул скорее, чем мы рассчитывали.

Видя подобную случайность, граф решил остаться один и силою заговора вернуть женщин в положение спящих, ограничив их подвижность стенами замка.

В замке же без моего разрешения никто жить не может и не будет.

Вы уже знаете, что через комиссионную контору все имущество замка, мною приобретенное, распродано, осталось только то, что до меня находилось в нем.

Теперь разрешение некоторых вопросов, относящихся собственно к вампирам и оставшихся для нас загадкам.

Граф Карло в тяжелые минуты своей жизни вел записки, а теперь отдал их в мое распоряжение.

Они довольно обширны, но читать их все нет надобности. Многое нам уже известно, многое не подлежит общему оглашению, те же отрывки, которые могут представить для вас интерес, я позволю себе прочесть.

Гарри принес толстую тетрадь и начал, перелистывая ее, рассказывать:

— Выводы Джемми в большинстве случаев верны, — сказал он. — Причиной и началом всех несчастий был старый граф Дракула, ухитрившийся сам себя привезти в гробу из Америки под видом старого слуги; с его приездом началась первая загадочная эпидемия, во время которой и погибла мать Карло, молодая графиня Мария Дракула.

Она — это вампир с золотыми волосами и неньюфарами. Отец Карло знал тайну ее смерти, но от безмерной любви не решался воткнуть ей в сердце осиновый кол.

Охраняя себя и других, они со старым Петро и домашним доктором уложили ее в новый склеп и крепко заговорили. Затем граф Фредерик решил отказаться от света и караулить дорожную и страшную покойницу. Он молился день и ночь, надеясь вымолить ей прощение и спокойную смерть.

Оберегая память жены, граф запретил сыну своему Карло возвращаться в замок, а с Петро и доктора взял страшную клятву ничего не говорить ему о причине смерти матери, а также и о последствиях этой смерти.

Этим распоряжением граф Фредерик сделал страшную ошибку. Он не рассчитал того, что Карло может захотеть вернуться на родину, и связал клятвою двух человек, которые могли его предупредить об опасности.

Как думал распорядиться граф Фредерик перед своей смертью — неизвестно. Он умер, не успев написать завещания.

Старый Петро похоронил графа в заранее приготовленном гробу рядом с графиней и проделал опять все, что требовалось для заклатья.

Затем он по обету пошел в Рим к папе за святыми облатками и по дороге зашел в Венеции отдать отчет новому владельцу замка.

Решение графа Карло вернуться в родовой замок привело Петро в страшный ужас, и в то же время он не смел нарушить клятву.

Упросив Карло ждать полгода, он бросился в Рим, ища там спасения и разрешения клятвенных уз.

Старый доктор, желая спасти сына своего друга, нарушил свою клятву, но это стоило ему временного помешательства, а главное, Карло ему не поверил. Тем более что ученый друг Альф, перед знаниями и умом которого преклонялся Карло, отверг и высмеял существование вампиров. И доказал ненормальность старика.

К несчастью, граф не дождался возвращения старого Петро и переехал в замок, привезя туда и невесту Риту.

В начале все шло хорошо.

Новый склеп не был открыт, а старый Дракула спокойно лежал в своем каменном гробу.

«Потом все пошло прахом, — начал читать Гарри, — Рита начала хворать, хандрить; она бледнела, худела не по дням, а по часам, в то же время была ко мне нежна и как-то застенчиво-ласкова. Она не отказывала мне в поцелуях, но как-то оглядывалась, оберегалась, точно боялась строгого взгляда старой тетушки. Меня это очень забавляло».

Загадочная смерть Франчески сильно повлияла на Риту, и Карло решил и по совету старого доктора, который все требовал увезти Риту «чем дальше, тем лучше», и по своему личному мнению, веря в благоприятное влияние перемены места, переселить невесту в лесной дом под надзор друга Альфа.

Он так и сделал.

Но и там больная продолжала хворать и наконец впала в летаргический сон, принятый за смерть.

«Мы одели дорогую покойницу, — вновь читал Гарри, — в голубое шелковое платье, я воткнул ей в волосы знаменитую гребенку императрицы — ведь она так любила ее. О гробе хлопотали Альф и Лючия, а я просил только одного: ничего не жалеть... Я хотел, чтобы моей милой было хорошо лежать между лент и кружев.

Капеллу обтянули черным сукном, и я велел срезать все розы до единой... пусть умирают со своей госпожой.

Мы с Альфом с помощью Люции и Цецилии вынесли Риту из ее салона. Мы не хотели, чтобы чужие входили в эту теперь священную для нас комнату. И Альф и Лючия сразу откликнулись на мое предложение закрыть салон навсегда. Так он стоит и поныне.

При звоне колоколов в сопровождении всей дворни и деревни мы отнесли тело Риты в капеллу. На утро была назначена заупокойная служба.

С вечера ничего не предвещало бури, а ночью вдруг поднялся ураган, да какой!

Старики говорят, что давно не помнят такой грозы. Гром грохотал не смолкая. Черную тьму прорезывала поминутно яркая молния, ветер рвал с такою силою, что казалось стены замка не выдержат.

Мы все собрались в столовой. Нервное напряжение от пережитого горя еще усилилось от воя бури и грохота грома.

Все молчали.

Мне лично казалось, что мир разрушается, что никто и ничто не хочет существовать после смерти той, которая была лучшим украшением жизни.

И вот через шум грозы мы слышим дикие голоса людей, в них нечеловеческий ужас, какой-то вой...

Двери с силою открываются — и в комнату врываются человек пять-шесть прислуги; все они бледны, волосы в беспорядке, и с криками: „Она встала! Она идет!“ — кидаются кто ко мне, точно ища защиты, кто в противоположную дверь.

И, прежде чем из отрывочных слов и восклицаний испуганных людей мы поняли, в чем дело, в дверях, к нашему ужасу, показалась Рита, сама Рита, умершая Рита.

В первую минуту я ничего не думал, не понимал, смотрел кругом, видел Риту в голубом нарядном платье, с розами у груди; видел старика доктора с выпученными глазами и трясущейся нижней челюстью; видел бледного Альфа...

Сколько мгновений продолжался наш столбняк, не знаю. Нас привел в себя радостный крик Люции:

— Господи, это был обморок, ты жива, жива, Рита! О, как мы все счастливы! Оцепенение снято.

Сразу все заговорили, поняли положение вещей, обрадовались, бросились к Рите.

Один старик доктор стоял как истукан. Лицо его выражало растерянность и недоумение.

Рита была бледна и слаба, да это и понятно, — такой глубокий обморок. А затем прийти в себя в гробу тоже чего-нибудь да стоит! Впрочем, она была так слаба, что ни мрачное убранство капеллы, ни гроб, казалось, не произвели на нее впечатления.

По крайней мере, ни тогда, ни после она ни слова не сказала о своих ощущениях.

В эту же ночь в замке умерла молодая служанка, точно смерть не хотела уйти от нас без жертвы.

Я неверно выразился, говоря „смерть не хотела уйти“, напротив, надо сказать: смерть пришла и воцарилась в замке.

Не проходило недели без покойника, мы даже как-то привыкли к этому, тем более что эпидемия свирепствовала также и на деревне».

— Наступила, так называемая Джемми, «вторая эпидемия», — сказал Гарри, прерывая чтение и перекидывая несколько листов тетради. Карло сообщает о смерти Люции, Альфа, итальянских лакеев и т. д. И при этом жалуется, что Рита, прежде такая нежная и сострадательная, теперь спокойно и безразлично относится к смерти близких людей. Дальше он пишет... — И Гарри снова начал читать:

— «На деревне погребальный звон не прекращается, и как это мне напоминает детство, и как жутко становится... Какие страхи встают кругом... А тут еще этот доктор со своими вампирами!

Бедный старик совершенно сошел с ума! Он, как привидение, день и ночь бродит по замку, всюду является неожиданно, распространяя скверный чесночный запах, и разрисовывая везде, где возможно, пентаграмму, этот знак средневекового заклęcia нечистой силы.

Особенно сильно он украшает им мои комнаты и мои вещи, я уж не спорю, лишь бы он избавил меня от букетов чеснока, а то повадился украшать ими мою спальню... Так что теперь у нас с ним по этому поводу молчаливое соглашение.

Пусть, зачем раздражать сумасшедшего! Зато с Ритой они теперь враги! Раньше он рыцарски ухаживал за ней, и она относилась к нему ласково, как к старому человеку, другу моих родителей. Теперь же она не переносит старика, прямо ненавидит его.

Я думаю, что это одна из причин, почему она завтракает и обедает одна у себя в комнате.

Этой же причине я приписываю отказ Риты принять от меня последний подарок. А ведь вещица была заказана по ее личному желанию... И вышла на удивление удачно! Это на тонкой золотой цепочке знак пентаграммы, усыпанный бриллиантами, и камни самой чистой воды, точно летняя роса...

А Рита даже не хотела взять ее в руки. Обидно немного... Эх, буду сам носить и помнить, что счастье обманчиво... Все обманчиво... И любовь... И дружба...»

Гарри прервал чтение и отодвинул тетрадь.

Причиной всех несчастий и на этот раз был старый граф. Заговоренный Петро, он пятнадцать лет лежал смирно в гробу, но был еще настолько силен, что внушил Карло мысль привести в склеп Риту, а ей — желание опереться о каменный гроб. Прикосновение живого женского тела сняло заклęcie, и старый вампир был свободен.

Он начал с того, что погубил свою освободительницу, наградив ее своей любовью и страшными последствиями этой любви.

Рита с его помощью в недолгое время стала сильным вампиром. Она вела двойное существование: днем жила между живыми, ловко обманывая их, а ночью являлась вампиром и губила их. Страстная любовь к другу своего жениха, Альфу, заставила ее забыть осторожность и сильно ее выдала, хотя Альф и умер, не успев ничего сказать Карло, не открыв тайны Риты.

Прощальное письмо Альфа, вложенное в Библию, так и не дошло по адресу. Граф Карло его не видел.

Все же у графа проснулись неясные подозрения и ревность, и он начал следить за Ритой.

Тут граф Карло переживает страшную драму.

«Она какая-то бесстыдная, сладострастная», — пишет он; или: «Чем больше я за ней слежу и наблюдаю, тем больше становлюсь в тупик. Она или сходит с ума, или у нее какая-нибудь таинственная болезнь, но болезнь психическая, так как физически она цветет и хорошеет день ото дня».

«Чем объяснить такой поступок, — пишет он дальше, — Рита, тихонько оглядываясь, входит в мой кабинет, берет со стола тяжелое каменное пресс-папье и с силою кидает его в большое простеночное зеркало. Стекло вдребезги.

В ту же минуту она сталкивает с подставки тяжелую китайскую вазу, и та с грохотом падает на пол. Вбегают слуги.

— Ничего особенного, — объявляет холодно Рита, — скажите барину, что я нечаянно столкнула вазу, а она, падая, разбила стекло. Идите прочь. — Слуги, переглядываясь, молча уходят».

— Как раз в это время, — рассказывал Гарри дальше, — Карло подвернулась латинская книга «о ламиях». Он взял ее из лесного дома на память об Альфе и от бессонницы, которая его преследовала, принялся читать.

Карло признается, что ничего бы не понял в ней, если бы не рассказы старого доктора на эту тему. Тем не менее он не в состоянии поверить в существование вампиров, а тем более причислить к ним свою невесту.

«В книге ясно сказано, что они выходят из могил, — пишет он. — Затем книга говорит...»

— Впрочем, это я вам прочту, — говорит Гарри, перекидывая листы.

«Книга говорит, что большей опасности подвергаются близкие люди. Вот если б была правда, то я первый должен бы был умереть. А я жив и здоров, и никто ко мне по ночам не ходит... вот только я спать не могу... Что это: крик или мне показалось? Вероятно...

Фу, какая-то огромная черная кошка подкралась к моей двери, я даже испугался, а увидав меня, она тоже испугалась, шмыгнула по темному коридору и пропала. Откуда она? Кажется, в замке нет такой; должно быть, забрела из соседнего леса. Надо будет...

19-е.

Ну и ночь! Сейчас светит ясное солнышко, а я все еще не могу сбросить ночной кошмар... а быть может, и действительность... А впрочем, я потерял мерило...

19-го же. Позже.

Вчера ночью ко мне в комнату заглянула черная кошка и исчезла. Не успел я снова взяться за перо, как ворвался сумасшедший, на нем был халат, на голове чеснок, а в руках знаменитый кол, с которым он не расстанется.

Оказывается, что кол у него осиновый, и, чтобы добыть его, он ходил куда-то далеко, так как у нас в окрестностях осины нет.

Старик вбежал и принялся что-то искать в двух моих комнатах. Он заглядывал под кровать, в шкаф, под стулья, за портьеры и даже смотрел в печке.

— Нету, ушел.

— Да кто ушел? Кого вы ищете? — спрашиваю я.

— Да его. Эхе-хе, понимаю, сюда-то не сунется! — весело засмеялся сумасшедший, показывая на знак пентаграммы, вырезанный им на пороге моей комнаты. — Знаешь, — продолжал он, — я двери-то чесночком, чесночком замазал и завесил, так он в окно да черной кошкой... сюда, вверх... А я за ним да, видишь, ноги старые, не поспел, ушел он... — Старик тяжело вздохнул и присел на стул.

Из отрывочных фраз и бормотания я наконец понял, что он завесил чесноком двери капеллы, а сам сторожил его с колом. Этот-то он, выходит, не кто иной, как Рита, она же вампир.

Будь передо мной не старик, я бы вздул его, несмотря на все его сумасшествие. Я думал тогда, что всякий вздор, даже сумасшествие, должен иметь меру.

Пока я соображал, как образумить старика, он вдруг опомнился, вскочил, схватил меня за руку и зашептал:

— Идем, идем, он, наверное, у итальянца, у художника, засосет он беднягу.

Постараться вырваться, нечего было и думать, и я покорно пошел, вернее, побежал за сумасшедшим. Он быстро взобрался по лестнице, на третий этаж, где живет итальянский художник, и затем мы, словно воры, тихо стали красться по коридору.

Подожли к комнате итальянца. Старик осторожно притворил дверь. Комната была залита лунным светом, окно открыто, и занавес на нем отодвинут.

Каково же было мое удивление, а потом и бешенство, когда я увидел, что Рита, моя невеста, полулежит на груди итальянца, припав к нему поцелуем!

Должно быть я крикнул, потому что Рита подняла голову и обернулась и... о ужас, ужас!.. При ярком свете месяца глаза ее светились сладострастием и злобой, а по губам текла свежая алая кровь...

— Видишь, видишь! — закричал старик и кинулся вперед... Сильный порыв ветра хлопнул створками окна, взметнул штору и ударил ею по старику — тот упал.

Я поспешил к нему на помощь, но луна померкла, и в комнате воцарился мрак. Не скоро я отыскал спички и свечку.

При слабом освещении я оглянул комнату, — никого нет. Сумасшедший, охая, поднимался с полу, итальянец мирно спал.

Я готов был все признать за галлюцинацию, как старик подошел к кровати и, поднимая за плечи художника, спокойно объявил:

— Вот я и прав, она засосала его. В самом деле, художник был мертв. Лицо бледное, руки болтаются, как плети, на ночной рубашке свежая кровь.

Боже всеильный, что же это? Голова моя не выдержит... лопнет... Ведь выходит, что Рита — «немертвый»... что она сосет кровь живых людей... Как я могу это понять и связать?.. Рита... кровь... нет и нет. Это я под влиянием старика схожу с ума... Это он мне навязывает свою болезненную идею... В то же время я сознаю, что я здоров, вполне здоров... А впрочем, все сумасшедшие считают себя здоровыми...»

— Что же дальше?..

— Тут для графа Карло начинается страшный период сомнений, еще более ужасный, чем муки ревности и он признается, что был на волосок от помешательства.

— На счастье, вернулся из Рима старый Петро. Он сильно похудел и еще больше постарел. Но зато торжественно спокоен и самоуверен.

«Господь Бог помиловал меня, а святой отец благословил послужить миру, я теперь ничего не боюсь. И за вас, мой дорогой господин, буду бороться со всею нечистою силой. Я вас спасу, не унывайте!» — говорил он.

Петро провел целый день в деревне и уже знает все несчастья, постигшие замок.

Затем он рассказывал о папе, о монастыре, где выдержал покаяние:

«Так там хорошо, так хорошо, век бы не ушел, — сознается он, — вот только спешил сюда, боялся за вас, ну да слава Богу, не опоздал!»

Потом понемногу деликатно Петро начал знакомить Карло со смертью матери и т. д. Но увидав печаль на лице своего любимого господина, спросил: «Так вы знаете, все знаете? А кто сказал?»

Карло сознается, что знает многое, а сказал старый доктор.

— Так вот она, причина его сумасшествия, несдержанная клятва, — сообщает Петро, — а куда он уехал? Вам известно?

— Да никуда он не уезжал, а живет у меня в замке.

После признания Карло, что он знает тайну матери, Петро уже прямо говорит о своей миссии в мире. — Эта миссия — уничтожение вампиров. Он приглашает Карло помочь ему.

«На наше счастье, матушка ваша лежит спокойно. Я уже осмотрел и склеп, и гору — все в исправности. Верно, „отмолил“ ее старый граф. И слава Богу, а то каково это — вколачивать осиновый кол в сердце родной матери».

Петро подтверждает, что освобождение «старого дьявола» произошло благодаря прикосновению тела Риты, а стоило ему напиться свежей крови, и он стал опять силен. Его только удивляет, что «старый» не погубил ее, так как это обыкновенная благодарность вампиров за освобождение.

Гарри вновь начал читать:

— Я слышал, — продолжал Петро, — что ваша невеста была очень больна, при смерти, но поправилась, и люди говорят, что теперь она еще прекраснее, чем была до болезни.

— А ты не видал еще моей невесты? — спросил я.

— Нет, не удостоился еще.

Как мне теперь поступить: рассказать старику свои наблюдения и опасения или лучше молчать: не создавать ему предвзятой идеи? Это тем более удобно, что мой сумасшедший уехал зачем-то в город.

Решено, буду пока молчать.

27-го.

По давно заведенному порядку мы с Ритой после обеда (хотя и обедаем на разных половинах) гуляем над обрывом. Прежде эти прогулки имели неизъяснимую прелесть, — нам всегда так много надо было сказать друг другу... А теперь мы точно отбываем повинность перед слугами.

Вчера мы также ходили, перекидываясь фразами о погоде.

Как-то на площадку явился Петро. На нем была старинная парадная ливрея, на ногах туфли с большими пряжками, седые волосы тщательно причесаны, в руках у него был небольшой сверток.

Я сразу понял, что старик явился представиться своей будущей госпоже.

— Рита, — сказал я, — это мой старый дядька Петро, верный слуга моих родителей. — Рита снисходительно кивнула головой.

С низким поклоном Петро подошел к ручке. В первый раз мне неприятно бросилась в глаза перемена, происшедшая с руками Риты. Прежде розовые пальчики с нежными ноготками были теперь длинные, белые, и ногти твердые и острые.

Только Петро хотел коснуться руки, как Рита резко отдернула ее и сказала: — Я не хочу!

Старик оторопел и так растерялся, что, вместо того чтобы уйти, протянул Рите сверток, говоря:

— Я принес для вас, сам святой отец благословил их.

Рита отпрыгнула в сторону, все лицо ее перекосила злоба, и, как-то шипя, она сказала:

— Убирайся прочь, дурак! — и быстро пошла к дому.

На бедного Петро жалко было смотреть. В его трясущихся руках лопнула бумага, и из нее висели янтарные четки с маленьким крестиком.

Для меня эта сцена была полна смысла.

Могла ли Рита в ее теперешнем положении принять четки, благословенные святым отцом?

— Успокойся, Петро, и отдай четки мне, — сказал я. — Мне они скоро пригодятся.

— Милый Карло, что же это? За что? — бормотал, плача, старик.

— Полно, старина, мужайся, это значит только, что ты опоздал, а старый граф Дракула сделал свое дело, — погубил ту, что помогала его освобождению».

После рассказов Карло и своих наблюдений Петро приходит к заключению, что Рита — вампир и что ее надо уничтожить.

Несмотря на все это, в душе Карло по временам вспыхивает надежда, что это ошибка, галлюцинация, психоз... И вот Петро решается доказать ему правду.

Гарри остановился.

— Если вам не наскучило, то конец записок я могу прочесть весь без перерывов, — говорит он.

— Конечно, мы желаем знать все, — ответил Джемс за всех.

— В таком случае, Карл Иванович, будьте добры замените меня, я устал. — И Гарри передал тетрадь Карлу Ивановичу.

Надев очки, тот начал:

«Петро усердно следит и караулит Риту. Он теперь убежден, что она часы своего „вампирического сна“ проводит в своем гробу, в капелле. Недаром она так заботливо его оберегает.

Сегодня ночью мы идем, чтобы окончательно в этом убедиться.

Вчера во время заката солнца, то есть в то время, когда, по мнению Петро, вампиры должны лежать в могилах и Рита не могла следить за нами — что она в свою очередь делает, — мы отправились на хоры, в капеллу.

Было тихо.

Последние лучи солнца освещали мрачное убранство стен и засохшие розы на полу и катафалке.

Петро поставил нам два стула и очертил мелом на полу круг, что-то шепча, и там, где сходились линии круга, нарисовал пентаграмму.

Прошло полчаса. Все тихо. Солнце закатилось. Наступил полумрак.

Неясно внизу чернел гроб, подсвечники, окутанные черным флером, аналой... Становилось жутко.

Петро по временам клал мне руку на колена, точно желая успокоить.

Темно, я закрыл глаза.

Открываю — капелла залита лунным светом, но при нем все принимает фантастические образы. Даже кажется, что розы ожили и благоухают...

Петро опять нажимает мне на колено, приглашая быть внимательным.

И что же — дверь из капеллы в склеп, за минуту перед тем закрытая — это я ясно видел, — стоит настежь, и в ней фигура.

Это высокий седой старик в черном бархатном одеянии, на груди дорогая золотая цепь. Нет сомнения, это старый граф Дракула.

Если б вместо черного фона открытой двери была золотая рама, я поклялся бы, что портрет, посланный когда-то моим отцом в лесной дом, перенесен в капеллу.

Старик не торопясь подходит к гробу. Крышка скользит: в гробу в голубом платье, с розами на груди лежит Рита.

Она открывает глаза, счастливая улыбка озаряет ее лицо.

— Пора, милый, — и она протягивает руки старику. — Ты мой учитель, ты сделал меня могучей и сильной, я люблю тебя.

Рита приподнялась и села. Еще минута — и она уже стоит на ногах.

— Зачем только ты хочешь, чтоб я жила с ними днем? Мне лучше с тобою в темном склепе. Они мне противны, мне тяжело с ними. Вот и сейчас я чувствую их присутствие. — И она начала беспокойно оглядываться.

— Полно, они не смеют сюда явиться!

Мы сидели затаив дыхание.

— А если они здесь? — и Рита подняла голову по направлению к хорам.

В ту же минуту я заметил в руках Петро маленький ковчежец со святыми облатками.

— Уйдем отсюда, уедем, — сказала Рита, и они обнялись, легко отделились от пола и понеслись в луче месяца к окну. На минуту они заслонили свет, а затем вновь стало светло.

И мы ясно увидели плотно закрытый гроб и крепко запертую дверь.

Все виденное казалось сном.

— Будем ждать, — сказал Петро, — летняя ночь коротка. Они скоро вернуться.

Сколько прошло времени — не знаю. Я устал, спина ныла, ноги одеревенели, голова была тяжелая.

В воздухе стоял ясный запах тления, точно разлагающейся труп рядом.

Скоро взойдет солнце. Риты нет. На окне сидит большая черная кошка. Я хочу уже встать, но кошка прыгает в капеллу, и это не кошка, а Рита.

Усталой походкой идет она к гробу, глаза сияют злым наслаждением, на губах кровавая пена. Минута — и она исчезла.

— Теперь скорее вон отсюда, — говорит Петро и берет меня за руку.

— Да, да, вон, — шепчу я, — и пора.

Едва дотащился до своей постели и упал как убитый.

7-го.

Что мы пережили сегодня! Ну и ночь! Она еще страшнее той, когда в первый раз встала Рита. Но по порядку.

После бессонной ночи, проведенной в капелле, а главное, от разных дум и пережитого горя, я свалился на постель и заснул тяжело, без грез, без видений.

Вдруг кто-то сердито меня толкает, открываю глаза, передо мной стоит Рита. Лицо ее перекошено злобой, острые ногти впиваются в мою руку.

— Вставай! Что же это за безобразие, твои два дурака залезли в мою капеллу и не хотят оттуда уходить! Прогони их сейчас же! И прикажи снять решетки и глупые цветы! — кричит Рита.

— Какие цветы? Какие решетки? Я ничего не знаю, — говорю я.

— Я так и знала, что ты ничего не знаешь! Идем! — и она тащит меня в капеллу.

Оказывается, сумасшедший ездил в город затем, чтобы заказать на окна капеллы решетки из омелы, и теперь они с Петро укрепили их на место и всюду развесили гирлянды цветов, тяжелый запах сразу открыл мне, что эти белые цветочки — не что иное, как чеснок.

— Прикажи убрать, прикажи убрать! — кричала Рита.

Я взглянул на Петро.

— Хорошо, Рита, я распоряджусь, и завтра все уберут.

— Нет, сегодня же, сейчас! — настаивала Рита.

— Сегодня поздно, скоро закат солнца, а вечером никто из слуг не станет работать там, где стоит гроб, хотя бы и пустой, — сказал я самым равнодушным образом, — вот тебе ключ от выходной двери капеллы, завтра, когда ты пожелаешь, тогда и очистят здесь. Я прикажу.

Рита взяла ключ и еще колебалась. Петро в это время проговорил, ни к кому не обращаясь:

— Надо прочесть „Ave Maria“, солнце закатывается.

— Уходите прочь, я замкну дверь, — сказала Рита.

Мы вышли. Оба старика довольно улыбались и подталкивали друг друга.

— Ну, Карло, теперь за дело, пока ты спал, мы с Петро все приготовили, — сказал сумасшедший, и он сказал это так спокойно и решительно. Голос был такой ясный.

Я невольно взглянул на него. Глаза светлые, разумные.

— Да, милый Карло, я поправился. Я теперь знаю, что я не один и что Петро поможет мне. Да ты и сам видишь теперь, что я говорил правду, и только от горя и бессилия у меня кружилась голова, и я, правда, временами сходил с ума. Сегодня же, как увидел Петро, мне сразу стало легче, а когда он мне все рассказал, то с меня точно гора свалилась! Вот помогу вам, кончим здесь все, и я пойду в тот монастырь, где был Петро. Хорошо там, он говорит!

— Дело, дело говори, пора уже, — перебил его Петро.

— Да, мы решили на всякий случай заделать окна решетками из омелы — через нее нечистая сила не проходит, — а двери, кроме наружной, замкнули и залили свинцом, смешанными со святой облаткой, так что ходу им, кроме двери, нет.

Два осиновых кола и большой молоток мы приготовили... так через четверть часа и пойдем.

Я буду держать кол, Петро ковчежец и ты, Карло, должен вбить кол. Не бойся, я направляю его прямо в сердце, я ведь все же доктор. Покончим с женщиной, спустимся в склеп. Хорошо?

Я согласился.

Мы прошли в замок. Он был пуст. Слуги, видимо, нарочно были отпущены.

Старики принялись молиться, а я сел на окно и смотрел на закат солнца.

И вот, картина за картиной стали вставать в моем воображении: закат солнца, темный канал, а на нем — гондола и черные красивые глаза...

Вот церковь. Орган тихо играет, и здесь, близко от меня, черные милые глазки, но они не смотрят...

Вот снова черные глазки, но как они светятся, сколько ласки, любви... Я чувствую нежные руки... запах роз... скоро, скоро она будет совсем моей, моей обожаемой женой...

— Идем, — говорит кто-то.

Меня берут за руку, ведут... кто, куда, зачем?

Мрачные стены обтянуты черным сукном, украшены белыми пахучими цветами. Серебряный гроб покрыт богато расшитой пеленой и засыпан розами...

Солнце закатилось, и последние отблески наполняют воздух бегающими „зайчиками“.

Жарко и душно.

Вот две черные фигуры подходят к гробу. Молча свертывают покров, снимают крышку.

В гробу, на белой шелковой подушке, вся в кружевах и лентах лежит дорогая мне головка, черные волосы, как короной, украшены жемчужным гребнем, между розовых губ блестят белые зубки... Встречи на канале, в церкви снова проносятся в моей голове. Виски стучат.

Вот одна из черных фигур подает мне что-то длинное и упирает это что-то в грудь моей невесты. Затем мне дают тяжелый молоток, и я слышу:

— Ударь, сильнее ударь!

Я повинуюсь, поднимаю руку и... вдруг два милых черных глаза тихо открываются, смотрят на меня не мигая, губки шепчут: „Карло“.

— Бей! Бей! — кричит голос мне в ухо.

Я опять повинуюсь, поднимаю молоток... черные глаза печально мерцают, губы скорбно сжаты, маленькая ручка беспомощно поднята... Минута — молоток с грохотом падает на пол, и я сам валюсь на ступени катафалка.

Слышу отчаянный крик, злобный хохот... и теряю сознание.

Очнулся я поздно ночью у себя в комнате. Открываю глаза и вижу: Петро и доктор стоят возле моей кровати. Петро усердно меняет на моей голове компрессы, а доктор говорит:

— Ничего, отойдет, это она его заколдовала. Ну да мы в обиду не дадим.

Вдруг страшный порыв ветра пронесся над замком. Захлопали двери, застучали ставни, слышно было, как забегали и засуетились слуги. Новый порыв ветра.

— Сорвало крышу, сломало старый дуб! — кричали голоса.

Я вскочил на ноги.

— Ну, это они! Ведь на небе не было ни облачка давеча. Откуда же такая непогода? — сказал Петро.

— Да, не иначе как они, теперь их время, — подтвердил доктор.

Затем они сообщили мне, что, когда вынесли меня в обмороке из капеллы, они тотчас же закрыли дверь и залили свинцом со святой облаткой, как сделали это и раньше с остальными дверями. И вот теперь нечисть, не находя выхода, и вызвала бурю.

Вдруг раздался такой удар грома, что казалось, сама скала, на которой стоит замок, лопнет сверху донизу.

Оба старика бросились на улицу, к дверям капеллы. Двери дрожали, точно кто могучей рукой потрясал их... Вот внутри что-то упало и задребезжало, опять и опять. Звон разбиваемых стекол и звон металла сливались с ревом бури.

Внутри выли, стонали, скрежетали зубами, в окнах мелькали тени, то белое облако, то черная голова, то светились зеленые глаза...

Буря ревела неистово.

Каждую минуту казалось, что двери сорвутся с петель. Я ждал, что старая стена капеллы не выдержит и рухнет, похоронив нас под своими обломками.

Петро, с всклокоченными седыми волосами, в развевающейся полумонашеской одежде, крепко стоял против двери, высоко над головой подняв заветный ковчежец. Лицо его светилось глубокой верой и решимостью.

Доктор лежал на земле, распластавшись крестом, он точно хотел своим телом загородить путь.

Новый, еще более страшный удар грома... Я упал на порог капеллы...

Старики страшно нескладно запели молитвы.

Слуги с криками ужаса бросились в ворота замка. От страха они бежали в деревню.

Внезапно все стихло.

И вот в тишине, еще более жуткой, чем сама буря, раздался тихий, нежный голос, звавший меня, он прерывался стонами и слезами, в нем было столько любви и нежности...

Я невольно приподнялся, но в ту же минуту почувствовал, что что-то тяжелое придавило меня к земле, и строгий, угрожающий голос доктора произнес:

— Лежи, ни с места! Или, клянусь Богом, я всажу тебе в горло этот нож! — и на шее я почувствовал холодок стали.

Просьбы и мольбы из-за двери становились все нежнее. Я слышал ласковые названия, намеки, обещания... вся прежняя обожаемая Рита стояла передо мной...

Еще минута... И Бог знает чем бы кончилось!..

На мое счастье, раздался громкий удар колокола, за ним другой, третий...

Звонили в деревне. Звуки лились к небу, прося и требуя, в них смешивались и молитвенный благовест, и тревожный набат...

Оказалось, слуги бросились в деревню и рассказали о наших ужасах.

Священник, уже давно подозревавший, что в замке не все благополучно, бросился в церковь и приказал звонить. Он начал „Te Deum“ и сборы крестного хода в замок.

Только тронулись хоругви, как яркий луч солнца прорезал облака.

Моментально в капелле все смолкло. Звон колоколов победно усилился.

— Спасены, спасены, — шептали старики.

И мы все трое опустили на колени.

В первый раз в жизни я молился от всей души и с полной верой!

Много позже.

Мне немного остается прибавить к этим запискам.

Успокоившись, мы решили не рисковать и капеллу не открывать. Чтобы обессилить нечисть мы придумали их разъединить, то есть не допускать старого Дракулу в капеллу.

Старики поняли свою ошибку, они не заговорили внутренней двери между капеллой и склепом и тем самым дали возможность действовать сообща.

Мы вырыли в склепе глубокую могилу и спустили туда каменный гроб с надписью: „Привезен из Америки“. Петро с доктором его заговорили, как заговорили когда-то мою мать».

— Вот, Джемс, и причина, почему ты не нашел в склепе гроба графа Дракулы, — прервал Гарри чтение Карла Ивановича. — Но продолжайте!

— Да тут осталось всего несколько строк:

«Мы все трое уходим в монастырь, где будем молиться о дорогих нам когда-то людях. Да пошлет им Господь по своей великой милости вечный могильный покой!

Быть может, Петро еще вернется, чтобы наблюдать за спокойствием погребенных.

А само время уничтожит их страшную силу».

Все молчат, переживая в душе драму графа Карло.

— Вот в том-то и была их ошибка, — прерывает наконец Гарри общее молчание. — Да, кстати, — говорит он, — я забыл вам показать. — И он вынимает из кармана что-то длинное, белое.

Это что-то оказалось женским ожерельем, оно было из жемчуга, а застежкой служила змеиная голова с зелеными глазами, все прекрасной работы.

— Откуда это у тебя? Ведь это ожерелье Марии Дракулы, привезенное из Америки? — спрашивает Джемс.

— В ту ночь, когда мы пробивали стену в старый колодец, оно попало мне в мусоре. Я сунул в карман да и забыл, — ответил Гарри, — и вот только сегодня оно опять попало мне под руку.

Все любуются и восхищаются красотой жемчуга и изяществом застежки.

— А все же было бы лучше, если бы оно осталось на дне старого колодца! — прошептал со вздохом Джемс.

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСТЬ ДРАКУЛЫ (<i>Перевод Р. Грищенко</i>)	5
ДРАКУЛА (<i>Перевод Н. Сандровой и Р. Грищенко</i>)	23
ВАМПИРЫ из семейной хроники графов Дракула-Карди (<i>Роман написан русским автором под псевдонимом Б. Олшеври</i>)	315

Брэм Стокер
ДРАКУЛА
ГОСТЬ ДРАКУЛЫ

На основании п. 2.3 статьи 1 Федерального закона № 436-ФЗ от 29.12.2010
не требуется знак информационной продукции, так как данное издание
классического произведения имеет значительную историческую,
художественную и культурную ценность для общества

Компьютерная верстка,
обработка иллюстраций
М. Судаковой

Дизайн обложки,
подготовка к печати
А. Яскевича

Сдано в печать 14.04.2022
Объем 31 печ. лист
Тираж 3100 экз.
Заказ № 0618/22

Бумага кремовая книжная дизайнерская
Stora Enso Lux Cream

ООО «СЗКЭО»
Телефон в Санкт-Петербурге: +7 (812) 365-40-44
E-mail: knigi@szko.ru
Интернет-магазин: www.szko.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт»,
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс №3А,
www.pareto-print.ru

Роман «Дракула» принес ирландскому писателю Брэму Стокеру мировую славу, в лучах которой померкли прочие его произведения, а их было написано более двух десятков. Интерес к привидениям и загробному миру возник у Стокера еще в раннем детстве. Будущий писатель появился на свет в 1847 г. на окраине Дублина в протестантской семье. Странный недуг не позволял Брэму до семи лет вставать с постели. В это время его мать Шарлотта много читала своему сыну и рассказывала ему разные истории, среди которых были и «ужастики»; они производили на мальчика особо сильное впечатление. К счастью позже Стокеру удалось преодолеть свою болезнь, в университете Дублина он даже стал неплохим легкоатлетом.

В Лондоне Стокер познакомился с Артуром Конан-Дойлем, Оскаром Уайльдом и другими литераторами. Свои большие произведения он начал писать, когда работал в качестве менеджера у известного британского актера Генри Ирвинга. Среди них был и роман «Дракула», напечатанный в 1897 г. и ставший позже частью массовой западной культуры. Приквел Стокера «Гость Дракулы» был напечатан в 1914 г, через два года после кончины писателя. Помимо этого произведения данный сборник включает также роман «Вампиры. Из семейной хроники графов Дракула-Карди», который является предысторией графа Дракулы. Он был написан в 1912 г. по заказу издательства В. М. Саблина неизвестным русским автором, взявшим себе псевдоним Барон Олшеври. Существует несколько версий того, кто же является истинным автором этого интригующего произведения.

Иллюстрации к данному изданию выполнены отечественным живописцем А. Р. Эберлинг. Он появился на свет в 1872 г. на территории современной Польши. Когда юноше исполнилось семнадцать лет, он поступил в Петербургскую Академию художеств. Эберлинг был одаренным человеком, он знал несколько языков и много путешествовал по Европе. До 1917 г. Эберлинг преподавал в Рисовальной школе Императорского Общества поощрения художеств, работал над иллюстрациями к книгам, занимался станковой живописью, разрабатывал тему эротики в искусстве. После революции Альфред Рудольфович продолжил свою педагогическую деятельность. Он создал обширную галерею портретов выдающихся советских деятелей. Среди них были руководители страны, деятели науки и искусства. Портрет Ленина на советских денежных знаках 1937 г. выпуска — его работа. На купюрах 1947 и 1957 гг. это изображение использовалось в качестве водяного знака. Эберлинг прожил долгую жизнь. Он скончался в январе 1951 г. в Ленинграде. Его картины и рисунки хранятся в Русском музее, в других музеях и частных собраниях как России, так и за рубежом.

ISBN 978-5-9603-0721-5

